А. А. КАУФМАНЪ.

ВОПРОСЫ

ЭКОНОМИКИ и СТАТИСТИКИ

крестьянскаго хозяйства.

[illegible]

Изданіе Г. А. ЛЕМАНА и С. И. САХАРОВА.
МОСКВА, 1918.

2-[illegible]

3 [illegible]

Пров 38

13634

Печать Торг. Дома Г. А. ЛЕМАНЪ и П. С. ФИЛИППОВЪ.
Москва, Маросейка, 11.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

моему семинарію.

Эта книга—обработанный для печати курсъ, зародившійся изъ потребностей преподаванія въ статистическомъ семинаріи Петроградскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Какъ во всѣхъ, кажется, статистическихъ семинаріяхъ новаго русскаго типа, главный матеріалъ, на которомъ участницы семинарія учатся работать,—это земско-статистическіе сборники; нужно было помочь начинающимъ разобраться въ столь сухихъ, на первый взглядъ, рубрикахъ и цифрахъ таблицъ и осмыслить ихъ столь сухую, на первый взглядъ, работу. Существенною составною частью проводимаго въ семинаріи статистическаго воспитанія стала, съ другой стороны, практика на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ крестьянскаго хозяйства; нужно было дать начинающимъ изслѣдователямъ народной жизни нѣкоторое общее представленіе о тѣхъ явленіяхъ, которыя имъ предстояло наблюдать и въ которыхъ имъ нужно было умѣть разобраться. Той и другой задачѣ и долженъ былъ отвѣчать этотъ курсъ,—нужно было, съ одной стороны, дать общій обзоръ тѣхъ вопросовъ крестьянскаго хозяйства, которые изучаются статистически, и хотя бы до нѣкоторой степени показать, что и какъ даетъ статистика для ихъ уясненія; съ другой — хотѣлось осмыслить тотъ техническій аппаратъ статистическихъ формуляровъ и сборниковъ, помощью котораго изучается и изображается крестьянское хозяйство. Насколько мнѣ удалась первая изъ указанныхъ задачъ—судить не мнѣ. Что касается до второй, то здѣсь мнѣ, несомнѣнно, не удалось достичь того, что нужно было-бы и чего хотѣлось: по идеѣ этой книги нужно было бы органически слить характеристику статистико-техническаго аппарата съ разсмотрѣніемъ вопросовъ крестьянскаго хозяйства по существу. Сдѣлать этого я—повторяю—не съумѣлъ; связь между изложеніемъ существа вопросовъ и обзоромъ формуляровъ и сборниковъ осталась, въ общемъ, довольно механическою. Но я все-таки надѣюсь, что начинающій статистикъ, который прочтетъ ту или другую главу или отдѣлъ этой книги, затѣмъ безъ особыхъ усилій разберется въ постановкѣ

вопросовъ въ тѣхъ формулярахъ и въ разработкѣ ихъ въ тѣхъ сборникахъ, обзоръ которыхъ данъ въ приложеніи къ этой главѣ или къ этому отдѣлу. Я, конечно, далеко не исчерпалъ, притомъ, и не собирался исчерпать, необозримаго обилія формуляровъ и сборниковъ земской статистики,—я рисковалъ бы потонуть въ этомъ морѣ. Я сознательно ограничилъ себя, почти исключительно, подворными переписями и разработкою ихъ, главнымъ образомъ, въ сборникахъ поселенныхъ таблицъ. Да и въ этомъ, сравнительно менѣе широкомъ, кругѣ матеріала я не даю исчерпывающаго обзора, а даю лишь нѣкоторое количество характерныхъ, въ томъ или другомъ отношеніи, примѣровъ. Само собою разумѣется затѣмъ, что я и по существу не исчерпалъ, да и отнюдь не думалъ исчерпать, ни всего объема, ни всего содержанія «вопросовъ крестьянскаго хозяйства». Моя задача была только ввести въ статистическое изученіе этихъ вопросовъ, и я буду счастливъ, если мнѣ удалось справиться съ этою задачей. Начинающій статистикъ, приступающій къ статистической работѣ по тому или другому отдѣльному вопросу, и послѣ прочтенія этой книги долженъ будетъ спеціально познакомиться съ относящеюся собственно къ этому вопросу литературою, на которую онъ у меня найдетъ нѣкоторыя указанія. А начинающій (и даже не начинающій) статистикъ, собирающійся работать на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, долженъ будетъ постараться познакомиться съ мѣстными условіями крестьянскаго хозяйства, насколько это можетъ быть достигнуто путемъ ознакомленія съ имѣющеюся для данной мѣстности литературой.

Очень прошу и спеціалистовъ по вопросамъ крестьянскаго хозяйства и его статистикѣ, и вообще всѣхъ, кто прочтетъ эту книгу и ею заинтересуется, указать мнѣ либо въ печати, либо инымъ способомъ, на ея недостатки и на тѣ стороны, которыя требовали бы большей ясности или болѣе полнаго развитія. Такого рода указанія будутъ для меня чрезвычайно цѣнны если не для подготовки новаго изданія (объ этомъ, во всякомъ случаѣ, преждевременно мечтать), то уже навѣрно—для внесенія соотвѣтственныхъ улучшеній и дополненій въ читаемый съ каѳедры курсъ.

Августъ 1915 г.

P. S. Обстоятельства военнаго времени задержали приступъ къ печатанію книги ровно на годъ. Тѣ-же обстоятельства внесли не мало серьезныхъ измѣненій въ самыя разнообразныя стороны крестьянской жизни и крестьянскаго хозяйства, а потому тѣ картины послѣдняго, которыя даются въ этой книгѣ, конечно, во многомъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности настоящаго момента. Авторъ думаетъ однако, что это обстоятельство не можетъ отразиться сколько-нибудь существенно на цѣнности книги. Какова бы ни была эта цѣнность,—она заключается не столько въ изображаемыхъ явленіяхъ, сколько въ способахъ и пріемахъ ихъ освѣщенія. А съ этой точки зрѣнія появленіе моей книги сейчасъ не будетъ ни полезнѣе, ни безполезнѣе, чѣмъ оно было бы годъ или два года тому назадъ.

Августъ 1916 года.

P. S. № 2. Съ тѣхъ поръ, какъ былъ написанъ предыдущій Post—scriptum, прошло еще полгода, и все тѣ-же обстоятельства военнаго времени, несмотря на лучшія намѣренія издательства, продолжали задерживать приступъ къ печатанію книги. Но за это время случилось событіе, съ которымъ авторъ не могъ не посчитаться, хотя бы до извѣстной степени: вышли въ свѣтъ «предварительные итоги» всероссійской сельско-хозяйственой переписи, произеденной лѣтомъ минувшаго 1916 г. Такой громадной важности стачистическій матеріалъ не могъ остаться неизпользованнымъ. Авторъ вплелъ въ свое изложеніе наиболѣе характерные цыфры переписи, попремуществу порайонные итоги, и сопоставилъ ихъ съ имѣвшимся до того въ его распоряженіи болѣе ранними статистическими данными. Сдѣланныя въ этомъ направленіи добавленія носятъ нѣсколько механическій характеръ,—болѣе органически переработать книгу, совершенно законченную полтора года назадъ, авторъ былъ не въ силахъ.

Февраль 1917 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Вопросы крестьянскаго хозяйства главнымъ своимъ содержаніемъ входятъ въ область экономики, и въ частности—той ея отрасли, которая носитъ названіе экономики земледѣлія. Въ то-же время они соприкасаются, однако, съ разнообразнѣйшими вопросами исторіи, права и культуры. Если остановиться на исторіи — достаточно упомянуть о такихъ, первостепенно-важныхъ, историческихъ фактахъ, какъ послѣдовательность заселенія страны, какъ прикрѣпленіе крестьянъ и два съ половиной вѣка крѣпостного права, какъ освобожденіе крестьянъ, притомъ освобожденіе съ землею. Въ исторіи колонизаціи, въ значительной мѣрѣ, ключъ къ пониманію современнаго размѣщенія населенія, со всѣми его хозяйственными послѣдствіями; о тѣхъ слѣдахъ, которые оставило на народной психикѣ, а чрезъ нее — на экономикѣ, крѣпостное право, говорится въ любомъ учебникѣ политической экономіи; нечего уже и говорить о реформѣ 19 февраля 1861 года—вотъ уже полвѣка прошло, и все съ тою-же отчетливостью отражаются послѣдствія ея и на размѣрахъ землевладѣнія, и на его формахъ. Въ области явленій правовой жизни достаточно упомянуть хотя бы о крестьянскомъ семейномъ правѣ, съ его крѣпкою властью домохозяина и съ его, тѣмъ или другимъ путемъ сложившеюся, семейною собственностью; о земельномъ правѣ, съ его своеобразными формами общиннаго владѣнія, съ одной стороны, и подворно-общесмѣннаго, съ другой; напомнить о такихъ фактахъ правовой исторіи, какъ законъ о семейныхъ раздѣлахъ или какъ новѣйшее земельное законодательство. Нельзя не вспомнить, въ той-же области, о личныхъ правахъ крестьянъ, хотя бы о еще недавней связанности ихъ паспортною системой и круговою порукой; нельзя не вспомнить и о явленіяхъ государственно-правового порядка—о такъ называемомъ «правовомъ положеніи страны», со всѣми его отраженіями во всѣхъ областяхъ общественной и народной жизни. Въ области культурной стала общимъ мѣстомъ наша отсталость въ дѣлѣ народнаго образованія, со всѣми, опять-таки, ея разнообразнѣйшими отраженіями въ разнообразнѣйшихъ областяхъ общественной, народной и государственной

жизни,—и ясно всѣми сознана неотложная необходимость рѣшительныхъ перемѣнъ въ этомъ направленіи. Вопросы крестьянскаго хозяйства тѣсно соприкасаются и съ явленіями церковно-религіозной жизни: если остановиться, сначала, на наиболѣе бросающихся въ глаза рѣзкихъ проявленіяхъ, то достаточно упомянуть о той роли, какую играетъ въ нашей хозяйственной жизни обиліе праздниковъ, съ одной стороны, и постовъ, съ другой. Но дѣло этимъ не ограничивается—вліяніе религіи на народную душу слишкомъ глубоко, и оно отражается, поэтому, на самыхъ разнообразныхъ сторонахъ крестьянской жизни; достаточно напомнить о рѣзко бросающихся въ глаза особенностяхъ хозяйственнаго облика сектантовъ раціоналистическаго типа, о хотя и менѣе рѣзкихъ, но все же весьма отчетливо проявляющихся различіяхъ въ жизни и характерѣ хозяйства православнаго и старообрядческаго населенія.

Я могъ — естественно — дать лишь нѣкоторый намекъ на тѣ разнообразнѣйшіе вопросы исторіи, права и культуры, съ которыми соприкасаются вопросы крестьянскаго хозяйства. Но развѣ дѣло ограничивается одними вопросами исторіи, права и культуры? и развѣ не поступилъ ли бы я правильнѣе, если бы на первомъ мѣстѣ упомянулъ вовсе не обо всѣхъ этихъ разнообразнѣйшихъ вопросахъ, а о русской природѣ, съ ея безконечными переходами отъ черноземныхъ степей къ дремучей, горной или болотной тайгѣ, отъ жаровъ и засухъ юга къ полярному или почти полярному климату сѣвера, съ десяти и даже двѣнадцатимѣсячнымъ сельско-хозяйственнымъ годомъ на крайнемъ юго-востокѣ и едва пятимѣсячнымъ въ сѣверномъ полѣсьѣ?..

Очевидно, я не могу имѣть и мысли въ какой-либо мѣрѣ охватить всю совокупность областей, съ которыми соприкасаются вопросы крестьянскаго хозяйства. Все, что я могу сдѣлать — это дать обзоръ лишь нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ, поскольку они уже сдѣлались объектомъ статистическаго изученія, или же поскольку разобраться въ нихъ необходимо для пониманія, а тѣмъ болѣе—для сознательнаго участія въ созиданіи статистики крестьянскаго хозяйства.

Теперь, нѣсколько словъ въ поясненіе той системы, которой я намѣренъ держаться въ моемъ изложеніи. Система эта будетъ совершенно не та, какой я сталъ бы держаться, если бы хотѣлъ дать, просто, законченную картину русскаго крестьянскаго хозяйства. Мнѣ пришлось бы тогда начать, можетъ быть, съ его естественно-историческихъ и уже во всякомъ случаѣ—съ его историческихъ корней; даже не заходя слишкомъ далеко въ глубь исторіи, для меня было бы неизбѣжно начать съ реформы 19 февраля 1861 года. Крестьяне, въ томъ числѣ помѣщичьи, были освобождены съ землей. Но подъ давленіемъ помѣстнаго дворянства ихъ надѣлы были значительно урѣзаны противъ первоначально принимавшихся за минимальные размѣровъ; за пользованіе надѣломъ крестьяне были обложены непомѣрно тяжелыми платежами, и притомъ тѣмъ болѣе тяжелыми, чѣмъ скуднѣе они были надѣлены землею. Крестьянство, въ

моментъ освобожденія, стояло на чрезвычайно низкомъ культурномъ уровнѣ, надъ которымъ не слишкомъ поднялось, въ массѣ, и по настоящее время. Оно было застигнуто реформою 19 февраля — гдѣ самый въ моментъ или наканунѣ момента перехода отъ первобытнаго экстенсивнаго къ болѣе или менѣе интенсивному земледѣлію, отъ первобытнаго натуральнаго къ денежному хозяйству. Переходъ этотъ могъ бы быть облегченъ энергичною культурно-попечительною работою правительства и общественныхъ силъ, разумною финансовою системой,—но общественныя силы были безсильны и бездѣйственны, правительство игнорировало насущнѣйшія культурныя и экономическія нужды крестьянства, финансовая система нашла себѣ достойное увѣнчаніе въ винной монополіи. Въ конечномъ результатѣ получилось, въ общемъ, болѣе нежели неудовлетворительное, а если, въ нѣкоторыхъ районахъ, и сносное для даннаго момента, то во всякомъ случаѣ крайне неустойчивое положеніе крестьянскихъ массъ.

Въ предыдущихъ строкахъ я могъ дать лишь нѣкоторый намекъ на ту сложную совокупность причинъ, которою было создано это положеніе. Не менѣе сложною должна была бы быть и система мѣръ, направленныхъ къ его улучшенію. Но какъ больной, страдающій острымъ разстройствомъ всего организма, сплошь и рядомъ ощущаетъ какую-нибудь одну причину, даже только одинъ симптомъ этого разстройства, не всегда даже и самый важный, такъ среди разнообразныхъ причинъ, изъ которыхъ проистекало, и симптомовъ, въ которыхъ проявлялось разстройство крестьянскаго хозяйства, острѣе всего ощущалась одна причина: малоземелье. А отсюда непосредственно вытекало исключительное вниманіе и самого крестьянства, и общества, и правительства къ одной категоріи мѣръ: къ мѣрамъ, направленнымъ на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія. Все это, конечно, опредѣленные и сложные «вопросы крестьянскаго хозяйства»: каково, въ какой мѣрѣ неудовлетворительно, было положеніе крестьянскаго хозяйства? въ какой мѣрѣ использовалась или оставалась неиспользованною рабочая сила крестьянства? въ какой мѣрѣ удовлетворялись или оставались неудовлетворенными его насущныя потребности? какова, во всемъ этомъ, была, и дѣйствительно ли была рѣшающей, роль количественной недостаточности крестьянскаго землевладѣнія? каковы были и чего достигли принимавшіяся до сихъ поръ мѣры къ расширенію крестьянскаго землевладѣлія, и каковы онѣ могли бы быть, чтобы дать серьезный толчекъ повышенію крестьянскаго благосостоянія?

Разсуждая, пока, совершенно отвлеченно, на вопросъ о роли недостаточности крестьянскаго землевладѣнія былъ мыслимъ и такой, и иной отвѣтъ. Мыслимо было признать корень зла не въ томъ, что у крестьянъ, въ массѣ, было мало земли, а въ томъ, что они мало изъ нея извлекали. Мыслимъ былъ, слѣдовательно, и другой выходъ изъ

сложившагося, во всякомъ случаѣ нестерпимаго, положенія: добиться того, чтобы съ данной площади земли крестьянинъ получалъ *большее количество продукта и большій доходъ*,—чтобы получалось два зерна тамъ, гдѣ крестьянинъ въ состояніи получать одно. Въ число вопросовъ крестьянскаго хозяйства — вопросовъ, которые обычно трактуются какъ имѣющіе, по преимуществу, *экономическій* характеръ, клиномъ врѣзывается, такимъ образомъ, *чисто-агрономическій* вопросъ: что такое представляла и представляетъ собою *техника* крестьянскаго хозяйства? преобладаютъ ли въ ней элементы прогресса или, наоборотъ, застоя? И забѣгая значительно впередъ, приходится сейчасъ же сказать, что до самыхъ послѣднихъ лѣтъ въ области нашей земледѣльческой культуры приходилось считаться съ самымъ несомнѣннымъ застоемъ, который именно, лишь въ самые послѣдніе годы смѣняется или, лучше сказать, собирается смѣниться болѣе или менѣе ощутительнымъ прогрессомъ.

Но вопросъ *о земледѣльческой культурѣ* тѣсно—даже, по моему личному убѣжденію, слишкомъ тѣсно—связываютъ въ общественномъ сознаніи съ вопросомъ объ *общей культурности* населенія, вопросъ о прогрессѣ первой—съ вопросомъ о поднятіи второй. Такимъ образомъ, въ рамкахъ систематическаго разсмотрѣнія «вопросовъ крестьянскаго хозяйства» неизбѣжно было бы съ извѣстною степенью подробности разсмотрѣть и вопросъ объ интеллектуальной и духовной культурѣ населенія и о мѣрахъ къ ея подъему.

Вопросъ о земледѣльческой культурѣ тѣсно связывается, съ другой стороны, съ вопросомъ о земельно-правовыхъ условіяхъ жизни нашего крестьянства. Ихъ роль, по моему убѣжденію, всегда переоцѣнивалась, и эта, на мой взглядъ, весьма преувеличенная оцѣнка особенно рѣзко проявилась какъ разъ въ самое послѣднее время, въ проводившейся, главнымъ образомъ, покойнымъ П. А. Столыпинымъ аграрной политикѣ пореволюціоннаго періода. Корень зла усматривался частью въ тѣхъ «неудобствахъ землепользованія», которыя одинаково присущи какъ общинному, такъ и подворно-общесмѣнному землевладѣнію, но еще болѣе—въ самомъ принципѣ общиннаго владѣнія, въ его противуположеніи единоличной крестьянской земельной собственности. И въ соотвѣтствіи съ этимъ земельная политика правительства П. А. Столыпина, съ его смертью не измѣнившая своего направленія, но нѣсколько ослабившая свою напряженность и насильственность, была не только направлена къ уничтоженію «неудобствъ крестьянскаго землепользованія»—она преслѣдовала уничтоженіе общины и насажденіе единоличной крестьянской земельной собственности, въ значительной мѣрѣ, какъ самодовлѣющую цѣль.

Эта самодовлѣющая цѣль подсказывалась одновременно какъ *чисто хозяйственными* мотивами,—можно сказать, опредѣленною хозяйственною концепціей, такъ и отчетливо формулировавшимися

мотивами общегосударственной политики, въ разсмотрѣніе которыхъ здѣсь, конечно, не мѣсто входить. Мотивы того и другого порядка кульминировали въ формулѣ «ставка на сильныхъ»,—концепціи, въ своихъ практическихъ выводахъ въ значительной мѣрѣ совпадавшей съ концепціей одного изъ нашихъ наиболѣе радикальныхъ направленій, марксистскаго или соціалъ-демократическаго, усматривающаго основной факторъ экономическаго и соціальнаго прогресса въ капиталистической дифференціаціи. Отсюда — естественный переходъ къ вопросу о той соціальной эволюціи, которая происходитъ въ нѣдрахъ русской деревни. Дифференціація или нивеллировка?—такъ, вотъ уже два десятилѣтія, поставился этотъ вопросъ въ нашей литературѣ и въ широкихъ кругахъ русскаго общества: дифференціація ли наблюдается, фактически, въ нашей деревнѣ, или нивеллировка, — дифференціація или нивеллировка отвѣчаетъ или отвѣчала бы общему интересу?...

Такова, или приблизительно такова, была бы общая конструкція курса или монографіи, авторъ которой задался бы цѣлью въ систематическомъ видѣ обозрѣть итоги изученія крестьянскаго хозяйства. Моя цѣль—не въ подведеніи итоговъ, а въ освѣщеніи тѣхъ путей, которыми идетъ это изученіе, въ выясненіи роли въ немъ статистики, въ частности — земской статистики крестьянскаго хозяйства. Моя задача—помочь тѣмъ, кто захочетъ разбираться въ уже готовыхъ и, если можно такъ выразиться, полуготовыхъ результатахъ изученія крестьянскаго хозяйства,—результатахъ, облеченныхъ, въ главной своей части, въ форму статистическаго матеріала; и еще въ большей мѣрѣ—тѣмъ, конечно, главнымъ образомъ, начинающимъ статистикамъ, которые приступаютъ къ практической работѣ въ области статистики крестьянскаго хозяйства, и въ особенности—тѣмъ «студентамъ статистики», которымъ—какъ фактически имѣетъ мѣсто вездѣ, гдѣ началъ входить въ жизнь семинарскій типъ статистическаго преподаванія,—приходится учиться на данныхъ статистики крестьянскаго хозяйства. Потому что и сдѣлаться сознательнымъ работникомъ на широкомъ поприщѣ непосредственнаго статистическаго наблюденія народной жизни и сознательно работать надъ уже собраннымъ и сведеннымъ матеріаломъ, въ состояніи лишь тотъ, кто имѣетъ хоть нѣкоторое конкретное, жизненное представленіе о существенномъ содержаніи статистически наблюдаемыхъ или статистически изученныхъ явленій.

Разъ ставится такая задача,—то изъ этого вытекаетъ и совершенно иная система изложенія: по объектамъ, приблизительно въ томъ порядкѣ, какъ они изучаются и изображаются въ статистикѣ русскаго крестьянскаго хозяйства. Эти объекты — если не идти, пока, дальше основныхъ рубрикъ, суть: населеніе—землевладѣніе — землепользованіе—сельско-хозяйственный инвентарь, включая въ это понятіе скотъ—земледѣліе—наемный трудъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ—промыслы въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова—наконецъ, результаты крестьянскаго хо-

зяйства, поскольку таковые воплощаются въ крестьянскомъ бюджетѣ и потребленіи.

А съ другой стороны, разъ ставится такая задача,—авторъ не только, этимъ самымъ, беретъ на себя обязанность быть мыслимо безпристрастнымъ въ подборѣ и передачѣ фактовъ и мыслимо сдержаннымъ въ выводахъ и обобщеніяхъ,—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ освобождается отъ непремѣнной обязанности формулировать свое личное отношеніе къ тому или другому изъ трактуемыхъ имъ вопросовъ: его задача—не направлять и тѣмъ болѣе — не толкать читателя въ какомъ-либо опредѣленномъ направленіи, а исключительно—помочь ему ориентироваться въ извѣстной сложной совокупности явленій народной жизни, ориентироваться, въ тоже время, въ техническихъ средствахъ ихъ изученія и изображенія: въ статистическихъ формулярахъ и таблицахъ.

II.

Теперь, нѣсколько словъ *) о типахъ тѣхъ формуляровъ, которые являются непосредственнымъ наблюдающимъ аппаратомъ, орудіемъ подворнаго изученія крестьянскаго хозяйства, тѣхъ таблицъ, въ которыхъ воплощаются его результаты. Мнѣ, можетъ быть, нѣтъ особой необходимости напоминать читателю, что типы тѣхъ и другихъ выработаны, почти всецѣло, земскими статистиками, а затѣмъ получили примѣненіе и въ рядѣ болѣе или менѣе значительныхъ статистическихъ предпріятій, организованныхъ по почину правительства, главнымъ образомъ на окраинахъ, но въ большей части проведенныхъ земскими же статистиками или вообще людьми, такъ или иначе прошедшими земско-статистическую школу.

Какъ, конечно, извѣстно каждому, кто приступаетъ къ чтенію этой книги, наиболѣе раннимъ типомъ статистическихъ формуляровъ были «списки» или «вѣдомости». Этотъ типъ былъ первымъ по времени и въ земской статистической практикѣ. Первыя земскія подворныя переписи производились по особымъ вѣдомостямъ, куда заносились, одинъ за другимъ, всѣ дворы села и деревни. Характеризующіе каждый дворъ, признаки весьма немногочисленные, записывались, особою строкой, въ вертикальныхъ графахъ или столбцахъ вѣдомости. Типъ вѣдомостей давно и окончательно вышелъ изъ употребленія, и поэтому останавливаться на

---

*) Подробнѣе о формулярахъ и типахъ таблицъ см. мою к игу «Теорія и методы статистики», 3-е изд. (1916), главн. обр. главы 3 и 5 второй части, и, къ сожалѣнію устарѣвшую, сводку С. Н. Велецкаго «Земская статистика» (1899), т. I и въ особенности 2-ой. О пріемахъ изслѣдованія см., гл. образомъ, въ той-же моей книгѣ (гл. 1 и 2 второй части) и въ книгѣ Н. А. Каблукова: «Пособіе къ ознакомленію съ условіями... при земско-стат. изслѣдованіяхъ» (1912); см. также введенія, къ своднымъ земскимъ статистическимъ сборникамъ по ряду губерній, особенно Воронежской (Ф. А. Щербины) и Саратовской (С. А. Харизоменова).

немъ здѣсь нѣтъ никакой необходимости,—не имѣетъ смысла даже иллюстрировать его какими либо образцами.

Со второй половины 80-хъ годовъ земскія подворныя переписи производятся исключительно по карточной системѣ, иначе сказать — по системѣ индивидуальныхъ формуляровъ, существенный смыслъ которой заключается въ томъ, что каждая единица или каждый случай статистически изучаемаго явленія регистрируется на отдѣльномъ формулярѣ, обычно называемой «карточкой». Въ статистикѣ крестьянскаго хозяйства основною единицей изученія является дворъ или домохозяйство, и только нѣкоторая, небольшая по объему, часть свѣдѣній регистрируется для каждаго лица. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, основнымъ регистраціоннымъ формуляромъ является «подворная карточка», существенный смыслъ которой ясенъ изъ самаго названія. Типъ «подворной карточки», однако, не остается неизмѣннымъ. Съ самаго, можно сказать, перваго момента ея появленія онъ не перестаетъ развиваться въ разныхъ направленіяхъ (оцѣночномъ, бюджетномъ, агрономическомъ и пр.) въ смыслѣ содержанія и совершенствоваться въ смыслѣ построенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и техники заполненія. Содержанія подворныхъ формуляровъ мнѣ придется касаться во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Въ смыслѣ построенія первою по времени разновидностью типа подворной карточки была та (иллюстрируемая образцомъ № 1), гдѣ рубрики и графы размѣщались, просто, въ порядкѣ логической послѣдовательности отдѣльныхъ вопросовъ и группъ вопросовъ. Эта разновидность очень скоро уступила мѣсто другой, впервые примѣненной въ Воронежской губерніи, главною характерною чертою которой являются размѣщенныя въ одинъ рядъ, по всѣмъ или по нѣкоторымъ краямъ карточки, выносныя клѣтки или графы, которыя, при накладываніи заполненныхъ карточекъ одна на другую, образуютъ сплошные столбцы подлежащихъ подъитоживанію цифръ и, такимъ образомъ въ мыслимой степени облегчаютъ подсчетъ итоговъ. Первоначально стремились къ тому, чтобы въ этихъ же выносныхъ клѣткахъ дѣлать и возможно большую часть непосредственныхъ записей, хотя бы соотвѣтственныя цифры получались не прямо изъ опроса, а требовали, предварительно, мысленнаго подсчета и даже нѣкоторой классификаціи даваемыхъ опрашиваемыми конкретныхъ показаній. Съ теченіемъ времени изъ этой разновидности подворной карточки постепенно выработалась новая, технически гораздо болѣе совершенная. Выносныя графы заполняются непосредственно лишь такими данными, которыя въ готовомъ видѣ получаются непосредственно изъ опроса; иначе сказать — данными по такимъ вопросамъ, гдѣ отвѣтъ дается или, во всякомъ случаѣ, можетъ быть данъ, безъ какихъ либо затрудненій для отвѣчающаго, въ видѣ одной цифры; таковы, напримѣръ, вопросы, относящіеся къ разнымъ видамъ скота, къ разнымъ видамъ сельско-хозяйственныхъ орудій и т. п.—каждый отвѣчающій сразу можетъ сказать, имѣетъ ли онъ одну или трехъ лошадей, восемь или пятнадцать овецъ,

есть ли у него пахотное орудіе, и одно ли, или два. Но для большой части рубрикъ выносныя графы становятся именно только выносными: для первоначальныхъ записей по этимъ рубрикамъ предназначается внутренняя часть карточки, и самое построеніе графъ приспособляется либо для вполнѣ индивидуализированной записи — каждаго члена двора со всѣми его демографическими признаками, грамотностью, промыслами, для каждаго случая аренды, каждаго участка купчей земли; или, по крайней мѣрѣ, для каждой, имѣющей самостоятельное значеніе, разновидности признака—наемъ на каждый отдѣльный видъ сельско-хозяйственныхъ работъ, посѣвы отдѣльно на своей надѣльной, своей купчей, арендованной надѣльной, арендованной внѣнадѣльной землѣ. Въ выносныя графы, въ самомъ дѣлѣ, «выносятся» уже только расклассифицированныя и подъитоженныя показанія, — расклассифицированныя согласно точно установленной въ заголовкахъ выносныхъ графъ схемѣ. Благодаря такой двойственной системѣ получается полная свобода и возможность максимальной индивидуализаціи записей, въ соотвѣтствіе съ конкретными показаніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ — съ мыслимою экономіею времени и труда получаются расклассифицированныя и подъитоженныя, готовыя къ дальнѣйшему подсчету, цифры. Нѣкоторое конкретное представленіе объ имѣющемъ мѣсто техническомъ усовершенствованіи карточки съ выносными графами, а вмѣстѣ съ тѣмъ о расширеніи ея объема, читатель можетъ вынести изъ сопоставленія образцовъ, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ №№ 2 и 3.

Новѣйшее, пока, впрочемъ, еще мало распространенное, усовершенствованіе типа подворной карточки представляетъ карточка съ особыми участками или купонами для характеристики входящихъ въ составъ двора отдѣльныхъ лицъ, обычно промышленниковъ; каждый такой заполненный купонъ даетъ полную характеристику лица, съ его демографическими и культурными признаками и съ его промысловою дѣятельностью, а сдѣланныя на немъ, при размѣткѣ, условныя обозначенія позволяютъ установить, къ какому типу дворовъ, по землевладѣнію, земледѣлію и т. п., принадлежитъ лицо, а слѣдовательно позволяютъ вести разработку данныхъ о лицахъ съ связи съ признаками, характеризующими тѣ дворы, къ которымъ они принадлежатъ.

Сказаннаго достаточно для формальной характеристики одного изъ двухъ основныхъ формуляровъ, примѣняемыхъ при земскихъ и вообще организованныхъ по земскому образцу изслѣдованіяхъ крестьянскаго хозяйства. На другомъ основномъ формулярѣ — поселенномъ или пообщинномъ бланкѣ, а тѣмъ болѣе на выдѣлявшихся изъ него съ теченіемъ времени многочисленныхъ добавочныхъ формулярахъ, мнѣ нѣтъ здѣсь ни надобности, ни возможности сколько-нибудь подробно останавливаться: нѣтъ возможности—въ виду крайняго разнообразія ихъ, какъ по объему и содержанію, такъ и по формѣ, на спеціальныхъ же формулярахъ—уже въ силу самаго ихъ спеціальнаго характера и разнообразія

ихъ состава; нѣтъ надобности — потому что въ дальнѣйшемъ мнѣ придется имѣть дѣло съ формулировкой вопросовъ крестьянскаго хозяйства, главнымъ образомъ въ подворныхъ формулярахъ. Съ другими видами формуляровъ и въ частности—съ пообщинными бланками мнѣ придется имѣть дѣло лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, а потому и самое построеніе ихъ представитъ для читателя гораздо меньше интереса. Достаточно отмѣтить, что первоначальнымъ типомъ пообщинныхъ бланковъ была тетрадь съ напечатанными съ боку заголовками, передававшими содержаніе отдѣльныхъ вопросовъ и группъ вопросовъ; остальная, бо́льшая часть страницы, въ видѣ правила, оставалась бѣлой, и такимъ образомъ заполняющій бланкъ могъ заносить отвѣты на вопросы въ любой формѣ и—не выходя, конечно, изъ предѣловъ рубрики—въ любомъ объемѣ и съ любой степенью детальности освѣщенія тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ сторонъ вопроса. Лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, для вопросовъ, по которымъ требовались опредѣленныя цифровыя данныя (заработная плата, цѣны продуктовъ, арендныя цѣны и пр.), въ формуляръ включались для этого особыя таблички. Этотъ типъ пообщиннаго бланка, оставляющій значительный просторъ свободѣ и, такъ сказать, изслѣдовательскому творчеству опрашивающаго, а потому, съ точки зрѣнія автора этой книги, далеко предпочтительный, встрѣчается и въ настоящее время. Наряду съ нимъ, однако, значительнымъ распространеніемъ пользуется нынѣ и другой типъ, гдѣ болѣе или менѣе все содержаніе формуляра уложено въ множество мелкихъ вопросовъ, отвѣты на которые должны либо вписываться въ опредѣленныя графы и клѣтки, либо даваться путемъ подчеркиванія одной изъ напечатанныхъ въ формулярѣ разновидностей ожидаемаго отвѣта. Авторъ настоящей книги питаетъ къ этому типу мало сочувствія, какъ, наоборотъ, сильно стѣсняющему самодѣятельность статистика и, такъ сказать, бюрократизирующему его работу. Онъ допускаетъ, однако, что такое стѣсненіе и такая бюрократизація до извѣстной степени оправдываются массовымъ характеромъ современныхъ изслѣдованій и вытекающимъ отсюда, нерѣдко, болѣе или менѣе случайнымъ составомъ регистрирующаго персонала,— условіями, при наличности которыхъ, можетъ быть, и нельзя обойтись безъ того, чтобы не поставить работу этого послѣдняго въ точно опредѣленныя внѣшнія рамки.

Что касается, затѣмъ, до типовъ тѣхъ таблицъ, въ которыя укладываются непосредственные результаты мѣстныхъ, главнымъ образомъ подворныхъ, изслѣдованій русскаго крестьянскаго хозяйства, то авторъ этой книги имѣетъ право предполагать извѣстнымъ читателю, что именно въ земской статистикѣ крестьянскаго хозяйства выработались тѣ три основныхъ типа таблицъ, о которыхъ говорится болѣе или менѣе во всѣхъ русскихъ руководствахъ по теоріи и методикѣ статистики: простыя или перечневыя таблицы, групповыя и комбинаціонныя. Простыя таблицы обычно опредѣляются какъ такія, гдѣ матеріалъ разгруппировань по какому-нибудь одному признаку, обычно по

признаку мѣста или времени,—и, поскольку рѣчь идетъ о земской статистикѣ, это обычное опредѣленіе можетъ быть принято безъ особыхъ оговорокъ. Разновидность простыхъ таблицъ, съ которою приходится имѣть дѣло въ земской статистикѣ,—это, главнымъ образомъ, поселенныя или пообщинныя таблицы (о б р а т н а г о сказать нельзя: поселенныя таблицы земской статистики, какъ мы увидимъ сейчасъ же дальше, далеко не всегда являются, въ то же время, «простыми»),—терминъ, который для читателя этой книги едва ли можетъ требовать особыхъ поясненій; стоитъ развѣ только отмѣтить, что обычно таблицы являются именно пообщинными, рѣже поселенными — т. е., что собранныя при переписи данныя чаще сводятся по группамъ, объединеннымъ общностью землевладѣнія, рѣже—по чисто селидебнымъ единицамъ. Затѣмъ, итоги по волостямъ печатаются иногда, для каждой волости, непосредственно вслѣдъ за данными по входящимъ въ составъ ея селеніямъ или общинамъ, иногда же выдѣляются въ особую поволостную таблицу, которая, въ такомъ случаѣ, обыкновенно бываетъ разработана детальнѣе, въ нѣкоторыхъ сборникахъ и значительно детальнѣе, чѣмъ поселенная таблица; въ частности, поволостная таблица нерѣдко даетъ такіе групповые подсчеты (см. ниже), какихъ въ поселенныхъ таблицахъ нѣтъ, иногда даетъ и относительныя величины по болѣе или менѣе значительному числу болѣе существенныхъ признаковъ; въ поселенныхъ таблицахъ производныя величины встрѣчаются рѣдко, и едва ли будетъ ошибкою сказать, что въ старыхъ сборникахъ онѣ встрѣчались чаще, въ современныхъ же поселенныхъ таблицахъ встрѣчаются въ видѣ рѣдкаго исключенія.

Групповыми таблицами, какъ, опять-таки, извѣстно, называются такія, гдѣ разбитый на группы по признаку мѣста либо времени матеріалъ (или вовсе неразбитый матеріалъ, напримѣръ, по цѣлому уѣзду) затѣмъ распредѣляется на дальнѣйшія группы по какому-нибудь такому, количественному либо качественному, признаку, который на основаніи уже имѣющихся данныхъ признается или въ силу апріорныхъ соображеній предполагается имѣющимъ рѣшающее вліяніе на складъ и характеръ даннаго массоваго явленія. Въ области статистики крестьянскаго хозяйства за такой групповой признакъ принимается, смотря по мѣстнымъ условіямъ и по направленію интересовъ изслѣдователя: землевладѣніе, иногда одно надѣльное, иногда—все, независимо отъ юридическаго характера; посѣвная площадь; обезпеченность мужскою рабочею силой; затѣмъ—этнографическій составъ населенія, сословная категорія (бывшіе помѣщичьи, государственные и пр.); спеціально въ переселенческой статистикѣ—время водворенія переселенцевъ, и т. п.*). Такъ какъ групповыя таблицы преслѣдуютъ, болѣе или менѣе исключительно, цѣли

*) Къ переходному отъ простого къ групповому типу можно отнести такія поселенныя таблицы, гдѣ данныя приводятся, отдѣльными строками, для надѣльнаго и безнадѣльнаго населенія (Ярославская и Вологодская губ.), для массы населенія и для «привилегированныхъ» (3-я подв. перепись Полт. губ.) и др.

научно-статистическаго анализа, имѣщаго смыслъ лишь при болѣе или менѣе значительныхъ числахъ, то, въ частности, въ области статистики крестьянскаго хозяйства групповыя таблицы даются, въ видѣ правила, лишь для цѣлыхъ волостей, иногда для районовъ, по нѣскольку волостей въ каждой, иногда—даже въ однихъ только итогахъ по цѣлому уѣзду (3-я подворная перепись Полтавской губ.). Лишь въ видѣ исключенія—поскольку рѣчь идетъ объ общей статистикѣ крестьянскаго хозяйства—такія таблицы даются по отдѣльнымъ деревнямъ или общинамъ,—такимъ образомъ разработанъ (по пяти земельнымъ группамъ), напримѣръ, весь матеріалъ по Воронежской губерніи. Общее правило поселенно-групповыя таблицы (по времени водворенія) составляютъ только въ спеціальной переселенческой статистикѣ, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, приводить даже и поселенныя цифры въ нерасчлененномъ по указанному признаку видѣ имѣло бы весьма мало смысла.

Комбинаціонныя таблицы, впервыя примѣненныя и теоретически мотивированныя черниговскимъ статистикомъ А. П. Шликевичемъ, представляютъ дальнѣйшее развитіе идеи групповыхъ; образованныя по одному, принимаемому за основной, факторіальному признаку группы разбиваются затѣмъ на первыя подгруппы по другому, затѣмъ на дальнѣйшія по третьему, иногда еще на подгруппы по четвертому факторіальному признаку, — въ результатѣ получается возможность выбирать и сравнивать между собою группы дворовъ, различающихся лишь по одному изъ принятыхъ въ расчетъ по построеніи таблицы факторіальныхъ признаковъ и однородныхъ по остальнымъ, слѣдовательно — изучать вліяніе любого изъ положенныхъ въ основу построенія данной таблицы признаковъ при приблизительномъ тождествѣ остальныхъ принятыхъ въ расчетъ и, само собою разумѣется, при предполагаемомъ, въ большомъ числѣ, взаимномъ уравновѣшеніи всѣхъ прочихъ, конечно гораздо болѣе многочисленныхъ, нерѣдко вовсе не поддающихся учету условій или факторовъ, въ той или другой мѣрѣ вліяющихъ на изучаемое явленіе. Въ практикѣ земской статистики крестьянскаго хозяйства комбинаціонныя таблицы строятся, чаще всего, по тремъ, рѣже по двумъ или по четыремъ признакамъ. Въ выборѣ и комбинаціи послѣднихъ наблюдается чрезвычайное разнообразіе, въ зависимости, отчасти, отъ мѣстныхъ условій, выдвигающихъ на первый планъ иногда одни, иногда другіе изъ вліяющихъ на крестьянское хозяйство факторовъ, отчасти отъ направленія и личныхъ взглядовъ лицъ, руководящихъ разработкой матеріала,—отъ ихъ оцѣнки значенія того или другого фактора. Въ той или другой комбинаціи, въ основу построенія комбинаціонныхъ таблицъ полагаются всѣ тѣ признаки, которые я перечислилъ, говоря о групповыхъ таблицахъ, причемъ едва ли будетъ ошибкою сказать, что за основной факторіальный признакъ, какъ правило, берется либо землевладѣніе, либо посѣвная площадь,—а затѣмъ, весьма обычно, къ нимъ присоединяется еще признакъ, о которомъ раньше не упоминалось:

участіе въ промысловой дѣятельности, или, какъ иногда выражаются, промысловость. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ самого принципа комбинаціонной таблицы является раздробленіе матеріала. Слишкомъ далеко идущее раздробленіе дало бы уже не «большія числа», а мелкія группы, изученіе которыхъ не имѣло бы статистическаго значенія. Дробленіе, очевидно, зайдетъ тѣмъ дальше и группы будутъ тѣмъ мельче, а слѣдовательно матеріалъ рискуетъ стать тѣмъ менѣе пригоднымъ для статистическаго использованія, чѣмъ больше, съ одной стороны, число факторіальныхъ признаковъ, положенныхъ въ основу группировки, и чѣмъ меньше, съ другой, общій объемъ разбиваемой на комбинированныя подгруппы массы. Вотъ почему, съ одной стороны, при построеніи комбинаціонныхъ таблицъ почти никогда не идутъ дальше комбинаціи четырехъ и лишь сравнительно рѣдко доходятъ даже и до четырехъ признаковъ; вотъ почему, съ другой, комбинаціонныя таблицы никогда не строятся иначе, какъ для болѣе или менѣе обширныхъ территоріальныхъ дѣленій,—въ земской статистикѣ, въ видѣ едва ли знающаго исключенія правила, для цѣлыхъ уѣздовъ.

Независимо отъ типа таблицъ, для характеристики послѣднихъ важенъ и способъ разработки признаковъ, характеризующихъ данную массу въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ ея частяхъ. Здѣсь—я лишь напомню читателю предполагаемое извѣстнымъ изъ того или иного общаго руководства статистической методики—приходится имѣть въ виду, прежде всего, различіе между простою и комбинированною разработкой признаковъ, затѣмъ—между итоговою и групповою. Групповой, и только групповой разработкѣ подвергаются, прежде всего, признаки качественнаго характера, вродѣ наличности и характера промысловъ, обработки своимъ или чужимъ инвентаремъ, участія въ арендѣ того или другого типа и т. п.; вся масса дворовъ деревни, волости, уѣзда, простой или комбинированной группы, разбивается на группы по наличности того или другого признака и по его разновидностямъ, и подсчитывается число дворовъ, обладающихъ даннымъ признакомъ и каждою изъ его разновидностей, напр. участвующихъ въ арендѣ того или другого типа, нанимающихъ на тотъ или другой видъ сельско-хозяйственныхъ работъ, обрабатывающихъ своимъ инвентаремъ, наймомъ или смѣшаннымъ способомъ и т. п. Признаки количественные—а таковыми, какъ необходимо въ этомъ ясно отдать себѣ отчетъ, по отношенію къ двору является и число входящихъ въ составъ его лицъ, обладающихъ опредѣленнымъ признакомъ, и число головъ скота, и число земледѣльческихъ орудій и т. д.—подвергаются, прежде всего, итоговому подсчету, иначе сказать, простому суммированію: сосчитывается число душъ, входящихъ въ составъ деревни, волости и т. д., въ общей суммѣ и съ подраздѣленіемъ по полу, каждаго пола—по опредѣленнымъ возрастнымъ группамъ; количество десятинъ всей надѣльной земли, и въ томъ числѣ—всѣхъ существенно важныхъ видовъ угодій; число головъ

каждой изъ существенно важныхъ разновидностей скота; число десятинъ всей посѣвной площади, въ томъ числѣ отдѣльно—по болѣе или менѣе значительному числу наиболѣе важныхъ, въ данной мѣстности и въ данное время, видовъ сельско-хозяйственныхъ растеній, и т. п. Наряду съ этимъ важнѣйшіе изъ количественныхъ признаковъ, наиболѣе характерные для физіономіи крестьянскаго двора, подвергаются еще и групповому подсчету, чтобы выяснить расчлененіе дворовъ, по данному признаку, на характерныя группы или типы и такимъ путемъ выяснить то, что можно назвать экономическою и соціальною структурою деревни: рядомъ съ количествомъ населенія, въ томъ или другомъ расчлененіи, дается группировка дворовъ по числу работниковъ мужескаго, рѣже—и женскаго пола; рядомъ съ подсчетомъ всѣхъ видовъ скота—группировка дворовъ по числу головъ рабочаго скота, иногда по коровамъ; рядомъ съ количествомъ земли и распредѣленіемъ ея по угодьямъ—группировка дворовъ по размѣрамъ землевладѣнія, и т. п. Что касается до различія между простою и комбинированною разработкой, то подъ понятіе простой подходятъ всѣ тѣ случаи, когда данный признакъ разработанъ совершенно независимо отъ другихъ—полъ независимо отъ возраста, грамотность независимо отъ возраста и пола, промыслы независимо отъ всѣхъ трехъ перечисленныхъ признаковъ и т. д.; подъ комбинированною—тотъ, когда признаки такъ или иначе комбинируются другъ съ другомъ, и слѣдовательно каждая цифра изображаетъ число единицъ или случаевъ, характеризуемыхъ, одновременно, опредѣленною совокупностью признаковъ: мужчинъ либо женщинъ такого то возраста (2 призн.), грамотныхъ взрослыхъ мужчинъ (3 призн.), десятинъ пшеницы на арендованной землѣ (2 призн.), десятинъ внѣнадѣльной пашни, арендованной за натуральную плату (4 призн.), промышленниковъ—взрослыхъ, грамотныхъ мужчинъ, занятыхъ мѣстнымъ неземледѣльческимъ промысломъ и отрывающихся отъ такихъ-то сельско-хозяйственныхъ работъ (6 призн.) и т. п. Идеалъ, съ познавательной точки зрѣнія,—мыслимыя комбинаціи возможно большаго числа признаковъ. Но приближеніе къ этому идеалу связано съ прогрессивно-растущимъ увеличеніемъ объема таблицъ, распыленіемъ матеріала и затрудненіемъ пользованія ими, а потому, практически, приходится комбинировать относительно немногіе признаки. Какіе и съ какими—этотъ вопросъ, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, рѣшается въ практикѣ весьма различно.

Изъ дальнѣйшаго сама собою выяснится или точнѣе—на каждомъ изъ подлежащихъ разсмотрѣнію частныхъ вопросовъ крестьянскаго хозяйства подтвердится и безъ того извѣстная, конечно, болѣе или менѣе каждому читателю этой книги тенденція земской статистики къ все большей детальности таблицъ. Первые земскіе статистическіе сборники давали лишь весьма суммарную разработку даже и того сравнительно-ограниченнаго матеріала, который собирался по тогдашнимъ, относи

тельно, весьма краткимъ программамъ. Постепенно разработка становилась все болѣе детальною—вводились новые признаки, детализировались ихъ разновидности, проводились новыя болѣе сложныя комбинаціи признаковъ, вводились новые, частью комбинированные подсчеты по количественнымъ признакамъ, удлинялись группировочныя шкалы,—въ конечномъ счетѣ нѣкоторые изъ новѣйшихъ земскихъ статистическихъ сборниковъ прямо поражаютъ своею чрезвычайною, даже, можно сказать, явно—чрезмѣрною детальностью. Таковы, въ особенности, сборники по Вяземскому (Смоленской губ.) и особенно Грязовецкому (Волог. губ.) уѣздамъ: даже въ поселенныхъ таблицахъ этого послѣдняго число графъ достигаетъ 600, въ комбинаціонныхъ оно превышаетъ тысячу; свидѣтельствомъ явной чрезмѣрности въ разработкѣ является уже колоссальное количество пробѣловъ, нерѣдко заполняющихъ, болѣе или менѣе сплошь, многія страницы кряду.

Эта чрезмѣрность вызвала реакцію. Въ той же Вологодской губерніи слѣдующіе уѣзды разработаны съ несравненно меньшею степенью детальности, такъ что объ излишествѣ или чрезмѣрности здѣсь уже не можетъ быть рѣчи. Въ другихъ мѣстностяхъ реакція пошла гораздо дальше: таковы, въ особенности, Калужская или Симбирская, гдѣ таблицы, въ смыслѣ детальности, немногимъ превосходятъ, въ общемъ, таблицы самыхъ раннихъ земскихъ статистическихъ сборниковъ, знаменательно, что результаты подворнаго изслѣдованія Симбирской губерніи разрабатывались подъ руководствомъ того же лица (К. Я. Воробьева, одного изъ самыхъ выдающихся и оригинальныхъ дѣятелей земской статистики), который, въ свое время, провелъ отличающуюся если не избыточною, то во всякомъ случаѣ весьма высокою степенью детальности разработку подворной переписи Мышкинскаго уѣзда (Ярославской губ.). Столь же или даже еще болѣе суммарную разработку даютъ поселенныя таблицы въ новѣйшихъ сборникахъ по Самарской и Пензенской губерніямъ,—но въ этихъ губерніяхъ, наряду съ суммарною поселенною, дается или будетъ дана и детальная групповая или комбинаціонная разработка.

Говорить о содержаніи таблицъ здѣсь, какъ я уже говорилъ, не приходится—оно постепенно будетъ выясняться, по отношенію къ отдѣльнымъ вопросамъ крестьянскаго хозяйства, въ послѣдующемъ изложеніи. Можетъ быть нелишнимъ будетъ, развѣ только, упомянуть о томъ, конечно и безъ того извѣстномъ большинству читателей этой книги фактѣ, что содержаніе новѣйшихъ, начиная съ середины 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, земскихъ статистическихъ сборниковъ, какъ, конечно, и содержаніе опросныхъ формуляровъ, въ сильнѣйшей степени пропитано оцѣночными элементами, которые, нерѣдко, оставляютъ слишковъ въ тѣни элементы экономическаго, а тѣмъ болѣе—культурнаго характера. Впрочемъ, какъ разъ въ самые послѣдніе годы, подъ вліяніемъ, очевидно, рѣзко усилившагося общественнаго, а въ связи съ

нимъ—и земскаго интереса къ повышенію техники крестьянскаго хозяйства, и въ формулярахъ, и сборникахъ небывалаго ранѣе развитія достигли рубрики и графы, непосредственно соприкасающіяся съ сельскохозяйственною техникой,—какъ еще раньше, въ концѣ 90-хъ и началѣ 900-хъ годовъ, подъ вліяніемъ проникшихъ въ земскую статистическую среду марксистскихъ теченій, несравненно большее вниманіе стало обращаться на промысловую дѣятельность населенія, которая прежде, если и подвергалась въ нѣкоторыхъ губерніяхъ болѣе подробному изученію, то, по большей части, разрабатывалась совершенно независимо отъ остальныхъ, изучаемыхъ при подворныхъ переписяхъ, сторонъ крестьянскаго хозяйства, иногда въ видѣ особыхъ, разработанныхъ по совершенно иной системѣ, дополнительныхъ таблицъ, иногда и въ видѣ совершенно отдѣльныхъ сборниковъ (Вятская, Нижегородская и др. губ.).

Еще нѣсколько словъ, чтобы закончить настоящее «введеніе». Цѣль этой книги, какъ было частью отмѣчено выше, не въ томъ, чтобы дать въ какой-либо мѣрѣ исчерпывающее, полное изложеніе вопросовъ русскаго крестьянскаго хозяйства, а лишь въ томъ, чтобы помочь читателю ориентироваться въ относящихся къ этой области статистическихъ матеріалахъ и въ относящейся къ ней статистической работѣ. Отсюда вытекаетъ не только та система изложенія, о которой я сказалъ выше и которой я буду держаться въ послѣдующихъ главахъ, но и самый способъ изложенія, котораго я буду стараться держаться. Мое изложеніе будетъ мыслимо краткимъ, мѣстами, можетъ быть, даже конспективнымъ; я буду не столько разрѣшать, сколько намѣчать тѣ, относящіеся къ каждой изъ сторонъ крестьянскаго хозяйства, вопросы, которые изучаются статистическимъ путемъ, или пониманіе которыхъ необходимо для статистической работы въ данной области, отсылая читателя, за болѣе всестороннимъ и полнымъ освѣщеніемъ ихъ, къ соотвѣтственной литературѣ. Послѣдняя будетъ указываться въ посвященнымъ отдѣльнымъ вопросамъ главахъ этой книги. Въ качествѣ пособій для первоначальной общей ориентировки въ общей связи вопросовъ крестьянскаго хозяйства, я рекомендовалъ бы начинающему читателю. прежде всего, книгу Н. А. Каблукова «Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства» (2-ое изд. 1908), мою небольшую книжку «Аграрный вопросъ» (изд. Моск. общ. нар. унив., 1908), главнымъ образомъ т. 1, а во 2-мъ томѣ главу 3-ю, и тоже небольшую книжку С. Маслова «Крестьянское хозяйство. Очерки экономики земледѣлія» (1915). Затѣмъ, въ качествѣ, такъ сказать, практической школы статистическаго анализа я очень совѣтовалъ бы читателю внимательно проштудировать книгу А. Ф. Фортунатова «Урожаи ржи», на которую мнѣ постоянно придется ссылаться въ дальнѣйшемъ. Для дальнѣйшаго общаго чтенія я рекомендовалъ бы слѣдующія книги:

В. Е. Постникова — «Южно-русское крестьянское хозяйство» (1890).

Н. П. Огановскаго — «Закономѣрность аграрной эволюціи» (2 тома, 1909 и 1911), и особенно его же небольшую монографію въ коллективномъ трудѣ «Борьба за землю» (1908).

П. П. Маслова—«Аграрный вопросъ». 4 изд., 1908.

Всѣ статьи 1-го тома коллективнаго труда «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства», подъ ред. А. И. Чупрова и А. С. Посникова (1907).

В. В. Морачевскаго — «Успѣхи крестьянскаго хозяйства» (1910)—къ сожалѣнію весьма трудно доступна.

Остальную литературу, въ интересующемъ его направленіи, желающій углубляться читатель подберетъ себѣ самъ, для чего сможетъ воспользоваться, если пожелаетъ, составленною мною программою по «экономикѣ сельскаго хозяйства и аграрному вопросу» въ изданномъ Московскою комиссіею по организаціи домашняго чтенія сборникѣ «Программы для самообразованія (курсъ высшей школы). Науки общественно-юридическія» 1913. Тамъ же читатель найдетъ составленную Н. А. Каблуковымъ программу по статистикѣ и программу А. Э. Вормса по крестьянскому праву.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Населеніе.

Населеніе, какъ таковое, казалось бы, не входитъ въ кругъ вопросовъ крестьянскаго хозяйства. Населеніе, какъ таковое, въ его состояніи и движеніи, и не изучается земскою статистикою, а составляетъ одинъ изъ главныхъ объектовъ изученія статистики общегосударственной. Въ опредѣленныхъ рамкахъ, однако, и подъ опредѣленными углами зрѣнія, оно входитъ и въ поле зрѣнія земской статистики. И что для насъ главное—населеніе играетъ огромную роль во всемъ складѣ хозяйственной, въ частности сельско-хозяйственной жизни страны,—оно играетъ огромную роль и во всемъ складѣ крестьянскаго хозяйства. «Всякое данное состояніе населенія ближайшимъ образомъ обусловливаетъ и состояніе хозяйства», и прежде всего—оно обусловливается данною степенью плотности населенія: «только при достаточной плотности населенія можетъ развиться общественное раздѣленіе труда и правильная мѣновая дѣятельность» (В. Г. Бажаевъ). Та же плотность населенія является основнымъ факторомъ, опредѣляющимъ состояніе сельскаго хозяйства, а сгущеніе населенія—основнымъ моментомъ, опредѣляющимъ его эволюцію, въ частности — стимулирующимъ переходъ отъ первобытнаго экстенсивнаго хозяйства, истощающаго землю, къ интенсивному хозяйству, развивающему ея производительныя силы [1]). Различія въ плотности населенія чрезвычайно велики, какъ между цѣлыми странами, такъ и между отдѣльными частями странъ, въ особенности между частями такой огромной страны, какъ Россія. На кв. версту территоріи приходится: въ Бельгіи 273 человѣка, въ Нидерландахъ 177, въ Соединенномъ королевствѣ 158 человѣкъ; затѣмъ идутъ остальныя страны западной и средней Европы—Германія съ 128, Франція съ 83, Австро-Венгрія съ 86 человѣками на кв. версту. Средняя плотность насе-

[1]) См. о значеніи густоты населенія назв. соч. (стр. XXIII) Маслова и Огановскаго, а также у Маслова—«Теорія развитія нар. хозяйства» (1910) и Челинцева—«Сел.-хоз. районы Европейск. Россіи» (1911) и въ моей книгѣ «Переселеніе колонизація» 1905 г.

ленія въ Россійской имперіи, взятой какъ цѣлое, — всего 6,8 человѣкъ; если взять отдѣльныя крупныя части нашей страны, то средняя плотность населенія въ царствѣ Польскомъ будетъ 88 человѣкъ—больше чѣмъ во Франціи!—въ остальной части европейской Россіи 25, въ Сибири 0,8 человѣкъ на кв. версту. Едва ли нужно особенно доказывать либо подтверждать тотъ фактъ, что совершенно въ томъ же географическомъ порядкѣ, какъ убываетъ плотность населенія, понижается и уровень сельскаго хозяйства, понижается, въ частности, степень его интенсивности. Едва ли нужно особенно подчеркивать и тотъ не менѣе общеизвѣстный фактъ, что плотность населенія колеблется чрезвычайно широко въ предѣлахъ не только каждой изъ только-что названныхъ частей страны, но, нерѣдко, въ предѣлахъ отдѣльныхъ губерній, иногда даже уѣздовъ. По подсчету, сдѣланному въ весьма цѣнномъ изданіи сельско-хозяйственнаго вѣдомства «Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи» (1914 г.), изъ числа 63-хъ губерній европейской Россіи и изъ числа 685 уѣздовъ на долю губерній и уѣздовъ съ различными степенями плотности сельскаго населенія, начиная отъ категоріи «менѣе 1 человѣка» и кончая категоріей «болѣе 70 человѣкъ» на кв. версту, приходилось:

плотность:	губерній	уѣздовъ	% уѣздовъ
менѣе 1 чел.	1	28	4,1
1 —9	3	93	13,5
10—19	4	60	9
20—29	6	91	13
30—39	7	83	12
40—49	8	112	16
50—59	10	77	11,5
60—69	7	51	7
70—и болѣе	17	91	13

Прослѣживать подробно территоріальное распредѣленіе губерній, а тѣмъ болѣе уѣздовъ, съ тою или другою плотностью населенія, я, конечно, не имѣю возможности. Читатель сдѣлаетъ лучше всего, если разсмотритъ въ томъ-же атласѣ поуѣздную картограмму № 3, дающую плотность собственно сельскаго населенія въ 1912 г. Онъ увидитъ, что областью наибольшей плотности является прежде всего, конечно, царство Польское, наряду съ нимъ юго-западный край. Отсюда полоса наибольшей плотности тянется, почти сплошь, черезъ малороссійскія и центрально-черноземныя губерніи и кончается, узкимъ клиномъ, у впаденія Камы въ Волгу. На сѣверо-западъ отъ нея, тоже почти сплошною полосою, обходя только болотистое минское полѣсье, тянется къ Балтійскому морю область, которую, въ цѣломъ, можно назвать областью средней плотности; другую такую же область составляютъ центрально-про-

мышленныя губерніи, тогда какъ весь востокъ представляетъ собою область малой, крайній сѣверъ и крайній юго-востокъ — область наименьшей плотности. Конечно, было бы безцѣльно искать строгаго параллелизма между этою, охватывающею всю европейскую Россію, картиною распредѣленія плотности населенія и картиною размѣщенія типовъ хозяйства; безцѣльно уже потому, что вліяніе даннаго корренного фактора перекрещивается съ вліяніемъ не менѣе коренного, сказывающагося во всей совокупности естественныхъ и хозяйственныхъ условій, различія между черноземною и нечерноземною полосою,—а затѣмъ еще и потому, что въ нечерноземной полосѣ, особенно на ея сѣверѣ, рѣдкое, если считать на единицу всей территоріи, населеніе оказывается однако, какъ мы увидимъ ниже, далеко не вездѣ рѣдкимъ, а мѣстами, напротивъ, очень густымъ, если имѣть въ виду, такъ сказать, хозяйственную плотность населенія: отношеніе населенія къ площади дѣйствительно эксплоатируемыхъ или могущихъ быть эксплоатируемыми, при данныхъ экономическихъ и культурныхъ условіяхъ, земельныхъ угодій. Но если взять одну только черноземную полосу, внутри которой такого перекрещиванія разныхъ вліяній нѣтъ, то изъ сравненія резюмированной только что, въ общихъ чертахъ, картины заселенности со всею совокупностію приводимыхъ, въ дальнѣйшемъ данныхъ о характерѣ земледѣльческаго хозяйства читателю легко будетъ убѣдиться въ наличности, въ самомъ дѣлѣ, почти полнаго параллелизма между варіаціями густоты населенія и разнообразными оттѣнками въ строѣ земледѣльческаго хозяйства: густо населенный юго-западъ съ его сильно интенсированнымъ свекольнымъ хозяйствомъ; Малороссія и черноземный центръ, съ переживающимъ острый кризисъ, частью пестропольемъ, частью трехпольемъ безъ навознаго удобренія; востокъ и особенно юго-востокъ, съ мѣстами, тоже уже дошедшимъ до кризиса, мѣстами еще не вполнѣ изжившимъ себя залежнымъ хозяйствомъ (обо всемъ этомъ подробнѣе въ гл. V). Достаточный параллелизмъ получится—если отбросить крайній сѣверъ—и для нечерноземной полосы: максимальная густота населенія и максимальная интенсивность (плодосмѣнное хозяйство!) въ царствѣ Польскомъ; наибольшіе — если взять все остальное пространство, признаки подъема, вверхъ отъ навознаго трехполья, на «средне-населенномъ» сѣверо-западѣ, испытывающемъ, въ то же время, и непосредственное вліяніе польской и прибалтійской культуры; почти въ той же мѣрѣ отжившее свой вѣкъ навозное трехполье, съ ясными зачатками разнообразныхъ высшихъ формъ (травополье, льняное хозяйство, молочное скотоводство) въ то же «средненаселенномъ», околомосковномъ центрѣ. Съ поразительною ясностью параллелизмъ между густотою населенія, съ одной стороны, и интенсивностью хозяйства и обусловливаемымъ ею уровнемъ его доходности, съ другой, обнаруживается въ цифрахъ, вычисленныхъ проф. А. Н. Челинцевымъ для 11 губерній, частью черноземной, частью нечерноземной полосы, и для Царства Польскаго. Вотъ наиболѣе характерныя изъ этихъ цифръ:

Губерніи.	Душъ населенія на кв. версту хоз. площади.	Затрата рабоч. дней на десятину хоз. площади.	Пудовъ въ зер а съ десятины хоз. площади.	Съ десятины хоз. площади рублей дохода отъ: земледѣлія.	скотовод ства	Всего [1]).
Черноземныя:						
Таврическая	32,4	5,3	25	18	4,4	20
Саратовская.	37	8,8	21	16	5,8	19
Херсонская . , . . .	43	8,3	34	27	6,4	30
Курская . . ! . . .	80	17,6	34	30	8,0	34
Полтавская	85	18,7	43	31	10	41
Подольская	115	21,7	42	42	18	51
Нечерноземныя:						
Вологодская.	50	11,1	12	11	6,8	16
Курляндская	37	13,5	18,5	23	12	32
Тверская	67,5	15,2	14	18,5	8,2	24
Виленская	80	15,4	18	20,5	12	29
Московская	113	18,9	15	24	20	39
Царство Польское. .	117	26,5	33	49	23	64

Конечно, идеальной правильности рядовъ нельзя было и ожидать—вліяніе плотности населенія, конечно, не можетъ не перекрещиваться съ вліяніемъ, гдѣ естественныхъ, гдѣ—культурно-историческихъ условій: значеніе этого послѣдняго фактора ясно проявляется въ повышенной — по сравненію съ плотностью населенія—производительности земли и доходности хозяйства въ Курляндіи и въ Царствѣ Польскомъ. Но если считаться съ необходимостью вытекающихъ изъ подобнаго рода условій поправокъ, то придется признать, что и измѣряемая затратою труда на единицу хозяйственной площади интенсивность хозяйства и хлѣбная производительность и доходность земли какъ въ цѣломъ, такъ и отъ обѣихъ главныхъ отраслей хозяйства по особицѣ, обнаруживаетъ какъ нельзя болѣе отчетливую зависимость отъ густоты населенія. Какъ ни велики различія между черноземнымъ и нечерноземнымъ хозяйствомъ,—тѣмъ не менѣе первенствующее вліяніе густоты населенія сказывается на результатахъ хозяйства, въ частности на урожаѣ, даже и въ общихъ массовыхъ итогахъ, безъ различія полосъ. Проф. А. Ф. Фортунатовъ вычислилъ средній урожай ржи для пяти группъ уѣздовъ, по сту уѣздовъ въ каждой, въ порядкѣ убывающей густоты населенія; среднія для крестьянскихъ земель получились 5,46—5,07—4,65—4,73—4,52 четверти съ десятины; мало того—даже для владѣльческихъ земель, гдѣ зависимость хозяйства отъ

[1]) Итогъ не сходится со слагаемыми, потому что изъ дохода отъ скотоводства не вычтена стоимость кормовъ.

густоты населенія, казалось бы, не можетъ быть столь же непосредственной, получились такія среднія: 6,3—5,9—5,7—5,7—5,2 чт. съ дес.—зависимость урожая отъ густоты населенія проявилась даже съ еще большею правильностью, чѣмъ на крестьянскихъ земляхъ. По отношенію къ послѣднимъ градація по урожайности сохраняетъ тотъ же характеръ и при разбивкѣ уѣздовъ на болѣе мелкія группы, по 50 въ каждой,— получаются такія среднія: 5,7—5,4—5,1—5,0—4,82—4,48—4,72—4,74—4,52—4,53. Болѣе чѣмъ правдоподобно, что зависимость урожая отъ густоты выявилась бы гораздо правильнѣе, если бы было элиминировано вліяніе различій между черноземною и нечерноземною полосами,—иначе сказать. если бы группировка уѣздовъ была проведена для каждой полосы отдѣльно; и еще правильнѣе, если бы при этомъ былъ выдѣленъ крайній сѣверъ, съ его особыми условіями разселенія и размѣщенія культурныхъ земель.

Внутри отдѣльныхъ губерній эта зависимость проявляется тоже совершенно ясно. Такъ, для трехъ группъ уѣздовъ Курской губерніи, въ нисходящемъ же порядкѣ густоты населенія, получились среднія 6,01—5,64—5,48 чт.; для трехъ такихъ-же группъ уѣздовъ Казанской 5,41—5,02—4,61 чт., и т. д.

Населеніе вліяетъ на характеръ хозяйства и какъ потребитель, и какъ рабочая сила. Можно ли, спрашивается, ожидать, чтобы въ характерѣ хозяйства, слѣдовательно и на его результатахъ, отразились наблюдаемая между разными губерніями, въ зависимости отъ разныхъ причинъ, различія въ возрастномъ,слѣдовательно и въ рабочемъ составѣ населенія? Казалось бы, нельзя, потому что сами эти различія, въ среднихъ для болѣе или менѣе значительныхъ районовъ цифрахъ, слишкомъ ужъ невелики; а между тѣмъ, образовавъ изъ пятидесяти коренныхъ русскихъ губерній шесть группъ: съ болѣе чѣмъ 52%, съ 51—52, 50—51, 49—50, 48—49 и менѣе чѣмъ съ 48% мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ, тотъ же проф. Фортунатовъ получилъ для нихъ такіе среднія урожаи: 4,92—4,88—4,86—4,59—4,50—4.35 чт. съ десятины,—чрезвычайно медленное, но въ то же время вполнѣ правильное пониженіе.

Если, такимъ образомъ, «состояніе» и, въ частности, густота населенія обнаруживаетъ опредѣленное вліяніе на характеръ и результаты хозяйства, то и обратно—земельно-хозяйственныя условія оказываютъ замѣтное вліяніе на состояніе и, въ особенности, на движеніе населенія. При обработкѣ произведеннаго въ 1877—78 г. перваго обслѣдованія поземельной собственности въ Россіи П. П. Семеновымъ было произведено вычисленіе прироста населенія за двадцатилѣтіе 1857—77 гг. въ общинахъ съ надѣломъ до 1 дес., 1—2, 2—3, 3—4, 4—5, 5—6 и свыше 6 дес. на ревизскую душу, — получились такія цифры прироста: 16,5—17,3—19—21,2—27,6—30,2%. Такіе же подсчеты были сдѣланы отдѣльно для трехъ разрядовъ крестьянъ,—но только по четыремъ группамъ, съ надѣломъ до 2, 2—4, 4—6 и болѣе 6 дес.; получилось для бывшихъ помѣщичьихъ

18—20—23,5—29%, для удѣльныхъ 13—16—18—22, для государственныхъ крестьянъ 12,6—18—22—27%. Какъ для всѣхъ крестьянъ безъ различія разрядовъ, такъ и для каждаго разряда въ отдѣльности получилась, значитъ, строгая прямая зависимость прироста отъ земельнаго обезпеченія. Любопытно при этомъ, что приростъ удѣльныхъ и особенно государственныхъ крестьянъ при хорошемъ земельномъ обезпеченіи мало отличается отъ прироста бывшихъ крѣпостныхъ-помѣщичьихъ, но при маломъ надѣлѣ отстаетъ отъ него на цѣлую треть; очевидно, бывшіе владѣльческіе имѣли такіе способы восполнять недостатокъ надѣла (аренда, заработки у помѣщиковъ), какихъ не имѣли остальныя двѣ категоріи крестьянъ (см. ниже, гл. II).

Сильный приростъ равносиленъ, какъ правило, слабой смертности, и наоборотъ; зависимость смертности отъ земельнаго обезпеченія должна быть, значитъ, обратною. И въ самомъ дѣлѣ—по произведенному Ф. А. Щербиною для Воронежской губерніи подсчету, смертность въ возрастающихъ земельныхъ группахъ (до 5, 5—15, 15—25, болѣе 25 дес.) выразилась такимъ падающимъ рядомъ цифръ: 35—33—28—26%.

Не менѣе ясно проявляется, какъ выяснено В. И. Покровскимъ, зависимость движенія населенія отъ результатовъ хозяйства — урожаевъ и продовольственной обезпеченности. Такъ, если расположить губерніи, сначала въ порядкѣ уменьшающагося средняго, по расчету на душу населенія, избытка хлѣба сверхъ продовольственной нормы, а затѣмъ—въ порядкѣ возрастающаго продовольственнаго дефицита, то окажется, что въ 12 губерніяхъ съ наибольшимъ избыткомъ хлѣба средній годовой приростъ населенія довольно правильно понижается вмѣстѣ съ величиной избытка хлѣба, но для всѣхъ 12-ти держится въ предѣлахъ 2,11 и 1,11%; изъ 12 же губерній съ наибольшимъ хлѣбнымъ дефицитомъ въ десяти приростъ колеблется между 0,16 и 1,08% — не достигаетъ, значитъ, даже той цифры, которая является минимальной для первыхъ 12 губерній, и только въ двухъ губерніяхъ превышаетъ ее на ничтожную величину, составляя въ одной 1,17, въ другой 1,19%. Для выясненія вліянія экономическихъ факторовъ на измѣненія темпа движенія населенія во времени В. И. Покровскій разбилъ двадцатипятилѣтіе 1870—94 гг. на пять періодовъ, характеризуемыхъ разнымъ уровнемъ хлѣбныхъ цѣнъ, и получилъ для нихъ такіе коэффиціенты:

	Смертность на тысячу.	Приростъ въ %.	Отношеніе рождаемости къ смертности.
1870—79 (средн. цѣны)	35	1,37	1,39
1880—83 (высок. цѣны)	36	1,26	1,35
1883—90 (низкія цѣны)	33,4	1,51	1,45
1891—92 (оч. высокія цѣны)	37	0,96	1,26
1993—94 (оч. низкія цѣны)	32,8	1,4	1,42

Видимъ хотя и слабо выраженную, но вполнѣ строго проходящую черезъ всѣ цифры, зависимость всѣхъ трехъ характерныхъ коэффиціентовъ движенія населенія отъ одного изъ тѣхъ экономическихъ факторовъ, который, съ одной стороны, наиболѣе отчетливо отражаетъ результаты хозяйства, а съ другой—самъ наиболѣе сильно отражается на этихъ результатахъ.

Итакъ, населеніе стоитъ въ несомнѣнной и вполнѣ опредѣленной связи съ характеромъ хозяйства вообще, сельскаго хозяйства въ частности и крестьянскаго хозяйства въ особенности. Это не устраняетъ того уже отмѣченнаго факта, что населеніе, какъ таковое, какъ спеціальный и самодовлѣющій предметъ изученія, является объектомъ не земской, а государственной статистики. Въ его «состояніи» оно учитывается—при нормальной организаціи правительственной статистики—періодически повторяющимися демографическими, по преимуществу, народными переписями[1]), въ его движеніи — сложнымъ аппаратомъ текущей регистраціи, преслѣдующей, одновременно, статистическія и юридическія цѣли. И въ томъ и въ другомъ случаѣ техника учета совершенно отлична отъ техники статистики крестьянскаго хозяйства, — она приспособлена, прежде всего, къ мыслимой полнотѣ учета (однодневныя переписи!), жертвуя ей расширеніемъ и углубленіемъ содержанія, которое, напротивъ, является характернымъ для земской статистики.

Для этой послѣдней изученіе населенія не есть самодовлѣющая цѣль. Земская статистика интересуется населеніемъ, съ одной стороны, такъ сказать, какъ субъектомъ крестьянскаго хозяйства — его рабочею силой и потребителемъ его продуктовъ, съ другой—какъ объектомъ попечительной дѣятельности земства. Хозяйство, въ крестьянской дѣйствительности, пріурочено къ двору, или точнѣе — къ домохозяйству, впрочемъ, въ видѣ правила, совпадающему съ дворомъ. Объединяющіе признаки двора-хозяйства, съ одной стороны, совмѣстный трудъ, или общѣе—совмѣстное веденіе хозяйства, съ другой совмѣстное потребленіе — «общій котелъ»; то и другое при наличности, какъ правило, родственной связи; дворъ-хозяйство является такимъ образомъ, съ одной стороны, производительнымъ, съ другой—потребительнымъ хозяйствомъ, что замѣчу здѣсь же — чрезвычайно затрудняетъ статистическое, да и всякое вообще изученіе крестьянскаго бюджета онъ рѣзко отличается такимъ образомъ, съ одной стороны, отъ городской семьи — хозяйства, которая, какъ правило, является чисто-потребительной единицей, съ другой—отъ тѣхъ, чисто-производительныхъ, предпріятій, съ какими имѣетъ дѣло промышленная статистика. Но производительная дѣятельность двора пріурочена, очевидно, къ рабочему составу (въ

---

[1]) Въ Россіи—напомню—была только одна перепись болѣе или менѣе выдержаннаго научно-статистическаго типа—всеобщая перепись 1897 г., результаты которой теперь, конечно, въ значительной степени, устарѣли.

соотвѣтственной мѣрѣ включая, конечно, полурабочіе, частью даже дѣтскіе возрасты), удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей, потребленіе—къ общему, иначе «потребительному» составу—къ «ѣдокамъ». Изъ всего этого для земской статистики возникаетъ необходимость учитывать, прежде всего, дворы-хозяйства, затѣмъ рабочій ихъ составъ, съ одной стороны, полный потребительный составъ, съ другой.

И вотъ, первый вопросъ: какіе дворы, вообще какое населеніе подлежитъ учету. Общая статистика, какъ извѣстно, рѣшаетъ вопросъ вполнѣ опредѣленно: учитываются наличныя домохозяйства и въ нихъ наличные ихъ члены, и лишь попутно, въ видѣ правила, собираются данныя для опредѣленія осѣдлаго или постояннаго состава населенія; съ приписнымъ населеніемъ общая статистика вовсе не считается. Въ земской статистикѣ вопросъ гораздо сложнѣе, Ей, наоборотъ, приходится, прежде всего, считаться съ приписнымъ населеніемъ, точнѣе—съ приписными дворами, мало того—именно ихъ полагать во главу учета, ибо съ припиской къ данному обществу связано право на надѣлъ. Это право далеко не всегда претворяется въ дѣйствительность: наряду съ «надѣльнымъ» населеніемъ, и среди приписныхъ дворовъ всегда есть извѣстная доля безнадѣльнаго—въ общинахъ съ болѣе или менѣе частыми передѣлами эта доля будетъ незначительна, въ общинахъ съ замершею жизнедѣятельностью, особенно въ такъ называемыхъ «ревизскихъ», т, е. не производившихъ передѣла со времени надѣленія и сопровождавшаго его распредѣленія земли по ревизскимъ душамъ (обо всемъ этомъ см. въ гл. II) она можетъ быть очень велика; съ другой стороны, извѣстная часть формально числящихся надѣленными и учитываемыхъ какъ таковые дворовъ фактически передала свои душевые надѣлы—чаще всего, однообщественникамъ, которые и пользуются причитающеюся на переданныя «души» землею и несутъ всѣ причитающіяся съ «души» тяготы (объ этомъ см. гл. III). То и другое явленіе представляетъ, конечно, большой интересъ: первое—съ точки зрѣнія степени оцѣнки жизнедѣятельности или наоборотъ—отмиранія общины, второе—какъ одинъ изъ путей дифференціаціи деревни и образованія, въ ея средѣ, безземельнаго пролетаріата; говоря шире—какъ одинъ изъ способовъ приведенія фактическаго распредѣленія земли въ соотвѣтствіе съ дѣйствительною экономическою силою дворовъ.

Въ составѣ приписного населенія регистрируются и учитываются какъ наличные, такъ и отсутствующіе дворы,—явленіе, опять-таки, чрезвычайно интересное для характеристики тяги населенія изъ данной мѣстности, главнымъ образомъ въ города,—тяги, которая можетъ усиливаться и ослабѣвать въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ: населеніе уходитъ изъ деревни, пока земля и земледѣліе бездоходны или мало доходны, и возвращается въ деревню съ повышеніемъ доходности той или другого, или съ появленіемъ новыхъ видовъ хозяйства; тяга изъ деревни усиливается при появленіи выгодныхъ заработковъ на сторонѣ и ослабѣ-

ваетъ съ ихъ сокращеніемъ. Новое земѣльное законодательство (см. ниже, гл. II) и созданная имъ возможность, съ одной стороны, купли-продажи, въ частности скупки и окончательной ликвидаціи надѣльной земли, а съ другой — сведенія послѣдней въ отрубы и хутора, ведетъ за собой возвращеніе въ деревню такихъ, болѣе крѣпкихъ, элементовъ, которые раньше не находили, а теперь могутъ найти для себя выгоднымъ жить въ деревнѣ и вести хозяйство. Оно ведетъ за собой, одновременно, и усиленіе тяги изъ деревни тѣхъ болѣе слабыхъ элементовъ, которые окончательно ликвидируютъ свое земл евладѣніе,—но это обстоятельство не поведетъ къ увеличенію «отсутствующаго» населенія въ томъ смыслѣ, какъ оно учитывается статистикой крестьянскаго хозяйства, потому что тѣ, кто ликвидируетъ свое землевладѣніе, порвутъ и формальную связь съ деревней и, значитъ, вовсе не будутъ больше подлежать учету; мало того: число регистрируемыхъ «отсутствующихъ» скорѣе должно будетъ сократиться, въ силу прекращенія формальной связи съ деревнею всѣхъ тѣхъ, кто, можетъ быть, уже давно жилъ на сторонѣ и только несъ вытекающія изъ факта приписки и владѣнія надѣльною землею повинности. Не лишена интереса и статистико-техническая сторона вопроса объ учетѣ отсутствующаго населенія: «отсутствующимъ» считается лишь такой дворъ, который, продолжая оставаться на припискѣ, отсутствуетъ полнымъ составомъ семьи,—отсутствуетъ, притомъ, достаточно продолжительное время для того, чтобы можно было считать «отсутствіе» уже не «временною отлучкой»; дворъ, котораго члены, хотя бы всѣ, находятся во временномъ отсутствіи, или дворъ, изъ состава котораго имѣется налицо хотя бы одинъ членъ, регистрируется какъ наличный, причемъ въ первомъ случаѣ запись производится на основаніи показаній сосѣдей и односельчанъ, во второмъ отсутствующіе члены регистрируются въ составѣ двора въ качествѣ отхожихъ промышленниковъ и т. п.

Интересуясь, значитъ, главнымъ образомъ, приписнымъ, какъ наличнымъ, такъ и отсутствующимъ населеніемъ, земская статистика не оставляетъ, конечно, безъ вниманія и проживающее въ каждомъ данномъ селеніи постороннее населеніе; не говоря уже о томъ, что оно прямо или косвенно участвуетъ въ фактическомъ землепользованіи коренного населенія и находится съ нимъ въ томъ или иномъ хозяйственномъ взаимоотношеніи,—самый фактъ внѣдренія въ деревню тѣхъ или другихъ постороннихъ элементовъ представляетъ, конечно, и самостоятельный интересъ, требующій ихъ спеціальнаго учета.

Конечно, какъ приписное-отсутствующее, такъ и постороннее населеніе (послѣднее—поскольку рѣчь идетъ объ обычной статистикѣ крестьянскаго хозяйства, но не о спеціальной, напримѣръ, переселенческой статистикѣ, гдѣ неприписанные переселенцы представляютъ, напротивъ, особый интересъ) подвергается лишь суммарному учету. Такъ, въ Воронежской губерніи дается общее число отсутствующихъ съ подраздѣленіемъ на проживающихъ «въ предѣлахъ уѣзда» и «внѣ уѣзда», для той и дру-

гой категоріи дается число семей и число душъ того и другого пола; затѣмъ, дается число «стороннихъ лицъ въ общинѣ», съ подраздѣленіемъ тоже на двѣ группы: «изъ жителей уѣзда», «изъ другихъ мѣстъ». По Владимірской губерніи отсутствующіе даются съ подраздѣленіемъ на надѣльныхъ и безнадѣльныхъ, затѣмъ особо дается число отсутствующихъ дворовъ съ извѣстнымъ и съ неизвѣстнымъ составомъ и для первыхъ, конечно, ихъ составъ. По Ярославской губерніи, кромѣ суммарнаго же учета отсутствующихъ и постороннихъ, давалась особая рубрика: «изъ наличнаго населенія (т. е. изъ состава наличныхъ дворовъ) живетъ на сторонѣ болѣе года», причемъ давалось число всѣхъ такихъ отсутствующихъ, особо число душъ въ рабочемъ возрастѣ и особо же число отсутствующихъ цѣлыми семьями,—все это, конечно, весьма цѣлесообразно въ условіяхъ такой губерніи, какъ Ярославская, со столь сильно развитымъ промышленнымъ и, въ частности, столичнымъ отходомъ. Въ старыхъ сборникахъ иногда давалось число переселившихся. Такъ, въ Курскомъ сводномъ сборникѣ находимъ для переселившихся до 1879 г. включительно—число семей, для выселившихся въ 1880—85 г.г. число семей, мужчинъ и женщинъ; сверхъ того особо—число «семей переселившихся съ промышленною цѣлью». Понятно, почему выселившимися въ то время интересовалась именно Курская статистика — въ первой половинѣ 80-хъ г.г. Курская губернія была однимъ изъ главныхъ очаговъ переселенческаго движенія.

Что касается, затѣмъ, до приписного безнадѣльнаго населенія, то въ довольно многихъ сборникахъ (едва ли не главнымъ образомъ по губерніямъ съ преобладаніемъ не-жизнедѣятельныхъ общинъ) относящіяся къ нему данныя приводятся совершенно отдѣльно отъ данныхъ о надѣльномъ населеніи, въ видѣ, напримѣръ, отдѣльной второй строки, проводимой по каждому селенію и по всѣмъ рубрикамъ функціональныхъ признаковъ. Въ нѣкоторыхъ сборникахъ (напр., по Таврической губерніи) безнадѣльное населеніе выдѣляется лишь по нѣкоторымъ, наиболѣе характернымъ признакамъ, по остальнымъ же дается слитно съ надѣльнымъ населеніемъ.

Дальнѣйшіе два основныхъ момента, съ которыми приходится считаться со стороны состава населенія,—это, во 1-хъ, племенной и, иногда слитно съ нимъ, иногда такъ или иначе перекрещиваясь съ нимъ, вѣроисповѣдный признакъ, и во 2-хъ—принадлежность крестьянъ къ тому или другому изъ извѣстныхъ, исторически-сложившихся разрядовъ.

Если остановиться, прежде всего, на первомъ изъ названныхъ моментовъ, то религіозный признакъ, несомнѣнно, имѣетъ и вполнѣ независимое отъ племенного значеніе. Общеизвѣстный фактъ, что и бытъ, и хозяйство сектантовъ раціоналистическаго типа (молокане, духоборы) представляетъ рѣзкія особенности по сравненію съ бытомъ и хозяйствомъ единоплеменнаго православнаго населенія. Менѣе рѣзко, но все же за-

мѣтно, различаются въ условіяхъ быта и хозяйства православные отъ старообрядцевъ. Тѣмъ не менѣе, отдѣльнаго учета вѣроисповѣдныхъ группъ, гдѣ онѣ не являются, въ то же время, племенными, какъ правило, не производится, — очевидно въ силу трудности, во многихъ случаяхъ, провести границу между близкими другъ къ другу вѣроисповѣдными группами, осложняемой, въ особенности, условіями внѣшняго характера, въ силу которыхъ, слишкомъ сильно приходится считаться по отношенію къ нѣкоторымъ вѣроисповѣднымъ группамъ, съ опасностью искажающихъ дѣйствительность показаній. Исключеніе составляютъ, въ данномъ случаѣ, крещеные инородцы, которые по нѣкоторымъ мѣстностямъ съ многочисленнымъ не-русскимъ населеніемъ (Забайкалье!) выдѣлялись въ особыя категоріи; здѣсь указанныя только-что трудности отпадаютъ, потому что формальный актъ крещенія проводитъ рѣзкую границу между крещеными и некрещеными инородцами.

Что касается, затѣмъ, до племенного признака, нерѣдко осложняемаго вѣроисповѣднымъ (нѣмцы—лютеране, или меннониты, литовцы—католики, финны—лютеране, евреи—исповѣданіе и раса!), то принимается онъ въ разсчетъ, главнымъ образомъ, въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ: на югѣ особый интересъ представляетъ рѣзкій, во всѣхъ отношеніяхъ, контрастъ между русскими и нѣмцами-колонистами, частью евреями, на сѣверо-западѣ большой интересъ представляютъ разновидности финской расы—финны, латыши и пр., частью коренные жители края, частью внѣдряющіеся среди русскаго населенія въ видѣ колонистовъ,— въ томъ или другомъ случаѣ рѣзко отличающіеся отъ русскихъ крестьянъ высокою культурностью и интенсивностью хозяйства. На востокѣ и юго-востокѣ значительная часть населенія—татары и башкиры, выдѣляющіеся, наоборотъ, и вообще низкимъ уровнемъ культуры, и въ частности — какъ очень плохіе земледѣльцы. На сѣверо-востокѣ любопытныя особенности представляютъ, напримѣръ, вотяки—какъ работники они отличаются нѣкоторою медлительностью, но зато упорствомъ и продолжительностью труда, и въ конечномъ счетѣ пользуются репутаціей домовитости и зажиточности, Приблизительно въ томъ же направленіи выдѣляется мордва; чуваши, напротивъ, считаются плохими хозяевами, по культурному же уровню всѣ три только-что названныя племенныя группы отличаются отъ русскихъ въ неблагопріятную сторону. Что касается до вѣтвей русскаго племени—великоруссы, малороссы, бѣлоруссы!—то въ общей статистикѣ крестьянскаго хозяйства ихъ, какъ правило, не выдѣляютъ: въ чисто-великорусскихъ, малорусскихъ и пр. районахъ для этого нѣтъ повода, въ смѣшанныхъ (Курская, Воронежская губерніи) ихъ, надо думать, было бы слишкомъ трудно точно разграничить. Во вновь колонизуемыхъ или недавно колонизованныхъ районахъ, гдѣ перемѣшались, напримѣръ, малороссы съ великороссами, такое разграниченіе, какъ правило, не представляетъ затрудненій. Вотъ почему въ переселенческой статистикѣ данныя о переселенцахъ—малороссахъ, какъ правило, даются

отдѣльно отъ данныхъ о великороссахъ, — вотъ почему, надо думать, отдѣлить малороссовъ отъ великороссовъ оказалось возможнымъ и въ такой сравнительно недавно колонизованной губерніи, какъ Саратовская.

Не входя въ особыя подробности, достаточно отмѣтить, что вліяніе племенного признака, нерѣдко, какъ уже упоминалось, осложняемаго вѣроисповѣднымъ, сказывается и на количественной, и на качественной сторонѣ хозяйства,—сказывается, едва ли не еще сильнѣе, на культурномъ уровнѣ. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько характерныхъ цифръ по Саратовской губерніи:

	Средній составъ семьи.	Грамотныхъ мужч.	Грамотныхъ женщ.	Головъ скота въ среднемъ.	% дв. съ 4 и болѣе лошад.
Великороссы	5,7	11	0,9	1,8	6
Малороссы	5,8	14	0,8	2,9	24
Нѣмцы	8,1	51	50	3,7	44
Мордва	6,6	5	0,2	1,9	5
Татары	5,7	10	0,2	1,1	0,8

Мы видимъ: малороссы стоятъ нѣсколько выше великороссовъ по зажиточности, но не отличаются отъ нихъ по составу семьи и по культурности; нѣмцы рѣзко выдѣляются вверхъ и по составу семьи, и по зажиточности, и по культурности; мордва стоитъ, въ общемъ, нѣсколько выше русскихъ по состоятельности и особенно по «семьяности», но значительно ниже по культурности; наконецъ, татары рѣзко выдѣляются внизъ по состоятельности, въ остальныхъ же отношеніяхъ мало отличаются отъ русскихъ. Одинъ же примѣръ приведу, чтобы показать, какъ выражаются въ цифрахъ различія въ качественной сторонѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ результатахъ хозяйства; именно, данныя объ унаваживаніи и объ урожаяхъ въ Новгородской губерніи

	Пуды навоза на дес. пара	Урожай ржи, четвертей.
русскіе . . .	900—1400	3,9—4,7
латыши . . .	1660	5,7
нѣмцы	2360	8,7

Самая техника учета племенныхъ различій въ значительной мѣрѣ облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ правило, представители отдѣльныхъ племенныхъ группъ живутъ отдѣльными селеніями. Отмѣтки племенного, а гдѣ нужно—и вѣроисповѣднаго признака дѣлаются обыкновенно въ формулярѣ, на предназначенныхъ для того мѣстахъ, непосредственно вслѣдъ за именемъ и фамиліею опрашиваемаго домохозяина. Въ поселенныхъ таблицахъ по губерніямъ и уѣздамъ со смѣшаннымъ населеніемъ, обычно, вслѣдъ за названіемъ селенія помѣщается особая графа для обозначенія племенной группы, но затѣмъ, нерѣдко (Вятская, Самарская, Саратовская губ.), даются особыя групповыя таблицы по племенному составу. Для мѣстностей съ особенно смѣшаннымъ населеніемъ (напр., для Таврической губерніи), гдѣ разноплеменность является обыч-

ною и внутри отдѣльныхъ селеній, въ поселенныхъ таблицахъ даются особыя графы для распредѣленія дворовъ, въ каждомъ селеніи, по національностямъ, и если желать, на основаніи данныхъ поселенныхъ таблицъ, изучать вліяніе племенного состава на тѣ или другія стороны крестьянской жизни, то этого можно достигнуть, образовавъ группы селеній, различающіяся по своему сплошному составу или по проценту того или другого племени.

Совершенно такою же является техника учета и другого изъ вышеназванныхъ моментовъ, съ которыми приходится считаться со стороны состава населенія: р а з р я д а к р е с т ь я н ъ,—здѣсь она даже еще проще, нежели по отношенію къ племенному признаку, потому что каждое селеніе, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, заселено крестьянами одного разряда, и даже тамъ, гдѣ въ одномъ селеніи живутъ крестьяне, положимъ, бывшіе помѣщичьи съ бывшими государственными, каждая изъ этихъ группъ образуетъ особое сельское общество, которое, въ такомъ случаѣ, и трактуется въ поселенныхъ таблицахъ какъ отдѣльное селеніе.

Что касается до существа вопроса, то прежде всего, принадлежность крестьянъ къ разряду бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ или удѣльныхъ какъ достаточно извѣстно и какъ мы подробнѣе увидимъ во II главѣ, опредѣленнымъ образомъ отражается на условіяхъ ихъ з е м е л ь н а г о о б е з п е ч е н і я. Если бы, однако, все дѣло было въ этомъ, то разрядный признакъ представлялъ бы только историческій интересъ и, въ значительной мѣрѣ или даже всецѣло, покрывался бы признакомъ размѣра земельнаго обезпеченія. Но дѣло этимъ не ограничивается. Дѣло не кончается даже и на различіяхъ въ м ѣ с т о п о л о ж е н і и бывшихъ государственныхъ, владѣльческихъ и т. п. селеній по отношенію къ арендному фонду, роль котораго въ видѣ правила играютъ, главнымъ образомъ, частновладѣльческія земли и лишь въ немногихъ губерніяхъ—казенныя или удѣльныя, и на вытекающихъ отсюда различіяхъ въ смыслѣ возможности расширенія крестьянскаго землепользованія путемъ аренды (см. ниже, гл. III). Принадлежность къ тому или другому разряду отражается на складѣ и характерѣ крестьянскаго хозяйства еще и другими, болѣе сложными, иногда трудно уловимыми путями, исходная точка которыхъ—во всей вѣковой исторіи крестьянъ того или другого разряда и въ слѣдахъ, оставленныхъ ею и на массовой психикѣ крестьянства, и непосредственно на народной экономикѣ. Разсуждая апріорно, слѣдовало бы ожидать, что вліяніе крѣпостного права въ томъ и другомъ направленіи могло быть только неблагопріятнымъ, и что, слѣдовательно, хозяйство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, при равномъ земельномъ обезпеченіи, будетъ характеризоваться м е н ѣ е благопріятными чертами, нежели хозяйство бывшихъ государственныхъ. Между тѣмъ, на дѣлѣ мы видимъ, скорѣе. обратное: мы уже видѣли, что послѣдніе, при одинаковомъ земельномъ обезпеченіи, даютъ меньшій приростъ населенія, нежели первые; изъ переселенческой статистики извѣстно, что переселеніе (въ массѣ, во всякомъ случаѣ, неблагопріятный симптомъ!) у государственныхъ крестьянъ развивается сильнѣе; есть немало и другихъ указаній на то, что при

равномъ земельномъ обезпеченіи, положеніе ихъ менѣе благопріятно. Почему это такъ—этотъ вопросъ остается мало выясненнымъ. Можетъ быть, что нѣкоторую роль тутъ играютъ, большія, какъ правило, возможности помѣщичьихъ крестьянъ въ смыслѣ арендованія земли; основательно или нѣтъ, но немалое значеніе приписывается въ данномъ направленіи, и притомъ отнюдь не одними только яркими представителями дворянско-помѣстныхъ тенденцій, тѣмъ заработкамъ, которые даетъ крестьянамъ близость помѣщичьихъ хозяйствъ. Авторъ этой книги склоненъ видѣть едва ли не главную причину разсматриваемаго парадоксальнаго явленія въ томъ обстоятельствѣ, что бывшіе помѣщичьи крестьяне, именно въ силу своего меньшаго земельнаго обезпеченія, раньше пережили тотъ кризисъ первобытнаго экстенсивнаго хозяйства, который у государственныхъ крестьянъ, получившихъ гораздо большіе надѣлы, наступилъ значительно позднѣе и, именно поэтому, переживается какъ-разъ въ настоящее время.

Переходя теперь къ вопросу о потребительно-рабочемъ составѣ крестьянской семьи, я, по соображеніямъ удобства изложенія, остановлюсь сначала на формулировкѣ вопросовъ этой категоріи, а также трактуемыхъ, обычно, въ связи съ ними, вопросовъ грамотности и школьнаго обученія, въ статистическихъ формулярахъ, а затѣмъ уже перейду къ существу вопроса, въ связи съ разработкой его въ статистическихъ сборникахъ.

Какъ и вездѣ, эволюція типа формуляровъ и въ данной категоріи вопросовъ шла отъ суммарной регистраціи, съ учетомъ лишь ничтожнаго числа признаковъ, къ все большей детализаціи и индивидуализаціи. Первые по времени формуляры, напримѣръ, по Полтавской губерніи (Зѣньк. у.) спрашиваютъ только объ общемъ числѣ душъ мужского и женскаго пола, въ томъ числѣ рабочихъ, о числѣ грамотныхъ мужского и женскаго пола, учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ,—все это безъ расчлененія по возрастамъ. Но уже по остальнымъ уѣздамъ той же Полтавской губерніи въ формуляры вводится повозрастный признакъ. Какъ въ этой, такъ и въ рядѣ другихъ губерній для вопросовъ разсматриваемой категоріи отводится отдѣльная табличка, съ заранѣе распредѣленными рубриками для 5—6 возрастныхъ группъ (по Полтавской съ интервалами: для мужчинъ до 7,—14,—18,—60, старше 60, для женщинъ до 7,—12,—16,—55 и старше; по Новгородской до года, до 8 лѣтъ—остальныя рубрики тѣже) и вертикальными столбцами для отмѣтки общаго числа душъ, а затѣмъ—калѣкъ, солдатъ на службѣ, грамотныхъ, учащихся; самая запись велась такимъ образомъ, что въ каждую клѣтку записывалась цифра возраста лица, обладающаго тѣмъ или другимъ признакомъ — грамотнаго, солдата, калѣки и т. п. Обычный, въ современныхъ формулярахъ единственный, типъ записей — это записи индивидуализированаго типа: опять-таки особая табличка,—но для каждаго лица отводится особая строка, въ которой, въ соотвѣтственныхъ столбцахъ, отмѣчаются характеризующіе его признаки; при этомъ мужскому и женскому полу иногда отводится особая половина таблички, иногда (что, конечно, гораздо цѣлесообразнѣе въ смыслѣ сбереженія мѣста) лица того и другого пола пишутся въ перемѣшку, и въ такомъ случаѣ полъ обозначается въ особой вертикальной графѣ, буквами м. или ж. Остальныя вертикальныя графы даютъ: отношеніе къ главѣ семьи, возрастъ, семейное положеніе, грамотность, отмѣтки о

солдатахъ на службѣ и неспособныхъ къ труду. Грамотность, въ видѣ правила, регистрируется суммарно—различаютъ только «грамотныхъ, полуграмотныхъ, учащихся»; иногда—детальнѣе; такъ, по Московской губерніи (повторное изслѣдованіе) были поставлены вопросы: «грамотный или учащійся, окончилъ курсъ школы или нѣтъ, какую окончилъ школу—однокласси. или двухкласси., земск., церк.-прих. или фабричную, сколько лѣтъ учился». По Олонецкой ставятся вопросы: «гдѣ обучался грамотѣ? окончилъ ли курсъ? сколько зимъ учился? гдѣ учился послѣднюю зиму?» и т. д. Для калѣкъ и неспособныхъ къ труду, обычно, обозначается только возрастъ и не дѣлается никакихъ отмѣтокъ относительно причинъ неспособности; какъ исключеніе, различаютъ «калѣкъ» и «больныхъ» (Воронежская губ.), или спрашиваютъ «въ чемъ заключается убожество» (первая перепись Тверской губ.). Что касается до возраста, то въ индивидуальныхъ записяхъ, дѣлаемыхъ непосредственно со словъ опрашиваемыхъ, пишется число прожитыхъ лѣтъ, въ выносныхъ же клѣткахъ пишется число душъ по каждой изъ тѣхъ 5—6 (иногда и больше) возрастныхъ категорій, которыя, затѣмъ, проводятся въ таблицахъ (см. ниже); калѣки и вообще неспособные обозначаются въ выносныхъ клѣткахъ въ общемъ числѣ и отдѣльно—«въ томъ числѣ рабочаго возраста», что, очевидно, необходимо для учета фактической рабочей силы двора.

Переходя, затѣмъ, къ существу вопроса, напомню, что для земской статистики «населеніе» представляетъ интересъ, прежде всего, какъ субъектъ крестьянскаго хозяйства, какъ его рабочая сила и какъ потребитель его продуктовъ. Основной или во всякомъ случаѣ—одинъ изъ наиболѣе основныхъ вопросовъ, интересующихъ земскую статистику—это, съ одной стороны, вопросъ, въ какой мѣрѣ рабочая сила населенія находитъ себѣ приложеніе въ собственномъ хозяйствѣ и гдѣ находитъ себѣ приложеніе избыточная ея часть, а съ другой стороны вопросъ, въ какой мѣрѣ крестьянское хозяйство обезпечиваетъ удовлетвореніе всей совокупности насущныхъ, и прежде всего—продовольственныхъ потребностей населенія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, центромъ вниманія земской статистики является потребительно-рабочій составъ населенія. Потребительный составъ—это, очевидно, все населеніе; рабочій составъ опредѣляется, прежде всего, повозрастною группировкой, въ частности—числомъ лицъ рабочаго и полурабочаго возраста. Рабочимъ возрастомъ, въ соотвѣтствіи съ нормальнымъ ходомъ развитія человѣческаго организма въ географическихъ и этнографическихъ условіяхъ коренной Россіи, принято считать, для мужчинъ, широкую группу 18 — 60 лѣтъ: примѣрно въ 18 лѣтъ крестьянскій парень становится способнымъ пахать и косить, примѣрно до 60 лѣтъ средній крестьянинъ дѣлаетъ всю тяжелую крестьянскую работу, Женщины раньше созрѣваютъ и раньше отцвѣтаютъ—въ соотвѣтствіи съ этимъ, предѣлами рабочаго возраста для нихъ обычно принимается 16—55 лѣтъ. Достаточно извѣстно, что въ 50, 55, 60 лѣтъ рабочая сила человѣка далеко не та, какъ въ 25 или 30,—но обычная земская повозрастная группировка уже не считается съ этимъ обстоятельствомъ; лишь въ самое послѣднее время, иногда (напр., по Тульской губерніи), подраздѣляютъ рабочій возрастъ на двѣ группы—моложе и старше 40 лѣтъ, имѣя въ виду такимъ путемъ учесть, такъ

сказать, цвѣтущій рабочій возрастъ и падающую рабочую силу. Наряду, однако, съ полными работниками существенную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ играютъ и полуработники. Это, съ одной стороны, подростки—парни, примѣрно, 14—18, дѣвушки 12—16 лѣтъ: тѣ и другія принимаютъ уже регулярное участіе въ большей части полевыхъ работъ, парень въ 16—17 лѣтъ при надобности и пашетъ, вообще, при нуждѣ, восполняетъ недостающую (или отвлеченную промыслами) полную рабочую силу. Это, съ другой стороны, старики, еще не окончательно утратившіе рабочую способность и принимающіе то или другое участіе въ работахъ по дому и по хозяйству; въ отдѣльныхъ случаяхъ этотъ второй полурабочій возрастъ затягивается до восьмого десятка и дольше, въ земской статистикѣ онъ принимается въ 60—65 лѣтъ для мужчинъ и 55—60 лѣтъ для женщинъ. Въ той или другой мѣрѣ крестьянское хозяйство используетъ и дѣтскія силы: мальчикъ въ 12, 10 лѣтъ и даже меньше пасетъ лошадей въ ночномъ, боронитъ и т. п., дѣвочка въ 10, 8 лѣтъ и меньше няньчитъ маленькихъ дѣтей. Учету эти дѣтскія силы, какъ таковыя, въ земской статистикѣ не подвергаются. Если земская статистика, главнымъ образомъ въ новѣйшихъ сборникахъ, не довольствуется вытекающими изъ сказаннаго пятью основными возрастными категоріями (рабочій возрастъ, два полурабочихъ, дѣти, старики), а подвергаетъ дѣтскій возрастъ нѣкоторому дальнѣйшему расчлененію, то это дѣлается уже не въ интересахъ болѣе полнаго учета рабочей силы, а въ виду тѣхъ культурно-попечительныхъ задачъ земства, съ которыми, естественно, считается земская статистика: она выдѣляетъ, именно, еще школьный возрастъ, считая его иногда съ 7, иногда съ 8 лѣтъ и до начала полурабочаго возраста.

Нелишнимъ будетъ, далѣе, отмѣтить, что повозрастная группировка населенія, имѣя основною цѣлью учетъ его рабочей силы, не лишена значенія и съ точки зрѣнія его потребительнаго состава. Въ потребленіи, конечно, участвуетъ все населеніе, — но степень его участія, въ значительной мѣрѣ, опредѣляется поломъ и, главнымъ образомъ, возрастомъ, — мужчина питается не такъ, какъ женщина, ребенокъ и подростокъ—не такъ, какъ взрослый человѣкъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, конечно, ребенокъ съѣдаетъ столько же и даже больше чѣмъ взрослый; мало того, отъ крестьянъ нерѣдко приходится слышать, что ребенокъ, можетъ быть, меньше съѣстъ, но больше разсоритъ, чѣмъ взрослый. Но поскольку рѣчь идетъ о массахъ, объ общемъ типѣ потребленія, жизненный опытъ, съ одной стороны, и данныя физіологіи питанія, съ другой, позволяютъ установить опредѣленную градацію, гдѣ женщина, подростокъ, ребенокъ представлены опредѣленными дробями взрослаго мужчины,—съ этою градаціею приходится считаться при всякаго рода разсчетахъ нормальнаго и дѣйствительнаго потребленія.

Возвращаясь, затѣмъ, къ вопросу о рабочей силѣ, можно сказать, что, поскольку рѣчь идетъ объ общей массѣ населенія, рабочій составъ

ея въ достаточной для общаго сужденія и для общихъ же сопоставленій мѣрѣ характеризуется повозрастнымъ распредѣленіемъ. Но реальная рабочая сила семьи получится лишь за вычетомъ изъ общаго числа душъ рабочаго возраста тѣхъ, кто по калѣчеству и т. п. обстоятельствамъ фактически неспособенъ къ труду. Вотъ почему земская статистика—какъ она ни равнодушна къ чистой демографіи—вынуждена учитывать число калѣкъ и неспособныхъ къ труду, не говоря уже о самодовлѣющемъ интересѣ такого учета, съ точки зрѣнія характеристики общаго уровня народнаго здоровья. Въ частности, при изученіи группировки крестьянскихъ дворовъ по рабочей силѣ рѣшающее значеніе имѣетъ, конечно, не число, въ каждой семьѣ, душъ рабочаго возраста, а число лицъ, фактически способныхъ работать—слѣдовательно, за вычетомъ калѣкъ и вообще неспособныхъ къ труду, а также солдатъ на дѣйствительной службѣ. Съ этимъ обстоятельствомъ считаются, однако, не всегда. Въ видѣ примѣра можно привести Саратовскую губернію: здѣсь при первой переписи, 1884 года, въ основу группировки полагался чисто-возрастный принципъ, при второй, 1897 г., группировка дѣлалась, какъ и слѣдуетъ, по фактическимъ работникамъ; въ результатѣ — несравнимость данныхъ той и другой переписи,—перепись 1884 года дастъ, очевидно, преувеличенное представленіе о численности высшихъ по рабочей силѣ группъ дворовъ.

Въ соотвѣтствіи съ общимъ направленіемъ эволюціи содержанія земскихъ статистическихъ сборниковъ, наиболѣе ранніе сборники давали лишь общія цифры населенія того и другого пола и отдѣльно, изъ того числа, лицъ въ рабочемъ возрастѣ. Тоже и въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ новѣйшихъ сборниковъ, въ которыхъ, какъ упоминалось, проявляется реакція противъ обычной нынѣ, чрезмѣрной подробности разработки,—въ сборникахъ по Симбирской губерніи, въ 3-ей подворной переписи Полтавской губерніи: здѣсь не дается даже счета душъ рабочаго возраста, а только группировка по рабочей силѣ. Возвращаясь затѣмъ къ старымъ сборникамъ, стоитъ отмѣтить сборники по Вятской губерніи—здѣсь дается число душъ не только рабочаго и нерабочаго, но еще отдѣльно и полурабочаго возраста. Съ середины 80-хъ годовъ земскіе сборники почти всегда даютъ населеніе съ распредѣленіемъ по пяти, рѣже шести возрастнымъ группамъ. Въ видѣ примѣровъ можно привести такія группировки: до 6, 7—13, 14—17, 18—60, старше 60 лѣтъ, или: до 13, 17, —60, —65, старше 65 лѣтъ,—въ первой выдѣленъ школьный, но не выдѣленъ старшій полурабочій возрастъ, во второй-наоборотъ. Встрѣчаются и болѣе короткія группировки,—напр. по Вологодской губерніи: до 13, —17, —60, старше 60 лѣтъ. Въ новѣйшее время встрѣчаются и болѣе расчлененныя: по Тверской губерніи до 1 г., 1—5, — 8, —14, —18 (женщ. до 16),—60 (—55), — 65 (—60), старше 65 (60) лѣтъ; еще дробнѣе по Ярославской: до 1 г., —7, —11, 12—13, 14—15, 16—17, 18—54, 55—59, старше 59 лѣтъ. Почему именно въ этихъ губерніяхъ потребовались такія болѣе расчлененныя группировки, очень трудно сказать,— говоря же вообще, крайняя разнокалиберность принятыхъ въ разныхъ сборникахъ повозрастныхъ группировокъ, будучи совершенно немотивированною, до крайности затрудняетъ всякія сравненія.

Данныя о числѣ калѣкъ и вообще неспособныхъ къ труду даются въ сборникахъ, едва-ли не чаще всего, лишь въ общемъ числѣ, съ распредѣленіемъ только

по полу, рѣже дается, кромѣ этого общаго числа, отдѣльно число калѣкъ и неспособныхъ въ рабочемъ возрастѣ. Въ видѣ примѣра болѣе детальной разработки можно привести Вологодскіе сборники: здѣсь число «неспособныхъ къ труду» дается отдѣльно по возрастнымъ группамъ 14—17, 17, 18—60, старше 60 лѣтъ, и по тѣмъ-же группамъ дается число фактическихъ работниковъ.

Наряду съ учетомъ потребительнаго и рабочаго состава всегда дается и группировка по рабочей силѣ. Только немногіе изъ самыхъ старыхъ сборниковъ ограничиваются приведеніемъ, напримѣръ, числа дворовъ безъ взрослыхъ работниковъ-мужчинъ и безъ взрослыхъ работниковъ того и другого пола (Зѣньковскій у. Полт. губ.). Затѣмъ, напр., уже Курскіе сборники, начала 80-хъ г.г., даютъ группировку по «рабочей силѣ семей»—безрабочіе, съ однимъ, съ 2—3, болѣе чѣмъ съ 3-мя работниками» мужского пола; для каждой группы дается число семей и общее число душъ въ нихъ. Такого же рода группировку даютъ и старые Тверскіе сборники,—они только добавляютъ группу дворовъ съ однимъ полуработникомъ и даютъ отдѣльно группы съ 2 и съ 3 работниками. Тотъ же типъ группировки, значитъ по однимъ лишь работникамъ мужского пола, преобладаетъ и въ настоящее время,—лишь въ видѣ исключенія при группировкѣ принимаются въ разсчетъ и женщины-работницы. Такъ, по Ярославской губерніи дается отдѣльно группировка по числу работниковъ-мужчинъ и отдѣльно—по числу работницъ; группы—безъ работниковъ даннаго пола, съ однимъ полуработникомъ, съ 1, съ 2, болѣе чѣмъ съ тремя работниками даннаго пола, особо дается еще группа дворовъ безъ работниковъ и безъ работницъ. Аналогичная группировка дается по Смоленской губерніи, но группы нѣсколько иныя: безъ работниковъ, съ 1, 2, 3 и болѣе чѣмъ съ 3 работниками того и другого пола. Въ видѣ единичныхъ исключеній, на которыхъ я, поэтому, и не буду останавливаться, дается комбинированная группировка по работникамъ того и другого пола или по работникамъ вмѣстѣ съ полуработниками, причемъ каждый полуработникъ считается за половину. Едва ли не еще болѣе рѣдкое исключеніе—группировка по потребительному составу, иначе сказать, по общему числу душъ въ семьѣ. Такую группировку даютъ одни изъ новѣйшихъ сборниковъ, Пензенскіе, въ общемъ принадлежащіе къ сокращенному типу разработки; группы такія: семьи съ 1, 1—3, 4—5, 6—7, 8—10, болѣе чѣмъ съ 10 членами.

Какъ мы отчасти могли убѣдиться на приведенныхъ на стр. 12 данныхъ по Саратовской губерніи, общій составъ семьи въ извѣстной мѣрѣ зависитъ отъ племеннаго состава населенія. Онъ зависитъ, затѣмъ, и отъ ряда другихъ условій, которыя лишь въ нѣкоторой своей части поддаются статистическому уловленію: отъ чисто-бытовыхъ привычекъ, въ однихъ случаяхъ и въ однѣхъ мѣстностяхъ способствующихъ нераздѣльности большой семьи, въ другихъ усиленно толкающихъ къ обособленію; отъ степени развитія индивидуализма, въ свою очередь зависящей отъ разнообразнѣйшихъ условій, между прочимъ—и отъ духа того или другого вѣроисповѣданія; отъ развитія промысловъ—это потому, что промысловый заработокъ, по большей части, является личнымъ заработкомъ отдѣльнаго трудоспособнаго члена семьи, а такой отдѣльно-зарабатывающій членъ семьи проявляетъ уже меньше склонности подчиняться семейной дисциплинѣ. Едва ли не наиболѣе ярко, однако, проявляется и едва ли не легче всего статистически уловляется параллелизмъ общаго состава семьи со степенью его состоятельности, симптомами которой—разъ идетъ рѣчь о крестьянскомъ населеніи—являются, прежде всего,

посѣвная площадь и количество скота. Характерныя цифры даетъ, для иллюстраціи этой зависимости, перепись, произведенная въ Уфимской губерніи, черезъ сельскую администрацію, въ 1909 г. Результаты этой переписи разработаны по посѣвнымъ группамъ (безпосѣвные, посѣвъ до 2, 2—4, 4—10, болѣе 10 дес), и средній составъ семьи въ каждой изъ этихъ группъ выразился такими цифрами: 4,3—4,7—5,4—6,5—7,8 душъ. Съ извѣстными различіями въ деталяхъ, обусловленными, вѣроятно, различіями этнографическаго характера, также самая зависимость съ совершенною отчетливостью проходитъ и по каждому отдѣльному уѣзду, для Златоустовскаго имѣемъ, напр., среднія цифры 4,9—5,0—5,6—6,6—8,2, для Мензелинскаго 3,2—4,3—5,3—6,5—7,9 душъ и т. д. Обусловленность размѣра семьи и ея состоятельности, несомнѣнно, является взаимною: съ одной стороны, болѣе зажиточная семья въ меньшей мѣрѣ подвергается расшатывающему вліянію промысловъ; съ другой—сильный составъ семьи оказываетъ благопріятное вліяніе на ея состоятельность. Вліяніе это, конечно, не непосредственное, а косвенное: вмѣстѣ съ общимъ составомъ семьи, какъ правило, растетъ ея рабочая сила, а рабочая сила, несомнѣнно, является первостепенно-важнымъ факторомъ развитія крестьянскаго хозяйства. Это—фактъ, твердо установленный жизнью и вполнѣ подтвержденный результатами статистическаго анализа; фактъ настолько установленный, что обезпеченность семьи-двора рабочею силой издавна сдѣлалась однимъ изъ излюбленныхъ факторовъ, полагаемыхъ въ основу построенія групповыхъ и комбинаціонныхъ таблицъ, иначе сказать—изучаемыхъ въ ихъ первенствующемъ вліяніи на крестьянское хозяйство. Но едва ли не рѣзче всего вліяніе рабочей силы сказывается въ данныхъ переселенческой статистики. Вотъ извлеченныя изъ работы автора этой книги данныя, касающіяся всей массы (безъ различія времени водворенія) переселенцевъ, водворенныхъ въ районѣ казенныхъ земель Томской губерніи:

Группы дворовъ.	Въ среднемъ на дворъ		% дворовъ	
	рабоч. лошад.	дес посѣвъ.	безъ посѣва и сѣющ. менѣе 1 дес.	продающихъ хлѣбъ.
безрабоч. и съ 1 полуработн. .	1,2	1,9	57	21
съ 1 работн.	1,6	2,7	33	23
съ 1—2 работн.	2,6	5,1	13	38
съ 3 и болѣе работн.	3,8	8,7	6	52

Отсылая за подробностями къ моей работѣ [1]), отмѣчу лишь тотъ поразительный фактъ, что съ теченіемъ времени вліяніе обезпеченности семьи рабочею силой п е р е в ѣ ш и в а е т ъ вліяніе другого первостепенно

[1]) «Томскіе переселенцы по подв. изсл. 1894 г.» перепечатано въ моемъ «Сборникѣ статей. Община. Переселеніе. Статистика» (1915)

важнаго фактора—обезпеченности переселенцевъ денежными средствами. Если взять недавно прибывшихъ переселенцевъ, то у нихъ деньги еще замѣтно превалируютъ надъ рабочею силой. Для переселенцевъ, прожившихъ 4 года и болѣе и, значитъ, уже вышедшихъ изъ фазы первоначальнаго обзаведенія на новомъ мѣстѣ, комбинаціонная разработка по обоимъ названнымъ факторамъ—рабочей силѣ и принесеннымъ деньгамъ—даетъ иную картину:

	Однорабочіе въ среднемъ		Многорабочіе на дворъ	
У дворовъ, принесшихъ съ собой денегъ:	рабоч. лошад.	десят. посѣва.	рабоч. лошад.	десят. посѣва.
ничего	1,6	2,9	3,5	7,7
до 25 р..	1,8	3,0	3,7	7,5
25—50 р..	2,0	3,6	4,3	10,0
50—100 р.	2.4	4,8	5,0	12,4
100—200 р.	2,8	5,8	5,4	13,1
болѣе 200 р. . . .	2,6	5,4	5,6	14,9

Мы видимъ — переселенцы, пришедшіе безъ копѣйки или съ нѣсколькими рублями въ карманѣ, но сильные числомъ работниковъ, черезъ немного лѣтъ рѣшительно обгоняютъ принесшихъ хотя бы относительно большія деньги, но не располагающихъ большою рабочей силой.

Однако, общій составъ семьи — число ѣдоковъ, имѣетъ и самостоятельное значеніе, независимое отъ рабочаго состава,—значеніе, которое можно резюмировать такою формулой: рабочій составъ даетъ возможность развивать хозяйство,—потребительный составъ заставляетъ это дѣлать, такъ какъ увеличиваетъ потребность въ продуктахъ, необходимыхъ для существованія семьи. Такого рода самостоятельное значеніе потребительнаго состава семьи выдвинуто и теоретически обосновано однимъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей экономики русскаго крестьянскаго хозяйства, А. В. Чаяновымъ. Поскольку для выясненія его г. Чаяновъ примѣняетъ статистическій анализъ, въ основѣ его лежитъ группировка бюджетныхъ данныхъ не по потребительному и не по рабочему составу семьи, а по отношенію числа ѣдоковъ въ семьѣ къ числу работниковъ (для этого отношенія г. Чаяновъ употребляетъ символъ ѣ/р). По этому признаку г. Чаяновъ образуетъ такія группы: 1 (семьи безъ членовъ нерабочаго возраста!), 1,0—1,15 1,15—1,30, 1,30—1,45, 1,45—1,60, болѣе 1,60 (подразумѣвается: ѣдоковъ въ среднемъ на одного работника). И вотъ для каждой изъ этихъ группъ получаются такія, среднія на ѣдока, цифры потребительнаго бюджета (все потребленіе, оцѣненное на деньги): по Вологодскому уѣзду 73—58—69—63—61—66; по Тотемскому 66—54—45—50—47—47; по Вельскому 76—54—49—56—52—51; по Воронежской губерніи 38—

40—51—45—55—46; по Волоколамскому уѣзду (Моск. губ.) 102—93—96—105—113. Среднія цифры на ѣдока обнаруживаютъ, такимъ образомъ, довольно неправильныя колебанія,—но въ общемъ стоятъ во всѣхъ группахъ болѣе или менѣе на одномъ уровнѣ, и во всякомъ случаѣ нельзя замѣтить, чтобы семьи, гдѣ работники сильнѣе обременены ѣдоками, хуже удовлетворяли свои потребности, нежели тѣ, гдѣ ѣдоковъ меньше. Совершенно иной характеръ имѣютъ ряды вычисленныхъ по тѣмъ-же группамъ цифръ, показывающихъ среднюю выработку одного работника; по Вологодскому уѣзду 73—64—79—84—92—118; по Тотемскому 66—59—55—69—71—73; по Вельскому 75—59—61—76—79—95; по Воронежской губерніи 38—45—62—63—85—85; по Волоколамскому уѣзду 127—132—151—219—283. Слѣдовательно, средняя выработка на одного работника, при наличности, конечно, болѣе или менѣе неправильныхъ частныхъ колебаній, въ общемъ, однако, послѣдовательно растетъ съ обремененіемъ работника ѣдоками. Такой ростъ средней выработки въ той или другой мѣрѣ можетъ объясняться, конечно, трудно уловимыми въ цифрахъ различіями въ интенсивности труда,—въ значительной своей части онъ можетъ быть, однако, сведенъ къ статистически-констатированному росту, вмѣстѣ съ коэффиціентомъ ѣ/р., самого количества затрачиваемаго работникомъ труда: по приводимымъ г. Чаяновымъ даннымъ Волоколамскихъ и Смоленскихъ бюджетовъ, среднее на работника число рабочихъ дней въ году въ группахъ съ ѣ/р. равнымъ 1,0, 1,01—1,29, 1,30—1,59, 1,60 и болѣе, выражается такими, почти съ полною правильностью растущими цифрами: 111—107—136—157. До извѣстной степени, впрочемъ, уловимы статистически и различія въ интенсивности труда, поскольку они находятъ себѣ выраженіе въ средней дневной выработкѣ: по тѣмъ-же Смоленскимъ и Волоколамскимъ даннымъ, средняя дневная выработка въ полеводствѣ и въ луговодствѣ выражается, въ тѣхъ же группахъ, цифрами 117—140—155—163 копѣйки; судя по этимъ цифрамъ, съ обремененностью работника ѣдоками растетъ и интенсивность труда,—рѣзче всего съ переходомъ отъ хозяйствъ трудоспособныхъ одиночекъ къ хозяйствамъ хотя бы съ очень небольшимъ числомъ нетрудоспособныхъ ѣдоковъ. Этимъ—отмѣчаетъ А. В. Чаяновъ—русское крестьянское хозяйство рѣзко отличается отъ хозяйства промышленныхъ рабочихъ; по бюджетамъ, напримѣръ, гамбургскихъ рабочихъ приведенная къ ста средняя выработка работника, въ образованныхъ по аналогичному принципу группахъ, выражается такими, почти не возрастающими, цифрами: 100—106—113—109—120—118—120, и въ соотвѣтствіи съ этимъ среднее потребленіе ѣдока выражается въ рѣзко убывающихъ цифрахъ: 100—94—85—77—76—69—59.

Здѣсь не мѣсто, разумѣется, входить въ подробное разсмотрѣніе теоретическихъ соображеній, приводимыхъ А. В. Чаяновымъ въ объясненіе этой — по его мнѣнію — характерной особенности русскаго крестьянскаго хозяй

ства[1]). Существенный ихъ смыслъ сводится къ двумъ пунктамъ: во 1-хъ, къ низкому уровню потребностей русскаго крестьянина—«потребности рядовой крестьянской семьи стоятъ на самомъ низкомъ уровнѣ, и разъ онѣ удовлетворены, хозяйствующій человѣкъ не видитъ стимуловъ къ дальнѣйшей затратѣ труда», если его не вынуждаетъ къ этому самая насущная нужда; во 2-хъ,—«избыточность труда въ нашей деревнѣ», при наличности которой «всякое дополнительное приложеніе труда настолько тяжело, въ сравненіи съ оплатой его, что только—опять-таки—исключительно сильная нужда, испытываемая въ сильно обремененныхъ ѣдоками семьяхъ, можетъ принудить къ этимъ работамъ». Не мѣсто здѣсь входить и въ подробное разсмотрѣніе этихъ соображеній. Въ обѣихъ своихъ частяхъ они страдаютъ немотивированнымъ обобщеніемъ вѣрныхъ, можетъ быть, но не имѣющихъ общаго характера фактовъ: съ одной стороны, потребности русскаго крестьянина далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ и не во всѣхъ слояхъ крестьянства минимальны; съ другой—если оставить въ сторонѣ промышленный сѣверъ—крестьянинъ, и именно болѣе состоятельный крестьянинъ, побуждаемый никакъ не нуждою, а расчетомъ, всегда стремится, во что бы то ни стало, къ расширенію своего хозяйства (прикупка земли, аренда и пр.). А затѣмъ и самый фактъ отнюдь не представляетъ собою специфической особенности именно русскаго крестьянскаго хозяйства: тотъ же фактъ, какъ видно изъ приводимыхъ самимъ г. Чаяновымъ данныхъ, наблюдается и у швейцарскаго крестьянства; мало того, съ тѣмъ же явленіемъ мы встрѣтимся въ любой другой сферѣ—напримѣръ, въ либеральныхъ профессіяхъ: учитель, литераторъ, врачъ, чиновникъ, адвокатъ, если онъ обремененъ большой семьею, будетъ стараться во что бы то ни стало увеличить свой заработокъ, чтобы дать семьѣ возможность «приличнаго» существованія, и сплошь и рядомъ удовольствуется меньшимъ заработкомъ, если малый размѣръ семьи позволитъ ему «прилично» жить при меньшемъ напряженіи своихъ силъ. Все сказанное, конечно, не умаляетъ интереса подмѣченныхъ А. В. Чаяновымъ фактовъ,—не уменьшаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и интереса дальнѣйшаго изученія вопроса о вліяніи потребительнаго состава семьи на производительность труда.

Попутно съ населеніемъ, какъ упоминалось, всегда собираются свѣдѣнія о грамотности и о школьномъ обученіи.

> О формулировкѣ вопросовъ этой категоріи въ статистическихъ формулярахъ было сказано выше,—данныя для характеристики условій школьнаго обученія и вообще источниковъ пріобрѣтенія грамотности частью собираются попутно же съ мѣстнымъ изслѣдованіемъ крестьянскаго хозяйства, при заполненіи поселенныхъ (пообщиныхъ) бланковъ, частью заимствуются изъ спеціальной школьной статистики, которая въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ведется издавна

[1]) См. особенно его брошюры: „Вліяніе состава и величины крест. семьи на ея хозяйств. дѣятельность" (отт. изъ Трудовь И В. Э. О. 1912 г.) и «Очерки трудового хозяйства». М. 1912.

и съ большою детальностью. Что касается до разработки вопросовъ данной категоріи въ сборникахъ общей статистики крестьянскаго хозяйства, то старые сборники посвящали имъ весьма мало вниманія. Они давали, напримѣръ, число грамотныхъ мужчинъ и женщинъ, число учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ, число семей безъграмотныхъ и учащихся (Курская губ.), или чаще обратно: число семей съ грамотными, съ учащимися, съ тѣми и другими вмѣстѣ. Воронежскіе сборники давали даже слитно число грамотныхъ и учащихся, съ подраздѣленіемъ по полу. Столь же малая степень детальности разработки даннаго вопроса наблюдается и въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ сборниковъ, напримѣръ, въ Симбирскихъ; въ поселенныхъ таблицахъ по Пензенской губерніи учетъ грамотныхъ дается только для мужчинъ-работниковъ, для школьнаго обученія дается число хозяйствъ съ учащимися, число учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ. Значительно детальнѣе вопросъ о грамотности и школьномъ обученіи разработанъ, напримѣръ, въ сборникахъ по Владимірской губерніи, по Мышкинскому (Яросл.), по Вяземскому. уѣз. (Смоленск. губ.). По Владимірской губ. таблицы даютъ число дворовъ съ грамотными и учащимися, въ нихъ число мужчинъ и женщинъ грамотныхъ и полуграмотныхъ, число учившихся въ школѣ и внѣ школы, съ распредѣленіемъ первыхъ по числу проведенныхъ въ школѣ лѣтъ, число дворовъ съ учащимися и число въ нихъ учащихся мужчинъ и женщинъ. Въ таблицахъ по Мышкинскому уѣзду дается чило семей съ грамотными обоего пола, отдѣльно семей съ грамотными мужчинами и число въ нихъ грамотныхъ мужчинъ, число полуграмотныхъ мужчинъ,—затѣмъ всѣ тѣ же свѣдѣнія для женщинъ; число семей съ учащимися и съ окончившими школу и число въ нихъ окончившихъ и учащихся каждаго пола, число грамотныхъ (не учащихся) школьн. возраста, наконецъ, число семей безграмотныхъ и учащихся. Въ сборникѣ по Вяземскому уѣзду и для мужчинъ, и для женщинъ дается число грамотныхъ, отдѣльно полуграмотныхъ и особо учащихся, съ подраздѣленіемъ на учившихся и учащихся въ школѣ, внѣ школы и неизвѣстно гдѣ,—затѣмъ число грамотныхъ в м ѣ с т ѣ съ полуграмотными, и учащихся съ другимъ подраздѣленіемъ: въ городѣ, въ деревнѣ, неизвѣстно гдѣ.

Практическое значеніе вопросовъ о грамотности и школьномъ обученіи понятно безъ подробныхъ объясненій: земство, въ той или другой мѣрѣ, участвуетъ въ организаціи школьнаго обученія въ своихъ губерніяхъ и уѣздахъ; оно, очевидно, заинтересовано въ томъ, чтобы знать, какъ обстоитъ дѣло фактически,—въ какой мѣрѣ существующая школьная сѣть удовлетворяетъ потребности въ школьномъ обученіи, и въ какой мѣрѣ эта потребность остается неудовлетворенною (безграмотные, неучащіяся дѣти!). Вмѣстѣ съ тѣмъ оно заинтересовано въ выясненіи тѣхъ условій, въ связи съ которыми стоитъ распространеніе грамотности и школьнаго обученія—лишь зная эти условія, оно можетъ направить свою организаціонную дѣятельность такъ, чтобы достичь наиболѣе полнаго удовлетворенія потребности въ школьномъ обученіи. Отсюда—практическій интересъ той связи, которая, при анализѣ, обнаруживается между грамотностью и школьнымъ обученіемъ, съ одной стороны, и всею совокупностью данныхъ экономическаго изслѣдованія—съ другой. И, конечно, именно въ выясненіи этой связи и зависимости—весь н а у ч н ы й интересъ вопроса о грамотности и школьномъ обученіи.

Если теперь остановиться, прежде всего, на основной задачѣ—

констатированія фактовъ, то приходится отмѣтить, что, въ частности, фактъ грамотности констатируется земскою статистикою, какъ, впрочемъ, и всякою статистикою, не преслѣдующею спеціальныхъ цѣлей, лишь въ самой суммарной формѣ: учитываютъ иногда просто только «грамотныхъ», не входя въ какіе-бы то ни было оттѣнки грамотности; иногда «грамотныхъ» и «полуграмотныхъ» (Вологодская, Смоленская губ.), иногда «умѣющихъ читать» и «умѣющихъ писать» (Пензенская губ.), что, въ конечномъ счетѣ, даетъ учетъ тѣхъ же грамотныхъ (читаютъ и пишутъ) и полуграмотныхъ (только читаютъ). Остаются неучтенными и технически едва ли могутъ подлежать учету разнообразнѣйшіе, встрѣчающіеся въ деревенской дѣйствительности оттѣнки грамотности и полуграмотности: чтеніе по писанному—или только по печатному; сознательное чтеніе—и механическое складываніе словъ: умѣнье только подписать фамилію или разныя степени болѣе или менѣе полнаго умѣнья писать,—не говоря уже о разныхъ степеняхъ такъ-называемаго «рецидива безграмотности», въ который впадаютъ многіе изъ обитателей русской деревни, за отсутствіемъ случая упражнять пріобрѣтенные въ школѣ навыки. Въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ племеннымъ составомъ населенія (напр. Таврическая губернія) учитывается отдѣльно грамотность по-русски и отдѣльно—на томъ или другомъ родномъ, не-русскомъ языкѣ. Иногда, довольно рѣдко, учитываются источники грамотности: обученіе внѣ школы, школа, и притомъ какая, военная служба; статистики марксистскаго направленія особенно интересуются городомъ, какъ источникомъ пріобрѣтенія грамотности, говоря же вообще, грамотность, пріобрѣтенная внѣ школы,—одинъ изъ наиболѣе чувствительныхъ симптомовъ уже непосредственно ощущаемой населеніемъ, но еще остающейся неудовлетворенною потребности въ школьномъ обученіи. Но, конечно, наиболѣе непосредственною мѣрою удовлетворенія или неудовлетворенія этой потребности является число учащихся, сопоставленное съ числомъ дѣтей такъ или иначе принятаго школьнаго возраста. Вычисленіе отношенія числа учащихся къ числу дѣтей школьнаго возраста—очень важная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень трудная статистическая задача; главная трудность ея въ томъ, что нормальная продолжительность обученія въ начальной школѣ (3 или 4 года) значительно меньше продолжительности такъ-называемаго школьнаго возраста (не менѣе 6—7 лѣтъ),—а слѣдовательно, вычисленіе «коэффиціента школьнаго обученія» путемъ дѣленія, просто, числа учащихся на число дѣтей школьнаго возраста даетъ сильно преуменьшенные противъ дѣйствительности коэффиціенты.

Что касается до зависимости степени распространенія грамотности и школьнаго обученія отъ разнообразныхъ условій, учитываемыхъ при экономическомъ изслѣдованіи, то, не входя въ особыя подробности и не приводя цифровыхъ иллюстрацій, можно отмѣтить хотя бы связь грамотности съ возрастнымъ составомъ населенія,—связь, вытекающую изъ быстраго, въ послѣднія десятилѣтія, роста числа школъ, благо-

ларя которому болѣе молодые возрастные слои имѣли и имѣютъ гораздо болѣе легкую возможность пріобрѣтенія грамотности, нежели старшія поколѣнія. Затѣмъ—связь съ племеннымъ составомъ населенія, ясно видную хотя бы изъ приведенныхъ на стр. 12 цифровыхъ данныхъ по Саратовской губерніи, причемъ эта связь, въ той или другой мѣрѣ, осложняется вѣроисповѣдными особенностями. Если взять, напримѣръ, такія три племенныя группы: русскихъ, нѣмцевъ и евреевъ (колонистовъ), то русскіе и вообще окажутся стоящими на послѣднемъ мѣстѣ, и въ частности—грамотность женщинъ у русскихъ ничтожна, даже по сравненію съ грамотностью мужчинъ въ той же этнографической группѣ. Уровень грамотности и школьнаго обученія чрезвычайно высокъ у нѣмцевъ, и притомъ одинаково у того и другого пола; едва ли это было бы такъ, если бы не требованія, предъявляемыя протестантскою церковью, притомъ одинаково къ мальчикамъ и дѣвочкамъ, для допущенія къ конфирмаціи. Евреи не уступаютъ нѣмцамъ по грамотности и школьному обученію мужской части населенія, но процентъ грамотности женщинъ у нихъ въ нѣсколько разъ ниже, немногимъ превышая уровень грамотности русскихъ женщинъ; дѣло здѣсь, очевидно, въ строгихъ молитвенныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ еврейскою религіей къ мужчинамъ, и въ весьма приниженномъ, въ религіозномъ отношеніи, положеніи еврейскихъ женщинъ. Весьма опредѣленно сказывается зависимость грамотности и школьнаго обученія отъ земледѣльческаго благосостоянія, измѣряемаго землею, посѣвами и скотомъ,—съ благосостояніемъ, очевидно, растетъ возможность давать дѣтямъ школьное обученіе. Однако, возможность эта не всегда проявляется съ полною правильностью,—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тѣ или другія группы съ болѣе крупными посѣвами оказываются не только не стоящими впереди, но, напротивъ—остающимися позади менѣе состоятельныхъ, въ особенности въ отношеніи школьнаго обученія дѣтей; дѣло здѣсь, очевидно, въ томъ, что хозяйства съ болѣе значительными посѣвами имѣютъ больше случаевъ занять дѣтей работами по хозяйству, а потому чаще отрываютъ дѣтей отъ посѣщенія школы. Иногда удается обнаружить зависимость грамотности не столько отъ общихъ размѣровъ хозяйства, сколько отъ развитія такихъ отраслей его, которыя требуютъ большей сознательности и интеллигентности; у татарскаго населенія, напримѣръ, Таврической губерніи не обнаружилось почти никакой зависимости отъ общей площади посѣвовъ, но оказалась довольно отчетливая зависимость отъ доли культурной площади, занятой подъ садами, виноградниками и т. п. спеціальными культурами. Особенно рѣзко обнаруживается, затѣмъ, зависимость грамотности и школьнаго обученія отъ промысловъ, которые, даже и взятые въ общемъ видѣ, должны способствовать развитію грамотности, такъ какъ расширяютъ кругозоръ и чаще, нежели собственное земледѣльческое хозяйство, ставятъ крестьянина лицомъ къ лицу съ проистекающими изъ без-

грамотности неудобствами. До сихъ поръ вліяніе промысловъ и изучалось болѣе или менѣе исключительно въ такомъ общемъ видѣ, безъ расчлененія по видамъ промысловъ. Между тѣмъ ясно, что роль различныхъ видовъ промысловъ въ дѣлѣ распространенія грамотности не можетъ быть одинакова: такіе виды ихъ, какъ: лѣсной, напримѣръ, или охотничій промыселъ, могутъ способствовать скорѣе одичанію, нежели распространенію культурности; почти въ той же мѣрѣ можно сказать это о земледѣльческомъ отходѣ, о заработкахъ по сплаву, о многихъ видахъ кустарничества,—и здѣсь не является ни особыхъ стимуловъ, ни какихъ-либо спеціальныхъ удобствъ къ пріобрѣтенію грамотности. Совершенно иное приходится сказать о фабричномъ отходѣ, который, конечно, и стимулируетъ, и облегчаетъ пріобрѣтеніе грамотности; о столичномъ отходѣ, и въ особенности о такихъ его видахъ, какъ торговля или трактирный промыселъ, гдѣ извѣстная степень грамотности является уже прямою профессіональною потребностью. Въ такомъ расчлененномъ видѣ, однако, вліяніе промысловъ на грамотность до сихъ поръ почти не изучалось; такое изученіе является дѣломъ будущаго, и притомъ для ближайшаго будущаго оно очень затрудняется весьма неудовлетворительнымъ качествомъ, именно, недостаточною отчетливостью и расчлененностью, даваемой земскою статистикой характеристики промысловой дѣятельности населенія.

Конечно, наряду съ факторами общаго порядка, развитіе грамотности и школьнаго обученія зависитъ и отъ наличности благопріятой для того внѣшней обстановки, въ значительной степени опредѣляемой характеромъ работы земства въ области школьнаго дѣла. Изученіе этого рода зависимостей относится уже, говоря вообще, къ сферѣ вѣдѣнія спеціально-школьной статистики. Въ рамкахъ общей земской статистики крестьянскаго хозяйства представляется возможнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ, изучать одну только, наиболѣе простую и рѣзко бросающуюся въ глаза зависимость—именно, вліяніе наличности школы въ данномъ селеніи или разстояніи его отъ школы; необходимымъ—потому, что лишь элиминировавъ (путемъ комбинаціоннаго подсчета) вліяніе этого момента, мы можемъ въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ учесть вліяніе такихъ факторовъ, какъ племенной составъ, благосостояніе и т. п. Какъ и можно было ожидать, вліяніе разстоянія отъ школы на грамотность и особенно на школьное обученіе проявляется весьма отчетливо, Любопытно, однако, что съ наибольшею рѣзкостью проявляется вліяніе первой версты, — дальнѣйше удаленіе селенія отъ школы отражается на грамотности гораздо слабѣе; мало того — по нѣкоторымъ подсчетамъ, сдѣланнымъ въ статистическомъ семинаріи Петроградскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, оказывается, что селенія, отстоящія отъ школы дальше пяти верстъ, даютъ не только не меньшіе, но даже нѣсколько болѣе высокіе коэффиціенты, нежели селенія, лежащія въ нѣсколько болѣе близкомъ къ школѣ поясѣ (3—5

верстъ): дѣло, вѣроятно, въ томъ, что такія, уже окончательно отрѣзанныя отъ оффиціальной школы, селенія, такъ или иначе приспособляются, въ частности замѣняютъ оффиціальную школу какими-либо суррогатами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Землевладѣніе

(надѣльная и купчая земля).

Вопросъ о землевладѣніи крестьянъ—это, если не самый основной то, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ основныхъ вопросовъ крестьянскаго хозяйства. Въ то же время это и наиболѣе сложный изъ нихъ, и потому онъ требуетъ гораздо болѣе подробнаго разсмотрѣнія, нежели какимъ можно было удовольствоваться по отношенію къ вопросамъ, разсмотрѣннымъ въ предыдущей главѣ. Въ частности, къ разсмотрѣнію его по существу, какъ онъ стоитъ въ настоящій историческій моментъ, нельзя подойти безъ нѣкотораго, хотя бы самаго бѣглаго, историческаго экскурса [1]).

Основной видъ землевладѣнія русскаго крестьянства, какъ извѣстно, надѣльное землевладѣніе. Размѣры его, въ значительной мѣрѣ и его качественный составъ, предопредѣлены условіями первоначальнаго надѣленія крестьянъ, которыя, въ свою очередь, предопредѣлялись принадлежностью крестьянъ къ тому или другому разряду. Основные разряды крестьянъ—это бывшіе помѣщичьи, бывшіе государственные и бывшіе удѣльные; иначе сказать—сидѣвшіе на земляхъ помѣстнаго дворянства, казны или удѣла (удѣлъ—государственно-правовое владѣніе Императорской фамиліи). Крестьяне первой изъ трехъ названныхъ категорій состояли въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ-землевладѣльцевъ, по своему фактическому, бытовому характеру болѣе близкой къ рабству, нежели къ типичному крѣпостному праву; крестьяне, сидѣвшіе на земляхъ казны и удѣла, также были не простыми «держателями» этихъ земель,—они находились въ личной зависимости отъ казны и удѣла, которые осуществляли свою власть и свое попечительство надъ личностью своихъ крестьянъ черезъ посредство особой системы центральныхъ и мѣстныхъ органовъ министерства государственныхъ имуществъ и удѣльнаго управленія. Личная зависимость крестьянъ всѣхъ трехъ категорій была уничтожена историческими актами 1861, 1863 и 1866 гг., и въ

---

[1]) См. Ходскій, «Земля и земледѣлецъ», 1889 г., т. II; Денъ, «Очерки по экономич. географіи, часть I, Сельское хозяйство», 1908, статью «Крестьяне» въ Энц. Словарѣ Брокг. и Эфрона и «Крестьяне» (В. И. Семевскаго) въ Энц. словарѣ бр. Гранатъ (7 изд.).

силу тѣхъ же актовъ и разнообразныхъ другихъ узаконеній, изданныхъ частью въ измѣненіе, частью въ развитіе и дополненіе ихъ, они были надѣлены землей. Условія надѣленія каждой изъ трехъ категорій крестьянъ были далеко неодинаковы, — они были одни для помѣщичьихъ крестьянъ, гдѣ государственной власти приходилось считаться съ частными интересами могущественнаго помѣстнаго дворянства, и другія для государственныхъ и удѣльныхъ, надѣленіе которыхъ было не только по формѣ, но и по существу, одностороннимъ актомъ государственной власти, а потому условія надѣленія каждаго изъ трехъ разрядовъ требуютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія.

Условія надѣленія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ были выработаны какъ компромиссъ, вытекшій изъ столкновенія крестьянскаго и помѣщичьяго интереса. Представителемъ перваго былъ, въ значительной мѣрѣ, Императоръ Александръ II, затѣмъ его ближайшіе сотрудники—Великій Князь Константинъ Николаевичъ, предсѣдатель такъ называемыхъ редакціонныхъ комиссій, генералъ Я. И. Ростовцовъ, большинство постояннаго состава этихъ комиссій, а затѣмъ—нѣкоторое, мѣстами болѣе сильное, мѣстами ничтожное меньшинство помѣстнаго дворянства, изъ среды котораго вышли такіе видные дѣятели крестьянской реформы, какъ Н. А. Милютинъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, князь В. А. Черкасскій и др. Интересъ помѣщичій былъ представленъ, разумѣется, подавляющимъ большинствомъ помѣстнаго дворянства, а слѣдовательно—и подавляющимъ большинствомъ вышедшей изъ его же среды высшей бюрократіи, включая большинство членовъ Государственнаго Совѣта и преемника гр. Ростовцова въ должности предсѣдателя редакціонныхъ комиссій, гр. В. Н. Панина. По мѣрѣ хода разработки крестьянскихъ «положеній», представителямъ дворянскаго интереса удалось добиться серьезнѣйшихъ уступокъ, и получившія силу закона «положенія» были далеко менѣе благопріятны для крестьянъ, нежели первоначальные проекты. Согласно основной идеѣ составителей послѣднихъ, въ основу надѣленія крестьянъ должны были быть положены не какія-либо нормы,—выработка которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, представляла бы (и даже при современномъ состояніи нашихъ знаній о крестьянскомъ землепользованіи и хозяйствѣ представляетъ) непреодолимыя затрудненія, а существовавшіе при крѣпостномъ правѣ надѣлы, въ величинѣ которыхъ усматривалось «лучшее и даже единственное практическое мѣрило» потребности крестьянина въ землѣ. Существуетъ мнѣніе (представленное, напр., Каблуковымъ), что и «существовавшіе» — иначе сказать, такъ-называемые «тяглые надѣлы», предоставлявшіеся помѣщиками крестьянамъ за отбываніе трехдневной барщины, тоже были бы недостаточны для обезпеченія крестьянъ: указывается, именно, что тяглые надѣлы были разсчитаны только на тѣ три дня въ недѣлю, когда крѣпостной крестьянинъ могъ работать на себя,—слѣдовательно, не могли поглотить всего труда освобожденнаго крестьянина въ теченіе всей недѣли; что надѣлъ при крѣ-

постномъ правѣ долженъ былъ лишь обезпечить существованіе крестьянина, теперь же долженъ былъ дать ему и средства для несенія повинностей; что при крѣпостномъ правѣ крестьянинъ, кромѣ тяглаго надѣла, пользовался «привольями» (выпасомъ скота) и лѣсомъ на землѣ помѣщика. Правильны ли эти соображенія или нѣтъ—вопросъ не безспорный. Но фактъ, что крестьяне, въ концѣ-концовъ, не получили и «существовавшихъ надѣловъ». Проектированные, въ соотвѣтствіи съ обычными размѣрами послѣднихъ, такъ называемые «высшіе» и «указные» надѣлы, подъ вліяніемъ заинтересованнаго въ сокращеніи ихъ размѣровъ дворянства, трижды были подвергнуты значительнымъ урѣзкамъ (въ окончательномъ видѣ высшій или указный надѣлъ колебался, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, между $2^3/_4$ и 12 дес. на душу X ревизіи); «нисшій надѣлъ», т.-е. норма, до которой обязательно должны были доводиться надѣлы малоземельныхъ крестьянъ, былъ понижень съ двухъ пятыхъ до трети высшаго надѣла; было введено правило, въ силу котораго существовавшіе надѣлы, даже если они не достигали «высшаго» или «указнаго» размѣра, должны были подвергаться урѣзкѣ, если у помѣщика оставалось менѣе трети всей площади его имѣнія; наконецъ, уже при разсмотрѣніи проекта «положеній» въ послѣдней стадіи — въ Государственномъ Совѣтѣ, были установлены такъ-называемые дарственные надѣлы: по соглашенію помѣщика съ крестьянами, послѣдніе могли получать четверть высшаго надѣла «въ даръ», т.-е. безъ обложенія какими-либо повинностями. Крестьяне охотно шли на эту комбинацію, разчитывая арендовать недостающее количество земли у помѣщика же за безцѣнокъ; помѣщики хотѣли этимъ путемъ создать себѣ кабальныхъ рабочихъ и арендаторовъ, правильно разсчитывая на быстрый подъемъ арендныхъ цѣнъ. Въ конечномъ итогѣ землевладѣніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ подверглось гдѣ не слишкомъ, гдѣ очень значительному сокращенію. Такъ, въ Рязанской губерніи изъ 1070 тыс. дес., находившихся въ пользованіи крестьянъ при крѣпостномъ правѣ, въ надѣлы поступило ровно милліонъ десятинъ; въ Саратовской губерніи крестьяне получили въ надѣлъ всего 834 тыс. изъ 1078 тыс., въ Новгородской 1045 изъ 1600 тыс. десятинъ. Въ Саратовской губерніи, гдѣ вопросъ былъ подробно изслѣдованъ земскими статистиками, надѣлъ увеличился противъ тяглаго у 7%, остался безъ измѣненія у 28, сократился у 64% всѣхъ крестьянъ; менѣе трехъ четвертей установленной положеніями нормы при крѣпостномъ правѣ имѣли въ Саратовской губерніи всего 16%, по освобожденіи уже 52% всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ. Отводъ дарственныхъ надѣловъ практиковался широко, особенно въ южныхъ и восточныхъ губерніяхъ, благодаря не только ошибочному разсчету крестьянъ, но, нерѣдко, и благодаря оказывавшемуся на нихъ со стороны помѣщика давленію; въ четырехъ губерніяхъ эта, поставленная въ исключительно тяжелыя условія, категорія крестьянъ составила 20—30%, въ четырехъ же 33—35%, въ

Уфимской и Самарской даже 40—45% всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Многочисленная (всего до 720 тыс. ревизскихъ душъ) категорія дворовыхъ, при крѣпостномъ правѣ находившихся на непосредственномъ иждивеніи помѣщика и потому не получавшихъ тяглаго надѣла, не получила земли и при выходѣ на волю; не получили земли и всѣ тѣ, тоже довольно многочисленные, крѣпостные, которые еще при крѣпостномъ правѣ переписались въ мѣщане; перечисленіе крестьянъ какъ въ мѣщане, такъ и въ дворовые довольно широко практиковалось помѣщиками непосредственно передъ объявленіемъ воли, съ опредѣленною цѣлью—сократить число крѣпостныхъ, подлежащихъ надѣленію. Самый способъ отвода надѣловъ въ массѣ случаевъ былъ весьма невыгоденъ для крестьянъ: не говоря уже о томъ, что въ надѣлъ, какъ правило, поступали худшія, помѣщикамъ оставлялись лучшія земли,— надѣлы, весьма часто, отводились въ крайне неудобныхъ для крестьянъ очертаніяхъ: клочки крестьянскихъ угодій оказывались вклиненными среди помѣщичьихъ земель, среди крестьянскихъ надѣловъ врѣзывались помѣщичьи «клинья» и «западни», крестьяне сплошь и рядомъ оказывались отрѣзанными отъ своего водопоя или даже вовсе лишенными водопоя, и т. п.; крестьяне охотно шли на такую чрезполосность, стремясь во что-бы то ни стало сохранить въ своемъ надѣлѣ каждый клочекъ своей пашни и, напротивъ, исключить изъ надѣла каждый клочекъ неудобной земли; помѣщики—какъ мы увидимъ въ гл. III и VI— создали себѣ этимъ путемъ чрезвычайно дѣйствительный способъ закабаленія крестьянъ, на почвѣ вынужденной аренды и связанныхъ съ нею вынужденныхъ отработковъ.

Надѣленіе бывшихъ удѣльныхъ и особенно государственныхъ крестьянъ послѣдовало внѣ какого-либо вліянія помѣстнаго класса, а потому на гораздо болѣе выгодныхъ для крестьянъ основаніяхъ. Основанія надѣленія удѣльныхъ крестьянъ были первоначально установлены, положеніемъ 1861 года, почти одинаковыя съ условіями надѣленія помѣщичьихъ крестьянъ. Они были, однако, значительно измѣнены, въ выгодную для крестьянъ сторону, положеніемъ 1863 года: крестьяне получили въ надѣлъ все, чѣмъ пользовались во время своей личной зависимости отъ удѣла, и сверхъ того еще значительныя прирѣзки. Еще болѣе благопріятными были основанія надѣленія бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Систематическія работы по надѣленію ихъ велись уже издавна, по правиламъ, изложеннымъ въ такъ-наз. уставѣ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ (св. зак.1857 г. т. XII ч.II): на каждую ревизскую душу отводилось въ многоземельныхъ губерніяхъ по 15, въ малоземельныхъ по 8 десятинъ; если земли для надѣленія по этимъ нормамъ не хватало, то избыточное число крестьянъ переселялось, при широкомъ, по тогдашнему времени, и планомѣрномъ содѣйствіи правительства, на свободныя казенныя земли и получало изъ нихъ полные надѣлы. Къ 1866 году надѣленіе государственныхъ крестьянъ было за-

кончено на большей части территоріи европейской Россіи, и изданнымъ въ этомъ году положеніемъ всѣ уже отведенные надѣлы были окончательно укрѣплены за крестьянами. Неотведенными оставались надѣлы въ четырехъ сѣверныхъ, лѣсныхъ губерніяхъ; здѣсь въ надѣлы, на основаніи особаго закона («инструкціи») 1869 г., было отведено все «фактическое пользованіе» крестьянъ, не свыше однако 15 десятинъ на ревизскую душу. Какъ правило, крестьяне сохранили все, что разработали, и чѣмъ, вообще, пользовались на началахъ свободнаго захвата; самый отводъ надѣловъ производился, какъ правило, безъ какихъ-либо мѣръ къ устраненію чрезполосности крестьянскихъ земель съ казенными; въ частности, крестьянскіе сѣнокосы расползлись змѣйками по казеннымъ лѣсамъ, въ значительной мѣрѣ обезцѣнивъ послѣдніе, въ смыслѣ дальнѣйшей колонизаціи.

Въ конечномъ результатѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне получили, въ среднемъ выводѣ для всей европейской Россіи, 3,2, удѣльные 4,9, государственные 6,7 дес. на ревизскую душу. По приводимымъ проф. В. Э. Деномъ подсчетамъ, болѣе 70% бывшихъ государственныхъ получило болѣе 4-хъ дес., 73% помѣщичьихъ—менѣе 4 дес. на ревизскую душу; 74% удѣльныхъ крестьянъ получили, на ревизскую же душу, отъ 2 до 6 десятинъ.

На вопросѣ о крестьянскихъ платежахъ я, ради экономіи мѣста, здѣсь не буду подробно останавливаться. Отмѣчу только, что разница между тремя разрядами крестьянъ и здѣсь была чрезвычайно значительна,—бывшіе помѣщичьи крестьяне обложены были повинностями за отведенную имъ въ надѣлъ землю гораздо тяжелѣе, нежели удѣльные и тѣмъ болѣе государственные. При этомъ, въ разрѣзъ съ основными началами правильнаго обложенія, повинности даже и внутри разряда помѣщичьихъ крестьянъ оказались, по расчету на десятину, тѣмъ болѣе тяжелыми, чѣмъ меньше земли отводилось въ надѣлъ. Дѣло въ томъ, что помѣщики, встрѣтившись съ рѣшительною волею Императора Александра II дать крестьянамъ свободу безъ какого-либо вознагражденія помѣщиковъ за утрату правъ наличность крестьянина—за «души», сумѣли провести такое вознагражденіе окольнымъ путемъ, при помощи спеціально къ этому приноровленной системы платежей за поступавшую въ надѣлъ землю. Подъ тѣмъ предлогомъ что, входящая непремѣнно, въ составъ всякаго надѣла усадебная земля, доходнѣе всей остальной, на первую десятину надѣла въ нечерноземной полосѣ положено было насчитывать половину оклада, причитавшагося съ полнаго высшаго надѣла, на вторую—четверть, остальная же четверть оклада разверстывалась поровну между остальными десятинами высшаго надѣла; въ черноземной полосѣ на первую десятину было положено насчитывать 4 рубля, остальной же окладъ разверстывался поровну между остальными десятинами. Легко разсчитать, что въ нечерноземной полосѣ, при полномъ, напримѣръ, окладѣ въ 10 р. и высшемъ надѣлѣ въ 6 дес., крестьяне на полномъ

надѣлѣ платили съ десятины по 1 р. 67 к., на надѣлѣ въ 2 дес.—болѣе чѣмъ вдвое, по 3 р. 75 к. съ десятины; въ черноземной полосѣ, при высшемъ надѣлѣ въ 6 дес. и окладѣ въ 9 рублей, съ десятины полнаго надѣла приходилось платить по 1 р. 50 к., съ десятины надѣла въ 3 десятины по 2 р., съ десятины двухдесятиннаго надѣла уже по 2 р. 50 к.

Нѣсколько ниже я долженъ буду остановиться на вопросѣ о томъ, какое значеніе имѣлъ тотъ или другой размѣръ надѣла для хозяйственной будущности крестьянъ—въ частности высказать нѣкоторыя соображенія по вопросу о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ. Предварительно я долженъ, однако, остановиться на вопросѣ о формахъ владѣнія надѣльною землей: общинной и подворно-наслѣдственной.

Я совершенно не буду касаться здѣсь спорнаго, до сихъ поръ, вопроса о происхожденіи общиннаго землевладѣнія,—вопроса, является ли оно продуктомъ естественной, при опредѣленной совокупности условій, эволюціи первобытныхъ формъ вольнаго или захватнаго владѣнія и пользованія, или же, наоборотъ, оно было создано государствомъ и помѣщиками, какъ удобный для нихъ способъ обезпеченія правильнаго отбыванія крестьянскихъ повинностей [1]). Намъ нѣтъ надобности его касаться потому, что мы имѣемъ въ виду, болѣе или менѣе исключительно, европейскую Россію, а здѣсь приходится считаться не съ слагающеюся, а почти исключительно съ давно сложившеюся, мѣстами вполнѣ жизнедѣятельною, мѣстами уже отмирающею общиной [2]). Юридическая конструкція общиннаго землевладѣнія можетъ быть сведена къ тому, что землей владѣетъ община или «міръ», т. е. живущая совмѣстно—въ видѣ правила въ одной деревнѣ—группа крестьянъ, связанныхъ происхожденіемъ и припиской къ данному обществу, отдѣльнымъ же домохозяевамъ, участникамъ этой группы, принадлежитъ лишь право участія въ пользованіи землею, на основаніяхъ и въ порядкѣ, установленныхъ «міромъ», обычно въ формѣ постановленнаго на мірскомъ сходѣ приговора. Практическая суть такъ-называемаго общинно-уравнительнаго пользованія—въ томъ, что нѣкоторая часть общинныяъ угодій (выгонъ, иногда лѣсорубъ и пр.) состоитъ въ общемъ, иногда урегулированномъ, иногда вполнѣ свободномъ пользованіи общественниковъ, основныя же угодья: пашня и сѣнокосъ, иногда лѣсъ и пр., распредѣляются міромъ между отдѣльными домохозяевами, которые обрабатываютъ и используютъ доставшіяся имъ доли за свой счетъ, подчиняясь, однако, устанавливаемымъ общинной хозяйственнымъ распорядкамъ; усадьба, т. е. мѣсто подъ постройками, дворомъ, огородомъ и т. п., обычно состоитъ въ единоличномъ владѣніи отдѣльныхъ домохозяевъ, и лишь въ видѣ рѣд-

---

[1]) См. Кауфманъ, «Русск. община въ процессѣ ея зарожденія и роста», 1908; Качоровскій, «Русск. община», т. I, 1900.

[2]) В. В., «Крестьянская община», 1892; Вениаминовъ, «Крестьянск. община», 1908; Каблуковъ, назв. соч. Ритихъ. «Зависимость крестьянъ отъ общины и міра», 1902; Кофодъ. «Русское землеустройство», 1903. Моя ст. «Сельск. поземл. община» въ Энцикл. словарѣ Бр. Гранатъ, 7-е изд.

каго исключенія уравнивающая власть общины распространяется и на усадьбу или на тѣ или иные отдѣльные виды пріусадебныхъ земель (огороды, конопляники). До 1903 года общинное владѣніе было неразрывно связано съ круговою порукою по налогамъ и поземельнымъ платежамъ,—за неисправныхъ плательщиковъ отвѣчала община, которой, въ силу этого, было предоставлено право принимать опредѣленныя мѣры понужденія къ уплатѣ, включительно до отобранія надѣла; а вмѣстѣ съ тѣмъ община имѣла и извѣстныя права надъ личностію отдѣльнаго общественника, общій смыслъ которыхъ былъ въ томъ, чтобы дать общинѣ возможность бороться съ уклоненіемъ общественниковъ отъ платежей и повинностей.

Наиболѣе существенная и жизненная функція жизнедѣятельной общины—это, во всякомъ случаѣ, уравнительное распредѣленіе между общественниками основныхъ угодій, и прежде всего—пашни и сѣнокоса, тѣсно связанное съ разверстаніемъ лежащихъ на отвѣтственности общины платежей и повинностей; земельная единица, душа является, въ то же время, и податною. И вотъ, основной вопросъ—по какимъ единицамъ происходитъ распредѣленіе земли и платежей. Въ дореформенное время распредѣленіе земли и повинностей между помѣщичьими крестьянами зависѣло отъ власти помѣщика, который накладывалъ и снималъ «тягло», руководствуясь, прежде всего, своимъ хозяйственнымъ расчетомъ, но въ той или другой мѣрѣ сообразуясь, при этомъ, съ извѣстными обычноправовыми нормами; обычно тягло налагалось на каждую брачную пару—«вѣнецъ», и снималось при болѣе или менѣе полной утратѣ трудоспособности. У государственныхъ крестьянъ раскладка производилась по ревизскимъ душамъ—землею надѣлялась и повинностями облагалась каждая душа мужескаго пола, занесенная въ сказки послѣдней ревизіи. По ревизскимъ же душамъ (X ревизіи 1857 г.) была произведена разверстка у помѣщичьихъ крестьянъ, при ихъ выходѣ на волю; ревизскія души полагались и въ основу всѣхъ расчетовъ, связанныхъ съ надѣленіемъ землею цѣлыхъ обществъ и съ обложеніемъ ихъ повинностями. Какъ извѣстно, ревизіи съ 1857 года не повторялись, и дѣйствительный составъ какъ цѣлыхъ общинъ, такъ и отдѣльныхъ дворовъ, уже давно представляетъ очень мало общаго съ ревизскимъ. Однако, значительная часть крестьянства и до сихъ поръ удержала ревизскую разверстку—иначе сказать, ни разу не производила передѣла со времени первоначальнаго надѣленія землею; это—общины, въ той или другой мѣрѣ потерявшія жизнеспособность, въ той или другой мѣрѣ перешедшія, фактически, къ единоличному владѣнію. Поскольку общины проявляютъ жизнедѣятельность, т.-е. передѣляютъ землю,—въ основу земельно-податныхъ разверстокъ полагается, иногда въ чистомъ видѣ, иногда въ той или другой комбинаціи между собою, одинъ изъ двухъ принциповъ: трудовой—или потребительный; разверстка производится либо по рабочей силѣ семей, либо по потребительному ихъ составу. При безконечномъ разнообразіи въ подробно-

сихъ, основнымъ моментомъ, которымъ руководится міръ при установленіи того или другого принципа разверстки, является отношеніе доходности надѣлакъ лежащимъ на немъ платежамъ и повинностямъ. Если рентный доходъ съ надѣла, т.-е. тотъ, который можно получить путемъ сдачи соотвѣтственной доли передѣляемыхъ угодій въ аренду, меньше суммы платежей и повинностей, держаніе надѣла является не преимуществомъ, а тяготой, надѣлъ приходится «наваливать», и, конечно, наваливать на тѣхъ, кто въ состояніи выработать ту долю платежей, которая не покрывается доходомъ съ надѣла, — на фактическихъ работниковъ, и «сваливать» съ тѣхъ, кто потерялъ фактическую трудоспособность. Если, напротивъ, рентная доходность оставляетъ, за покрытіемъ платежей, нѣкоторый чистый остатокъ, держаніе надѣла становится желательною для каждаго привиллегіею; самъ надѣлъ изъ «разорителя» становится «кормильцемъ»,—естественно, надѣлы и разверстываются по числу тѣхъ, кого надо кормить, т.-е. по числу ѣдоковъ. Что касается, затѣмъ, до самого передѣла, то въ этомъ отношеніи наблюдается рѣзкая разница между сѣнокосами и пашнями. Сѣнокосъ не обрабатывается,—онъ только косится, безъ какой-либо затраты труда на предварительную обработку; укосъ зависитъ только отъ природныхъ качествъ покоса и отъ условій погоды; а такъ какъ послѣднія чрезвычайно измѣнчивы, и вліяніе ихъ на ростъ травъ зависитъ отъ мельчайшихъ различій въ почвѣ, рельефѣ и пр., то чрезвычайно рѣзко мѣняется, изъ года въ годъ, производительность и цѣнность отдѣльныхъ вѣтвей и даже участковъ сѣнокоса. Поэтому сѣнокосы, какъ правило, передѣляются ежегодно, причемъ, какъ правило же, душевыя полосы нарѣзаются каждый разъ вновь, въ соотвѣтствіи съ распредѣленіемъ травы или данномъ ея урожаѣ. Пашня не только используется путемъ посѣвовъ, но и обрабатывается подъ посѣвы; обработка ея не можетъ окупиться въ одинъ годъ, — она оправдывается въ тѣмъ большее число лѣтъ, чѣмъ она дѣлается тщательнѣе, чѣмъ сильнѣе удобряется земля и т. п.; а индивидуальныя различія въ обработкѣ, удобреніи и т. п. очень сильно отражаются на получаемыхъ урожаяхъ. Пашня, поэтому, передѣляется не ежегодно, а на нѣсколько лѣтъ—на тѣмъ большій срокъ, чѣмъ больше въ данной мѣстности затрачивается труда на обработку и чѣмъ сильнѣе унаваживается пашня. Если въ промежуткѣ между двумя, отдѣленными извѣстнымъ числомъ лѣтъ, «коренными» передѣлами пашни оказывается нужнымъ внести частичныя поправки въ распредѣленіе земли, это дѣлается путемъ частныхъ передѣловъ—переверстокъ. Характерною чертою обычной въ европейской Россіи (но не въ Сибири!) техники передѣловъ является очень, иногда чрезвычайно, сильное дробленіе полосъ: при господствующемъ трехпольѣ, каждому общественнику отводится земля, прежде всего, въ каждой изъ трехъ полевыхъ смѣнъ; затѣмъ, міръ стремится уравнять доли каждаго общественника въ каждомъ полѣ какъ по качеству земли, такъ и по разстоянію отъ усадебъ (особенно важно

при унаваживаніи!); для этого каждое поле разбивается на нѣсколько приблизительно равнокачественныхъ участковъ (коны, столбы, стекла), и на каждую душу отводится по полосѣ въ каждомъ такомъ участкѣ. При маломъ, въ особенности, общемъ размѣрѣ надѣловъ, отсюда вытекаетъ, несомнѣнно, вредная въ хозяйственномъ отношеніи чрезполосность и мелкополосица; ширина полосъ иногда падаетъ до 3 арш. и даже ниже. Другой упрекъ, дѣлаемый общинѣ — это слагающійся на почвѣ трехполья, съ его общими смѣнами и съ общимъ выпасомъ по парамъ, жнивьямъ и т. п., принудительный сѣвооборотъ, вообще стѣсненіе хозяйственной иниціативы и самодѣятельности отдѣльнаго крестьянина: отдѣльный общественникъ не только долженъ держаться общаго съ всѣми трехпольнаго сѣвооборота и не можетъ перейти, напримѣръ, къ четырехполью, — онъ долженъ и въ послѣдовательности, и во времени отдѣльныхъ сельскохозяйственныхъ работъ, и, въ значительной мѣрѣ, въ выборѣ высѣваемыхъ растеній, держаться установленнаго общиною распорядка, потому что нарушеніе его стѣснило бы общій выпасъ, а самого нарушителя подвергло бы неминуемой опасности потравы; онъ, напримѣръ, не можетъ сѣять на своихъ полосахъ такихъ растеній, которыя должны сѣяться раньше или оставаться въ полѣ позднѣе установленнаго міромъ срока. Еще особенность, на которую усиленно напираютъ многочисленные противники общины—временный характеръ пользованія отводимыми по порядку долями угодій, дѣлающій всякое улучшеніе отдѣльными хозяевами ежегодно передѣляемыхъ сѣнокосовъ совершенно невозможнымъ; пашни, какъ сказано, передѣляются не ежегодно, но все-таки отводятся мірянамъ не навсегда, а лишь на нѣкоторое число лѣтъ, а это, во-первыхъ, дѣлаетъ невыгоднымъ всякое такое улучшеніе, которое можетъ окупиться лишь въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, а во-вторыхъ — въ послѣдніе передъ передѣломъ годы ведетъ и къ непосредственному ухудшенію обработки и сокращенію унаваживанія—не стоитъ затрачивать трудъ и деньги, разъ земля можетъ быть отобрана при скоромъ передѣлѣ. А затѣмъ, въ упрекъ общинѣ ставятся и всѣ тѣ стѣсненія свободы личности, а въ частности свободы передвиженія, которыя вытекаютъ или, точнѣе—вытекали изъ существованія круговой поруки и изъ тѣсно связанной съ нею специфически-крестьянской паспортной системы.

Это—сводъ главнѣйшихъ упрековъ, дѣлаемыхъ общинѣ ея противниками. Не входя въ подробное изложеніе возраженій, дѣлаемыхъ имъ ея защитниками, и отсылая читателя къ названнымъ выше книгамъ Кабрукова и Веніаминова, взгляды которыхъ я, во всемъ существенномъ, раздѣляю [1]), скажу лишь вкратцѣ, что защитники общины всячески подчеркиваютъ ея способность приспособляться, въ отношеніи

[1]) Впрочемъ—лишь поскольку они опровергаютъ доводы противниковъ общины. Отъ той идеализаціи общины, которая характерна, для Веніаминова, Качоровскаго и другихъ чистыхъ «народниковъ», я безконечно далекъ.

сроковъ и самихъ способовъ передѣла, къ потребностямъ усиливающейся интенсификаціи хозяйства; доказываютъ, что отдѣльные хозяева не лишены возможности дѣлать и фактически дѣлаютъ на пріусадебныхъ земляхъ опыты введенія болѣе совершенныхъ пріемовъ хозяйства; что сама община, при назрѣвшей необходимости, принимаетъ мѣры понужденія общественниковъ къ болѣе тщательной обработкѣ и унаваживанію; мало того,—что она беретъ на себя иниціативу ломки установившагося (трехпольнаго) и введенія новаго, болѣе совершеннаго (травопольнаго) типа хозяйства. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ они ссылаются на фактическую эволюцію крестьянскаго хозяйства, которое и при общинно-уравнительномъ хозяйствѣ не стояло на мѣстѣ; въ частности—въ общинныхъ губерніяхъ оно не отставало въ своемъ прогрессѣ отъ хозяйства подворныхъ районовъ, въ послѣднее же время сдѣлало—по крайней мѣрѣ въ подмосковномъ районѣ очень рѣшительные шаги къ переходу на травопольное хозяйство. Въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ отвергая, такимъ образомъ, дѣлаемые общинѣ упреки, сторонники ея подчеркиваютъ и ея положительное преимущество — *болѣе равномѣрное распредѣленіе земли* и предотвращеніе пролетаризаціи избыточнаго населенія. Противниковъ общины эти аргументы, однако, не убѣждаютъ: съ одной стороны, они указываютъ на то, что фактически пролетаризація и обезземеленье имѣетъ мѣсто и въ общинѣ, въ частности обезземеленье — путемъ «сдачи душъ на общество», передачи ихъ однообщественникамъ, вообще всякаго рода сдачи въ аренду, которая, очень часто, является лишь замаскированною продажею земли. Съ другой—подчеркивается, что дифференціація и пролетаризація, поскольку онѣ происходятъ въ дѣйствительности, являются лишь неизбѣжными спутниками, мало того—необходимымъ условіемъ экономическаго и соціальнаго прогресса, и что, наоборотъ, уравненіе землевладѣнія, поскольку оно достигается общиною, только задерживаетъ этотъ прогрессъ, являясь лишь уравненіемъ въ общей нищетѣ.

Въ виду того огромнаго, въ значительной мѣрѣ даже, по убѣжденію автора этой книги, преувеличеннаго значенія, какое приписывается общинѣ какъ ея сторонниками, такъ и ея противниками, вполнѣ естественно, что земскіе статистики удѣляли изученію общины и ея жизнедѣятельности совершенно исключительное вниманіе. Не говоря уже о собранномъ ими огромномъ матеріалѣ, лучшія монографіи по общинѣ написаны или земскими статистиками (книга В. П. Орлова), или на основаніи собраннаго земскими статистиками матеріала (В. В., Качоровскій, Вешаминовъ). Естественно, однако, что центръ тяжести работы по изученію *общины* и ея жизнедѣятельности лежитъ не въ подворной переписи и въ подворномъ формулярѣ, а въ *пообщинномъ* описаніи. Оно даетъ, съ одной стороны, важнѣйшія *количественныя* данныя, характеризующія данную общину, какъ цѣлое, съ существующею въ ней земельно-податною разверсткой, а съ другой — матеріалъ *описатель-*

наго характера, дающій конкретное представленіе о складѣ земельно податныхъ отношеній въ каждой данной общинѣ какъ въ настоящемъ, такъ, насколько это необходимо, и въ прошедшемъ,—и матеріалъ того и другого рода разрабатывается, по преимуществу, опять-таки, въ описательной формѣ, въ текстовыхъ частяхъ земскихъ статистическихъ сборниковъ. Подворные формуляры содержатъ лишь отдѣльные вопросы, относящіеся къ данной области крестьянской жизни и дающіе лишь нѣкоторый дополнительный матеріалъ къ матеріалу пообщинныхъ описаній; и этотъ матеріалъ, въ наиболѣе существенной своей части, используется главнымъ образомъ въ текстовыхъ частяхъ сборниковъ, въ цѣляхъ детализаціи и конкретизаціи той картины, какая получается изъ данныхъ поселенныхъ описаній, и лишь немного графъ, съ наиболѣе существенными основными цифрами, находитъ себѣ мѣсто въ поселенныхъ и иныхъ таблицахъ.

Возьмемъ, въ видѣ примѣра, одинъ изъ новѣйшихъ пообщинныхъ бланковъ—по Смоленской губерніи. Здѣсь подъ рубрикою «формы землевладѣнія» помѣщена, прежде всего, табличка съ такими вопросами: на сколько душъ получены надѣлъ? основаніе разверстки земли въ настоящее время (старо-ревизскія души, ревизскія живыя, наличныя мужскія, рабочія мужскія, наличныя обоего пола, ѣдоки); число разверсточныхъ единицъ въ настоящее время—въ мірскихъ (т. е. не отведенныхъ отдѣльнымъ обществечникамъ или у кого-либо отобранныхъ), съ подраздѣленіемъ тѣхъ и другихъ на полевыя и усадебныя. Затѣмъ, описательныя данныя въ видѣ отвѣтовъ на такіе вопросы: «коренные передѣлы. Были ли коренные передѣлы послѣ выхода на волю? когда? по какому поводу? на сколько лѣтъ была каждый разъ подѣлена земля? основанія разверстки земли при каждомъ передѣлѣ?»; дополненіемъ къ этимъ основнымъ являются еще такіе вопросы «какъ образовались мірскія души, когда, какъ ими пользуется міръ? нѣтъ ли участковъ въ общемъ пользовании съ другими общинами? какъ ими пользуются»?; дальнѣйшимъ дополненіемъ, смыслъ котораго для характеристики общинныхъ порядковъ будетъ ясенъ читателю изъ сказаннаго на предыдущихъ страницахъ, являются разнообразнѣйшія, выясняемыя также при поселенномъ описаніи, данныя относительно системы полеводства и въ особенности—относительно такихъ признаковъ коренной ломки хозяйства, какъ введеніе травосѣянія или переходъ къ правильному травопольному хозяйству, относительно порядковъ общаго выпаса скота и т. п. Что касается до подворныхъ формуляровъ, то здѣсь мы находимъ только такъ или иначе формулированный вопросъ о числѣ земельно-платежныхъ единицъ—душевыхъ долей; такъ, въ формулярѣ по Острогожскому уѣзду (1885) спрашивается, «на сколько душъ надѣлъ» въ старыхъ формулярахъ по Тверской, Орловской губ —«число душевыхъ надѣловъ»; или изъ новѣйшихъ—въ Смоленскихъ формулярахъ имѣются графы «надѣловъ—полевыхъ, усадебныхъ», въ Тверскихъ—«душевыхъ надѣльныхъ паевъ», и т. п. Въ новѣйшихъ формулярахъ даются, въ выносныхъ клѣткахъ, и цифры состоящей во владѣніи двора площади передѣляемыхъ угодій, которыя, конечно, не заполняются при опросѣ, а вычисляются, какъ причитающаяся на «души» даннаго двора доля общей площади каждаго изъ передѣляемыхъ угодій. Затѣмъ, въ поселенныхъ таблицахъ даются того или иного характера отмѣтки, характеризующія одновременно и способъ распредѣленія передѣляемыхъ угодій, и степень средней обезпеченности землею. Такъ какъ центръ тяжести, въ видѣ правила, лежитъ въ этой послѣдней сторонѣ вопроса, то мнѣ удобнѣе, будетъ привести примѣры такого рода отмѣтокъ нѣсколько ниже, въ дальнѣйшей части этой главы.

Коренное подворное владѣніе, — разумѣя подъ нимъ такое, которое существуетъ издавна и зафиксировано, какъ таковое, актами первоначальнаго надѣленія крестьянъ (уставныя грамоты, владѣнныя записи и т. п.),—по даннымъ обслѣдованія земельной собственности 1877 года обнимало, въ общемъ по всей европейской Россіи итогѣ, 19% всѣхъ крестьянскихъ обществъ и 22% всѣхъ крестьянскихъ дворовъ, сосредоточиваясь, болѣе или менѣе цѣликомъ, въ опредѣленныхъ географическихъ районахъ: въ литовскомъ районѣ подворное владѣніе почти сплошное—по губерніямъ 98—100%; въ Минской 99%, въ юго-западныхъ 80—98%, въ малороссійскихъ и бѣлорусскихъ, кромѣ Минской, 50—80% (замѣчу здѣсь же, что въ губерніяхъ Могилевской и Витебской числится еще значительный процентъ общинниковъ, но фактически здѣсь, повидимому, всецѣло господствуетъ подворное владѣніе; въ извѣстной мѣрѣ тоже вѣрно, повидимому, и по отношенію къ малороссійскимъ губерніямъ); затѣмъ, болѣе или менѣе замѣтную роль подворное владѣніе играетъ еще въ рядѣ губерній, съ сѣвера и съ юга примыкающихъ къ коренной Малороссіи и, въ значительной мѣрѣ, населенныхъ малороссами: Курской (30%), Орловской, Таврической, Харьковской, Херсонской (7—10%). Въ первыхъ двухъ изъ только-что названныхъ губерній существуетъ особый видъ подворнаго или точнѣе — смѣшаннаго владѣнія—четвертное; исторически это—помѣстное владѣніе мелкихъ служилыхъ людей московскаго государства, фактически— та или другая комбинація единоличнаго съ позднѣе «насажденнымъ» общиннымъ владѣніемъ. Затѣмъ, и вообще, то коренное подворное владѣніе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, имѣетъ очень мало общаго съ признаваемыми за хозяйственный идеалъ формами мелкой единоличной земельной собственности (см. сейчасъ же дальше): отрубнымъ и тѣмъ болѣе—хуторскимъ владѣніемъ. Подворники, прежде всего, сидятъ не отдѣльными дворами, а живутъ группами, въ деревняхъ, образуя, нерѣдко, очень большія села; такъ-называемые, въ Малороссіи и въ казачьихъ областяхъ, «хутора» — по большей части либо небольшія, а иногда даже и значительныя деревни-выселки, либо временныя или вспомогательныя усадьбы сельчанъ. Земля каждаго двора представляетъ собой не отрубъ, а совокупность болѣе или менѣе мелкихъ полосокъ, расположенныхъ черезполосно съ такими же полосками другихъ владѣльцевъ, въ общихъ трехпольныхъ или толочныхъ (см. гл. V) смѣнахъ (откуда названіе «общесмѣнное хозяйство»), причемъ черезполосица и мелкополосица, благодаря дробленію при семейныхъ раздѣлахъ и продажахъ, нерѣдко бываетъ еще болѣе дробною и еще болѣе зловредною, нежели при общинномъ владѣніи; общія смѣны подчиняются, какъ и въ великорусскихъ общинахъ, общему выпасу со всѣми его послѣдствіями—принудительнымъ сѣвооборотомъ, обязательными сроками начала и окончанія полевыхъ работъ и т. п. Въ конечномъ счетѣ общесмѣнно-подворное владѣніе, по мнѣнію сторонниковъ общины, не только не имѣетъ никакихъ преимуществъ

передъ общиннымъ, но даже наоборотъ: община, все-таки, располагаетъ извѣстными способами къ уменьшенію чрезполосицы и мелкополосицы, которые иногда и примѣняются на практикѣ и во всякомъ случаѣ могутъ получить широкое примѣненіе; при подворно-общесмѣнномъ владѣніи, гдѣ каждый владѣлецъ—собственникъ своихъ полосокъ, такихъ способовъ нѣтъ, и вредъ черезполосности и мелкополосности не можетъ быть уменьшенъ безъ вмѣшательства государственной власти. Противники общины считаютъ, что прочность подворнаго владѣнія уже сама по себѣ представляетъ огромное его преимущество передъ общиннымъ, но болѣе умѣренные изъ нихъ признаютъ, что «черезполосность землепользованія и неизбѣжная ея спутница — общность полеваго хозяйства, которыя составляютъ главное препятствіе къ улучшенію полеваго хозяйства, въ одинаковой мѣрѣ даютъ себя чувствовать какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи» (А. А. Кофодъ).

Въ соотвѣтствіи съ существующими въ обществѣ и въ литературѣ, можно сказать, діаметрально противуположными оцѣнками общиннаго владѣнія, и отношеніе къ нему законодательства и административной практики долго было двойственнымъ. Уже при выработкѣ положенія 19 февраля 1861 года существовало очень сильное теченіе въ пользу совершеннаго уничтоженія общиннаго владѣнія. Послѣднее было сохранено—но по мотивамъ не хозяйственнаго и тѣмъ болѣе не соціальнаго свойства, а по соображеніямъ, которыя можно назвать фискально-полицейскими: въ связанной круговой порукой и облеченной соотвѣтственною властью надъ общественниками общинѣ видѣли, съ одной стороны, наиболѣе удобный аппаратъ для взиманія казенныхъ податей и поземельныхъ платежей, съ другой—весьма удобное, особенно въ виду слабости тогдашней мѣстной администраціи и полиціи, орудіе управленія крестьянскими массами; въ то же время въ мірѣ видѣли носителя «исконныхъ русскихъ», консервативныхъ началъ, сохраненіемъ которыхъ, естественно, очень озабочивались правительственные круги. Въ тоже время, однако, отрицательное отношеніе къ общинѣ, подсказывавшееся въ то время, главнымъ образомъ, хозяйственными мотивами, нашло себѣ выраженіе въ рядѣ статей положенія 19 февраля. Изъ нихъ надо отмѣтить, прежде всего, статьи, предоставлявшія крестьянамъ постановлять, большинствомъ въ $^2/_3$ голосовъ, приговоры о замѣнѣ общиннаго владѣнія подворнымъ и въ тоже время рѣшительно не открывавшія никакого способа для обратнаго перехода къ общинному владѣнію,—а затѣмъ, знаменитую 165 ст. положенія о выкупѣ, предоставлявшую каждому общественнику единовременно внести причитающуюся на состоящую въ его пользованіи надѣльную землю долю выкупныхъ платежей и тѣмъ самымъ укрѣпить эту землю въ свое единоличное владѣніе. Статья эта—замѣчу здѣсь же—не получила слишкомъ широкаго примѣненія, а выкупавшіе, какъ правило, имѣли въ виду не столько, въ самомъ дѣлѣ, воспользоваться хозяйственными выгодами единоличнаго владѣнія, сколько

освободиться отъ отвѣтственности по круговой порукѣ за неисправныхъ плательщиковъ; выкупленныя земли фактически оставались въ чрезполосицѣ съ общинными и подчинялись всѣмъ хозяйственнымъ распорядкамъ общины. Не менѣе яркое выраженіе двойственное отношеніе правительственныхъ сферъ къ вопросу объ общинѣ нашло себѣ въ двухъ, почти одновременно изданныхъ, законодательныхъ актахъ—8 ноября и 14 декабря 1893 г. Законъ 14 декабря относился какъ разъ къ досрочному выкупу. Какъ только-что было сказано, выкупавшіе тѣмъ самымъ выходили изъ круговой поруки. Между тѣмъ выкупали, очевидно, тѣ, кто имѣлъ деньги,—значитъ, болѣе состоятельные элементы; и не менѣе очевидно — исключеніе ихъ изъ круговой поруки ослабляло податную способность общины, подрывало ея значеніе, какъ отвѣтственнаго передъ правительствомъ податного аппарата. Поэтому было найдено нужнымъ ограничить свободу досрочнаго выкупа: закономъ 14 декабря такой выкупъ былъ обусловленъ согласіемъ общества. Ясно, что, будучи выгоднымъ для выкупающихъ, досрочный выкупъ всегда былъ невыгоденъ для общины, а потому обусловить выкупъ ея согласіемъ значило, фактически, совершенно запретить его. Подсказанный чисто фискальными мотивами, законъ 14 декабря уничтожалъ, такимъ образомъ, наиболѣе дѣйствительный изъ созданныхъ положеніями 19 февраля способовъ постепеннаго разрушенія общины; онъ былъ, слѣдовательно, весьма благопріятенъ для ея сохраненія. Напротивъ, законъ 8 ноября, вытекшій изъ соображеній чисто хозяйственнаго характера, въ значительной мѣрѣ подрывалъ жизнедѣятельность общины. Законъ этотъ регулировалъ, или иначе — ограничивалъ передѣлы: онъ совершенно воспрещалъ, прежде всего, частные передѣлы или переверстки; предписывалъ для коренныхъ передѣловъ минимальный срокъ въ 12 лѣтъ и ставилъ приговоры о передѣлахъ подъ контроль земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ, которымъ предоставлено было отказывать въ утвержденіи не только по формальнымъ основаніямъ, но и въ случаѣ признанной нецѣлесообразности; иначе сказать, утвержденіе или неутвержденіе передѣловъ было поставлено въ полную зависимость отъ произвола уѣздныхъ съѣздовъ [1]).

Въ новѣйшее время эта двойственность уступаетъ мѣсто рѣзко отрицательному отношенію правительственныхъ сферъ къ общинно-уравнительному пользованію и къ общинѣ какъ таковой [2]),—отношенію, нашедшему себѣ ясное выраженіе уже въ работахъ дѣйствовавшаго въ 1902—1903 г.г., подъ предсѣдательствомъ Витте, особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, и еще болѣе обострившемуся подъ вліяніемъ событій 1905—1906 г.г. Первымъ толчкомъ къ этому измѣнившемуся отношенію послужило наступившее въ правительственныхъ сферахъ разочарованіе въ фискальныхъ выгодахъ круго-

[1]) Для критики этихъ законовъ см. О. Тернеръ, Государство и землевладѣніе, т. 2-ой (1896 г.).

[2]) См. Ритихъ, цит. соч., Николаевскій, «Земл. общ. и трудъ», 1902

вой поруки, которая и была отмѣнена въ 1903 году, — община, въ своей прежней роли податного аппарата, стала не нужна правительству. Разъ это случилось, то, естественно, съ небывалою силою выступили неблагопріятныя для общины соображенія хозяйственнаго характера,— въ общинѣ стали видѣть главную причину застоя русскаго крестьянскаго хозяйства, въ уничтоженіи ея и въ насажденіи въ средѣ крестьянъ началъ единоличной земельной собственности стали видѣть главное и необходимое условіе прогресса крестьянскаго хозяйства. Къ этому присоединились чисто-политическіе мотивы: вмѣсто носителя консервативныхъ началъ, въ общинѣ стали видѣть, наоборотъ, очагъ тѣхъ соціалистическихъ тенденцій, вліянію которыхъ приписывались аграрныя волненія начала XX столѣтія. Покойнымъ П. А. Столыпинымъ былъ выставленъ лозунгъ «ставки на сильныхъ», имѣвшій, одновременно, и хозяйственный и политическій смыслъ: хозяйственный — поскольку въ болѣе крѣпкихъ элементахъ деревни, будущихъ земельныхъ собственникахъ, видѣли носителей хозяйственнаго прогресса и во имя послѣдняго считали не только допустимымъ, но и нужнымъ, жертвовать интересами болѣе слабыхъ элементовъ; политическій—поскольку въ классѣ выдѣлившихся изъ общины крестьянъ-собственниковъ надѣялись создать консервативную деревенскую буржуазію, въ силу своихъ собственническихъ интересовъ солидарную съ крупно-помѣстнымъ классомъ. Въ результатѣ—открывшаяся указомъ 9 ноября 1906 г. новая эра аграрной политики, рѣзко враждебной общинно-уравнительному землепользованію и направленной къ мыслимо-быстрому насажденію единоличной крестьянской земельной собственности въ отрубно-хуторскихъ ея формахъ [1]). Собственно указъ 9 ноября, послѣдовавшій въ чрезвычайномъ порядкѣ (по ст. 87 осн. зак.) и замѣнившій его, а въ значительной мѣрѣ и дополнившій, законъ 14 іюня 1910 г. выдвигали на первый планъ первую, земельно-правовую задачу: возможно рѣшительное уничтоженіе общины и насажденіе единоличнаго владѣнія, а вторую, хозяйственную, оставляли совершенно въ тѣни. Указъ 9 ноября предоставлялъ каждому общественнику «укрѣпить» въ свое единоличное владѣніе всѣ тѣ участки и полосы передѣляемыхъ угодій, которые въ данный моментъ состояли въ его пользованіи, вмѣстѣ съ правомъ участія, въ соотвѣтственной долѣ, въ пользованіи непередѣляемыми угодьями; если эта доля оказывалась больше той, какая причиталась ему по разсчету на наличный составъ двора, то «укрѣпляющій», правда, долженъ былъ вознаградить общину за избыточную часть укрѣпляемой земли,—но вознаградить по установленной положеніями 1861 г. выкупной оцѣнкѣ, очевидно, въ нѣсколько разъ меньшей противъ дѣйствительной современной цѣнности земли. Затѣмъ, укрѣпившій имѣетъ право, но не обязанъ, требовать выдѣла укрѣпленной земли къ одному

[1]) См. Кофодъ, назв. соч., моя ст. «Землеустройство» въ энцикл. словарѣ Брокгаузъ (7-е изд.).

мѣсту, — значитъ, при нежеланіи его воспользоваться этимъ правомъ укрѣпленная въ собственность земля остается въ чрезполосицѣ съ общинными угодьями и продолжаетъ подчиняться хозяйственнымъ распорядкамъ общины. Не входя въ дальнѣйшія подробности, замѣчу только, что всѣ подробности указа, почти во всемъ удержанныя и частью обостренныя въ законѣ 14 декабря 1910 г., направленны къ вящшей выгодѣ укрѣпляющихся и въ ущербъ остающимся въ общинѣ. А затѣмъ—независимо отъ тѣхъ и другихъ частныхъ измѣненій, въ законъ 14 іюня, уже по иниціативѣ большинства 3-й государственной думы, внесено было и нѣчто совершенно новое: указъ 9 ноября велъ къ постепенному разрушенію общины путемъ выхода изъ нея отдѣльныхъ домохозяевъ съ ихъ землею, а затѣмъ косвенно — путемъ фактическаго уничтоженія возможности передѣловъ; въ законъ 14 іюня введено, кромѣ того, постановленіе, въ силу котораго всѣ общины, не производившія въ теченіе 25 лѣтъ коренного передѣла, силою закона признавались прекратившими свое общинное бытіе, и всѣ ихъ члены становились единоличными собственниками той земли, которая, въ моментъ изданія закона, состояла въ ихъ пользованіи. Вторымъ основнымъ законодательнымъ актомъ, въ которомъ воплотилась современная аграрная политика, было положеніе о землеустройствѣ 29 мая 1911 года, въ значительной своей части лишь объединившее и поставившее на твердыя правовыя основанія систему землеустроительныхъ мѣръ, постепенно вырабатывавшуюся и вводившуюся въ дѣйствіе въ порядкѣ административныхъ распоряженій, начиная съ 1907 и особенно съ 1908 года; этотъ законъ выдвигаетъ уже не столько земельно-правовую, сколько хозяйственную задачу — уничтоженіе вредной чрезполосности и другихъ хозяйственныхъ неудобствъ, притомъ не только крестьянскаго, но всякаго вообще мелкаго землевладѣнія, и сведеніе отдѣльныхъ владѣній въ отрубные и, по возможности, хуторскіе участки. Однако, и въ немъ отчетливо проявляются и характерныя для современной аграрной политики земельно-правовыя тенденціи, находящія себѣ выраженіе въ рядѣ постановленій болѣе или менѣе частнаго характера, благопріятствующихъ единоличному и неблагопріятныхъ для общиннаго владѣнія.

Оцѣнка современной земельной политики въ обществѣ и литературѣ чрезвычайно различна. Здѣсь не мѣсто входить въ сколько нибудь подробное разсмотрѣніе разыгравшейся вокругъ новаго земельнаго законодательства контроверзы, особенно рѣзкой и острой по отношенію къ указу 9 ноября и смѣнившему его закону 14 декабря,—достаточно намѣтить нѣкоторые наиболѣе существенные ея пункты. Прежде всего— самые мотивы, побуждающіе «укрѣпляться»: по мнѣнію сторонниковъ новой аграрной политики, такимъ мотивомъ является, прежде и болѣе всего, желаніе воспользоваться хозяйственными выгодами единоличнаго владѣнія, по мнѣнію ея противниковъ, просто, поощряемое всею совокупностью

постановленій указа и закона стремленіе извѣстной части членовъ общины закрѣпить въ свою пользу сложившееся, выгодное для нихъ, неравенство въ распредѣленіи пользованія общинною землей. По мнѣнію первыхъ «укрѣпляются» болѣе хозяйственные элементы, главнымъ образомъ, чтобы лучше поставить хозяйство на «укрѣпленной» въ единоличную собственность землѣ; по мнѣнію противниковъ—главнымъ образомъ болѣе слабые, чтобы окончательно ликвидировать свою фактически-ослабѣвшую связь съ землей. Въ связи съ сказаннымъ, весьма спорнымъ является вопросъ, въ какой мѣрѣ происходитъ, фактически, продажа «укрѣпляемыхъ» земель, а слѣдовательно—въ какой мѣрѣ «укрѣпленіе» ведетъ за собой обезземеленье и пролетаризацію болѣе слабыхъ элементовъ деревни, и, какъ оборотную сторону медали, земельную спекуляцію, съ одной стороны, и концентрацію земли въ болѣе крѣпкихъ рукахъ—съ другой. Не менѣе спорнымъ является и значеніе такой концентраціи и пролетаризаціи: по мнѣнію сторонниковъ новаго земельнаго законодательства, окончательный разрывъ фактически уже давно ставшей номинальною, а многихъ только тяготившей связи съ землей является лишь оформленіемъ уже сложившагося положенія вещей, а въ то же время образованіе безземельнаго рабочаго класса, съ одной стороны, и сельской земельной буржуазіи, съ другой, признается полезнымъ и необходимымъ съ точки зрѣнія экономическаго и соціальнаго прогресса. По мнѣнію противниковъ, обезземеливающіяся массы не могутъ найти приложенія для своего труда въ нашей слаборазвитой промышленности или въ иныхъ отрасляхъ труда, слѣдовательно, обречены на весьма печальное будущее, а вновь образующійся классъ болѣе крупныхъ крестьянъ-собственниковъ слагается не изъ тѣхъ элементовъ, какіе могли бы, въ самомъ дѣлѣ, быть носителями хозяйственнаго прогресса, а изъ представителей хищнически-спекулятивнаго типа. Наконецъ, предметомъ рѣзкаго разногласія являются и упомянутыя выше, введенныя въ законъ 14 іюня, дополнительныя постановленія; по мнѣнію однихъ, общины, болѣе 25 лѣтъ не производившія коренныхъ передѣловъ, фактически прекратили свое общинное бытіе, и новый законъ лишь закрѣпилъ фактически сложившееся единоличное владѣніе; по мнѣнію другихъ, жизнедѣятельность общины проявляется вовсе не въ однихъ только коренныхъ передѣлахъ, и даже самое отсутствіе послѣднихъ могло быть результатомъ, съ одной стороны, извѣстной временной совокупности условій, устранявшей, до времени, потребность, въ передѣлѣ, а съ другой—оно могло обусловливаться, и просто, неразрѣшеніемъ передѣловъ со стороны земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ [1]). Положеніе о землеустройствѣ было встрѣчено, въ общемъ, гораздо болѣе спокойно, даже и рѣшительными противниками современной аграрной политики. Въ принципѣ желательность

[1]) См. стр. 40.

устраненія чрезполосности и т. п. никѣмъ не отрицалась,—указывалось и указывается лишь на то, что потребность въ землеустройствѣ, вполнѣ несомнѣнная въ условіяхъ, главнымъ образомъ, западной полосы Россіи, едва ли могла уже назрѣть при еще весьма экстенсивномъ хозяйствѣ востока и юго-востока; указывалось, далѣе, на то, что положеніе слишкомъ механически проводитъ опредѣленные шаблоны отрубнаго и хуторского устройства, вполнѣ, можетъ быть, умѣстные при однихъ, но нецѣлесообразные при другихъ топографическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ; что отруба и хутора, вообще, могутъ быть выгодны лишь при болѣе значительныхъ размѣрахъ крестьянскаго владѣнія, при маломъ же количествѣ земли могутъ быть весьма невыгодными и даже повести къ уничтоженію возможности веденія самостоятельнаго хозяйства. Всѣ эти спорные вопросы остаются спорными и до сихъ поръ,—одни изъ нихъ могутъ быть разрѣшены не иначе, какъ путемъ тщательнаго, систематически-организованнаго и въ то же время безпристрастнаго изслѣдованія [1]), другіе могутъ выясниться только въ будущемъ, когда скажутся не только ближайшія, но и болѣе отдаленныя послѣдствія современной аграрной политики. Въ частности, едва ли можно сказать сейчасъ что-либо опредѣленное по вопросу о непосредственномъ вліяніи «укрѣпленій» и землеустройства на прогрессъ крестьянской сельско-хозяйственной техники. Сторонники современной аграрной политики чуть не съ самыхъ первыхъ дней стали говорить о быстромъ подъемѣ сельскаго хозяйства у укрѣпленцевъ и особенно у хуторянъ, противники—подчеркивать отсутствіе такого прогресса, а въ особенности — факты хозяйственныхъ неудачъ. Неправы, конечно, тѣ и другіе: чтобы землеустройство и вообще аграрная политика могли обнаружить свое вліяніе на хозяйство, требуется время, и черезъ какихъ-нибудь 2, 3, 5 лѣтъ одинаково рано и радоваться подмѣчаемымъ признакамъ прогресса, и дѣлать какіе-либо выводы изъ ихъ отсутствія; поскольку же прогрессъ дѣйствительно замѣчается,—остается открытымъ вопросъ, насколько онъ долженъ быть отнесенъ на счетъ землеустроительныхъ мѣръ и насколько на счетъ того усиленнаго содѣйствія, какое оказывается отрубникамъ и хуторянамъ въ видѣ ссудъ, агрономической помощи и т. п. Едва ли не единственное, о чемъ уже теперь можно говорить съ полною опредѣленностью,—это та чрезмѣрная стремительность въ проведеніи какъ укрѣпленій, такъ и переходовъ на отрубы и хутора, которая проявлялась въ особенности первое время, при жизни П. А. Столыпина. Насажденіе единоличной собственности въ отрубно-хуторскихъ формахъ было признано дѣломъ первостепенной и неотложной государ-

[1]) Въ 1913 г., по почину землеустроительнаго вѣдомства, было произведено подворное статистическое изслѣдованіе землеустроенныхъ хозяйствъ въ 12 взятыхъ на выборъ уѣздахъ. «Сводныя поуѣздныя данныя» опубликованы въ 1915 г. Данныя изслѣдованія, однако, далеко не разрѣшаютъ намѣченныхъ въ текстѣ вопросовъ и сомнѣній

ственной важности, отъ мѣстной администраціи категорически требовалось проявленіе мыслимой энергіи въ этомъ дѣлѣ; наличностью такой энергіи и видимыми ея результатами обусловливался какъ служебный успѣхъ, такъ даже самая возможность продолженія службы. Въ результатѣ—стремленіе исполнителей къ мыслимой количественной результатности землеустроительныхъ работъ; нерѣдко—и болѣе или менѣе открытое, иногда очень рѣзкое давленіе въ пользу «укрѣпленій», отрубовъ и хуторовъ; наряду съ этимъ—сознательно или нѣтъ—получалось и заманиваніе на отрубы и хутора при помощи ссудъ и разнообразныхъ льготъ, предоставлявшихся отрубникамъ и хуторянамъ.

Громадное большинство земскихъ подворныхъ изслѣдованій было проведено и разработано въ эпоху, предшествовавшую современному земельному законодательству. Отраженіе послѣдняго мы находимъ, поэтому, лишь въ относящихся къ самому послѣднему времени работахъ по Пензенской, Тульской, Самарской, Смоленской губерніямъ. Такъ, въ подворномъ формулярѣ по Смоленской губерніи показывается отдѣльно число «выкупленныхъ» (по ст. 165 пол. о выкупѣ) и «укрѣпленныхъ» (по указу 9 ноября) надѣловъ, въ формулярахъ сплошной подворной переписи по Пензенской губерніи имѣются отдѣльныя рубрики для надѣльной земли «по разверсткѣ», «по 165 ст.», «по зак. 9 XI» и въ «чужихъ общинахъ»—послѣдняя рубрика сдѣлалась необходимою благодаря закону 1905 года, допустившему приписку и пользованіе надѣльною землею одновременно въ нѣсколькихъ обществахъ; по каждой изъ этихъ четырехъ категорій дается число душъ и площадь всей удобной земли, въ томъ числѣ усадебной и пахатной, а для первыхъ трехъ категорій—кромѣ того еще отмѣтки объ «отрубномъ», «хуторскомъ» и «чрезполосномъ» характерѣ землевладѣнія. Въ поселенныхъ таблицахъ по той же Пензенской губерніи цифры надѣльнаго землевладѣнія проводятся по слѣдующимъ рубрикамъ: «разверстанное» (имѣется въ виду общинная разверстка), «выкупленное по 165 ст. чрезполосное», тоже отрубное, «укрѣпленное по закону 9/XI чрезполосное», тоже отрубное, «въ другихъ общинахъ», причемъ въ каждой изъ этихъ рубрикъ «распредѣленное» землевладѣніе—т. е. отведенное данному общественнику по передѣлу, выкупленное именно имъ или укрѣпленное именно за нимъ, показывается отдѣльно отъ переходящаго въ другія руки путемъ куплн-продажи («купленнаго»),—и затѣмъ по каждой изъ этихъ рубрикъ и подрубрикъ дается число хозяевъ и количество десятинъ данной категоріи надѣльнаго землевладѣнія. Болѣе цѣлесообразную, на мой взглядъ, разработку даютъ поселенныя таблицы, напр., по Тульской губерніи. Здѣсь подъ общимъ заголовкомъ «надѣльная, душевая и четвертная земля» идетъ прежде всего, рядъ граф, озаглавленныхъ: «принадлежало общинѣ», съ детальнымъ подраздѣленіемъ по родамъ угодій; затѣмъ, уже безъ детальнаго подраздѣленія по угодьямъ, а съ выдѣленіемъ только пашни и сѣнокоса, дается «въ томъ числѣ» количество земли «въ подворно-наслѣдственномъ» владѣніи, «душевой изъ другихъ общинъ», «мирской» и «выкупленной по 165 ст.», затѣмъ дается число «домохозяевъ, укрѣпившихъ надѣлъ по закону 9 ноября» въ высшей степени важнымъ для характеристики смысла укрѣпленій подраздѣленіемъ на «наличныхъ» и «отсутствующихъ», и количество укрѣпленной земли, затѣмъ—«число домохозяйствъ, отчуждавшихъ землю, укрѣпленную по зак. 9 ноября», и количество отчужденной ими земли,—то и другое съ подраздѣленіемъ, 1. на продажу въ свою общину и въ чужія общины и на продажу наличными и отсутствующими домохозяевами, наконецъ, еще рубрики «четвертной изъ другихъ общинъ» и «укрѣпленной по закону 9 ноября изъ другихъ общинъ»,

съ показаніемъ, въ томъ и другомъ случаѣ, числа домохозяйствъ и количества пашни, сѣнокоса и всей удобной земли, и, наконецъ, отдѣльно дается еще количество какъ душевои и четвертной, такъ и особо—укрѣпленной земли, принадлежащей отсутствующимъ членамъ обществъ,—въ конечномъ результатѣ получается максимально-подробная картина какъ самихъ укрѣпленій съ нѣкоторою характеристикою ихъ по смыслу, такъ и вліянія ихъ на мірское землевладѣніе, и ихъ послѣдствій въ смыслѣ мобилизаціи надѣльной земли. Чего недостаетъ въ этой картинѣ—это столь важныхъ съ хозяйственной точки зрѣнія данныхъ о чрезполосномъ или отрубномъ владѣніи укрѣпленною землею.

Вернемся, однако, къ вопросу о размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія. По нѣсколько устарѣлымъ, но вполнѣ годнымъ для сопоставленій даннымъ, помѣщеннымъ въ изданіи «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства», на 100 душъ крестьянскаго населенія приходится въ южномъ степномъ районѣ 295 дес., въ юго-восточномъ даже 317, въ восточномъ 206, въ сѣверномъ 268,—районы съ наибольшимъ общимъ количествомъ надѣльной земли огибаютъ, такимъ образомъ, европейскую Россію какъ бы полумѣсяцемъ, концы котораго захватываютъ весь югъ и весь сѣверъ до Новгородской губерніи включительно, середина—весь востокъ. За ними слѣдуютъ, въ смыслѣ общей обезпеченности землею, сѣверо-западъ и промышленный центръ: прибалтійскій районъ съ 176, западный съ 166, промышленный съ 196, «столичный» съ 162 десятинами на каждыя 100 душъ населенія. Полосу съ наименьшимъ земельнымъ обезпеченіемъ крестьянъ составляютъ: черноземный центръ—сѣвернѣе лежащія «промышленно-земледѣльческія» губерніи съ 130 и среднія черноземныя губерніи съ 134, въ особенности же юго-западныя губерніи съ 108 десятинами удобной земли на каждый 100 душъ крестьянскаго населенія.

Достаточно, однако, сопоставить помѣщенную въ названномъ изданіи картограмму «порайоннаго обезпеченія крестьянъ землею» съ непосредственно слѣдующею за нею картограммою «порайоннаго распредѣленія крестьянскихъ посѣвныхъ площадей», чтобы убѣдиться въ чрезвычайно условномъ значеніи приведенныхъ цифръ общей обезпеченности крестьянъ удобною землею. Только востокъ и юго-востокъ, будучи наиболѣе многоземельными, являются въ то же время и наиболѣе многопосѣвными; западныя губерніи по тому и другому признаку принадлежатъ, одинаково, къ средней группѣ,—въ остальныхъ районахъ размѣры крестьянскихъ посѣвовъ измѣняются не только не въ прямомъ, но скорѣе въ обратномъ отношеніи къ обезпеченности удобною землею. И забѣгая нѣсколько впередъ—нельзя не отмѣтить теперь же, что значеніе общей обезпеченности крестьянъ надѣльною землею далеко не столь безспорно, какъ это принято думать. Если—какъ обычно дѣлаютъ—сравнивать положеніе многоземельныхъ группъ хозяйствъ въ извѣстной мѣстности съ положеніемъ малоземельныхъ хозяйствъ въ той же мѣстности, то положеніе первыхъ, конечно, окажется во всѣхъ отношеніяхъ болѣе благопріятнымъ. Но это просто потому, что

въ этомъ случаѣ лучшее земельное обезпеченіе—почти синонимъ большей имущественной обезпеченности. Совсѣмъ иное получается, если сравнивать положеніе различно обезпеченныхъ землею крестьянъ разныхъ мѣстностей, или даже разныхъ разрядовъ крестьянъ въ одной и той же мѣстности. Если взять ту и другую губернію съ особенно рѣзко проявляющимся разнообразіемъ условій земельнаго обезпеченія, то сплошь и рядомъ окажется, что какъ-разъ мѣстности съ наибольшимъ изобиліемъ земли обнаруживаютъ признаки менѣе благопріятнаго положенія населенія, нежели мѣстности болѣе малоземельныя. Беру въ видѣ перваго характернаго примѣра близко мнѣ знакомую сибирскую губернію—Тобольскую: здѣсь, какъ-разъ, въ южныхъ, многоземельныхъ уѣздахъ наблюдаются такія явленія, какъ періодически повторяющіяся голодовки, массовое нищенство, движеніе на отхожіе заработки, даже выселеніе, между тѣмъ какъ въ сѣверно-земледѣльческихъ уѣздахъ той же губерніи не наблюдается ни одного изъ этихъ отрицательныхъ симптомовъ. Остановимся на одномъ изъ этихъ отрицательныхъ симптомовъ—переселеніи или, точнѣе, выселеніи. Изъ соотвѣтственныхъ статистическихъ источниковъ видно, что въ цѣломъ рядѣ губерній европейской Россіи, каковы, въ болѣе раннемъ періодѣ исторіи переселенческаго движенія, Рязанская или Курская, въ новѣйшее время Черниговская или Харьковская, массовое выселеніе, которое—еще разъ подчеркну—всегда является симптомомъ неблагопріятнаго экономическаго положенія данной мѣстности или данной группы населенія, происходитъ главнымъ образомъ изъ уѣздовъ съ болѣе высокимъ общимъ уровнемъ земельной обезпеченности, въ гораздо меньшихъ—изъ малоземельныхъ уѣздовъ. Мало того: еще въ 80-хъ гг. прошлаго столѣтія по ряду губерній, какъ тѣ же Рязанская, Курская, Самарская, было подмѣчено, что выселеніе въ гораздо большей мѣрѣ наблюдается среди хорошо надѣленныхъ землею бывшихъ государственныхъ, нежели среди гораздо хуже обезпеченныхъ землею бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. И нетрудно понять, почему это такъ: потому что параллельно съ сокращеніемъ общаго уровня земельной обезпеченности земледѣльческаго населенія, иначе говоря—по мѣрѣ сокращенія земельнаго простора, идетъ интенсификація хозяйства—переходъ отъ первобытныхъ, только расхищающихъ естественныя производительныя силы земли (см. ниже, въ гл. V), къ болѣе совершеннымъ, сохраняющимъ и даже развивающимъ эти силы способамъ веденія земледѣльческаго хозяйства; а при такихъ условіяхъ меньшее, въ среднемъ, количество земли обезпечиваетъ населенію не только не меньшій, но даже большій и, главное, болѣе устойчивый доходъ. Возьмемъ, въ видѣ примѣра, одну изъ губерній съ особенно рѣзко выраженными различіями въ общемъ уровнѣ земельной обезпеченности крестьянъ разныхъ уѣздовъ,—Харьковскую. Здѣсь можно выдѣлить группу сѣверныхъ уѣздовъ, со среднимъ земельнымъ обезпеченіемъ 4,7 дес. земли на дворъ, группу,

среднихъ, съ 5,9 дес. ,и группу южныхъ уѣздовъ, съ 8,8 дес. на дворъ. И вотъ, по разработанномъ въ чрезвычайно интересной работѣ К. А. Маціевича, напечатанной въ статистическомъ ежегодникѣ Харьковскаго земства за 1907 годъ, корреспондентскимъ сообщеніямъ, мѣстности, гдѣ удобреніе земли не встрѣчается вовсе, составляютъ въ уѣздахъ первой малоземельной группы 5%, второй уже 40, третьей цѣлыхъ 87%, а мѣстности, гдѣ удобряетъ большинство, въ томъ же порядкѣ группъ, 56, 44 и всего 11%; если же взять два «полюса»—самый малоземельный Сумской и самый многоземельный Старобѣльскій уѣзды, то окажется, что въ первомъ нѣтъ мѣстностей, гдѣ либо большинство, либо меньшинство не удобряло бы землю, во второмъ такія мѣстности,—судя по полученнымъ корреспондентскимъ сообщеніямъ, составляютъ 99%. Въ уѣздахъ первой, малоземельной группы о посѣвахъ свеклы, этого главнаго, въ условіяхъ данной мѣстности, симптома и проводника сельскохозяйственнаго прогресса, говорятъ 58% корреспондентскихъ сообщеній, во второй уже только 11, въ третьей всего 3,3%... О наличности, вообще, какихъ-либо улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ свидѣтельствуютъ по уѣздамъ первой группы 67% корреспондентскихъ сообщеній, второй 58, третьей, многоземельной всего лишь 28%,—объ отсутствіи какихъ бы то ни было улучшеній въ группѣ малоземельныхъ уѣздовъ говорятъ 33%, въ средней группѣ 58%, въ группѣ многоземельныхъ уѣздовъ цѣлыхъ 72%. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, средній за десятилѣтіе 1898—1907 гг. урожай ржи въ малоземельныхъ уѣздахъ достигаетъ 54 п., въ среднихъ на превышаетъ уже 42 п., въ многоземельныхъ падаетъ до 23 пудовъ съ десятины. Въ согласіи съ приведенными данными о степени распространенности улучшеній или, наоборотъ, о сохранившемся первобытномъ типѣ хозяйства, стоятъ сообщенія, объясняющія неудовлетворительное состояніе крестьянскаго хозяйства истощеніемъ земли—непремѣннымъ спутникомъ отжившаго свой вѣкъ первобытнаго хищническаго хозяйства: такія сообщенія составляютъ по малоземельнымъ уѣздамъ всего 14%, по среднеземельнымъ уже 35%, по многоземельнымъ цѣлыхъ 59% общаго числа полученныхъ отъ корреспондентовъ отвѣтовъ на данный вопросъ. И что особенно характерно—чѣмъ выше общій уровень земельной обезпеченности населенія, тѣмъ ярче въ отвѣтахъ корреспондентовъ сказывается непониманіе значенія технической отсталости хозяйства: «чѣмъ дальше къ югу—говоритъ г. Маціевичъ—тѣмъ меньшее значеніе отводятъ корреспонденты этому фактору»,—тѣмъ менѣе они ссылаются на него въ объясненіе получаемыхъ въ многоземельныхъ мѣстностяхъ низкихъ урожаевъ: «южные крестьяне не научились еще цѣнить самостоятельное значеніе техники—они меньше улучшаютъ хозяйство и меньше значенія отводятъ низкой техникѣ въ ряду причинъ, понижающихъ урожаи», тогда какъ малоземельные сѣверяне, «наоборотъ, настолько убѣдились въ этомъ, что, по ихъ мнѣнію, это самая важная причина слабой урожайности ихъ полей». Не удивительно при такихъ условіяхъ,

что ощущаемый крестьянами «гнетъ малоземелья возрастаетъ по направленію къ югу, между тѣмъ объективныя данныя о размѣрахъ надѣльной земли также правильно растутъ»: средній размѣръ земельнаго обезпеченія въ трехъ группахъ уѣздовъ, какъ мы видѣли, 4,7, 5,9 и 8,8 дес.— процентъ корреспондентскихъ жалобъ на малоземелье 15, 14 и 34. Прогрессъ сельскохозяйственной техники въ многоземельныхъ мѣстностяхъ—мы видѣли—сильно отстаетъ отъ сгущенія населенія. Благодаря этому превышеніе размѣровъ надѣла «при болѣе тяжелыхъ климатическихъ условіяхъ, при болѣе низкой техникѣ не настолько велико, чтобы быть замѣтнымъ». Говоря иначе—никакой просторъ не можетъ обезпечить крестьянъ, разъ средній урожай не поднимается выше 23 пудовъ; а потому «относительное малоземелье (терминъ, впервые пущенный въ оборотъ, кажется, авторомъ этой книги), которое собственно и есть настоящее крестьянское малоземелье (курсивъ, мой. А. К.), тамъ можетъ ощущаться острѣе. Съ другой стороны— и это самое главное—«здѣсь еще не угасли воспоминанія о земельномъ просторѣ»; о томъ быломъ просторѣ, по сравненію съ которымъ и 8,8 дес. на дворъ ощущаются какъ сильнѣйшее «стѣсненіе въ землѣ».

Такимъ образомъ, значеніе «десятины земли» зависитъ, прежде всего, отъ способовъ ея использованія. Но наряду съ этимъ обстоятельствомъ—еще и отъ качества ея, которое находитъ себѣ выраженіе въ двухъ главныхъ направленіяхъ: въ распредѣленіи ея по угодьямъ и въ почвенныхъ условіяхъ. Значеніе способовъ использованія въ общихъ чертахъ понятно безъ особыхъ объясненій. Ясно хотя бы то, что при кочевомъ скотоводствѣ десять или даже двадцать десятинъ земли дадутъ меньше, чѣмъ одна десятина при трехпольномъ земледѣліи, что при переложномъ хозяйствѣ нашихъ заволжскихъ степей десять или даже двадцать десятинъ дадутъ меньше, чѣмъ десятина при почти огородномъ, бельгійскомъ или вестфальскомъ хозяйствѣ. Болѣе детальное разсмотрѣніе вопроса о способахъ использованія земли найдетъ себѣ мѣсто въ одной изъ послѣдующихъ главъ, теперь же надлежитъ остановиться на вопросѣ о различіяхъ въ качествѣ самой земли, и прежде всего—на почвенныхъ условіяхъ.

Почва, если ее разсматривать не съ естественно-исторической, а съ хозяйственной точки зрѣнія—это тонкій, болѣе или менѣе рыхлый, обрабатываемый слой земной поверхности, въ которомъ укореняются сельскохозяйственныя растенія и изъ котораго они черпаютъ себѣ пищу. Достоинство почвы зависитъ, съ одной стороны, отъ ея богатства и ближайшимъ образомъ—ея плодородія, съ другой—отъ ея физическихъ свойствъ. Подъ «богатствомъ» разумѣется общее количество содержащихся въ почвѣ веществъ, могущихъ служить пищею для растеній, подъ плодородіемъ—та часть почвеннаго богатства, которая можетъ быть непосредственно усвоена растеніями; «богатая» почва можетъ быть мало плодородною, если только

небольшая часть ея «богатства» перешла въ удобоусвояемый для растеній видъ, и наоборотъ—плодородною можетъ быть и не слишкомъ «богатая» почва, если значительная часть ея «богатства» уже перешла или быстро переходитъ въ удобоусвояемую форму. Что касается до физическихъ свойствъ почвы, какъ степень плотности или, наоборотъ, рыхлости, проницаемости для воды, способности быстро нагрѣваться или охлаждаться и т. п., то эти свойства, съ одной стороны, непосредственно отражаются на условіяхъ произрастанія сельско-хозяйственныхъ растеній, а съ другой—ими, въ значительной мѣрѣ, опредѣляются какъ самые способы обработки почвы, такъ и размѣры связанныхъ съ нею затратъ труда. Что касается до пріемовъ изученія почвы, то они могутъ быть расположены въ такой послѣдовательности прежде всего чистая эмпирія—вѣковой опытъ, постепенно накоплявшійся смѣнявшими другъ друга поколѣніями земледѣльцевъ и, въ конечномъ итогѣ, создавшій для каждой мѣстности свою бытовую классификацію почвъ по степени ихъ хозяйственной пригодности; классификацію, стоящую въ тѣснѣйшей связи съ климатомъ, съ хозяйственными условіями и въ частности съ уровнемъ сельско-хозяйственной культуры, и т. п. Во влажномъ и холодномъ климатѣ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будутъ выше цѣниться болѣе рыхлыя, супесчаныя почвы, въ особенности расположенныя по пологимъ склонамъ, потому что онѣ быстрѣе просыхаютъ и быстрѣе же нагрѣваются,—въ климатѣ жаркомъ и сухомъ будутъ выше цѣниться, напротивъ, болѣе плотныя, суглинистыя почвы, въ особенности при совершенно ровномъ или даже припадистомъ рельефѣ, потому что онѣ, напротивъ, лучше удерживаютъ влагу и не такъ сильно накаляются солнцемъ. При слабо-развитыхъ сельско-хозяйственныхъ навыкахъ и плохихъ орудіяхъ малоплодородныя, но рыхлыя и потому легкія для обработки почвы будутъ цѣниться выше, чѣмъ, можетъ быть, гораздо болѣе плодородныя, но плотныя и потому болѣе тяжелыя въ обработкѣ, а тѣмъ болѣе—чѣмъ такія, которыя требуютъ предварительной расчистки, осушки и т. п., хотя бы послѣднія и обѣщали вознаградиться сторицею. Обобщеніемъ этого мѣстнаго вѣкового опыта являются чисто-статистическіе пріемы изученія почвы, какъ они примѣнялись первое время земскими статистиками,—сущность ихъ сводится къ описанію почвъ по установленнымъ мѣстнымъ опытомъ типамъ,—описанію, основанному, главнымъ образомъ, на показаніяхъ мѣстнаго населенія, и лишь на второмъ мѣстѣ—на непосредственномъ осмотрѣ почвъ статистикомъ. Само собою разумѣется, что такое описаніе не входитъ въ подворный опросъ—оно ведется по болѣе или менѣе крупнымъ земельнымъ единицамъ, обычно по общинамъ, иногда («Черниговскій типъ») по межевымъ дачамъ, въ первое время входя въ составъ пообщиннаго бланка, позднѣе, нерѣдко, выдѣляясь въ особый «почвенный бланкъ».

При первыхъ земскихъ изслѣдованіяхъ вопросы о почвѣ ставились иногда лишь въ самой общей формѣ Такъ, въ поселенномъ бланкѣ по Казанской губерніи мы находимъ лишь такіе вопросы. «Какая преобладающая почва въ земельной

дачѣ? какъ глубокъ почвенный слой? какого рода подпочва?» По Петербургской— «какого качества земля? какова почва и подпочва? каковы пашня, луга, выгоны, лѣсъ, неудобныя земли?», причемъ, однако, въ инструкціи для статистиковъ дается довольно подробная характеристика главнѣйшихъ типовъ почвъ и указываются доступные для не-спеціалистовъ грубые пріемы опредѣленія ихъ наиболѣе характерныхъ составныхъ частей. Иногда вопросы ставились, напротивъ, въ гораздо болѣе расчлененномъ видѣ Такъ, въ Рязанскомъ поселенномъ бланкѣ, одномъ изъ наиболѣе раннихъ по времени, въ отдѣлѣ «характеристика почвы» стоятъ вопросы. 1. «Мѣстоположеніе и рельефъ пашни (поля ровныя, бугристыя, съ крутыми или отлогими скатами, овраги; пожни, мочежины и болотины среди полей, размѣръ ихъ, нѣтъ ли вблизи пашни лѣса?) 2. Господствующія почвы по мѣстной терминологіи. а. на ровныхъ мѣстахъ (суглинокъ, съ суглинкомъ, глина, сѣрая земля, хрящеватая, сѣро-песчаная, съ пескомъ, песокъ и т. п.), б на крутыхъ скатахъ, по косогорамъ, вдоль враговъ, и в. по низкимъ мѣстамъ, въ котловинахъ, около болотинъ, около лѣса, около рѣчекъ»,—для категорій б и в , опять-таки, приведенъ довольно длинный перечень мѣстныхъ названій характерныхъ типовъ почвъ. Затѣмъ слѣдуетъ табличка въ такими рубриками названіе почвъ— народное, научное, пропорція почвъ, мощность почвъ (въ дюймахъ), переходный слой—характеръ, толщина въ дюймахъ, подпочва. Въ качествѣ примѣра еще гораздо большей разработанности вопроса о почвѣ можно привести поселенный бланкъ по Орловской губерніи Здѣсь, сначала, дается особая табличка, гдѣ требуется привести данныя о «сортахъ пахотныхъ почвъ» въ каждомъ изъ трехъ полей и по каждому «владѣльческому участку особо», причемъ предусматриваются такіе главные виды почвъ· «черноземъ (какой?), суглинокъ, супесокъ, глина, песокъ .», а затѣмъ ставится рядъ вопросовъ для характеристики каждаго вида почвы, какъ-то: цвѣтъ въ сыромъ и сухомъ состояніи, толщина почвеннаго слоя, свойства почвы на-ощупь, отношеніе къ обработкѣ, къ влажности и высыханію и т д , и отдѣльно—вопросъ о подпочвѣ каждой почвы, причемъ предусматриваются такіе виды «бурная, сѣрая, красная глина, вязкая или съ пескомъ, илъ, песокъ или другая порода (какая)».

Такимъ образомъ, характеристика почвъ при чисто-статистическомъ пріемѣ изученія дается, съ одной стороны, по легко уловимымъ, даже для не-спеціалиста, внѣшнимъ признакамъ, съ другой — по ихъ выясненнымъ мѣстнымъ опытомъ хозяйственнымъ свойствамъ. Въ серединѣ 80-хъ гг. выступилъ на сцену принципіально-отличный пріемъ изученія почвъ — объективный или естественно-историческій. Создателемъ его былъ творецъ русскаго научнаго почвовѣдѣнія, Петербургскій профессоръ В. В. Докучаевъ; примѣненъ онъ былъ впервые, подъ непосредственнымъ руководствомъ самого Докучаева, въ Нижегородской и затѣмъ въ Полтавской, позднѣе и въ рядѣ другихъ губерній. По системѣ Докучаева почва изучается, въ существѣ, какъ естественно-историческое тѣло, причемъ установляются характерные по естественно-историческимъ признакамъ типы почвъ и ихъ распредѣленіе по территоріи; по каждому изъ тѣхъ признаковъ, которые имѣютъ болѣе или менѣе непосредственное сельско-хозяйственное значеніе, каждый почвенный типъ оцѣнивается балломъ, и изъ совокупности балловъ, полученныхъ каждымъ даннымъ типомъ почвъ, строится общая «бонитировочная шкала», въ которой разные почвенные типы располагаются въ порядкѣ ихъ «среднихъ балловъ».

Однако, при первой же попыткѣ связать полученную такимъ образомъ изъ естественно-историческихъ данныхъ оцѣнку почвъ съ тою ихъ классификаціею и оцѣнкой, какая сложилась въ мѣстной сельско-хозяйственной практикѣ, а тѣмъ болѣе—пріурочить изучавшіеся въ ихъ чисто-географическомъ распредѣленіи почвенные типы къ хозяйственнымъ единицамъ — надѣламъ или частнымъ владѣніямъ, встрѣтились, можно сказать, непреодолимыя затрудненія. Выходъ изъ нихъ былъ найденъ въ видѣ впервые примѣненной ученикомъ Докучаева, тоже уже давно покойнымъ, Н. М. Сибирцевымъ, въ той же Нижегородской губерніи, затѣмъ детально разработанной позднѣйшими почвовѣдами и статистиками, смѣшанной системы, представляющей собою комбинацію естественно-историческаго и статистическаго изученія почвъ. Сущность этой системы сводится къ тому, что основное почвенное изслѣдованіе производится спеціалистами-почвенниками, естественно-историческими методами; установленные такимъ изслѣдованіемъ почвенные типы наносятся на подробную почвенную карту, опять-таки, въ чисто-географическомъ распредѣленіи. Затѣмъ, почвы каждаго надѣла или частнаго владѣнія изучаются пріемомъ, въ существѣ, статистическаго характера, помощью, главнымъ образомъ, опроса, дополняемаго осмотромъ, причемъ на обязанности статистика лежитъ установить имѣющіеся въ границахъ даннаго владѣнія типы почвъ по мѣстной классификаціи и терминологіи и дать возможно полную характеристику каждаго изъ нихъ, какъ по уловимымъ для не-спеціалиста внѣшнимъ, такъ и по хозяйственнымъ признакамъ; на нихъ же обычно возлагается и обязанность взять, въ каждомъ владѣніи, нужное число образцовъ почвъ и подпочвъ. На основаніи, съ одной стороны, данной статистиками описательной характеристики почвъ каждаго владѣнія, а съ другой—на основаніи собранныхъ ими образцовъ, почвы каждаго владѣнія подводятся, уже почвовѣдомъ, подъ соотвѣтственные типы основной почвенной классификаціи, статистиками же, на основаніи всей совокупности данныхъ хозяйственно-статистическаго изслѣдованія, дается хозяйственная характеристика каждаго такого типа.

Приведу, въ видѣ примѣра, спеціальный бланкъ съ «характеристикою пашни и преобладающихъ почвъ», примѣнявшійся въ Тверской губерніи при изслѣдованіи, проведенномъ по только-что охарактеризованному смѣшанному типу. Бланкъ относится къ общинѣ или владѣнію, но раздѣленъ на четыре столбца, каждый изъ которыхъ даетъ характеристику пашни въ однородныхъ по характеру послѣдней частяхъ владѣнія или надѣла. Къ интересующему насъ вопросу относятся рубрики: рельефъ—причемъ требуется подчеркнуть одинъ изъ слѣдующихъ отвѣтовъ: «ровная высокая, ровная низкая, котловина, легкая западина, холмистая, бугристая, съ пологими, крутыми склонами»; сорныя и т. п. «травы»—отдѣльно въ каждомъ изъ трехъ полей и на межникахъ; названія почвъ—по изслѣдованію, мѣстное; какая часть пашни занята даннымъ видомъ и въ какой части надѣла; характеристика верхняго пахотнаго слоя по такимъ рубрикамъ; цвѣтъ въ сухомъ, въ сыромъ состояніи, структура, смачиваемость, отношеніе къ обработкѣ, отношеніе къ влагѣ, мощность, причины мелкой запашки (подсказанные отвѣты—выворачиваніе глины, подзола, песка). Затѣмъ для переходнаго слоя: цвѣтъ, струк-

тура, глубина,—большинство вопросовъ и для почвы, и для переходнаго слоя съ подсказанными и подлежащими подчеркиванію отвѣтами. Далѣе вопросы камни въ почвѣ, отношеніе къ урожайности по мнѣнію населенія, для какихъ хлѣбовъ наиболѣе пригодна, когда лучше родится хлѣбъ (въ сырые, средніе, сухіе годы), сколько лѣтъ дѣйствуетъ удобреніе. Всѣ эти графы, какъ сказано, заполняются статистикомъ, и уже за ними слѣдуетъ графа. «названіе почвы по заключенію почвовѣда», основанному, значитъ, на всей совокупности собранныхъ статистикомъ данныхъ.

Здѣсь не мѣсто, конечно, входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса о значеніи почвенныхъ изслѣдованій естественно-историческаго характера. Чисто-научное значеніе ихъ стоитъ, конечно, внѣ вопроса. Едва ли подлежитъ сомнѣнію и значеніе ихъ со спеціально-агрономической точки зрѣнія,—безъ объективныхъ данныхъ о составѣ и вообще характерѣ почвы едва ли мыслима сколько-нибудь раціональная постановка сельско-хозяйственнаго опытнаго дѣла. Но поскольку рѣчь идетъ о значеніи почвенныхъ изслѣдованій естественно-историческаго характера для статистико-экономическаго и даже для спеціально-оцѣночнаго изученія земли и хозяйства, авторъ этой книги принадлежитъ къ тому, въ настоящее время, меньшинству статистиковъ, для которыхъ значеніе естественно-историческаго изученія почвъ, собственно въ данномъ направленіи, остается сомнительнымъ. Хозяйственное достоинство и цѣнность разныхъ типовъ почвъ, въ данной мѣстности и въ данное время, зависятъ отъ столь сложной совокупности условій, что могутъ, въ конечномъ счетѣ, очень далеко разойтись съ выводами, къ какимъ приводитъ естественно-историческое изученіе. Съ другой же стороны, все, въ условіяхъ даннаго мѣста и времени, существенное въ достаточной для хозяйственной и оцѣночной характеристики мѣрѣ уловляется тѣмъ постепенно накопляющимся опытомъ, к торый систематизируется при статистическомъ изученіи почвъ, и данныя естественно-историческаго изслѣдованія почвъ едва ли прибавляютъ что-либо существенное къ той характеристикѣ ихъ въ указанныхъ направленіяхъ, какая можетъ быть получена изъ статистическаго изученія [1]).

Какъ, вѣроятно, памятно многимъ изъ читателей, общая картина распредѣленія почвъ въ европейской Россіи представляется въ такомъ видѣ: сѣверъ—область такъ-называемыхъ «дерново-подзолистыхъ» почвъ, югъ входитъ въ составъ черноземной полосы, которая перекидывается за Уралъ и, какъ выяснено новѣйшими изслѣдованіями, заходитъ далеко вглубь Сибири. По границѣ черноземной и нечерноземной полосъ узкою лентой тянется, въ общемъ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ, полоса такъ-называемыхъ сѣрыхъ лѣсныхъ или иначе — лѣсо-степныхъ почвъ, проходящая черезъ губерніи Волынскую, Полтавскую, Орловскую, Нижегородскую, Вятскую и южную часть Пермской. На югѣ и особенно

[1]) См. замѣчанія проф. А. Н Чеченцева въ Трудахъ подсекціи статистики XII съѣзда естествоиспыт. и врачей, стр. 39—40.

на юго-востокѣ черноземная полоса граничитъ съ примыкающею къ тремъ морямъ—Азовскому, Каспійскому и Аральскому, полосою сухихъ степей, на лучшихъ участкахъ которыхъ залегаютъ значительно уступающія, по своему достоинству, чернозему каштановыя и бурыя почвы, перемежающіяся съ солонцеватыми почвами и солонцами, съ одной стороны, съ песками—съ другой. Если брать почвы сами по себѣ, то наиболѣе благопріятными естественными свойствами характеризуется — какъ общеизвѣстно—черноземъ, особенно его суглинистыя разновидности: онъ обладаетъ наибольшимъ плодородіемъ, а въ то же время и наиболѣе благопріятными физическими свойствами, причемъ и въ томъ, и въ другомъ отношеніи весьма важную роль играетъ обиліе въ черноземѣ перегноя, которому черноземъ обязанъ своимъ чернымъ цвѣтомъ. Если сравнивать не почвы той или другой опредѣленной мѣстности, а цѣлыя почвенныя полосы, то придется, однако, констатировать, что преимущества чернозема, какъ такового, въ значительной мѣрѣ парализуются неблагопріятными климатическими условіями черноземной полосы, обостряющимися въ направленіи къ югу и въ особенности къ юго-востоку,—именно, главнымъ образомъ, недостаточностью количества осадковъ и неравномѣрнымъ ихъ характеромъ, отчасти чрезмѣрно жаркимъ лѣтомъ, при господствѣ вредныхъ восточныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ результатомъ такихъ особенностей климата являются крайне рѣзкія колебанія урожаевъ, а нерѣдко и болѣе или менѣе полные неурожаи. Если, напротивъ, брать отдѣльные, приблизительно однородные по климату и условіямъ хозяйства, районы, напр., губерніи, то вліяніе почвы скажется чрезвычайно рѣзко. Вотъ приведенныя къ взятому за 100 высшему урожаю, сравнительныя данныя по нѣсколькимъ губерніямъ, которыя я заимствую изъ «Урожаевъ ржи» А. Ф. Фортунатова. По Черниговской губерніи (10 уѣздовъ: черноземъ 100, сѣрый черноземъ 90, сѣро-глинистая 52, сѣро-песчаная 47, супесь 38, глинистая 37, песчаная 28. Для Нижегородской губерніи средній урожай, по даннымъ почвенной экспедиціи Докучаева и по даннымъ работавшихъ въ первой половинѣ XIX вѣка, конечно, глазомѣрными пріемами, такъ называемыхъ кадастровыхъ отрядовъ, выразится такими двумя рядами цифръ:

по даннымъ:	черноземъ		нечерноземн. почвы		
	хорош.	средн.	хорош.	средн.	худ.
Докучаева	100	73	55	35	18
Кадастр. отряд. . . .	100	77	55	33	11

—цифры, замѣчу мимоходомъ, любопытныя и тѣмъ, что онѣ показываютъ, какъ близко результаты глазомѣрнаго изученія почвъ подходятъ къ тѣмъ результатамъ, какіе достигаются гораздо болѣе сложнымъ путемъ спеціальныхъ естественно-историческихъ изслѣдованій. Приведу еще данныя по Вятской губерніи—черноземъ 100, сѣрая 80, суглинокъ 72, «мелдоватая» 68, супесь 60, «сусупесь» 48, песчаная 40.

Различіе между почвами вездѣ проявляется съ полною отчетливостью, притомъ,—судя по приведеннымъ даннымъ, на крайнемъ сѣверѣ черноземной полосы далеко менѣе рѣзко, нежели на югѣ.

Какъ, опять-таки, достаточно извѣстно, черноземъ очень долго обходится безъ удобренія,—слѣдовательно, производительность и самая возможность эксплоатаціи черноземныхъ почвъ въ гораздо меньшей мѣрѣ зависитъ, а въ теченіе столѣтій, пока не сталъ на очередь вопросъ объ удобреніи, и вовсе не зависѣла отъ размѣровъ кормовыхъ угодій. Отсюда—возможность огромнаго процента распаханности чернозема, который достигаетъ 70—80% площади цѣлыхъ уѣздовъ,—значитъ, по отдѣльнымъ мѣстностямъ и тѣмъ болѣе владѣніямъ—еще гораздо болѣе высокаго уровня. На нечерноземныхъ почвахъ, даже лучшихъ, хлѣбъ, безъ удобренія, родится очень не долго: безъ удобренія, въ лучшемъ случаѣ, получается 2—3 урожая, а болѣе тощія почвы не даютъ безъ удобренія и вовсе ничего и удобряются съ самаго же начала, если не навозомъ, то древесною золой (подсѣчное хозяйство!). Нечерноземная полоса, поэтому, издавна является полосою хозяйства съ навознымъ удобреніемъ. Площадь возможной распашки зависитъ здѣсь, поэтому, отъ наличныхъ запасовъ удобренія, которые, въ конечномъ счетѣ, при трехпольномъ хозяйствѣ опредѣляются наличностью кормовыхъ угодій. Ясно, что распашка, при такихъ условіяхъ, не можетъ быть столь велика, какъ въ черноземной полосѣ,—и дѣйствительно, въ итогахъ по губерніямъ и уѣздамъ она не превышаетъ 40%, во многихъ же губерніяхъ и уѣздахъ выражается гораздо меньшимъ процентомъ. Зато унаваживаніе въ нечерноземной полосѣ въ значительной мѣрѣ сглаживаетъ почвенныя различія. Какъ-разъ въ этой полосѣ, они сами по себѣ, особенно рѣзки; малѣйшее измѣненіе въ рельефѣ—не только каждая рѣка или рѣчка, но малѣйшій ложокъ или ложбинка, и наоборотъ—малѣйшая приподнятость рельефа, сопровождается рѣзкими измѣненіями въ характерѣ почвы въ смыслѣ какъ ея химическаго состава, такъ и ея физическихъ свойствъ,—а между тѣмъ благодаря удобренію получаемые съ разныхъ почвъ урожаи въ нечерноземной полосѣ гораздо болѣе однообразны,чѣмъ въ черноземной полосѣ.

Естественно, что коренное различіе въ общемъ характерѣ почвеннаго покрова, сопровождаемое не менѣе коренными различіями въ климатическихъ условіяхъ, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ не менѣе рѣзкія различія во всей совокупности условій, характеризующихъ крестьянское хозяйство въ черноземной и въ нечерноземной полосѣ. Можно пойти даже дальше и сказать, что указанныя различія имѣютъ своимъ слѣдствіемъ и существенной особенности въ массовой психикѣ черноземнаго и нечерноземнаго крестьянина. Въ черноземной полосѣ—она же въ большей или меньшей мѣрѣ степная—земледѣльцу не приходилось и не приходится выдерживать той тяжелой борьбы съ природой, не приходится затрачивать такой массы труда на разработку и обработку земли, какую

затрачиваетъ крестьянинъ въ нечерноземной—она же лѣсная—полосѣ (расчистка изъ-подъ лѣса, иногда осушка, унаваживаніе!). Первому, въ теченіе вѣковъ, все доставалось сравнительно легко; въ большей части черноземной полосы крестьянское хозяйство до еще недавняго времени развивалось въ условіяхъ широкаго простора,—естественно что черноземный крестьянинъ, въ массѣ, обладаетъ гораздо меньшею долею энергіи, умѣнья преодолѣвать препятствія и приспособляться къ разнообразнымъ обстоятельствамъ, нежели крестьянинъ нечерноземной полосы. Особенно рѣзко это сказывался у переселенцевъ.

Возвращаюсь, однако, къ почвеннымъ условіямъ. Такъ или иначе—они весьма разнообразны въ предѣлахъ не только той или другой изъ охарактеризованныхъ выше большихъ полосъ, но и въ предѣлахъ отдѣльныхъ губерній, нерѣдко даже уѣздовъ. Какъ общее правило можно, однако, отмѣтить, что земли бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ по качеству болѣе или менѣе замѣтно уступаютъ частновладѣльческимъ—землямъ бывшихъ владѣльцевъ бывшихъ крѣпостныхъ. Положеніе это для нѣкоторыхъ губерній можетъ быть доказано цифрами. Такъ, по семи уѣздамъ Тамбовской губерніи, для которыхъ были сдѣланы соотвѣтственные подсчеты, процентъ земли первыхъ двухъ сортовъ (черноземъ и суглинокъ) у крестьянъ и у владѣльцевъ выражается слѣдующими парами цифръ: 85—98; 62—71; 86—100; 77—82; 31—45, 82—95, 84—95%. По тремъ уѣздамъ Воронежской губерніи процентъ земли перваго сорта, опять-таки у крестьянъ и у владѣльцевъ, выражается такими цифрами: 57—79; 39—46, 23—55%. У бывшихъ государственныхъ крестьянъ мы замѣчаемъ скорѣе обратное. крестьянскія земли и по почвѣ, и въ особенности по составу угодій (особенно кормовыхъ), стоятъ, въ общемъ, значительно выше земель, оставшихся въ распоряженіи государства (казенныхъ). Это и понятно: помѣщики оставляли лучшія земли себѣ, чтобы эксплоатировать ихъ за свой счетъ; государство (и удѣлъ) не имѣло лучшаго способа эксплоатировать свои земли, какъ отдавать ихъ въ надѣльное пользованіе населенія и получать съ послѣдняго оброкъ—оно было поэтому заинтересовано въ томъ, чтобы устраивать своихъ крестьянъ наиболѣе выгоднымъ образомъ. Съ другой стороны, землепользованіе государственныхъ крестьянъ слагалось, въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ, на началахъ свободнаго захвата; и естественно, что они стремились захватить все, что было лучше, въ смыслѣ комбинаціи угодій, и оставляли худшее казнѣ. Такъ или иначе—въ надѣлы бывшихъ государственныхъ крестьянъ, болѣе или менѣе вездѣ, вошли лучшіе участки казенныхъ земель, земли же, оставшіяся въ распоряженіи казны, въ значительно своей части, оказались болѣе или менѣе обезцѣненными въ качествѣ будущаго колонизаціоннаго фонда.

Перехожу теперь къ распредѣленію земли на угодья. Оно зависитъ частью отъ естественныхъ, частью отъ культурныхъ условій. Такъ, природнымъ сѣнокосомъ являются, прежде всего, заливные луга,

лѣсныя поляны, пониженные участки степи,—ко съ теченіемъ времени площадь сѣнокосовъ, съ одной стороны, увеличивается путемъ расчистки лѣсныхъ площадей или заросшихъ кустарникомъ луговъ, путемъ осушки заболоченныхъ пространствъ и даже настоящихъ болотъ, а съ другой—сокращается, благодаря постепенной распашкѣ всего того, что, не является въ силу затопляемости, излишней влажности и т. п., «абсолютнымъ сѣнокосомъ». Площадь лѣсовъ, до извѣстнаго момента хозяйственной эволюціи, только сокращается, благодаря, частью, расчисткѣ лѣсныхъ площадей подъ пашню и сѣнокосъ, частью—просто хищническому лѣсоистребленію, въ результатѣ котораго обширныя лѣсныя площади, нерѣдко, обращаются въ пустыри или лишенный всякой цѣнности кустарникъ. У насъ, въ Россіи, это послѣднее явленіе до сихъ поръ еще наблюдается, къ несчастью, въ значительныхъ размѣрахъ. На извѣстной ступени эволюціи, уже болѣе или менѣе давно достигнутой въ большинствѣ западно-европейскихъ странъ, лѣсная площадь не только перестаетъ сокращаться,—она, напротивъ, начинаетъ расти благодаря искусственному лѣсонасажденію или возстановленію лѣсовъ, предпринимаемому, частью, по мотивамъ возрастающей выгодности лѣсного хозяйства, частью—по такъ-называемымъ защитнымъ соображеніямъ, заращиваются лѣсомъ пески, подверженные оползанію горные склоны-овраги, площади, гдѣ лѣсной покровъ способствуетъ сохраненію источниковъ рѣкъ и т. п. Само собою разумѣется, затѣмъ, что съ теченіемъ времени, особенно на болѣе раннихъ ступеняхъ хозяйственной эволюціи, рѣзко растетъ площадь пахотныхъ земель,—растетъ, какъ видно изъ уже сказаннаго, за счетъ луговъ и вообще кормовой площади, лѣсовъ, растетъ и за счетъ такъ-называемыхъ неудобныхъ земель: болота осушаются, въ засушливомъ климатѣ обширныя площади становятся доступными для культуры благодаря искусственному орошенію, пески постепенно превращаются въ годную для посѣвовъ почву путемъ обогащающихъ послѣднюю азотомъ посѣвовъ люпина и т. п.

Такимъ образомъ, распредѣленіе по угодьямъ пространства какъ цѣлое страны, такъ отдѣльныхъ частей ея и владѣній, не представляетъ собою чего-либо неизмѣннаго. Для данной мѣстности, однако, и для данной фазы хозяйственнаго развитія оно представляетъ собой нѣчто вполнѣ опредѣленное и въ значительной мѣрѣ характерное. Вотъ заимствованныя мной у В. Э. Дена данныя о процентѣ основныхъ видовъ угодій въ главныхъ европейскихъ странахъ:

	пашня	луга и пастбища	лѣсъ	неудобная.
Англія	13	66	4	18
Франція	59	10	16	14
Германія	49	16	26	9
Австрія	37	24	33	6
Россія	32	19	37	12

Цифры эти, уже сами по себѣ, даютъ очень отчетливое представленіе о характерѣ хозяйства въ названныхъ странахъ. Чрезвычайно рѣзко выдѣляется, прежде всего, Англія, сократившая до минимума свои запашки и перенесшая центръ тяжести хозяйства на интенсивное животноводство; Германія и особенно Франція, довели, напротивъ, свою распашку до максимума и, благодаря развитію искусственнаго производства кормовыхъ средствъ (см. ниже, гл. V), имѣли возможность сократить до минимума естественную кормовую площадь; Австрія и Россія держатъ еще около трети своей площади подъ лѣсомъ, при сравнительно небольшомъ, тоже около одной трети, процентѣ распаханности и максимальномъ—если не считать Англіи—процентѣ кормовыхъ угодій: комбинація угодій, характерная, говоря вообще, для болѣе близкихъ къ первобытному типовъ хозяйства. Нѣсколько парадоксальными могутъ показаться цифры неудобныхъ земель: послѣднія составляютъ въ Россіи хотя и большій процентъ, чѣмъ въ Германіи и особенно въ Австріи, но меньшій, чѣмъ во Франціи и особенно въ Англіи. До извѣстной степени этотъ парадоксъ объясняется, можетъ быть, разницею въ принципахъ классификаціи угодій, главнымъ же образомъ—повидимому, тѣмъ, что въ послѣдненазванныхъ двухъ странахъ значительную часть пространства занимаютъ горы, слѣдовательно, такія площади, которыя въ большей своей части абсолютно неудобны для хозяйственнаго пользованія.

Не менѣе, или даже скорѣе еще болѣе, рѣзкія различія въ распредѣленіи по угодьямъ наблюдаются, прежде всего, между тѣмъ двумя большими полосами, на которыя распредѣляется европейская Россія въ почвенномъ, а вмѣстѣ въ тѣмъ и въ климатическомъ отношеніи. Вотъ соотвѣтственныя цифры:

полосы:	пашня	луга и пастбища	лѣсъ	неудобная
черноземная	48	26	16	10
нечерноземная	12	9	53	25

Въ черноземной полосѣ, мы видимъ, распахана почти половина всего пространства—процентъ распашки почти совпадаетъ съ процентамъ распаханности въ одной изъ культурнѣйшихъ странъ въ Европѣ—Германіи; свыше четверти, 26%, приходится на долю кормовыхъ угодій вмѣстѣ съ пріусадебными землями—главнымъ образомъ, конечно, на долю пастбищныхъ пространствъ въ южныхъ и особенно въ юго-восточныхъ губерніяхъ; на долю несельско-хозяйственной площади—лѣсовъ и неудобной, приходится немногимъ болѣе четверти пространства, въ томъ числѣ на долю первыхъ около одной шестой. Въ нечерноземной полосѣ несельскохозяйственная площадь занимаетъ почти четыре пятыхъ, именно 78% всего пространства, въ томъ числѣ лѣса 53%—больше половины, и неудобныя земли ровно четверть общей площади. На долю пашни остается менѣе одной восьмой—всего 12%, и очевидно, что при существующемъ характерѣ хозяйства это—едва ли не крайній предѣлъ, мыслимый при

наличности всего лишь 9% естественныхъ кормовыхъ угодій и при отсутствіи искусственнаго разведенія кормовыхъ средствъ. Всѣ эти цифры— напомню — относятся къ черноземной и къ нечерноземной полосѣ въ полномъ ихъ составѣ; разница значительно утратила бы всю рѣзкость, но все-таки осталась бы вполнѣ отчетливо выраженною, если бы изъ итоговъ по первой изъ названныхъ полосъ исключить такую не-типичную мѣстность, какъ Астраханская губернія съ ея калмыцкими кочевьями, а изъ второй—Архангельскую съ ея полярными тундрами.

Не менѣе характерна усматриваемая изъ нижеслѣдующей таблички разница въ распредѣленіи угодій между крестьянскими землями, съ одной стороны, и владѣльческими (включая земли учрежденій и т. п.)— съ другой:

	пашня	луга и пастбища	лѣсъ	неудобная
крестьянскія	53	23	10	9
владѣльческія	27	22	38	12

Наиболѣе характерна, очевидно, разница въ процентѣ пашни—съ одной стороны, и лѣсовъ—съ другой: процентъ пашни у владѣльцевъ вдвое меньше, процентъ лѣсовъ почти вчетверо больше, чѣмъ у крестьянъ. Большій у владѣльцевъ процентъ неудобныхъ земель едва ли можетъ быть отнесенъ на счетъ дѣйствительной разницы въ составѣ владѣній,— вѣроятнѣе, что онъ является результатомъ болѣе выгодной для владѣльцевъ (неудобныя земли не облагаются!) классификаціи угодій. Едва ли соотвѣтствуютъ существу дѣла и равные для обѣихъ категорій проценты кормовыхъ угодій: и здѣсь дѣло, очевидно, въ какихъ-нибудь условностяхъ классификаціи угодій, потому что слишкомъ общеизвѣстный фактъ, что частныя владѣнія несравненно лучше обезпечены кормовыми угодьями и въ особенности сѣнокосами, нежели крестьянскія надѣльныя земли.

Какъ я уже сказалъ, наиболѣе характерными являются процентъ распаханности—съ одной стороны, и процентъ лѣсистости—съ другой. Если, теперь, взглянуть хотя бы на помѣщенныя въ изданномъ министерствомъ земледѣлія въ 1903 году «Атласѣ картограммъ и діаграммъ» картограммы угодій по обслѣдованію 1887 года*), то легко увидѣть, что центръ распаханности, именно 104 уѣзда съ распашкой въ 70% и болѣе (до 86%) занимаетъ почти сплошную полосу, протянувшуюся отъ Подольской и Херсонской губерній на юго-западѣ до Симбирской и Казанской на сѣверо-востокѣ, но особенно рѣзко выраженную въ черноземномъ центрѣ, между Курскомъ и Орломъ—съ одной стороны, и Пензою—съ другой. Непосредственно къ нен, съ юго-востока болѣе широкою, а съ сѣверо-запада болѣе узкою полосою, прилегаютъ, а

*) Конечно, данныя эти для настоящаго времени значительно устарѣли— дѣйствительные проценты распашки, въ общемъ, выше, проценты лѣсистости ниже полученныхъ по обслѣдованію 1887 года, но для географическихъ сравненій данныя эти вполнѣ пригодны.

по направленію къ востоку ея продолженіемъ являются районы средней распаханности, гдѣ представлены, главнымъ образомъ, три группы уѣздовъ: съ распаханностью въ 60—70, 50—60 и 40—50%. Нѣсколько болѣе слабою распаханностью—главнымъ образомъ уѣзды съ 40—50 и 50—60%, въ перемѣшку съ ними и съ 30—40%-ами—характеризуются: большая часть центрально-промышленной полосы, а также части прибалтійскаго, литовскаго и бѣлорусскаго районовъ, вмѣстѣ съ южными частями пріуральскихъ губерній, минимальною распашкой—прежде всего, конечно, сѣверныя губерніи, затѣмъ большая часть приозернаго пространства и прибалтійскаго края и неширокая полоса бѣлорусскаго полѣсья. По лѣсистости различныя мѣстности европейской Россіи, естественно, располагаются, приблизительно, въ обратномъ порядкѣ. Максимальную лѣсистость (70 и болѣе %) даютъ, главнымъ образомъ, Вологодская, затѣмъ Олонецкая, Костромская, Архангельекая, Пермская губерніи. Уѣзды съ лѣсистостью въ 60—70, 50—60 и 40—50% частью располагаются въ тѣхъ же, только-что перечисленныхъ, сѣверныхъ губерніяхъ, частью захватываютъ промышленный центръ и протягиваются, съ одной стороны, на юго-востокъ, заполняя все Приуралье, съ другой—вытягиваются болѣе узкою полосою на юго-западъ, заполняя бѣлорусское полѣсье и достигая на югѣ Кіева, Житоміра и австрійской границы. Вся юго-восточная половина европейской Россіи, приблизительно совпадающая съ черноземною полосой, представляетъ собой область минимальной лѣсистисти,—въ подавляющемъ большинствѣ уѣзды менѣе чѣмъ съ 10 рѣже съ 10—20% лѣса (гл. обр. юго-западъ и среднее поволжье); весь западъ, главнымъ образомъ Литва и Прибалтійскій край, представляетъ собою область средней лѣсистости—главнымъ образомъ уѣзды съ 20—30%, рѣже—съ 30—40%.

Что же означаютъ, спрашивается, эти цифры? что говорятъ, въ частности, различія въ степени распаханности? Обычно въ высотѣ процента распашки видятъ непосредственное мѣрило интенсивности хозяйства и цѣлесообразности использованія земли; одинъ изъ ходячихъ аргументовъ противъ владѣльческаго и въ пользу крестьянскаго, въ частности русскаго крестьянскаго хозяйства, выдвигаемый даже такими солидными авторами, какъ Огановскій,—это именно несравненно большая степень распаханности крестьянскихъ земель. Однако, уже приведенныхъ выше данныхъ по главнѣйшимъ странамъ, вмѣстѣ съ сдѣланными только-что географическими сопоставленіями, достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что дѣло обстоитъ не такъ просто: никто не признаетъ, конечно, чтобы французское сельское хозяйство стояло выше германскаго, а тѣмъ болѣе—чтобы англійское сельское хозяйство стояло ниже хозяйства не только западно-европейскихъ континентальныхъ странъ, но даже Россіи; никто не признаетъ, чтобы уровень земледѣльческаго хозяйства въ такихъ губерніяхъ, какъ Херсонская, Екатеринославская, Харьковская на югѣ и тѣмъ болѣе—Самарская или Оренбургская на востокѣ, былъ выше уровня хозяйства въ Прибалтійскомъ

краѣ или на Литвѣ. Чтобы до извѣстной степени разобраться въ вопросѣ о значеніи степени распаханности, намъ могутъ пригодиться, прежде всего, уже использовавшіяся выше данныя объ урожаяхъ ржи, разработанныя А. Ф. Фортунатовымъ. Проф. Фортунатовъ даетъ, между прочимъ, средній урожай по группамъ уѣздовъ, образованнымъ въ убывающемъ по степени распаханности порядкѣ: у крестьянъ 5,2—4,7—4,4—4,8—5,4; у владѣльцевъ 6,2—5,0—5,4—5,9—6,1. Болѣе высокія цифры урожаевъ получаются, значитъ, и у тѣхъ, и у другихъ, какъ при максимальной, такъ и при минимальной распаханности, самыя низкія—при среднемъ ея уровнѣ. Естественно предположить, что болѣе высокій урожай въ верхнихъ группахъ уѣздовъ обусловливается не тѣми-же причинами, что въ нижнихъ. Столь же естественно напрашивается и весьма простое объясненіе: при максимумѣ распаханности такимъ благопріятнымъ для урожайности условіемъ является плодородная почва, до извѣстнаго момента допускающая почти неограниченную распашку, при минимумѣ—значительность той доли общаго пространства земли, которая остается подъ кормовыми угодьями, а слѣдовательно—возможность лучшаго унаваживанія незначительной по своей величинѣ пахатной площади. И это предположительное объясненіе вполнѣ подтверждается данными по отдѣльнымъ губерніямъ. Вотъ, въ видѣ примѣра для черноземной полосы, приводимыя тѣмъ же А. Ф. Фортунатовымъ данныя по нѣсколькимъ уѣздамъ Черниговской губерніи,—именно, среднія цифры урожая ржи, подсчитанныя по группамъ дачъ, въ убывающемъ порядкѣ процента распаханности: по Конотопскому уѣзду (процентъ распаханности: отъ «болѣе 80» до «менѣе 60») 56—55—40—40;—по Нѣжинскому (отъ «болѣе 70» до «менѣе 30») 66—53—49—34; по Сосницкому (отъ «болѣе 70» до «менѣе 20») 69—59—45—40—29—22. Средній урожай не только падаетъ, въ каждомъ уѣздѣ, вмѣстѣ съ процентомъ распаханности,—но даже падаетъ, въ каждомъ уѣздѣ, въ приблизительно однаковой для той и другой величины прогрессіи: чѣмъ больше, въ данномъ уѣздѣ, разница между максимумомъ и минимумомъ распаханности, тѣмъ сильнѣе соотносительныя колебанія урожая, и наоборотъ. Совершенно иныя данныя мы имѣемъ для нечерноземной полосы. Въ Московской губерніи, напримѣръ, средній урожай для 8 уѣздовъ съ крестьянскою распашкой болѣе половины общей площади—4,9, для четырехъ менѣе распаханныхъ уѣздовъ—6,0; средній урожай съ владѣльческихъ земель по тремъ группамъ уѣздовъ, также въ убывающемъ порядкѣ процента распашки,—6,5—7,0—8,3. Въ черноземной полосѣ повышеніе процента распашки идетъ параллельно съ повышеніемъ качества земли, а потому—и съ повышеніемъ урожая. Въ нечерноземной оно не стоитъ къ качеству земли въ какомъ-либо опредѣленномъ отношеніи; а такъ какъ повышеніе распаханности, такъ-сказать, автоматически сопровождается пониженіемъ рѣшающаго,

въ условіяхъ нечерноземной полосы, фактора—обезпеченности сѣнокосомъ, то, естественно, спутникомъ его является пониженіе урожая.

Повторяю: въ нечерноземной полосѣ рѣшающее значеніе имѣетъ отношеніе площади покоса къ пашнѣ: послѣдняя требуетъ опредѣленнаго количества навоза, слѣдовательно—опредѣленнаго количества скота, слѣдовательно, дальше, опредѣленной площади сѣнокоса. Признаваемое за нормально-необходимое отношеніе покосной площади къ пахотной, не превышая въ южной части нечерноземной полосы 1:1, постепенно повышается въ направленіи къ сѣверу и у крайняго сѣвернаго предѣла земледѣлія поднимается до 2:1 и даже выше. При такихъ условіяхъ, величина запашки лишь въ ограниченной степени зависитъ отъ общей обезпеченности населенія удобною землею: нормальный предѣлъ могущей быть распаханною площади ставится наличнымъ запасомъ сѣнокосныхъ угодій,—при данной же площади распашки урожай, можно сказать, всецѣло зависитъ отъ количества покоса, приходящагося на единицу пахатной площади. Отсюда—такое, на первый взглядъ, совершенно парадоксальное явленіе, какъ исключительно высокіе урожаи (въ среднемъ 70—80 и до 100 пуд.), получаемые на крайнемъ сѣверѣ при, казалось бы, мыслимо-неблагопріятныхъ для земледѣлія условіяхъ: они всецѣло объясняются тѣмъ чрезвычайно благопріятнымъ отношеніемъ сѣнокосной площади къ пахатной, которое имѣется у старожилаго населенія этихъ мѣстностей, засѣвшаго главнымъ образомъ вдоль большихъ рѣкъ и, при весьма ограниченной запашкѣ, располагающаго весьма обширными сѣнокосами. Что касается до черноземной полосы, то огромный процентъ распашки является здѣсь не показателемъ интенсивности хозяйства (какъ обычно принято думать!), а наоборотъ—въ основѣ чрезвычайной распаханности крестьянскихъ земель лежитъ «сильная отсталость, а у крестьянъ, часто, безвыходное положеніе, побуждающее ихъ до крайности распахивать землю при сохраненіи примитивныхъ пріемовъ обработки» (Денъ). Или конкретнѣе: растущее населеніе должно получать съ даннаго пространства земли все больше продукта; такъ какъ производительность земли, при первобытныхъ способахъ хозяйства, не повышается, а скорѣе падаетъ, то единственный для этого способъ—расширять, во что бы то ни стало, запашку; расширять, хотя, какъ мы увидимъ въ V главѣ, тѣмъ самымъ сокращается возможность возстановленія производительныхъ силъ почвы, а слѣдовательно ускоряется паденіе ея производительности

Изъ сказаннаго ясно, какое огромное значеніе для характеристики крестьянскаго хозяйства имѣетъ не только и даже не столько общая обезпеченность надѣльною землею, выражающаяся въ тѣхъ или иныхъ цифрахъ «удобной» земли, но также и распредѣленіе ея по угодьямъ. Если же принять въ соображеніе, что работы земскихъ статистиковъ всегда преслѣдовали и цѣли земельной оцѣнки, которая прежде всего считается, конечно, съ тѣми же двумя моментами—общею площадью зем-

ли и распредѣленіемъ ея по угодьямъ, то ясно станетъ, что учетъ какъ общаго количества земли и общей земельной обезпеченности крестьянъ, такъ и распредѣленія крестьянскихъ надѣльныхъ земель по угодьямъ, съ самого начала привлекъ самое серьезное вниманіе земской статистики. Съ самаго же начала онъ разрабатывался почти съ максимальною степенью детальности,—съ такою степенью детальности, дальше которой некуда было идти, а потому отдѣлъ надѣльнаго землевладѣнія представляется однимъ изъ тѣхъ, гдѣ даже исключительное вниманіе, вынужденно-удѣляемое современною земскою статистикою моменту оцѣнки, не повело за собою сколько-нибудь значительнаго расширенія какъ постановки вопросовъ въ формулярахъ, такъ и разработки ихъ въ сборникахъ.

Поскольку рѣчь идетъ о формулярахъ, центръ тяжести даннаго вопроса лежитъ не столько въ подворныхъ формулярахъ, сколько въ пообщинныхъ описаніяхъ и спеціальныхъ бланкахъ. Здѣсь—какъ мы видѣли выше—даются всѣ качественныя данныя, а для обществъ съ общинно-уравнительнымъ или смѣшаннымъ землевладѣніемъ—также и количественныя. Эти послѣднія, какъ правило, выбираются изъ владѣнныхъ документовъ и плановъ, съ провѣркою тѣхъ и другихъ по показаніямъ населенія. По отношенію къ общей площади надѣла такая провѣрка имѣетъ главною цѣлью установленіе тѣхъ перемѣнъ въ составѣ надѣла, какія могли послѣдовать послѣ составленія документовъ и плановъ. Гораздо болѣе активною является роль статистиковъ по отношенію къ распредѣленію общей площади надѣла по угодьямъ. Послѣднее, сплошь и рядомъ, дается планами и документами въ недостаточно расчлененномъ видѣ; главное же,—если оно даже было вполнѣ точно и достаточно расчленено для момента составленія плановъ и документовъ, то для момента изслѣдованія оно является, въ видѣ правила, болѣе или менѣе устарѣлымъ и не передающимъ современной дѣйствительности: измѣнившимся, сплошь и рядомъ, оказывается даже распредѣленіе земли на удобную и неудобную (заовраживаніе, занесеніе пескомъ, запустошеніе лѣсной площади,—съ другой стороны осушка болотъ и т. п.), а тѣмъ болѣе, какъ видно изъ сказаннаго выше, распредѣленіе удобной площади между отдѣльными видами угодій. Распредѣленіе по угодьямъ приходится, поэтому, провѣрять путемъ не только опроса, но и осмотра, причемъ въ новѣйшее время болѣе или менѣе обычно примѣняется такъ-называемый «графическій методъ»,—иначе сказать, составленіе отъ руки схематическаго плана каждаго надѣла, съ показаніемъ современнаго распредѣленія угодій. Какъ было также упомянуто, въ пообщинныхъ описаніяхъ дается также общее число земельно-податежныхъ единицъ въ данной общинѣ, въ подворныхъ же формулярахъ проставляется лишь число такихъ единицъ, иначе сказать, земельныхъ долей, состоящихъ въ надѣльномъ пользованіи даннаго домохозяина, въ выносныхъ клѣткахъ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ формуляровъ дается, впрочемъ, и количество передѣляемыхъ угодій, которое, однако, не спрашивается при опросѣ, а вычисляется и вписывается впослѣдствіи, на основаніи данныхъ пообщиннаго описанія. При подворномъ владѣніи количество земли и распредѣленіе ея по угодьямъ отмѣчаются, конечно, въ подворныхъ формулярахъ. Если, напримѣръ, взять формуляры перваго изслѣдованія Полтавской губ., то въ формулярѣ перваго по времени изслѣдованія уѣзда, Зѣньковскаго, имѣются рубрики: а. въ общемъ усадебномъ участкѣ—усадебная, пахатная, сѣнокосъ, лѣсъ и б. въ черезполосныхъ и отрубныхъ участкахъ—пахатная, сѣнокосная, лѣсъ съ подраздѣленіемъ на строевой, хворостъ и «срубъ», затѣмъ особая графа для «подати» со столькихъ-то душъ.

Въ формулярахъ по остальнымъ уѣздамъ земля показывается по каждой отдѣльной дачѣ, гдѣ владѣетъ данный домохозяинъ, съ подраздѣленіемъ по такимъ видамъ угодій: усадьба и огородъ—садъ—пахатная,—сѣнокосъ сухой, мокрый, лѣсъ строевой, хворостъ, срубъ. Въ формулярѣ 3-ей подворной переписи по Полтавской губерніи классификація нѣкоторыхъ угодій значительно расчленена: для усадьбы дается отдѣльно площадь подъ дворомъ и постройками—подъ садомъ—огородомъ—сѣнокосомъ и зарослями—подъ посѣвами, кромѣ того, еще отдѣльно площадь плантацій и конопляниковъ: кромѣ площади «лучнаго сѣнокоса» отдѣльно, дается площадь «болота», и притомъ съ подраздѣленіемъ на сѣнокосное, тростниковое и неудобное—послѣднее независимо отъ остальной неудобной земли, зато лѣсъ съ кустарникомъ показывается въ нерасчлененномъ видѣ, затѣмъ—уже для всей удобной площади, безъ расчлененія по угодьямъ, дается отдѣльно цифра «надѣльной и козачьей» земли, спеціально для пахати—двѣ графы, имѣющія цѣлью выяснить хозяйственное удобство или неудобство землепользованія и, очевидно, подсказанныя современнымъ землеустроительнымъ интересомъ: «во сколькихъ кускахъ пахать» и сколько «при усадьбѣ пахоти». Такимъ образомъ, характеристика собственно надѣльной земли въ Полтавскихъ формулярахъ отодвигается на задній планъ, очевидно потому, что усиленная земельная мобилизація успѣла въ значительной мѣрѣ стереть границу между надѣльною и купчею землею, а потому детальный учетъ первой утратилъ интересъ. По двумъ другимъ малороссійскимъ губерніямъ, Черниговской и Харьковской, это, очевидно, не имѣло мѣста въ такой мѣрѣ; въ той и другой губерніи, поэтому, все распредѣленіе по угодьямъ дается отдѣльно для земли каждой изъ юридическихъ категорій по Черниговской первая строка отдѣла карточки, озаглавленнаго «собственная земля», даетъ распредѣленіе земли «изъ надѣла даннаго общества», затѣмъ идетъ рядъ строкъ для отдѣльныхъ участковъ купленной земли, выносныя же клѣтки даютъ распредѣленіе по угодьямъ всей собственной земли; по Харьковской, въ отдѣльныхъ же строкахъ, проводится распредѣленіе по угодьямъ надѣльной, купчей и, кромѣ того, еще особой мѣстной юридической категоріи—старозаимочной земли Самая классификація угодій существенно отличается отъ Полтавской: по Черниговской губ. изъ общей площади усадьбы выдѣлены огороды и плантаціи—сады; пашня дается отдѣльно по каждому изъ трехъ полей, а сверхъ того, въ отдѣльныхъ графахъ—пашня внѣ общихъ смѣнъ и «безтолочный помѣрокъ»; сѣнокосъ и лѣсъ съ кустарникомъ даются безъ всякаго расчлененія,—но зато оставлено нѣсколько пустыхъ графъ для интересныхъ по мѣстнымъ условіямъ угодій, не предусмотрѣнныхъ классификаціей. По Харьковской губерніи классификація совсѣмъ простая: дворъ и постройки —садъ—огородъ—конопляникъ—пашня—сѣнокосъ—лѣсъ—заброшенная земля, и графа для непредусмотрѣнныхъ угодій

Что касается до сборниковъ, то вездѣ, конечно, дается общая площадь надѣльнаго землевладѣнія, представляющая собою при общинномъ землевладѣніи площадь, въ самомъ дѣлѣ, общаго надѣла, при подворномъ—подсчитанную сумму площадей подворныхъ владѣній, при смѣшанномъ, конечно, сумму общаго владѣнія и совокупности подворныхъ. Затѣмъ, лишь немногіе, самые первые по времени сборники ограничиваются вполнѣ суммарнымъ расчлененіемъ общей площади надѣла по угодьямъ по Борисоглѣбскому уѣзду дается, напримѣръ, только площадь земельныхъ угодій вообще, лѣса и неудобной земли, по Петербургской губ. дается пашня, «прочія угодья» (значитъ, невыдѣленнымъ остается даже такое цѣнное угодье, какъ сѣнокосъ), неудобный лѣсъ. Уже въ такихъ, тоже принадлежащихъ къ числу наиболѣе раннихъ, сборникахъ, какъ Курскіе, дается отдѣльно: усадьба съ пашнею, сѣнокосъ, лѣсъ, выгонъ, вся удобная, неудобная земля. Немногимъ дальше или вовсе не дальше въ смыслѣ детальности расчлененія угодій идутъ и многіе изъ болѣе новыхъ сборниковъ: Владимірскіе сборники, напримѣръ, даютъ усадьбу—пашню—покосъ—лѣсъ—кустарникъ — неудобную

землю. Въ другихъ разработка по угодьямъ болѣе детальна, причемъ большее или меньшее вниманіе, удѣляемое тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ угодьямъ, зависитъ, конечно, отъ мѣстныхъ условій, въ значительной мѣрѣ отъ переживаемаго хозяйственнаго момента. Въ видѣ примѣровъ можно привести сборники 3-ей Полтавской переписи, точно воспроизводящіе приведенныя немного выше (стр. 64) рубрики подворнаго формуляра; Екатеринославскіе, гдѣ даются отдѣльно: усадьба—пастбищныя угодья—пахатная культурная (считая вмѣстѣ посѣвы и пары)—толока—переложный сѣнокосъ, затѣмъ сумма перечисленныхъ угодій, составляющая, очевидно, полную площадь пахатной земли, лѣсъ, кустарникъ, плавни, остальная нераспредѣленная по угодьямъ площадь. Классификація эта, очевидно, всецѣло вытекаетъ изъ условій степного переложнаго хозяйства. Напротивъ, классификація, напр., Мышкинскаго сборника (Ярослав. губ.) подсказана лѣснымъ, по преимуществу, характеромъ мѣстности и преобладающимъ значеніемъ покосовъ: она даетъ отдѣльно заливные, суходольные, пустошные, лѣсные сѣнокосы, отдѣльно же лѣсъ строевой, дровяной, вырубки, кустарникъ,—затѣмъ, уже въ нерасчлененномъ видѣ, усадебную, пашню, выгонъ, прочія угодья.

При общинномъ и смѣшанномъ владѣніи въ сборникахъ обыкновенно даются, какъ уже упоминалось въ другой связи (стр. 37), свѣдѣнія, характеризующія, съ одной стороны, способъ распредѣленія передѣляемыхъ угодій, съ другой—среднюю обезпеченность надѣльною землею. Такъ, въ Борисоглѣбскомъ сборникѣ находимъ графы «размѣръ надѣла на ревизскую душу», «на работника въ настоящее время». Въ Курскихъ — число домохозяевъ, имѣющихъ надѣлъ, размѣръ надѣла на надѣльный дворъ, ревизскую душу мужского пола, обоего пола, на работника,—кромѣ того особыя графы для характеристики степени равномѣрности распредѣленія земли: «наибольшій» и «наименьшій участокъ». Во Владимірскихъ: «ревизскихъ душъ, на которыя отведенъ надѣлъ», «земельныхъ разверсточныхъ единицъ въ настоящее время». Въ Смоленскихъ—«число душевыхъ надѣловъ», въ томъ числѣ «выкупленныхъ», «у міра», «сдано въ міръ до требованія», далѣе десятинъ пашни, покоса, удобной, въ томъ числѣ «у міра», «на одну надѣльную душу приходится». Въ Грязовецкомъ (Вологодской губерніи)—число надѣловъ всѣхъ, выкупленныхъ, мірскихъ, «душевой земли десятинъ», и затѣмъ особо «новина» (непередѣляемыя расчистки)—число хозяйствъ и число десятинъ.

Рѣже, но все же въ довольно многихъ сборникахъ, приводятся, въ особыхъ графахъ, тѣ или другія данныя для качественной характеристики надѣла. Такъ, въ нѣкоторыхъ сборникахъ, и изъ самыхъ старыхъ, и изъ самыхъ новыхъ, дается характеристика почвенныхъ условій. Въ Курскихъ, напр., имѣется графа «качество почвы» и въ ней такія характеристики: мелкій черноземъ, глина, суглинокъ, «часть черноземъ, часть глины и песку» и т. п. Изъ числа новѣйшихъ приведу Симбирскіе съ графою «преобладающая почва» и съ такими въ ней характеристиками: черноземъ, песчаный черноземъ, черноземъ и известковая, песчаная и пр.. Иногда приводятся данныя, характеризующія надѣлъ съ точки зрѣнія хозяйственнаго удобства. Въ Курскихъ находимъ графу «особенности расположенія надѣла» и въ ней такія, напримѣръ, отмѣтки: «надѣлъ въ 25 мѣстахъ», «мѣстами болото», «черезполосица», «дробная черезполосица», «поля разбиты на два клина, третій снимаютъ», «мѣстами бугроватая», «проѣздъ черезъ поля помѣщика»—общая цѣль этой графы была, очевидно, конкретно выяснить тѣ недостатки надѣленія крестьянъ, о которыхъ говорилось выше, на стр. 30. Рядъ графъ, подсказанныхъ новѣйшими землеустроительными теченіями, находимъ въ сборникахъ 3-ей Полтавской переписи: число хозяйствъ, имѣющихъ пахать въ 1, 2, 3, 4, 5—9, 10—15,16 и болѣе кускахъ; затѣмъ отдѣльно число и размѣры владѣнія хуторныхъ хозяйствъ, въ томъ числѣ имѣющихъ при усадьбѣ болѣе трехъ десятинъ пахати.

— Вернемся, однако къ вопросу о значеніи размѣровъ надѣльнаго землевладѣнія. Послѣ всего сказаннаго выше о значеніи почвенныхъ условій и распредѣленія по угодьямъ, конечно, должно было стать въ значительной мѣрѣ яснымъ (а окончательно выяснится по мѣрѣ дальнѣйшаго изложенія, когда мы познакомимся со способами эксплоатаціи земли),что всякаго рода всероссійскія сравненія, въ основу которыхъ полагаются общія цифры обезпеченности надѣльной землей, имѣютъ весма мало смысла. Немногимъ больше значенія имѣютъ и проводимыя по цѣлой странѣ или по обширному району сравненія, основанныя на размѣрахъ обезпеченности пашней —значеніе десятины пашни, какъ мы видѣли, можетъ быть весьма различнымъ въ зависимости, съ одной стороны, отъ почвы и отъ климатическихъ условій, вліяющихъ на урожаи въ смыслѣ ихъ большей или меньшей колеблемости, съ другой—отъ отношенія пахатной площади къ кормовой, а въ еще гораздо большей мѣрѣ оно можетъ быть различнымъ, даже при приблизительно одинаковыхъ естественныхъ условіяхъ, въ зависимости отъ степени интенсивности и вообще отъ уровня земледѣльческой культуры. Внутри ограниченныхъ по пространству районовъ, напримѣръ, губерній, а тѣмъ болѣе уѣздовъ, сравненія, основанныя на степени обезпеченности пашней, являются уже гораздо болѣе законными—вліяніе различій въ обезпеченности пашней, въ такомъ случаѣ, уже въ гораздо меньшей мѣрѣ парализуется различіями качественнаго характера; въ меньшей мѣрѣ оно парализуется и различіями въ уровнѣ культуры,—однако, какъ мы видимъ на примѣрѣ Харьковской губерніи (стр. 48), это обстоятельство и внутри ограниченныхъ по пространству районовъ далеко не окончательно утрачиваетъ свое значеніе

Дѣло въ томъ, что, какъ уже упоминалось, между размѣрами земельнаго обезпеченія, которые являются вѣдь, въ конечномъ счетѣ, какъ бы оборотною стороною той медали, лицевою стороною которой является густота населенія, наблюдается опредѣленная обратная зависимость: культура стоитъ на низкомъ уровнѣ при рѣдкомъ населеніи и сопровождающемъ его широкомъ земельномъ просторѣ, и повышается по мѣрѣ сгущенія перваго и сокращенія второго. Поскольку земледѣльческое хозяйство имѣетъ въ виду обезпеченіе непосредственныхъ потребностей самого земледѣльца, сгущеніе населенія дѣйствуетъ какъ бы автоматически или механически: съ той же площади земли приходится получать необходимое для существованія все большаго населенія,—средства, необходимыя для существованія одной души или ста душъ приходится получать все съ меньшей площади земли, и этотъ моментъ нужды заставляетъ земледѣльческую массу преодолѣть присущій ей моментъ инерціи. Поскольку земледѣльческое хозяйство имѣетъ въ виду производство рыночнаго продукта; поскольку, въ частности, повышеніе уровня земледѣльческой культуры неизбѣжно сопровождается повышеніемъ роли продуктовъ ры-

ночнаго характера, сгущеніе населенія способствуетъ ему нѣсколько менѣе непосредственнымъ, но не менѣе существеннымъ путемъ: оно сопровождается развитіемъ общественнаго раздѣленія труда, ростомъ городовъ и вообще незамледѣльческаго населенія, а слѣдовательно расширеніемъ рынка для нуждающихся въ таковомъ продуктовъ земледѣльческаго хозяйства. Обратная зависимость между густотою населенія и ея спутникомъ—размѣрами земельнаго обезпеченія можетъ быть, какъ мы видѣли (стр. 48) съ полною отчетливостью прослѣжена путемъ чисто географическихъ сопоставленій. Она можетъ быть уловлена и статистическимъ путемъ, въ частности—она вполнѣ отчетливо выражается въ цифрахъ урожаевъ. Если говорить, сначала, о цѣлой странѣ, въ частности о европейской Россіи, то мы можемъ обратиться опять къ даннымъ объ урожаяхъ ржи, разработаннымъ А. Ф. Фортунатовымъ. Распредѣливъ уѣзды на пять группъ, по 100 уѣздовъ въ каждой, въ убывающемъ порядкѣ по величинѣ надѣла на ревизскую душу, проф. Фортунатовъ получилъ для каждой изъ этихъ пяти группъ такіе средніе урожаи: 4,2—4, 75—4,8—5,2—6,6 Почти съ такою же степенью правильности обратная зависимость между надѣломъ и урожаемъ обнаруживается при болѣе дробной группировкѣ по тому же принципу—группами по 50 уѣздовъ; получаются такія среднія: 3,9—4,4—4,6—4,9 — 4,6 — 4,9 — 5,2—5,3 — 5,34 — 5,9. Мало того, зависимость урожаевъ отъ величины надѣла обнаруживается и тамъ, гдѣ ея было бы гораздо труднѣе ждать: на урожаяхъ во владѣльческомъ хозяйствѣ. Средній урожай въ группахъ по 100 уѣздовъ выразился, именно, въ слѣдующихъ цифрахъ: 4,4 — 5,8 — 5,7 — 6,26—6,16 чт.. Очевидно, что изъ двухъ приведенныхъ выше мотивовъ вліяніе «фактора нужды» во владѣльческихъ хозяйствахъ не могло играть роли. Нѣкоторое значеніе могло имѣть расширеніе рынка, но основной моментъ, толкавшій владѣльческое хозяйство къ интенсификаціи, заключается, конечно, въ сопровождающемъ сгущеніе населенія и сокращеніе земельнаго простора повышеніи цѣнности земли и относительномъ пониженіи цѣнности труда,—комбинація условій, при которой становилось выгодно сокращать относительную долю въ производствѣ природнаго фактора—земли и увеличивать относительную долю труда. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ та же обратная зависимость можетъ быть прослѣжена и внутри болѣе мелкихъ территоріальныхъ районовъ,—напримѣръ, при сравненіи уѣздовъ внутри отдѣльныхъ губерній. Такъ, въ Московской губерніи средній урожай въ группахъ уѣздовъ, расположенныхъ въ возрастающемъ по средней величинѣ надѣла порядкѣ, выразился въ такихъ цифрахъ: 47—46—43—42; въ Тверской—самъ 4,5—3,9—3,3. Здѣсь уже вполнѣ явственно сказывается то дѣйствіе «фактора нужды», которое можетъ быть прослѣжено и при сравненіи между собою, внутри отдѣльныхъ губерній, различно обезпеченныхъ землею группъ крестьянъ,—при сравненіи, напримѣръ, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ съ бывшими удѣльными, а тѣмъ болѣе

съ бывшими государственными, и т.п. Ранѣе наступившее земельное «утѣсненіе» вынуждаетъ скуднѣе надѣленное землею населеніе приложить старанія къ тому, чтобы получить съ единицы площади большее чѣмъ прежде количество продукта; ему приходится, поэтому, усиливать обработку почвы—лишній разъ пахать и боронить, раньше приступать къ унаваживанію полей и унаваживать ихъ интенсивнѣе. тогда какъ пользующіеся большимъ земельнымъ просторомъ могутъ дольше оставаться при первобытныхъ способахъ веденія хозяйства, требующихъ значительно меньшихъ затратъ труда на единицу площади, но зато дающихъ съ единицы площади значительно меньшее количество продукта.

Все сказанное очень осложняетъ вопросъ о достаточности надѣльнаго обезпеченія, который обычно ставится какъ вопросъ о малоземельѣ. Вопросъ этотъ чрезвычайно труденъ, хотя бы уже по одному тому, что при рѣшеніи его нельзя опереться на какія-либо твердыя нормы, все равно, будутъ ли это нормы трудовыя или потребительныя, т. е. разсчитанныя на полное использованіе всего труда крестьянской семьи, или значительно болѣе скромныя, разсчитанныя на покрытіе извѣстной совокупности ея болѣе или менѣе скромныхъ потребностей. Сколько нибудь твердо установленныхъ нормъ—какъ вѣрно отмѣтили еще творцы положеній 19 февраля 1861 г.—нѣтъ и быть не можетъ. Не говоря уже о пока еще не превзойденныхъ трудностяхъ болѣе или менѣе техническаго характера, съ какими приходится встрѣчаться при опредѣленіи, для цѣлей вывода трудовой нормы—количества земли, могущаго быть обработаннымъ семьею средняго состава, для потребительной—соотвѣтствующаго ея потребности количества продукта и количества земли, способнаго дать это количество продукта; не говоря объ этомъ, въ основѣ всякой нормы лежитъ внутреннее противорѣчіе: всякая вычисленная теоретическая норма исходитъ изъ существующаго въ данное время характера хозяйства, а между тѣмъ существующій характеръ хозяйства всецѣло предрѣшается наличнымъ земельнымъ обезпеченіемъ населенія. Стоитъ измѣниться хозяйству въ направленіи интенсификаціи, и вычисленныя нормы окажутся преувеличенными; и, наоборотъ—возвращеніе населенія къ такой степени земельной обезпеченности, какая была-бы вычислена, исходя изъ нормъ, разсчитанныхъ на уже устарѣвшій, первобытный типъ хозяйства, было бы равносильно ослабленію стимуловъ къ интенсификаціи и слѣдовательно—задержкѣ уже назрѣвшаго хозяйственнаго прогресса. А разъ твердо установленныхъ нормъ потребнаго количества земли нѣтъ и не можетъ быть, то всякій отвѣтъ на вопросъ о степени достаточности наличнаго земельнаго обезпеченія будетъ, конечно, приблизительнымъ и, главное, субъективнымъ, Между тѣмъ, этотъ вопросъ издавна волновалъ русское общество и русскую интеллигенцію. Съ полною опредѣленностью онъ былъ поставленъ въ появившейся въ 1877 г. работѣ покойнаго профессора Ю. Э. Янсона «Опытъ статисти-

ческаго изслѣдованія крестьянскихъ надѣловъ и платежей», въ свое время имѣвшей огромное вліяніе на общественное мнѣніе. Выводы Янсона были чрезвычайно пессимистическіе. Такъ, по всѣмъ 12 губерніямъ нечерноземной великорусской полосы, по Янсону, «не только надѣлы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля, въ иныхъ случаяхъ, можетъ только прокормить ихъ, не покрывая другихъ потребностей крестьянскаго хозяйства, въ большинствѣ же и прокормить ихъ не въ состояніи. На тощей почвѣ, требующей сильнаго удобренія, душевой надѣлъ, чтобы обезпечить продовольствіе семьи, и притомъ если земля не очень ужъ плоха, не можетъ быть менѣе 8 десятинъ. Средніе надѣлы даже у бывшихъ государственныхъ крестьянъ не достигаютъ этой цифры, у бывшихъ помѣщичьихъ они наполовину меньше»; а между тѣмъ «за прокормленіемъ остается еще уплата податей и оброковъ». Для черноземной полосы надѣлъ съ усадьбой и выпускомъ «не можетъ быть менѣе 10 десятинъ, или 5 дес. въ душевомъ надѣлѣ; при такомъ надѣлѣ почти не можетъ быть, за покрытіемъ потребности въ кормовыхъ средствахъ, никакихъ избытковъ—на необходимые расходы не остается ничего, тѣмъ болѣе на уплату податей»; ясно, что «не только средніе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, не достигающіе вообще трехъ десятинъ, но и высшіе ихъ надѣлы, въ 3—$3^1/_2$ дес., даже надѣлы части государственныхъ крестьянъ, не могутъ обезпечивать не только уплаты податей и повинностей, но и самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянскаго населенія. Что же сказать о среднихъ надѣлахъ въ 2 съ небольшимъ десятины, а особенно о тѣхъ крестьянахъ, которые получили надѣлы ниже средней по губерніи и низшіе по губерніи? А такихъ въ трехпольной черноземной полосѣ почти половина, а мѣстами даже большинство». Въ результатѣ «въ 74,5%—значитъ въ трехъ четвертяхъ уѣздовъ—сѣверной части черноземной полосы всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне не могутъ получать со своихъ надѣловъ даже насущнаго хлѣба, а въ остальныхъ 25,5%, или одной четверти уѣздовъ, въ такомъ положеніи находится значительная часть этихъ крестьянъ»; положеніе же дарственниковъ, крестьянъ на нисшемъ надѣлѣ и пр. «хуже, чѣмъ было при крѣпостномъ правѣ, когда они были, по крайности, сыты, и помѣщикъ платилъ за нихъ подати. Если—заключаетъ Янсонъ—стать исключительно на точку зрѣнія матеріальной обезпеченности, то едва ли, впрочемъ, не всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ трехпольной черноземной полосы было легче, въ среднемъ выводѣ, при крѣпостномъ правѣ».

Со времени появленія книги Янсона вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ остается однимъ изъ средоточій общественнаго вниманія и разрѣшается, говоря вообще, приблизительно въ томъ же смыслѣ, какъ разрѣшалъ его Янсонъ. Однако—даже и независимо отъ подчеркнутыхъ выше принципіальныхъ трудностей установленія нужнаго для обезпеченія крестьянъ количества земли, разсчеты Янсона могли быть осно-

ваны исключительно на томъ крайне недостаточномъ и невысокомъ по качеству статистическомъ матеріалѣ, какимъ можно было располагать въ то время, а потому многое въ нихъ представляется болѣе или менѣе сомнительнымъ. Достаточно упомянуть о томъ, что въ основѣ вычисленій Янсона по 12 нечерноземнымъ великорусскимъ губерніямъ лежитъ средній урожай самъ-три. Между тѣмъ, средній урожай по Калужской и Новгородской губерніямъ выражается цифрой самъ 4,7 и 4,8, по Смоленской самъ 5, по Вологодской самъ 5,4, по Ярославской даже самъ 6,2; ясно, что стоитъ ввести въ разсчетъ эти цифры, и отъ выводовъ Янсона не останется рѣшительно ничего. Правда, приведенныя только что цифры относятся къ нѣсколько болѣе позднему времени (подсчеты коммисіи центра за періодъ, кончающійся 1900 годомъ),—но въ главѣ V читатель увидитъ, что за протекшее съ 1877 по 1900 годъ время урожаи повысились, во всякомъ случаѣ, въ далеко меньшей пропорціи.

Гораздо болѣе правдоподобнымъ представляются разсчеты проф. Л. В. Ходскаго*), въ основу которыхъ положены не какія-либо нормы, а факты, взятые изъ жизненной дѣйствительности. Проф. Ходскій исходилъ, именно, изъ фактическаго средняго надѣла бывшихъ государственныхъ крестьянъ, который принималъ за приблизительно соотвѣтствующій рабочей нормѣ, принималъ въ томъ весьма правдоподобномъ предположеніи, что казна, какъ разумный и понимающій свои выгоды землевладѣлецъ, не имѣвшій притомъ другого способа извлекать доходъ изъ своихъ земель, какъ пугемъ предоставленія ихъ въ хозяйственную эксплоатацію населенія, была сама заинтересована въ томъ, чтобы надѣлять своихъ крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли. Всѣхъ надѣленныхъ землею менѣе средняго надѣла государственныхъ крестьянъ проф. Ходскій счелъ себя, поэтому, въ правѣ считать надѣленными недостаточно, имѣвшихъ приблизительно около этого количества—достаточно, имѣвшихъ больше—избыточно надѣленными землею. И вотъ, среди государственныхъ и удѣльныхъ, по подсчету проф. Ходскаго, избыточно надѣленные составляли 51%, достаточно—35%, недостаочно—всего 13%; даже среди бывшихъ помѣщичьихъ, и то недостаточно, надѣленные составили менѣе половины, 43%, приблзительно столько же, именно 45%, пришлось на долю достаточно, а почти одна седьмая, 14%, оказалась даже избыточно надѣленными землею.

Всѣ эти разсчеты относятся, однако, къ моменту освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землею. Съ тѣхъ поръ общій уровень надѣльнаго обезпеченія сократился, въ среднемъ, приблизительно въ $2^1/_2$ раза, благодаря исключительно сильному въ Россіи естественному приросту населенія, и вопросъ о малоземельѣ сталъ, конечно, еще острѣе. Этого не должно бы было быть, и не было бы при нормальномъ те-

*) «Земля и земледѣлецъ», т. II.

ченіи вещей, потому что сгущеніе населенія должно было бы сопровождаться соотвѣтствующимъ культурнымъ и хозяйственнымъ прогрессомъ. Въ дѣйствительности пореформенная эпоха, въ общемъ двинувшая Россію далеко впередъ, для русскаго крестьянскаго хозяйства была временемъ почти полнаго застоя, обусловливавшагося всею тою сложною совокупностью общихъ условій, о которыхъ дано нѣкоторое понятіе во введеніи. Сложившійся въ условіяхъ широкаго, въ общемъ, земельнаго простора типъ крестьянскаго хозяйства пережилъ самого себя; крестьянское хозяйство переживало затяжной кризисъ, бѣдственное положеніе очень значительной части крестьянъ было несомнѣннымъ фактомъ, и этотъ фактъ ощущался самими крестьянами и понимался русской интеллигенціею какъ результатъ малоземелья, бороться съ которымъ надлежало, прежде всего и главнымъ образомъ, на почвѣ увеличенія земельнаго обезпеченія крестьянъ. Малоземелье это было, однако, для большинства крестьянъ относительнымъ малоземельемъ, симптомомъ отсталости хозяйства, и радикальное исцѣленіе было мыслимо и остается мыслимымъ лишь на почвѣ борьбы съ причиною болѣзни—культурною и хозяйственною отсталостью.

Таковъ взглядъ автора этой книги на малоземелье. Взглядъ этотъ отнюдь не является преобладающимъ въ русскомъ обществѣ и тѣмъ болѣе—въ литературѣ вопроса; отчетливо формулированный мною, главнымъ образомъ въ моихъ работахъ 1905—1908 гг., онъ встрѣтилъ авторитетныхъ противниковъ въ лицѣ Н. А. Каблукова А. А. Чупрова, въ новѣйшее время Н. П. Огановскаго. Вопросъ и въ настоящее время ждетъ своего разрѣшенія, и потому вліяніе размѣровъ земельнаго обезпеченія на крестьянскій бытъ и крестьянское хозяйство въ цѣломъ и на тѣ или другія его стороны въ отдѣльности, въ частности взаимоотношеніе между земельнымъ обезпеченіемъ и прогрессомъ земледѣльческой культуры, до сихъ поръ остается одною изъ наиболѣе острыхъ темъ, волнующихъ общественную мысль и интересующихъ русскихъ статистиковъ.

Но какъ бы ни понимать истинный смыслъ малоземелья, все же остается фактомъ, что крестьянская земля, и притомъ не только у наименѣе, но даже у изобильно обезпеченныхъ землею группъ крестьянства, не открываетъ достаточнаго простора для приложенія крестьянскаго труда и не даетъ достаточнаго дохода для удовлетворенія крестьянскихъ потребностей—что во многихъ мѣстностяхъ и у многочисленныхъ группъ населенія она не обезпечиваетъ даже продовольствія. Отсюда повсемѣстное стремленіе крестьянъ къ расширенію своего землевладѣнія и землепользованія путемъ покупки земли, арендованія, переселенія въ болѣе многоземельные, по преимуществу за-уральскіе, районы (Сибирь, степной край и пр.); отсюда разнообразнѣйшіе виды того, что принято обозначать однимъ многообъемлющимъ терминомъ: «промыслы»,—наемъ на сельско-хозяйственныя работы, отхожіе земледѣльческіе заработки, разно-

образнѣйшіе виды заработковъ неземледѣльческихъ,—и практически землевладѣніе если не большинства, то во всякомъ случаѣ значительной части крестьянъ приближается къ той, такъ-называемой, «парцеллярной» формѣ, при которой «крестьянинъ получаетъ со своего участка сравнительно небольшую долю своего дохода и нуждается въ добавочномъ заработкѣ—сельско-хозяйственномъ, промысловомъ или иномъ» (Денъ).

Я говорилъ до сихъ поръ лишь объ общемъ, по мѣстностямъ и разрядамъ крестьянъ, уровнѣ обезпеченности надѣльною землею, и совершенно не касался вопроса о ея распредѣленіи внутри крестьянскихъ обществъ. И самый смыслъ вопроса о распредѣленіи надѣльной земли, и возможность статистическаго его освѣщенія, при общинномъ владѣніи иные, нежели при подворномъ. Если остановиться, сначала, на вопросѣ о смыслѣ, то мы увидимъ, что при подворномъ владѣніи распредѣленіе надѣльной земли опредѣляется, съ одной стороны, наслѣдованіемъ, а съ другой, и главнымъ образомъ, чисто экономическими мотивами, приводящими въ дѣйствіе механизмъ купли-продажи земли, чрезъ посредство котораго распредѣленіе земли приводится въ приблизительное соотвѣтствіе со степенью состоятельности отдѣльныхъ дворохозяевъ: земля уходитъ изъ рукъ болѣе слабыхъ, не имѣющихъ возможности ее «управить», и переходитъ въ руки болѣе сильныхъ, ищущихъ приложенія для своего труда и капитала. При общинномъ владѣніи дѣло обстоитъ не такъ просто. Распредѣленіе земли опредѣляется: въ замершихъ общинахъ ревизскимъ составомъ отдѣльныхъ семей, въ болѣе или менѣе жизнедѣятельныхъ—ихъ рабочимъ либо потребительнымъ (см. выше, стр. 33—34) составомъ при послѣднемъ передѣлѣ. Основанное на этихъ принципахъ распредѣленіе надѣльной земли можетъ довольно далеко расходиться съ фактическою группировкой домохозяйствъ по степени состоятельности. Поправки къ установленному передѣломъ распредѣленію земли, въ смыслѣ приближенія его къ распредѣленію по экономической «силѣ», вводятся путемъ сдачи одними избыточныхъ и аренды другими недостающихъ имъ надѣльныхъ угодій, въ особенности же путемъ передачи одними домохозяевами другимъ цѣлыхъ «душъ»; иногда—и путемъ сдачи «душъ» въ міръ, т. е. передачи душевой земли въ непосредственное распоряженіе общины, которой тогда уже приходится, какъ она знаетъ, заботиться о покрытіи причитающейся на «мірскія» души доли платежей. Примѣненіе той или другой формы—замѣтимъ здѣсь же—зависитъ отъ соотношенія между суммою платежей и рентною доходностью надѣла: гдѣ послѣдняя ниже первой, слабый домохозяинъ, не могущій «управить» надѣла, не находитъ желающихъ взять его и «сбрасываетъ» его на «міръ»; гдѣ доходность надѣла покрываетъ платежи, но не оставляетъ никакого излишка,—тамъ практикуется передача «душъ» отъ однихъ домохозяевъ другимъ, за однѣ только подати, безъ какихъ либо приплатъ; гдѣ доходность надѣла

превышаетъ платежи, принимающій «душу» не только несетъ всѣ причитающіяся съ нея повинности, но выплачиваетъ сдатчику «верхи», приблизительно соотвѣтствующіе избытку доходности надъ платежами.

Что касается статистическаго учета распредѣленія надѣльнаго землевладѣнія, то при общинномъ владѣніи онъ не представляетъ трудностей,— для этого достаточно регистрировать, при переписи, число состоящихъ за каждымъ дворомъ «душъ», не упуская, конечно, изъ виду только-что упоминавшихся случаевъ передачи душъ и сдачи ихъ на «міръ». Какъ мы видѣли выше (стр. 37) число «душъ» регистрируется при подворной переписи всегда; число «мірскихъ» душъ установляется при заполненіи общиннаго бланка, и тамъ, гдѣ это явленіе сколько-нибудь широко распространено, «мірскія» души показываются въ особыхъ графахъ поселенныхъ таблицъ, въ отдѣлѣ землевладѣнія; передача душъ учитывается и подсчитывается уже въ отдѣлѣ о сдачѣ-арендѣ надѣльной земли. Такъ или иначе — общинная надѣльная земля не покупается и не продается, слѣдовательно никогда не сливается съ землею, покупаемою отдѣльными домохозяевами на частномъ правѣ. Напротивъ, при подворномъ владѣніи надѣльная земля, мало-по-малу, до неразличимости сливается съ купленною, и отграничить землю даннаго домохозяина, принадлежащую ему на надѣльномъ основаніи, отъ купленной на частномъ правѣ, сплошь и рядомъ оказывается невозможнымъ. Вотъ почему для мѣстностей съ подворнымъ владѣніемъ статистическіе сборники вовсе не даютъ особой группировки по надѣльному землевладѣнію, а только общую, по величинѣ всего вообще, надѣльнаго плюсъ купчее, землевладѣнія каждаго двора. Для мѣстностей съ общиннымъ владѣніемъ группировка по надѣльной землѣ обыкновенно дается въ статистическихъ сборникахъ либо просто въ видѣ группировки по числу «душъ», либо чаще— по вычисленному (см. выше стр. 37) количеству земли, используемой каждымъ домохозяиномъ.

Примѣръ группировки перваго типа—старые Тверскіе сборники, дающіе «число дворовъ, владѣющихъ надѣлами»: не болѣе одного, 1—2, 2—3, 3—4, болѣе чѣмъ четырьмя надѣлами. Примѣры группировокъ второго типа: по Владимірской губерніи—имѣющіе менѣе одной десятины, затѣмъ имѣющіе 1—3, 3—5, 5—10, 10—15, 15—20, 20—25, болѣе 25 десятинъ; по Мышкинскому уѣзду (Яросл. губ.) имѣющіе до 1 дес., 1—3, 3—5, 5—10, 10—15, болѣе 15 дес.: по Грязовецкому уѣзду (Вологодск. губ.)—имѣющіе до 1,1—2, 2—3, 3—5, 5—10, 10—20, 20—40, болѣе 40 дес. надѣльной земли: эта послѣдняя группировка представляется— замѣчу между прочимъ—безцѣльно вытянутою вверхъ: дворовъ болѣе чѣмъ съ 40 десятинами на весь уѣздъ оказалось всего 30....

Довольно обычнымъ является совершенно отдѣльный отъ общей группировки по надѣльной землѣ учетъ беззомельныхъ или точнѣе—безнадѣльныхъ. Такъ. во Владимірскихъ сборникахъ, въ дополненіе къ общему учету наличнаго населенія, даются отдѣльныя рубрики «надѣльнаго» и «безнадѣльнаго» населенія, съ показаніемъ числа дворовъ и душъ того и другого пола, такое же годраздѣленіе проводится и по отношенію къ отсутствующему населенію (см. выше, стр. 8—9), такое же—по отношенію къ безпосѣвнымъ дворамъ. Приблизительно въ такомъ

же видѣ приводятся данныя о безнадѣльномъ населеніи, напримѣръ, въ Мышкинскомъ (Яросл. губ.) сборникѣ Въ сборникахъ по Вяземскому (Смол. губ.) и Грязовецкому (Волог. губ.) уѣздамъ дается только число хозяйствъ, не имѣющихъ надѣльной земли и, въ дополненіе къ нему, число не имѣющихъ н и к а к о й земли, ни надѣльной, ни купчей. Совершенно особое мѣсто занимаютъ по отношенію къ данному вопросу сборники повторнаго изслѣдованія Таврической губерніи. Здѣсь имѣется весьма многочисленное безнадѣльное населеніе, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, уѣздахъ составляющее даже большинство. Въ соотвѣтствіи съ этимъ поселенныя таблицы даютъ, во 1-хъ, особый учетъ безнадѣльнаго населенія съ подраздѣленіемъ а по національности, б. по сословіямъ и в. по происхожденію (изъ своего селенія, своего уѣзда, своей губерніи, чужихъ губерній), а затѣмъ всѣ данныя поселенныхъ таблицъ проведены особыми строками отдѣльно для надѣльнаго и отдѣльно для безнадѣльнаго населенія.

Какъ видно, однако, изъ уже сказаннаго, распредѣленіе населенія по размѣрамъ надѣльнаго землевладѣнія и въ области общиннаго землевладѣнія имѣетъ лишь ограниченное значеніе: распредѣленіе надѣльной земли опредѣляется, въ существѣ, не-экономическими мотивами, а потому жизнь вноситъ къ нему весьма значительныя поправки въ тѣхъ разнообразныхъ формахъ, о которыхъ было сказано только-что передъ тѣмъ, въ мѣстностяхъ же, гдѣ земледѣліе представляется мало выгоднымъ или гдѣ населеніе сильно отвлечено промысловой дѣятельностью — еще и въ формѣ забрасыванія, запустошенія надѣльной земли. Гораздо болѣе существенное значеніе имѣетъ, поэтому, распредѣленіе населенія по размѣрамъ в с е г о землевладѣнія (включая купчія земли), и въ особенности по размѣрамъ з е м л е п о л ь з о в а н і я, т.-е. со включеніемъ арендованной и за исключеніемъ сданной въ аренду земли. Къ распредѣленію по этимъ признакамъ я долженъ буду вернуться ниже, а теперь перейду къ вопросу о купчихъ земляхъ и ихъ роли въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

По даннымъ обслѣдованія поземельной собственности, произведеннаго центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1877 году, общая площадь всякаго рода поземельной собственности въ 49 губерніяхъ коренной Россіи составляла 391 милл. десятинъ. Изъ этого пространства приходилось на крестьянскія надѣльныя земли 131 милл., на земли частной собственности 93 милл., на земли казны 150 милл., на удѣльныя 7,4 милл. и на земли разнообразныхъ категорій другихъ владѣльцевъ (городовъ, церквей, монастырей и пр.) 8,6 милл.—всѣ эти цифры, замѣчу, включая неудобныя земли. Такое распредѣленіе землевладѣнія по главнѣйшимъ юридическимъ категоріямъ мало измѣнилось и до настоящаго времени: по обслѣдованію 1905 г., охватившему почти тотъ же районъ (50 губерній), на долю надѣльныхъ земель приходится 139 милл. дес., на долю частновладѣльческихъ 102 милл., всѣхъ остальныхъ категорій 155 милл. десятинъ. Въ частности, имѣлъ мѣсто нѣкоторый ростъ крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія, какъ результатъ завершенія работъ по

надѣловъ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, главнымъ образомъ въ сѣверныхъ губерніяхъ.

Однако, уже въ самый моментъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости площадь надѣльнаго землевладѣнія не исчерпывала всей площади землевладѣнія крестьянъ. Еще при крѣпостномъ правѣ болѣе зажиточные крестьяне прикупали землю на имя своихъ помѣщиковъ, и такимъ образомъ уже въ то время было положено начало особой категоріи крестьянскихъ купчихъ земель, или, какъ ихъ обозначаютъ въ официальной статистикѣ поземельной собственности —земель частной собственности, принадлежащихъ крестьянамъ. По обслѣдованію 1877 г., на долю этой категоріи приходилось 5 милліоновъ десятинъ, и сверхъ того было зарегистрировано 763 тыс. десятинъ, прикупленныхъ цѣлыми крестьянскими обществами. Конечно, процессъ перехода земли, въ частности, главнымъ образомъ, земли владѣльцевъ-дворянъ въ крестьянскія руки, на этомъ не остановился. Въ 1897 году крестьянскихъ купчихъ земель числилось уже 13 милліоновъ, на 1 янв. 1901 года 19 милліоновъ, по даннымъ уже упомянутаго обслѣдованія 1905 года 24,8 милліоновъ, въ 1907 году 26,3 милліона. Процессъ этотъ продолжается и посейчасъ. За неимѣніемъ позднѣйшихъ обслѣдованій поземельной собственности, исчерпывающихъ данныхъ о количествѣ земли, перешедшей, за послѣдніе годы, въ крестьянскія руки изъ некрестьянскихъ, не имѣется. Мы располагаемъ такими данными лишь по отношенію къ одной изъ категорій крестьянскихъ покупокъ — именно къ покупкамъ при томъ или иномъ участіи крестьянскаго поземельнаго банка: за 1908—13 гг. этимъ путемъ въ крестьянскія руки перешло 9 милліоновъ десятинъ, — значитъ, къ началу 1914 г. въ рукахъ крестьянъ имѣлось собственныхъ земель не менѣе 35 милліоновъ десятинъ,—и къ этой цифрѣ надо присоединить нѣкоторую площадь земель, пріобрѣтенныхъ крестьянами же, главнымъ образомъ въ видѣ болѣе крупныхъ участковъ [1]), помимо крестьянскаго банка,

Географическое распредѣленіе этой массы крестьянскихъ купчихъ земель очень неравномѣрно. Главная масса ихъ сосредоточивается, именно, въ двухъ районахъ—сѣверномъ и сѣверо-западномъ, съ одной стороны, южномъ и юго-восточномъ, съ другой. Изъ числа губерній первой изъ названныхъ областей, по даннымъ, собраннымъ въ 1900 г. для «комиссіи центра», выдѣлялись: Новгородская съ 1662 тыс., Тверская съ 1034, Костромская съ 935, Вологодская съ 724, Смоленская съ 706, Ярославская съ 593 тыс. десятинъ. Изъ числа губерній юго-восточной полосы крестьянскихъ купчихъ земель насчитывалось: въ Самарской 916 тыс., въ Херсонской 777, въ Саратовской и Таврической по 759 въ каждой,

---

[1]) Въ виду чрезвычайнаго развитія операцій банка за послѣднее время, мелкія покупки трудового типа проходила мимо банка развѣ лишь въ видѣ болѣе или менѣе рѣдкаго исключенія.

въ Уфимской 684, въ Харьковской 495, въ Екатеринославской 366 тыс десятинъ. На послѣднихъ мѣстахъ стоитъ, по пространству земель этой категоріи, рядъ центральныхъ и юго-западныхъ губерній, каковы Московская, Тульская, Симбирская, Кіевская, Подольская: общая площадь крестьянскихъ купчихъ земель колеблется, въ этихъ губерніяхъ, между 133 и 184 тыс. десятинъ.

Однако, далеко не вся та масса земель, которыя по сословному признаку числятся крестьянскими, является крестьянскими же въ экономическомъ или соціальномъ смыслѣ этого слова: въ смыслѣ, исключительно или главнымъ образомъ, трудового землевладѣнія. Сколько нибудь рѣзко отдѣлить трудовое крестьянское землевладѣніе отъ того, которое по существу является уже болѣе или менѣе капиталистическимъ, конечно нѣтъ возможности. Нѣкоторою придержкою въ данномъ отношеніи могутъ, однако, послужить данныя о формахъ и о размѣрахъ крестьянскаго частноправнаго владѣнія. По даннымъ обслѣдованія 1905 г., изъ указанной выше общей площади 24,8 милл. дес. насчитывалось: во владѣніи крестьянскихъ обществъ 3729 тыс., крестьянскихъ товариществъ 7714, во владѣніи отдѣльныхъ крестьянъ 13208 тыс. десятинъ. Земли первыхъ двухъ категорій, во всякомъ случаѣ въ главной своей массѣ, могутъ быть отнесены къ типу трудового или въ худшемъ случаѣ—полутрудового владѣнія. Что касается до крестьянскихъ единоличныхъ владѣній, то они распредѣляются по размѣрамъ владѣній слѣдующимъ образомъ: во владѣніяхъ менѣе 50 дес. каждое—4253 тыс. дес., отъ 50 до 100 дес.—1617 тыс., отъ 100 до 1000 дес. 5 милліоновъ, во владѣніяхъ больше 1000 десятинъ 2320 тыс. десятинъ. Не будетъ сколько-нибудь существенною ошибкою сказать, что владѣнія послѣднихъ трехъ категорій, всего, значитъ, около 9-ти милліоновъ десятинъ, цѣликомъ или почти цѣликомъ являются уже не трудовымъ, а въ болѣе или менѣе рѣзко выраженной формѣ крестьянскимъ капиталистическимъ землевладѣніемъ. Не входя въ дальнѣйшія подробности, достаточно, въ дополненіе къ сказанному, отмѣтить, что по даннымъ о движеніи земельной собственности, отъ $^4/_5$ до $^5/_6$ всей земли, покупаемой крестьянами помимо крестьянскаго банка, покупается болѣе или менѣе крупными участками,—но что, наоборотъ, земля, пріобрѣтаемая при томъ или другомъ участіи банка, цѣликомъ относится къ категоріи трудового и развѣ только въ видѣ исключенія—полутрудового землевладѣнія [1]).

Въ виду огромной, особенно въ новѣйшемъ періодѣ, роли крестьянскаго поземельнаго банка въ дѣлѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія въ сословномъ смыслѣ и безусловно преобладающей роли его въ расширеніи крестьянскаго землевладѣнія въ смыслѣ соціально-экономическомъ, я долженъ дать теперь хотя бы самый сжатый очеркъ органи-

---

[1]) См. ст. Е. И. Фортунатовой въ колл. трудѣ «Борьба за землю», подъ ред. К. Р. Качоровскаго, 1908.

зацiи и дѣятельности банка[1]). Крестьянскiй поземельный банкъ былъ учрежденъ въ 1883 году, по инiцативѣ министра финансовъ Н. Х. Бунге. Послѣдній ставилъ ему опредѣленную соцiально-политическую цѣль—расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, но подъ вліяніемъ аграрно-дворянскихъ тенденцій, господствовавшихъ въ государственномъ совѣтѣ, первоначальныя предположенія Бунге потерпѣли существенныя измѣненія, и банку приданъ былъ характеръ чисто-кредитнаго учрежденія Крестьянскій банкъ производитъ, по уставу 1883 года, исключительно такъ называемыя «посредническія» операцiи: выдаетъ крестьянамъ, ссуды на покупку приторгованныхъ ими у частныхъ владѣльцевъ имѣній, въ размѣрѣ 60% оцѣночной стоимости въ случаѣ такъ называемой нормальной и до 75% ея въ случаѣ спецiальной оцѣнки; остальную часть условленной покупной суммы (такъ назыв. «доплата») крестьяне должны вносить изъ собственныхъ средствъ. Самыя ссуды выдаются крестьянамъ, по уставу 1883 г., изъ чрезвычайно высокаго процента: собственно ростъ составлялъ 5%, а присоединеніемъ погасительныхъ и др. взносовъ крестьянамъ приходилось платить, смотря по сроку ссуды, 7 ½ и даже 8½% Замѣчу здѣсь же, что съ теченіемъ времени платежи, постепенно, были доведены до вполнѣ нормальнаго и даже до пониженнаго противъ обычной въ странѣ нормы размѣра. Что касается затѣмъ до устава 1883 года, то онъ оставался въ дѣйствіи до 1895 года, когда былъ замѣненъ новымъ уставомъ, въ нѣсколько большей мѣрѣ согласованнымъ съ соцiально-политическими задачами банка. Уставъ 1895 года повышалъ, прежде всего, долю оцѣночной стоимости, которая могла быть выдаваема въ ссуду,—слѣдовательно уменьшалъ размѣры крестьянскихъ доплатъ; онъ въ большей, нежели прежде, мѣрѣ возлагалъ на банковую администрацiю обязанность входить въ существо, т.-е въ оцѣнку полезности и выгодности для крестьянъ, заключавшихся между крестьянами и помѣщиками сдѣлокъ о покупкѣ первыми земли; главное же принципiальное новшество заключалось въ томъ, что наряду съ прежнею, посредническою, операцiей банку предоставлялось покупать владѣльческія имѣнія по своей инiцативѣ и за свой счетъ и уже отъ себя распродавать землю крестьянамъ. Однако эта операція, за отсутствіемъ у банка оборотныхъ средствъ, въ теченіе цѣлаго десятилѣтія развивалась очень слабо: за все время съ 1896 по 1904 г. включительно банкомъ было куплено за свой счетъ и перепродано всего 626 тыс. дес., тогда какъ непосредственно крестьянами, при его содѣйствіи и посредничествѣ, было куплено у владѣльцевъ 4,9 милліоновъ десятинъ.

---

[1]) См. А. Закъ, «Крестьянскій поземельный банкъ», 1911; А. Красикъ, «Крест. банкъ и его дѣятельность съ 1883 по 1905 г.», 1910 Статьи В. Ю. Скалона въ Энц. словарѣ Брокг. и Эфрона и въ «очеркахъ по кр. вопросу» подъ ред. А. А. Мануилова; статья М. Я Герценштейна въ сборникѣ «Аграрн. вопросъ», изд И И. Петрункевича и кн. П. Д Долгорукова, гл. II (1907); моя ст. «Крестьян. позем. банкъ» въ Энц. Слов. бр. Гранатъ (2-ое изд.).

Дѣло рѣзко измѣнилось подъ вліяніемъ событій 1904—1905 гг.: расширеніе крестьянской земельной собственности путемъ закупки земли при содѣйствіи банка было включено въ число средствъ борьбы съ проявившимися въ это время въ крестьянствѣ болѣе радикальными стремленіями. Манифестомъ 3 ноября 1906 года въ распоряженіе банка были предоставлены значительныя средства для скупки земли за свой счетъ — въ то же время создавшаяся среди владѣльческаго класса паника выразилась массовымъ предложеніемъ земли въ продажу. Въ результатѣ банкомъ за время съ 1906 по 1913 г. было скуплено 4,4 милл. десятинъ. Распродажа этого такъ наз. «банковскаго фонда» значительно отставала, однако, отъ скупки. За время по 1 окт. 1913 г. было распродано всего 3 милл. десятинъ, и первенство продолжало оставаться за посредническою операціею, которая за то-же время перевела въ крестьянскія руки 4,9 милл. десятинъ. Медленность распродажи «банковскаго фонда» зависѣла, между прочимъ, и отъ тѣхъ «землеустроительныхъ» тенденцій, которыя послѣ 1906 года возобладали по своей земельной политикѣ правительства (см. выше, стр. 41): банкъ сдѣлался какъ бы піонеромъ этой новой политики—въ дѣлѣ «насажденія» единоличной крестьянской земельной собственности въ отрубно-хуторскихъ ея формахъ онъ шелъ впереди другихъ вѣдомствъ, и именно выработанные въ его практикѣ отрубно-хуторскіе шаблоны легли въ основу тѣхъ порядковъ землеустройства, которые установлены были по отношенію къ надѣльнымъ землямъ сначала вѣдомственными инструкціями, а затѣмъ—положеніемъ о землеустройствѣ 29 мая 1911 г. Въ то время, какъ въ раннемъ періодѣ дѣятельности банка земля покупалась, при его содѣйствіи, главнымъ образомъ крестьянскими обществами и товариществами, въ каждый изъ годовъ трехлѣтія 1910—1912 г.г. около 93% всей распроданной изъ «банковскаго фонда» земли было распродано отдѣльнымъ крестьянамъ, отрубами и хуторами. Отрубно-хуторская форма покупокъ проводилась, прежде всего, при помощи разнаго рода льготъ, предоставлявшихся покупщикамъ этого типа. Банкъ не останавливался, однако, и передъ прямымъ давленіемъ, отказывая покупщикамъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, если они настаивали на общественной или товарищеской покупкѣ, и продавая землю пришлымъ (главнымъ образомъ изъ Малороссіи или изъ западныхъ губерній) хуторянамъ.

Цѣны, уплачиваемыя крестьянами при покупкахъ земли съ помощью крестьянскаго банка или непосредственно изъ «банковскаго фонда», являются нѣкоторымъ показателемъ общаго движенія цѣнъ въ странѣ; въ частности—быстраго ихъ роста. Въ 1891 году средняя цѣна банковскихъ покупокъ была 39 р.; съ 1892 по 1896 г. средняя цѣна десятины съ 45 р. поднимается до 52 р.; въ 1897 г. средняя цѣна десятины при посредническихъ сдѣлкахъ опредѣлилась въ 71 р., въ 1902 г. въ 112 р., въ 1906 г. въ 127 р., въ 1912 г. 145 р.; средняя цѣна десятины при продажахъ изъ банковскаго фонда опредѣлилась въ тѣ-же четыре мо-

мента въ 77, 81, 71, 121 р.—значитъ, гораздо дешевле, чѣмъ при посреднических сдѣлкахъ. По отдѣльнымъ губерніямъ среднія цѣны за время съ 1900 по 1906 г. поднялись такъ: по Полтавской съ 156 до 212 р., по Тамбовской съ 116 до 152 р,, по Псковской съ 47 до 74 р., по Гродненской съ 61 до 95 р. и т п Всѣ эти цифры—въ частности выведенныя изъ посреднических сдѣлокъ, представляютъ собой не полныя, а болѣе или менѣе значительно преуменьшенныя цѣны, такъ какъ крестьяне, чтобы добиться согласія банка на ту или другую сдѣлку, сплошь и рядомъ дѣлали негласныя доплаты въ пользу продавцовъ, а банку заявляли соотвѣтственно пониженную цѣну. Однако, даже и за вытекающими отсюда поправками складывающіяся при банковскихъ покупкахъ цѣны оставались очень выгодными для крестьянъ—при покупкахъ помимо банка имъ приходилось платить значительно дороже; такъ, въ среднихъ земледѣльческихъ губерніяхъ «вольныя» цѣны десятины земли при крестьянскихъ покупкахъ уже въ началѣ 90 г.г. прошлаго столѣтія достигали 200 и болѣе рублей, въ позднѣйшее же время поднялись до 300, и выше. Сказанному только что, казалось бы, бы, противорѣчитъ тотъ фактъ, что среднія банковскія цѣны въ каждомъ данномъ году выше среднихъ цѣнъ по общимъ даннымъ о движеніи земельной собственности. Но не говоря уже о томъ, что эти послѣднія данныя, въ массѣ, значительно преуменьшены; что, затѣмъ, покупаемыя крестьянами земли (главнымъ образомъ культурныя угодья) по составу своему являются, въ среднемъ, болѣе цѣнными, нежели остальная масса земель, регистрируемыхъ статистикою движенія поземельной собственности,—не говоря обо всемъ этомъ, средняя цѣна при банковскихъ покупкахъ уже потому не можетъ не быть повышенной противъ среднихъ земельныхъ цѣнъ по даннымъ статистики движенія земельной собственности, что всѣ банковскія покупки — мелкія, а земля нормально продается тѣмъ дороже, чѣмъ мельче продаваемые участки. По даннымъ статистики движ. позем. собств. за 1907 г., средняя цѣна десятины земли при покупкахъ разныхъ размѣровъ выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ:

	до 25 дес	25—500 десят.	свыше 500 десят.
черноземная полоса	182	149	108
нечерноземн. » . . .	124	67	46
вся евр. Россія	158	120	90

Подчеркнутый только что фактъ вполнѣ понятенъ и съ теоретической точки зрѣнія. Отсылая за подробнымъ изложеніемъ относящихся сюда соображеній къ работамъ П П. Маслова, В. А. Косинскаго [1]), А. В. Чаянова и др. скажу лишь кратко: мелкій покупщикъ-крестьянинъ (конечно въ соціально-экономическомъ смыслѣ слова!) побуждается къ

[1]) Масловъ, «Агр. вопросъ». Косинскій. «Къ аграрн. вопросу», 1907 г. т. I.

согласію на болѣе высокія покупныя цѣны, нерѣдко, нуждою, и всегда—правильнымъ хозяйственнымъ разсчетомъ: онъ ищетъ *не прибыли* на капиталъ, какъ болѣе крупный покупщикъ, а *приложенія для своего труда*; онъ готовъ, поэтому, заплатить за землю, сверхъ той цѣны, на которой остановится крупный покупщикъ, еще всю ту долю предвидимаго отъ земли валоваго дохода, которая должна остаться крупному покупщику въ видѣ прибыли на затраченный капиталъ. Съ другой стороны, мелкій покупщикъ, при нормальныхъ условіяхъ, и потому можетъ идти на болѣе высокую цѣну, что не гоняющееся за прибылью трудовое хозяйство можетъ быть болѣе интенсивнымъ, а потому можетъ дать съ единицы площади большій доходъ.

Выше были уже сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія по вопросу о соціально-экономическомъ значеніи крестьянскихъ (въ широкомъ смыслѣ слова) покупокъ: было, между прочимъ, отмѣчено, что земля, покупаемая при посредствѣ крестьянскаго банка, болѣе или менѣе цѣликомъ усиливаетъ истинно-крестьянское, трудовое или въ худшемъ случаѣ—полутрудовое владѣніе. Въ самомъ дѣлѣ: средній размѣръ землевладѣнія покупщиковъ банка до покупки за время съ 1899 по 1904 г. включительно выражался такими цифрами: 5,7—6,5—6,8—7,2—6,8—6,8 дес.; средній размѣръ покупки, за то-же время, былъ: 6,3—6,6—6 9—5,7—6,4—5,2 дес. Это—среднія цифры для всѣхъ видовъ покупокъ; отдѣльно для немногочисленныхъ въ то время единоличныхъ покупокъ средняя величина купленнаго участка выражалась такими цифрами: 12,5—13,9—12,4—14,4—14,6—14,0 десятинъ. Такія, гораздо болѣе высокія, цифры средней величины купленнаго участка у единоличныхъ покупщиковъ объясняются, очевидно, тѣмъ, что такіе покупщики, обычно, переходили на жительство на купленный участокъ и *цѣликомъ на немъ* основывали свое хозяйство, тогда какъ при общественныхъ покупкахъ прикупаемая земля, какъ правило, являлась *добавкой* къ надѣльной землѣ покупщиковъ. Для новѣйшаго времени имѣются любопытныя данныя за 1912 годъ. Распредѣленіе покупщиковъ по размѣрамъ землевладѣнія до покупки рисуется по этимъ даннымъ въ слѣдующемъ видѣ:

	% по всей евр. Россіи.	% у всѣхъ покупщиковъ.	тоже у единолич-ныхъ.
Безземельныхъ	7,0	19	27
имѣло до ½ дес.	9,0	13	15
1½— 3 »		17	19
3 — 6 »	20,5	23	20
6 — 9 »	25	12	9
9 —15 »	22	11	7
болѣе—15 »	16	4	3,6

Мы видимъ такимъ образомъ, что среди покупщиковъ крестьянскаго банка, какъ и слѣдовало по его идеѣ, слабо обезпеченные землею и вовсе безземельные элементы представлены значительно сильнѣе, хорошо обезпеченные—значительно слабѣе, нежели во всей крестьянской массѣ; что, въ частности, первые еще сильнѣе, а вторые еще слабѣе предоставлены среди единоличныхъ покупщиковъ, чѣмъ во всей массѣ кліентовъ крестьянскаго банка. И это, опять таки, объясняется тѣмъ, что неединоличные покупщики въ настоящее время—это, въ главной массѣ, общества, которыя прикупаютъ то или другое недостающее въ ихъ надѣлѣ угодье (банкъ только въ такихъ случаяхъ и соглашается продавать землю обществамъ), въ общемъ же могутъ быть и вполнѣ достаточно обезпеченными землей. Средній размѣръ купленнаго участка отдѣльно у безземельныхъ 16,4, у имѣвшихъ землю—14,5 дес. —болѣе чѣмъ вдвое выше средняго размѣра всѣхъ вообще покупокъ въ болѣе раннемъ періодѣ, но мало отличается отъ средняго размѣра прежнихъ единоличныхъ покупокъ. Если, затѣмъ, слить всѣхъ вообще покупщиковъ, независимо отъ ихъ прежней обезпеченности землею, но расчленить ихъ по характеру покупки, то средній размѣръ единоличной покупки окажется 15 дес., покупки мелкими товариществами 6,8, крупными товариществами 4,2, сельскими обществами всего 1,0 дес.—опять таки, очевидный результатъ только что отмѣченнаго существеннаго различія въ смыслѣ общественныхъ и единоличныхъ покупокъ: первыхъ, какъ прикупки отдѣльныхъ нехватающихъ угодій, вторыхъ, какъ пріобрѣтенія полныхъ хозяйственныхъ участковъ. Наконецъ, распредѣленіе покупщиковъ банка послѣ покупки, по тѣмъ же земельнымъ группамъ, какія проведены въ приведенной только-что табличкѣ, выразится въ слѣдующихъ цифрахъ: 0—2,4—4,1—11—12,5—26—29—14. Значитъ, свыше половины покупщиковъ крестьянскаго банка оказались обезпеченными землею, послѣ покупки, въ предѣлахъ отъ 6 до 15, болѣе двухъ пятыхъ—свыше 9 десятинъ, около одной седьмой—свыше 15 десятинъ. Ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло, въ самомъ дѣлѣ, съ крестьянскими, трудовыми покупками, причемъ наиболѣе многочисленная группа покупщиковъ является болѣе или менѣе близкой къ «трудовой нормѣ» крестьянскаго земельнаго участка.

Какъ ничтожно было, въ первыя десятилѣтія послѣ крестьянской реформы, значеніе купчихъ земель въ общей экономикѣ крестьянскаго хозяйства и какъ оно росло съ теченіемъ времени, такъ незначительно, вначалѣ, вниманіе земской статистики къ вопросу о крестьянскихъ купчихъ и такъ, съ теченіемъ времени, вопросу этому удѣлялось все болѣе вниманія. Такъ, въ первыхъ по времени изслѣдованія формулярахъ по Тверской губерніи для купчей земли вовсе не было отведено мѣста—соотвѣтственныя отмѣтки дѣлались въ графѣ «примѣчанія о бытовыхъ и экономическихъ условіяхъ семьи». Въ формулярахъ по Орловской и Владимірской губерніямъ имѣлся вопросъ «купчей земли всего», съ распредѣленіемъ по видамъ угодій,—къ этому вопросу во Владимірскихъ формулярахъ присоединялись весьма характерные вопросы, имѣвшіе цѣлью выяснить с у д ь б у прикуплен.

ной земли: сколько изъ купленнаго пустуетъ, сколько сдано въ аренду; вопросы характерные въ томъ смыслѣ, что составители даннаго формуляра, очевидно, мало считались съ хозяйственными, а имѣли въ виду главнымъ образомъ спекулятивныя покупки земли. Больше вниманія, въ сравнительно раннемъ періодѣ, удѣляется купчимъ землямъ въ Новгородскихъ формулярахъ, что и естественно, такъ какъ Новгородская губ. издавна была районом наибольшаго развитія крестьянскихъ покупокъ; затѣмъ —въ Тверской губерніи. Въ Новгородскихъ на лицевой сторонѣ карточки поставленъ вопросъ: «собственной.... десятинъ», на оборотѣ дополнительный вопросъ: «у кого, когда и за какую сумму куплена земля». Въ позднѣйшихъ Тверскихъ имѣется особый вопросъ объ участіи въ товарищеской покупкѣ, причемъ записывается названіе пустоши (дачи) и число паевъ,—всѣ остальныя данныя о купленной товариществомъ землѣ записываются для всего купленнаго участка въ цѣломъ; затѣмъ—вопросъ о землѣ единоличнаго владѣнія; названіе пустоши, число десятинъ, въ томъ числѣ пахатной земли. Изъ болѣе раннихъ формуляровъ области подворнаго владѣнія, гдѣ приходилось считаться, значитъ, и съ междукрестьянскими покупками, характерны полтавскіе: здѣсь поставленъ, сначала, вопросъ объ общемъ количествѣ земли, а затѣмъ ставятся такіе вопросы: «изъ числа показанной земли прикуплено: въ какомъ году, сколько десятинъ, какія угодья, за какую сумму, качество земли и проч.». Болѣе или менѣе суммарною постановкою вопроса о купчей землѣ довольствуются и нѣкоторые изъ болѣе новыхъ формуляровъ. Въ Вологодскихъ, напримѣръ, ставится въ общей формѣ вопросъ о «купчей и подворно-наслѣдственной» землѣ,—дается общая площадь и количество, въ томъ числѣ, пашни и сѣнокоса Но обычною въ настоящее время является гораздо болѣе детальная, индивидуализированная регистрація купчей земли. Такъ, въ новѣйшихъ Тверскихъ формулярахъ купчимъ землямъ отведено нѣсколько строкъ—по одной для каждаго случая покупки, причемъ для каждаго купчаго участка показывается количество пашни, покоса, всей удобной, затѣмъ дальше идутъ графы для запущенной земли и особыя строки для сдачи купчей земли. Особыя же строки для каждаго случая покупки даются и въ Пензенскихъ формулярахъ, причемъ имѣются особыя рубрики для купленной единолично и коллективно, для каждаго участка купленной единолично дается общее количество удобной, въ томъ числѣ усадебной и пашни; тѣ же данныя вписываются въ карточку и для каждаго случая участія въ к о л л е к т и в н о й покупкѣ, но, конечно, не полученныя непосредственно изъ опроса, а в ы ч и с л е н н ы я на основаніи общихъ данныхъ о коллективно-купленномъ участкѣ и вписаннаго въ подворную карточку, при опросѣ даннаго домохозяина, числа паевъ. По аналогичному принципу, но еще послѣдовательнѣе проведенному, построенъ отдѣлъ купчей земли въ Черниговскомъ формулярѣ: для каждаго купчаго участка отведена отдѣльная строка, гдѣ для каждаго участка, какъ и для надѣльнаго, вписываются данныя о распредѣленіи по угодьямъ (см. стр. 64) и о сдачѣ земли въ аренду (см. ниже). Затѣмъ, въ виду преслѣдуемыхъ современною земскою статистикою оцѣночныхъ цѣлей, независимо отъ регистраціи купчихъ земель, какъ элемента каждаго отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства, на каждый участокъ купчей земли, обычно, составляется особый бланкъ, содержащій подробное описаніе участка и необходимыя данныя оцѣночнаго характера.

Въ соотвѣтствіи со сказаннымъ, весьма разнообразною, и, въ общемъ, прогрессирующею въ смыслѣ детальности, является и разработка данныхъ о купчихъ земляхъ въ статистическихъ сборникахъ. Въ старыхъ сборникахъ по Петербургской губерніи мы не находимъ, по данному вопросу, ничего, кромѣ числа дворовъ, имѣющихъ купчую землю; въ цѣломъ рядѣ сборниковъ болѣе ранняго періода, начиная отъ Борисоглѣбскаго, дается лишь число дворовъ съ купчею землею и общее число десятинъ такой земли. Въ сборникахъ по Тверской губерніи для купчей земли имѣются особыя строки въ таблицѣ, озаглавленной

«землевладѣніе», причемъ отдѣльно показывается земля, купленная обществомъ и особо—купленная отдѣльными домохозяевами, для той и другой дается число домохозяйствъ, число межевыхъ участковъ, количество земли съ распредѣленіемъ по угодьямъ. Изъ болѣе новыхъ сборниковъ можно привести, въ видѣ примѣра, Мышкинскій (Яросл. губ.) и здѣсь купчая земля проведена отдѣльными строками, жирнымъ шрифтомъ, но безъ выдѣленія купленной обществами; затѣмъ, уже въ вертикальныхъ столбцахъ, приводятся данныя особо для надѣльныхъ и особо для безнадѣльныхъ домохозяевъ; для тѣхъ и другихъ дается число домохозяевъ, имѣющихъ купленную землю, и число десятинъ удобной земли, а изъ этого послѣдняго числа—количество земли, сданной въ аренду. Въ Екатеринославскихъ сборникахъ дается число дворовъ съ купленною землей и общее количество такой земли съ распредѣленіемъ ея по угодьямъ. Въ новѣйшихъ Тульскихъ приводятся отдѣльно данныя о землѣ, купленной товариществомъ или обществомъ, и о купленной единолично; для послѣдней приводится число имѣющихъ такую землю хозяйствъ и особо, въ томъ числѣ, число отрубниковъ; для той и другой категоріи купчихъ земель особо—распредѣленіе по угодьямъ, что имѣетъ большой смыслъ, потому что общественныя покупки, какъ мы видѣли (стр 81), очень часто, имѣютъ въ виду совсѣмъ иныя хозяйственныя цѣли, нежели единоличныя, и потому обществами покупаются земли съ совершенно инымъ составомъ угодій. По Пензенской губерніи «внѣнадѣльное землевладѣніе» дается также съ подраздѣленіемъ на единоличное и коллективное,—первое съ дальнѣйшимъ подраздѣленіемъ на черезполосное и отрубное, а затѣмъ въ общей суммѣ; для каждой категоріи дается число хозяйствъ и число десятинъ. Сверхъ того, какъ мы уже видѣли (стр. 45), данныя о всѣхъ видахъ надѣльнаго землевладѣнія приводятся съ подраздѣленіемъ по двумъ подрубрикамъ—«распредѣленной» и купленной, что даетъ возможность учетъ внутринадѣльнаго движенія землевладѣнія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Землепользованіе. Аренда и сдача земли *).

Распредѣленіе надѣльнаго землевладѣнія, опредѣляемое, въ значительной степени, а при общинномъ владѣніи даже и главнымъ образомъ, условіями не столько экономическаго, сколько частью историческаго (первоначальное надѣленіе!), частью обычно-правового и (передѣлы!) бытового характера, приводится въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ экономическою силою отдѣльныхъ хозяйствъ и группъ хозяйствъ путемъ купли-продажи земли: при какомъ-угодно характерѣ крестьянскаго владѣнія—путемъ покупки крестьянами земли, принадлежавшей владѣльцамъ другихъ категорій, при исконномъ подворномъ, равно какъ и при вновь возникающемъ, благодаря новѣйшему земельному законодательству, еди-

*) Карышевъ. „Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды“ 1892. Косинскій. „Къ аграр. вопросу“, т. I, 1906. Бажаевъ. „Крестьянск аренда въ Россіи“ 1910. Статья А. А. Мануилова „Аренда“ въ Нов. Энцикл. Словарѣ Брокг. и Эфрона. Тамъ-же остальн. литература.

ноличномъ владѣніи—также и путемъ покупки земли крестьянами другъ у друга. Дальнѣйшія поправки въ распредѣленіе земли между крестьянами, а затѣмъ и вообще въ землепользованіе крестьянъ, вводятся путемъ аренды и сдачи земли: распредѣленіе земли внутри крестьянской массы приводится въ соотвѣтствіе съ экономической силою отдѣльныхъ хозяйствъ и группъ ихъ путемъ аренды-сдачи надѣльной земли, увеличеніе крастьянскаго землепользованія за счетъ землепользованія владѣльцевъ другихъ категорій происходитъ путемъ внѣнадѣльной аренды.

Остановимся, прежде всего, на сдачѣ надѣльныхъ земель въ связи съ составляющею, въ массѣ, ея оборотную сторону надѣльною арендой.

Сдача надѣльной земли можетъ имѣть—смотря на вопросъ принципіально—двоякій смыслъ. Сдаваться въ аренду можетъ избыточная земля, и въ такомъ случаѣ сдача въ аренду надѣльной земли является симптомомъ многоземелья. Такой характеръ имѣетъ, напримѣръ, сдача земли населеніемъ кочевыхъ и полукочевыхъ районовъ, напримѣръ киргизами; сдача сѣнокосовъ многими изъ сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ, владѣющими обширными, во много разъ превышающими потребности ихъ ничтожнаго скотоводства, пространствами луговъ; если не имѣетъ сейчасъ, то еще не такъ давно, во всякомъ случаѣ, имѣла сдача земли болѣе или менѣе значительною, еще пользовавшеюся широкимъ земельнымъ просторомъ, частью сибирскаго крестьянства. Снимаютъ сдаваемую при сдачѣ этого типа землю, смотря по мѣстнымъ условіямъ, иногда мѣстные, болѣе состоятельные крестьяне; иногда разнообразный пришлый людъ,—аренда этого типа была тою почвою, на которой до середины 90-хъ г.г. прошлаго столѣтія развивалась русская колонизація, киргизскихъ областей; такой-же характеръ имѣетъ аренда «иногороднихъ» въ казачьихъ областяхъ и т. п. Иногда въ роли арендаторовъ, главнымъ образомъ по отношенію къ выпасамъ, частью къ сѣнокосамъ, являются и просто предприниматели, — въ сѣверныхъ киргизскихъ степяхъ, напримѣръ, или въ южныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи весьма обычнымъ видомъ аренды и вмѣстѣ съ тѣмъ—существеннымъ источникомъ общественныхъ доходовъ являлась сдача пастбищъ, сжатыхъ полей и т. п. подъ выпасъ гуртовъ скота, гнавшихся прасолами изъ глубины степей. Въ европейской Россіи съ этимъ типомъ сдачи надѣльныхъ земель—«сдачей отъ избытка», приходится встрѣчаться, въ настоящее время, развѣ только въ видѣ исключенія, главнымъ образомъ при наличности очень рѣзкой разницы въ земельномъ обезпеченіи смежныхъ или вообще—близко другъ отъ друга лежащихъ селеній. И поскольку сдача надѣльной земли имѣетъ такой характеръ, она является одною изъ тѣхъ сторонъ крестьянскаго хозяйства, которыя наименѣе поддаются статистическому учету. Такая сдача—прямой и для всѣхъ очевидный симптомъ избытка вообще земли, или въ частности—оп-de

дѣленной категоріи. Между тѣмъ, крестьяне всегда стремятся внушить всѣмъ, съ кѣмъ они соприкасаются, а тѣмъ болѣе статистикамъ, убѣжденіе въ томъ, что имъ мало земли; естественно, что они всячески скрываютъ сдачу, и уловить послѣднюю, сплошь и рядомъ, удается только изъ показаній арендаторовъ, особенно если послѣдніе—крестьяне сосѣднихъ, менѣе изобильно надѣленныхъ землею обществъ; да и то, нерѣдко, удается уловить далеко не въ полной мѣрѣ

Совершенно иначе обстоитъ дѣло при другомъ, гораздо болѣе распространенномъ типѣ сдачи, когда сдающіе, напротивъ, весьма охотно говорятъ о сдачѣ надѣльной земли, а арендаторы, особенно арендующіе помногу, сплошь и рядомъ стараются скрыть самый фактъ или во всякомъ случаѣ преуменьшить количество арендуемой надѣльной земли. Къ этому типу (конечно онъ не поддается вполнѣ рѣзкому ограниченію отъ предыдущаго, а сливается съ нимъ черезъ длинный рядъ случаевъ переходнаго характера) принадлежатъ тѣ случаи, гдѣ причиною сдачи надѣльной земли въ аренду является не избыточность земельнаго обезпеченія вообще и не избытокъ въ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ видахъ угодій, а хозяйственная слабость извѣстныхъ элементовъ населенія, или во всякомъ случаѣ (значеніе этой оговорки выяснится сейчасъ) слабость ихъ земледѣльческаго хозяйства. Непосредственною причиною сдачи является, въ подобнаго рода случаяхъ, отсутствіе или недостатокъ рабочаго скота, слабый рабочій составъ семьи, на сѣверѣ, сплошь и рядомъ, недостатокъ удобрительныхъ средствъ, вообще хроническая бѣдность и хозяйственное безсиліе, нерѣдко осложняемое острою нуждою въ деньгахъ (свадьба, снаряженіе солдата, падежъ лошади, пожаръ и пр.). Въ промысловыхъ районахъ, главнымъ образомъ въ нечерноземной полосѣ, сдача надѣльной земли можетъ обусловливаться не хозяйственною слабостью вообще, а отвлеченіемъ даннаго домохозяйства промыслами, слабою заинтересованностью его собственно въ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Арендаторами или съемщиками сдаваемой надѣльной земли являются—говоря въ общей формѣ—болѣе крѣпкіе элементы: хозяйства, хорошо обезпеченныя рабочею силою, многоскотныя, вообще болѣе зажиточныя. Такимъ образомъ, сдача разсматриваемаго типа является способомъ концентраціи земли въ болѣе крѣпкихъ рукахъ, а нерѣдко—разъ она происходитъ изъ года въ годъ или сразу на продолжительное время—скрытымъ отчужденіемъ неотчуждаемой по закону общинной земли; обходомъ уравнительныхъ тенденцій общины, приводящимъ фактическое распредѣленіе общинной земли въ соотвѣтствіе съ рабочимъ составомъ и матеріальными средствами отдѣльныхъ домохозяевъ,—съ возможностью использованія земли. Такъ какъ сдаютъ землю, въ видѣ правила, болѣе слабые элементы, нерѣдко подъ вліяніемъ острой нужды въ деньгахъ, и сдача, слѣдовательно, является болѣе или менѣе вынужденной, а арендуютъ болѣе крѣпкіе, уже не изъ нужды, а изъ раз-

счета, то цѣны, при сдачѣ-арендѣ надѣльной земли, естественно, бываютъ ниже среднихъ по мѣстнымъ условіямъ нормъ и тѣмъ болѣе—ниже, чѣмъ при крестьянской внѣнадѣльной арендѣ, гдѣ наоборотъ. землевладѣлецъ—сдатчикъ, какъ правило. является болѣе сильною стороною. Что касается до формъ сдачи-аренды надѣльныхъ земель, то наиболѣе характерною изъ нихъ является уже упоминавшаяся въ предыдущей главѣ (стр. 72), сдача цѣлыхъ душъ въ «окупъ» или «въ платежъ», при которой къ снимающему («держащему душу») переходятъ всѣ земельныя права сдающаго—именно причитающіяся на душу доли всѣхъ передѣляемыхъ угодій и право участія въ пользованіи непередѣляемыми. но вмѣстѣ съ тѣмъ на перваго ложатся и всѣ связанныя съ «держаніемъ души» податныя и иныя обязанности, причемъ въ случаяхъ, когда рентная доходность «души» превышаетъ душевые платежи, снимающій выплачиваетъ сдающему «верхи» въ размѣрѣ, во всякомъ случаѣ не превышающемъ избытка доходности и тѣмъ меньшемъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, чѣмъ болѣе вынужденный характеръ носитъ сдача. Затѣмъ, надѣльная земля сдается и отдѣльными угодьями: сѣнокосъ—паями, какой кому достался или (при заблаговременной сдачѣ) имѣетъ достаться по передѣлу даннаго года; пашня, въ видѣ правила, полосами въ томъ или другомъ полѣ, и т. п.

Если, затѣмъ, перейти къ количественной сторонѣ вопроса, то необходимо прежде всего отмѣтить, что сдача-аренда надѣльныхъ земель играетъ, въ общемъ, гораздо меньшую роль, нежели внѣнадѣльная аренда. Полнаго учета этого явленія не имѣется. Но по подсчету, сдѣланному въ 1907 г. Л. К. Брейеромъ по даннымъ тѣхъ земскихъ статистическихъ сборниковъ, въ которыхъ можно было найти соотвѣтственный цифровой матеріалъ, оказалось, что въ общемъ итогѣ по 134 уѣздамъ сдавало надѣльную землю до 385 тыс. дворовъ, и что въ общемъ же итогѣ по 124 уѣздамъ сдавалось до 933 тыс. десятинъ—цифры, весьма небольшія по сравненію съ приводимыми ниже—правда весьма гадательными—цифрами внѣнадѣльной аренды. О значеніи разныхъ видовъ сдачи — аренды надѣльныхъ земель, въ частности въ районѣ общиннаго владѣнія, гдѣ этотъ видъ сдачи, какъ видно изъ сказаннаго, играетъ особенно важную роль, можно составить себѣ понятіе по нижеслѣдующимъ, взятымъ болѣе или менѣе наудачу, примѣрамъ:

1. Вяземскій уѣздъ (Смол. губ.)—всего 16½ тыс. дворовъ.

	Дворовъ.	Десятинъ	
		Пашни.	Покоса.
въ своей общинѣ за подати	1129	3523	1091
иначе: долгосрочно , . .	685	1693	622
краткосрочно . .	1681	586	907
въ чужихъ общинахъ за подати	9	27	8
иначе: долгосрочно . . .	70	161	72
краткосрочно , .	969	568	519

Такимъ образомъ, сдача цѣлыхъ надѣльныхъ душъ за подати происходитъ цѣликомъ, сдача отдѣльныхъ угодій на болѣе продолжительные сроки—почти цѣликомъ внутри отдѣльныхъ общинъ; сдача-аренда на короткіе сроки имѣетъ мѣсто почти въ одинаковыхъ размѣрахъ какъ въ своей общинѣ, такъ и въ чужихъ общинахъ; объектомъ долгосрочной сдачи является, при этомъ, главнымъ образомъ пашня, на краткіе сроки одинаково часто сдается и покосъ, и пашня.

2. Мышкинскій уѣздъ (Яросл. губ.)—всего 16,7 тыс. дворовъ.

	Хозяйствъ.	Сдано душъ.	Десятинъ: Пашни.	Покоса.
въ своей общинѣ. . . .	3098	1217	500	1213
въ чужой общинѣ	1503	69	413	1233

И здѣсь, прежде всего, сдача надѣльныхъ земель внутри своей общины играетъ большую роль, нежели междуобщинная; и здѣсь, въ частности, сдача полныхъ душъ происходитъ почти исключительно внутри своей общины, тогда какъ сдача отдѣльныхъ угодій—и внутри, и между общинами. Есть, однако, и нѣкоторыя отличія: относительное значеніе сдачи полныхъ душъ по сравненію со сдачей отдѣльныхъ угодій,—иначе сказать, полной ликвидаціи надѣльнаго хозяйства по сравненію съ простымъ сокращеніемъ площади землепользованія въ соотвѣтствіе съ малою экономическою силою семьи, здѣсь значительно больше, а поскольку рѣчь идетъ о сдачѣ отдѣльныхъ угодій—сдача сѣнокосовъ замѣтно превалируетъ надъ сдачею пашни. Первое изъ отмѣченныхъ обстоятельствъ стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ отрываніемъ промышленниковъ отъ земледѣлія, о которомъ мнѣ придется говорить ниже и которое составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ промышленнаго сѣвера, второе—съ подчеркнутымъ въ предыдущемъ (стр. 62), характернымъ, опять-таки, для сѣвера, преобладающимъ значеніемъ покосовъ и ограниченностью запасовъ сѣнокосныхъ угодій, при почти повсемѣстномъ изобиліи земель, годныхъ подъ распашку.

Въ еще болѣе рѣзкой формѣ то же преобладаніе сдачи сѣнокосовъ подъ сдачей пашенъ наблюдается и въ еще сѣвернѣе лежащемъ 3) Грязовецкомъ уѣздѣ (Вологодской губ.—22,8 тыс. дворовъ), причемъ, какъ и въ первомъ изъ взятыхъ въ видѣ примѣра уѣздовъ, роль сдачи надѣльной пашни остается относительно большею при долгосрочной сдачѣ и становится окончательно ничтожною при краткосрочной,—остается довольно большею при сдачѣ въ своей общинѣ, и становится ничтожною при сдачѣ крестьянамъ чужихъ общинъ; обстоятельство, совершенно понятное въ виду необходимаго, на сѣверѣ, густого унаваживанія, при наличности котораго эксплоатація пашни, лежащей сколько-нибудь далеко отъ усадьбы, становится совершенно невозможною. Все сказанное видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	Дворовъ.	Десятинъ: Пашни.	Покоса.
въ своей общинѣ за подати. . . .	765	1305	1281
иначе: долгосрочно	1365	1169	1930
краткосрочно . . .	1466	253	1680
въ чужой общинѣ за подати. . .	61	100	130
иначе: долгосрочно	711	243	1599
краткосрочно . . .	1012	114	1249

По принятой мною системѣ изложенія и по самому существу дѣла мнѣ слѣдовало бы перейти къ постановкѣ вопроса о сдачѣ-арендѣ надѣльной земли въ статистическихъ формулахъ и къ разработкѣ его въ сборникахъ земской статистики. Въ данномъ случаѣ мнѣ приходится, однако, отступить отъ принятаго мною общаго порядка изложенія: дѣло въ томъ, что рубрики и графы, относящіяся къ этому виду сдачи-аренды, въ видѣ правила, строятся и въ формулярахъ, и въ сборникахъ, въ одной общей системѣ съ рубриками и графами, относящимися къ внѣнадѣльной арендѣ, а потому соблюденіе, въ данномъ случаѣ, принятаго общаго порядка изложенія обусловило бы множество безполезныхъ повтореній, тѣмъ болѣе нежелательныхъ, что разработкѣ вопроса объ арендѣ и безъ того придется отвести, сравнительно, очень много мѣста. Я перейду, поэтому, непосредственно къ вопросу о внѣнадѣльной арендѣ, а потомъ уже приведу необходимыя данныя для характеристики статистической трактовки всего вообще общирнаго вопроса объ арендѣ.

Внѣнадѣльная аренда—это аренда всякаго рода земель, не входящихъ въ составъ крестьянскихъ надѣловъ; это, прежде всего, земли частныхъ владѣльцевъ, общее пространство которыхъ исчисляется 90—100 милліонами десятинъ, и главнымъ образомъ, конечно, крупныя и среднія владѣнія; затѣмъ—государственныя или казенныя земли,—такъ называемыя «казенныя оброчныя статьи», общею площадью 4,2 милл. десятинъ, и удѣльныя, площадью около 2-хъ милліоновъ[1]). Составляя, такимъ образомъ, лишь ничтожную долю внѣнадѣльнаго фонда, земли послѣднихъ двухъ категорій крайне неравномѣрно распредѣлены по территоріи страны. Болѣе значительными массами онѣ сосредоточены въ небольшомъ числѣ губерній — казенныя, главнымъ образомъ, въ Самарской и Астраханской, удѣльныя, главною своею массой, въ той же Самарской и Симбирской, — и только въ этихъ, сравнительно немногочисленныхъ, губерніяхъ и даже частяхъ губерній аренда земель этихъ двухъ категорій играетъ видную роль въ общей экономикѣ крестьянскаго

[1]) Обращаю вниманіе читателя на то, что здѣсь имѣются въ виду лишь относительно ничтожныя площади земельныхъ «статей» казны и удѣла, во владѣніи которыхъ состоятъ сверхъ того, чрезвычайно обширныя пространства лѣсныхъ дачъ.

хозяйства. Какъ правило же внѣнадѣльная аренда есть, болѣе или менѣе исключительно, аренда частновладѣльческихъ земель.

Какъ велика общая площадь арендуемыхъ крестьянами внѣнадѣльныхъ земель,—это вопросъ, на который, по состоянію нашей статистики землевладѣнія и землепользованія, не представляется возможнымъ дать даже приближенно-точнаго отвѣта,—дѣлавшіеся въ этомъ направленіи подсчеты колеблются въ чрезвычайно широкихъ предѣлахъ. По подсчитаннымъ покойнымъ Карышевымъ земско-статистическимъ даннымъ по 183 уѣздамъ, общее пространство заарендованной крестьянами внѣнадѣльной земли опредѣлилось приблизительно въ 10 милліоновъ десятинъ или около 20% общей площади надѣльной земли въ тѣхъ же уѣздахъ, откуда получается для всей европейской Россіи предположительная цифра отъ 25 до 30 милл. десятинъ. По подсчетамъ другихъ авторовъ общая площадь внѣнадѣльной аренды достигаетъ 40, нѣкоторые принимаютъ даже 50 милл. десятинъ. Такъ или иначе — эта площадь во всякомъ случаѣ выражается въ десяткахъ милліоновъ, что уже само по себѣ достаточно ясно говоритъ объ огромномъ значеніи внѣнадѣльной аренды и вполнѣ оправдываетъ то относительно большое мѣсто, которое мнѣ придется удѣлить этому явленію.

Если, такимъ образомъ, абсолютные общіе размѣры внѣнадѣльныхъ арендъ не поддаются даже приблизительному учету, то объ относительномъ ихъ значеніи для отдѣльныхъ мѣстностей страны мы можемъ судить и на основаніи имѣющагося, можетъ быть весьма дефектнаго, а во всякомъ случаѣ совершенно устарѣлаго, исчерпывающаго статистическаго матеріала. По даннымъ обслѣдованія произведеннаго центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1881 г., процентъ посѣва на арендованной землѣ превышалъ 25% въ трехъ губерніяхъ: Курской, Саратовской и Херсонской; колебался между 20 и 25% въ губерніяхъ: Екатеринославской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Черниговской; между 15 и 20% въ Бессарабской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тульской; между 10 и 15% въ Астраханской, Воронежской, въ Донской области, въ губерніяхъ Кіевской, Нижегородской, Псковской, Харьковской и Уфимской. Всѣ перечисленныя многоарендныя губерніи, кромѣ Псковской, принадлежатъ либо къ чистой черноземной полосѣ, либо (Черниговская, Рязанская, Тульская, Нижегородская, Уфимская) къ переходной отъ чернозема къ нечерноземнымъ почвамъ, — причемъ въ двѣ высшія группы, съ процентомъ выше 20-ти, входитъ вся, кромѣ Таврической губерніи, южная и юго-восточная степная полоса. Что касается до нечерноземной полосы, то за единственнымъ исключеніемъ Псковской губерніи, гдѣ относительно значительное развитіе арендъ стоитъ, очевидно, въ связи съ развитіемъ промышленнаго льноводства (см. ниже, гл. V), процентъ посѣва на арендованной землѣ ни въ одной губерніи не достигаетъ 10-ти, Вся совокупность приведенныхъ цифръ, несомнѣнно, значительно преумень-

шена,—но, повторяю, она даетъ достаточно близкое дѣйствительности представленіе объ относительномъ значеніи аренды въ разныхъ мѣстностяхъ страны, — въ частности о громадной разницѣ, въ данномъ отношеніи, между черноземною и нечерноземною полосой. Достаточно близкое, однако, только въ самыхъ общихъ чертахъ; въ частностяхъ, на основаніи позднѣйшихъ данныхъ, приходится внести къ получившейся картинѣ нѣкоторыя существенныя поправки. Если, напримѣръ, взглянуть на помѣщенную во 2-мъ томѣ коллективнаго труда «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ» картограмму, основанную на данныхъ 1893 года. то окажется, что полоса наибольшихъ арендъ (отъ 33 до 29 дес. на 100 душъ крестьянскаго населенія) протягивается сплошною лентой отъ Бессарабской до Уфимской губерніи, захватывая цѣликомъ южныя и юго-восточныя степныя губерніи и цѣликомъ же—все нижнее поволжье (начиная отъ Симбирска); не меньшимъ представляется, однако, количественное распространеніе арендъ и въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ, по всему своему соціальному и хозяйственному складу (безземельное крестьянство, батрацкое владѣльческое хозяйство и фермерская аренда) совершенно не типичныхъ для остальной Россіи. Второе мѣсто по распространенности крестьянскихъ арендъ (23—16 дес. на 100 душъ) занимаютъ два сплошныхъ района; одинъ—шесть губерній средняго чернозема, протянувшихся отъ Полтавы до Тамбова, другой—Московская и четыре другія, лежащія отъ нея къ сѣверу и сѣверо-востоку промышленныя губерніи, а также совсѣмъ отдѣльно лежащая Петербургская. Затѣмъ, однимъ сплошнымъ же треугольникомъ, отъ Рязани на востокѣ до Пскова и Гродны на западѣ, тянется районъ, гдѣ на 100 душъ приходится отъ 14 до 12 дес. арендованной земли. Наконецъ, минимальнымъ развитіемъ арендъ (9—5 дес. на 100 душъ) характеризуется два района: одинъ, огромный по пространству, охватываетъ весь сѣверъ, начиная отъ Новгорода, Вологды и Казани, другой, меньшій по пространству, обнимаетъ три юго-западныя губерніи съ ихъ исключительно-значительнымъ развитіемъ владѣльческаго хозяйства и, слѣдовательно, малымъ предложеніемъ земли, и прилегающую къ нимъ Черниговскую.

Существенныя различія наблюдаются, въ данномъ отношеніи, и между извѣстными намъ историческими разрядами крестьянъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, являются, въ массѣ, и различіями по общему уровню земельнаго обезпеченія. По подсчетамъ того-же Карышева, по сѣвъ на арендованной землѣ составляетъ у бывшихъ государственныхъ на четвертомъ владѣніи, въ массѣ оченъ хорошо обезпеченныхъ землею, 35%, у бывшихъ государственныхъ же общинниковъ 37%, у казаковъ украинскихъ губерній 50%, у бывшихъ помѣщичьихъ 56%, у бывшихъ удѣльныхъ 50,5%, у дарственниковъ (см. стр. 29) 65%. Если вспомнить сказанное въ предыдущей главѣ о различіяхъ въ земельной обезпеченности разныхъ категорій крестьянъ, то намъ сразу сдѣлается ясной

одна изъ основныхъ причинъ, обусловливающихъ выясняющуюся изъ приведенныхъ только что цифръ разницу въ распространенности у нихъ аренды: разница въ земельномъ обезпеченіи, а слѣдовательно, болѣе острая у однихъ и менѣе ощущаемая у другихъ нужда въ землѣ. Но это—именно только одна изъ основныхъ причинъ. Другая—наличность доступнаго для крестьянъ того или другого разряда аренднаго фонда: бывшія помѣщичьи селенія всегда имѣютъ около себя болѣе или менѣе обширныя владѣнія своихъ бывшихъ помѣщиковъ (сохраненіе этихъ владѣній было одною изъ цѣлей, опредѣленно преслѣдовавшихся при выработкѣ положеній 19 февраля, въ извѣстныхъ случаяхъ*) даже въ ущербъ надѣленію крестьянъ) въ составъ которыхъ вошли, какъ правило, лучшіе по качеству и по составу угодій (сѣнокосы!) земли. Напротивъ, въ районахъ сплошного разселенія бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ крестьянскіе надѣлы, сплошь и рядомъ, вошли болѣе или менѣе всѣ имѣвшіяся въ распоряженіи казны земли, и аренднаго фонда вовсѣ или почти вовсе не осталось; тамъ же, гдѣ извѣстная часть земли осталась въ распоряженіи государства,—это по большей части земли менѣе цѣнныя по качеству и тѣмъ болѣе по составу угодій.

Сказанное только-что приводитъ насъ къ болѣе общему вопросу, почему крестьяне арендуютъ внѣнадѣльную землю, и въ связи съ этимъ—кто арендуетъ. Это—одинъ изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ экономики русскаго крестьянскаго хозяйства. Стремятся къ расширенію своего земледѣльческаго хозяйства, въ частности къ расширенію его путемъ арендованія земель, можно сказать, всѣ крестьяне,—во всякомъ случаѣ всѣ крестьяне въ черноземной полосѣ, гдѣ земледѣліе составляетъ главную основу крестьянскаго благосостоянія. «Стремленіе къ пользованію чужою землею,—говоритъ Карышевъ,—носитъ всеобщій для всѣхъ разрядовъ крестьянъ характеръ; нѣтъ такой группы, которая останавливается въ съемкѣ земель, когда предложеніе арендъ еще не исчерпано». Значитъ, все дѣло въ томъ, исчерпано или не исчерпано предложеніе, имѣется ли, или нѣтъ, свободный арендный фондъ. Но тамъ, гдѣ онъ имѣется? Тамъ—отвѣчаетъ тотъ же Карышевъ—«наемъ крестьянами внѣнадѣльныхъ замель развивается въ прямомъ отношеніи съ увеличеніемъ благосостоянія арендаторовъ, съ расширеніемъ находящихся въ ихъ распоряженіи собственной земли, капитала и труда». Такое рѣшеніе вопроса представляется, однако, слишкомъ простымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что значительная роль въ крестьянской арендѣ, въ частности въ арендѣ болѣе сильныхъ элементовъ, принадлежитъ стремленію къ болѣе полному использованію труда и матеріальныхъ средствъ—капитала. Мало того—мнѣ уже приходилось мимоходомъ отмѣчать и еще придется подробнѣе

*) См. выше, стр. 28—30.

характеризовать то стремленіе вширь, которое состовляетъ едва-ли не наиболѣе опредѣляющую черту русскаго крестьянскаго хозяйства и которое находитъ себѣ выраженіе, между прочимъ, въ погонѣ за арендой. Но за всѣмъ этимъ нельзя игнорировать вліянія фактора нужды. Нельзя не видѣть въ крестьянской внѣнадѣльной арендѣ, въ извѣстной части случаевъ,—симптома абсолютной недостаточности земельнаго обезпеченія; въ другихъ случаяхъ, можетъ быть въ большинствѣ,—одного изъ послѣдствій того, что въ предыдущей главѣ (стр. 71) было охарактеризовано какъ «относительное малоземелье». И вотъ, въ литературѣ крестьянскаго хозяйства уже не первое десятилѣтіе ведется споръ между сторонниками взгляда на аренду, какъ на симптомъ земельной нужды, и пониманія аренды, какъ проявленія стремленія къ лучшему приложенію труда и капитала,—причемъ съ обѣихъ сторонъ выдвигается серьезная статистическая аргументація. Детальный статистическій анализъ (комбинаціонная разработка!) данныхъ объ арендѣ у крестьянъ различныхъ разрядовъ, при разной притомъ надѣленности землею, приводитъ Карышева къ заключенію, что «въ общемъ по разрядамъ больше земли арендуютъ, дѣйствительно, менѣе обезпеченные землею (т. е., напр., бывшіе владѣльческіе больше чѣмъ бывшіе государственные), — но что внутри этихъ разрядовъ аренда растетъ уже не съ уменьшеніемъ надѣла, а съ увеличеніемъ его», что очевидно не могло бы имѣть мѣста, если бы аренда, въ массѣ, вызывалась земельною нуждою. Рядъ другихъ авторовъ—Н. А. Каблуковъ, А. А. Мануиловъ, А. А. Чупровъ, В. Г. Бажаевъ—приходитъ къ діаметрально противоположнымъ выводамъ. Выводы Карышева отвергаютъ, съ одной стороны, по чисто методологическимъ соображеніямъ (кратко формулированнымъ Н. А. Каблуковымъ и детально развитымъ А. А. Чупровымъ*): указываютъ именно, что въ основѣ этого анализа лежитъ группировка крестьянскихъ хозяйствъ по среднему земельному обезпеченію, вычисленному на дворъ; между тѣмъ данное количество земли, будетъ ли это 5 или 10 десятинъ, будетъ имѣть совершенно не то значеніе для двора съ 3—4. или съ 8—10 душами; въ основу группировки слѣдуетъ, поэтому, полагать земельное обезпеченіе, разчитанное не на дворъ, а на душу; а при такомъ способѣ группировки получаются совершенно иные выводы, нежели къ какимъ пришелъ Карышевъ, исходя изъ подворныхъ группировокъ. Взгляды Карышева отвергаются и съ точки зрѣнія существа дѣла: «недостаточность обезпеченія крестьянъ надѣльною землею—говоритъ А. А. Мануиловъ—служитъ основною причиною, вызывающею у нихъ потребность въ арендѣ; эта потребность и удовлетворяется различными разрядами крестьянъ въ обратномъ отношеніи къ размѣрамъ ихъ на-

*) См. его статью «О пріемахъ группировки статистическихъ матеріаловъ», въ Изв. СПБ. Политехн. институт.

дѣла, т. е. въ прямомъ отношеніи къ настоятельности нужды въ землѣ, поскольку нормальное удовлетвореніе ея не встрѣчаетъ ограниченій... подъ вліяніемъ другихъ причинъ, главнымъ образомъ размѣра земельнаго фонда и обезпеченности отдѣльныхъ хозяйствъ рабочими силами и рабочимъ скотомъ». Вліяніе размѣра земельнаго фонда—замѣчу здѣсь же, не могущее подлежать никакому оспариванію!—доказывается на анализѣ порайонныхъ различій; даказывается, напримѣръ, такими фактами, какъ широкое развитіе арендъ на многоземельномъ юго-востокѣ, гдѣ о «нуждѣ», говоря вообще, трудно или даже невозможно говорить, но гдѣ крестьяне имѣютъ подъ руками обширный и дешевый арендный фондъ казенныхъ и удѣльныхъ земель; или какъ различія, наблюдаемыя при изученія данныхъ объ арендахъ внутри отдѣльныхъ губерній,—изъ такого рода данныхъ, сплошь и рядомъ, ясно видно, что аренда широко развивается даже при относительно широкомъ земельномъ обезпеченіи, разъ подъ руками есть большой и доступный арендный фондъ, а при отсутствіи послѣдняго остается незначительною и въ мѣстностяхъ съ гораздо болѣе скуднымъ земельнымъ обезпеченіемъ крестьянскаго населенія. Съ особенною рѣзкостью вліяніе разсматриваемаго обстоятельства можетъ быть прослѣжено, напримѣръ, въ Самарской губерніи, гдѣ главный, огромный по пространству арендный фондъ сосредоточивается какъ разъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ крестьяне весьма обильно надѣлены землей, и гдѣ, благодаря этому, развитіе арендъ, можно сказать, прямо пропорціонально широтѣ земельнаго обезпеченія крестьянъ. Вліяніе различій въ обезпеченности рабочею силою и скотомъ устраняется, элиминируется помощью, опять-таки, комбинаціоннаго подсчета. Вотъ, въ видѣ примѣра, приводимые Н. А. Каблуковымъ результаты анализа такого рода по Хвалынскому уѣзду (Сарат. губ.). При суммарномъ подсчетѣ данныхъ объ арендѣ по земельнымъ группамъ аренда правильно растетъ вмѣстѣ съ ростомъ надѣла и, слѣдовательно, развитіе ея стоитъ въ обратномъ отношеніи съ земельною нуждой. «Однако—говоритъ проф. Каблуковъ—мы не будемъ успокаиваться на этомъ выводѣ, зная, что вмѣстѣ съ надѣломъ растутъ два другіе фактора—рабочій скотъ и рабочій составъ семьи». И вотъ, сначала элиминируется, въ нижеслѣдующей табличкѣ, вліяніе различій въ обезпеченности скотомъ:

	арендовано въ среднемъ на 10 хозяйствъ при надѣлѣ до			
группы по скоту:	2,5	2,5—5	5—10	бол. 10
безъ раб. скота	—0,5	—12,8	—30,2	—56
съ 1 головою	+ 14	+ 2,3	— 5	—5,1
съ 2 и бол. гол.	+ 62	+ 32	+ 23	+19

Безскотные дворы, разумѣется, сдаютъ землю болѣе или менѣе цѣликомъ, потому что не имѣютъ возможности ея обрабатывать; у одно-

лошадныхъ малонадѣльные не только не арендуютъ, но сдаютъ надѣльную землю; у дву-и многолошадныхъ аренда правильно убываетъ по мѣрѣ роста надѣльнаго землевладѣнія. Аналогичные ряды цифръ получаются и при комбинированной группировкѣ по обоимъ основнымъ факторамъ, которыми опредѣляется возможность использованія земли—рабочему скоту и рабочей силѣ. Такъ, въ группѣ съ 1 работникомъ и съ 1 головою рабочаго скота аренда-сдача выражается, въ томъ же порядкѣ земельныхъ группъ, слѣдующими цифрами: +15,4, +1,7 —6,8, —11,1; въ группѣ двурабочихъ и двулошадныхъ: +65, +39, +25, +13. Правильность, какъ и слѣдовало ожидать, при достигаемомъ такимъ образомъ устраненіи вліянія двухъ факторовъ, способныхъ маскировать вліяніе земельной нужды, выступаетъ еще рѣзче, чѣмъ когда мы элиминировали только одинъ изъ нихъ. «Но если крестьянскіе дворы, при одинаковомъ снабженіи рабочею силой и рабочимъ скотомъ, арендуютъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше земли имѣютъ сами, то отсюда слѣдуетъ, что арендный участокъ дополняетъ надѣлъ и служитъ для приложенія неиспользованной рабочей силы» (Бажаевъ) или, говоря иначе,—что основнымъ моментомъ, порождающимъ аренду, является земельная нужда.

Итакъ, господствующій въ литературѣ вопроса взглядъ сводится къ тому, что крестьянская аренда есть продуктъ малоземелья и что арендованная земля восполняетъ недостатокъ въ землѣ. Однако, и такимъ однозначнымъ рѣшеніемъ вопроса, какъ я сказалъ, удовлетвориться нельзя; нельзя хотя бы уже по одному тому, что мы знаемъ обширные районы, гдѣ аренда, несомнѣнно, имѣетъ совершенно иной характеръ; гдѣ она является не продуктомъ малоземелья и не восполняетъ недостатка надѣльной земли для обезпеченія насущныхъ нуждъ крестьянина, а развивается въ условіяхъ широкаго земельнаго простора и является продуктомъ совершенно иныхъ хозяйственныхъ мотивовъ,—именно стремленія къ болѣе полному приложенію труда и капитала; стремленія, принимающаго, на окраинахъ, форму опредѣленнаго стремленія вширь, хотя бы въ явный ущербъ качественной сторонѣ хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и производительнымъ силамъ земли. Таковы вновь колонизуемые русскими крестьянами районы киргизскихъ степей, степныя и полустепныя мѣстности Сибири, главнымъ образомъ западной; таковы—если говорить объ одной только европейской Россіи—южныя и въ особенности юго-восточныя, заволжскія степныя губерніи. Единственно-правильнымъ будетъ, поэтому, считаться съ опредѣленно-двойственнымъ характеромъ крестьянской аренды,—съ двумя ея принципіально различными типами, между которыми, конечно, жизнь создала длинную лѣстницу промежуточныхъ и переходныхъ формъ: съ арендою трудовою, въ извѣстной части случаевъ принимающею характеръ продовольственной аренды, и съ арендою капиталистическою[1]). Повторяю—это, по существу, принципіально

[1]) См., между проч., статью Н. Гиммера (Суханова) «Крест. аренда въ Россіи» въ Современникѣ за 1912 г.

разные типы, причемъ основнымъ двигающимъ мотивомъ въ одномъ случаѣ, при трудовой арендѣ, является стремленіе къ полному использованію труда, въ случаяхъ продовольственной аренды обостряемое насущною нуждою въ продовольственныхъ средствахъ, въ другомъ, при капиталистической арендѣ, стремленіе къ барышу, къ мыслимо-выгодному помѣщенію капитала. Въ работахъ П. П. Маслова и В. А. Косинскаго[1]) читатель найдетъ подробно разработанную теорію продовольственно-трудовой аренды съ одной стороны, капиталистической, съ другой стороиы. Построеніе того и другого автора по существу очень близко,—въ разработкѣ В. А. Косинскаго оно имѣетъ, приблизительно, такой видъ:

Капиталистическій арендаторъ исходитъ въ своихъ дѣйствіяхъ изъ разсчета покрыть всѣ расходы, связанные съ арендованіемъ земельнаго участка и съ его обработкой и получить, сверхъ того, достаточную прибыль на свой капиталъ. «Крестьянинъ», въ экономическомъ смыслѣ этого слова, стремится, прежде всего, найти полное приложеніе для своего труда; въ частности, крестьянинъ-арендаторъ, иначе сказать арендаторъ трудового типа, стремится получить съ арендованнаго участка оплату того труда, который онъ будетъ затрачивать на его обработку; конечно, онъ не прочь получить и больше,—онъ не отказался бы отъ барыша, если бы удалось таковой получить; но подъ вліяніемъ конкуренціи другихъ, такихъ-же арендаторовъ-крестьянъ, онъ пойдетъ и на такую арендную плату, которая не оставитъ ему никакого барыша, лишь бы только остатокъ валового дохода оплатилъ его трудъ. На еще болѣе высокую плату,—такую, при которой его трудъ не получилъ бы полной оплаты, арендаторъ-крестьянинъ, при нормальныхъ условіяхъ, не согласится; разъ отъ него требуютъ такой высокой арендной платы, ему будетъ выгоднѣе работать по найму въ чужомъ хозяйствѣ или искать какого-либо неземледѣльческаго заработка — «промысла» въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но онъ можетъ и не найти такого способа приложенія своего труда,—спрашивается, какъ онъ поступитъ въ такомъ случаѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ зависѣть отъ величины его надѣльнаго обезпеченія. Если надѣлъ обезпечиваетъ удовлетвореніе насущныхъ, главнымъ образомъ продовольственныхъ, потребностей и, слѣдовательно, аренда еще не принимаетъ «продовольственнаго» характера, онъ, можетъ быть, не пожелаетъ работать «себѣ въ убытокъ» и, просто, откажется отъ мысли арендовать землю; можетъ быть, однако, что онъ поступитъ и иначе,—именно, согласится работать на арендованной землѣ даже и при неполной оплатѣ своего труда, чтобы не оставить свой избыточный трудъ вовсе не использованнымъ. И именно такъ онъ, уже навѣрно, поступитъ,

---

[1]) Масловъ. Аграрн. вопросъ, 2-ое изд., стр. 117—124; Косинскій, къ аграрному вопросу, 1906, главнымъ образомъ стр. 188—197, а затѣмъ дальше пространное развитіе теоретическихъ соображеній и статистическій анализъ.

если надѣлъ не достигаетъ продовольственной нормы, не обезпечиваетъ, иначе сказать, удовлетворенія насущныхъ потребностей крестьянской семьи, и если, слѣдовательно, аренда принимаетъ «продовольственный» характеръ. Поставленный передъ альтернативой: остаться безъ удовлетворенія болѣе или менѣе значительной части насущнѣйшихъ потребностей, т. е. попросту голодать, или, хотя бы даже «себѣ въ убытокъ», добывать недостающія средства существованія путемъ аренды, онъ увидитъ себя вынужденнымъ отдать, въ видѣ арендной платы, весь излишекъ сверхъ такъ называемаго Existenz-Minimum'a, т. е., ближайшимъ образомъ, сверхъ той части валового дохода, какой ему не хватаетъ для удовлетворенія его насущныхъ потребностей. Исходною точкою дальнѣйшаго детальнаго анализа, слѣдить за которымъ я здѣсь не могу, является то положеніе, что арендаторъ продовольственнаго типа вынужденъ отдавать землевладѣльцу, въ видѣ арендной платы, не только весь чистый доходъ съ арендуемой земли, но и нѣкоторую часть того дохода, который онъ вырабатываетъ на своемъ надѣлѣ. Анализъ этотъ приводитъ Косинскаго къ теоретическому заключенію, что дороже всего за арендуемую землю могутъ платить среднія по земельному обезпеченію группы крестьянъ,— тѣ, надѣльное обезпеченіе которыхъ приближается снизу къ продовольственной нормѣ, т. е. тѣ, которымъ лишь немного не хватаетъ до этой нормы: тѣ, даже трудовые, арендаторы, кто имѣетъ земли свыше продовольственной нормы, не испытываютъ такой острой нужды въ землѣ и слѣдовательно не пойдутъ на слишкомъ убыточныя для себя условія аренды; тѣ, у кого надѣльной земли вовсе нѣтъ, или кто имѣетъ ея значительно меньше продовольственной нормы, не въ состояніи будутъ выработать столько, сколько нужно, чтобы приплатить за недостающую до этой нормы площадь, очевидно тѣмъ большую, чѣмъ меньше земельное обезпеченіе арендатора; они должны будутъ, поэтому, отказаться отъ арендованія и обратиться къ какимъ либо инымъ источникамъ пріисканія себѣ средствъ существованія. И факты подтверждаютъ такой теоретическій выводъ,—дороже всего за арендуемую землю платятъ, въ самомъ дѣлѣ, среднія группы, онѣ же—по крайней мѣрѣ въ условіяхъ средне-черноземныхъ мѣстностей европейской Россіи, даютъ наиболѣе многочисленный контингентъ арендаторовъ. По подсчетамъ того же В. А. Косинскаго средняя арендная плата у различно обезпеченныхъ надѣльною землею группъ крестьянъ пяти уѣздовъ Воронежской губерніи выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Острогожск.	Землянскій	Задонскій	Коротоякск.	Нижне-Дѣвич.
Безземельные	4,2	19,7	12,7	3,9	10,3
Имѣющ. до 5 дес.	5.2	15,3	**13,6**	11,2	12,5
« 5—15 »	**6,4**	**15,5**	12,8	**12,1**	**16,0**
« 15—25 »	5,2	14,4	11,4	11,0	10,5
« бол. 25 »	5,6	13,1	11,5	4,6	8,6

Въ четырехъ изъ пяти уѣздовъ дороже всего платить, въ самомъ дѣлѣ, средняя группа, имѣющая отъ 5 до 15 дес. своей земли, въ пятомъ, гдѣ групповыя различія, вообще, выражены не рѣзко,—хотя и малоземельная, но все таки не безземельная группа. А благодаря этому, какъ сказано, среднеземельные крестьяне имѣютъ и больше возможности арендовать землю. Въ той-же работѣ В. А. Косинскаго детально разработаны данныя объ участіи въ арендѣ различныхъ по земельному обезпеченіи группъ крестьянъ Полтавской губерніи,—Полтавская губернія взята потому, что для этой губерніи въ земскихъ статистическихъ сборникахъ проведена, какъ мы увидимъ ниже, единственная съ своемъ родѣ комбинированная разработка данныхъ о съемѣ земли по разнонадѣленнымъ группамъ населенія. Въ общихъ по губерніи итогахъ получилось, что безземельные даютъ всего 13,9% съемщиковъ, имѣющіе до 3 дес. собственной пахати уже 45,8%, имѣющіе 3—6 дес. даютъ максимумъ—47,2%%; имѣющіе 6—9 дес. даютъ тоже еще 42%, высшая группа, имѣющихъ свыше 9 дес., уже всего только 28% съемщиковъ.

Въ работѣ П. П. Маслова наиболѣе цѣненъ анализъ той совокупности условій, отъ которой зависитъ географическое распространеніе и преобладаніе аренды того и другого типа, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и наблюдаемыя въ данномъ отношеніи измѣненія во времени. Вотъ основная формула, въ которой онъ резюмируетъ результаты своего анализа: «для повышенія капиталистической ренты главное значеніе имѣетъ высокая цѣна на хлѣбъ и увеличеніе производительности земледѣльческаго труда; и то и другое условіе возможно при ростѣ неземледѣльческаго населенія. Для развитія и роста некапиталистической ренты главное значеніе имѣютъ противоположныя условія: 1) паденіе производительности земледѣльческаго труда, происходящее при ростѣ земледѣльческаго населенія, и 2) низкія цѣны на хлѣбъ. Паденіе некапиталистической ренты вызывается также противоположными условіями—повышеніемъ производительности труда». Или въ нѣсколько болѣе развитомъ видѣ. «Капиталистическая рента растетъ: 1) при повышеніи хлѣбныхъ цѣнъ, слѣдовательно при развитіи индустріи, повышающемъ потребность въ продуктахъ земледѣлія; 2) при увеличеніи производительности земледѣльческаго труда, слѣдовательно при техническомъ прогрессѣ и введеніи всякихъ усовершенствованій въ земледѣліи. Продовольственная рента повышается какъ разъ при противоположныхъ условіяхъ: 1) чѣмъ болѣе падаетъ производительность земледѣльческаго труда, тѣмъ выше поднимается продовольственная рента, пока не дойдетъ до максимума, выше котораго она можетъ подняться лишь приведя къ полному разоренію продовольственныя хозяйства; 2) чѣмъ меньше постороннихъ заработковъ, чѣмъ менѣе развита индустрія, слѣдовательно, чѣмъ ниже цѣна хлѣба, тѣмъ выше поднимается продовольственная рента (по отношенію къ продукту, остающемуся въ пользу продовольственнаго хозяйства), потому что продоволь-

ственному хозяйству нѣтъ другого выхода, кромѣ аренды земли». Отсюда— «развитіе сельскаго хозяйства ведетъ къ развитію капиталистической аренды, и обратно: остановка сельско-хозяйственнаго развитія, вслѣдствіе ли конкурренціи странъ съ экстенсивнымъ хозяйствомъ и болѣе производительнымъ трудомъ, или вслѣдствіе какихъ-либо другихъ условій, ведетъ къ сохраненію или даже развитію продовольственнаго хозяйства, продовольственной аренды». Резюмированное только что въ процитированныхъ словахъ построеніе П. П. Маслова подкупаетъ своею стройностью и, въ значительной мѣрѣ, пригодно для объясненія эволюціи формъ типовъ аренды в о в р е м е н и. Поскольку это построеніе примѣняется къ объясненію различій, наблюдаемыхъ въ данномъ отношеніи м е ж д у р а з л и ч н ы м и м ѣ с т н о с т я м и нашей страны, оно пріемлемо лишь для того, кто согласенъ съ Масловымъ въ его основныхъ воззрѣніяхъ на «производительность» сельско-хозяйственнаго труда, какъ синонимъ э к с т е н с и в н а г о хозяйства, и на техническій прогрессъ въ земледѣліи, какъ прогрессъ м а ш и н н а г о хозяйства. Авторъ этой книги принципіально расходится, въ данномъ случаѣ, съ П. П. Масловымъ, не можетъ, слѣдовательно, принять и выраженную въ только что процитированныхъ отрывкахъ схему; тѣмъ болѣе не можетъ, что она въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, направленіяхъ противорѣчитъ совершенно безспорнымъ конкретнымъ фактамъ: область преимущественнаго распространенія продовольственной аренды приблизительно совпадаетъ съ губерніями черноземно-земледѣльческаго центра, — болѣе или менѣе исключительно продовольственный характеръ имѣетъ крестьянская арсенда и въ большей части промышленной полосы. Область преобладанія капиталистической аренды— это южныя и юго-восточныя степныя губерніи европейской Россіи и недавно колонизованныя или только еще колонизуемыя мѣстности азіатской Россіи — область не высокихъ, а наоборотъ — н а и б о л ѣ е н и з к и х ъ хлѣбныхъ цѣнъ, чѣмъ исключается возможность говорить о высокихъ хлѣбныхъ цѣнахъ, какъ объ одномъ изъ главныхъ условій развитія капиталистической аренды. Весь же вообще районъ преобладанія к а п и т а л и с т и ч е с к о й аренды характеризуется, съ моей точки зрѣнія, двумя условіями: съ одной стороны, болѣе или менѣе р ѣ д к и м ъ н а с е л е н і е м ъ и соотвѣтственно высокою степенью земельнаго простора, слѣдовательно и низкимъ, въ общемъ, уровнемъ арендныхъ цѣнъ; и болѣе или менѣе рѣзко выраженнымъ э к с т е н с и в н ы м ъ, въ значительной мѣрѣ х и щ н и ч е с к и м ъ характеромъ земледѣльческаго хозяйства. Районъ преобладанія т р у д о в о й и въ частности — продовольственной аренды характеризуется, во всякомъ случаѣ, гораздо м е н ѣ е э к с т е н с и в н ы м ъ, именно, въ главной массѣ, трехпольнымъ хозяйствомъ, а затѣмъ, поскольку рѣчь идетъ о его черноземной части — рѣзко выраженнымъ о т н о с и т е л ь н ы м ъ п е р е н а с е л е н і е м ъ и о т н о с и т е л ь н ы м ъ, а частью и абсолютнымъ м а л о з е м е л ь е м ъ (см. выше, стр. 71), въ его

нечерноземной части—преимущественнымъ вниманіемъ населенія къ промысламъ и малымъ его интересомъ къ землѣ и земледѣлію [1]).

Въ тѣсной внутренней связи со всѣмъ сказаннымъ стоитъ вопросъ о формахъ аренды. Прежде однако, нежели обратиться къ этому вопросу, скажемъ нѣсколько словъ по вопросу о томъ, что именно—какія угодья являются преимущественнымъ объектомъ внѣнадѣльной аренды. Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ иной для черноземной, нежели для нечерноземной полосы. Въ черноземной полосѣ, гдѣ каждый хозяинъ, будетъ ли это предприниматель или крестьянинъ, стремится прежде всего къ максимальному расширенію распашки, гдѣ вопросъ объ удобреніи, а слѣдовательно и о кормовыхъ средствахъ, пока не играетъ либо никакой, либо, во всякомъ случаѣ, существенной роли, гдѣ притомъ относительное количество кормомыхъ угодій, въ частности покосовъ, въ общемъ, сравнительно велико, главнымъ объектомъ аренды является пахатная земля. Въ нечерноземной полосѣ, и притомъ въ тѣмъ большей мѣрѣ, чѣмъ дальше на сѣверъ, первенствующее мѣсто въ вопросѣ объ арендѣ переходитъ къ сѣнокосамъ, и въ сѣверной половинѣ нечерноземной полосы сѣнокосная аренда безусловно первенствуетъ передъ арендой пахатной земли. Этого, конечно, и a priori слѣдовало ожидать въ виду сказаннаго въ предыдущей главѣ (стр. 62) о первенствующемъ значеніи въ хозяйствѣ сѣнокосныхъ угодій, съ необходимостью вытекающемъ изъ существа пока господствующаго въ нечерноземной полосѣ трехполья съ навознымъ удобреніемъ, которое, въ главной своеймассѣ (сѣно), должно привноситься въ пашню извнѣ—за счетъ сѣнокосныхъ угодій.(см. ниже, въ гл. V)Беремънаудачу сначала двѣ губерніи изъ разныхъ концовъ черноземной полосы: Самарскую и Волынскую; находимъ, что въ Самарской губерніи, по переписи 80-хъ гг., крестьянами арендовалось пашни до 4737 тыс. дес., кормовыхъ угодій всего около 588 тыс. десятинъ; въ Волынской, малоарендной губерніи, по весьма недавней переписи, 1910 года, крестьянами было заарендовано пашни 71 тыс , сѣнокоса всего 1600 дес., колонистами первой 41 тыс., второго 2700 дясятинъ. Что касается до нечерноземной полосы, то выше приведены были уже, по нѣсколькимъ уѣздамъ, данныя о распредѣленіи по угодьямъ надѣльныхъ арендъ. Вотъ по тѣмъ же уѣздамъ данныя о внѣнадѣльной арендѣ:

	Долгосрочно.		Краткосрочно.	
	Пашни.	Покоса.	Пашни.	Покоса.
Юрьевскій. (Влад.). . .	9608	3900	4358	4622
Мышкинскій (Яросл.). .	2575	6787	1468	13312
Грязовецкій (Вол.). . .	3673	9492	1043	10226
Вяземскій (Смол.) . . .	2278	5552	3481	23102

[1]) См. по этому вопросу названную (стр. 94) статью Гиммера-Суханова.

Мы видимъ—во взятомъ на удачу уѣздѣ болѣе центральной губерніи, Владимірской, аренда пашни еще первенствуетъ передъ арендой сѣнокоса, уступая послѣдней первенство лишь по отношенію къ краткосрочной арендѣ; въ остальныхъ трехъ аренда покосовъ даже при долгосрочной арендѣ практикуется гораздо—вдвое-втрое шире, чѣмъ аренда пашенъ, краткосрочная же аренда является почти исключительно арендою сѣнокосовъ.

Теперь, перейдемъ къ вопросу о формахъ и типахъ аренды и отмѣтимъ, прежде всего, различіе между общественною, товарищескою и единоличною арендой. По даннымъ «комиссіи центра», на долю каждой изъ этихъ категорій приходится около трети, именно 33,5—34—32% всей площади арендъ. Въ дѣйствительности доля единоличной аренды, конечно, гораздо больше: основываясь, въ значительной части, на ничѣмъ не оформленныхъ словесныхъ и т. п. соглашеніяхъ, она въ гораздо большей мѣрѣ ускользаетъ отъ учета, нежели остальныя двѣ формы аренды. Объектомъ общественной аренды являются, главнымъ образомъ, недостающіе выгоны, и сама аренда, часто, принимаетъ форму права общаго выпаса на владѣльческой землѣ; затѣмъ—такъ называемыя «отрѣзныя» земли (см. гл. 2, стр. 30), т.-е. земли бывшихъ помѣщиковъ, лежащія черезполосно съ крестьянскими, вкрапленныя среди нихъ, преграждающія доступъ къ водопоямъ и, слѣдовательно, арендуемыя не столько ради могущихъ быть полученными отъ аренды прямыхъ выгодъ, сколько для избѣжанія потравъ и т. п. осложненій. Рѣже встрѣчается общественная аренда пахатной земли, или сѣнокоса, которые въ такомъ случаѣ распредѣляются по тѣмъ же разверсточнымъ единицамъ, какъ и надѣльная земля. Особенно рѣшительно преобладаніе выгоновъ въ общинной арендѣ на сѣверѣ, гдѣ вопросъ о кормахъ, вообще, играетъ первенствующую роль,—въ нѣкоторыхъ статистическихъ сборникахъ (напр. въ Мышкинскомъ) мы находимъ особую рубрику «аренда міромъ пастбищъ», и другихъ видовъ общинной аренды не находимъ вовсе. Наоборотъ, общественная аренда пашни, въ цѣляхъ собственно хозяйственнаго использованія, преобладаетъ по отношенію къ казеннымъ землямъ, гдѣ она до недавняго времени поощрялась установленными частью закономъ, частью вѣдомственными распоряженіями льготными правилами, какъ наиболѣе способствующая равномѣрному распредѣленію казеннаго аренднаго фонда между нуждающимся въ ней населеніемъ. Фактически, однако, такого рода общественная аренда, нерѣдко, вырождается въ товарищескую—къ участію въ ней, сплошь и рядомъ, допускаются лишь тѣ, конечно болѣе состоятельные, домохозяева, которые могутъ исправно вносить арендную плату, и земля въ такомъ случаѣ распредѣляется уже не по душамъ, а «по деньгамъ» или паямъ. Что касается до товарищеской аренды, то она, уже какъ правило, имѣетъ болѣе или менѣе рѣзко выраженный капиталистическій характеръ: арендаторскія товарищества—это по преимуществу группы болѣе состоятельныхъ крестьянъ иногда изъ одного, иногда изъ-

разныхъ селеній, которые снимаютъ сообща болѣе или менѣе значительный участокъ и разверстываютъ между собою арендную плату, а слѣдовательно и арендуемую землю, не равными паями, а въ соотвѣтствіи съ хозяйственною «силою» каждаго участника товарищества. Исключеніе составляютъ, главнымъ образомъ, переселенческія арендаторскія товарищества, какими въ значительной мѣрѣ колонизовались, въ сравнительно недавнее время, башкирскія и киргизскія степи.

По срокамъ различаютъ два основныхъ типа: краткосрочную, подъ которою обычно разумѣется годичная, и болѣе или менѣе долгосрочную аренду. Промежуточное мѣсто занимаетъ трехлѣтняя аренда пашни въ области господства трехпольнаго хозяйства, — иначе сказать, аренда на «кругъ», на одинъ оборотъ трехпольнаго хозяйства. Какъ выше было уже отмѣчено, первая является преобладающею по отношенію къ сѣнокосамъ, — преобладающею какъ потому, что хозяйственная эксплатація сѣнокоса не требуетъ сколько нибудь прочной связи хозяина съ землею, такъ и потому, что и самая потребность населенія въ арендованіи сѣнокоса, и арендная цѣнность каждой данной сѣнокосной площади рѣзко мѣняется изъ года въ годъ: первая въ зависимости отъ рѣзко колеблющагося количества сѣна, получаемаго, при разныхъ условіяхъ урожая, съ надѣльнаго покоса, вторая — подъ вліяніемъ случайностей погоды, благопріятствующихъ или, наоборотъ, неблагопріятствующихъ то одному, то другому виду сѣнокосовъ. Значительно болѣе распространена аренда на болѣе или менѣе продолжительные сроки по отношенію къ пашнѣ. И понятно почему: пашня требуетъ обработки, во всей нечерноземной полосѣ еще и удобренія (которое мало-по-малу входитъ въ употребленіе и на черноземѣ),—а между тѣмъ тщательная обработка и усиленное удобреніе могутъ дать полный эффектъ, а тѣмъ болѣе окупиться, лишь по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго срока. Чѣмъ короче срокъ аренды, тѣмъ у хозяина меньше и возможности, и разсчета заботиться о повышеніи производительности земли, при годичной же арендѣ у съемщика можетъ быть только одинъ разсчетъ: какъ можно больше получить, съ какъ можно меньшею затратою труда и матеріальныхъ средствъ. Годичная аренда, поэтому, являя т я вреднѣйшею изъ формъ использованія земли; она не только исключаетъ возможность улучшенія земли, но неизбѣжно ведетъ къ ея истощенію. Тѣмъ не менѣе и по отношенію къ пашнѣ преобладаетъ одногодичная аренда, или точнѣе — аренда на одинъ посѣвъ (при арендѣ подъ озимь арендующій пользуется продуктомъ съ арендуемой земли одинъ годъ, но держитъ и обрабатываетъ ее до того еще одинъ годъ, когда земля паруетъ): въ мало-арендной полосѣ на этотъ видъ аренды приходится, по приблизительнымъ подсчетамъ, до 75%, въ многоарендной до 50% всей арендуемой пашни, причемъ преобладаніе одногодичной и вообще краткосрочной аренды тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ мельче размѣръ аренды. Эта зависимость между сроками и

размѣрами арендъ ясно видна изъ нижеслѣдующей таблички, заимствуемой мною у В. Г. Бажаева:

	Среднее количество арендуемыхъ десятинъ при арендѣ:		
	годичной.	трехлѣтней.	долгосрочной
общественныя ар. . . .	192	231	275
товарищескія » . . .	101	163	218
единоличныя » . . .	6,7	35	42

Съ этимъ естественно связано и другое. Въ зависимости отъ продолжительности аренды стоитъ, именно, и арендная плата — по приводимымъ тѣмъ же В. Г. Бажаевымъ даннымъ, средняя арендная плата при годичной арендѣ выражалась въ цифрѣ 7,9, при трехлѣтней 7,3, при долгосрочной 6,2 р. съ десятины. Все это и совершенно понятно, потому что менѣе состоятельные элементы крестьянства, не имѣющіе достаточной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, не могутъ идти на сколько-нибудь продолжительную аренду, и въ то же время землевладѣльцы остерегаются сдавать землю такимъ мало надежнымъ плательщикамъ на болѣе продолжительные сроки. Между тѣмъ сдача на одинъ посѣвъ, въ концѣ концовъ разорительная для земли, а слѣдовательно, рано или поздно, и для ея владѣльца, представляетъ для послѣдняго, разъ онъ не слишкомъ думаетъ о будущемъ, не малыя непосредственныя выгоды: она позволяетъ ему произвольно взвинчивать цѣны и безъ какихъ либо хлопотъ отдѣлываться отъ неисправныхъ съемщиковъ.

По способу оплаты арендуемой земли различаютъ, затѣмъ, два основныхъ вида аренды: денежную и натуральную, причемъ послѣдняя представляетъ, въ свою очередь, двѣ основныя разновидности: испольную (въ Малороссіи «скопщина») и отработочную аренду. Исполная или точнѣе издольная аренда — это такая, при которой съемщикъ отдаетъ землевладѣльцу, за право пользованія землею, заранѣе опредѣленную долю продукта— половину, треть и т. п.; отработочная—это та, при которой онъ обязывается за право пользованія снятою землю выполнить на землѣ, остающейся въ непосредственномъ распоряженіи землевладѣльца, или вообще въ его хозяйствѣ, опредѣленное количество опредѣленнаго рода работъ. Испольная аренда, однако, какъ мы сейчасъ увидимъ дальше, почти не встрѣчается въ чистомъ видѣ,—она почти всегда комбинируется съ денежною или отработочною такимъ образомъ, что съемщикъ, кромѣ опредѣленной доли продукта, обязывается выполнить еще и нѣкоторое количество работъ или доплатить небольшую сумму деньгами. Съ другой стороны, при испольной арендѣ съемщикъ, нерѣдко, получаетъ отъ землевладѣльца и сѣмена, и отдаваемая за пользованіе землею доля, обычно, разсчитывается съ того количества продукта, которое остается за возмѣщеніемъ выданныхъ землевладѣльцемъ сѣмянъ. Первое время послѣ выхода крестьянъ на волю,

при слабомъ еще развитіи, вообще, денежныхъ отношеній, натуральная аренда даже преобладала надъ денежной, въ особенности въ черноземной полосѣ, гдѣ основанные на формально-свободномъ договорѣ отработки за землю явились непосредственнымъ продолженіемъ принудительно отбывавшейся при крѣпостномъ правѣ барщины, являвшейся, по существу, ничѣмъ инымъ, какъ именно отработкомъ за предоставлявшуюся помѣщикомъ въ пользованіе крестьянина землю. Съ теченіемъ времени она постепенно вытѣсняется денежною арендой, — иногда, однако, въ видѣ исключенія, наблюдается и обратное — переходъ отъ денежной формы найма къ испольной, въ связи съ быстрымъ подъемомъ арендныхъ цѣнъ. «Чѣмъ дороже становится земля при денежной съемкѣ—говоритъ цитируемый Карышевымъ изслѣдователь Ростовскаго уѣзда (Екатеринославск. губ.), тѣмъ труднѣе крестьянину выплачивать арендную плату чистыми деньгами, въ которыхъ у него всегда бываетъ недочетъ, и тѣмъ неизбѣжнѣе онъ прибѣгаетъ къ скопщинѣ, несмотря на постепенное уменьшеніе своей доли въ ней... При денежной, заплативъ примѣрно 12 р. за дес., крестьянинъ въ случаѣ неурожая терпитъ страшные убытки». Между тѣмъ «трудъ свой онъ мало цѣнитъ, а потому .. расчитываетъ, что хотя и значительную часть придется отдать владѣльцу изъ урожая, но, если сборъ будетъ хорошъ, то на его долю достанется немало, при сравнительно малой затратѣ средствъ». Географически денежная аренда, по Карышеву, преобладаетъ на юго-востокѣ; испольная (скопщина — аренда «съ копы» выжатаго хлѣба) главнымъ образомъ въ малороссійскихъ и новороссійскихъ губерніяхъ, особенно въ Черниговской, Полтавской, Херсонской, Екатеринославской; отработочная въ центрѣ и главнымъ образомъ на юго-западѣ,—въ другихъ мѣстностяхъ къ обработочной формѣ прибѣгаютъ, въ особенности, при «вынужденной» арендѣ «отрѣзковъ» и т. п. (см. выше стр. 30), которыхъ владѣльцы, сплошь и рядомъ, вообще не соглашаются отдавать иначе, какъ за обработки, — есть такіе владѣльцы, у которыхъ вся или почти вся экономическая запашка зиждется именно на такихъ вынужденныхъ отработкахъ и для которыхъ «отрѣзки» создаютъ, такимъ образомъ, положеніе, мало отличающееся отъ положенія помѣщиковъ при крѣпостномъ правѣ.

Поскольку рѣчь идетъ о различныхъ по степени состоятельности слояхъ крестьянства, на натуральную плату всегда идутъ бѣднѣйшіе, побуждаемые къ тому отсутствіемъ денегъ, нерѣдко—кромѣ того еще и неимѣніемъ сѣмянъ, которыя въ такомъ случаѣ даются землевладѣльцемъ. Съ другой стороны, и самый рискъ значительно меньше въ томъ случаѣ, если приходится отдать опредѣленную долю, которая при плохомъ урожаѣ будетъ представлять собой ничтожное количество продукта, чѣмъ тогда, когда даже при полномъ неурожаѣ нужно отдать заранѣе условленную сумму денегъ. По свидѣтельству, напримѣръ, составителей сборника по Бузулукскому уѣзду (Самарск. губ.), испольная съемка практикуется только въ малоземельныхъ обществахъ бывшихъ владѣльческихъ кре-

стьянъ»; по свидѣтельству изслѣдователя Славяносербскаго уѣзда (Екатериносл. губ.) «за деньги можно сдать землю не каждому крестьянину. Деньги у крестьянъ рѣдки, деньгами трудно получить съ крестьянъ, и помѣщики, зная это, всегда предпочитаютъ отдавать землю за отработокъ или скопщину». То, въ этихъ примѣрахъ установлено на основаніи данныхъ описательнаго характера, для ряда мѣстностей можетъ быть констатировано чисто статистическимъ путемъ. По приводимымъ тѣмъ же Карышевымъ даннымъ по Мелитопольскому уѣзду процентъ испольной аренды у весьма обильно надѣленныхъ землею и зажиточныхъ колонистовъ не превышаетъ 5,6; уже у бывшихъ государственныхъ онъ поднимается до 38, у бывшихъ владѣльческихъ съ полнымъ надѣломъ до 52, у дарственниковъ даже до 86%. Еще убѣдительнѣе данныя группового подсчета по ряду уѣздовъ той же Таврической губерніи:

посѣвн. группы	Процентъ денежной аренды въ уѣздахъ. Перекопскомъ.	Евпаторійск.	Симферопол.	Ѳеодосійск.	Бердянскомъ.
до 5 дес. . . .	16	11	26	24	55
5—10 » . . .	19	33	20	24	66
10—25 » . . .	41	46	46	44	83
25—50 » . . .	59	71	67	65	92
болѣе 50 » . . .	80	90	89	73	99

Но если экономическая обстановка бѣднѣйшей части населенія съ силою неизбѣжности толкаетъ ее на натуральную аренду, то та же обстановка, естественно, порождаетъ и сугубо не выгодныя для нея условія такой аренды: съ одной стороны, землевладѣлецъ лишь тогда пойдетъ на натуральную аренду, если разсчитываетъ съ избыткомъ вознаградить себя за лишнія хлопоты, при испольной арендѣ—и за ложащійся на него, при плохомъ урожаѣ, рискъ; съ другой, бѣднѣйшіе элементы, именно въ силу своей острой нужды въ землѣ и фактически монопольнаго по отношенію къ нимъ положенія тѣхъ владѣльцевъ, которые соглашаются на натуральную аренду, вынуждены идти на такія невыгодныя условія, на какія никогда не согласился бы болѣе состоятельный, въ общемъ, хозяинъ, арендующій за деньги. Такъ или иначе—фактъ, что натуральныя платы, по средней оцѣнкѣ, всегда гораздо выше, нежели денежныя,—первыя нерѣдко вдвое превышаютъ вторыя. Есть у натуральныхъ формъ аренды немало и другихъ невыгодъ. При издольной арендѣ съемщикъ сильно стѣсненъ въ своей свободѣ хозяйственнаго использованія снимаемой земли,—ему приходится сѣять тѣ хлѣба, какіе ему предписываетъ владѣлецъ, который въ этомъ случаѣ вѣдь прямо заинтересованъ въ томъ, какой именно продуктъ получится съ сданной исполу земли; ему приходится ждать со свозкой сноповъ съ поля, пока они не будутъ сосчитаны владѣльцемъ и пока послѣдній не возьметъ свою долю, и т. п. При отработочной арендѣ ему приходится

въ самую горячую пору отрываться отъ своего хозяйства, потому что владѣлецъ воленъ потребовать выполненія условленныхъ работъ въ любое время и, естественно, выберетъ именно тотъ наиболѣе выгодный для него, по условіямъ погоды, спѣлости хлѣбовъ и т. п., моментъ, упустить который, въ силу тѣхъ же самыхъ условій особенно убыточно для его съемщика. Землевладѣльцы, разумѣется, непосредственно выигрываютъ на цѣнѣ испольнаго продукта или отработковъ, но въ конечномъ счетѣ теряютъ на томъ обезцѣненіи земли, которое, при испольной арендѣ, обусловливается плохимъ веденіемъ испольнаго хозяйства, при отработочной—плохимъ качествомъ подневольныхъ отработковъ.

По идеѣ своей, испольщина есть аренда изъ половины продукта. Но «если въ дѣйствительности—говоритъ Карышевъ—таковъ былъ первоначальный размѣръ натуральной аредной платы, то онъ потерпѣлъ затѣмъ слѣдующія существенныя измѣненія: 1) если доля владѣльца при наймѣ пахатной земли спускается ниже указанной нормы, то плата осложняется значительными доплатами работой (отработками), иногда деньгами; 2) если въ этомъ случаѣ выплачивается половина продукта, то и тогда такія доплаты сопровождаютъ сдѣлку весьма часто; 3) бываютъ случаи, когда плата за наемъ пахоты возвышается до $^2/_3$ или даже $^3/_4$ продукта». При этомъ доля владѣльца съ теченіемъ времени растетъ, хотя и медленнѣе, чѣмъ растетъ денежная плата, причемъ «отработки», по словамъ, опять-таки, Карышева, играютъ роль корректива къ сравнительной неподвижности испольныхъ цѣнъ. «Обладая неисчерпаемымъ разнообразіемъ видовъ, нерѣдко плохо поддаваясь денежному учету, требуя отъ съемщика не деньги..., а слабѣе оцѣниваемый имъ трудъ, эта форма доплатъ представляетъ наиболѣе удобствъ для вздорожанія арендъ. Увеличить свою долю въ продуктѣ испольщика владѣльцу менѣе удобно, ибо подъемъ цѣны въ этомъ случаѣ сдѣлалъ бы крупный скачекъ, нарушая тѣмъ установившуюся въ данной мѣстности норму съема. Путь постепеннаго, послѣдовательнаго увеличенія отработковъ, безъ надбавки доли владѣльца въ продуктахъ, легче ведетъ къ цѣли. Сдатчику онъ увеличиваетъ доходность земли и доставляетъ въ нужное время рабочія руки. Съемщику онъ съ виду представляется менѣе обременительнымъ, ибо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ лишь слегка увеличивается стоимость найма земли; онъ не нарушаетъ, повидимому, установившихся нормъ испольщины, онъ не требуетъ уплаты выше всего цѣнимыхъ въ деревнѣ денегъ. Онъ требуетъ лишь небольшого сравнительно увеличенія пожертвованія трудомъ. При нуждѣ въ пользованіи владѣльческою землею такой процессъ подъема цѣнъ является наименѣе замѣтнымъ, пожалуй легчайшимъ». Однако съ теченіемъ времени вновь устанавливаемые отработки входятъ въ обычай, получаютъ распространеніе. Мало по малу число ихъ увеличивается, и настаетъ моментъ, когда стоимость ихъ начинаетъ равняться замѣтной части продукта испольщика. Тогда является возможность замѣнить ихъ эквивалентомъ урожая

въ пользу владѣльца—поднять испольную плату, напримѣръ, съ четверти на треть, а затѣмъ эта вновь созданная и уже освященная обычаемъ норма начинаетъ ослажняться новыми отработками и т. д.». Въ общемъ, повторяю, цѣны натуральной аренды растутъ, хотя и медленнѣе денежныхъ. По даннымъ коммисіи центра, въ 1895 г. отдавали въ пользу владѣльца треть продукта 23% испольщиковъ, половину 72%; въ 1900 отдавало треть уже всего только 10%, половину 86%; значительно участились за тотъ же короткій промежутокъ времени и доплаты: въ 1895 г. доплаты къ долѣ продукта дѣлали 32%, въ 1900 уже 45% общаго числа испольныхъ арендаторовъ.

При денежной арендѣ цѣны растутъ еще рѣзче. Такъ, въ Смоленской губерніи, за время съ 1861 по 1885 г., онѣ возрасли на 150%; въ Ростовскомъ уѣздѣ (Екатеринослав. губ.) онѣ поднялись за 1861—1883 гг. съ 50 к.—1 р. 50 к. до 5—15 р. за десятину; въ Саратовской губерніи средняя арендная цѣна въ 1865 г. была 3 р. 30 к., въ 1875 г. 4 р. 50 к., въ 1802 г. уже 8 р. Въ Полтавской, Курской и т. п. губерніяхъ уже въ началѣ 90-хъ г.г. прошлаго столѣтія за десятину земли подъ озимь (значитъ за 2 года) платили 20, 25, 30 р., подъ яровое 12—15 р., послѣ того цѣны поднялись еще выше. Особенно высоки цѣны, конечно, при продовольственной арендѣ, —по сдѣланнымъ для Полтавской губерніи подсчетамъ переплата при такой арендѣ колебалась въ 80-хъ г.г. между 2 и 4 рублями. Въ частномъ лишь соотвѣтствіи съ теоріей Косинскаго, платятъ тѣмъ дороже, чѣмъ меньше земельный надѣлъ и чѣмъ, слѣдовательно, острѣе земельная нужда Такъ, въ Рязанскомъ уѣздѣ, по изслѣдованію начала 80-хъ г.г., средняя арендная плата при надѣлѣ отъ $1^1/_2$ до 3 дес. выражалась въ 11 р. 20 к., при надѣлѣ 3—5 дес. — уже всего только въ 6 р. 49 к., при надѣлѣ свыше 5 дес. даже только 5 р. 77 к. Въ Орловскомъ уѣздѣ, по изслѣдованію 90-хъ г.г., средняя арендная плата въ районѣ съ лучшими почвами равнялась 19 р. 70 к., въ районѣ худшихъ земель достигала 20 р. 70 к.—это потому, что районъ лучшихъ почвъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и райономъ со сравнительно изобильнымъ земельнымъ обезпеченіемъ крестьянъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о крестьянской арендѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о сдачѣ крестьянскихъ земель, остается еще сказать лишь нѣсколько словъ о пересдачѣ, т.-е. о сдачѣ крестьянами не своихъ надѣльныхъ и не собственныхъ, а арендованныхъ земель. Иногда такая пересдача имѣетъ болѣе или менѣе случайный характеръ—крестьянинъ, заарендовавшій землю, пересдаетъ ее всю, или часть ея, если почему либо оказывается не въ силахъ ее обработать, или если вынуждается къ тому острою потребностью въ деньгахъ. Существенный интересъ представляютъ однако не такія случайныя пересдачи, а тотъ болѣе обычный типъ послѣднихъ, когда пересдача имѣетъ болѣе или менѣе рѣзко выраженный спекулятивный характеръ,—когда земля арендуется болѣе или менѣе значительнымъ участкомъ по сравнительно деше-

вой цѣнѣ съ заранѣе поставленною цѣлью пересдать ее, по мелочамъ, по болѣе дорогой — пересдать ее, конечно, нуждающейся въ землѣ крестьянской бѣднотѣ. Разсчетъ арендатора-спекулянта ясенъ: воспользоваться разницей между дорогой цѣною пересдачи и дешевою цѣною первоначальной аренды. Поскольку объектомъ пересдачи являются казенныя земли, казна всячески борется съ нею, хотя не всегда успѣшно, потому что спекулянты, сплошь и рядомъ, умѣютъ обходить принимаемыя для обузданія ихъ мѣры. Поскольку пересдатчики спекулируютъ частновладѣльческими землями, владѣльцы, сплошь и рядомъ, идутъ на это сознательно: многіе изъ нихъ, особенно не живущіе въ своихъ имѣніяхъ, предпочитаютъ получить за свою землю хотя бы и дешевле, но сразу, нерѣдко заблаговременно, и безъ всякихъ хлопотъ, нежели получать хотя бы и дороже, но по мелочамъ и цѣною непріятной и обременительной возни съ неисправными съемщиками.

Какъ видно изъ всего изложеннаго на предшествующихъ страницахъ, такъ въ постановкѣ вопроса объ арендѣ въ статистическихъ формулярахъ, такъ и при разработкѣ его въ сборникахъ земской статистики приходилось считаться съ весьма обширнымъ комплексомъ признаковъ, такъ или иначе отражающихся на характерѣ крестьянскихъ арендъ. Прежде всего—съ различіемъ между надѣльною и внѣнадѣльною арендой, причемъ въ надѣльной арендѣ приходится различать аренду въ своемъ и въ чужихъ обществахъ, во внѣнадѣльной учитывать весьма рѣзкую разницу условій аренды казенныхъ, удѣльныхъ и т. п. земель—съ одной стороны и частновладѣльческихъ—съ другой. Далѣе, приходится различать такія, различныя по своему внутреннему смыслу, явленія, какъ аренда единоличная и товарищеская—съ одной стороны, общественная—съ другой. Приходится, затѣмъ, считаться съ арендными сроками, учитывать различіе между краткосрочною арендою—съ одной стороны и долгосрочною—съ другой, или конкретнѣе—арендой «на одинъ съемъ» хлѣба либо травы и арендой «на года»—на болѣе продолжительное время. Приходится, затѣмъ, различать между принципіально-разными, хотя нерѣдко перепутывающимися между собою, формами аренды по способу оплаты арендуемой земли,—отдѣльно учитывать, значитъ, денежную и натуральную, въ частности издольную и отработочную аренду Весьма интереснымъ является вопросъ о цѣнахъ арендуемой земли,—хотя, замѣчу здѣсь же, вопросъ этотъ (какъ и предыдущій) лишь въ сравнительно суммарномъ видѣ освѣщается данными земскихъ подворныхъ переписей: поскольку арендныя цѣны и вообще условія аренды суть явленіе, подверженное рѣзкимъ измѣненіямъ во времени, они изучаются, вообще, не основною, а текущею земскою статистикой, поскольку вопросъ объ условіяхъ аренды и арендныхъ цѣнахъ требуетъ детализированнаго и конкретизированнаго изученія, таковое происходитъ уже не путемъ переписи, а путемъ общаго поселеннаго или пообщиннаго опроса, иначе сказать—въ порядкѣ заполненія поселенныхъ или пообщинныхъ, иногда—спеціальныхъ арендныхъ бланковъ. Ясно изъ всего сказаннаго, что вопросъ о крестьянскихъ арендахъ является однимъ изъ наиболѣе сложныхъ, въ смыслѣ какъ статистической формулировки въ моментѣ собиранія первичныхъ данныхъ, такъ и табличной ихъ разработки. А въ связи съ этимъ онъ является однимъ изъ тѣхъ, трактовка которыхъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ моментѣ представляетъ наибольшее разнообразіе. Въ частности, формуляры и сборники большинства

первыхъ по времени подворныхъ переписей удѣляютъ этому вопросу лишь весьма ограниченное вниманіе. Въ первомъ Тверскомъ формулярѣ мы находимъ, напримѣръ, только широкую графу или рубрику съ заголовкомъ: «не снимаетъ ли семья, отдѣльно отъ селенія, земли въ аренду (характеръ угодья, количество земли и условія найма)», записи же носятъ, напр., такой характеръ: «покосу на 3 р.», «снимаетъ у сосѣда надѣлъ за уплату повинностей» и т. п. Въ формулярахъ по позднѣе переписаннымъ уѣздамъ той же губерніи вопросъ объ арендѣ уже нѣсколько расчленяется—подъ общимъ заголовкомъ «хозяйство арендуетъ землю» ставятся вопросы: у кого, на какой срокъ, за какую плату, сколько и чего снимается съ арендуемой земли. Въ формулярахъ по Новгородской губерніи вопросъ объ арендѣ поставленъ такъ: «у кого, сколько, какой и на какихъ условіяхъ арендовано земли»,—аналогичные по содержанію вопросы ставятся и для сдачи надѣльной земли. Въ формулярахъ первой Полтавской переписи появляется нѣкоторое расчлененіе по угодьямъ—особыя строки отведены, именно, арендѣ пахатной, сѣнокосной въ случаѣ аренды копнами, сѣнокоса при арендѣ десятинами, и затѣмъ строка для всякаго рода иныхъ угодій; затѣмъ, по отношенію къ каждому виду угодій, въ вертикальныхъ столбцахъ ставятся вопросы: у кого, въ какой дачѣ, цѣна или копа (доля при скопщинѣ!), доплаты и отработки, качество земли. Съ такою же суммарною постановкой вопроса объ арендѣ и сдачѣ мы встрѣчаемся въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ формуляровъ. Такъ, въ формулярѣ 3-ей Полтавской переписи вопросу этому отведена небольшая табличка, строкамъ которой отвѣчаютъ заголовки: нанимаетъ—на одинъ урожай, на два года и болѣе, сдаетъ своей, арендуемой (пересдача!); заголовки столбцовъ даютъ распредѣленіе по угодьямъ пашни, сѣнокоса, прочей. Такой суммарной разработкѣ въ формулярахъ соотвѣтствуетъ не менѣе и даже еще болѣе суммарная разработка въ табличныхъ сборникахъ—значительная часть даже и того довольно ограниченнаго матеріала, который собирается по формулярамъ вродѣ приведенныхъ, не подвергалась табличной обработкѣ, а использовалась только для описательной характеристики арендныхъ отношеній. Въ частности, сдача надѣльной земли въ старыхъ сборникахъ сплошь и рядомъ трактуется въ связи съ другимъ вопросомъ, смыслъ котораго намъ выяснится въ одной изъ послѣдующихъ главъ: съ вопросомъ о способѣ обработки надѣльной земли—«какъ обрабатываютъ землю?». Въ сборникахъ первой Полтавской переписи подъ этою рубрикой даются такія графы. «сами пользуются—сдаютъ—то сами, то сдаютъ, смотря по «споможности», въ старыхъ Тверскихъ дается лишь число «надѣловъ», которое «пустуетъ», «сдается», и особая графа «условія сдачи надѣловъ»—имѣются въ виду, значитъ, только случаи сдачи полныхъ надѣловъ, равносильные совершенной ликвидаціи надѣльнаго хозяйства. Въ Вятскихъ сборникахъ для «отданной земли» дается всего лишь двѣ цифры: сколькими дворами, сколько десятинъ. Нѣчто подобное находимъ и въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ сборниковъ, напр., въ Симбирскихъ, гдѣ подъ рубрикой «сдача земли въ аренду» дается число сдающихъ хозяйствъ, количество сданной надѣльной и сданной купчей земли, съ подраздѣленіемъ той и другой на пашню и сѣнокосъ. Въ столь же суммарномъ видѣ разрабатывается во многихъ изъ старыхъ и въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ сборниковъ вопросъ объ арендѣ. Такъ, старые Тверскіе сборники даютъ широкую графу, безъ подраздѣленій,—«арендованіе крестьянами земли», съ отмѣтками такого вида «N домохозяевъ снимаютъ пашни на NN рублей», «селеніемъ арендуется пашня и покосъ», и т. п. По Вятской губерніи подъ рубрикой «взятая земля» дается всего двѣ цифры: сколькими дворами—сколько десятинъ; по Борисоглѣбскому уѣзду (Тамб. губ.)—число дворовъ и число десятинъ пахатной, покосной земли. Совершенно особое мѣсто, въ числѣ старыхъ, да и всѣхъ вообще, сборниковъ, занимаютъ Полтавскіе. По количеству учитываемыхъ признаковъ, и они даютъ очень немного: для долгосрочной аренды они даютъ лишь число дво-

ровъ и десятинъ пашни и сѣнокоса, для краткосрочной» съемки» дается также лишь число дворовъ и десятинъ,—но зато въ единственной въ своемъ родѣ комбинированной разработкѣ съ количествомъ собственной пахоти, именно, отдѣльно для каждой изъ слѣдующихъ группъ: не имѣющихъ собственной пахати, имѣющихъ до 3, 3—6, 6—9 и свыше 9 десятинъ; такой пріемъ разработки дѣлаетъ данныя Полтавскихъ сборниковъ объ одногодичной «съемкѣ» единственнымъ въ своемъ родѣ матеріаломъ для изученія связи аренды съ собственнымъ земельнымъ обезпеченіемъ крестьянъ (см. выше, стр. 97). Новѣйшіе Полтавскіе сборники (3-ей переписи) не даютъ такой комбинированной разработки; они даютъ для арендъ число арендующихъ хозяйствъ, изъ нихъ арендующихъ пахать, число десятинъ «съемной» (на годъ) пахатной, сѣнокосной, прочей удобной, число десятинъ арендованной («на года») земли; сдача дается отдѣльно для своей и отдѣльно для «съемной и арендованной» земли (пересдача!)—для той и другой дается число сдающихъ хозяйствъ, число десятинъ сданной пахатной, сѣнокосной, прочей удобной земли. Въ качествѣ другихъ примѣровъ явно недостаточной разработки данныхъ объ арендѣ можно привести старые Курскіе и Самарскіе сборники, гдѣ сравнительно больше данныхъ приводится для внѣнадѣльной, и лишь очень мало—для надѣльной аренды. Въ Курскихъ для надѣльной аренды дается число дворовъ и число десятинъ, внѣнадѣльная дается съ подраздѣленіемъ на денежную и отработочную; для той и другой дается отдѣльно площадь аренды подъ озимь, подъ яровое, аренда покоса, для денежной, сверхъ того, и сумма арендныхъ платъ; числа дворовъ, участвующихъ во внѣнадѣльной арендѣ, по не совсѣмъ понятнымъ основаніямъ, не дается. Въ самарскихъ сборникахъ аренда дается безъ расчлененія на надѣльную и внѣнадѣльную, дается, именно, число арендующихъ дворовъ, общее число десятинъ арендованной пашни и—почему то—среднее число десятинъ на надѣльный дворъ, для сѣнокоса же и выгона дается только сумма арендныхъ платъ; особыя графы посвящены вопросу объ арендныхъ цѣнахъ: при наймѣ цѣлыми участками безъ различія угодій, для внѣнадѣльной пашни и покоса, для надѣльной земли при съемѣ цѣлыми надѣлами и подесятинной. Въ видѣ примѣра также нѣсколько односторонней разработки—очень полной въ однихъ направленіяхъ и дефектной въ другихъ, можно привести еще сборники 2-ой переписи по Таврической губерніи. Здѣсь совершенно не дается расчлененія аренды по видамъ арендуемой земли—очень вѣроятно, что такой пробѣлъ въ разработкѣ является результатомъ очень смѣшаннаго характера населенія губерніи, при которомъ различіе между надѣльною и частноправною землею утрачиваетъ большую долю своего значенія, зато дается расчлененіе по типамъ аренды и по видамъ пользованія. Основныхъ рубрикъ три: за деньги, изъ доли урожая, прочія условія,—по каждой изъ нихъ даются графы: всего заарендовано десятинъ, изъ нихъ удобной, пашни, въ томъ числѣ посѣва, пара, сѣнокоса, прочей удобной,—для аренды изъ доли урожая дается сверхъ того подрубрика «приходится на долю арендатора», съ тѣми же подраздѣленіями, благодаря чему является возможность не только описательнымъ, но и точнымъ количественнымъ путемъ опредѣлить господствующій типъ испольной аренды. Затѣмъ, есть еще четвертая основная рубрика, разработанная, однако, очень недостаточно—аренда подъ спеціальныя культуры, гдѣ дается лишь число арендаторовъ и число заарендованныхъ десятинъ.

Однако, уже въ самомъ раннемъ періодѣ земскихъ статистическихъ изслѣдованій мы встрѣчаемся уже и съ болѣе исчерпывающею разработкой вопроса объ арендѣ и сдачѣ въ формулярахъ и сборникахъ земскихъ подворныхъ переписей. Такъ, въ первомъ по времени формулярѣ карточнаго типа—въ карточкѣ по Острогожскому уѣзду, переписанному въ 1885 г., вопросъ объ арендѣ занимаетъ почти двѣ трети оборотной стороны листка. Отведенное этому вопросу пространство раздѣлено на двѣ широкихъ вертикальныхъ рубрики: внѣнадѣльной—

съ подраздѣленіями «у кого, десятинъ—озимаго, ярового сѣнокоса», и надѣльной, съ подраздѣленіями «гдѣ, десятинъ—озимаго, ярового, сѣнокоса, душъ»; затѣмъ, особыя широкія горизонтальныя подраздѣленія, разсчитанныя на индивидуализированныя записи отведены для каждаго изъ типовъ годичной аренды: за деньги, за отработки, изъ части, а особая подрубрика «какой» позволяетъ регистрировать и условія издольной аренды каждаго изъ трехъ видовъ угодій Затѣмъ, особое горизонтальное подраздѣленіе отведено для долгосрочной аренды, гдѣ, однако, уже не дается подраздѣленія по видамъ пользованія, а имѣются лишь рубрики: десятинъ—срокъ—на сумму. Вопросъ объ арендѣ разработанъ, такимъ образомъ, вполнѣ детально, напротивъ, вопросамъ о сдачѣ (надѣльной земли) и пересдачѣ отведено лишь очень немного мѣста и притомъ безъ всякаго расчлененія,—очевидно, что эти стороны общаго вопроса объ арендѣ въ то время лишь очень мало интересовали статистиковъ. Пересдача оставлена безъ вниманія и въ формулярахъ по Владимірской губерніи,—въ остальномъ вопросъ объ арендѣ разработанъ здѣсь съ исчерпывающею детальностью. Для надѣльной земли имѣются четыре отдѣльныя рубрики: сдача надѣла однообщинникамъ, чужимъ, наемъ надѣла у однообщинниковъ, въ чужихъ общинахъ; въ каждой рубрикѣ проведено, въ вертикальныхъ графахъ, расчлененіе по сроку и по виду пользованія: «на года» —пашни и покоса и «на 1 годъ» подъ озимое, подъ яровое, покосъ, для найма въ чужихъ общинахъ имѣется еще рубрика «въ какихъ общинахъ»; въ горизонтальныхъ графахъ—наемъ цѣлыхъ душъ, подесятинно, условія подесятинной аренды. Аналогичныя по существу рубрики имѣются и для найма внѣнадѣльной земли: гдѣ и у кого,—на года и на 1 годъ, съ подраздѣленіемъ по тѣмъ же видамъ пользованія, какъ и для надѣльной аренды, условія (на сумму въ годъ и пр.). Выносныя клѣтки для надѣльной аренды разсчитаны по каждой изъ указанныхъ выше четырехъ основныхъ рубрикъ, на подсчетъ, расчлененный только по сроку и по виду пользованія, но не по формѣ аренды, для внѣнадѣльной въ выносныхъ клѣткахъ проведено расчлененіе, прежде всего, по сроку, затѣмъ для одногодичной аренды—по формѣ: денежной, изъ части и за отработки, затѣмъ по виду пользованія, причемъ для денежной аренды дается, кромѣ количества десятинъ, и сумма арендной платы, для издольной—доля арендатора, для долгосрочной аренды, носящей исключительно денежный характеръ, дается только число десятинъ, срокъ аренды и годовая плата. Что касается до формуляровъ новѣйшихъ земскихъ переписей, то въ какой-либо мѣрѣ исчерпать встрѣчающіеся въ нихъ разнообразные пріемы исчерпывающей разработки вопроса объ арендѣ нѣтъ никакой возможности. Приведу лишь два примѣра—формуляры по Харьковской и по Смоленской губерніямъ. Въ первомъ отведенное для первоначальныхъ индивидуализированныхъ записей пространство раздѣлено на три основныхъ горизонтальныхъ рубрики: аренда—сдача—пересдача, въ вертикальныхъ же графахъ ставятся такіе вопросы: у кого арендуетъ или кому сдаетъ, гдѣ, на какой срокъ, подо что, сколько, за какую плату, одинъ или съ товарищами,—сверхъ того еще особая графа «примѣчаніе». Постановка вопроса для первоначальныхъ записей, такимъ образомъ, не слишкомъ расчлененная и оставляющая полный просторъ для конкретизаціи. Напротивъ, выносныя клѣтки разсчитаны—впрочемъ, только для одной аренды—на весьма расчлененный подсчетъ. Основное подраздѣленіе здѣсь по сроку аренды: краткосрочная (1—2 года) и долгосрочная аренда; затѣмъ, по роду арендуемой земли подраздѣляются краткосрочная—на аренду у частныхъ владѣльцевъ, у постороннихъ крестьянъ и у своихъ крестьянъ; долгосрочная—у частныхъ владѣльцевъ, у крестьянъ и у казны (которая на краткіе сроки вовсе не сдаетъ!). Для краткосрочной аренды проводятся затѣмъ дальнѣйшія подраздѣленія—по формѣ аренды (за деньги, за отработки, изъ части и за подати) и по виду пользованія (озимое, яровое, два хлѣба, сѣнокосъ), и для каждой разновидности дается число десятинъ, для денежной—

сумма, для издольной—часть арендатора. Что касается до долгосрочной аренды, то указанное выше основное подраздѣленіе по роду владѣнія проведено только для господствующаго типа—денежной аренды; для каждаго изъ этихъ основныхъ подраздѣленій дается общее число десятинъ съ подраздѣленіемъ на единоличную и общую (съ товарищами), затѣмъ, число десятинъ каждаго вида угодій (пашня, сѣнокосъ, лѣсъ и пр.) и плата. Для очень мало распространенныхъ, при долгомъ срокѣ, формъ натуральной аренды выносныя графы разсчитаны лишь на вполнѣ суммарный подсчетъ: числа десятинъ пашни, сѣнокоса и прочихъ угодій Формуляръ по Смоленской губерніи являются примѣромъ такихъ, гдѣ вопросы и для первоначальныхъ индивидуализированныхъ записей ставятся въ гораздо болѣе расчлененномъ видѣ. Отведенное для записей объ арендѣ пространство представляетъ собой таблицу, разбитую на пять большихъ горизонтальныхъ рубрикъ: сдача надѣльной—купчей, аренда надѣльной—частновладѣльческой, пересдача. Затѣмъ, черезъ всѣ эти рубрики проходятъ вертикальные столбцы съ заголовками: названіе или мѣстонахожденіе арендуемаго или сдаваемаго участка (графа чисто-контрольнаго значенія!), чья земля, у кого арендуется, кому сдается (тоже); дальше идутъ графы для каждаго изъ основныхъ видовъ угодій—усадьбы, пашни и сѣнокоса, причемъ для каждаго вида ставится вопросъ о числѣ десятинъ или надѣловъ, для усадьбы—о характерѣ арендованной или сданной земли, для пашни—о видѣ пользованія (озимое, овесъ, другіе виды), для покоса—число накошенныхъ возовъ или пудовъ и видъ и качество покоса; наконецъ, подъ общимъ заголовкомъ «условія» даются двѣ отдѣльныхъ графы: одна для срока, другая—для платы, отработковъ или доли арендатора при арендѣ изъ части. Что касается до выносныхъ клѣтокъ, то онѣ и въ данномъ формулярѣ далеко не исчерпываютъ всего содержанія первоначальныхъ записей. такія клѣтки даются, прежде всего, только для сдачи и для внѣнадѣльной, но не для надѣльной аренды, та и другая подраздѣляется, прежде всего, по формѣ аренды (денежная, отработочная, изъ части, смѣшанная), сдача—сверхъ того по роду земли (надѣльная, купчая), затѣмъ, по каждой изъ получающихся такимъ образомъ десяти рубрикъ проводится расчлененіе на долгосрочную и краткосрочную, и для каждаго изъ получающихся такимъ образомъ двадцати подраздѣленій дается только число десятинъ пашни—покоса—удобной земли.

Еще менѣе, нежели разнообразіе формуляровъ, возможно исчерпать чрезвычайное разнообразіе разработки вопроса объ арендѣ въ новѣйшихъ статистическихъ сборникахъ. И здѣсь придется ограничиться лишь немногими взятыми болѣе или менѣе наудачу примѣрами, причемъ не лишнее будетъ сейчасъ же оговориться, что тѣ мѣстныя различія въ характерѣ крестьянскихъ арендъ, о которыхъ мнѣ приходилось говорить на предыдущихъ страницахъ, почти не отражаются на разработкѣ вопроса объ арендѣ въ статистическихъ сборникахъ. Возьмемъ, въ видѣ перваго примѣра, Владимірскіе сборники. Здѣсь основныя рубрики: аренда внутри общины (очевидно, покрывающаяся въ итогахъ съ сдачей земли однообщественникамъ!), сдача въ чужую общину, аренда въ чужой общинѣ, сдача купчей земли, аренда внѣнадѣльной земли, послѣдняя съ подраздѣленіемъ на денежную и испольную либо отработочную, съ показаніемъ для послѣдней доли арендаторовъ. По каждой изъ этихъ основныхъ рубрикъ проводится подраздѣленіе по сроку—аренда на годъ и на года, по угодьямъ—пашни (при годовой арендѣ съ подраздѣленіемъ подъ озимь и подъ яровое) и покоса, по общественному или единоличному характеру аренды или сдачи. Въ концѣ дается общее число арендующихъ дворовъ, въ томъ числѣ безнадѣльныхъ, иначе сказать, ведущихъ хозяйство исключительно на арендованной землѣ. Въ общемъ такая разработка достаточно полна,—нельзя не отмѣтить, однако, весьма существеннаго—въ условіяхъ одной изъ наиболѣе промышленныхъ губерній—пробѣла: отсутствія особой рубрики для съемки надѣльной земли полными душевыми надѣ-

лами, которая, такимъ образомъ, лишь подразумѣвается въ общихъ цифрахъ усчитанной по числу десятинъ пашни и покоса надѣльной аренды и сдачи. Этого пробѣла мы не встрѣчаемъ, напримѣръ, въ сборникѣ по Мышкинскому уѣзду (Яросл. губ.), который и вообще, не впадая въ чрезмѣрную подробность, принадлежитъ къ числу лучшихъ по разработкѣ данныхъ объ арендѣ. Здѣсь, напротивъ, надѣльная аренда какъ въ своей, такъ и въ чужой общинѣ, разсматривается главнымъ образомъ подъ угломъ зрѣнія передачи ц ѣ л ы х ъ д у ш ъ: для той и другой дается, прежде всего, число душъ и въ нихъ—десятинъ земли, затѣмъ—количество снятыхъ подесятинно пашни и покос ; затѣмъ уже, только для д у ш е в о й съемки, проведено подраздѣленіе по сроку (на годъ, на года) и по формѣ оплаты (за деньги, за повинности, прочія условія). Внѣнадѣльная аренда подраздѣляется, прежде всего, на годовую и долгосрочную, та и другая—на общественную и товарищескую; для каждаго изъ этихъ видовъ дается число арендующихъ хозяйствъ, число десятинъ пашни, покоса, смѣшанныхъ угодій. Въ концѣ, какъ и по Владимірской губерніи, дается общее число всѣхъ арендующихъ дворовъ и количество всѣхъ арендуемыхъ ими десятинъ, независимо отъ разновидностей аренды; передача—опять-таки, число передающихъ хозяйствъ и количество передаваемой земли, и, наконецъ, мірская аренда выгоновъ, причемъ для случаевъ, гдѣ заарендованы подъ выгонъ опредѣленныя площади, дается число десятинъ, для случаевъ, гдѣ пріобрѣтается право на выпасъ безъ указанія опредѣленной площади—общая сумма уплаченныхъ за выпасъ денегъ. Сходна, въ общемъ, разработка данныхъ объ арендѣ въ Екатеринославскихъ сборникахъ, за исключеніемъ однако вопроса о съемѣ цѣлыхъ душъ, который въ данной мѣстности, повидимому, не имѣетъ существеннаго значенія и потому отсутствуетъ. Основное подраздѣленіе здѣсь—на надѣльную аренду, въ томъ числѣ въ своей общинѣ и въ чужихъ общинахъ, и на аренду у частныхъ владѣльцевъ; по каждой изъ этихъ трехъ основныхъ рубрикъ проведено подраздѣленіе по формѣ аренды (за деньги, изъ части) и по виду пользованія (пашни, сѣнокоса, толоки) и особо показано количество земли, поступившей въ передачу. Характерною особенностью Екатеринославскихъ сборниковъ является даваемая ими отдѣльная группировка по к о л и ч е с т в у а р е н д у е м о й з е м л и (дворы съ арендой до 1 дес.,—3,—5,—10,—15,—25,—50, болѣе 50 дес.), выясняющая распространенность разныхъ типовъ аренды, поскольку таковые характеризуются площадью снимаемой хозяйствомъ земли.

Максимальной детальности разработка вопроса объ арендѣ достигаетъ, наконецъ, въ сборникахъ по Вяземскому (Смол. губ.) и Грязовецкому (Волог. губ.) уѣздамъ. Если взять для примѣра первый изъ нихъ, то здѣсь дается, сначала, сдача, и прежде всего—сдача земли м і р о м ъ: въ своемъ обществѣ—долгосрочная за подати, за денежную плату, краткосрочная за денежную, за натуральную плату; сдача въ чужое общество—только денежная, съ подраздѣленіемъ по сроку; для каждаго изъ этихъ видовъ мірской сдачи дается количество пашни, покоса, всей удобной. Затѣмъ идетъ сдача н а д ѣ л ь н о й земли отдѣльными домохозяевами, съ основнымъ подраздѣленіемъ на сдающихъ въ своей общинѣ и въ чужія общины; для первой изъ этихъ основныхъ разновидностей проводится раздѣленіе на сдающихъ всю землю—часть земли, для каждой изъ этихъ двухъ рубрикъ—дальнѣйшее подраздѣленіе по сроку, затѣмъ еще по формѣ: для долгосрочной—за подати, за денежную, за натуральную плату, для краткосрочной—за денежную и натуральную; для каждаго изъ получающихся мелкихъ подраздѣленій дается число домохозяйствъ, количество десятинъ пашни, покоса, всей удобной. Тѣ же данныя приводятся и для сдачи въ чужую общину, только безъ выдѣленія сдачи всей и части надѣльной земли. Затѣмъ идетъ сдача к у п ч е й земли—сравнительно въ очень суммарномъ видѣ, именно съ подраздѣленіемъ только на сдачу въ своей и въ чужія общины. Весьма детально разработана и аренда—

впрочемъ лишь единоличная; общественная аренда учитывается въ одной лишь формѣ—въ данной мѣстности единственной, имѣющей реальное значеніе: аренды міромъ пастбищъ, отдѣльно по пяти различающимся въ условіяхъ данной мѣстности категоріямъ. Что касается до единоличной аренды, то здѣсь дается, прежде всего, общій подсчетъ в с е й аренды пашни, сѣнокоса, пашни вмѣстѣ съ сѣнокосомъ; для каждаго вида угодій и для ихъ комбинаціи проводится раздѣленіе на долгосрочную и краткосрочную, для каждаго изъ этихъ видовъ аренды—на денежную, натуральную и смѣшанную. Затѣмъ разсматриваются отдѣльно надѣльная аренда и аренда частновладѣльческихъ земель. Для первой проводится, прежде всего, подраздѣленіе на аренду въ своей и въ чужой общинѣ, затѣмъ идутъ подраздѣленія по сроку—на долгосрочную и краткосрочную, по формѣ—за подати, за деньги, за натуральную и смѣшанную плату; для каждаго изъ получающихся мелкихъ подраздѣленій дается, опять, количество десятинъ пашни, покоса, всей удобной. Съ тѣми же подраздѣленіями, кромѣ конечно аренды «за подати», разработана и аренда частновладѣльческихъ земель, а затѣмъ приводятся данныя о пересдачѣ, съ подраздѣленіемъ на пересдачу въ свою и въ чужія общины и съ показаніемъ числа пересдатчиковъ и площади пашни, покоса и всей удобной земли. Какъ было упомянуто, Вяземскій, а тѣмъ болѣе еще болѣе подробный Грязовецкій, сборники достигаютъ максимума детальности, впадаютъ даже въ чрезмѣрную детальность разработки вопроса объ арендѣ. Послѣдовательно проводимый принципъ комбинированной разработки (см. стр. XX) по всей совокупности перечисленныхъ признаковъ даетъ, въ результатѣ, огромное количество графъ, которыя въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ остаются пустыми. Стремленіе избѣжать такого избытка детальности, а вмѣстѣ съ тѣмъ принять въ разсчетъ каждый изъ существенныхъ признаковъ, опредѣляющихъ характеръ аренды, привелъ составителей выпущенныхъ въ самое послѣднее время сборниковъ—по Тульской губерніи, къ противуположной крайности: въ этихъ сборникахъ данныя объ арендѣ разработаны по всѣмъ тѣмъ-же, только что перечисленнымъ признакамъ, но не въ комбинированной, а въ п р о с т о й разработкѣ, т. е. совершенно независимо другъ отъ друга.

Какъ выше было отмѣчено, надѣльная земля, въ совокупности съ купленною крестьянами на частномъ правѣ, составляетъ все крестьянское з е м л е в л а д ѣ н і е; землевладѣніе, за присоединеніемъ къ нему заарендованной и за вычетомъ сданной въ аренду земли, составляетъ крестьянское з е м л е п о л ь з о в а н і е. Какъ было тоже отмѣчено, в с е землевладѣніе, какъ совокупность надѣльной и купленной на частномъ правѣ земли, далеко характернѣе для современнаго положенія отдѣльнаго крестьянина, селенія, волости, всего крестьянства уѣзда, губерніи или цѣлой страны, нежели одно только н а д ѣ л ь н о е землевладѣніе. З е м л е п о л ь з о в а н і е еще характернѣе, особенно для мѣстностей съ общиннымъ землевладѣніемъ, гдѣ надѣльная земля неотчуждаема, и гдѣ, поэтому, сдача и аренда являются коррективами къ установленному на тѣхъ или другихъ, в н ѣ э к о н о м и ч е с к и х ъ основаніяхъ (ревизія, передѣлъ), распредѣленію земли, способами приведенія распредѣленія земли въ соотвѣтствіе съ д ѣ й с т в и т е л ь н о ю э к о н о м и ч е с к о ю силою наличныхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Естественно, что статистическіе сборники, нерѣдко, не ограничиваются подсчетомъ н а д ѣ л ь н о й з е м л и, но даютъ, кромѣ того, и подсчеты по в с е м у з е м л е в л а д ѣ-

нію, или по всему землепользованію, или по тому и по другому рядомъ. Не менѣе естественно, что такіе подсчеты появляются главнымъ образомъ въ болѣе новыхъ сборникахъ, ибо должно было пройти болѣе или менѣе значительное время съ момента первоначальнаго надѣленія крестьянъ, чтобы, съ одной стороны, достаточно назрѣла самая потребность въ указаннаго рода коррективахъ, а съ другой—чтобы покупка и аренда земли успѣли пріобрѣсти достаточно видное мѣсто въ экономіи крестьянскаго хозяйства.

Въ видѣ примѣра учета одного только землевладѣнія въ широкомъ смыслѣ слова, можно привести поселенныя таблицы по Пензенской губерніи, гдѣ дается одна лишь общая цифра: «итого десятинъ», безъ подраздѣленія по угодьямъ. Въ видѣ примѣровъ учета одного только землепользованія можно привести сборникъ по Вяземскому уѣзду (Смол. губ.), гдѣ даются отдѣльно цифры пашни—посѣва—сѣнокоса; для каждаго изъ этихъ видовъ пользованія—на своей надѣльной, на арендованной и «итого», на той и другой вмѣстѣ (очевидно за вычетомъ сданной за предѣлы каждой данной общины); или сборники повторной переписи по Таврической губерніи, гдѣ дается «площадь землепользованія» (съ поясненіемъ, что это значитъ своя земля плюсъ арендованная минусъ сданная), съ болѣе детальнымъ подраздѣленіемъ по угодьямъ и видамъ пользованія: пашни, въ томъ числѣ посѣва, пара, подъ постройками, подъ спеціальными культурами, сѣнокоса, прочей удобной. Въ видѣ примѣра учета землевладѣнія рядомъ съ землепользованіемъ можно привести принадлежащіе къ числу новѣйшихъ сборники по Тульской губерніи. Здѣсь дается сначала учетъ землевладѣнія съ распредѣленіемъ а) по роду и формѣ землевладѣнія—душевая, выкупленная, укрѣпленная (по новому закону!), въ томъ числѣ въ отрубахъ, четвертная, купчая, тоже съ выдѣленіемъ отрубной, и б) по угодьямъ: пашня, сѣнокосъ, выгонъ—каждый изъ этихъ видовъ угодій съ подраздѣленіемъ на эксплоатируемый и не эксплоатируемый; усадьба, лѣсъ, кустарникъ, не распредѣленная. Затѣмъ дается учетъ пользованія въ слѣдующемъ детальномъ расчлененіи: сдача земли—надѣльной, купчей, всей число сдающихъ домохозяйствъ, сдано пашни, покоса, всей; аренда надѣльной, внѣнадѣльной, съ показаніемъ числа арендующихъ хозяйствъ и съ расчлененіемъ по формѣ аренды, по угодьямъ, по сроку и по способу оплаты; пересдача, число хозяйствъ, эксплоатирующихъ свою надѣльную, купчую, арендованную пашню; тоже для сѣнокоса; число десятинъ «пользованія» наличныхъ хозяйствъ—пашни, посѣва, сѣнокоса, удобной, съ подраздѣленіемъ на надѣльную, купчую и арендованную; группировка наличныхъ хозяйствъ по площади посѣва—безпосѣвные, съ посѣвомъ до 1,—2,—3,—4,—5,—6,—8,—10,—15, болѣе 15 дес.

Изъ такого рода подсчетовъ выводятся наиболѣе соотвѣтствующія, очевидно, реальной дѣйствительности среднія цифры земельнаго обезпеченія, могущія служить основаніемъ для общихъ сужденій и для сравненія, въ данномъ отношеніи, разныхъ мѣстностей или группъ населенія. Гораздо важнѣе, однако, не такого рода суммарные итоговые подсчеты, а группировки, какъ по землевладѣнію, такъ и по землепользованію, позволяющія уловить распредѣленіе населенія между характерными въ данномъ отношеніи типами. Такого рода группировки, и только онѣ однѣ, могутъ дать матеріалъ для опредѣленнаго и фактически обоснованнаго отвѣта на огромной важности вопросъ: способст-

вуютъ ли покупка крестьянами земли и аренда, въ ея двустороннемъ проявленіи, уравненію крестьянской массы въ отношеніи размѣровъ пользованія землею, или напротивъ—онѣ ведутъ къ дифференціаціи, къ усиленію разслоенія крестьянства, къ умноженію и укрѣпленію крестьянской буржуазіи, съ одной стороны, и оторваннаго или постепенно отрывающагося отъ земли пролетаріата, съ другой. Изъ всего сказаннаго въ настоящей и въ предшествующей главахъ ясно, что въ отдѣльныхъ случаяхъ и категоріяхъ случаевъ и покупки, и аренда могутъ носить и такой, и иной характеръ,—могутъ вести и къ такимъ, и къ обратнымъ послѣдствіямъ. Если говорить о покупкахъ, то, съ одной стороны, мы имѣемъ предъ собою покупки чрезъ крестьянскій банкъ, вообще болѣе или менѣе мелкія крестьянскія покупки, способствующія расширенію крестьянскаго трудового землевладѣнія, иначе сказать нивеллировкѣ: съ другой—болѣе крупныя покупки, болѣе или менѣе рѣзко выраженнаго капиталистическаго типа, способствующія усиленію «верховъ» крестьянства, а облегченныя новѣйшимъ законодательствомъ продажи крестьянской надѣльной земли, несомнѣнно, въ той или другой своей части являются способомъ пролетаризаціи крестьянъ. Если говорить объ арендѣ, то достаточно напомнить о существованіи такихъ двухъ ея рѣзко различныхъ по существу, хотя и не разграниченныхъ рѣзкою демаркаціонною линіею, типахъ, какъ аренда капиталистическая, съ одной стороны, и трудовая, съ ея продовольственною разновидностью, съ другой. Каковъ же, спрашивается, конечный результатъ всѣхъ этихъ, нерѣдко очень трудно различимыхъ или вовсе неразличимыхъ по внѣшней формѣ, но по существу столь различныхъ процессовъ? «Вычислить» этотъ результатъ дедуктивнымъ путемъ, на основаніи какихъ-либо апріорныхъ соображеній, нѣтъ возможности. Сколько-нибудь исчерпывающимъ фактическимъ матеріаломъ мы тоже не располагаемъ,—не мудрено, что тотъ конечный результатъ, который насъ интересуетъ въ данную минуту, остается очень мало выясненнымъ, и что на вопросъ о вліяніи покупокъ и арендъ на экономическое и соціальное расчлененіе крестьянства даются самые разнообразные, нерѣдко діаметрально противоположные отвѣты. «Покупка земли въ личную собственность—говоритъ Н. А. Каблуковъ въ своей монографіи, помѣщенной въ коллективномъ трудѣ «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ»—какъ это и подтверждаютъ составители земско-статистическихъ сборниковъ, производится по преимуществу и безъ того достаточными крестьянами. Слѣдовательно, личное землевладѣніе не увеличиваетъ группу достаточныхъ крестьянъ, а лишь увеличиваетъ размѣры ихъ достатка—иначе сказать, способствуетъ вящему обостренію существующаго въ крестьянской средѣ имущественнаго неравенства». Однако, послѣ только что сказаннаго мною ясно, что такой взглядъ на значеніе крестьянскихъ земельныхъ покупокъ является одностороннимъ; тѣмъ болѣе односторонним является аналогичный взглядъ по отношенію къ арендѣ. Другую

сторону выдвигаетъ П. А. Вихляевъ, въ примѣненіи, впрочемъ, къ одной лишь губерніи—Тверской: «покупка земли—говоритъ онъ—(и подобнымъ же образомъ, конечно, и аренда) имѣетъ тенденцію уровнять размѣры землевладѣнія и землепользованія». Такое же нивеллирующее вліяніе покупокъ и арендъ устанавливаетъ Н. Н. Сухановъ, въ уже извѣстной намъ монографіи «Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства» [1]), и для такихъ, тоже типично промышленныхъ, нечерноземныхъ губерній, какъ Владимірская или Ярославская. Отсылая за подробностями къ названной монографіи, преведу здѣсь лишь нѣсколько характерныхъ цифръ по одному изъ уѣздовъ Владимірской губерніи—Александровскому. Въ группахъ съ надѣломъ отъ 1 до 3, съ 5—10, съ 15—20 и свыше 25 дес. (промежуточныя группы опущены), посѣвъ на надѣльной землѣ составляетъ здѣсь 75—83—92—94%; на купчей землѣ 0—3,2—1—0,6%; на арендованной землѣ 25—14—7,2—5,8%. Роль купчей земли, такимъ образомъ, вообще ничтожна; роль арендованной уменьшается съ переходомъ къ многонадѣльнымъ группамъ, и, значитъ, аренда, въ массѣ, только восполняетъ недостатокъ въ надѣльной землѣ: «на купчей и арендованной землѣ сѣютъ главнымъ образомъ малонадѣльные крестьяне, хозяева же, достаточно обезпеченные надѣльною землею, болѣе не «собираютъ» земли». Но уже въ такихъ полупромышленныхъ губерніяхъ какъ Смоленская или Калужская, наблюдается нѣсколько иное. Такъ, въ Вяземскомъ уѣздѣ, Смол. губ., въ группахъ хозяйствъ съ площадью посѣва до 3-хъ, съ 3—9 и свыше 9 дес., посѣвы на надѣльной землѣ составляютъ 84—74,5—57%, на купчей 7,3—9,7—18,9%, на арендованной 8,6—16—24%. Купчая земля, значитъ, играетъ гораздо большую роль, а главное—процентъ посѣва какъ на купчей, такъ и на арендованной землѣ замѣтно возрастаетъ съ переходомъ отъ малопосѣвной къ многосѣющей группѣ. Значитъ, покупка и аренда до нѣкоторой степени восполняютъ, у бѣднѣйшихъ, недостатокъ надѣльной земли. но въ гораздо большей мѣрѣ способствуютъ увеличенію достатка верхнихъ слоевъ крестьянства. Но такъ какъ средній на одно хозяйство размѣръ посѣвной площади и въ многопосѣвной группѣ не превышаетъ 11,2 дес., то, очевидно, и здѣсь еще нельзя говорить о покупкѣ земли и арендѣ, какъ факторахъ, создающихъ капиталистическое земледѣліе. Уже болѣе рѣзко выраженную картину предоставляетъ тоже полупромышленная, но вмѣстѣ съ тѣмъ лежащая уже на границѣ черноземной полосы, Нижегородская губернія. Для двухъ уѣздовъ этой губерніи, Макарьевскаго и Княгининскаго, имѣются подсчеты, проведенные по «лошаднымъ» группамъ. Вотъ результаты этихъ подсчетовъ:

---

[1]) Къ сожалѣнію, я не могъ использовать здѣсь его же чрезвычайно интересной работы «О Типахъ крестьянской аренды», напечатенной въ журналѣ «Современникъ» за 1912 г.

группы:	% хозяйствъ съ купч. землей		Купч. земли на 1 дворъ		% двор. съ внѣнад. арендой		На 100 дес. надѣл. пашни арендовано	
	Княг.	Макар.	Княг.	Мак.	Княг.	Мак.	Княг	Макар.
Безлош.	4,1	14,6	0,1	0,4	7,0	14,0	1,3	6,6
съ 1 лош.	8,3	21,0	0,7	0,7	33	42	4,9	24
» 2 »	14	31	1,1	1,3	50	58	11	41
» 3 »	18	42	1,4	4,1	53	62	18,5	48
» 4 и безъ	20,5	51,5	5,3	12	50	60	25	53

Рѣзко проявляющееся въ проведенныхъ цифрахъ различіе между уѣздами не представляетъ для насъ особаго интереса: въ Княгининскомъ, болѣе черноземномъ, и покупка, и аренда земли играютъ гораздо болѣе важную роль, нежели въ Макарьевскомъ. Групповыя различія идутъ въ томъ же направленіи, какъ въ Смоленской или Калужской губерніяхъ: и процентъ покупающихъ и арендующихъ хозяйствъ, и среднее количество купчей земли, и процентъ посѣва на внѣнадѣльной арендѣ рѣзко возрастаютъ отъ безлошадной къ наиболѣе состоятельной группѣ: средніе размѣры купленныхъ участковъ, совершенно ничтожные въ нисшихъ группахъ, и въ среднихъ группахъ очень незначительны и лишь въ малой мѣрѣ могутъ воспомнить недостатокъ надѣльной земли; въ высшей группѣ, особенно въ Княгининскомъ уѣздѣ, они уже настолько велики, что позволяетъ заключать о наличности нѣкоторой доли хозяйствъ, «собирающихъ» землю въ болѣе значительныхъ количествахъ,—и это заключеніе находитъ себѣ подкрѣпленіе въ значительномъ процентѣ посѣва на арендованной внѣнадѣльной землѣ. По сопоставленію же съ данными о наймѣ рабочей силы получается опредѣленный выводъ, что «гдѣ есть для того благопріятныя прочія условія, капитализмъ, очевидно, умѣетъ пробить себѣ дорогу, несмотря на незначительное количество земли, сконцентрированный естественнымъ способомъ».

Возьмемъ еще одну мѣстность, лежащую на границѣ черноземной и нечерноземной полосы или точнѣе—на сѣверной окраинѣ первой—Красноуфимскій уѣздъ, Пермской губерніи. Въ группахъ по общему размѣру обрабатываемой площади (до 5,—10,—20,—50, болѣе 50 дес.) процентъ дворовъ, арендующихъ землю, получился такой: 0—20—34—61—87—93%, средній размѣръ арендуемой площади 0,7—1,0—1,8—4,4—14—40 десятинъ,—«арендуютъ, говоритъ, г. Сухановъ тѣмъ чаще и тѣмъ больше, чѣмъ больше имѣютъ надѣльной земли; аренда и собираніе земли имѣютъ (конечно только въ верхнихъ группахъ!) явно не продовольственный, а предпринимательскій характеръ,—мало того: аренда является здѣсь основнымъ фондомъ, за счетъ котораго развивается земледѣліе капиталистическаго типа». Еще ярче—какъ и можно было предвидѣть—подобное значеніе купчихъ и арендованныхъ земель про-

является въ южныхъ и юго-восточныхъ, степныхъ губерніяхъ, Вотъ характерныя цифры по Новоузенскому, самому многоземельному уѣзду Самарской губерніи, въ группахъ по обезпеченности робочимъ скотомъ:

Группы:	Средній посѣвъ на 1 дворъ	% дворовъ съ землею		На 1 дворъ десятинъ	
		купчею внѣнадѣл.	арендов.	купчей	арендованн.
безъ раб. скота.	2,1	0,02	2,4	100	1,7
съ 1 гол.	5,0	—	10,5	—	2,5
» 2—3 »	10,2	0,02	20	93	3,8
» 4 »	16	0,07	28	29	6,6
» 5—10 »	25	0,1	30	101	14
» 10—20 »	53	1,4	46	151	54
» 20 и бол.	149,5	8,2	66	1254	342

Здѣсь явно капиталистическій характеръ концентраціи земли бросается въ глаза съ перваго же взгляда. Въ частности, покупки земли даже въ нисшихъ группахъ, гдѣ онѣ встрѣчаются вообще лишь въ единичныхъ случаяхъ, являются не нивеллирующимъ, а выявляющимъ капиталистическую дифференціацію факторомъ; тѣмъ болѣе, конечно, въ высшихъ, гдѣ онѣ создаютъ то, что можно назвать помѣщиками крестьянскаго сословія. Аренда, довольно распространенная уже въ нисшихъ, тѣмъ болѣе въ среднихъ группахъ, носитъ здѣсь въ той или другой мѣрѣ трудовой характеръ, восполняя недостачу надѣльной земли, въ высшихъ же и въ особенности, конечно, въ самой высшей группѣ и она принимаетъ рѣзко-капиталистическій характеръ. Нѣчто сходное находимъ и въ характерной для степного юга Таврической губерніи— «концентрація средствъ производства происходитъ и здѣсь активно, на чисто экономической основѣ».

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, что вопросъ о нивеллирующемъ или, наоборотъ, дифференцирующемъ въ массѣ, вліяніи купчихъ и арендуемыхъ крестьянами земель, не можетъ быть разрѣшенъ какою либо единообразною для всей страны формулой. Ни работы Н. Н. Суханова, ни являющаяся цѣннымъ дополненіемъ къ ней работа Б. Н. Книповича «Къ вопросу о дифференціаціи русскаго крестьянства» далеко не даютъ исчерпывающаго фактическаго освѣщенія даннаго вопроса. Но едва ли будетъ ошибкою сказать, что въ промышленно-нечерноземной полосѣ покупка (поскольку покупаются сельскохозяйственныя угодья) и аренда крестьянами внѣнадѣльныхъ земель являются если не исключительно, то во всякомъ случаѣ преимущественно способами восполненія недостатка въ надѣльной землѣ и способствуютъ нѣкоторому уравненію землевладѣнія и землепользованія. Чѣмъ дальше вглубь черноземной полосы, и въ особенности

вглубь степей, тѣмъ въ большей мѣрѣ покупка и аренда становятся, наоборотъ, дифференцирующимъ факторомъ, тѣмъ болѣе выступаютъ впередъ аренды и особенно покупки рѣзко выраженнаго капиталистическаго типа.

Нельзя не замѣтить здѣсь же, что статистическое выясненіе только что разсмотрѣннаго нами вопроса, какъ и всего вообще, болѣе широкаго вопроса о совершающихся въ крестьянской средѣ процессахъ дифференціаціи или, наоборотъ, нивеллировки, встрѣчаетъ огромныя чисто-техническія трудности. Эти трудности могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ пунктамъ. Первый—весьма ограниченная сравнимость или, лучше сказать, рѣшительная несравнимость тѣхъ единицъ, которыми приходится измѣрять какъ крестьянское землевладѣніе и землепользованіе, такъ и, говоря общѣе, крестьянское благосостояніе, крестьянскую хозяйственную силу. «Десятина земли» на сѣверѣ, гдѣ подъ культуру поступаетъ лишь незначительная часть находящейся во владѣніи или пользованіи населенія земельной площади, или на юго-востокѣ, гдѣ еще ведется переложное хозяйство, а значительная часть земельной площади эксплоатируется подъ скотоводство, значитъ совершенно не то, что десятина земли въ черноземномъ центрѣ, гдѣ распахивается три четверти, четыре пятыхъ или даже еще большая доля всей наличной площади крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, и тѣмъ болѣе не то, что въ юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ, при такой же приблизительно степени распаханности, производительность и доходность земли значительно повышена болѣе интенсивнымъ характеромъ хозяйства. Менѣе неудобосравнимою является такая единица, какъ «десятина посѣва»,—но и здѣсь очень далеко до полной сравнимости: десятина посѣва на сѣверѣ Вологодской или Пермской губерніи, гдѣ производительность усиленно удобряемой почвы поддерживается или даже повышается за счетъ обширной площади кормовыхъ угодій, или на юго-западѣ, гдѣ тотъ же эффектъ достигается путемъ интенсификаціи хозяйства и въ частности—введенія плодосмѣна, стоитъ нѣсколькихъ десятинъ въ Самарской или Херсонской губерніи, гдѣ успѣвшее уже, въ значительной мѣрѣ, истощить землю первобытное залежное хозяйство еще не начало сколько нибудь серьезно вытѣсняться способными поднять ея производительность, болѣе совершенными пріемами земледѣльческаго хозяйства, и т. д.. «Голова рабочаго скота» будетъ имѣть совершенно разное хозяйственное значеніе въ одной мѣстности, гдѣ работаютъ одноконною сохою или плугомъ и боронятъ въ одну борону, въ другой, гдѣ пашутъ дву- или трехконною вятскою или сибирскою сохою, и въ третьей, гдѣ работаютъ тяжелымъ «хохлацкимъ» плугомъ, требующимъ четырехъ, пяти, шести паръ быковъ или соотвѣтственнаго количества лошадей,—и значеніе этой единицы будетъ измѣняться съ переходомъ, напримѣръ, отъ болѣе тяжелыхъ бытовыхъ къ болѣе легкимъ заводскимъ пахатнымъ орудіямъ или, наоборотъ, съ переходомъ отъ поверхностной

къ болѣе усиленной обработкѣ земли. «Голова всякаго скота» въ переводѣ на крупный будетъ имѣть совсѣмъ разный смыслъ, смотря потому, ведется ли въ данной мѣстности экстенсивное степное, а тѣмъ болѣе кочевое скотоводство, или скотъ содержится главнымъ образомъ изъ-за навоза, или уже успѣло развиться доходное молочное хозяйство или какія-либо иныя отрасли рыночнаго скотоводческаго хозяйства.

Другая существенная трудность статистико-техническаго характера вытекаетъ изъ обычнаго пріема вычисленія среднихъ показателей землевладѣнія и землепользованія и изъ не менѣе обычнаго пріема построенія групповыхъ и комбинаціонныхъ таблицъ, долженствующихъ выяснить связь размѣровъ того и другого съ различными иными, количественно-измѣримыми, признаками крестьянскаго хозяйства: землевладѣніе и землепользованіе характеризуются количествомъ земли, состоящей во владѣніи либо пользованіи двора или хозяйства,—групповыя и комбинаціонныя таблицы строятся для болѣе или менѣе обширныхъ районовъ (волостей, уѣздовъ), обнимающихъ общины съ весьма различнымъ общимъ уровнемъ земельнаго обезпеченія. Значенія перваго изъ этихъ обстоятельствъ мнѣ уже приходилось касаться, когда я говорилъ объ условіяхъ, порождающихъ крестьянскія аренды (стр. 92—93): «дворъ» или «хозяйство» не есть однозначная, всегда себѣ равная величина: въ одномъ дворѣ можетъ быть всего двѣ—три души, въ томъ числѣ одинъ работникъ, даже ни одного; въ другомъ—8, 10, 12, 15 душъ при трехъ, четырехъ и болѣе работникахъ. Ясно, что пять десятинъ въ первомъ случаѣ могутъ быть вполнѣ достаточнымъ, во второмъ они будутъ явно недостаточнымъ земельнымъ обезпеченіемъ; 15 десятинъ въ первомъ случаѣ будутъ далеко превышать и потребительную норму, и рабочую способность данной семьи,— во второмъ онѣ будутъ едва достаточны для покрытія насущныхъ потребностей и совершенно недостаточны чтобы вполнѣ использовать рабочую силу двора; хозяйство двора въ первомъ случаѣ уже при какихъ нибудь 15—20 десятинахъ владѣнія или пользованія будетъ покоиться главнымъ образомъ на наемномъ трудѣ, слѣдовательно будетъ носить, въ болѣе или менѣе значительной долѣ, капиталистическій характеръ, во второмъ оно и при 30—40 десятинахъ будетъ, можетъ быть, всецѣло зиждиться на собственномъ трудѣ своей семьи, слѣдовательно будетъ совершенно лишено капиталистическаго характера [1]). Между тѣмъ, указанный, обычный пріемъ группировки дворовъ оставляетъ совершенно открытымъ вопросъ, какіе—многочисленные или малочисленные, сильные

---

[1]) Аналогичное разсужденіе примѣнимо и къ любому другому изъ тѣхъ признаковъ, какіе полагаются въ основу группировки крестьянскихъ хозяйствъ: посѣвной площади, рабочему скоту: значеніе одной или пяти лошадей, пяти или двадцати десятинъ посѣва будетъ, очевидно, совершенно не то при 2—3 ѣдокахъ и одномъ работникѣ въ семьѣ, нежели при 12—15 ѣдокахъ и 4—5 работникахъ.

или слабые по рабочему составу дворы попали въ каждую земельную и т. п. группу. Стоитъ сдѣлать предположеніе, что въ группу дворовъ съ большимъ количествомъ, напр. съ 20—25 дес., земли или посѣва попали болѣе или менѣе исключительно сильные дворы, съ 8, 10, 15 ѣдоками и 3, 4, 5 работниками, а въ группу дворовъ съ малымъ количествомъ земли или посѣва, положимъ съ 5—10 десятинами, болѣе или менѣе исключительно слабые дворы, съ 3, 4, 6 ѣдоками и съ однимъ работникомъ или даже безъ работника,—и дворы или хозяйства, попавшія въ будто бы изобильно обезпеченную землей либо посѣвомъ группу, окажутся фактически ничуть не лучше обезпеченными; иначе сказать—потребности ѣдока будутъ удовлетворяться и рабочая сила работника будетъ использоваться ничуть не большею площадью земли или посѣва, нежели въ группѣ съ меньшимъ на дворъ количествомъ земли или посѣва; хозяйство дворовъ, попавшихъ въ высшую группу, окажется не въ меньшей мѣрѣ покоющимся на собственномъ трудѣ семьи и, слѣдовательно, не въ большей мѣрѣ капиталистическимъ, нежели хозяйство дворовъ, попавшихъ въ нисшую группу. А между тѣмъ, такое предположеніе, уже по чисто апріорнымъ соображеніямъ, достаточно правдоподобно. Мы видѣли, въ самомъ дѣлѣ, въ 1-ой главѣ, что средній составъ семьи (а съ нимъ, очевидно, и средняя обезпеченность своею рабочею силой) правильно и довольно быстро растетъ вмѣстѣ съ посѣвною площадью. А если это такъ, то, значитъ, разница въ дѣйствительной обезпеченности землею или посѣвомъ,—въ обезпеченности тѣмъ либо другимъ ѣдока или работника,—во всякомъ случаѣ не можетъ быть столь рѣзкою, какъ это представляется при группировкѣ по количеству земли или посѣва, состоящихъ во владѣніи, пользованіи или эксплоатаціи двора или хозяйства. Какъ велика разница въ этой дѣйствительной обезпеченности, и есть ли вообще такая разница? не исчезнетъ-ли она окончательно, если внести поправки, вытекающія изъ указаннаго только что обстоятельства? Это вопросъ, имѣющій огромное принципіальное значеніе: рѣшить его въ ту или другую сторону—значитъ рѣшить вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы передъ собою на самомъ дѣлѣ, и въ какой мѣрѣ, дифференціацію болѣе или менѣе ясно выраженнаго капиталистическаго типа, или же, напротивъ, обнаруживающіяся при подворной группировкѣ различія сводятся, всецѣло или въ главной своей части, къ различіямъ въ потребительно-рабочемъ составѣ семьи, съ одной стороны требующимъ, а съ другой—допускающимъ увеличеніе размѣровъ крестьянскаго хозяйства: требующимъ ради покрытія пропорціонально большихъ потребительныхъ нуждъ семьи, допускающимъ за счетъ «своей» рабочей силы, безъ помощи наемной. Какъ мы видѣли выше, значеніе этого обстоятельства для вопроса объ арендѣ было подчеркнуто А. А. Чупровымъ и Н. А. Каблуковымъ; нѣкоторыя указанія въ томъ же направленіи мы находимъ въ работахъ Н. Н. и въ самое послѣднее время Б. Н.

Черненковыхъ, К. Р. Качоровскаго и Н. Н. Суханова,—но наиболѣе крупнымъ шагомъ впередъ къ выясненію даннаго вопроса являются, несомнѣнно, работы Г. И. Баскина по Самарской губерніи, именно по Самарскому и Ставропольскому уѣздамъ. Исходною точкой анализа Г. И. Баскина является—если взять сначала сборникъ по Самарскому уѣзду—обычная группировка дворовъ по посѣвной площади. При такой группировкѣ получается картина рѣзкой дифференціаціи населенія; въ частности получается довольно многочисленный слой хозяйствъ съ крупными запашками и со всѣми вообще признаками, повидимому говорящими о капиталистическомъ характерѣ хозяйства. Г. Баскинъ не останавливается, однако, на посѣвной группировкѣ. Чтобы устранить, элиминировать вліяніе тѣхъ различій въ потребительно-рабочемъ составѣ семьи, о которыхъ только что шла рѣчь, онъ даетъ еще другую группировку—по размѣрамъ семьи, «при которой возможно поставить въ непосредственную связь потребности семьи съ различными экономическими факторами хозяйства». Получаются такія, чрезвычайно характерныя, среднія на домохозяйство цифры:

Группы.	Ѣдоковъ.	Всего посѣва.	Въ томъ числѣ на землѣ:	
			надѣльн.	арендов.
до 4 душъ	2,8	3,5	2,0	1,5
5—8 «	6,3	7,7	3,5	4,2
9—13 «	10,2	13,8	4,8	9,0
бол. 13 «	16,1	31,0	6,4	24,6

Средніе размѣры посѣвной площади растутъ, такимъ образомъ. вмѣстѣ съ размѣрами семьи, но гораздо сильнѣе; ростъ запашки обусловливается, значитъ, не столько давленіемъ потребностей многочисленной семьи, сколько растущею далеко быстрѣе, чѣмъ число работниковъ (которое въ массѣ приблизительно пропорціонально размѣру семьи) совокупною ея рабочею производительностью. Дальше—средній размѣръ земельнаго обезпеченія тоже растетъ вмѣстѣ съ составомъ семьи, но значительно медленнѣе; значитъ, земельное обезпеченіе, съ переходомъ къ многосемейнымъ группамъ, оказывается все болѣе недостаточнымъ, и все большая, прогрессивно растущая, доля посѣва переносится на арендованную землю. Фактъ этотъ бросаетъ яркій свѣтъ на вопросъ о значеніи аренды и въ частности—крупныхъ арендъ, которыя, какъ оказывается, обусловливаются если не цѣликомъ, то въ значительной мѣрѣ, недостаточностью надѣльнаго обезпеченія многосемейныхъ хозяйствъ. Въ данную минуту насъ интересуетъ однако не эта, а другая сторона дѣла, которая сразу выясняется, если вычислить для тѣхъ же группъ средніе, но не на хозяйство, а на душу, коэф-

фиціенты. Средняя на душу посѣвная площадь выражается цифрами 1,23—1,23—1,35—1,93 дес., и значитъ, группировка хозяйствъ по составу семьи, «если считаться съ потребительнымъ составомъ семей, указываетъ на однородность хозяйствъ этихъ группъ, выдѣляя только послѣднюю группу, въ которую входятъ хозяйства, приближающіяся къ полутрудовому мелко-капиталистическому типу». Выводъ этотъ въ полной мѣрѣ подтверждается и другими, также приведенными къ потребительному составу семей, цифрами. Такъ, лошадей и коровъ, по разсчету на 100 душъ населенія, въ тѣхъ же группахъ оказывается: первыхъ 35—35—36—40, вторыхъ 29—22—21—21,—ничтожное преимущество многосемейныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многопосѣвныхъ, хозяйствъ въ лошадности болѣе чѣмъ уравновѣшивается перевѣсомъ малопосѣвныхъ въ количествѣ коровъ. Можно было бы, поэтому, усумниться даже въ «мелко-капиталистическомъ» характерѣ хозяйствъ этой группы, которая, мы видимъ, не обнаруживаетъ никакого избытка сельско-хозяйственнаго капитала. Столь далеко идущее сомнѣніе устраняется однако данными о наймѣ постоянныхъ рабочихъ: среднее число ихъ въ тѣхъ же группахъ, по разсчету также на 100 душъ, оказывается 0,9—1,1—1,0—2,5: рѣзко повышенное среднее число постоянныхъ рабочихъ является несомнѣннымъ доказательствомъ того, что хозяйства послѣдней группы носятъ, въ нѣкоторой долѣ, капиталистическій характеръ. И въ конечномъ выводѣ изъ приведенныхъ и изъ ряда другихъ цифръ, относящихся къ различнымъ сторонамъ крестьянскаго хозяйства, получается выводъ, что «различія между низшими и высшими группами, не уничтожая разницы въ имущественной состоятельности, устраняютъ мысль о капитализаціи земледѣльческаго хозяйства, такъ какъ и размѣръ посѣва на хозяйство, и преобладающія формы найма, и численность нанятыхъ рабочихъ не даютъ основанія утверждать о капиталистическомъ характерѣ этихъ хозяйствъ: исключеніе составляетъ только высшая группа, въ которую входятъ крупныя семьи, прибѣгающія въ болѣе сильной степени къ найму постоянныхъ рабочихъ» и составляющія, такимъ образомъ, группу «мелко-капиталистическихъ хозяйствъ».

Въ сборникѣ по Ставропольскому уѣзду тотъ же Г. И. Баскинъ подходитъ и къ другой, отмѣченной выше, слабой сторонѣ обычнаго пріема группировки—именно къ тому обстоятельству, что групповыя и комбинаціонныя таблицы строятся обычно для болѣе или менѣе обширныхъ районовъ, включающихъ общины съ самыми разнообразными размѣрами земельнаго обезпеченія или посѣвныхъ площадей. Значеніе этого обстоятельства и вѣроятное вліяніе его на выводы изъ цифръ было также отмѣчено и выяснено, теоретически, А. А. Чупровымъ, и имъ же было указано на способъ выйти изъ этого затрудненія: предварительно разгруппировать общины по среднимъ, въ каждой общинѣ, размѣрамъ земельнаго обезпеченія, а затѣмъ уже, въ приблизительно

однородныхъ группахъ общинъ, проводить группировку дворовъ по тому или другому признаку. Въ сборникѣ по Ставропольскому уѣзду Г. И. Баскинъ впервые примѣняетъ этотъ пріемъ на практикѣ. Сущность затрудненія, о кором̀ъ идетъ рѣчь, сводится къ тому, что «въ высшія по размѣрамъ хозяйства группы попадаютъ, въ большинствѣ, дворы изъ многоземельныхъ общинъ, гдѣ всѣ семьи обезпечены высоко, а въ низшія группы попадаютъ преимущественно хозяйства изъ малоземельныхъ общинъ, гдѣ всѣ семьи обезпечены низко»; что слѣдовательно, дворы, попавшіе въ высшую группу (или аналогично—въ нисшую), это, можетъ быть, а въ той или другой долѣ даже несомнѣнно, не дворы, выдѣляющіеся въ своихъ общинахъ по высокому (или аналогично—низкому) размѣру земельнаго обезпеченія либо посѣвной площади, а просто дворы изъ многоземельныхъ (или аналогично—малоземельныхъ) общинъ, гдѣ повышенными, по сравненію съ среднею по группѣ, цифрами земельнаго обезпеченія и посѣвныхъ площадей характеризуется вовсе не верхній слой, а вся масса, а съ нею и средній типъ крестьянскихъ хозяйствъ. «Чтобы устранить, до нѣкоторой степени, вліяніе условій, затемняющихъ или даже совершенно искажающихъ истинную картину количественныхъ соотношеній различныхъ элементовъ при группировкѣ хозяйствъ по цѣлымъ уѣздамъ, необходимо—говоритъ г. Баскинъ—избавиться отъ этихъ, обычно примѣняемыхъ, поуѣздныхъ группировокъ и производить группировки хозяйствъ не по уѣздамъ, а по группамъ общинъ, которыя въ извѣстной мѣрѣ можно было бы считать однородными»,—«первоначальною единицей группировки» у г. Баскина «служило не отдѣльное хозяйство, а община, какъ совокупность хозяйствъ, индивидуально различныхъ», но поставленныхъ въ приблизительно однородныя условія земельнаго обезпеченія, опредѣляющія собою, такъ сказать, масштабъ, которымъ опредѣляется крупный или наоборотъ—мелкій размѣръ хозяйства; «цѣлый рядъ общинъ, сходныхъ между собой по среднимъ размѣрамъ посѣва на хозяйство»,—общинъ, значитъ, съ приблизительно одинаковымъ масштабомъ, «составлялъ нѣчто цѣлое, въ предѣлахъ котораго и производилась уже группировка отдѣльныхъ хозяйствъ по размѣрамъ посѣвной площади на одно хозяйство», а затѣмъ—и по числу душъ въ семьѣ. Достаточно нижеслѣдующей (стр. 125) небольшой таблички, чтобы видѣть, какъ важна такая предварительная разгруппировка общинъ:

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ каждой изъ однородныхъ по такому, какъ мы видѣли, рѣшающему признаку, какъ составъ семьи, группъ, средній размѣръ посѣвной площади рѣзко и правильно возрастаетъ съ возрастаніемъ общей земельной обезпеченности общинъ,—ясно, что «средній», а слѣдовательно—также и «состоятельный», и «бѣдный», дворъ въ каждой группѣ общинъ будетъ характеризоваться совсѣмъ различными цифрами; многосемейный дворъ, напримѣръ, съ 23 десяти-

въ группахъ:	Средній на хозяйство посѣвъ въ общинахъ со среднимъ посѣвомъ на одно хозяйство:		
	до 5 десят.	5,1—7,0 десят.	болѣе 7 десят.
до 4 душъ	2,5	3,4	4,3
5— 8 душъ	4,5	6,5	8,9
9—13 »	7,9	11,6	15,6
болѣе 13 »	13,0	20,5	23,0

нами посѣвной площади будетъ зажиточнымъ въ селеніи низшаго разряда только среднимъ въ селеніи высшаго разряда. И не менѣе ясно, что игнорированіе различія въ общей земельной обезпеченности общинъ, въ самомъ дѣлѣ, совершенно извращаетъ наши представленія о распредѣленіи хозяйствъ по состоятельности и земельному обезпеченію. Если, теперь, цифры приведенной только что таблички, свидѣтельствующія о томъ, что въ каждой группѣ общинъ средній на дворъ размѣръ посѣвной площади растетъ вмѣстѣ съ составомъ семьи, привести къ потребительному составу домохозяйствъ, т.-е. вычислить среднюю посѣвную площадь на душу обоего пола, то получаются такія цифры:

въ группахъ:	Средній на хозяйство посѣвъ въ общинахъ съ посѣвомъ на одно хозяйство.		
	до 5 д.	5,1—7 д.	бол. 7 д.
до 4 душъ	0,8	1,1	1,5
5— 8 «	0,7	1,0	1,4
9—13 «	0,8	1,2	1,5
бол. 13 «	0,8	1,4	1,5

Получаются чрезвычайно близкія другъ къ другу цифры. Только въ среднемъ разрядѣ общинъ можно подмѣтить въ большихъ семьяхъ, нѣкоторый ростъ обезпеченности ѣдока посѣвною площадью,—въ остальныхъ двухъ разрядахъ приходится констатировать почти полное тождество среднихъ размѣровъ земельнаго обезпеченія во всѣхъ группахъ. Еще рѣзче—уже во всѣхъ разрядахъ общинъ—обнаруживается это тождество, если выдѣлить наиболѣе многочисленную группу чисто-трудовыхъ хозяйствъ—«безъ годовыхъ и сроковыхъ рабочихъ». Хозяйства эти, говоритъ г. Баскинъ, «характеризуются по посѣву чрезвычайнымъ однообразіемъ, и различія, которыя обнаруживаются между ними, суть различія, проистекающія не изъ наличности хозяйственной дифференціаціи, а изъ территоріальныхъ условій, изъ того, насколько вообще данная

группа общинъ обезпечена землею» [1]). И что особенно существенно: разсчитанное на душу, обезпеченіе посѣвомъ во всѣхъ группахъ «только приближается или даже не достигаетъ такихъ размѣровъ, какіе», какъ дальше выводится изъ другой комбинаціонной таблицы, «характеризуютъ собою хозяйства чисто трудового типа».

Какъ ни интересны эти выводы, а равно и весь вообще лежащій въ основѣ ихъ цифровой анализъ, — они, конечно, далеко не исчерпываютъ вопроса. Несомнѣнно, еще много остается сдѣлать—и не только для разрѣшенія по существу вопроса о наличности и размѣрахъ дифференціаціи болѣе или менѣе рѣзко выраженнаго капиталистическаго типа, но даже и для выработки правильнаго метода, которымъ можно было бы достигнуть разрѣшенія этого вопроса. Пока что — и группировки по размѣрамъ землевладѣнія и землепользованія крестьянскихъ дворовъ сохраняютъ свое мѣсто въ числѣ тѣхъ разнообразныхъ матеріаловъ и пріемовъ анализа, какими приходится такъ или иначе пользоваться для того, чтобы болѣе или менѣе близко подойти къ выясненію этого вопроса.

Такія группировки, вообще, представляютъ собою, скорѣе, болѣе новое явленіе. Въ большей части сборниковъ ранняго періода земской статистики, въ частности въ сборникахъ, вышедшихъ изъ рукъ статистиковъ московской школы В. И. Орлова, мы ихъ не находимъ. И сейчасъ болѣе или менѣе общепринятыми являются только группировки по размѣрамъ (всего) землевладѣнія, группировки же по землепользованію встрѣчаются лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. Едва ли не первыя по времени группировки по землевладѣнію даютъ сборники 1-й Полтавской переписи: здѣсь дается, сначала, число безземельныхъ хозяйствъ и число въ нихъ душъ каждаго пола, въ томъ числѣ особо—рабочаго возраста, затѣмъ число дворовъ, имѣющихъ до 3, до 6,—10,—20, болѣе 20 десятинъ земли, количество десятинъ у дворовъ этой послѣдней группы, сверхъ того особо число дворовъ, не имѣющихъ пашни (съ учетомъ населенія ихъ), въ томъ числѣ особо дворовъ, имѣющихъ свой сѣнокосъ и свой лѣсъ въ связи съ этою группировкой, какъ мы частью видѣли выше, разработаны данныя объ арендѣ и о промыслахъ. Въ сборникахъ 3-ей Полтавской переписи дается группировка по количеству не всей земли, а одной пахати — группы: менѣе 1 дес.,—2,—3,—6,—9,—15,—25,—50, болѣе 50 дес.; затѣмъ отдѣльно дается число безземельныхъ, число имѣющихъ землю, но безпахотныхъ, въ томъ числѣ особо имѣющихъ одну усадьбу. Изъ сборниковъ по другимъ южнымъ губерніямъ приведу, въ видѣ примѣра, еще Екатеринославскіе, гдѣ дается группировка съ такими группами: безземельные, имѣющіе до 1 дес.,—3,—5,—10,—15,—25,—50, болѣе 50 десятинъ. Очень похожія группировки по всему землевладѣнію встрѣчаются въ сборникахъ по среднимъ, и даже по сѣвернымъ губерніямъ. Такъ, по Тульской губерніи проведены такія группы: имѣющіе купчую землю, купчую и надѣльную, не имѣющіе надѣльной, не имѣющіе никакой земли; затѣмъ имѣющіе удобной земли до 3,—6,—9,—12,—20,—30,—40, болѣе 40 дес.; по Пензенской проведены группы: до 1,—2,—3,—4,—6,—9,—12,—15,—20,—30,—50, болѣе 50 дес.; по Вятской даже такая группировка: до 1 дес.,—3,—5,—10,—15,—25,—50,—100, болѣе 100 дес. Въ нѣко-

[1]) См. по этому поводу въ моей книгѣ «Теорія и методы статистики», изд. 3, стр. 191—192 и 492—493.

торыхъ изъ среднихъ и сѣверныхъ губерній мы находимъ и болѣе короткія группировки, очевидно болѣе соотвѣтствующія мѣстнымъ условіямъ. По Смоленской, напримѣръ, такія группы: не имѣющихъ надѣльной земли, ни надѣльной ни купчей, имѣющие до $2^1/_2$,—$7^1/_2$,—15,—$22^1/_2$,—30, болѣе 30 дес., по Владимирской—до 1 дес.,—3,—5,—10,—15,—20,—25, болѣе 25 дес., по Ярославской—безземельные, до 3,—5,—10,—15, болѣе 15 десятинъ, и т. п. Группировки по землепользованію встрѣчаются, какъ я сказалъ лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. Въ видѣ примѣра приведу Грязовецкій уѣздъ (Волог. губ.); здѣсь дана группировка по количеству «эксплоатируемой пашни», считая въ томъ числѣ надѣльную, купчую и арендованную; группы: безземельныхъ, до 1,—2,—3,—4,—5,—6,—8,—10,—15,—20,—30, болѣе 30 десятинъ. Группировка эта, какъ—замѣчу мимоходомъ—повидимому и большинство группировокъ по землевладѣнію, весьма мало сообразована съ конкретными мѣстными условіями: въ три послѣднихъ, высшихъ, группы попало 16, 3 и 2 двора, ясное доказательство, что въ выдѣленіи этихъ группъ не было надобности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Крестьянскій капиталъ (постройки, инвентарь, скотъ).

Кромѣ земли, мелкій земледѣлецъ-крестьянинъ нуждается, для веденія хозяйства, въ капиталѣ. Разумѣемое въ широкомъ смыслѣ, это слово, въ современныхъ условіяхъ, объемлетъ, прежде всего, деньги, а затѣмъ—всю совокупность орудій производства. Чѣмъ больше наше крестьянское хозяйство изъ натуральнаго становится денежнымъ, тѣмъ болѣе рѣшающее значеніе для каждой данной хозяйственной единицы—двора или домохозяйства—пріобрѣтаетъ степень обезпеченности денежными средствами, тѣмъ болѣе каждый моментъ хозяйственной жизни и каждый шагъ въ хозяйственной дѣятельности опредѣляется наличностью или отсутствіемъ денегъ, болѣе или менѣе острою необходимостью достать деньги или наоборотъ—возможностью располагать свободными деньгами для сдѣлокъ кредитнаго характера, благовременныхъ покупокъ и т. п. Однако, этотъ первостепенно важный моментъ до сихъ поръ рѣшительно не поддается, и въ предвидимомъ будущемъ едва ли поддастся, статистическому учету: денежныя средства—пунктъ, гдѣ со стороны населенія, слишкомъ трудно, даже невозможно, разсчитывать на откровенныя показанія, гдѣ, притомъ менѣе, нежели въ какомъ-либо иномъ, мыслимъ—по крайней мѣрѣ въ рамкахъ переписи—какой либо контроль; включеніе этого вопроса въ программу переписи, поэтому, не только не обѣщало бы дать сколько-нибудь до-

стовѣрныхъ результатовъ, но грозило бы слишкомъ возбудить подозрительность населенія и такимъ образомъ неблагопріятно отразиться на всей вообще совокупности показаній, а слѣдовательно и на всемъ вообще результатѣ переписи. При обычныхъ переписяхъ крестьянскаго хозяйства денежныя средства, поэтому, совершенно не учитываются — учитывается только, и то далеко не всегда оборотная, если можно такъ выразиться, сторона этого вопроса—*денежная задолженность*; явленіе, съ одной стороны, конечно, особенно интересное, а съ другой — сравнительно легко поддающееся статистическому учету, потому что задолженный крестьянинъ, обычно, очень охотно говоритъ о своихъ долгахъ и во всякомъ случаѣ относится къ вопросу о задолженности безъ какихъ либо особыхъ опасеній. Въ положительной формѣ вопросъ о денежныхъ средствахъ ставился — сколько мнѣ извѣстно — только при переписяхъ переселенцевъ въ районахъ новой колонизаціи, и то въ примѣненіи *не къ настоящему* времени, къ моменту переписи, а *къ прошедшимъ* моментамъ жизни переселенца: спрашивалось, именно, о количествѣ денегъ, взятыхъ съ собой при выходѣ съ родины, и о количествѣ денегъ, съ какими переселенецъ пришелъ на «новое мѣсто»; и мой личный опытъ свидѣтельствуетъ о томъ, что, поставленный такимъ образомъ, вопросъ о денежныхъ средствахъ даетъ если не безусловно вѣрное, то, во всякомъ случаѣ, мыслимо правильное представленіе объ относительной состоятельности или наоборотъ — бѣдности переселенцевъ и о значеніи денегъ въ ихъ устройствѣ на «новыхъ мѣстахъ».

При обычныхъ переписяхъ крестьянскаго хозяйства учитывается, такимъ образомъ, не весь крестьянскій капиталъ, а лишь *существенные элементы постояннаго капитала*, понимаемаго въ смыслѣ *совокупности средствъ производства*. Такими поддающимися учету и, въ той или другой части, обычно учитываемыми элементами являются, во-первыхъ, такъ называемый *мертвый инвентарь* — земледѣльческія или, говоря шире, — сельско-хозяйственныя орудія и перевозочныя средства, во вторыхъ *скотъ* или, какъ его часто называютъ въ сельско-хозяйственной экономіи, живой инвентарь, и въ третьихъ—*постройки*. Почему къ *капиталу* относятъ живой и мертвый инвентарь, не требуетъ особыхъ разъясненій; тоже самое можно сказать и относительно части построекъ—именно относительно всей совокупности *хозяйственныхъ* построекъ. Не такъ просто обстоитъ дѣло съ *жилыми* постройками: жилище, какъ таковое, отнюдь не можетъ быть отнесено къ средствамъ производства — оно удовлетворяетъ одной изъ насущнѣйшихъ непосредственныхъ потребностей человѣка и его семьи; въ обычныхъ условіяхъ крестьянскаго быта оно не можетъ быть отнесено и къ капиталу въ смыслѣ «имущества, дающаго доходъ»—оно попадаетъ въ эту категорію лишь въ томъ случаѣ, когда оно цѣликомъ или частью отдается въ наемъ (дачникамъ, фабричнымъ рабочимъ и т. п.). Но крестьянское хозяйство—хозяйство *потребительно-про-*

изводительное; крестьянинъ и члены его семьи — не только члены потребительнаго хозяйства, но и рабочая сила въ производительномъ хозяйствѣ, а потому въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится исчислять «издержки производства» получаемыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ продуктовъ, и въ томъ числѣ затраты на рабочую силу, въ числѣ этихъ затратъ приходится такъ или иначе учитывать и стоимость жилища «семейныхъ рабочихъ», т.-е. членовъ семьи, участвующихъ въ сельско-хозяйственныхъ работахъ.

Съ жилыми постройками, какъ однимъ изъ элементовъ сельскохозяйственнаго капитала, и съ стоимостью ихъ, какъ однимъ изъ элементовъ издержекъ сельско-хозяйственнаго производства, до послѣдняго времени приходилось имѣть дѣло, болѣе или менѣе исключительно, при оцѣнкѣ крестьянскихъ земель по методу «выручекъ и затратъ»; въ новѣйшее время съ этимъ вопросомъ приходится встрѣчаться во вновь возникающей отрасли экономики и статистики крестьянскаго хозяйства— именно при счетоводственномъ изученіи его организаціоннаго строя. Въ статистикѣ крестьянскаго хозяйства, какъ она имѣется въ виду въ настоящихъ очеркахъ, съ точкой зрѣнія на жилыя постройки, какъ на составную часть капитала крестьянскаго хозяйства, почти не приходится считаться, да и вообще вопросу о постройкахъ до сихъ поръ удѣлялось несоотвѣтственно малое вниманіе. Въ частности, почти вовсе безъ вниманія оставлялось то, что можно назвать качественною стороною вопроса о постройкахъ.

Эта качественная сторона имѣетъ, разумѣется, огромное значеніе: размѣромъ и устройствомъ жилыхъ построекъ опредѣляются жилищныя условія, во всемъ ихъ многосложномъ вліяніи на санитарно-гигіеническія, а частью и на моральныя условія жизни населенія; характеръ хозяйственныхъ построекъ — теплыя или холодныя, чистыя или грязныя, вообще гигіеничныя или негигіеничныя помѣщенія для скота, такъ или иначе устроенныя риги, овины или иныя помѣщенія для сушки сноповъ, наличность или отсутствіе крытыхъ помѣщеній для орудій и машинъ и т. п.,—все это весьма существеннымъ образомъ отражается на соотвѣтственныхъ сторонахъ крестьянскаго хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ является въ высокой степени симптоматичнымъ и для общаго уровня его культурности или некультурности; матеріалъ, изъ котораго выстроены и въ особенности—которымъ крыты тѣ и другія, имѣетъ громадное значеніе съ пожарной точки зрѣнія, — въ новѣйшее время, какъ извѣстно, вопросъ объ огнестойкомъ строительствѣ сталъ однимъ изъ предметовъ спеціальнаго вниманія правительственной власти. Вопросъ о характерѣ какъ жилыхъ, такъ и хозяйственныхъ построекъ и не игнорировался нашею статистикой крестьянскаго хозяйства. Относящіеся къ этому вопросу данныя собирались, однако, въ главной своей части, не чисто-статистическимъ путемъ переписи, а описательнымъ путемъ: вопросы о преобладающемъ характерѣ какъ жилыхъ, такъ и хозяйственныхъ по-

строекъ включались въ составъ поселеннаго или пообщиннаго бланка и освѣщались такимъ образомъ въ общей формѣ, безъ какого-либо количественнаго учета. Въ порядкѣ переписи данныхъ собственно для качественной характеристики хозяйственныхъ построекъ, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не собиралось. Данныя для качественной характеристики крестьянскихъ жилищъ собирались, чаще, при спеціальныхъ санитарныхъ изслѣдованіяхъ, производившихся врачами и дававшихъ, иногда, весьма детализированный учетъ крестьянскихъ жилищъ, со всѣмъ ихъ существенными, въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи, признаками. Въ хозяйственныхъ переписяхъ обычнаго типа вопросы, направленные къ качественной характеристикѣ жилищъ, встрѣчаются лишь какъ рѣдкое исключеніе, и, что особенно любопытно, въ болѣе раннихъ переписяхъ чаще, чѣмъ въ болѣе позднихъ.

Такъ, въ сборникѣ первой по времени земской подворной переписи—по Борисоглѣбскому уѣзду (Тамб. губ.) дается группировка избъ по величинѣ избы до 5 аршинъ включительно, 6, 7, 8, 9, 10, 12 и болѣе аршинъ. Въ Курскихъ сборникахъ—число избъ, крытыхъ подъ глину. Въ сборникѣ по Тотемскому уѣзду (Волог. губ.) дается число одноэтажныхъ и—весьма обычныхъ на русскомъ сѣверѣ—двухэтажныхъ избъ. Сравнительно большее количество данныхъ для качественной характеристики жилищъ даетъ сборникъ по Мышкинскому уѣзду (Яросл. губ.)—здѣсь дается также число одно-и двухъэтажныхъ домовъ, затѣмъ число избъ, крытыхъ деревомъ, соломой и желѣзомъ, число избъ съ топкою по черному. Въ качествѣ примѣровъ формуляровъ съ сравнительно подробною характеристикою жилищъ можно привести изъ самыхъ раннихъ Тверские, изъ болѣе позднихъ Харьковские. Въ первыхъ, впрочемъ не только для жилищъ, но также для хозяйственныхъ построекъ и для гуменъ, ставятся вопросы: деревянн., каменн., смѣшанн.? чѣмъ крыты? стоимость? страховая сумма,—ясно, что вопросы эти были подсказаны, главнымъ образомъ, интересами земскаго страхованія. Въ Харьковскихъ формулярахъ ставятся вопросы о размѣрѣ (длина и ширина), площади, матеріалѣ стѣнъ и крышъ, продолжительности службы, стоимости, среднемъ ежегодномъ ремонтѣ,—въ постановкѣ вопросовъ здѣсь рѣшающее значеніе имѣла, конечно, оцѣночная точка зрѣнія.

Какъ правило, постройки, какъ жилыя, такъ и хозяйственныя, учитываются при хозяйственныхъ переписяхъ болѣе или менѣе исключительно какъ симптомъ благосостоянія: для характеристики послѣдняго можетъ служить, съ одной стороны, среднее на одинъ дворъ или, положимъ, на десять дворовъ число жилыхъ построекъ вообще, процентъ построекъ того или иного высшаго, по мѣстнымъ условіямъ, типа (въ двѣ и болѣе комнатъ, двухъэтажныхъ, изъ болѣе цѣннаго матеріала), среднее число всѣхъ вообще хозяйственныхъ построекъ или тѣхъ или другихъ характерныхъ по мѣстнымъ условіямъ видовъ ихъ; съ другой—проценты дворовъ безъ жилыхъ построекъ и дворовъ съ жилыми, но безъ хозяйственныхъ построекъ, являющіеся однимъ изъ «показателей» распространенности «упадочныхъ» хозяйствъ, и наоборотъ: процентъ дворовъ съ постройками высшаго типа, слѣдовательно пред-

полагаемыхъ, въ массѣ, болѣе или менѣе состоятельными. Однако, и въ такихъ узкихъ рамкахъ вопросъ о постройкахъ ставится далеко не вездѣ, а поскольку онъ ставится въ формулярахъ, собранныя данныя далеко не всегда разрабатываются въ соотвѣтственныхъ сборникахъ. До нѣкоторой степени это объясняется, надо думать, слишкомъ относительнымъ значеніемъ тѣхъ единицъ, которыя въ данномъ случаѣ могутъ подлежать подсчету. Нечего говорить о различіяхъ въ значеніи ихъ въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ условій: бревенчатая изба съ тесовою крышей будетъ признакомъ высокой зажиточности въ глухой степи, гдѣ лѣсъ дорогъ, и самымъ обычнымъ типомъ жилища въ лѣсной мѣстности, гдѣ хорошій строевой лѣсъ дешевъ, а можетъ быть и ничего не стоитъ (если свой); двухъэтажный домъ будетъ признакомъ высокой зажиточности въ южной или средней Россіи, гдѣ такіе дома большая рѣдкость, и отнюдь не будетъ такимъ признакомъ гдѣ-нибудь въ Вологодской губерніи, гдѣ это—обычный типъ крестьянскихъ построекъ. И наоборотъ: дворы, живущіе въ землянкахъ, въ любой лѣсной губерніи будутъ, несомнѣнно, упадочными хозяйствами, тогда какъ на степномъ югѣ и юго-востокѣ въ болѣе или менѣе хорошо устроенныхъ землянкахъ живутъ и среднесостоятельныя, а иногда и очень зажиточныя хозяйства. Затѣмъ, и независимо отъ такого рода мѣстныхъ различій: если подсчитывается общее число жилыхъ и таковое же число хозяйственныхъ построекъ—въ число первыхъ войдутъ такія несравнимыя вещи, какъ землянка или полуразвалившаяся избушка, съ одной стороны, многокомнатный домъ, можетъ быть каменный, можетъ быть крытый желѣзомъ, съ другой: въ число вторыхъ—и какой-нибудь соломенный навѣсъ или еле прикрытая загородка изъ жердей, и крѣпкій, можетъ быть двухъэтажный, амбаръ или обширный, теплый, хорошо устроенный скотный дворъ. Если подсчитывается отдѣльно число построекъ, положимъ, высшаго типа, или число дворовъ съ такими постройками, —двухкомнатный или двухъэтажный, но полуразвалившійся, домъ можетъ далеко не стоить одноэтажнаго или однокомнатнаго, но обширнаго и крѣпкаго, хорошо сложенная и устроенная дерновая изба можетъ быть гораздо лучше плохой бревенчатой избенки и т. п.

Какъ я уже сказалъ, формуляры иногда не ставятъ никакихъ вопросовъ, а сборники нерѣдко не даютъ никакихъ свѣдѣній о постройкахъ. Иногда ограничиваются однимъ вопросомъ—помѣщается ли домохозяйство въ своей хатѣ либо избѣ, или въ чужой (изъ новѣйшихъ формуляровъ Черниговскіе, формуляры 3-ей Полтавской переписи и т. п.), и въ соотвѣтствіи съ этимъ въ сборникахъ даютъ одно только число дворовъ, не имѣющихъ своей избы или хаты. Въ видѣ примѣровъ сборниковъ, гдѣ о постройкахъ дается нѣчто большее, приведу изъ болѣе ранніхъ, прежде всего, Курскіе; здѣсь дается число надѣльныхъ домохозяйствъ, имѣющихъ избы, число домовъ, крытыхъ подъ глину, процентъ бездомовыхъ, процентъ бездомовыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безземельныхъ. Въ Борисоглѣбскомъ сборникѣ (Тамб. губ.) дается, кромѣ уже упоминавшихся данныхъ о величинѣ избъ, число «холостыхъ» строеній по такимъ подраздѣленіямъ: дво-

ровъ—сѣней и горницъ—амбаровъ и сараевъ—ригъ; затѣмъ число надѣльныхъ хозяйствъ, не имѣющихъ избы, имѣющихъ двѣ избы, затѣмъ—число бездомныхъ изъ числа безземельныхъ. Въ сборникахъ 1-ой Полтавской переписи дается число хатъ, клунь, коморъ, сараевъ и хлѣвовъ,—затѣмъ число хозяйствъ, не имѣющихъ хаты, изъ нихъ безземельныхъ, живущихъ въ землянкахъ, имѣющихъ одну хату, хату съ клуней или коморой, хату съ клуней и каморой, хату двойную, двѣ отдѣльныхъ хаты. Изъ болѣе новыхъ сборниковъ приведу, напр , Мышкинскій здѣсь, кромѣ упомянутыхъ выше данныхъ для качественной характеристики жилыхъ построекъ, дается число хозяйственныхъ построекъ по такимъ подраздѣленіямъ: дворовъ, сѣнныхъ амбаровъ, сараевъ, овиновъ или ригъ, житницъ, бань; затѣмъ число хозяйствъ бездомныхъ, съ одною избою, съ двумя и болѣе избами, съ двухъ-этажными домами, дворовъ безъ хозяйственныхъ построекъ. Въ Тотемскомъ (Волог. губ.) сборникѣ дается число хозяйствъ, не имѣющихъ избы, имѣющихъ менѣе одной, одну, двѣ и болѣе избъ; общее число избъ одно- и двухъэтажныхъ, овиновъ, холостыхъ построекъ, стоповъ. Въ Тульскихъ сборникахъ дается число хозяйствъ безъ построекъ—затѣмъ число «избъ и домовъ», амбаровъ, сараевъ, ригъ, прочихъ построекъ.

Изъ весьма сложнаго—если считать всѣ предметы хозяйственнаго обихода до шаекъ, подойниковъ, уздечекъ и т. п. включительно—крестьянскаго мертваго инвентаря при хозяйственныхъ переписяхъ обычнаго типа учитываются главнымъ образомъ болѣе или менѣе крупныя (требующія примѣненія конной или иной животной силы) землеобработочныя орудія и, можно сказать, всѣ машины, гораздо рѣже—перевозочныя средства главнѣйшихъ встрѣчающихся въ данной мѣстности типовъ; никогда не учитываются, сколько мнѣ извѣстно, мелкія ручныя орудія вродѣ серповъ, косъ, цѣповъ и т. п.

Опять-таки, и земледѣльческія орудія учитываются, прежде всего, какъ одинъ изъ симптомовъ благосостоянія. Съ этой точки зрѣнія характерно, съ одной стороны, общее и выводимое изъ него среднее на дворъ или хозяйство количество наиболѣе существенныхъ, въ общемъ строѣ мѣстнаго земледѣльческаго хозяйства, орудій, именно пахатныхъ (плуговъ или сохъ), а затѣмъ—число и выводимый изъ него процентъ, съ одной стороны дворовъ, не имѣющихъ пахатныхъ орудій и слѣдовательно въ большей или меньшей мѣрѣ (значеніе этой оговорки см. сейчасъ же дальше) лишенныхъ возможности вести самостоятельное земледѣльческое хозяйство, а съ другой—дворовъ, имѣющихъ 2—3 или болѣе плуговъ или иныхъ пахатныхъ орудій. Конечно, значеніе всѣхъ подобнаго рода цифръ будетъ въ высшей степени относительнымъ, если брать различныя по преобладающему типу основныхъ орудій мѣстности. Одноконная соха, еще недавно безраздѣльно господствовавшая во всей коренной Россіи, совсѣмъ не то, что двухъ- или трехконная вятская «курашимка» или сибирская «колесуха», и тѣмъ болѣе не то, что тяжелый малороссійскій плугъ, требующій 4, 5 или 6 паръ быковъ. Дворъ, не имѣющій сохи, въ условіяхъ средней и большей части сѣверной Россіи безусловно лишенъ возможности вести свое самостоятельное земледѣльческое хозяйство. Въ районѣ господства двухъ- или трех-

конныхъ орудій правиломъ будетъ тоже самое,—какъ болѣе или менѣе часто встрѣчающееся исключеніе такой дворъ, если у него есть лошадь, можетъ «спрягаться» съ дворомъ, имѣющимъ соху. Въ районѣ господства тяжкаго малороссійскаго плуга «полный плугъ» встрѣчается лишь какъ исключеніе, и обладатель его—уже зажиточный хозяинъ; большинство, нерѣдко подавляющее, имѣетъ лишь часть нужнаго въ «полный плугъ» скота и для пахоты спрягается съ другими; слѣдовательно, отсутствіе плуга отнюдь не равносильно отсутствію самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства, а малое количество плуговъ въ деревнѣ или мѣстности отнюдь не равносильно подавляющему преобладанію безхозяйныхъ дворовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, средняя на дворъ цифра, положимъ, 0,8 пахатныхъ орудій, которая гдѣ нибудь въ средней Россіи будетъ характеризовать плохое, въ массѣ, положеніе крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, въ мѣстности съ господствомъ тяжелаго малороссійскаго плуга будетъ, напротивъ, очень благопріятною его характеристикой. Большое число дворовъ безъ пахатнаго орудія въ той или другой мѣстности средней Россіи будетъ равносильно числу дворовъ безъ самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства,—хотя и здѣсь оно, конечно, далеко неравносильно числу неземледѣльческихъ дворовъ: во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ промышленной полосѣ, весьма распространена, какъ мы увидимъ ниже, обработка земли наймомъ или чужимъ инвентаремъ, а потому число дворовъ безъ пахатныхъ орудій является самостоятельнымъ признакомъ, заслуживающимъ учета наряду съ числомъ дворовъ, не имѣющихъ посѣва; гдѣ господствуетъ малороссійскій плугъ, тамъ тотъ или иной процентъ дворовъ безъ пахатнаго орудія и вовсе не будетъ давать никакого представленія о числѣ дворовъ безъ самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства—можно представить себѣ деревню или мѣстность, гдѣ двѣ трети или три четверти дворовъ не имѣютъ плуга, но тѣмъ не менѣе всѣ ведутъ самостоятельное хозяйство, спрягаясь съ дворами, имѣющими плугъ. Подобнымъ же образомъ весьма различнымъ можетъ быть значеніе процента дворовъ съ двумя или болѣе пахатными орудіями: гдѣ нибудь въ средней или сѣверной Россіи значительный, можетъ быть, процентъ дворовъ съ двумя или тремя сохами,—это будутъ, въ большинствѣ, дворы, лишь немногимъ приподнявшіеся надъ нисшимъ уровнемъ самостоятельнаго хозяйствованія; напротивъ, гдѣ нибудь на югѣ ничтожный, можетъ быть, процентъ дворовъ съ двумя или болѣе плугами малороссійскаго типа будетъ выражать степень распространенности, въ полномъ смыслѣ слова, крупныхъ, зажиточныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Если, однако, задаваться не между-областными, а внутри-областными сравненіями, т.-е. сравнивать среднія на дворъ числа земледѣльческихъ орудій или проценты безплужныхъ и двухплужныхъ дворовъ въ разныхъ селеніяхъ, разныхъ районахъ или у разныхъ группъ населенія внутри одной и той же области, или хотя бы

даже въ разныхъ областяхъ, но однородныхъ по господствующему типу земледѣльческихъ орудій, то такого рода сопоставленія принадлежатъ къ числу наиболѣе способныхъ дать отчетливое представленіе какъ вообще объ относительномъ положеніи земледѣльческаго хозяйства, такъ въ частности о степени распространенности тѣхъ или другихъ—упадочныхъ, среднихъ или болѣе сильныхъ—типовъ крестьянскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ.

Вопросъ объ орудіяхъ—понимая это слово въ болѣе широкомъ смыслѣ—имѣетъ, однако, и другую сторону, не менѣе, а со спеціально-земской точки зрѣнія можетъ быть и болѣе важную: сельскохозяйственныя орудія, и какъ разновидность ихъ—машины, являются однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ сельскохозяйственной техники. Всякому бывавшему въ деревнѣ или хоть что-либо читавшему о крестьянскомъ земледѣліи ясна разница между работою средне-русской сохи—«рогаля», орудія, не столько поднимающаго и переворачивающаго, сколько ковыряющаго землю, совершенно непригоднаго для обработки тяжелыхъ и тѣмъ болѣе цѣлинныхъ почвъ, но по сравненію съ другими, такъ сказать, бытовыми орудіями весьма удобнаго для поверхностной обработки полурасчищенныхъ лѣсныхъ земель; вятской косули или сибирской «колесухи», уже гораздо болѣе совершеннаго орудія, поднимающаго и почти вполнѣ переворачивающаго пластъ, вполнѣ пригоднаго для обработки и тяжелыхъ и цѣлинныхъ почвъ, при пахотѣ на малыя и среднія глубины: «хохлацкаго» плуга-сабана, какъ бы спеціально приспособленнаго для тяжелыхъ и въ частности цѣлинныхъ почвъ, пашущаго, при надобности, очень глубоко, но за то чрезвычайно тяжелаго и неповоротливаго; и заводскаго плуга—орудія, которое достигаетъ можно сказать, идеальнаго совершенства и въ переворачиваніи, и въ разрыхленіи почвы, и безконечно разнообразныя разновидности котораго приспособляются къ любому типу почвы, къ любымъ спеціальнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ обработкѣ земли тою или другою культурою, къ любымъ экономическимъ условіямъ и въ частности—къ любой хозяйственной «силѣ» земледѣльца. Не менѣе рѣзка разница, напр., между еще сохраняющеюся на лѣсномъ сѣверѣ первобытною косою-горбушей, обыкновенною косой—«литовкой» и сѣнокосилкой, приводимой въ движеніе конною силой; не входя въ подробности, достаточно отмѣтить, что горбуша—каковы бы ни были, въ остальномъ, ея недостатки—лучше всякаго другого орудія приспособлена къ кошенію клочковъ травы между кочками и пнями, и что косилка, съ другой стороны, не только чрезвычайно ускоряетъ работу и сберегаетъ массу человѣческаго труда, но косить и такія травы (ковыль!), которыхъ, благодаря ихъ твердости, вовсе нѣтъ возможности косить ручной косою. Или разница между еще недавно господствовавшей въ крестьянскихъ хозяйствахъ сѣвера и центра бороной изъ прутьевъ, которая, благодаря своей легкости, только прыгала по вспаханной почвѣ, почти въ

нее не проникая, и была совершенно неспособна разбивать сколько-нибудь ссохшіеся комья земли; составляющею первый шагъ къ улучшенію, проникающій въ крестьянское хозяйство, полужелѣзною бороной,—и разными усовершенствованными, пружинными, дисковыми и т. п подобными боронами, размельчающими и разрыхляющими почву, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожающими сорную растительность, съ недосягаемымъ для «бытовыхъ» орудій совершенствомъ. Или еще послѣдній примѣръ—разница между ручнымъ посѣвомъ, при которомъ часть сѣмянъ вовсе не попадаетъ въ почву и, значитъ, пропадаетъ даромъ, остальныя же то скучиваются слишкомъ густо и мѣшаютъ другъ другу въ ростѣ, то ложатся слишкомъ рѣдко, оставляя, иногда, совершенныя плѣшины,—и посѣвомъ рядовою сѣялкою, когда сѣмена размѣщаются въ почвѣ совершенно равномѣрно, и каждое зерно вдвигается въ почву на такую глубину, гдѣ оно совершенно обезпечено отъ такихъ случайностей, какъ выдуваніе вѣтромъ или поѣданіе птицами, и гдѣ оно находитъ для себя достаточный запасъ и питанія, и влаги. Не менѣе существенны и различія въ требованіяхъ, предъявляемыхъ орудіями (и машинами) различныхъ типовъ къ рабочей силѣ человѣка и животныхъ. Косить хлѣбъ косою гораздо тяжелѣе, нежели жать серпомъ,—поэтому косьба хлѣба требуетъ непремѣнно работника-мужчины, и притомъ, такъ сказать первокласснаго, женскій же трудъ можетъ быть привлеченъ только къ вязкѣ сноповъ, тогда какъ въ жнитвѣ могутъ одинаково участвовать и мужчины, и женщины; работа жнейкою требуетъ значительной затраты конной или вообще животной силы, но за то позволяетъ обойтись минимальною затратою человѣческаго труда, въ особенности если жнея типа «снопоязалки», т.-е. механически вяжетъ снимаемый хлѣбъ въ снопы. Великорусскую соху-ковырялку приходится все время держать въ рукахъ, чтобы она не свалилась на сторону и не оставляла огрѣховъ,—пахать такою сохой можетъ, поэтому, только сильный и умѣлый работникъ; уже гораздо легче работать косулей или сибирскою колесухой, которыя гораздо болѣе устойчивы—заводскій же плугъ настолько устойчивъ и такъ хорошо держитъ данное ему направленіе, что пахать имъ можетъ и подростокъ. Совершенно различны требованія разныхъ видовъ пахатныхъ орудій и къ животной силѣ: великорусская соха работаетъ одною лошадью, сибирская колесуха требуетъ двухъ, на связной почьѣ или цѣлинѣ и трехъ лошадей, малороссійскій плугъ запрягается четырьмя, пятью, шестью парами быковъ, при которыхъ требуется не менѣе двухъ погонщиковъ-подростковъ и обычно—два взрослыхъ работника; заводскій плугъ, дѣлая такую же работу, требуетъ несравненно меньшаго количества и человѣческой, и животной силы,—наиболѣе распространенные типы заводскихъ плуговъ требуютъ одной или двухъ лошадей при одномъ работникѣ.

Какъ я сказалъ, орудія (и машины) являются однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ сельско-хозяйственной техники, и прогрессъ

послѣдней всегда сопровождается введеніемъ новыхъ, усовершенствованныхъ орудій, нерѣдко—замѣною ручныхъ орудій соотвѣтственными машинами. Цифры, такъ или иначе дающія возможность судить о распространеніи улучшенныхъ орудій и машинъ, являются, поэтому, весьма симптоматичными какъ для состоянія сельскаго хозяйства въ данный моментъ, такъ и для его эволюціи. Для нашей страны цифры эти обнаруживаютъ непрерывный, въ самые послѣдніе годы чрезвычайно быстрый ростъ. По даннымъ, сведеннымъ въ уже многократно цитированномъ атласѣ сельско-хозяйственнаго вѣдомства, общая сумма внутренняго производства с.-хоз. орудій и машинъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводскаго типа (не считая, значитъ, кустарныхъ мастерскихъ) еще въ 1896 г. не превышала 9,6 милл. рублей,—въ 1912 г. она выразилась уже 53 милліонами. Стоимость общаго привоза с.-х. машинъ и орудій изъ заграницы выразилась въ каждый изъ годовъ періода 1895—1912 гг. въ такихъ погодныхъ цифрахъ: 10—10—7,5—11—14—16—18—20—28—20,5—20—20—23—28—40—42—55—59 милл. рублей, перевозка орудій и машинъ по желѣзнымъ дорогамъ достигала за каждый изъ годовъ того же періода: 2,9—4,5—4,3—5,8—7,0—8,2—8,9—12,9—13,2—12,9—14,2—16,1—18,4—21,6—24,5—27,7—29,7 милл. пудовъ. Фактъ чрезвычайно быстраго распространенія, въ послѣднее время, сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій заводскаго издѣлія, въ частности заграничныхъ, является такимъ образомъ твердо установленнымъ.

Было бы однако неправильно (какъ это дѣлаютъ, между прочимъ, и такіе видные экономисты, какъ П. П. Масловъ) отождествлять прогрессъ сельско-хозяйственной техники съ прогрессомъ въ области сельскохозяйственныхъ орудій и въ развитіи машинизма, а тѣмъ болѣе—считать распространеніе какихъ бы то ни было усовершенствованныхъ орудій и особенно машинъ безусловно прогрессивнымъ и желательнымъ явленіемъ. «Улучшенныя орудія и машины», если брать ихъ въ нерасчлененной массѣ, могутъ одинаково успѣшно распространяться въ условіяхъ и экстенсивно-хищническаго, и культурно-интенсивнаго хозяйства,—сами по себѣ, въ нерасчлененной массѣ, они не характеризуютъ ни того, ни другого. Если—взять—въ видѣ примѣра, тѣ корреспондентскія данныя по Харьковской губерніи, которыя были широко использованы въ гл. 2-ой (стр. 47—49), то окажется, что распространенность машинъ и орудій въ многоземельныхъ южныхъ уѣздахъ съ ихъ первобытнымъ хозяйствомъ не только не меньше, но замѣтно больше, чѣмъ въ среднихъ и въ малоземельныхъ сѣверныхъ: процентъ корреспондентскихъ сообщеній, говорящихъ о машинахъ и орудіяхъ, въ первой изъ названныхъ группъ уѣздовъ 44, въ остальныхъ двухъ—31 и 28%. Дѣло въ томъ, что усовершенствованныя орудія и машины могутъ быть разбиты на два существенно различныхъ типа: орудія и машины, улучшающія почву или вообще длящимся образомъ повышающія ея производительность,—и орудія, только ускоряю-

щія и облегчающія работу и сберегающія трудъ. Къ этой послѣдней категоріи—къ категоріи орудій, говоря въ общей формѣ, только повышающихъ производительность труда, принадлежатъ, главнымъ образомъ, уборочныя машины: косилки, жнеи и молотилки, конныя и даже паровыя, не говоря о разнообразныхъ орудіяхъ второстепеннаго значенія вродѣ картофеле-и свекло-копателей и т. п.,—но кромѣ того также и пахатныя орудія типа «скоропашекъ»; изъ нихъ особаго упоминанія заслуживаетъ сыгравшій немалую роль въ эволюціи южно-русскаго крестьянскаго хозяйства буккеръ—нѣчто вродѣ легкаго многолемешнаго плуга, дающаго чрезвычайно быструю, но за то крайне поверхностную работу. Съ частнохозяйственной точки зрѣнія орудія и машины этого типа представляютъ, разумѣется, большія выгоды: въ однихъ случаяхъ они сокращаютъ издержки производства, слѣдовательно повышаютъ чистый доходъ хозяина; въ другихъ они хотя и не удешевляютъ работы, но сокращаютъ потребность въ рабочихъ рукахъ или позволяютъ замѣнять человѣческую рабочую силу силою животныхъ,—обстоятельство, особенно важное для крупныхъ хозяйствъ въ рѣдко-населенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ рабочихъ рукахъ, сплошь и рядомъ, ощущается недостатокъ, тогда какъ животная сила, благодаря той-же рѣдкой населенности, имѣется въ избыткѣ; такія орудія, какъ буккера и т. п., даютъ хозяину непосредственную расширять запашку далеко за предѣлы того, что было бы возможно при другихъ, болѣе основательно, но за то медленнѣе работающихъ орудіяхъ. Тѣмъ или другимъ путемъ—орудія и машины разсматриваемаго типа способствуютъ расширенію запашекъ, и это обстоятельство дѣлаетъ ихъ—поскольку они примѣняются въ рѣдконаселенныхъ мѣстностяхъ съ еще сохранившимся экстенсивнымъ хозяйствомъ—«орудіями усовершенствованнаго хищничества». Экстенсивное, залежное и т. п., хозяйство, какъ оно доживаетъ свой вѣкъ, напримѣръ, въ нашихъ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ и какъ оно еще продолжаетъ процвѣтать во вновь колонизуемыхъ степныхъ районахъ азіатской Россіи, стремится во что бы то ни стало вширь; стремится распахать и взять съ земли какъ можно больше, затрачивая какъ можно меньше труда на ея обработку и ни мало не помышляя не только о повышеніи, но даже о сохраненіи ея производительныхъ силъ. Чѣмъ мощнѣе хозяйство, чѣмъ легче оно, благодаря этому, справляется съ подъемомъ цѣлинныхъ земель, тѣмъ больше цѣль хозяйствованія сводится къ тому, чтобы распахать какъ можно больше цѣлины, какъ можно скорѣе высосать изъ нея все, что она можетъ дать при минимальныхъ затратахъ, и потомъ ее забросить и перейти на другую цѣлину. При первобытныхъ, медленно работающихъ обработочныхъ орудіяхъ и первобытныхъ же, основанныхъ на ручномъ трудѣ способахъ уборки хлѣба и молотьбы, стремленіе хозяйствъ этого типа вширь находитъ себѣ нѣкоторую сдержку, съ одной стороны, въ медленности пахоты, главнымъ же образомъ—въ необходимости сообразовать размѣръ запашки съ ограниченною воз-

можностью достать рабочихъ для уборки и молотьбы и считаться съ всегда наличною опасностью либо вовсе не достать ихъ, либо достать по несообразнымъ цѣнамъ, могущимъ поглотить весь доходъ хозяйства. Буккера и другія скоропашущія орудія въ нѣсколько разъ ускоряютъ работу—слѣдовательно позволяютъ съ даннымъ числомъ рабочихъ и рабочаго скота распахать въ нѣсколько разъ большую площадь; главное же—съ распространеніемъ жней и молотилокъ исчезаетъ упомянутая только что сдержка со стороны возможнаго недостатка рабочихъ рукъ для уборки и молотьбы: сколько бы ни распахало хозяйство со своими семейными работниками или постоянными батраками, оно всегда успѣетъ машинами и выжать, и обмолотить посѣянный хлѣбъ. Повторяю—этимъ путемъ улучшенный мертвый инвентарь разсматриваемаго типа лишь способствуетъ обостренію хищническаго характера хозяйства, и это вредное его вліяніе едва ли перевѣшивается такими несомнѣнными техническими и экономическими выгодами, какъ возможность использовать даже краткіе періоды благопріятной для уборки погоды, возможность съ любою скоростью обмолотить хлѣбъ и, благодаря этому, использовать выгодный моментъ для его продажи и т. п.

Повторяю: орудія и машины этого типа, поскольку они примѣняются въ рѣдконаселенныхъ мѣстностяхъ съ еще сохранившимся экстенсивно-хищническимъ хозяйствомъ, являются скорѣе «орудіями усовершенствованнаго хищничества», чѣмъ средствами улучшенія хозяйства. А поскольку рѣчь идетъ о крестьянскомъ хозяйствѣ, они только въ такихъ условіяхъ и могутъ распространяться. Гдѣ населеніе гуще и земельное обезпеченіе его меньше, тамъ жнея, косилка, буккеръ не могутъ окупить себя, а потому не могутъ получить распространенія. Такимъ образомъ, орудія разсматриваемаго типа являются въ крестьянскомъ хозяйствѣ спутникомъ не интенсификаціи земледѣлія, а наоборотъ—спутникомъ еще сохранившагося первобытно-хищническаго хозяйства. Если обратиться къ тѣмъ же корреспондентскимъ сообщеніямъ по Харьковской губерніи, то окажется, что о распространенности жатвенныхъ машинъ говорятъ по южнымъ, многоземельнымъ уѣздамъ, 56 сообщеній, по среднимъ—уже только 13, по сѣвернымъ, малоземельнымъ, съ ихъ значительно ушедшимъ впередъ хозяйствомъ, всего 4; соотвѣтственныя цифры для буккеровъ—41, 8 и 10 показаній.

Совсѣмъ иное приходится, очевидно, сказать объ орудіяхъ и машинахъ другого, улучшающаго землю или повышающаго ея производительность типа. Къ этой категоріи относятся, прежде всего, улучшенныя обработочныя орудія — цѣлесообразно построенные плуги, усовершенствованныя бороны, экстирпаторы, служащіе для искорененія сорныхъ травъ, катки и т. п.—вообще орудія, непосредственно воздѣйствующія на почву и приводящія ее въ наиболѣе соотвѣтствующее требованіямъ агрономической техники физическое состояніе; затѣмъ, какъ

упоминалось, сѣялки — разбросныя и особенно рядовыя; далѣе — разнообразныя машины, служащія для очистки зерна — сортировки, куколеотборники и т. п., отдѣляющія хорошее, годное для посѣва зерно отъ легковѣснаго и устраняющія подмѣсь сорныхъ травъ; къ той же категоріи, хотя и не воздѣйствующихъ непосредственно на производительность почвы, но способствующихъ улучшенію той или другой отдѣльной отрасли или стороны хозяйства, можно отнести различныя машины для приготовленія корма для скота (соломорѣзки и т. п.), машины, служащія для молочнаго хозяйства (сепараторы и пр.), льномялки и проч. Не входя въ подробности, приведу только нѣсколько заимствованныхъ изъ «Урожаевъ ржи» А. Ф. Фортунатова примѣровъ, могущихъ показать, какъ рѣзко отражается одно только введеніе улучшенныхъ пахатныхъ орудій на производительности земли и на результатахъ хозяйства: въ Новоторжскомъ уѣздѣ (Тверск. губ.) для 43 имѣній съ плугами получился средній урожай 47,4, для 109 имѣній безъ плуговъ 36,4 пуд.; въ Кирсановскомъ уѣздѣ (Тамб. губ.) на плужной пахотѣ получали въ полтора раза большій урожай, чѣмъ на сошной; въ одномъ имѣніи Сергачскаго уѣзда при обработкѣ собственнымъ, значитъ улучшеннымъ инвентаремъ получили 10,3, при обработкѣ крестьянскимъ 7,8 четвертей, и т. д.

Ясно, въ виду сказаннаго, что не меньшій, если не большій интересъ, чѣмъ общее количество входящихъ въ употребленіе въ сельскомъ хозяйствѣ страны сельско-хозяйственныхъ машинъ и улучшенныхъ орудій, представляетъ распредѣленіе ихъ по разнымъ категоріямъ. Входить по данному вопросу въ подробности я не имѣю возможности,—приведу лишь нѣсколько характерныхъ цифръ, которыя заимствую изъ того же атласа. Изъ общей массы ввоза — оказывается — лишь сравнительно небольшая часть приходится на землеобработочныя орудія: за пятилѣтіе 1898—1902 гг. 2,6 милл. изъ 13,3 милліоновъ пудовъ, за слѣдующее пятилѣтіе 3,6 изъ 22-хъ, за пятилѣтіе 1908—1912 гг. 5,4 милл. изъ 39 милліоновъ пудовъ всего ввоза сельск.-хоз. орудій и машинъ. Изъ общей стоимости внутренняго производства, выразившейся въ 1912 г., какъ мы видѣли, 52 милліонами рублей, на долю орудій по обработкѣ почвы приходится 19,9%, сѣялокъ—15,8, зерноочистительныхъ и сортировочныхъ машинъ 4,7%—вообще на долю орудій, въ той или иной мѣрѣ способствующихъ улучшенію культуры, приходится всего 40% общей стоимости внутренняго производства, 46% приходится на долю уборочныхъ машинъ и молотилокъ.

Какъ отчасти видно, однако, изъ сказаннаго выше, даже и улучшенныя землеобработочныя орудія—далеко не всегда синонимъ улучшенія культуры,—сплошь и рядомъ и они являются такими же «орудіями усовершенствованнаго хищничества». Что это такъ,—что распространеніе даже и однихъ только землеобработочныхъ орудій фабрично-заводскаго производства далеко не тождественно съ прогрессомъ сельскаго хозяй-

ства,—въ этомъ нетрудно убѣдиться, если присмотрѣться къ географическому ихъ распространенію, какъ оно рисуется по даннымъ произведеннаго центральнымъ статистическимъ комитетомъ, въ 1910 году, обслѣдованія. Нанесенныя на картограмму, мѣстности съ максимальнымъ распространеніемъ улучшенныхъ орудій для обработки, въ частности въ крестьянскомъ хозяйствѣ (въ главной массѣ уѣздовъ свыше 90% всѣхъ орудій), какъ бы полумѣсяцемъ охватываютъ всю восточную, юго-восточную, южную и юго-западную Россію, захватывая, такимъ образомъ, какъ ушедшія наиболѣе впередъ, по сравненію со всею остальною частью черноземной полосы, по пути интенсификаціи хозяйства и вообще сельско-хозяйственнаго прогресса юго-западныя губерніи, такъ и весь степной югъ и юго-востокъ съ сѣвернымъ Кавказомъ, съ еще доживающимъ свой вѣкъ первобытнымъ залежнымъ хозяйствомъ. Въ той же, если можно такъ выразиться, «индифферентности» обыкновенныхъ плуговъ, боронъ и вообще землеобработочныхъ орудій заводскаго производства легко убѣдиться и изъ разсмотрѣнія данныхъ по болѣе ограниченныхъ районамъ. Обратимся къ тѣмъ же корреспондентскимъ сообщеніямъ по Харьковской губерніи. О распространенности плуговъ говорятъ 207 сообщеній изъ южнаго, 186 изъ средняго и 211 изъ сѣвернаго района,—плугъ, такимъ образомъ, и внутри одной губерніи съ одинаковою быстротою распространился и въ наиболѣе многоземельныхъ мѣстностяхъ съ наиболѣе первобытнымъ хозяйствомъ, и въ наиболѣе малоземельныхъ, съ наибольшими признаками сельскохозяйственнаго прогресса. Совсѣмъ другое приходится сказать о такихъ орудіяхъ, какъ глубоко-улучшающіе почву экстирпаторы—о распространеніи ихъ говорятъ 22 сообщенія изъ сѣвернаго района, 9 изъ средняго и только одно изъ южнаго, экстенсивнаго района; тоже самое можно констатировать и по отношенію къ зерноочистительнымъ машинамъ: соотвѣтственныя цифры для вѣялокъ 36, 48 и всего 7, а болѣе усовершенствованныя машины этой категоріи, сортировки и куколеотборники, отмѣчены въ 13 сообщеніяхъ изъ сѣвернаго, въ семи изъ средняго и ни въ одномъ изъ южнаго района.

Не приходится долго распространяться о громадномъ интересѣ этой собственно, качественной стороны вопроса о мертвомъ крестьянскомъ инвентарѣ для земства. Одною изъ основныхъ задачъ земства является попеченіе о хозяйственныхъ, а значитъ, прежде всего,—о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ населенія; одною изъ существеннѣйшихъ его сторонъ является забота о распространеніи среди населенія болѣе совершенныхъ орудій,—задача, которая облекается частью въ болѣе или менѣе общія для всѣхъ мѣстностей, но, конечно, варіирующія въ деталяхъ формы, частью въ тѣ или другія спеціальныя формы, отвѣчающія конкретнымъ хозяйственнымъ нуждамъ опредѣленной мѣстности или опредѣленнаго хозяйственнаго момента. Къ первой категоріи относится забота о распространеніи улучшенныхъ землеобработочныхъ орудій—плуговъ, боронъ и т. п., рядовыхъ сѣялокъ, приспособленій для сортировки зерна и для

устраненія изъ посѣвнаго матеріала сорныхъ травъ,—всѣ эти роды орудій отвѣчаютъ повсемѣстной, въ однихъ мѣстностяхъ болѣе, въ другихъ менѣе назрѣвшей потребности въ улучшеніи обработки почвы, посѣвнаго матеріала и техники посѣва. Ко второй категоріи придется отнести распространеніе, напримѣръ, сепараторовъ въ районахъ, гдѣ развивается или можетъ развиваться молочное хозяйство, льномялокъ въ районахъ промышленнаго льноводства, сѣнокосилокъ въ степныхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаютъ жесткія травы, недоступныя для косы, клеверныхъ теркъ и т. п. въ мѣстностяхъ, гдѣ начинаетъ развиваться травосѣяніе и т. п..

Какъ извѣстно, земства до очень недавняго времени мало интересовались такъ называемою «общественною агрономіей», т. е. содѣйствіемъ улучшенію техники сельскаго и въ частности крестьянскаго хозяйства, и лишь въ самое недавнее время вопросы агрономической помощи, въ томъ числѣ и занимающій насъ сейчасъ вопросъ объ улучшеніи мертваго крестьянскаго инвентаря, стали привлекать ихъ усиленное вниманіе. Очень мало интересовалась технико-агрономическою стороною крестьянскаго хозяйства, можно сказать, до самыхъ послѣднихъ дней, и та, по преимуществу народнически-настроенная, интеллигенція, изъ которой вербовался главный контингентъ земскихъ статистиковъ. Неудивительно поэтому, если и вопросъ о земледѣльческихъ орудіяхъ до недавняго времени пользовался со стороны земской статистики лишь очень малымъ вниманіемъ, а поскольку она ихъ и учитывала, она интересовалась ими болѣе или менѣе исключительно съ количественной стороны, какъ симптомомъ крестьянскаго благосостоянія.

Въ довольно многихъ изъ болѣе раннихъ формуляровъ—напр. въ Тверскихъ, Полтавскихъ, вопроса объ орудіяхъ вовсе нѣтъ. Въ первомъ по времени изъ Воронежскихъ формуляровъ—по Острогожскому у., находимъ такія рубрики: плуги (очевидно имѣются въ виду «бытовые малорусскіе!), сохи, скоропашки, молотилки, возы, повозки. Въ послѣдующихъ уѣздахъ той же Воронежской губерніи вниманіе къ вопросу объ орудіяхъ не только не растетъ, но уменьшается: въ Землянскомъ формулярѣ спрашивали только о сохахъ, молотилкахъ и телѣгахъ, въ Валуйскомъ, послѣднемъ по времени,—о плугахъ, сохахъ, молотилкахъ, телѣгахъ. Сравнительно болѣе развитъ вопросъ объ орудіяхъ въ формулярахъ по Орловской губерніи, гдѣ даются такія рубрики: плуговъ, сохъ, боронъ деревянныхъ—желѣзныхъ, телѣгъ, катковъ, молотилокъ, вѣялокъ.

Далеко не одинаковымъ представляется вниманіе, удѣляемое вопросу объ орудіяхъ, и въ болѣе новыхъ формулярахъ. Такъ, въ формулярѣ по Великоустюгскому уѣзду (Вологодской губ.) оставленъ совершенно въ тѣни вопросъ объ усовершенствованныхъ орудіяхъ, но за то исключительное вниманіе удѣлено перевозочнымъ средствамъ; именно, имѣются графы для косуль, сохъ, плуговъ (очевидно заводскихъ!), боронъ деревянныхъ и желѣзныхъ—затѣмъ для скатовъ колесъ, телѣгъ двухъ- и четырехколесныхъ, дровней, саней.

Въ формулярахъ повторнаго изслѣдованія Тверской губ. учитываются, напротивъ, почти исключительно, въ Смоленскихъ—даже исключительно улучшенныя орудія,—слѣдовательно проявляется чисто-агрономическая точка зрѣнія на вопросъ. Такъ въ Тверскихъ имѣются рубрики: сохъ, плуговъ однокор-

пусныхъ—двукорпусныхъ, сѣялокъ, молотилокъ, вѣялокъ, льномялокъ,—орудіе представляющее для Тверской губерніи, какъ и для всего льняного района, особый интересъ, въ Смоленскихъ—плуги, одно- и двуконные, бороны съ желѣзными зубьями, вѣялки, молотилки и, конечно, тоже льномялки. Въ видѣ примѣровъ особо детальной и всесторонней разработки вопроса объ орудіяхъ можно привести формуляры по Черниговской, Пензенской, Полтавской (3-я перепись), Харьковской губерніямъ. Въ Черниговскомъ имѣются такія рубрики: сохъ, одно- и двуконныхъ, плуговъ, съ расчлененіемъ на разновидности—сабановъ, безпередковыхъ, передковыхъ одно- и многолемешныхъ; ралъ; боронъ съ деревянными, съ желѣзными зубьями, въ томъ числѣ мѣстныхъ, фабричныхъ, молотилокъ, вѣялокъ, катковъ, соломорѣзокъ Въ Полтавскомъ такія: плуговъ желѣзныхъ—однолемешныхъ, многолемешныхъ, деревянныхъ, боронъ желѣзныхъ, деревянныхъ съ желѣзными — съ деревянными зубьями, ралъ многозубыхъ, изъ нихъ на колесахъ, однозубыхъ, сѣялокъ разбросныхъ, рядовыхъ, катковъ гладкихъ, кольчатыхъ, сѣнокосилокъ, жатокъ, жат.-сноповязалокъ, конныхъ граблей, молотилокъ конныхъ, паровыхъ, вѣялокъ и сортировокъ, млинковъ, куколеотборниковъ, соломорѣзокъ. Въ Пензенскомъ имѣются готовыя рубрики для обычныхъ бытовыхъ орудій—сохъ, усовершенствованныхъ сохъ, плуговъ одно- и двуконныхъ, боронъ деревянныхъ и желѣзныхъ, становъ колесъ, а затѣмъ сборная рубрика для «усовершенствованныхъ орудій» съ графами какія, число, стоимость. Очень характерны, какъ показатель того исключительнаго вниманія, какимъ начинаютъ въ новѣйшее время пользоваться вопросы агрономической техники, Симбирскіе формуляры: въ общемъ они принадлежатъ къ числу наиболѣе краткихъ, а между тѣмъ вопросъ объ орудіяхъ и въ нихъ разработанъ съ большою степенью подробности. Сначала идутъ графы для обычныхъ «бытовыхъ» орудій—сохъ, косуль, боронъ обыкновенныхъ, катковъ, становъ колесъ, потомъ подъ особымъ заголовкомъ «усовершенствованныя орудія земледѣльческія и машины» плуги однолемешные и двулемешные, бороны желѣзныя, сѣялки разбросныя и рядовыя, жнейки, молотилки, вѣялки, сортировки, зерносушилки, причемъ по каждому виду усовершенствованныхъ орудій показывается не только число, но и стоимость,—вопросъ, очевидно, имѣющій существенное значеніе съ точки зрѣнія земской дѣятельности по снабженію населенія болѣе или менѣе дорого стоющими орудіями.

Въ соотвѣтствіи со сказаннымъ, очень многіе изъ болѣе раннихъ сборниковъ, въ томъ числѣ и сравнительно детально разработанные, въ общемъ, Полтавскіе, не даютъ никакихъ свѣдѣній объ орудіяхъ. Другіе даютъ, но очень мало; такъ, Воронежскіе даютъ число дворовъ безъ инвентаря, затѣмъ число сохъ, «молотилокъ и другихъ орудій», телѣгъ; Таврическіе даютъ число семей безъ инвентаря, имѣющихъ пахатный инвентарь, имѣющихъ жатки, имѣющихъ молотилки,—выборъ признаковъ, крайне характерный для Таврическаго «усовершенствованнаго хищничества». Въ новѣйшихъ формулярахъ, въ большинствѣ, даются подробные итоговые подсчеты съ расчлененіемъ, строго соотвѣтствующимъ проведенному въ формулярахъ и, естественно, отражающимъ на себѣ господствующій въ данной мѣстности типъ хозяйства и соотвѣтствующій ему подборъ орудій. Характернымъ для малороссійскаго района является приведенное выше расчлененіе въ сборникахъ 3-ей Полтавской переписи, для сѣвера—въ Вологодскихъ. Въ видѣ примѣра среднерусской разработки приведу Тульскіе сборники, гдѣ дается число сохъ, драпачей, плуговъ одно-и двухкорпусныхъ, боронъ деревянныхъ, съ желѣзными зубьями, желѣзныхъ, катковъ, сѣялокъ, косилокъ, жнеекъ, молотилокъ, вѣялокъ, сортировокъ, телѣгъ, саней, прочихъ экипажей; въ видѣ примѣра южно-русской—Екатеринославскіе, гдѣ дается число плуговъ, буккеровъ, ралъ, боронъ, сѣялокъ, конныхъ граблей, жатокъ, молотилокъ, вѣялокъ, сортировокъ, возовъ, ходовъ, катковъ. Учетъ дворовъ съ дефектнымъ инвента-

ремъ или наоборотъ — съ многократными комплектами, какъ симптомомъ несамостоятельнаго или, наоборотъ исключительно—сильнаго хозяйства проводится въ большинствѣ сборниковъ въ гораздо меньшей мѣрѣ, нежели это было бы желательно и возможно. Чаще всего мы встрѣчаемъ одну только цифру—число дворовъ безъ инвентаря или, напротивъ, «съ инвентаремъ». Въ симбирскихъ сборникахъ дается, рядомъ съ числомъ дворовъ съ инвентаремъ, число и о/о дворовъ съ «усовершенствованнымъ» инвентаремъ; въ Мышкинскомъ (Яросл. губ.)—число дворовъ безъ инвентаря и кромѣ того—съ неполнымъ инвентаремъ; въ Тульскихъ—число хозяйствъ безъ инвентаря, безъ плуговъ, безъ усовершенствованныхъ орудій по уборкѣ. Исключительно подробную разработку въ данномъ направленіи, приспособленную къ условіямъ степного плужно-буккернаго хозяйства, даютъ Екатеринославскіе сборники,—здѣсь дается, именно, число дворовъ безъ всякаго инвентаря, безъ плуга и буккера, съ частью плуга, съ частью буккера, съ буккеромъ, съ плугомъ, съ плугомъ и буккеромъ, съ частью или цѣлою жаткой, съ частью или цѣлою молотилкой. Въ общемъ—повторяю—данныя объ инвентарѣ разработаны земскою статистикою, въ данномъ направленіи, чрезвычайно недостаточно,—при болѣе тщательной разработкѣ они могли бы служить однимъ изъ наиболѣе показательныхъ симптомовъ, на основаніи которыхъ можно было бы изучать соціально-экономическое разслоеніе деревни.

Скотъ или такъ называемый «живой инвентарь» крестьянскаго хозяйства,—это, прежде всего, крупный скотъ—лошади и рогатый; затѣмъ мелкій—овцы и свиньи. Къ этимъ четыремъ основнымъ видамъ скота присоединяются нѣкоторые—разсматривая съ точки зрѣнія экономіи всей страны—второстепенные: козы, встрѣчающіяся болѣе или менѣе повсемѣстно, но почти вездѣ играющія лишь ничтожную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ; верблюды, проникающіе въ хозяйство юго-восточныхъ губерній изъ смежныхъ средне-азіатскихъ степей; ослы (ишаки), играющіе существенную роль въ хозяйствѣ туземнаго населенія Закавказья и Туркестана, но, можно сказать, совершенно не встрѣчающіеся у русскаго населенія и въ частности въ крестьянскомъ хозяйствѣ. По основной цѣли, ради которой содержится скотъ, онъ можетъ быть разбитъ на двѣ основныхъ категоріи, между которыми, конечно, нельзя провести вполнѣ рѣзкой границы: рабочій и продуктивный скотъ. Первый содержится исключительно или главнымъ образомъ въ качествѣ рабочей силы, второй—ради тѣхъ продуктовъ, которые онъ даетъ при жизненно (молоко, шерсть и пр.) или при убоѣ (мясо, сало, кожи, кости, рога и пр.), или же ради даваемаго имъ приплода; въ этомъ смыслѣ будетъ продуктивнымъ и всякій рабочій скотъ, поскольку онъ самъ себя «ремонтируетъ», иначе сказать, поскольку онъ даетъ приплодъ. Рабочій скотъ—это исключительно нѣкоторые виды крупнаго скота: повсемѣстно лошади, въ южной и юго-восточной Россіи быки, (въ видѣ исключенія коровы) въ юго-восточныхъ степяхъ, пока въ видѣ нѣкотораго исключенія, верблюды. Быковъ содержатъ тамъ, гдѣ этому благо-

пріятствуютъ, до нѣкоторой степени, бытовыя, главнымъ же образомъ природныя условія, и въ частности характеръ кормовъ: первое имѣетъ мѣсто въ районахъ съ кореннымъ (Украина) или вновь водворяющимся (заволжье, за-уральскія степи) малорусскимъ населеніемъ, въ которомъ вѣковая привычка развила даже нѣчто вродѣ особой нѣжности къ воламъ; второе—во всей вообще, болѣе или менѣе рѣзко выраженной, степной полосѣ, страдающей недостаткомъ спеціальныхъ луговъ, способныхъ давать сѣно, годное для лошадей, но изобилующихъ грубыми травами, вполнѣ пригодными для рогатаго скота и въ частности для быковъ. Неприхотливость къ корму—важное преимущество быковъ передъ лошадьми; другое, не менѣе важное, преимущество, что быки—не только р а б о ч і й, но и у б о й н ы й скотъ; работая, они не только не «идутъ въ погашеніе»—не теряютъ своей цѣнности, какъ лошади, но наоборотъ, попутно нагуливаются и растутъ въ убойномъ вѣсѣ и цѣнности «на ногахъ»; работа быковъ, поэтому, не только получается какъ-бы даромъ, но они могутъ служить даже объектомъ довольно выгоднаго денежнаго оборота, если, напримѣръ, не выращивать быковъ въ хозяйствѣ, а покупать ихъ молодыми и перепродавать послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы. Главный недостатокъ быковъ—медленность работы и слабость, по сравненію съ лошадьми; какъ извѣстно, рабочею единицей является н е о д и н ъ быкъ, а п а р а (почему при подсчетахъ пара быковъ обычно приравнивается одной лошади); мало того—плугъ, который требовалъ бы, положимъ, трехъ лошадей, потребуетъ, въ видѣ правила, четырехъ или пяти паръ быковъ. А такъ какъ быкъ средняго достоинства и стоитъ дороже, нежели средняя крестьянская лошадь, то, значитъ, воловій инвентарь представляетъ собою несравненно большую капитальную стоимость, нежели равносильный ему конный, а слѣдовательно будетъ доступнымъ лишь при значительно высшемъ уровнѣ крестьянскаго достатка. Сказаннымъ объясняются два одновременно наблюдаемыхъ въ разныхъ частяхъ степной и полустепной полосы, діаметрально противуположныхъ процесса: въ Заволжьѣ—вытѣсненіе рабочихъ лошадей быками и верблюдами, въ Малороссіи, наоборотъ, вытѣсненіе воловьяго коннымъ инвентаремъ. Въ Заволжьѣ сгустившееся, благодаря и естественному приросту, и иммиграціи, населеніе уже не располагаетъ достаточнымъ для прокормленія нужнаго ему количества лошадей количествомъ луговъ съ мягкими травами, а потому переходитъ на быковъ и на еще менѣе прихотливыхъ, въ данномъ направленіи, верблюдовъ,—нѣкоторую роль, поскольку рѣчь идетъ о быкахъ, играетъ и преобладаніе, среди новыхъ поселенцевъ, выходцевъ изъ Украины; въ Малороссіи вытѣсненіе быковъ лошадьми является симптомомъ хозяйственнаго упадка и главнымъ образомъ—послѣдствіемъ надвигающагося земельнаго утѣсненія, при наличности котораго воловья запряжка уже не находитъ для себя достаточнаго простора и достаточно полнаго и выгоднаго приложенія. Въ той или другой мѣрѣ, всякій рабочій скотъ является въ тоже время

и продуктивнымъ. О быкахъ уже было сказано. Что касается до лошадей, то даже въ условіяхъ обычнаго с еднерусскаго крестьянства отработавшая лошадь идетъ въ убой и даетъ кожу и кости; конское мясо потребляется магометанскимъ населеніемъ въ пищу, у кочевого же населенія используется и кобылье молоко (кумысъ). Къ категоріи чисто-продуктивнаго скота относится, прежде всего, весь остальной, кромѣ рабочихъ быковъ, рогатый скотъ, и прежде всего коровы, затѣмъ—весь мелкій, главнымъ образомъ овцы и свиньи, причемъ какъ составъ всего «стада» и роль тѣхъ или другихъ видовъ продуктивнаго скота, такъ—забѣгая нѣсколько впередъ—и способы его использованія, такъ называемое «направленіе» скотоводства, складываются весьма различно, въ зависимости какъ отъ естественныхъ условій, такъ и, главнымъ образомъ, отъ переживаемаго данною страною или мѣстностью фазиса эволюціи сельскаго хозяйства. Въ частности, чрезвычайно показательнымъ и легко уловимымъ статистически признакомъ опредѣленнаго состоянія хозяйства является относительное значеніе овцеводства, съ одной стороны, свиноводства, съ другой. «Штука свиньи—говоритъ проф. А. Н. Челинцевъ въ своей книжкѣ «Сельско-хозяйственные районы европейской Россіи», говоритъ совсѣмъ другое, нежели одна овца. Въ то время какъ свиньи требуютъ, въ общемъ, болѣе сильнаго кормленія, лучшаго содержанія, легче страдаютъ при маломъ вниманіи къ нимъ отъ эпидемій, овцы, наоборотъ, приспособлены къ гораздо меньшей затратѣ на нихъ труда, кормятся проще и выносливѣе. Съ другой стороны, одна откормленная, даже въ годичномъ возрастѣ, свинья можетъ дать выручку, при современныхъ, напр., условіяхъ 40—80 рублей, а кое-гдѣ у крестьянъ и болѣе; поэтому, при возможности сбыта, пара свиней можетъ дать уже солидный заработокъ, 100—150 рублей, тогда какъ овца, особенно мѣстная крестьянская, менѣе скороспѣла и можетъ дать выручку въ годъ 5—6 рублей. Короче говоря, пара свиней можетъ доставить крестьянину столько, сколько цѣлое стадо овецъ въ 20 и болѣе головъ»; при этомъ свинья превосходно используетъ, въ видѣ корма, всякаго рода отбросы интенсивнаго земледѣльческаго хозяйства, тогда какъ овца, напротивъ, лучше всего чувствуетъ себя на сухомъ сѣнѣ и на сухихъ степныхъ пастбищахъ. Въ конечномъ счетѣ—продолжаетъ проф. Челинцевъ, «требуя больше труда, вниманія и тщательности въ веденіи дѣла и хорошо оплачивая все это, содержаніе свиньи предполагаетъ условія болѣе интенсивной мѣстности; овца же крестьянская, дающая грубую шерсть, овчины и ягнятъ, по обратнымъ своимъ качествамъ свойственна болѣе экстенсивнымъ условіямъ». Отсюда—значеніе численности овецъ или наоборотъ—свиней, какъ показателя уровня развитія животноводства и всего вообще хозяйства въ странѣ или районѣ: «относительно большая численность свиней въ мѣстности указываетъ на существованіе болѣе интенсивныхъ условій сельскаго хозяйства, а относительно большее число овецъ, наоборотъ, на сравнительную экстен-

сивность ихъ»; отсюда и то, какъ мы увидимъ, повсемѣстно наблюдаемое явленіе, что «съ приростомъ и индустріализаціею населенія важность первыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ растетъ, а вторыхъ падаетъ». Если, въ частности, не выходить изъ предѣловъ европейской Россіи, то характернымъ для южной, степной полосы будетъ, какъ разъ, овцеводство, главнымъ образомъ, на шерсть, и разведеніе рогатаго скота, преимущественно для убоя на мясо; чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ больше отступаетъ на задній планъ какъ овцеводство вообще, такъ и въ особенности шерстное овцеводство, и поскольку держатъ овецъ, ихъ держатъ главнымъ образомъ для убоя; что касается до рогатаго скота, то въ средней Россіи онъ, вообще, играетъ второстепенную роль, въ сѣверной до недавняго времени содержатся главнымъ образомъ изъ-за навоза, въ послѣднее же время широкое распространеніе получаетъ использованіе рогатаго скота въ направленіи молочнаго хозяйства. Что касается до свиней, то въ экстенсивномъ хозяйствѣ многоземельныхъ районовъ онѣ играютъ малозамѣтную роль, питаясь главнымъ образомъ дикорастущимъ и вообще случайнымъ кормомъ; роль эта еще уменьшается съ сокращеніемъ земельнаго простора, когда случайныхъ кормовъ уже мало, а для раціональнаго свиноводства еще не создалось подходящихъ экономическихъ условій,—но затѣмъ прогрессивно растетъ по мѣрѣ перехода къ болѣе интенсивнымъ формамъ земледѣльческаго хозяйства, являясь —какъ мы видѣли—наиболѣе выгоднымъ способомъ использованія отбросовъ послѣдняго и его побочныхъ продуктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и наиболѣе доходною, при извѣстной совокупности условій, отраслью хозяйства; цѣлью разведенія свиней, въ такихъ условіяхъ, является болѣе или менѣе исключительно полученіе убойныхъ продуктовъ, тогда какъ въ экстенсивномъ свиноводствѣ многоземельныхъ мѣстностей относительно видную роль играетъ полученіе щетины.

Сказанное только что, до нѣкоторой степени, отражается уже на общихъ размѣрахъ скотоводства, или точнѣе—на цифрахъ, выражающихъ общее количество главныхъ видовъ скота въ различныхъ странахъ. Вотъ новѣйшія, относящіяся, большею частью, къ 1910—13 г. цифры по главнѣйшимъ странамъ, по разсчету на 100 душъ населенія:

		Лошадей.	Рогатаго.	Овецъ.	Козъ.	Свиней.	Ословъ и муловъ.
	Россія	20,5	30	46	2,8	8,9	0,2
отдѣльно:	европейская	18	25	32	0,6	10	0,0
	Польша	9,5	17	6,4	0,1	5,6	0,0
	Кавказъ	17	51	93	8,7	9,8	1,4
	Сибирь	48	60	51	2,4	11,4	—
	Средняя Азія	44	48	194	25	1,0	1,0
	Финляндія	12	50	42	0,4	13,5	—
	Венгрія	11	35	41	2,0	36	0,1

Сербія	5,3	33	131	21,5	30	0,0
Болгарія	11	46,5	199	34	12	3,0
Германія	6,9	32	8,4	5,4	39	0,0
Данія	20	83	27	1,5	54	—
Швеція	11	48	17	1,2	17	—
Швейцарія	3,8	38	4,3	9,1	15	0,1
Франція	8,2	37	41	3,7	18	1,4
Соедин. кор.	4,1	25,9	60	—	7,2	—
Сѣв.-Америк. Соед Штаты	22	60	55	—	63	4,8
Канада	35	89	34	—	45	—
Аргентина	131	404	1160	60	40	11
Австралія (вся)	54	261	904	—	18	—

Цифры эти довольно сильно расходятся съ обычнымъ представленіемъ о Россіи, какъ о странѣ, изобилующей скотомъ и снабжающей западно-европейскія страны продуктами животноводства, частью и живымъ скотомъ (лошадьми!). Лишь по среднему разсчету на 100 душъ всего населенія количеству лошадей Россія стоитъ впереди всѣхъ западно-европейскихъ странъ, и съ нею можетъ конкуррировать въ этомъ отношеніи только Данія. Но если взять обезпеченіе лошадьми земледѣльческаго населенія и по разсчету на землю, то получится нѣчто иное: по разсчету на 1000 дес. удобной земли въ Россіи приходится, по вычисленіямъ В. Э. Дена, всего 94 лошади,—уже во Франціи 107, въ Англіи 115, въ Германіи 119, въ Венгріи и Даніи даже 171—172. Нечего уже говорить о другихъ видахъ скота: по количеству рогатаго скота, даже на душу всего населенія, вся Россія занимаетъ второе съ конца, европейская Россія даже послѣднее мѣсто; приблизительно наравнѣ съ нею стоитъ по количеству рогатаго скота только Соединенное королевство (Великобританія и Ирландія), и оно же одно замѣтно отстаетъ отъ Россіи по количеству свиней; Германія и Швейцарія стоятъ значительно ниже, Данія и Швеція—тоже еще замѣтно ниже Россіи по количеству овецъ. Всѣ остальныя страны стоятъ выше европейской Россіи по количеству и рогатаго скота, и овецъ, и особенно свиней, и только взятая со включеніемъ азіатской части Россія сравнивается съ большинствомъ европейскихъ странъ по количеству рогатаго скота и становится выше большинства ихъ по количеству овецъ, еще болѣе отставая, однако, по количеству свиней. Все это, напоминаю, даже по разсчету на душу или на 100 душъ населенія,—если же вычислять степень использованія скотомъ территоріи, иначе сказать, количество скота по разсчету, положимъ, на 1000 дес. удобной площади, то результатъ сравненія окажется, окончательно неблагопріятнымъ для нашей страны. И такой плачевный результатъ сравненія еще усугубляется, если принять въ соображеніе разницу въ качествѣ скота. Нечего уже говорить

объ Англіи, гдѣ высоко-добротное скотоводство, несмотря на ничтожныя цифры большинства видовъ скота, является доминирующею отраслью сельскаго хозяйства,—но и во всѣхъ остальныхъ странахъ качество скота стоитъ гораздо выше, нежели въ Россіи. Не входя въ подробности, приведу только среднія цифры убойнаго вѣса рогатаго скота: для нашего степного скота онъ достигаетъ, правда, приблизительно 18, но для обыкновеннаго великорусскаго не превышаетъ 7 пудовъ; между тѣмъ въ Германіи средній убойный вѣсъ быка 29, коровы 24 пуда, соотвѣтственныя цифры во Франціи 30 и 20 пудовъ, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, при громадной численности и экстенсивномъ характерѣ скотоводства, средній убойный вѣсъ рогатаго скота на фермахъ 35—38, въ степныхъ хозяйствахъ тоже еще отъ 25 до 33 пудовъ...

Очень интересенъ, далѣе, вопросъ объ *измѣненіяхъ количества скота во времени*. Вотъ характерныя цифры по нѣсколькимъ изъ европейскихъ странъ и по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, а затѣмъ—цифры за большее число характерныхъ моментовъ для европейской Россіи.

	Года.	Лошадей.	Рогатаго.	Овецъ и козъ.	Свиней
			Тысячъ.		
Франція	1882	2838	12977	34619	5246
	1913	3230	14807	17666	7047
Германія	1883	3522	15787	21840	9206
	1912	4523	20182	9214	21924
Данія	1881	348	1470	1558	527
	1909	535	2254	767	1468
Соедин. корол.	1880	1921	9834	30082	2851
	1913	1865	11897	27552	3294
Венгрія	1880	2079	5311	10171	4160
	1911	2351	7319	8975	7580
Сербія	1890	163	828	3475	908
	1910	153	972	4436	863
Соед. Шт.	1880	11202	33258	40766	34034
	1913	20567	56527	51482	61178
Финляндія	1880	276	1086	997	155
	1910	360	1573	1322	418

Такимъ образомъ, феноменально быстрый и, главное, равномѣрный по всѣмъ отраслямъ скотоводства приростъ обнаруживаютъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и, относительно, почти въ такой же пропорціи—входящая въ составъ Россійскаго государства, но такъ рѣзко отличающаяся отъ нея во всѣхъ отношеніяхъ Финляндія. Изъ взятыхъ мною, въ видѣ характерныхъ примѣровъ, западно-европейскихъ странъ совершенно

особое мѣсто занимаетъ Сербія; не говоря о коневодствѣ, которое во всѣхъ европейскихъ странахъ, кромѣ Даніи, мало измѣняется въ своихъ абсолютныхъ размѣрахъ,—здѣсь и большинство остальныхъ отраслей скотоводства претерпѣваетъ лишь незначительныя измѣненія: количество рогатаго скота медленно растетъ, количество свиней столь-же медленно, но убываетъ, и, что особенно характерно, быстро растетъ число овецъ. Во всѣхъ остальныхъ западно-европейскихъ странахъ, даже въ сопредѣльной съ Сербіею Венгріи, овцеводство—эта характернѣйшая для экстенсивнаго хозяйства отрасль скотоводства—убываетъ. Относительно медленно убываетъ оно въ только-что названной Венгріи, но также и въ столь непохожей на нее по всему типу хозяйства Даніи; общимъ для обѣихъ этихъ странъ является и равномѣрный, умѣренно быстрый ростъ количества скота остальныхъ трехъ видовъ. Довольно близко къ датскимъ измѣняются цифры скотоводства по Соединенному Королевству,—отличіемъ является, съ одной стороны, значительно болѣе медленный ростъ количества рогатаго скота и особенно свиней и очень слабая убыль количества овецъ, съ другой—нѣкоторая, хотя и незначительная убыль количества лошадей. Напротивъ, въ двухъ большихъ континентальныхъ странахъ растетъ количество всѣхъ видовъ скота, кромѣ овецъ, число которыхъ, въ той и другой странѣ, чрезвычайно быстро убываетъ; въ Германіи эта убыль болѣе чѣмъ компенсируется чрезвычайно сильнымъ ростомъ количества свиней и гораздо болѣе сильнымъ, нежели во Франціи, ростомъ количества рогатаго скота.

Вотъ, затѣмъ, нѣсколько цифръ, характеризующихъ измѣненіе во времени количества скота въ 60 губерніяхъ европейской Россіи вмѣстѣ съ царствомъ Польскимъ.

	Лошадей.	Рогатаго.	Овецъ и козъ.	Свиней.
		Тысячъ.		
1864—69	16091	22963	49307	10319
1882	16555	26765	49880	9655
1887	17127	26005	50972	10458
1892	17725	26686	40966	10084
1897	20132	33454	49796	14445
1902	21886	34965	51378	13188
1907	21698	31975	43069	12366
1912	23167	32931	41233	13224

Такимъ образомъ, сравнительно замѣтный скачокъ вверхъ наблюдается только между 1892 и 1897 гг.—разсмотрѣніе погодныхъ цифръ показываетъ, что скачокъ этотъ имѣлъ мѣсто, собственно, отъ 1895 къ 1896 году, съ одинаковою силою проявившись по отношенію ко всѣмъ четыремъ категоріямъ скота. Обстоятельство это дѣлаетъ весьма правдо-

подобнымъ, что мы имѣемъ дѣло здѣсь не съ дѣйствительнымъ увеличеніемъ количества скота, а скорѣе съ увеличеніемъ цифръ, обусловленнымъ какими то улучшеніями въ техникѣ учета скота. И это предположеніе дѣлается тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что позднѣе указаннаго момента абсолютное количество всѣхъ, кромѣ овецъ, видовъ скота остается почти что стаціонарнымъ, обнаруживая для лошадей весьма слабый ростъ, для рогатаго и свиней—даже нѣкоторую, впрочемъ, можетъ быть, случайную, убыль количество же овецъ, начиная съ 1900 года, хотя и не рѣзко, но правильно убываетъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что даже въ абсолютныхъ цифрахъ количество скота въ Россіи, въ частности европейской, въ послѣднія десятилѣтія не обнаруживаетъ никакого роста, причемъ, въ частности, наблюдаемая у насъ, какъ и во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ, быстрая убыль овцеводства не компенсируется наблюдаемымъ во всей остальной Европѣ ростомъ, въ особенности, количества свиней. Очевидно, что въ Россіи болѣе или менѣе исчезли условія, сравнительно недавно благопріятствовавшія первобытному, экстенсивному скотоводству, характернымъ для котораго является разведеніе овецъ, и еще не появились условія, благопріятствующія развитію болѣе культурнаго интенсивнаго скотоводства, характернымъ для котораго является усиленное разведеніе свиней. Неутѣшительный смыслъ приведенныхъ цифръ, характеризующихъ измѣненіе во времени русскаго скотоводства по сравненію со скотоводствомъ другихъ странъ, подчеркнется еще сильнѣе, если принять во вниманіе большій, нежели въ какой-либо другой странѣ, приростъ у насъ населенія,—обезпеченность послѣдняго скотомъ обнаруживаетъ у насъ весьма рѣзкую убыль: если взять, напримѣръ, лошадей, то, по подсчетамъ В. Э. Дена, на 100 душъ населенія въ 1846 году приходилось ихъ 40, въ 1861 году 26, въ 1898 г. уже только 19, въ 1911 г. 18; рогатаго скота на 100 душъ населенія въ 1861 году приходилось 36 головъ, въ 1882 г. еще 31, въ 1898 г. уже только 25 головъ, столько же приходилось и въ 1911 году.

Таковы, несомнѣнно, проявляющіяся въ приведенныхъ цыфрахъ тенденціи. Столь же несомнѣнно, однако, что, происходя изъ обычныхъ источниковъ нашей офиціальной статистики, цыфры эти, сами по себѣ, очень сильно преуменьшены. Это всегда можно было предполагать,—и это съ несомнѣнностью доказывается данными сельско-хозяйственной переписи 1916 года. Перепись эта не захватила царства Польскаго и всего вообще занятаго непріятелемъ района; въ остальной части страны количество скота рѣзко сократилось подъ вліяніемъ всѣхъ извѣстныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ войною. И тѣмъ не менѣе общее по евр. Россіи количество главныхъ видовъ скота, по даннымъ предварительныхъ подсчетовъ переписи, оказалось, въ тысячахъ:

			Болѣе (+) или менѣе (—) противъ 1912 г.
Лошадей рабоч.	18413	всего 22154	— 1013 тыс.
проч.	4741		
Рогатаго, коровъ	17389	всего 38064	+ 5133 »
проч.	20675		
Овецъ	61048		+ 19815 »
Свиней.	16318		+ 3094 »

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ входить въ подробности относительно тѣхъ особенностей скотоводства въ разныхъ странахъ, которыя характеризуются въ его статикѣ приведенными на стр. 146—147, въ его динамикѣ—на стр. 148 цифрами. Поскольку рѣчь идетъ о количественныхъ различіяхъ, цифры эти сами говорятъ за себя; читатель же, нѣсколько вдумавшійся въ сказанное на стр. 144—146 и частью 149, безъ труда разберется и въ проявляющихся въ этихъ цифрахъ качественныхъ различіяхъ. Я не могу однако не остановиться на различіяхъ, наблюдаемыхъ между крупными частями нашей страны, а затѣмъ—и на тѣхъ порайонныхъ различіяхъ, которыя наблюдаются въ предѣлахъ европейской Россіи. Первыя достаточно ясно видны изъ цифръ, приведенныхъ въ первой части помѣщенной на стр. 146 таблички. Количественно царство Польское остается далеко позади европейской Россіи, причемъ разница, сравнительно слабая для рогатаго скота, становится весьма рѣзкою по отношенію не только къ овцамъ, но и по отношенію къ лошадямъ и даже свиньямъ; по объясненію А. Н. Челинцева, это происходитъ отъ того, что условія этой густо-населенной окраины, благопріятствуя, казалось-бы, и свиноводству, дѣлаютъ еще гораздо болѣе выгоднымъ молочное хозяйство, а слѣдовательно—разведеніе рогатаго скота. Азіатскія области Россіи, какъ и слѣдовало ожидать, несравненно богаче скотомъ, нежели европейская Россія, въ частности, Кавказъ почти не отличается отъ нея численностью лошадей, но гораздо богаче рогатымъ скотомъ и овцами; Сибирь и Средняя Азія далеко богаче какъ обоими этими видами скота, такъ и лошадьми, причемъ средняя Азія съ ея, въ значительной мѣрѣ, кочевымъ населеніемъ занимаетъ исключительно высокое мѣсто по количеству овецъ. Что касается до свиней, то Кавказъ и Сибирь мало отличаются отъ европейской Россіи, количество же ихъ въ средней Азіи совершенно ничтожно, что и естественно, въ виду преобладанія здѣсь магометанскаго населенія.

Если теперь остановиться ближе на европейской Россіи и взглянуть, прежде всего, на какую нибудь изъ помѣщенныхъ въ различныхъ изданіяхъ по экономикѣ и статистикѣ сельскаго хозяйства картограммъ, напр. на картограмму, помѣщенную во 2-мъ томѣ коллективнаго труда «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ», то мы увидимъ, что наибольшею, по разсчету на 100 душъ населенія, обезпеченностью всякимъ вообще

скотомъ, 95 до 70 головъ въ переводѣ на крупный, характеризуется, прежде всего, весь югъ Россіи—многоземельныя юго-восточныя и южныя степныя губерніи, но сверхъ того и прилегающая къ послѣднимъ съ запада, напротивъ, весьма густо населенная область, обнимающая юго-западныя губерніи и Бессарабскую; къ той же максимально обезпеченной скотомъ группѣ губерній принадлежитъ, затѣмъ, и чрезвычайно обширный по пространству, но весьма мало населенный крайній сѣверъ—губерніи Архангельская, Вологодская и Олонецкая, съ прилегающею къ послѣдней съ юга Новгородскою,—обстоятельство, замѣчу мимоходомъ, уже само по себѣ достаточно ясно показывающее, съ какими различными, можно сказать діаметрально противуположными, условіями совмѣстимо количественное развитіе скотоводства. Слѣдующее по обезпеченности скотомъ (68—55 гол. на 100 душъ) мѣсто занимаетъ, прежде всего, нешироκая сплошная полоса, главнымъ образомъ промышленныхъ губерній, протянувшаяся отъ Тверской губерніи на западѣ до Пермской на востокѣ, а затѣмъ—сплошной же районъ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній съ прилегающими къ нимъ съ востока Смоленскою и Псковскою, Еще меньшею обезпеченностью скотомъ (52 до 40 гол) характеризуется сплошное же пространство сѣверно-и среднечерноземныхъ губерній, отъ Полтавской на юго-западѣ до Нижегородской на юго-востокѣ, и наравнѣ съ ними —три прибалтійскія губерніи. Наконецъ, совершенно особое мѣсто, въ смыслѣ минимальной обезпеченности скотомъ (31 гол. на 100 душъ насе. енія), занимаютъ обѣ столичныя, Московская и Петроградская губерніи. Конечно, чрезвычайно рѣзко различается и составъ скота въ разныхъ областяхъ и районахъ европейской Россіи.

Вотъ относящіяся къ непосредственно предшествующему войнѣ моменту, также разсчитанныя на 100 душъ сельскаго населенія, данныя о количествѣ и составѣ скота въ разныхъ районахъ европейской Россіи:

Губерніи:	Лошади.	Рогатый.	Овцы.	Свиньи.
Центрально-черноземныя	17	17	38	7
Средневолжскія	19	22	47	5
Нижневолжскія	29	39	70	4
Новороссійскія	22	32	35	14
Юго-западныя	14	19	15	14
Малороссійскія	17	21	24	14
Всего по черноземн. полосѣ	19	23	37	10
Промышленныя	15	23	19	6
Бѣлорусскія	17	31	26	20
Литовскія	14	30	25	19
Приозерныя	17	33	22	7
Прибалтійскія	14	38	32	19

Приуральскія	23	33	44	8
Сѣверныя	17	36	30	4
Всего по нечерноземн. полосѣ	18	30	28	12

Подробное разсмотрѣніе этихъ цифръ завело бы насъ слишкомъ далеко,—я отмѣчу, поэтому, только такія наиболѣе рѣзко бросающіяся въ глаза черты, какъ преимущественное развитіе овцеводства по всему востоку и особенно юго-востоку и минимальное—въ промышленныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ; максимальное развитіе коневодства по всему степному югу и юго-востоку и въ прилегающемъ къ послѣднему, въ значительной мѣрѣ однородномъ съ нимъ, приуральскомъ районѣ; какъ сравнительно значительное развитіе свиноводства по всей западной полосѣ Россіи и особенно на сѣверо-западѣ; какъ замѣтно большая обезпеченность рогатымъ скотомъ всей вообще нечерноземной полосы по сравненію съ черноземною; въ первой въ одномъ только промышленномъ районѣ обезпеченность рогатымъ скотомъ падаетъ до средняго уровня обезпеченности черноземной полосы, въ этой послѣдней только два степныхъ района, южный и юго-восточный, характеризуются приблизительно такими же цифрами обезпеченности рогатымъ скотомъ, какъ большинство районовъ нечерноземной полосы.

Вотъ, затѣмъ, разсчитанныя также на 100 душъ сельскаго населенія цифры сельскохозяйственной переписи 1916 года:

На 100 душъ сельскаго населенія.

Районы.	Лошади.	Рогатый.	Овцы и свиньи.	Прочее.	Всего.	Въ томъ числѣ крупнаго скота.
Центро-черноземн.	24	31	103	0_0	159	55
Средневолжск.	25	36	107	0_0	168	61
Нижневолжск.	49	78	173	4_9	305	127
Новороссійск.	35	56	104	0_1	195	91
Юго-западн.	23	36	41	0_0	100	59
Малороссійск.	25	39	69	0_0	133	64
Промышленн.	18	37	50	0_0	105	55
Бѣлорусск. (и Вилен.)	27	46	112	0_0	185	73
Приозерн.	21	55	62	0_0	139	76
Прибалтійск.	31	90	152	0_0	274	121
Приуральск.	28	50	96	—	178	78
Сѣверн.	20	57	47	(11)	135 (124)	77
Всего по евр. Россіи	27	45	93	0_6	166	72

Подсчитанныя въ такомъ видѣ, безъ раздѣленія овецъ отъ свиней, цифры эти даютъ менѣе отчетливое представленіе о составѣ скота, не-

жели цифры предыдущей таблички,—мы разсмотримъ ихъ, поэтому, главнымъ образомъ подъ угломъ зрѣнія общей обезпеченности скотомъ населенія отдѣльныхъ районовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ виду вышеприведенныхъ (стр. 151) абсолютныхъ чиселъ, данныя сельскохозяйственной переписи рисуютъ ее въ значительно болѣе благопріятномъ свѣтѣ, нежели приведенныя выше цифры, вычисленныя по даннымъ текущей административной статистики,—и это несмотря на тѣ опустошенія, которыя произведены обстоятельствами военнаго времени. Если, затѣмъ, взять сначала общіе порайонные итоги, подведенные—надо сейчасъ же оговорить,—безъ какого-либо перевода, то между районами черноземной полосы, взятыми въ совокупности, и нечерноземными нельзя будетъ подмѣтить сколько-нибудь существеннаго различія: какъ въ той, такъ и въ другой общія, по разсчету на 100 душъ, цифры въ большинствѣ районовъ мало отклоняются отъ средней для всей европейской Россіи. Рѣзко выдѣляются взверхъ: въ черноземной полосѣ нижневолжскій районъ, гдѣ общая обезпеченность скотомъ почти вдвое выше средней для всей европейской Россіи, и—въ значительно меньшей мѣрѣ—новороссійскій, гдѣ, очевидно, общая совокупность условій уже въ гораздо большей мѣрѣ успѣла измѣниться въ неблагопріятную для былого экстенсивнаго скотоводства сторону. Въ нечерноземной полосѣ почти въ той же мѣрѣ выдается вверхъ—даже если судить по однѣмъ только общимъ цифрамъ—прибалтійскій районъ; но скотоводство здѣсь имѣетъ, очевидно, несравненно болѣе интенсивный характеръ, нежели во всей остальной Россіи, что, конечно, еще значительно усиливаетъ нашедшее себѣ выраженіе въ общихъ цифрахъ скота преимущество этого района. Рѣзко внизъ выдѣляются въ черноземной полосѣ юго-западный, въ нечерноземной промышленный районъ—общій коэффиціентъ обезпеченности скотомъ въ томъ и другомъ достигаетъ всего трехъ пятыхъ средняго для всей европейской Россіи.

Однако, выведеннымъ для всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ, видовъ скота, и притомъ безъ перевода, цифрамъ нельзя придавать существеннаго значенія, потому что на величину ихъ слишкомъ сильно вліяютъ не подвергнутыя соотвѣтственной ихъ вѣсу «уцѣнкѣ» цифры мелкаго скота, въ нѣкоторыхъ районахъ—и «прочаго» (въ нижневолжскомъ районѣ верблюды, въ сѣверномъ олени). Небезъинтересно, поэтому, сопоставить отдѣльно общія цифры обезпеченности однимъ только крупнымъ скотомъ (лошади и рогатый), помѣщенныя въ послѣднемъ столбцѣ таблички. И по этимъ цифрамъ рѣзко выдаются вверхъ: въ черноземной полосѣ нижневолжскій районъ съ его экстенсивнымъ, въ нечерноземной полосѣ прибалтійскій, съ его интенсивнымъ скотоводствомъ, гораздо менѣе рѣзко, но все же довольно замѣтно—новороссійскій; въ нечерноземной полосѣ, точно также, выдѣляется внизъ промышленный районъ. Если, затѣмъ, сопоставить обезпеченность крупнымъ скотомъ остальныхъ районовъ черноземной полосы съ среднею обезпеченностью нечерноземныхъ, то

окажется, что послѣдніе значительно лучше обезпечены крупнымъ скотомъ, нежели первые: во всѣхъ—кромѣ двухъ выше названныхъ—районахъ нечерноземной полосы коэффиціентъ обезпеченности крупнымъ скотомъ даже нѣсколько выше, чѣмъ въ среднемъ для всей страны, во всѣхъ, кромѣ двухъ названныхъ, черноземныхъ районахъ онъ замѣтно ниже. Это и понятно: въ черноземной полосѣ, за исключеніемъ двухъ степныхъ ея районовъ, животноводство, какъ особая отрасль хозяйства, играетъ лишь ничтожную роль; скотоводство является, въ главной своей массѣ, лишь придаткомъ къ земледѣлію; это же послѣднее даже и сейчасъ еще ведется, въ массѣ, за счетъ естественнаго плодородія почвы, иначе сказать, безъ навознаго удобренія, а слѣдовательно можетъ удовольствоваться минимальнымъ количествомъ, главнымъ образомъ рабочаго скота. Въ нечерноземной полосѣ земледѣліе издавна требуетъ навоза, слѣдовательно предполагаетъ существованіе скота не только какъ рабочей силы, но и какъ производителя навоза. Въ послѣднее же время животноводство начало пріобрѣтать здѣсь и самостоятельное хозяйственное значеніе въ формѣ, главнымъ образомъ, молочнаго скотоводства. Сказанное находитъ себѣ подтвержденіе и въ цифрахъ приведенной таблички: коэффиціенты обезпеченности лошадьми въ нечерноземныхъ районахъ, въ общемъ, мало отличаются отъ соотвѣтственныхъ коэффиціентовъ для черноземныхъ районовъ; напротивъ, коэффиціентъ коровности только въ одномъ промышленномъ районѣ (37) близокъ къ коэффиціентамъ для интересующихъ насъ черноземныхъ районовъ (31, 36, 36, 39); въ остальныхъ районахъ нечерноземной полосы онъ значительно выше, колеблясь въ трехъ коренныхъ русскихъ районахъ между 50 и 57 и только въ бѣлорусскомъ районѣ падая до 46. Небезъинтересно отмѣтить затѣмъ, что коэффиціентъ лошадности во всѣхъ нестепныхъ черноземныхъ районахъ выражается почти тождественными цифрами (23—25), тогда какъ въ нечерноземной полосѣ онъ подверженъ рѣзкимъ колебаніямъ, достигая въ прибалтійскомъ, приуральскомъ и бѣлорусскомъ районахъ 37—31, а въ промышленномъ, сѣверномъ и прибалтійскомъ не превышая 18—21 на каждыя 100 душъ сельскаго населенія.

Скотъ и скотоводство могутъ изучаться статистическимъ путемъ и, дѣйствительно, изучаются земскою статистикою крестьянскаго хозяйства подъ двоякимъ угломъ зрѣнія: какъ одна изъ легче всего уловимыхъ мѣръ благосостоянія крестьянъ—и какъ отрасль хозяйства, самостоятельная или подспорная при земледѣліи. Въ качествѣ мѣры благосостоянія могутъ служить, съ одной стороны, среднія цифры обезпеченности скотомъ, съ другой—группировка крестьянскихъ хозяйствъ по этому признаку. Среднія цифры обезпеченности скотомъ обычно выводятся, для указанной цѣли, по разсчету не на душу или на 100 душъ населенія, какъ обыкновенно дѣлается, и какъ и мы только что дѣлали при огульныхъ сравненіяхъ странъ и районовъ, а на ту основную хозяйственную еди-

ницу, какою является крестьянскій дворъ или хозяйство. Въ качествѣ наиболѣе простой, въ смыслѣ вычисленій, мѣры весьма обычно служитъ среднее на дворъ число головъ рабочаго скота, чаще всего лошадей,— и эта мѣра является и вполнѣ цѣлесообразною, поскольку скотоводство не играетъ роли самостоятельной, болѣе или менѣе равноправной съ земледѣліемъ отрасли хозяйства, а является лишь нѣкоторымъ придаткомъ къ этому послѣднему. Далеко не такъ цѣлесообразно пользоваться этою простою мѣрой тамъ и при такихъ условіяхъ, гдѣ или когда скотоводство является не только, такъ сказать, мертвымъ инвентаремъ земледѣльческаго хозяйства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крупною самостоятельною отраслью крестьянскаго хозяйства,—такой характеръ скотоводство издавна носило и до сихъ поръ, въ значительной мѣрѣ, сохранило въ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ; такой характеръ оно начинаетъ пріобрѣтать, въ послѣднее время, въ тѣхъ мѣстностяхъ нечерноземной полосы, гдѣ широко развилось молочное хозяйство. Для такихъ мѣстностей среднія цифры одного только рабочаго скота уже не будутъ характерны,—мѣстность или группа населенія, при сравнительно небольшомъ количествѣ рабочаго скота, можетъ характеризоваться высокою обезпеченностью тѣми или другими видами продуктивнаго скота, и наоборотъ. При такихъ условіяхъ будетъ болѣе цѣлесообразнымъ брать за мѣру благосостоянія, лучше всего, среднее на дворъ или домохозяйство количество *всего* скота; но такъ какъ взрослая лошадь или корова, съ одной стороны, и, напримѣръ, овца, свинья или жеребенокъ являются не равноцѣнными единицами, то количество всего скота обычно вычисляется, какъ принято выражаться, въ переводѣ на крупный,— иначе сказать, нѣсколько головъ молодняка или мелкаго скота приравниваются въ одной головѣ крупнаго. Нормы для такого перевода представляются болѣе или менѣе произвольными: иногда считаютъ молодыхъ лошадей и рогатыхъ старше года по двѣ, а телятъ, жеребятъ и мелкій скотъ по пяти за одну голову крупнаго; иногда считаютъ овецъ и маленькихъ телятъ и жеребятъ даже по десяти за одну голову крупнаго, и тогда получается такая схема перевода: 1—2—5—10. Что касается до распредѣленія населенія по благосостоянію, поскольку таковое характеризуется обезпеченностью скотомъ, то для выясненія этой стороны хозяйственной картины пользуются различными группировками, смотря, опять-таки, по характеру крестьянскаго хозяйства и по роли въ немъ тѣхъ или другихъ видовъ скота. Наиболѣе обычно пользуются группировкою по рабочему скоту, что является раціональнымъ въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ можно пользоваться, для сужденій объ общемъ уровнѣ благосостоянія, средними цифрами рабочаго скота; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ развилось молочное хозяйство, и гдѣ, поэтому, обезпеченность коровами играетъ не меньшую, или даже большую, роль, нежели обезпеченность лошадьми, даютъ иногда, наряду съ группировкою по лошадямъ, еще отдѣльную группировку по коровамъ, иногда же даютъ

комбинированную группировку по обоимъ этимъ основнымъ видамъ скота, Для мѣстностей съ развитымъ экстенсивнымъ скотоводствомъ, гдѣ рѣшающее значеніе, сплошь и рядомъ, принадлежитъ не какому либо одному, а той или другой комбинаціи самыхъ разнообразныхъ видовъ скота, наиболѣе раціонально исходить изъ группировки по количеству всего вообще скота, также, разумѣется, въ переводѣ на крупный.

Группировки по скоту, и въ частности по рабочему, являются, можно сказать, непремѣнною принадлежностью каждаго земскаго статистическаго сборника, начиная съ самыхъ раннихъ. Такъ въ Борисоглѣбскомъ сборникѣ (Тамб. губ.) дана такая группировка: безлошадные, съ 1, съ 2, съ 3, съ 4—5, болѣе чѣмъ 5 лошадьми; въ Курскихъ, тоже принадлежащихъ къ числу наиболѣе раннихъ,—выдѣлены группы безлошадныхъ, съ 1, съ 2, съ 3, съ 4 и болѣе лошадьми. Въ условіяхъ Курской губерніи, одной изъ наиболѣе малоземельныхъ и съ безусловнымъ преобладаніемъ одноконной сохи, такая группировка была вполнѣ достаточна,—но точно такая же группировка дана и въ сборникахъ первой переписи болѣе по Самарской губерніи—одной изъ наиболѣе многоземельныхъ и съ гораздо болѣе крупными размѣрами крестьянскаго хозяйства,—примѣръ того, какъ не достаточно, иногда, земскіе статистики считались, при разработкѣ матеріала, съ мѣстными условіями. Въ Вятскихъ сборникахъ учтены такія группы безлошадные, съ 1, съ 2, 3, 4, 5, съ 6, и болѣе лошадьми; сверхъ того дано—какъ, впослѣдствіи, сдѣлалось болѣе или менѣе обычнымъ, число дворовъ безъ всякаго скота, съ однимъ мелкимъ, со всякимъ скотомъ, кромѣ рабочаго, особо сверхъ того—число дворовъ, имѣющихъ и не имѣющихъ коровъ. Мало отличаются отъ приведенныхъ и группировки въ новѣйшихъ сборникахъ, —въ Тульскихъ, напримѣръ, проведена такая группировка· со скотомъ, но безъ мелкаго скота, безъ средняго скота, безъ коровъ, безъ всякаго скота, со скотомъ, но безъ лошадей, съ 1, съ 2, 3, съ 4 и болѣе лошадьми.

Не такъ просто рѣшается вопросъ о группировкѣ по рабочему скоту тамъ, гдѣ работаютъ на быкахъ и на лошадяхъ. Иногда неравноцѣнность лошади и рабочаго быка просто игнорируютъ,—такъ въ сборникахъ 3-ей Полтавской переписи даны просто группы: съ 1, 2, 3, съ 4 и болѣе головами рабочаго скота,—а затѣмъ, вдобавокъ, группы безскотныхъ и съ неполнымъ живымъ инвентаремъ: имѣющихъ только овецъ и свиней, только молодой рогатый, только одну корову, только одну лошадь; затѣмъ еще особо—число дворовъ съ волами, съ коровами, съ лошадьми. Болѣе соотвѣтствующею мѣстнымъ условіямъ кажется мнѣ группировка, проведенная въ сборникахъ первой Полтавской переписи: не имѣющіе никакого скота, только мелкій скотъ, только 1—2 лошади (безъ коровъ), имѣющіе одну корову и 1—2 лошади, имѣющіе 2—3 штуки рабочаго скота безъ лошади, тоже и 1—2 лошади, съ 4—5 штуками рабочаго рогатаго безъ лошадей, тоже съ 1—2 лошадьми, съ 6 и болѣе рабочими рогатыми и съ лошадьми. Въ сборникахъ по Таврической губерніи проведена такая группировка: безъ всякаго скота—безъ рабочаго скота—безъ коровъ—безъ мелкаго скота; изъ числа семей съ рабочимъ скотомъ—только съ лошадьми, только съ волами, съ тѣми и другими; изъ числа дворовъ, имѣющихъ рабочій скотъ съ 1,съ 2, съ 3—4, 5—6, 7—8, съ 9 и болѣе головами такого скота, причемъ для каждой изъ этихъ группъ дается не только число семей, но также и итоговый подсчетъ числа воловъ и числа лошадей.

Въ большинствѣ приведенныхъ группировокъ, въ основѣ своей являющихся группировками по рабочему скоту, попутно, такъ сказать, затрогивается вопросъ и о коровахъ, иногда и о мелкомъ скотѣ. Иногда коровная группировка проводится и въ болѣе полномъ видѣ, чаще—независимо и параллельно съ группировкой по лошадности. Такую группировку мы находимъ уже въ старыхъ Тверскихъ сбор-

никахъ—безлошадные, съ 1, 2, съ 3 и болѣе лошадьми, и точно такая же группировка по коровамъ. Точь въ точь такая же группировка проведена въ сравнительно новомъ Мышкинскомъ (Яросл губ.) сборникѣ, но сверхъ того даны весьма характерныя для мѣстныхъ условій группы сдающихъ коровъ исполу, хозяйствъ только съ испольными, со своими и испольными коровами; затѣмъ еще группы—безъ лошадей и безъ коровъ, въ томъ числѣ съ испольными коровами, и наконецъ—безъ всякаго скота. Любопытны аналогичныя по основному принципу группировки, напр , по Тотемскому (Волог.) и Вяземскому (Смол. губ.): по первому даны группы безлошадныхъ, съ 1, 2, съ 3 и болѣе лошадьми,—безкоровныхъ, съ 1, съ 2, съ 3, съ 4 и болѣе коровами, по второму—имѣющіе коровъ, средній и мелкій скотъ, имѣющіе только коровъ, только мелкій скотъ, не имѣющіе никакого скота; имѣющіе 1, 2, 3, 4, 5 и болѣе лошадей, имѣющіе 1, 2, 3, 4, 5—6, 7 и болѣе коровъ. Въ томъ и другомъ случаѣ характерно, что группировка по коровамъ расчленена дальше вверхъ, чѣмъ по лошадности,—это и вполнѣ рационально, потому что лошадей, въ условіяхъ той и другой губерніи, какъ правило держать лишь въ томъ минимальномъ количествѣ, какое достаточно для нуждъ некрупнаго земледѣльческаго хозяйства, коровъ же, въ виду значительнаго развитія и выгодности молочнаго хозяйства, стремятся держать какъ можно больше,—общее количество коровъ, поэтому, гораздо больше чѣмъ лошадей, и многокоровные дворы представляютъ гораздо болѣе обычное и для характеристики мѣстнаго крестьянскаго хозяйства гораздо болѣе важное явленіе

Рѣже встрѣчаются к о м б и н и р о в а н н ы я группировки по лошадямъ и коровамъ, причемъ группировка по послѣднему признаку обычно проводится не сплошь, а только для слабѣйшихъ по рабочему скоту группъ населенія—смыслъ ея, значитъ, отдѣлить вполнѣ упадочные отъ невполнѣ упадочныхъ дворовъ. Такъ, во Владимірскихъ сборникахъ даны группы съ 4 и болѣе, съ 3, съ 2 лошадьми,—съ одною лошадью, и притомъ съ коровой и безъ коровы, такое же подраздѣленіе для безлошадныхъ, затѣмъ число дворовъ безъ коровъ, безъ всякаго скота, точно такую же (только безъ двухъ послѣднихъ рубрикъ) группировку находимъ и въ новѣйшихъ сборникахъ по Самарской губерніи. Въ Вологодскихъ сборникахъ комбинированная группировка по лошадямъ и по коровамъ проведена сплошь. Даны, именно, группы безлошадныхъ, съ 1, 2, съ тремя и болѣе лошадьми, и каждая такая группа разбита на подгруппы по коровамъ: безкоровные, съ 1, 2, 3, 4—5, 6 и болѣе коровами—группировка по коровамъ и здѣсь расчленена гораздо дальше вверхъ, нежели группировка по лошадямъ, сверхъ того даны группы: только съ крупнымъ скотомъ, съ крупнымъ и мелкимъ, только съ мелкимъ, безъ всякаго скота.

Группировки по количеству всего вообще скота въ земской статистикѣ почти не встрѣчаются,—даже и въ тѣхъ многоземельныхъ мѣстностяхъ, для которыхъ такого рода группировка имѣла бы полный смыслъ. Мнѣ извѣстенъ только одинъ земскій сборникъ, гдѣ проведена группировка по количеству всего скота, но и то—по совершенно инымъ угломъ зрѣнія,—учета источниковъ навознаго удобренія; это именно Вяземскій сборникъ, гдѣ, въ добавокъ къ приведеннымъ выше группировкамъ по лошадямъ и по коровамъ, дается группировка по «всему скоту въ переводѣ на единицу скота навоза». до 1, до 2, до 4, до 6, болѣе шести головъ.

Я не вхожу здѣсь въ разсмотрѣніе относящагося къ вопросу объ обезпеченности крестьянскаго хозяйства скотомъ цифроваго матеріала земской статистики—не вхожу, въ особенности, въ виду крайней несравнимости, а потому и неудобосводимости данныхъ земской статистики по данному вопросу. Неудобосравнимость эта вытекаетъ уже изъ самаго

существа дѣла: прежде всего—изъ такихъ же, приблизительно, междурайонныхъ различій, о какихъ приходилось говорить, когда шла рѣчь о земельномъ обезпеченіи, мертвомъ инвентарѣ и т. п.: единица рабочаго скота, очевидно, имѣетъ не тотъ смыслъ въ мѣстности съ преобладаніемъ одноконной сохи, какой она имѣетъ въ районѣ двухъ-и трехконныхъ «косуль» и «колесухъ», голова рогатаго, да и всякаго скота въ средней Россіи, гдѣ средній убойный вѣсъ, какъ мы видѣли, около 7 пудовъ, далеко не то же, что въ степныхъ мѣстностяхъ, со среднимъ убойнымъ вѣсомъ 18 пудовъ. Но и независимо отъ этого, какъ подмѣчено впервые Н. Н. Сухановымъ, сравненія по обезпеченности скотомъ встрѣчаются и съ нѣкоторыми особыми трудностями, которыя проявляются при изученіи группировокъ по скоту даже и внутри того или иного отдѣльнаго района. Эти специфическія трудности вытекаютъ изъ весьма распространеннаго, особенно въ промышленной полосѣ, явленія,—именно неполнаго использованія рабочаго скота: однолошадный дворъ скорѣе въ видѣ исключенія, чѣмъ въ видѣ правила, используетъ всю рабочую силу своей одной, двухлошадный—своихъ двухъ лошадей; одинъ однолошадный используетъ ее, можетъ быть, всего на треть, другой на половину, третій на двѣ трети, четвертый полностью,—одинъ двухлошадный распахиваетъ, въ самомъ дѣлѣ, все, что можно распахать съ двумя лошадьми,—другой, можетъ быть, лишь немногимъ больше, чѣмъ можно было бы вспахать съ одною; двухлошадный дворъ, поэтому, отнюдь не равносиленъ вдвое болѣе сильной хозяйственной единицѣ, нежели однолошадный,—двухлошадное хозяйство въ одномъ случаѣ можетъ оказаться, въ самомъ дѣлѣ, вдвое, въ другомъ—въ 4—6 разъ болѣе сильнымъ, нежели однолошадное, въ массѣ же двухлошадныя хозяйства окажутся—можно думать,—не въ два, а въ 3—4 раза сильнѣе однолошадныхъ. По отношенію къ коровамъ ничего подобнаго не наблюдается: если не считаться со сглаживающимися въ массѣ качественными различіями, двѣ коровы даютъ такъ-таки вдвое, три—втрое большій доходъ, нежели одна, слѣдовательно двухкоровный дворъ по данному признаку будетъ такъ-таки вдвое, трехкоровный—втрое сильнѣе однокровнаго. А отсюда слѣдуетъ, что для цѣлей анализа распредѣленія крестьянскихъ хозяйствъ по ихъ состоятельности и «силѣ» группировки по лошадности съ группировками по коровности вовсе несравнимы, и что выводы, получаемые изъ лошадныхъ группировокъ, взятыхъ сами по себѣ, должны быть принимаемы съ большою осторожностью и съ существенными оговорками.

Какъ я сказалъ, я не буду входить въ разсмотрѣніе относящагося къ обезпеченности крестьянъ скотомъ цифроваго матеріала земской статистики. Но упомяну о томъ, что собственно для распредѣленія по лошадности мы располагаемъ, кромѣ мало сравнимыхъ между собою данныхъ земской статистики, еще и почти сплошнымъ матеріаломъ военно-конскихъ переписей. Приведу наиболѣе характерныя изъ цифръ,

какія можно извлечь изъ этого источника—цифры процента безлошадныхъ дворовъ: по переписи 1882 года процентъ этотъ равнялся 26,8%, по переписямъ конца 1890-хъ гг.—уже 29,2%; перепись 1906 года, обнявшая, правда, всего 22 губерніи, дала цѣлыхъ 32% безлошадныхъ. Изъ отдѣльныхъ губерній максимальные проценты безлошадныхъ дала Кіевская (60%), за нею слѣдуютъ Подольская съ 54 и Полтавская съ 49%, изъ числа нечерноземныхъ губерній максимумъ безлошадности дала Нижегородская съ 42%. Наименьшій процентъ безлошадныхъ дала Курляндская губернія, именно 7%, близкіе къ минимуму проценты (10—15%) дали Лифляндская, Могилевская, Виленская, Витебская, Смоленская, Вятская и Оренбургская. Любопытно, съ одной стороны, что три губерніи съ максимумомъ безлошадности принадлежатъ къ черноземной полосѣ (впрочемъ недостатокъ лошадей въ нихъ, въ значительной мѣрѣ, компенсируется волами), всѣ губерніи съ минимальною безлошадностью — къ нечерноземной; а съ другой — что какъ три губерніи съ максимальною безлошадностью, такъ и первыя шесть губерній съ минимумомъ безлошадности принадлежатъ къ району подворно-наслѣдственнаго владѣнія.

Предварительные подсчеты данныхъ сельскохозяйственной переписи не даютъ, пока, никакихъ группировокъ,—таковыя получатся лишь изъ окончательной разработки, до опубликованія результатовъ которой пройдетъ, конечно, не такъ мало времени. Изъ уже опубликованныхъ предварительныхъ подсчетовъ мы можемъ, за то, извлечь среднія, по разсчету по одно крестьянское хозяйство, или точнѣе—на одно хозяйство крестьянскаго типа (не сословный, а экономическій признакъ!), цифры обезпеченности главными видами скота. Вотъ эти среднія, по районамъ и въ общемъ выводѣ для всей европейской Россіи:

Районы.	Въ среднемъ на хозяйство крестьянскаго типа: Лошад *) (раб.)	Коровъ	Прочаго рогатаго.	Овецъ.	Свиней.
Центрально-черноземн.	1_0	0_8	1_0	5_2	0_8
Средневолжск.	1_0	0_9	1_0	5_0	0_5
Нижневолжск.	2_1	1_7	2_6	8_7	0_8
Новороссійск.	1_4 (0_2)	0_9	1_8	3_1	1_4
Юго-западн.	0_9 (0_1)	0_7	0_9	1_0	0_9
Малороссійск.	1_0 (0_1)	0_9	1_1	2_4	1_3
Промышл.	0_8	1_0	0_9	2_1	0_4
Бѣлорусск. (и Виленск.)	1_2	1_6	1_0	3_7	2_7
Приозерный	0_9	1_7	1_2	2_8	0_5

*) Въ скобкахъ рабочіе волы.

Прибалтійск.	1_7	3_7	7_3	8_0	4_3
Приуральск.	1_2	1_3	1_3	3_9	1_1
Сѣверный	0_9	1_6	1_2	2_1	0_2
Всего по евр. Россіи	1_1	1_1	1_4	4_0	1_1

Какъ и слѣдовало ожидать, въ виду уже приведенныхъ выше коэффиціентовъ средней обезпеченности сельскаго населенія скотомъ, чрезвычайно рѣзко выдѣляются вверхъ: въ нечерноземной полосѣ—прибалтійскій районъ уже сложившагося интенсивнаго животноводства, въ черноземной—нижне-волжскій, съ еще доживающимъ свой вѣкъ экстенсивнымъ степнымъ скотоводствомъ. Среднія цифры для перваго изъ нихъ, по всѣмъ видамъ скота, вдвое, втрое и вчетверо превышаютъ среднія для всей европейской Россіи; нижне-волжскій районъ даетъ одинаковую съ прибалтійскимъ среднюю для наиболѣе характернаго для экстенсивнаго скотоводства вида—овецъ и даже еще нѣсколько болѣе высокую для столь-же характернаго для данныхъ условій другого вида—лошадей; среднія цифры рогатаго скота въ нижневолжскомъ районѣ, все еще значительно превышая среднія по всей странѣ, уже вдвое и втрое ниже, чѣмъ въ прибалтійскомъ, среднее же число свиней даже ниже, нежели въ общемъ выводѣ для всей европейской Россіи—свиноводство представляетъ собой такую отрасль животноводства, которая рѣшительно не совмѣстима съ характернымъ для заволжья экстенсивнымъ хозяйствомъ.

Уже въ значительно меньшей мѣрѣ выдѣляются вверхъ, и притомъ не для всѣхъ видовъ скота: въ нечерноземной полосѣ бѣлорусскій, въ черноземной новороссійскій районъ. Первый изъ нихъ даетъ повышенныя цифры для тѣхъ двухъ видовъ скота, которые характерны для болѣе или менѣе интенсивнаго скотоводства—коровъ и особенно свиней, второй—для рабочаго скота, въ соотвѣтствіи съ широкимъ количественнымъ развитіемъ хлѣбопашества въ этомъ районѣ, для «прочаго» рогатаго скота и—довольно неожиданно—для свиней; среднее число овецъ въ этомъ районѣ не только не выше, но даже нѣсколько ниже средней по всей европейской Россіи,—какъ уже отмѣчено выше, чрезвычайно усилившаяся распашка новороссійскихъ степей привела къ исчезновенію, въ этомъ районѣ, тѣхъ условій, которыя нѣкогда благопріятствовали здѣсь экстенсивному скотоводству и въ частности экстенсивнѣйшей его отрасли—овцеводству; рогатое скотоводство, судя по высокой средней недойнаго скота, пока еще сохраняетъ экстенсивный характеръ.

Затѣмъ, рѣзко пониженными средними цифрами крестьянскаго скотоводства характеризуются: въ нечерноземной полосѣ промышленный районъ, въ черноземной—еще значительно рѣзче—юго-западный; болѣе или менѣе пониженныя противъ общихъ по всей странѣ среднихъ цифры даетъ, почти для всѣхъ видовъ скота, и сѣверный районъ,—для коровъ онъ даетъ, напротивъ, замѣтно повышенную цифру: по развитію молочнаго хозяйства сѣверный районъ занялъ въ послѣднее время одно изъ пер-

выхъ мѣстъ по всей странѣ, — впрочемъ наравнѣ еще съ нѣкоторыми другими районами нечерноземной полосы: бѣлорусскимъ и приозернымъ.

Вырисовывающаяся изъ изложеннаго картина станетъ еще болѣе отчетливою, если разсмотрѣть приведенныя на стр. 160—161 цифры въ нѣсколько иной послѣдовательности: не по районамъ, а по отдѣльнымъ видамъ скота. Въ отношеніи обезпеченности рабочимъ скотомъ особенно рѣзкой разницы между черноземною и нечерноземною полосами, взятыми какъ цѣлое, подмѣтить не придется,—нѣкоторая, незначительная разница обнаруживается въ пользу черноземной полосы, что и естественно, въ виду значительно большаго здѣсь развитія земледѣлія, требующаго, значитъ, большаго количества животной рабочей силы; порайонныя различія довольно рѣзки въ предѣлахъ каждой изъ полосъ,—но характеръ ихъ достаточно ясенъ изъ предыдущаго и потому на нихъ можно больше не останавливаться. Среднія цифры дойныхъ коровъ даютъ рѣшительное преимущество нечерноземной полосѣ передъ черноземною: изъ всѣхъ районовъ черноземной полосы въ одномъ только нижневолжскомъ средняя поднимается значительно выше средней для всей европейской Россіи,—во всѣхъ остальныхъ она падаетъ ниже этой общей средней, колеблясь между 0,7 и 0,9 и, значитъ, ни въ одномъ районѣ не достигая одной коровы на крестьянскій дворъ. Напротивъ, изъ всѣхъ районовъ нечерноземной полосы только въ одномъ промышленномъ среднее число коровъ падаетъ ниже средней для всей страны, достигая все же 1,0—одной коровы на крестьянскій дворъ; сравнительно мало возвышается надъ общею среднею средняя по приуральскому району (1,3), значительная часть котораго заходитъ въ предѣлы черноземной полосы: въ остальныхъ коренныхъ русскихъ районахъ среднее число коровъ достигаетъ уже 1,6—1,7, не говоря уже о прибалтійскомъ, гдѣ оно поднимается до вдвое большей цифры—3,7 коровъ на хозяйство крестьянскаго типа. По обезпеченности дойнымъ скотомъ нечерноземная полоса имѣетъ, значитъ, рѣшительное преимущество передъ черноземною. По отношенію къ недойному рогатому скоту дѣло обстоитъ иначе: если оставить въ сторонѣ выдѣленные выше многоскотные районы—прибалтійскій и нижневолжскій, гдѣ высокая обезпеченность дойнымъ скотомъ сопровождается еще и вдвое большею обезпеченностью другими категоріями рогатаго скота, то между черноземными и нечерноземными районами хотя и окажется нѣкоторая разница, и притомъ тоже въ пользу нечерноземной полосы, но разница эта уже очень незначительна: въ рядѣ районовъ нечерноземной полосы среднее на дворъ число головъ недойнаго скота выражается цифрами 1,2—1,3, и только въ промышленномъ и бѣлорусскомъ оно падаетъ до 0,9—1,0; въ черноземной полосѣ, въ большинствѣ районовъ, средняя не превышаетъ 0,9—1,1, и только въ новороссійскомъ районѣ она поднимается до 1,8 головъ. Если эти цифры сопоставить съ цифрами дойныхъ коровъ, то ясно станетъ, что въ нечерноземной полосѣ центръ тяжести въ гораздо большей

мѣрѣ придвигается къ молочному скотоводству, въ черноземной—къ мясному, гдѣ коровы содержатся, главнымъ образомъ, ради получаемаго отъ нихъ приплода. Что каса тся затѣмъ до овцеводства, то въ черноземной полосѣ оно развито у крестьянъ, главнымъ образомъ, на востокѣ и въ центрѣ, гдѣ порайонныя среднія не падаютъ ниже 5,0, въ гораздо меньшей мѣрѣ на западѣ, гдѣ онѣ не понимаются выше 3,1; особенно низко стоитъ по развитію овцеводства юго-западный районъ (0,1), гдѣ крестьянское овцеводство, можно сказать, не существуетъ вовсе. Въ нечерноземной полосѣ крестьянское овцеводство достигаетъ сравнительно замѣтнаго развитія на крайнемъ западѣ, въ Бѣлоруссіи (3,7), и на крайнемъ востокѣ (3,9), не говоря уже, конечно, о прибалтійскомъ краѣ; во всѣхъ остальныхъ районахъ среднее число овецъ на крестьянское хозяйство колеблется между 2,1 и 2,8, приближаясь къ среднимъ по мало-овечьимъ районамъ черноземной полосы. Въ отношеніи свиноводства, наконецъ, выдѣляются: въ нечерноземной полосѣ бѣлорусскій (2,7) и особенно прибалтійскій (4,3), въ черноземной, далеко въ меньшей мѣрѣ, новороссійскій и малороссійскій районы (1,3—1,4); при рѣзкой разницѣ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, близкія и сравнительно высокія цифры свиней объясняются, можетъ быть, преобладаніемъ въ обоихъ малорусскаго элемента и склонностью его къ разведенію свиней. Въ нечерноземной полосѣ не слишкомъ низкое среднее число свиней даетъ еще только приуральскій районъ (1,1),—во всѣхъ остальныхъ оно не превышаетъ 0,5, въ сѣверномъ падая даже до 0,2 штукъ на крестьянскій дворъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о значеніи скота и скотоводства, какъ самостоятельной или вспомогательной при земледѣліи отрасли хозяйства. Съ этой послѣдней точки зрѣнія приходится говорить, прежде всего, о скотѣ какъ рабочей силѣ. Къ тому, что было сказано, въ этомъ смыслѣ, на предыдущихъ страницахъ, почти не остается ничего добавить,—нужно только съ нѣсколько иной стороны, нежели это было сдѣлано выше, освѣтить вопросъ о степени использованія и въ частности—о неполномъ использованіи рабочаго скота. Само собою ясно, что послѣдній можетъ быть полностью использованъ лишь на опредѣленной площади земли; въ конкретныхъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства—лишь при опредѣленномъ размѣрѣ земельнаго обезпеченія. По даннымъ Воронежской земской статистики, одна лошадь обрабатываетъ въ среднемъ: при надѣлѣ до 5 дес. на дворъ 1,4 дес., при надѣлѣ въ 5—15 дес.—2,5, въ группѣ съ 15—25 десятинами—3,3, въ группѣ имѣющихъ свыше 25 дес. на дворъ—4,2 дес. надѣльной земли; почти столь же рѣзкою остается разница и въ томъ случаѣ, если принять въ разсчетъ и посѣвы на арендованной землѣ; одна лошадь обрабатываетъ, въ среднемъ, въ томъ же порядкѣ группъ, 2,9—3,4—4,1—5,2 дес.; слѣдовательно, предполагая силу лошади сполна использованною въ выс-

шей по земельному обезпеченію группѣ, въ остальныхъ трехъ группахъ, располагая ихъ въ убывающемъ по размѣрамъ земельнаго обезпеченія порядкѣ, остается неиспользованною, приблизительно, $^1/_5$—$^1/_3$—$^1/_2$ рабочей силы лошадей. «Тамъ—говоритъ по этому поводу П. А. Вихляевъ—гдѣ крестьянинъ съ надѣломъ выше 25 дес. содержитъ для обработки своей земли 3—4 лошади, пятеро сосѣдей его съ надѣломъ по 5 дес. для обработки того же пространства земли содержатъ 9—12 лошадей». Обстоятельство это существенно съ различныхъ точекъ зрѣнія,—имъ, съ одной стороны, совершенно обезсиливается тотъ встрѣчающійся у многихъ изъ народнически-настроенныхъ авторовъ (въ томъ числѣ у такихъ видныхъ, какъ Н. П. Огановскій) аргументъ въ пользу крестьянскаго и противъ крупно-помѣстнаго хозяйства, что въ первомъ на единицу площади содержится въ нѣсколько разъ больше скота,—этому аргументу другіе, какъ напр. Н. Н. Сухановъ, противупоставляютъ то совершенно справедливое соображеніе, что въ этомъ избыткѣ скота у крестьянъ находитъ себѣ выраженіе не большая интенсивность и тѣмъ болѣе не большая раціональность хозяйства, а именно только что отмѣченное обстоятельство—неполное использованіе, рабочаго скота, иначе сказать—безполезная растрата капитала. Сейчасъ насъ болѣе интересуетъ, однако, другое обстоятельство, особенно развитое въ работахъ Н. А. Каблукова,—именно то, что вѣдь содержаніе лошади обходится крестьянину приблизительно столько-же, все равно, использована ли ея рабочая сила цѣликомъ или въ болѣе или менѣе незначительной части. Чѣмъ меньше, поэтому, земельное обезпеченіе, чѣмъ, слѣдовательно, большая доля рабочей силы лошади остается неиспользованною, тѣмъ большую долю продукта обрабатываемой земли,—тѣмъ, вообще, большую долю валового дохода земледѣльческаго хозяйства поглощаетъ содержаніе лошади и тѣмъ меньше остается на удовлетвореніе потребностей владѣльца. «Возникаетъ—заключаетъ проф. Каблуковъ—моментъ, когда содержаніе скота становится непосильнымъ, и является необходимость выбора между голодомъ и потерею рабочаго скота». Въ этомъ—одна изъ причинъ, ведущихъ къ обезлошадѣнію значительной части крестьянства, а въ нечерноземныхъ губерніяхъ—и къ забрасыванію земли. Я подчеркиваю—одна изъ причинъ. Какъ мы увидимъ сейчасъ же дальше, прекращеніе земледѣльческаго хозяйства, въ частности въ нечерноземной полосѣ, если не въ преобладающей, то во всякомъ случаѣ въ значительной мѣрѣ, обусловливается не невозможностью или невыгодностью дальнѣйшаго его веденія, а большею выгодностью или привлекательностью иныхъ, кромѣ земледѣлія, способовъ приложенія крестьянскаго труда [1]).

---

[1]) Новѣйшія данныя, собранныя текущею статистикой по той же Московской губерніи, гдѣ охарактеризованныя въ текстѣ явленія были подвергнуты особенно тщательному наблюденію, позволяютъ думать, что они имѣли, въ значительной мѣрѣ,

Затѣмъ, уже всякій скотъ играетъ вспомогательную при земледѣльческомъ хозяйствѣ роль въ качествѣ источника удобренія. О роли удобренія въ земледѣльческомъ хозяйствѣ мнѣ придется говорить подробнѣе въ слѣдующей главѣ,—сейчасъ мнѣ достаточно отмѣтить, что сейчасъ, и уже давно, удобреніе является необходимымъ и, можно сказать, рѣшающимъ элементомъ хозяйства только въ нечерноземной полосѣ. Въ черноземной, и въ особенности у крестьянъ этой полосы, удобреніе въ однѣхъ мѣстностяхъ еще не примѣняется вовсе, въ другихъ унаваживаніе еще не вышло изъ стадіи: гдѣ болѣе систематическихъ, гдѣ еще разрозненныхъ и болѣе или менѣе случайныхъ попытокъ, и только въ самое послѣднее время, мѣстами, оно начало входить въ болѣе или менѣе всеобщее употребленіе. Поскольку удобреніе сдѣлалось необходимымъ элементомъ земледѣльческаго хозяйства, и тѣмъ болѣе—поскольку почвенныя условія нечерноземной полосы дѣлаютъ послѣднее и вовсе невозможнымъ безъ удобренія, количество скота, конечно, должно непосредственно отражаться на урожаѣ, слѣдовательно—и на конечномъ результатѣ всего хозяйствованія. И дѣйствительно—такая прямая зависимость между обезпеченностью скотомъ и урожаемъ статистически установлена по ряду мѣстностей какъ для крестьянскаго, такъ и особенно для владѣльческаго хозяйства. Приведу въ видѣ примѣра данныя по двумъ уѣздамъ Тверской губерніи—Ржевскому и Новоторжскому, гдѣ для группъ хозяйствъ, имѣющихъ болѣе 4-хъ, 3—4, 2—3, 1—2 и менѣе одной головы скота (въ переводѣ на крупный) на десятину пара, получились такіе средніе урожаи: для Ржевскаго уѣзда—57, 47, 46, 46, 48 пуд., для Новоторжскаго гораздо отчетливѣе—50, 42, 39, 37, 31 пуд. (по Фортунатову). Болѣе нежели правдоподобно, впрочемъ, что проявляющаяся какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ аналогичныхъ цифрахъ прямая зависимость между обезпеченностью скотомъ и урожаемъ отражаетъ вліяніе не одного только болѣе интенсивнаго унаваживанія, но и просто большей зажиточности, однимъ изъ симптомовъ которой является лучшая обезпеченность хозяйства скотомъ, и которая, какъ правило, благопріятно отражается и на обработкѣ земли,

---

преходящій характеръ. Съ 1910 г., именно, здѣсь собираются свѣдѣнія не только о фактѣ неполнаго засѣва, но и о долѣ оставшихся незасѣянными полей. И вотъ, процентъ показаній о незасѣвѣ половины ярового поля или болѣе, въ каждомъ изъ годовъ четырехлѣтія 1910—13 гг., выражался такими цифрами: 21—18—16—11%: процентъ показаній, что остались незасѣянными только «случайныя полосы», такими: 24—28—33—45%. «За послѣдніе 4 года—говоритъ по этому поводу составитель сельско-хозяйственнаго обзора за 1913 г., наблюдается неуклонное сокращеніе относительнаго числа показаній, что половина и болѣе площади ярового поля осталась безъ обсѣмененія, и параллельное съ этимъ повышеніе % показаній, что остались необсѣменными случайныя полосы. Такимъ образомъ, обширные пустыри, образовавшіеся на крестьянскихъ поляхъ за предшествовавшіе годы, постепенно обсѣменяются»,—хотя «тѣмъ не менѣе относительная доля необсѣянныхъ полей остается довольно значительной»,—еще въ 1913 г. 36% показаній говоритъ о томъ, что необсѣянной осталась четверть и болѣе яровыхъ полей.

вообще на всей техникѣ хозяйства, и черезъ эту послѣднюю воздѣйствуетъ на урожай. Въ пользу этого послѣдняго предположенія говоритъ тотъ фактъ, что зависимость между обезпеченностью скотомъ и урожаемъ наблюдается и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ объ унаваживаніи пока нѣтъ рѣчи: такъ, въ Ставропольскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, средній урожай для группъ волостей болѣе нежели съ 5-ю, съ $4^1/_2$—5, $3^1/_2$—$4^1/_2$, менѣе чѣмъ съ $3^1/_2$ головами скота на десятину пара получился 7,1—6,9—5,9—5,8,—зависимость не менѣе ясная, нежели какая обнаруживается въ мѣстностяхъ съ обязательнымъ навознымъ удобреніемъ.

Итакъ, скотъ является въ земледѣльческомъ, въ частности въ крестьянскомъ земледѣльческомъ, хозяйствѣ, источникомъ рабочей силы и навоза. Вопросъ теперь, какова роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ продуктовъ животноводства? иначе сказать—вопросъ о роли скотоводства, какъ самостоятельной отрасли хозяйства. Само собою разумѣется, что вездѣ, гдѣ держатъ не одинъ только рабочій скотъ (да впрочемъ и въ этомъ послѣднемъ, болѣе или менѣе исключительномъ, случаѣ), отъ скота получаются тѣ или иные продукты: отъ коровъ молоко и молочные продукты, отъ овецъ шерсть, отъ свиней щетина, при убоѣ скота всѣхъ вообще видовъ кожа, кости и т. п., отъ большинства видовъ—кромѣ того и мясо. Достаточно извѣстно и то, что перечисленные и подобные имъ животные продукты всегда играютъ ту или другую роль въ семейномъ потребленіи; и пока крестьянское хозяйство носитъ натуральный характеръ, въ особенности въ условіяхъ благопріятствующихъ болѣе развитому скотоводству,—прежде всего, значитъ, при болѣе или менѣе широкомъ просторѣ, роль животныхъ продуктовъ въ семейномъ потребленіи является весьма существенною: молоко и молочные продукты, мясо и сало отъ собственнаго скота занимаютъ видное мѣсто въ питаніи, изъ шерсти овецъ изготовляется верхняя одежда, теплая обувь и т. п., изъ кожъ и овчинъ—шубы, зимняя обувь, сбруя и т. п. Иначе ставится первостепенно важный, при все болѣе укореняющемся денежномъ характерѣ крестьянскаго хозяйства, вопросъ о роли скота, какъ поставщика рыночныхъ, т.-е. поступающихъ на продажу продуктовъ,—слѣдовательно какъ источника денежнаго дохода крестьянскаго хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отличный по существу, но практически въ значительной мѣрѣ сливающійся съ первымъ вопросъ о выгодности, рентабельности крестьянскаго скотоводства. До весьма недавняго времени скотоводство играло такую, болѣе или менѣе видную, самостоятельную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ болѣе или менѣе исключительно на югѣ и на юго-востокѣ европейской Россіи, въ многоземельной степной полосѣ (мясной убойный скотъ, шерстное овцеводство). Какъ въ центрально-черноземной полосѣ, такъ и во всей нечерноземной значеніе крестьянскаго скота, какъ поставщика рыночныхъ продуктовъ,

было, въ общемъ правилѣ, ничтожно; за исключеніемъ немногихъ, подстоличныхъ и вообще поставленныхъ въ исключительно выгодныя условія мѣстнаго сбыта, мѣстностей, скотъ былъ не самостоятельною отраслью хозяйства, а именно только придаткомъ къ хлѣбопашеству; содержаніе скота, будучи оцѣнено на деньги, не окупалось денежною цѣнностью получаемыхъ продуктовъ, и получавшійся дефицитъ, ясно сознававшійся самими крестьянами, оправдывался доставляемымъ скотомъ навозомъ. Извѣстенъ характерный терминъ «корова-навозница», выработавшійся въ средѣ самого крестьянства. Не менѣе характеренъ тотъ уже раньше упоминавшійся фактъ, что однимъ изъ наиболѣе обычныхъ пріемовъ опредѣленія стоимости навоза въ производимыхъ для цѣлей земельной оцѣнки вычисленіяхъ чистой доходности земледѣлія является приравниваніе ея убытку, получающемуся при сопоставленіи прихода отъ скота съ расходомъ на его содержаніе: чтобы свести, такъ сказать, балансъ крестьянскаго животноводства, приходится, значитъ, включать въ разсчетъ такую, въ значительной мѣрѣ фиктивную (потому что этотъ пріемъ вычисленія именно тогда и примѣняется, когда навозъ фактически не продается и слѣдовательно реальной цѣны на него не существуетъ), величину, какъ стоимость навоза. Въ послѣднее время положеніе дѣлъ стало измѣняться, благодаря широкому развитію промышленнаго молочнаго хозяйства. До начала 70-хъ гг. такового, можно сказать, не существовало вовсе—если, опять-таки, не имѣть въ виду подстоличныхъ и т. п. районовъ, гдѣ молочное хозяйство издавна находило для себя благодарную почву. Только въ рѣдко-населенныхъ и многоскотныхъ, по преимуществу степныхъ, мѣстностяхъ, получался нѣкоторый денежный доходъ отъ продажи остававшагося въ избыткѣ, сверхъ домашняго потребленія, топленаго масла, мѣстами овечьяго сыра; по моимъ личнымъ наблюденіямъ, въ западной Сибири многоскотное крестьянское хозяйство могло продавать въ годъ около пуда масла на корову, что, по цѣнамъ 80-хъ гг. прошлаго столѣтія, соотвѣтствовало доходу около 7—8 рублей. Въ 70-хъ гг., сначала почти исключительно въ помѣщичьихъ хозяйствахъ нечерноземной полосы, появляется усовершенствованное маслодѣліе и особенно сыровареніе. Съ середины 80-хъ гг., благодаря, въ особенности, энергичной дѣятельности Н. В. Верещагина и его передвижныхъ маслодѣленъ и сыроваренъ, то и другое начинаетъ проникать и въ крестьянскую среду. Появляются и постепенно разростаются районы крестьянскаго промышленнаго маслодѣлія и сыроваренія; первое распространяется главнымъ образомъ въ губерніяхъ Вологодской, Новгородской, Тверской, позднѣе въ Ярославской, Пермской, Вятской,—нѣсколько позднѣе, съ середины 90-хъ годовъ, оно проникаетъ въ степныя, главнымъ образомъ, мѣстности западной Сибири, гдѣ въ короткое время достигаетъ поистинѣ гигантскихъ размѣровъ. Сыровареніе развивается раньше всего въ губерніяхъ Смоленской и Ярославской и постепенно также распространяется по другимъ губерніямъ. Сырова-

реніе, раньше шедшее впереди маслодѣлія, въ послѣдніе годы далеко отстало отъ него въ своемъ развитіи. Оно и до сихъ поръ не покрываетъ даже внутренняго потребленія, тогда какъ маслодѣліе стало одною изъ важныхъ отраслей русскаго вывоза. Какъ быстро растетъ вывозъ масла, а вмѣстѣ съ нимъ—и вообще промышленное, въ главной своей массѣ крестьянское, маслодѣліе, видно хотя бы изъ того, что вывозъ масла, въ теченіе 1885—96 гг. колебавшійся между 250 и 470 тыс. пуд. въ годъ, уже въ 1900 г. достигалъ 1190 тыс., а въ 1903 г. 2516 тыс. пудовъ; черезъ пять лѣтъ, въ 1908 г., вывозъ масла достигъ уже 3123 тыс., въ слѣдующіе же четыре года, по 1912 включительно, выразился въ 3479—3444—4672—4452 тысячахъ пудовъ.

Сначала главнымъ двигателемъ въ распространеніи названныхъ отраслей молочнаго хозяйства была частная предпріимчивость: маслодѣльные заводы основывались гдѣ мелкими, гдѣ крупными капиталистами, молоко для нихъ скупалось мелкими скупщиками, въ значительной мѣрѣ изъ мѣстныхъ же зажиточныхъ крестьянъ. Съ теченіемъ времени промышленное молочное хозяйство реорганизуется на кооперативныхъ началахъ: крестьянскія артели берутъ въ свои руки сначала скупку молока и отдѣленіе сливокъ, потомъ и самую выдѣлку масла на артельныхъ заводахъ, и дѣятельность ихъ объединяется союзами, въ европейской Россіи въ значительной мѣрѣ земствами, при дѣятельной поддержкѣ правительства, которое интересуется экспортнымъ маслодѣліемъ съ точки зрѣнія видовъ общегосударственной торговой политики. Вотъ нѣсколько иллюстрацій быстраго роста крестьянскаго промышленнаго молочнаго хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повышенія, вообще, значенія скотоводства, которыя я заимствую изъ уже цитированной книги В. В. Морачевскаго «Успѣхи крестьянскаго хозяйства въ Россіи»: въ Вологодской губерніи «въ 1907 г. насчитывалось болѣе 950 маслодѣльныхъ заводовъ съ годовымъ производствомъ масла на сумму свыше 6 милл. рублей. Численность крупнаго скота въ губерніи обнаруживаетъ сильное возрастаніе; такъ, за десятилѣтній періодъ съ 1893 по 1902 г. численность скота поднялась съ 542 тыс. головъ до 625 тыс., или слишкомъ на 15%, въ уѣздахъ же Вологодскомъ, Грязовецкомъ, Кадниковскомъ и Тотемскомъ, гдѣ маслодѣліе пользуется наибольшимъ развитіемъ, она увеличилась почти на 21%». Въ Грязовецкомъ уѣздѣ «высокія цѣны на молоко заставили крестьянъ обратить больше вниманія на скотоводство, и многіе, чтобы обезпечить скоту лучшее содержаніе, прибѣгаютъ къ арендѣ покосовъ»,—нерѣдко «встрѣчаются крестьяне, которые не ограничиваются съ кормленіи молочныхъ коровъ дачей имъ лучшаго сѣна, а считаютъ необходимымъ придавать концентрированные корма—жмыхъ, отруби, овесъ, а холодную воду замѣняютъ грѣтымъ пойломъ». Въ Любимскомъ уѣздѣ (Яросл. губ.) «съ недавняго времени молочное хозяйство стало на твердую почву, благодаря постоянному и обезпеченному сбыту молока на сыроварни и маслодѣльные заводы»; въ

Рыбинскомъ «молочное скотоводство развивается; крестьяне мѣстами даже забросили пашню, предпочитая занятіе молочнымъ хозяйствомъ; у крестьянъ нерѣдко можно встрѣтить коровъ цѣною въ 55—80 рублей». Нечего уже говорить о подстоличныхъ мѣстностяхъ: въ Московской губерніи, напримѣръ, волости, расположенныя вокругъ Москвы, «живутъ молокомъ». Крестьяне, стремясь превратить корма въ хозяйствѣ главнымъ образомъ въ молоко, не считаютъ для себя выгоднымъ затрачивать ихъ на выращиваніе телятъ, и потому для ремонта стада пріобрѣтаютъ взрослыхъ коровъ со стороны; при этомъ коровы подбираются съ хорошо выраженными признаками молочности и имѣютъ высокую удойливость, для поддержанія которой коровы подкармливаются пріобрѣтаемыми въ городѣ отрубями, отбросами хлѣбопекарнаго производства и т. п.. Молочный районъ въ началѣ 80-хъ гг. охватывалъ площадь радіусомъ отъ Москвы въ 10—11 верстъ (3 волости), къ серединѣ же 1900-хъ гг. онъ расширился на мѣстности, лежащія отъ Москвы на разстояніи 25—27 в. (7—8 волостей)».

Пока двигателемъ развитія молочнаго хозяйства оставалась—какъ было упомянуто,—частная скупка и переработка молока на предпринимательскихъ заводахъ, оно не способствовало улучшенію крестьянскаго хозяйства и даже вреднымъ образомъ отражалось на потребленіи крестьянъ: стимулируемый всегдашнею нуждою крестьянскаго хозяйства въ деньгахъ и ростомъ денежныхъ потребностей, сбытъ молока изъ крестьянскаго хозяйства росъ не за счетъ роста производства молока, что было бы нормально и желательно, а за счетъ собственнаго потребленія крестьянской семьи, въ значительной мѣрѣ и за счетъ питанія телятъ: чтобы больше продавать, меньше потребляли молока и меньше давали его молодняку; отсюда—констатированное, мѣстами, повышеніе дѣтской смертности и пониженіе качества скота. Практиковавшіеся скупщиками, а нерѣдко и заводчиками, недобросовѣстные пріемы скупки молока и сбыта продукта имѣли слѣдствіемъ плохое, въ общемъ, качество продукта, нерѣдко—всякія фальсификаціи; отсюда—обезцѣненіе продукта на международномъ рынкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ—развитіе разнообразныхъ формъ эксплоатаціи и кабалы, въ которую попадало сбывавшее молоко населеніе. Совершенно измѣнилась картина, когда сначала скупка молока и отдѣленіе сливокъ, а потомъ и самая переработка масла стали дѣломъ самихъ крестьянъ, въ лицѣ, главнымъ образомъ, молочныхъ и маслодѣльныхъ артелей и ихъ союзовъ: непосредственная денежная выгода для крестьянъ—поставщиковъ молока ясна—артели подняли цѣны на молоко въ полтора и въ два раза выше тѣхъ, какія существовали при господствѣ скупщиковъ. Но главное: артели и ихъ союзы значительно подняли качество продукта и открыли ему широкій сбытъ на заграничномъ рынкѣ, благодаря чему явилась возможность дальнѣйшаго расширенія производства. Они стремились и стремятся къ тому, чтобы повышать количество поступающаго въ пере-

работку молока не въ ущербъ собственному потребленію крестьянъ, а путемъ расширенія производства молока. Такого расширенія производства можно было достигнуть двоякимъ путемъ: увеличеніемъ количества молочнаго и вообще рогатаго скота—и повышеніемъ его молочности; и для того, и для другого требовалось увеличеніе количества и повышеніе качества кормовъ; ради этого приходилось прибѣгать къ расширенію площади и къ улучшенію качества естественныхъ луговъ, гдѣ этого оказывалось недостаточнымъ—къ искусственному производству кормовъ. Въ конечномъ счетѣ, какъ до нѣкоторой степени видно и изъ приведенныхъ выдержекъ изъ книги Морачевскаго, развитіе промышленнаго молочнаго хозяйства, въ особенности въ кооперативныхъ его формахъ, явилось могущественнымъ двигателемъ въ дѣлѣ реорганизаціи всего вообще крестьянскаго хозяйства,—крестьяне начинаютъ совершенно иначе относиться къ вопросу о способахъ содержанія скота, посвящаютъ ему гораздо болѣе заботливый уходъ, а поощряемое усиленною потребностью въ кормахъ, развитіе травосѣянія толкаетъ къ коренному преобразованію и земледѣльческаго хозяйства,—къ замѣнѣ отжившаго свой вѣкъ трехполья тѣми или другими видами болѣе интенсивнаго и раціональнаго, по преимуществу травопольнаго, хозяйства (см. въ слѣдующей главѣ).

Не входя въ дальнѣйшія подробности относительно обнаружившагося въ послѣдніе годы развитія крестьянскаго скотоводства, какъ самостоятельной отрасли хозяйства, упомяну лишь объ одной отрасли животноводства въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова,—именно о птицеводствѣ, въ послѣдніе годы пріобрѣтающемъ все болѣе серьезное значеніе и переходящемъ изъ первобытной формы, когда птица кормилась, можно сказать, «чѣмъ Богъ послалъ», въ форму культурную, когда птица является выгоднѣйшимъ способомъ использованія всякихъ побочныхъ продуктовъ земледѣльческаго хозяйства, и въ тоже время изъ маловажной отрасли, по преимуществу, домашняго хозяйства превращающемся въ одинъ изъ крупныхъ видовъ промышленнаго животноводства. Чтобы дать понятіе о томъ, въ какомъ темпѣ растетъ промышленное значеніе птицеводства, достаточно привести нѣсколько цифръ, характеризующихъ важнѣйшіе моменты роста вывоза одного изъ продуктовъ птицеводства, именно яицъ: еще въ 1885 г. онъ не превышалъ 235 милліоновъ штукъ; въ 1894 году онъ достигаетъ 954, въ 1895 г. рѣзкимъ скачкомъ поднимается до 1410 милліоновъ: въ 1901 г. вывезено уже почти полныхъ два милліарда, въ слѣдующіе годы, до 1912 включительно, вывозъ яицъ выражается такими погодными цифрами: 2229—2775—2752—2993—2833—2608—2588—2844—2998—3682—3397 милліоновъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ—какъ я сказалъ—растетъ значеніе птицеводства въ крестьянскомъ хозяйствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вниманіе крестьянъ къ этой отрасли хозяйства. «Почти изъ всѣхъ районовъ европейской Россіи—читаемъ мы въ той же книгѣ Морачевскаго—имѣются весьма многочисленныя и притомъ единодушныя сообщенія о замѣтномъ

расширеніи и улучшеніи крестьянскаго птицеводства, о завоеваніи имъ въ хозяйствѣ положенія важной отрасли, пріобрѣтающей крупное хозяйственное значеніе, о массовыхъ улучшеніяхъ въ породѣ разводимой птицы, въ уходѣ за нею и содержаніи и т. д. Расширенію подвергается какъ куроводство, главнымъ образомъ для полученія большаго количества и лучшаго качества яицъ, такъ и особенно гусеводство: послѣднее дѣлаетъ особенные успѣхи въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, въ прилегающей къ нимъ Псковской, затѣмъ въ малороссійскихъ, въ южной половинѣ центральнаго земледѣльческаго района и кое-гдѣ въ губерніяхъ средняго Поволжья. Мѣстами крестьяне расширяютъ содержаніе утокъ и индѣекъ». А вотъ и нѣсколько конкретныхъ иллюстрацій: въ Лебединскомъ у. (Харьк. губ.) «мѣстные крестьяне всѣ безъ исключенія держатъ гусей цѣлыми сотнями» (надо думать—преувеличеніе корреспондента! А. К.),—гусеводство «имѣетъ промышленное значеніе»; въ Суражскомъ у. (Черниг. губ.) «птицеводство у крестьянъ сильно развивается и составляетъ важную отрасль хозяйства; наибольшимъ распространеніемъ пользуется резведеніе гусей и отчасти куръ»; въ Полтавской губерніи «на многихъ выставкахъ птицеводства преобладающее количество экспонатовъ принадлежало крестьянамъ»; въ Цивильскомъ у. (Казан. губ.) «видная роль въ хозяйствѣ крестьянъ принадлежитъ куроводству», «весьма развитъ сбытъ яицъ», и т. п.

Все сказанное—чтобы вернуться, попутно, къ уже исчерпанному, въ главной своей части, вопросу—вноситъ новыя и весьма серьезныя осложненія въ дѣло статистическаго изученія скота, какъ одного изъ элементовъ и симптомовъ крестьянскаго благосостоянія. Въ еще недавнее время о массовомъ благосостояніи крестьянъ той или другой мѣстности и о распредѣленіи благосостоянія въ крестьянской средѣ, о ея дифференціаціи, для большей части европейской Россіи можно было судить по даннымъ о количествѣ р а б о ч а г о скота,—весь остальной скотъ можно было разсматривать какъ нѣкоторый придатокъ земледѣльческаго хозяйства, лишенный самостоятельнаго значенія, и въ соотвѣтствіи съ этимъ игнорировать. Теперь для значительной части европейской Россіи, въ частности для всего района промышленнаго молочнаго хозяйства, это становится уже невозможнымъ. Нечего уже говорить о сравненіяхъ между разными мѣстностями—въ одной молочное хозяйство можетъ быть сильно, въ другой слабо развито, а потому лошадность можетъ оказаться одинаковою при совершенно различномъ уровнѣ общаго крестьянскаго благосостоянія. Но даже и внутри отдѣльныхъ мѣстностей начинаютъ дифференцироваться типы, съ одной стороны, чисто земледѣльческихъ или земледѣльческо-промысловыхъ хозяйствъ, съ совершенно подчиненнымъ значеніемъ скота, съ другой—земледѣльческо-скотоводческихъ и даже чисто-скотоводческихъ; не даромъ появляются, какъ мы видѣли, статистическіе сборники съ полною комбинированною группировкой по лошадямъ и по коровамъ,—значитъ, гдѣ считаются съ

наличностью такихъ хозяйствъ, которыя вовсе не держатъ рабочаго, но имѣютъ большое количество молочнаго скота, или такихъ многолошадныхъ хозяйствъ, которыя держатъ лишь ничтожное количество рогатаго скота.

Что касается до скотоводства въ его роли какъ самостоятельной или хотя бы побочной отрасли крестьянскаго хозяйства, то данныя для изученія этой стороны вопроса о крестьянскомъ скотѣ въ очень значительной, можно сказать въ главной, своей части собираются помимо подворныхъ переписей: техника крестьянскаго скотоводства изучается при общихъ поселенныхъ опросахъ, составляя одну изъ обязательныхъ рубрикъ поселенныхъ или пообщинныхъ бланковъ, или, въ послѣднее время, путемъ спеціальныхъ обслѣдованій, производимыхъ уже не статистиками, а спеціалистами-зоотехниками, иногда лишь при нѣкоторомъ содѣйствіи статистиковъ, главнымъ образомъ въ моментѣ выработки программы изслѣдованій. Очень богатый матеріалъ для сужденія какъ о техникѣ, такъ и объ экономикѣ крестьянскаго хозяйства даютъ однако и подворныя переписи, всегда включающія болѣе или менѣе детализированный учетъ всѣхъ главныхъ видовъ скота. Весьма существенное значеніе для освѣщенія характера скотоводства имѣетъ — какъ мы видѣли въ предыдущемъ изложеніи — уже распредѣленіе скота по главнымъ категоріямъ—лошади, рогатый, овцы, свиньи. Чрезвычайно важное значеніе, какъ способъ дальнѣйшей его характеристики, имѣетъ возможно детализированное расчлененіе если не всѣхъ видовъ, то во всякомъ случаѣ крупнаго скота, по возрастному составу,—читателю легко будетъ сообразить, въ чемъ дѣло, если онъ вспомнитъ приведенную выше характеристику подстоличнаго молочнаго скотоводства, гдѣ скота вовсе не выращиваютъ, а покупаютъ готовыхъ коровъ, телятъ же выпаиваютъ и продаютъ въ самомъ юномъ возрастѣ,—гдѣ, значитъ, нормальное стадо состоитъ болѣе или менѣе исключительно изъ дойныхъ коровъ и телятъ-опойковъ; и сопоставитъ ее съ картиной экстенсивнаго степного скотоводства, главною задачею котораго являеeся выращиваніе убойнаго и частью рабочаго скота, гдѣ поэтому всѣ заботы хозяина направлены къ тому, чтобы выдержать подростъ своего стада до полнаго рабочаго или убойнаго возраста, и гдѣ, въ соотвѣтствіи съ этимъ, нормальное стадо состоитъ изъ экземпляровъ всѣхъ возрастовъ, начиная отъ «селѣтковъ»— телятъ и жеребятъ и кончая полновозрастными лошадьми, быками и коровами. Но выдержать подростъ до полнаго возраста не всякому подъ силу—бѣдняку, сплошь и рядомъ, приходится продать или убить животное задолго до наступленія наиболѣе выгоднаго возраста, иногда изъ-за недостатка корма, иногда изъ нужды въ деньгахъ; поэтому, какъ правило, можно сказать, что скотъ выдерживается тѣмъ дольше, чѣмъ хозяйство состоятельнѣе; слѣдовательно повозрастный составъ скота въ различныхъ по благосостоянію группахъ крестьянства является, и внутри каждой данной мѣстности, далеко не однообразнымъ, и изученіе его въ

разныхъ группахъ представляетъ собой одну изъ очень благодарныхъ статистическихъ задачъ. Весьма существеннымъ дополненіемъ къ даннымъ о поворастномъ составѣ скота могутъ служить данныя о количествѣ убитаго или проданнаго скота, особенно если дается и возрастъ убитыхъ или проданныхъ экземпляровъ, а кромѣ того—сопоставленіе числа скота, «пущеннаго въ лѣто», съ числомъ скота, «оставленнаго на зиму». Затѣмъ, дальше, и самые пріемы вычисленія, служащіе для выясненія характера скотоводства, какъ отрасли хозяйства, въ значительной мѣрѣ иные, нежели тѣ, которые служатъ для освѣщенія какъ общаго уровня крестьянскаго благосостоянія, такъ и его распредѣленія: это, съ одной стороны, вычисленія процентнаго распредѣленія скота по его главнымъ категоріямъ и этихъ послѣднихъ—по возрастнымъ группамъ, съ другой—вычисленіе среднихъ, но не столько на душу или на дворъ, сколько на десятину удобной площади или на десятину пашни—этимъ способомъ выясняется относительное значеніе, въ данной мѣстности или у данной группы населенія, земледѣлія и скотоводства, а затѣмъ—такіе вопросы, какъ, съ одной стороны, интенсивность земледѣлія, а съ другой—степень использованія рабочаго скота.

Земскіе статистики до недавняго времени мало занимались скотоводствомъ, какъ самостоятельною отраслью хозяйства,—они изучали его главнымъ образомъ какъ элементъ и симптомъ крестьянскаго благосостоянія и какъ живой инвентарь крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. Въ формулярахъ и сборникахъ земской статистики (эти послѣдніе—надо замѣтить—въ данномъ направленіи даютъ, поскольку рѣчь идетъ объ абсолютныхъ числахъ, только суммированные итоговые подсчеты рубрикъ, имѣющихся въ формулярахъ) рубрика «живой инвентарь» или «скотъ» по большей части трактовалась и до настоящаго времени, нерѣдко, трактуется въ весьма суммарномъ видѣ. Въ конечномъ счетѣ даваемые земскою статистикой матеріалы по животноводству «скудны, и даже свѣдѣнія о численности скота иногда обезцѣниваются суммированіемъ по такимъ группамъ, которыя не соотвѣтствуютъ экономической формѣ, переживаемой скотомъ въ данной мѣстности. Не вдаваясь въ подробности—поясняетъ свою мысль проф. Челинцевъ, которому принадлежатъ приведенныя слова,—напомнимъ напр. о соединеніи телятъ съ овцами и свиньями въ одну группу «мелкаго» (въ самомъ дѣлѣ верхъ невниманія къ хозяйственному значенію разныхъ видовъ скота! А. К.), объ игнорированіи состава по полу и возрасту рогатаго скота и лошадей въ залежныхъ мѣстностяхъ и пр.». Лишь въ самое послѣднее время усилившееся вниманіе земствъ, а съ ними и земскихъ статистикъ, къ скотоводству выразилось, между прочимъ, и въ болѣе тщательной и цѣлесообразной разработкѣ рубрики скотоводства въ статистическихъ формулярахъ и сборникахъ,—а сельско-хозяйственная перепись 1916 года дала для всей страны учетъ скота съ небывало подробнымъ подраздѣленіемъ его по видамъ и возрастнымъ направленіямъ,

уже въ «предварительныхъ результатахъ сопровождаемый весьма разносторонне вычисленными производными величинами, освѣщающими и экономическое значеніе, и техническій характеръ скотоводства. Въ нижеслѣдующей табличкѣ приводятся подсчитанныя по районамъ цифры, показывающія распредѣленіе лошадей и рогатаго скота по важнѣйшимъ хозяйственнымъ категоріямъ:

Районы.	Изъ 100 лошадей. Рабочихъ.	Молодняка. старше года	до года	На 100 гол. рогатаго. Коровъ.	Рабоч. воловъ.	Молодн. старше года.	Телятъ.
Центральночерноземн.	75	12	13	47	5_0	16	33
Средневолжск.	79	11	11	47	2_1	19	32
Нижневолжск.	77	11	12	39	7_3	24	29
Новороссійск	78	12	10	32	19	24_5	24
Югозападн	78	13	8_5	49	4_4	16	30
Малороссійск.	87	7	6_4	50	?	13	38
Промышл.	86	6_9	6_8	54	—	12	34
Бѣлорусск.	82_5	9_4	8_1	59	1_6	17	22
Пріозерный	85	8_2	6_7	59	0_0	12	29
Прибалтійск.	80	13	8	51	0_4	24	24
Пріуральск.	81	11	7_7	51	0_7	22	26
Сѣверный	85	7_7	7_2	59	0_4	13_5	27
Итого по Евр. Россій	79_5	10_5	10	46	6_6	19	29

Въ общемъ для всей европейской Россіи итогѣ, четыре пятыхъ общаго числа лошадей приходится на долю рабочихъ; остатокъ дѣлится почти поровну между жеребятами до года и подростомъ старшихъ возрастовъ. Въ частности, въ черноземной полосѣ въ одномъ только малороссійскомъ районѣ процентъ рабочихъ лошадей поднимается выше, и даже значительно выше, средней для всей страны—для всѣхъ остальныхъ районовъ онъ опускается нѣсколько ниже, колеблясь, именно, между 75 и 79%—наиболѣе низкій процентъ рабочихъ лошадей и, соотвѣтственно, наиболѣе высокій процентъ молодняка даютъ не степные районы, какъ скорѣе всего можно было ожидать, а средній черноземный районъ. Что касается до молодняка, то онъ почти во всѣхъ районахъ приблизительно поровну распредѣляется между указанными выше возрастными группами;—рѣзко выдѣляется изъ общаго уровня только юго-западный районъ, гдѣ процентъ молодняка старшихъ возрастныхъ группъ почти въ полтора раза превышаетъ процентъ жеребятъ до года. Въ нечерноземной полосѣ процентъ рабочихъ лошадей ни въ одномъ районѣ не падаетъ ниже средней для всей европейской Россіи; сравнительно ниже этотъ процентъ на западѣ, въ прибалтійскомъ и бѣлорусскомъ районахъ (80—81), и на востокѣ, въ пріуральскомъ (82%), замѣтно выше въ остальныхъ трехъ районахъ, гдѣ онъ достигаетъ 85—86%.

Что касается до молодняка, то въ однихъ районахъ онъ распредѣляется меж у двумя возрастными группами почти строго поровну, въ другихъ— именно бѣлорусскомъ, пріозерномъ и прибалтійскомъ—значитъ во всей западной части нечерноземной полосы, процентъ старшаго возраста болѣе или менѣе значительно превышаетъ процентъ жеребятъ; особенно значительно это превышеніе въ прибалтійскомъ районѣ, гдѣ процентъ старшаго молодняка превышаетъ процентъ жеребятъ болѣе чѣмъ въ полтора раза.

Рѣзкое различіе замѣчается между черноземною и нечерноземною полосою—какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать въ виду приведенныхъ на стр. 161 и слѣд. данныхъ, и по составу рогатаго скота. Въ нечерноземной полосѣ процентъ дойныхъ коровъ ни въ одномъ районѣ не падаетъ ниже 51%, въ черноземной онъ ни въ одномъ районѣ не поднимается выше 50%; въ частности, въ обоихъ степныхъ районахъ, нижневолжскомъ и новороссійскомъ, онъ достигаетъ св его минимума, не превышая 39% въ первомъ и даже 32% во второмъ, тогда какъ во всей остальной, нестепной части черноземной полосы онъ колеблется между 47 и 50%, достигая максимума въ юго-западномъ и малороссійскомъ районахъ. Здѣсь, значитъ, рогатое скотоводство стоитъ ближе всего къ преобладающему во всей нечерноземной полосѣ молочному направленію; въ степныхъ районахъ, напротивъ, оно стоитъ ближе всего къ болѣе первобытному типу, гдѣ главное вниманіе обращается на выращиваніе приплода съ конечною цѣлью полученія продуктовъ убоя. И въ самомъ дѣлѣ: въ двухъ степныхъ районахъ процентъ нерабочаго молодняка старше года достигаетъ максимума—24 и 24, 5%, тогда какъ въ остальныхъ черноземныхъ районахъ онъ не поднимается выше 19, а въ малороссійскомъ падаетъ даже до 13%; и обратно, процентъ телятъ въ томъ же малороссійскомъ районѣ достигаетъ максимума—38%, тогда какъ въ остальныхъ нестепныхъ районахъ онъ колеблется между 30 и 33%, въ степномъ новороссійскомъ падаетъ даже до 24%. Что касается до процента рабочихъ воловъ, то онъ достигаетъ максимума въ новороссійскомъ и—конечно—въ малороссійскомъ районѣ, для котораго сельскохозяйственная перепись не дала соотвѣтственныхъ цифръ,— очевидно, что это стоитъ въ связи не только и даже не столько съ естественными или экономическими условіями, сколько съ бытовыми привычками украинскаго населенія. Въ нечерноземной полосѣ—какъ упомянуто—преобладаетъ молочное направленіе. Особенно рѣзко оно выражено, если судить по проценту коровъ, въ бѣлорусскомъ, пріозерномъ и сѣверномъ районахъ, гдѣ процентъ этотъ выражается тождественною цифрой—59%. Если же судить по общей комбинаціи разныхъ категорій скота, то къ чисто-молочному типу подойдутъ только два изъ этихъ трехъ районовъ: сѣверный и пріозерный,—но за то къ нимъ придется присоединить еще и третій, центрально-промышленный. Во всѣхъ этихъ трехъ районахъ имѣется лишь ничтожная доля (12—13,5%)

молодняка старше года и, соотвѣтственно, максимальный процентъ телятъ моложе этого возраста. Пріуральскій и прибалтійскій районы, при относительно маломъ процентѣ коровъ (51%), даютъ максимальные для нечерноземной полосы проценты молодняка старше года.—рогатое скотоводство, значитъ, и въ томъ и въ другомъ районѣ сравнительно далеко отходитъ отъ молочнаго направленія. Въ бѣлорусскомъ районѣ максимальный процентъ коровъ комбинируется съ сравнительно высокимъ процентомъ молодняка старше года (17%),—значитъ, направленіе рогатаго скотоводства можно характеризовать какъ смѣшанное, комбинирующее задачи полученія молочныхъ продуктовъ и выращиванія приплода.

Вотъ наиболѣе обычныя подраздѣленія рубрики, посвященной учету крестьянскаго скота, какъ мы встрѣчаемъ ее уже въ первомъ по времени, Борисоглѣбскомъ (Тамб. губ.), въ Курскихъ, Рязанскихъ формулярахъ и сборникахъ,— и даже въ сборникахъ по такимъ губерніямъ, какъ напр. Самарская, гдѣ скотоводство играло и до сихъ поръ играетъ важную самостоятельную роль, и гдѣ поэтому скотъ заслуживалъ болѣе расчлененнаго учета· лошади—рабочія, нерабочія, рогатый—коровы, телята, овцы старыя, молодыя, свиньи. Пара лишнихъ рубрикъ появляется въ Воронежскихъ формулярахъ и сборникахъ: лошади учитываются, именно, съ подраздѣленіемъ на рабочихъ, нерабочихъ и жеребятъ, рогатый—коровы, гулевой, телята,—овцы и свиньи даются безъ всякаго расчлененія. Въ Полтавскихъ, конечно, появляются волы, и расчлененіе записей и данныхъ о скотѣ получаетъ такой видъ: лошадей, жеребятъ, воловъ, коровъ, мелкаго рогатаго, овецъ, свиней: въ сборникахъ, кромѣ числа головъ отдѣльныхъ видовъ скота, дается и общее число головъ въ переводѣ на крупный. Такое же или немногимъ болѣе детальное расчлененіе мы находимъ въ довольно многихъ и изъ новыхъ формуляровъ и сборниковъ. Такъ, во Владимірскихъ дается число лошадей, жеребятъ старше и моложе года, число коровъ вмѣстѣ съ быками, телятъ старше и моложе года,—овецъ, козъ, свиней,—весь мелкій скотъ только старше года. Совершенно такое же расчлененіе даютъ Екатеринославскіе сборники,—разница лишь въ томъ, что къ числу категорій рогатаго скота добавлены волы. Немногимъ подробнѣе расчлененіе данныхъ о скотѣ въ Вологодскихъ сборникахъ: расчлененіе лошадей тоже самое, для рогатаго скота даны рубрики коровъ, быковъ-производителей, валуховъ (кастрированныхъ), бычковъ и телятъ старше и моложе года. Въ качествѣ примѣровъ формуляровъ съ максимально подробнымъ расчлененіемъ, а также съ учетомъ птицы (индѣйки, куры, гуси, утки) можно привести формуляры (и сборники) 3-ей Полтавской переписи и производящейся какъ разъ въ то время, когда пишу эти строки, переписи Донской области. Въ первомъ мы находимъ такія рубрики: для рогатаго—воловъ, бугаевъ, коровъ, въ томъ числѣ рабочихъ, сѣрыхъ, итого взрослаго рогатаго; третьяковъ, бузивковъ, телятъ, итого молодого скота; для лошадей—рабочихъ, въ томъ числѣ производителей, кобылъ, двухлѣтковъ со стригунами, лошатъ; овецъ—въ томъ числѣ каракульской породы, ягнятъ, свиней съ подсвинками, козъ,—читатель видитъ, что наряду съ сравнительно детальнымъ повозрастнымъ расчлененіемъ здѣсь выдѣлены нѣкоторыя особо интересныя по мѣстнымъ условіямъ породы—сѣрый скотъ и каракульскія овцы. Формуляръ по Донской области выдѣляетъ строевыхъ лошадей (казаки!), рабочихъ, молодыхъ до 2, 2—3 лѣтъ, остальныхъ нерабочихъ, для рогатаго скота воловъ рабочихъ, коровъ, нетелей, быковъ по двумъ, бычковъ и телятъ по тремъ возрастнымъ категоріямъ; овцы, свиньи и козы даются, какъ и вездѣ, безъ всякаго расчлененія, сверхъ того имѣется особая рубрика для верблюдовъ. Всѣ эти виды скота учитываются двояко—по лѣтнему и зим-

нему составу. Впервые, сколько мнѣ извѣстно, такой пріемъ учета былъ использованъ мною въ западной Сибири и далъ прекрасные результаты,—въ земской статистикѣ учетъ особо зимняго и лѣтняго состава скота былъ проведенъ, сколько я знаю, только по Вяземскому уѣзду (Смол. губ.).

Приведу, въ заключеніе, содержаніе относящихся къ животноводству отдѣловъ таблицъ предварительной разработки данныхъ сельскохозяйственной переписи 1916 года. Въ абсолютныхъ цифрахъ дается число: лошадей, рабочихъ старше 4 лѣтъ и моложе этого возраста, молодняка старше и моложе года; рогатаго—воловъ, рабочихъ и «третяковъ», быковъ старше двухъ лѣтъ, коровъ, бычковъ $1^1/_2$—2 лѣтъ, нетелей старше $1^1/_2$ лѣтъ, подтелковъ и бычковъ отъ 1 до $1^1/_2$ лѣтъ, телятъ до года; овецъ—взрослыхъ и ягнятъ; козъ—взрослыхъ и козлятъ; свиней—старше года, отъ 4 мѣс. до года, поросятъ до 4 мѣсяцевъ; верблюдовъ,ословъ и муловъ; буйволовъ и яковъ, оленей. Нелишнее замѣтить, что при установленіи столь дробной классификаціи имѣлись въ виду, кромѣ хозяйственныхъ соображеній, также и дѣйствовавшія правила относительно реквизиціи опредѣленныхъ категорій скота и имѣвшіяся въ виду предположенія относительно запрещенія убоя телятъ моложе, опять таки, опредѣленнаго возраста. Затѣмъ, въ погубернскихъ и порайонныхъ итогахъ, даются слѣдующія сводныя и относительныя числа: распредѣленіе всего скота по родамъ (лошади, крупный рогатый и пр.); абсолютныя числа и проценты разныхъ видовъ рабочаго скота (лошади, волы, верблюды); число единицъ (въ переводѣ на голову взрослаго рогатаго) навознаго скота; распредѣленіе отдѣльныхъ родовъ скота по возрастнымъ и половымъ группамъ; среднее число головъ всего скота на одно хозяйство и на 100 душъ обоего пола; среднее число единицъ рабочаго скота разныхъ категорій по разсчету на одно хозяйство, на 100 дес. посѣва и на 100 душъ населенія; число единицъ навознаго скота на 100 дес. посѣва.

Какъ мы видѣли, статистики, группируя крестьянскія домохозяйства по обезпеченности мертвымъ и живымъ инвентаремъ, особое вниманіе посвящаютъ установленію числа хозяйственныхъ единицъ, вовсе не имѣющихъ орудій либо скота, или располагающихъ неполнымъ инвентаремъ, и доли, составляемой ими во всей массѣ крестьянства. Не приводя большого числа цифръ, мы однако хотя бы на приведенныхъ выше цифрахъ безлошадныхъ, извлеченныхъ изъ данныхъ военноконскихъ переписей, могли видѣть, какую большую долю въ общемъ по странѣ итогѣ и какую огромную въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ составляютъ дворы, лишенные рабочаго скота. Однако, неполнота или даже полное отсутствіе инвентаря еще отнюдь не равносильны совершенному отсутствію собственнаго земледѣльческаго хозяйства—полной «безхозяйности»: между вполнѣ самостоятельнымъ собственнымъ хозяйствомъ, необходимою предпосылкой котораго является наличность полнаго комплекта рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій, и полною безхозяйностью, характеризуемою—разъ рѣчь идетъ о земледѣльческомъ населеніи—неимѣніемъ не только живого и мертваго инвентаря, но и производимой за счетъ хозяина запашки, или говоря короче—безпосѣвностью, имѣется множество переходныхъ ступеней, когда хозяйство, не имѣющее полнаго земледѣльческаго инвентаря, однако имѣетъ собственную запашку. Такое полусамостоятельное хозяйствованіе облекается, главнымъ образомъ, въ двѣ формы: обработки земли наймомъ и обработки супря-

гою: первое—это случаи, когда вовсе не имѣющій инвентаря или имѣющій неполный инвентарь домохозяинъ, нерѣдко впрочемъ и такой, который, можетъ быть, и имѣетъ инвентарь, но не имѣетъ возможности или не желаетъ обрабатывать землю собственнымъ трудомъ, нанимаетъ для этого кого нибудь другого, причемъ нанятый выполняетъ договоренныя работы своими орудіями и своимъ скотомъ. Супряга—это случаи, когда дворъ или домохозяйство, обладающее неполнымъ инвентаремъ, чаще всего имѣющее не полный, необходимый по мѣстнымъ условіямъ, комплектъ рабочаго скота, а лишь нѣкоторую его часть, «спрягается», смотря по обстоятельствамъ, съ однимъ или съ нѣсколькими, также не имѣющими полнаго инвентаря, домохозяйствами, которыя подбираются съ такимъ разсчетомъ, чтобы у нихъ всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ, были налицо и орудія, и полный комплектъ рабочаго скота; этимъ полнымъ инвентаремъ супряжники, одинъ за другимъ, обрабатываютъ, каждый, свою землю, а поскольку мѣстные способы обработки требуютъ совмѣстнаго труда нѣсколькихъ людей, они, поочередно, помогаютъ другъ другу и своимъ трудомъ; время, въ теченіе котораго каждый изъ супряжниковъ пользуется общимъ инвентаремъ и помощью товарищей, опредѣляется пропорціонально внесенной имъ въ общій инвентарь долѣ. На сѣверѣ, и вообще въ большей части великорусскихъ губерній, господствуетъ одноконная соха и, такимъ образомъ, уже однолошадный хозяинъ можетъ обрабатывать землю своимъ инвентаремъ; такой возможности не имѣетъ только безлошадный, которому, значитъ, нечѣмъ «спрягаться», для обработки земли супрягою, какъ правило, нѣтъ мѣста; здѣсь, поэтому, встрѣчаются только другія формы крестьянскихъ трудовыхъ соединеній, въ частности помочи, при которыхъ, говоря вообще, взаимная помощь оказывается исключительно трудомъ; формы, примѣняемыя, главнымъ образомъ, уже не въ моментѣ обработки земли, а при уборкѣ хлѣба и травы. Тѣ же полусамостоятельныя земледѣльческія хозяйства, о которыхъ я говорю сейчасъ, основываются на обработкѣ наймомъ въ томъ смыслѣ этого слова, какой былъ выясненъ въ предыдущихъ строкахъ; квалифицированною, такъ сказать, формою такой обработки является такъ называемая «управка душъ» или просто «управка», т.-е. такого рода наемъ, при которомъ нанимающійся, «управщикъ», за опредѣленное вознагражденіе, беретъ на себя выполненіе всей совокупности обычныхъ въ данной мѣстности операцій по обработкѣ земли на всей душевой пашнѣ нанимателя: нужнаго количества вспашекъ, бороньбы, вывозки навоза,—вообще всѣхъ тѣхъ операцій, которыя требуютъ участія полнаго работника-мущины и рабочаго скота. Ниже, въ главѣ, гдѣ будетъ идти рѣчь о роли наемнаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ, мнѣ придется вернуться къ обработкѣ наймомъ и въ частности къ управкѣ. Но уже сейчасъ будетъ умѣстно отмѣтить, что въ промышленной полосѣ то и другое вызывается не только и даже не столько нуждою, неимѣніемъ инвентаря, неимѣніемъ работника, вообще хозяйственною слабостью,

сколько разсчетомъ: отвлеченіемъ рабочихъ силъ домохозяйства какими либо промыслами; хозяинъ располагаетъ, можетъ быть, и инвентаремъ, и рабочею силой, вообще **полною возможностью** вести самостоятельное земледѣльческое хозяйство,—но онъ находитъ для себя **болѣе выгоднымъ** использовать свою рабочую силу въ промыслѣ, гдѣ онъ разсчитываетъ заработать больше, чѣмъ въ земледѣліи, и часть заработанныхъ денегъ заплатить за «управку» или вообще за обработку земли. Что, въ самомъ дѣлѣ, переходъ на «управку» и вообще на обработку наймомъ можетъ имѣть двоякій характеръ—обусловливаться и нуждой, и разсчетомъ, ясно видно изъ статистическихъ цифръ. Вотъ, напримѣръ, цифры, показывающія распространенность обработки наймомъ, въ различныхъ посѣвныхъ группахъ, по одному изъ уѣздовъ Ярославской губерніи—Моложскому:

Группы съ посѣвомъ	Процентъ дворовъ, обрабатывающихъ наймомъ.	
	всю землю	часть
до 1 дес.	59	13
1—2 «	26	5
2—3 «	5	1,7
3—4 «	1	0,4
болѣе 4-хъ	0,2	0,1

Обработка наймомъ встрѣчается, такимъ образомъ, можно сказать, исключительно въ малопосѣвныхъ группахъ, которыя, очевидно, являются и бѣднѣйшими,—потому что никакой разсчетъ не можетъ побудить отвлеченнаго промыслами болѣе состоятельнаго хозяина прибѣгать къ найму, чтобы сохранить посѣвъ въ 1—2 десятину. Совсѣмъ иначе складываются цифры, напримѣръ, по Покровскому уѣзду (Владим. губ.): по приводимымъ Н. Н. Сухановымъ даннымъ, общій процентъ дворовъ, сдающихъ землю «въ управку», достигаетъ здѣсь 20,7%. Въ многопосѣвныхъ группахъ этотъ процентъ, правда, значительно ниже средняго по уѣзду, такъ что, значитъ, и здѣсь «управка» въ большинствѣ случаевъ является спутникомъ хозяйственной слабости. Однако, даже и въ группѣ съ самыми большими посѣвами, свыше 9 десятинъ, цѣлыхъ 11,5% нанимаютъ «управщиковъ»—очевидно, что по отношенію къ этой группѣ объ «управкѣ», какъ симптомѣ хозяйственной слабости, не можетъ быть и рѣчи: здѣсь она является дѣломъ хозяйственнаго разсчета.

Въ областяхъ господства двухъ-и трехконныхъ пахатныхъ орудій, а тѣмъ болѣе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ работаютъ на нѣсколькихъ парахъ воловъ, положеніе дѣлъ совершенно иное: въ первомъ случаѣ къ числу не могущихъ вести самостоятельнаго хозяйства присоединяются всѣ **одно**лошадные, а нерѣдко (цѣлины, твердыя почвы) и пара лошадей оказывается недостаточною для самостоятельной пахоты; во второмъ

къ числу хозяйствъ, не могущихъ самостоятельно обрабатывать землю, присоединяются всѣ имѣющія по одной, по двѣ, обычно по три, а гдѣ пашутъ очень большимъ количествомъ воловъ, даже по четыре, по пяти паръ воловъ—слѣдовательно, тѣмъ болѣе, домохозяева вполнѣ состоятельные и даже болѣе или менѣе зажиточные. Въ такихъ мѣстностяхъ способнымъ вести вполнѣ самостоятельное хозяйство, всецѣло на своемъ инвентарѣ, оказывается, нерѣдко лишь ничтожное меньшинство дворовъ,—но за то громадное большинство не имѣющихъ полнаго инвентаря: всѣ имѣющіе по три, по двѣ, по одной парѣ воловъ, имѣющіе лошадь и т. п.,—могутъ войти въ соотвѣтственной долѣ въ одну изъ супряжныхъ артелей и такимъ образомъ обработать свою запашку. Получается такимъ образомъ длинная лѣстница или гамма типовъ хозяйствъ, начиная отъ вполнѣ самостоятельныхъ и кончая вовсе не имѣющими запашки. Въ этой лѣстницѣ извѣстный изслѣдователь южно-русскаго крестьянскаго хозяйства В. Е. Постниковъ различаетъ три основныхъ типа или группы: «1. домохозяевъ тягловыхъ или имѣющихъ тягло (полный комплектъ рабочаго скота и плугъ) и обходящихся собственнымъ скотомъ, безъ найма скота и безъ супряги»; они «имѣютъ у себя 2—3 пары или болѣе (при нѣкоторыхъ условіяхъ, какъ видно изъ сказаннаго, повышается и самый минимумъ! А. К.) рабочаго скота и, соотвѣтственно этому, трехъ взрослыхъ работниковъ или, по крайней мѣрѣ, двухъ взрослыхъ и одного полурабочаго»—если работниковъ въ семьѣ меньше, они держатъ батраковъ; «2. Полутягловыхъ или супряжниковъ, т.-е. домохозяевъ, спрягающихся между собою для полевыхъ работъ по неимѣнію скота для самостоятельной запряжки; у такихъ хозяевъ во дворѣ держится одна или полторы пары и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, двѣ (и болѣе! А. К.) пары рабочаго скота и, соотвѣтственно этому, одинъ или два взрослыхъ работника.... и 3. Домохозяевъ безтяглыхъ или «пѣшихъ», вовсе не имѣющихъ скота или имѣющихъ одну рабочую скотину (большею частью лошадь, такъ какъ волы обыкновенно держатся парами и ходятъ лишь въ парной упряжкѣ); они работаютъ наймомъ чужого рабочаго скота или сдаютъ свои земли изъ части урожая и (въ такомъ случаѣ) вовсе не имѣютъ посѣва». Чисто экономическая въ своемъ корнѣ,—эта классификація дворовъ на тяглыхъ, полутяглыхъ и пѣшихъ—замѣчу мимоходомъ—настолько укоренилась, въ теченіе вѣковъ, въ нравахъ и обычаяхъ, что пріобрѣла опредѣленное юридическое значеніе, и въ тѣхъ «мѣстныхъ положеніяхъ», которыми были установлены основанія надѣленія землею освобождавшихся отъ крѣпостной зависимости крестьянъ, для «тяглыхъ» и «полутяглыхъ» дворовъ были установлены совершенно различныя нормы надѣленія. Наряду съ охарактеризованными только что явленіями, въ тѣсной органической связи съ ними, стоитъ, какъ мы видѣли выше, еще одно явленіе, характерное болѣе или менѣе исключительно для нечерноземно-промышленной полосы, именно забросъ надѣльной земли;

явленіе, въ основѣ котораго лежитъ, съ одной стороны, неполное использованіе рабочей силы лошади, а слѣдовательно — невыгодность содержанія ея, разъ возможный по величинѣ надѣла размѣръ надѣльной запашки опускается ниже опредѣленнаго предѣла (см. стр. 163—164); но съ другой стороны—и отвлеченіе населенія промыслами, при низкой чистой доходности отжившаго свой вѣкъ трехпольнаго земледѣлія: крестьянинъ обрабатываетъ, «пока самъ пашетъ» — пока при этомъ используется собственный, иначе не использованный, трудъ и собственная лошадь, которой иначе тоже нечѣмъ занять; но разъ только крестьянинъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, перестаетъ «самъ пахать», ему нечего дѣлать съ этою землей—сдать ее въ аренду нельзя, потому что обработка не обѣщала бы арендатору никакого чистаго дохода, а скорѣе всего не окупила бы и его труда; не остается, значитъ, ничего, какъ ее забросить.

Всѣ эти явленія учитываются статистически при земскихъ подворныхъ переписяхъ,—въ смыслѣ статистическаго учета они принадлежатъ къ числу наиболѣе простыхъ, и какъ въ постановкѣ ихъ въ опросныхъ формулярахъ, такъ и въ разработкѣ ихъ въ сборникахъ можно найти очень мало разнообразія.

Вотъ нѣсколько примѣровъ постановки вопросовъ разсматриваемой категоріи въ формулярахъ, сначала, по черноземной полосѣ: въ Воронежскихъ формулярахъ—«обрабатываетъ собственнымъ скотомъ, супрягой, наймомъ»; въ Харьковскихъ—«самъ, супрягою, наймомъ», но кромѣ того и «управкой»; въ Полтавскихъ—«своимъ скотомъ, супрягой, наймомъ». Харьковскіе формуляры—единственные изъ мнѣ извѣстныхъ по черноземной полосѣ, гдѣ встрѣчается вопросъ объ «управкѣ». Напротивъ, въ формулярахъ изъ нечерноземной полосы этотъ вопросъ является обязательнымъ,—равнымъ образомъ болѣе или менѣе вездѣ ставится вопросъ о запускѣ пашни, но за то, кажется, совершенно не встрѣчается ненужнаго, по мѣстнымъ условіямъ, вопроса о супрягѣ. Въ Тверскихъ, напримѣръ, поставлены отдѣльно вопросы о способахъ а) обработки и б) уборки—управкою наймомъ, собственнымъ трудомъ; затѣмъ вопросъ: «запущено»—особо по каждом, полю и по кадой категоріи земли (надѣльной, купчей и пр.). Въ Вологодскиху спрашиваютъ объ обработкѣ земли—своимъ скотомъ и инвентаремъ, частью наемнымъ, всю наемнымъ, затѣмъ также о запускѣ, тоже особо для душевой и внѣдушевой и отдѣльно по каждому полю. Въ Смоленскихъ для характеристики полусамостоятельныхъ хозяйствъ ставится только одинъ вопросъ: «наемъ только лошади—на какія работы, на сумму», а затѣмъ по каждому полю: «пустуетъ мѣръ ржи» (т. е. площадь, могущая быть засѣянною такимъ-то количествомъ ржи).

Мало разнообразія—какъ я сказалъ—представляетъ и разработка вопросовъ разсматриваемой категоріи въ статистическихъ сборникахъ—тѣмъ интереснѣе цифры соотвѣтственныхъ графъ,—приведу изъ нихъ нѣкоторыя, для иллюстраціи сказаннаго выше объ относительномъ значеніи разныхъ формъ полусамостоятельнаго хозяйства. Упомяну, прежде всего, о Курскихъ сборникахъ, однихъ изъ первыхъ по времени, которые, какъ и нѣкоторые другіе изъ болѣе раннихъ сборниковъ,

характерны тѣмъ, что данныя о самостоятельномъ или полусамостоятельномъ характерѣ хозяйства приводятъ въ одной рубрикѣ съ данными о сдачѣ земли, или точнѣе—о числѣ сдающихъ землю дворовъ: въ этой общей рубрикѣ дается именно три графы—обрабатываютъ собственнымъ инвентаремъ, наймомъ, сдаютъ; и, напримѣръ, по Льговскому уѣзду насчитано самостоятельно хозяйствующихъ 12612, обрабатывающихъ наймомъ 2692, сдающихъ всего 822 двора,—полусамостоятельный типъ хозяйства, такимъ образомъ, встрѣчался втрое чаще, нежели сдача надѣльной земли. По Тотемскому уѣзду подраздѣленія разсматриваемой рубрики строго соотвѣтствуютъ приведеннымъ выше тремъ вопросамъ формуляра, причемъ для каждой изъ трехъ категорій дается число дворовъ и число обрабатываемыхъ соотвѣтственнымъ способомъ десятинъ,—въ итогѣ по уѣзду обрабатываютъ всю землю своимъ инвентаремъ 22375 дворовъ, всю наймомъ (иначе сказать «управкой») 1737, частью наймомъ 471 дворъ; количество запущенной земли дается не въ столь расчлененномъ видѣ, какъ въ формулярахъ—дается количество земли, запущенной «міромъ», затѣмъ запущенной отдѣльными домохозяевами, душевой и внѣдушевой (расчистки!) земли,—первой въ итогѣ уѣзду оказалось 1108, второй 111 дес. Въ сборникахъ по Владимірской губерніи дается число дворовъ, обрабатывающихъ только своимъ семействомъ, отчасти наймомъ, только наймомъ, нанимающихъ управщика,—въ итогахъ по Юрьевскому уѣзду оказалось вполнѣ самостоятельныхъ хозяевъ 7971, обрабатывающихъ частью наймомъ 5509, только наймомъ всего 273, но за то нанимающихъ управщика цѣлыхъ 2560. Наиболѣе детально вопросы разсматриваемой категоріи разработаны, изъ мнѣ извѣстныхъ, въ Мышкинскомъ (Яросл. губ) сборникѣ, гдѣ мы находимъ такія рубрики и такія итоговыя по уѣзду цифры: дворовъ, обрабатывающихъ всю землю своимъ скотомъ и инвентаремъ 9790, часть 1865, всю землю наймомъ 2421, часть 1135; сдающихъ всю землю 266 дворовъ, часть 1711,—причемъ по каждой рубрикѣ приведено и соотвѣтственное число десятинъ; затѣмъ, число запустившихъ всю пашню—такихъ въ итогѣ по уѣзду оказалось 51 хозяйство., и запущено ими 142 дес., и запустившихъ часть—цѣлыхъ 1587 дворовъ, и запущено ими 1503 дес. изъ общаго количества 7351 десятины надѣльной пашни.

Совсѣмъ другую картину даютъ, конечно, сборники для любой изъ мѣстностей южной полосы, съ ея широко, разросшимися запашками и преобладаніемъ плужнаго инвентаря. И здѣсь мы находимъ, въ болѣе старыхъ сборникахъ, вопросы разсматриваемой категоріи слитыми въ одну общую рубрику съ вопросомъ о сдачѣ надѣльной земли. Въ Воронежскихъ поставлены, напримѣръ, такіе вопросы: обрабатываютъ собственнымъ скотомъ всю—часть; наймомъ и изъ части—всю, часть: особой рубрики для супряжныхъ хозяйствъ въ этихъ сборникахъ нѣтъ. Въ болѣе новыхъ сборникахъ такого рода графа встрѣчается обязательно. Вотъ, напримѣръ, рубрики и соотвѣтственныя цифры по Александров-

скому (Екатериносл. губ) уѣзду: не обрабатываютъ землю 3529 хозяйствъ, обрабатываютъ наймомъ («пѣшіе дворы»!) 4200, супрягой 19441, своимъ трудомъ 7204,—вполнѣ самостоятельными хозяйствами являются очевидно, только дворы послѣдней категоріи, составляющіе немногимъ болѣе одной пятой, тогда какъ супряжники составляютъ значительно болѣе половины общаго числа хозяйствъ. Или по Симферопольскому у. (Таврич. губ.): обрабатываютъ своимъ скотомъ 1916 дворовъ, супрягой 669, наймомъ 244, своимъ скотомъ и супрягой 85, своимъ скотомъ и наймомъ 19, прочими и невыясненными способами 936 (эта большая цифра «прочихъ и невыясненныхъ» показываетъ, что классификація либо формуляровъ, либо таблицъ, не отвѣчала мѣстнымъ условіямъ) дворовъ,—по каждой рубрикѣ приведено и соотвѣтственное число десятинъ. Или вотъ рубрики и общіе по губерніямъ итоги 3-ей Полтавской переписи: обрабатывающихъ своимъ скотомъ 133 тыс. дворовъ, супрягой тоже 133, наймомъ 97 тыс., смѣшанными способами 5 тысячъ дворовъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Земледѣліе.

Какъ и въ предыдущей главѣ, когда мы говорили объ инвентарѣ и въ частности о живомъ инвентарѣ т.-е. скотѣ, предметомъ нашего разсмотрѣнія будутъ, прежде всего, размѣры запашекъ и, главнымъ образомъ, ихъ засѣянной части—посѣвныхъ площадей, которыя разсматриваются какъ одно изъ сравнительно легко уловимыхъ мѣрилъ крестьянскаго благосостоянія и одинъ изъ наиболѣе осязательныхъ признаковъ соціально-экономической дифференціаціи. Конечно, та условность всякаго рода сравненій, которую мнѣ приходилось подчеркивать, когда я говорилъ о разныхъ другихъ признакахъ крестьянскаго благосостоянія и дифференціаціи крестьянства, остается налицо и тогда, когда мы анализируемъ данныя о размѣрахъ запашекъ или посѣвныхъ площадей. Въ частности, такъ же мало даютъ здѣсь междурайонныя сравненія: значеніе счетной единицы—десятины пашни либо посѣва, зависитъ отъ преобладающаго въ каждомъ данномъ районѣ характера почвы, отъ климата, отъ способовъ веденія хозяйства и въ частности—возстановленія и повышенія производительности почвы; вообще отъ сложной совокупности условій, которою, въ каждомъ данномъ районѣ, опредѣляется средняя урожайность десятины, а при все болѣе укореняющемся господствѣ денежнаго хозяйства и денежныхъ отношеній—кромѣ того и отъ не менѣе сложной совокупности обстоятельствъ, которыя, даже и при равной урожайности, могутъ обусловить совершенно различную доходность единицы пашни или единицы посѣва. Въ конечномъ

счетѣ, десятина пашни или посѣва будетъ имѣть въ разныхъ районахъ совершенно различное потребительное значеніе и будетъ стоять въ совершенно различномъ отношеніи къ трудовой нормѣ; иначе сказать, чтобы обезпечить совокупность насущныхъ потребностей крестьянской семьи, чтобы дать полное приложеніе ея рабочей силѣ, потребуется въ однихъ районахъ одно, въ другихъ—другое, въ третьихъ—еще другое количество десятинъ. При такихъ условіяхъ, междурайонныя сравненія были бы вполнѣ убѣдительны лишь въ томъ случаѣ, если бы посѣвныя либо пахатныя площади въ различающихся по естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ районахъ могли приводиться къ нѣкоторой общей мѣрѣ, подобно тому, какъ—мы видѣли въ предыдущей главѣ—къ одной общей мѣрѣ приводятся цифры различныхъ разновидностей скота. Но такихъ переводовъ пока не дѣлаютъ, и объективно-убѣдительныхъ коэффиціентовъ для такого перевода пока не выработано. Почти столь же серьезныя затрудненія встрѣчаются при сравненіяхъ и внутри однородныхъ по природнымъ и хозяйственнымъ условіямъ районовъ или мѣстностей,—при сравненіяхъ этого рода такія затрудненія сказываются даже рѣзче, чѣмъ при сравненіяхъ, напримѣръ, по рабочему скоту или по мертвому инвентарю: производительность, а съ нею и значеніе десятины пашни или посѣва, даже и внутри незначительнаго по общему пространству района, могутъ оказаться весьма различными въ зависимости отъ рѣзко измѣняющихся, нерѣдко, на ничтожныхъ разстояніяхъ, почвенныхъ условій, а въ нечерноземной полосѣ, въ такой же или даже еще въ большей мѣрѣ, отъ степени обезпеченности кормовыми угодьями. Приходится утѣшать себя ссылкою на законъ большого числа,—предполагать, что въ большомъ числѣ эти внутрирайонныя различія болѣе или менѣе уравновѣшиваются. И разъ имѣть дѣло съ большими числами, то можно признать, что пашня, и въ особенности посѣвная площадь,—все-таки лучшее мѣрило для внутрирайонныхъ сравненій и лучшее основаніе для группировокъ, нежели, напримѣръ, количество скота,—вообще лучшее изъ всѣхъ, какими располагаетъ статистика, пока рѣчь идетъ о размѣрахъ собственно земледѣльческаго хозяйства; передъ рабочимъ скотомъ она заслуживаетъ предпочтенія, между прочимъ, потому, что рабочій скотъ, въ той или другой части, можетъ использоваться не для земледѣльческихъ, а для промысловыхъ цѣлей.

Общая площадь пашни въ 50 губерніяхъ коренной Россіи исчислялась въ началѣ 60-хъ гг. прошлаго столѣтія въ $82^1/_2$ милліона десятинъ, по земельнымъ обслѣдованіямъ 1881 года въ 114, 1887 года въ 124 милліона десятинъ. Съ тѣхъ поръ земельныхъ обслѣдованій съ учетомъ распредѣленія земли по угодьямъ не было, а имѣются лишь данныя о посѣвныхъ площадяхъ. По тѣмъ же 50 губерніямъ общее пространство посѣвовъ въ среднемъ за пятилѣтіе 1901—1905 гг. исчислялось въ 73,7 милл., за пятилѣтіе 1906—10 гг. въ 75 милл.,

въ 1911, 1912 и 1913 гг. въ 77, 76 и 78 милліоновъ десятинъ, что, приблизительно, соотвѣтствуетъ 120 милліонамъ десятинъ пашни. Съ присоединеніемъ къ приведеннымъ цифрамъ посѣвныхъ площадей Царства Польскаго, Кавказа съ Закавказьемъ и зауральскихъ областей, общая площадь земли подъ посѣвами достигнетъ слѣдующихъ цифръ: въ среднемъ выводѣ за пятилѣтіе 1906—1910 гг. 91½ милл., въ 1911, 1912 и 1913 гг. 97, 95 и 99 милл. десятинъ, въ среднемъ за послѣдніе три года около 97 милл. десятинъ. Въ общемъ по имперіи итогѣ площадь подъ посѣвами, такимъ образомъ, продолжаетъ расти еще и въ самое послѣднее время,—но ростъ этотъ происходитъ исключительно за счетъ усиленно колонизуемыхъ, въ особенности въ послѣдніе 10 лѣтъ, зауральскихъ областей. Собственно въ 50-ти губерніяхъ коренной Россіи ростъ площади подъ посѣвами, и вообще, въ послѣднія десятилѣтія, очень медленный, въ самые послѣдніе годы, можно сказать, совершенно остановился,—развитіе земледѣлія вширь дошло въ европейской Россіи до своего крайняго предѣла. А благодаря этому роль на міровомъ рынкѣ Россіи, какъ поставщика земледѣльческихъ продуктовъ, постепенно падаетъ. Вотъ, по вычисленіямъ В. Э. Дена, общія цифры мірового производства хлѣбовъ и, въ томъ числѣ, производства хлѣбовъ Россіею и главнымъ ея конкурентомъ—Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами:

	1831—40	1851—60	1874—84	1905
	милліоновъ четвертей.			
Міровое производство	700	981	1400	1670
Россія	180	220	253	360
Сѣв.-Ам. С. Штаты	94	183	403	618

Такимъ образомъ, хлѣбное производство Россіи, въ тридцатыхъ годахъ составлявшее четверть всего мірового производства и вдвое превышавшее производство Сѣверо-Американскихъ Соед. Штатовъ, уже въ началѣ 80-хъ годовъ составляетъ немногимъ болѣе одной шестой, въ 1905 г. нѣсколько больше одной пятой мірового производства и всего около трехъ пятыхъ производства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Не измѣнилось положеніе вещей, въ выгодную для Россіи сторону, и въ самые послѣдніе годы: въ 1913 году, по оффиціальнымъ даннымъ, міровое производство пяти главныхъ хлѣбовъ и картофеля (приравнивая пять пудовъ послѣдняго къ одному пуду зерна) выражалось 16,222 милліонами пудовъ, изъ которыхъ на долю Россіи приходилось 3,757, на долю Штатовъ 6,361 милліонъ пудовъ. Значеніе этого перевѣса Штатовъ надъ Россіею нѣсколько умаляется лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ приведенной только что огромной цифры ихъ хлѣбнаго производства значительно болѣе половины, именно 3,791 милл. пудовъ,

т. е. больше всего хлѣбнаго производства Россіи, приходится на кукурузу, которая въ хлѣбномъ производствѣ нашей страны, какъ цѣлаго, не играетъ сколько-нибудь серьезной роли.

Перейдемъ теперь къ вопросу о сравнительномъ развитіи земледѣлія, и въ частности крестьянскаго земледѣлія, въ отдѣльныхъ частяхъ Европейской Россіи, поскольку о немъ, послѣ сдѣланныхъ выше оговорокъ, можно судить на основаніи данныхъ о посѣвныхъ площадяхъ. Бросимъ, сначала, взглядъ хотя бы на картограмму распредѣленія крестьянскихъ посѣвныхъ площадей, помѣщенную во 2-мъ томѣ коллективнаго труда «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ». Мы увидимъ здѣсь, что полоса наиболѣе крупныхъ крестьянскихъ посѣвовъ, именно отъ 122 до 83 дес. на 100 душъ крестьянскаго населенія, охватываетъ весь степной югъ и юго-востокъ и прилегающій къ послѣднему, съ сѣвера, приуральскій районъ,—не меньшимъ количественнымъ развитіемъ крестьянскаго хлѣбопашества характеризуются, конечно, и не представленныя на упомянутой картограммѣ области, лежащія дальше къ востоку и къ юго-востоку: сѣверный Кавказъ и степныя мѣстности Сибири и киргизскаго края. Слѣдующее мѣсто (63,5—62, 4 дес. на 100 душъ) занимаютъ два района: нестепной черноземъ, начиная отъ Полтавы и Харькова на югѣ и кончая Орломъ и Тамбовомъ на сѣверѣ, и Литовско-Бѣлорусскій районъ съ прилегающею къ нему съ востока Смоленскою губерніею. Еще ниже по размѣру крестьянскихъ посѣвовъ (58—51 дес. на 100 душъ) стоятъ также два района: юго-западный, съ прилегающею къ нему Черниговскою губерніею, и центрально-промышленный, за исключеніемъ только что названной Смоленской и столичной—Московской губерніи. Эта послѣдняя, вмѣстѣ съ другою столичною, Петроградскою губерніей, принадлежатъ къ области съ наименьшими крестьянскими посѣвами, въ составъ которой входятъ, сверхъ того, остальныя приозерныя, прибалтійскія и сѣверныя губерніи: площадь крестьянскихъ посѣвовъ колеблется здѣсь между 44 и 40 десятинами на 100 душъ населенія.

Такова общая картина распредѣленія крестьянскихъ посѣвовъ по даннымъ, въ свое время съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ изображавшимъ нормальное положеніе вещей въ странѣ, но для настоящаго времени уже сильно устарѣлымъ. Въ настоящее время мы располагаемъ совершенно свѣжими и, конечно, гораздо болѣе точными данными, при оцѣнкѣ которыхъ, однако, приходится считаться съ тѣмъ, что они относятся къ началу уже третьяго года войны, а потому для многихъ мѣстностей даютъ болѣе или менѣе существенно отличающуюся отъ нормальной картину. Въ нижеслѣдующей табличкѣ приведены заимствованныя изъ предварительныхъ подсчетовъ переписи цифры, показывающія, во первыхъ, средніе, по разсчету на 100 душъ сельскаго населенія, размѣры какъ общей площади подъ посѣвами, такъ, затѣмъ, отдѣльно площади, занятой двумя главными пищевыми хлѣбами, рожью

и пшеницей, главнымъ кормовымъ хлѣбомъ—овсомъ, и полу-пищевымъ, полукормовымъ—ячменемъ; и во вторыхъ, въ послѣднемъ столбцѣ, средніе размѣры крестьянскихъ посѣвовъ, по разсчету на одно хозяйство крестьянскаго типа:

На 100 душъ сельскаго населенія десятинъ

	Всего	В т о м ъ ч и с л ѣ					Въ среднемъ на крест хозяйство, всѣхъ хлѣбовъ дес
		Ржи.	Пшен.	Ячм.	Овса	Проч	
Центр.-черноземн	78	32	5,	$1_{,6}$	20	19	4_2
Средневолжск.	82	35	12	0_8	18	16	4_1
Нижневолжск.	119	21	69	3_6	15	10	6_3
Новороссійск.	147	17	55	47	7	21	6_9
Югозападный.	67	15	13	6_6	12	20	2_3
Малороссійск.	80	22	19	10	10	20	3_9
Промышленн.	40	17	0_4	2	10	11	1_9
Бѣлорусск. (и Виленск.)	75	30	0_8	8	16	21	3_9
Приозерн.	50	19	0_3	$4_,$	13	14	2_6
Прибалтійск.	121	23	2	19	32	44	7_6
Приуральск.	81	28	10	5.	30	8	4_2
Сѣверный.	39	15	1_0	6	12	4	1_9
Всего на евр. Россіи.	85	24	19	10	15	16_5	4_1

Остановимся сначала на общихъ цифрахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, цифры эти обнаруживаютъ весьма рѣзкія различія, и притомъ не только между черноземною и нечерноземною полосою, взятыми въ цѣломъ, но и, въ еще большей мѣрѣ, между отдѣльными районами въ той и другой полосѣ. Въ черноземной полосѣ наиболѣе обширными посѣвами—119 и 147 дес. на каждыя 100 душъ—характеризуются, конечно, два степныхъ района: нижневолжскій и особенно новороссійскій, и тѣ же два района выдѣляются максимальными размѣрами собственно крестьянскихъ посѣвовъ: 6,3 и 6,9 дес. на хозяйство крестьянскаго типа. Уже значительно меньше посѣвы въ трехъ районахъ, составляющихъ, въ совокупности, черноземный центръ: центрально-черноземномъ, средневолжскомъ и малороссійскомъ: на 100 душъ сельскаго населенія приходится здѣсь отъ 78 до 82 дес., на дворъ крестьянскаго типа отъ 3,9 до 4,2 дес.—и въ томъ и другомъ случаѣ всѣ три района характеризуются, значитъ, очень близкими другъ къ другу цифрами. Исключительно-малыми размѣрами характеризуется, наконецъ, густо-населенный юго-западный районъ, и притомъ не столько въ общей, по разсчету на 100 душъ, цифрѣ всѣхъ посѣвовъ (67 дес.), сколько въ средней на хозяйство цифрѣ посѣвовъ крестьянскаго типа; эта цифра опускается здѣсь до 2,3 дес.—т.-е. почти до того—же уровня, какъ въ неземледѣльческихъ мѣстностяхъ нечерноземной полосы. Это—отъ того, что въ

юго-западномъ районѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо распространены обширныя помѣщичьи запашки, и наоборотъ—меньшее чѣмъ въ какомъ-либо другомъ районѣ надѣльное обезпеченіе крестьянъ лишь въ ничтожной мѣрѣ восполняется весьма мало распространенною, здѣсь, крестьянскою арендой. Въ нечерноземной полосѣ значительными размѣрами какъ всѣхъ вообще, такъ и, въ частности, крестьянскихъ посѣвовъ выдѣляется прибалтійскій районъ: общая площадь посѣвовъ, по разсчету на 100 душъ (121 дес.), даже нѣсколько выше, чѣмъ въ нижневолжскомъ, средняя посѣвная площадь крестьянскаго двора (7,6 дес.) больше, чѣмъ въ обоихъ степныхъ районахъ. Затѣмъ, другіе два района—одинъ на западѣ, бѣлорусскій, другой на крайнемъ востокѣ, приуральскій, по размѣрамъ какъ всѣхъ вообще посѣвовъ, разсчитанныхъ на 100 душъ сельскаго населенія (75 и 81 дес.), такъ и по средней посѣвной площади хозяйствъ крестьянскаго типа (3,9 и 4,2 дес.), очень близки къ районамъ черноземнаго центра; три остальныхъ района—промышленный и сѣверный, въ нѣсколько меньшей мѣрѣ приозерный, представляютъ собою область наименьшаго развитія землѣдѣлія: на 100 душъ сельскаго населенія въ этихъ районахъ приходится 40, 39 и 50 дес., на одинъ дворъ крестьянскаго типа 1,9, 1,9 и 2,6 десятинъ.

Предоставляя, затѣмъ, читателю разобраться въ деталяхъ цифръ приведенной таблички, я остановлюсь еще только на цифрахъ тѣхъ двухъ столбцовъ, которые относятся къ главнымъ пищевыхъ хлѣбамъ—ржи и пшеницѣ. И по этому признаку два степныхъ района черноземной полосы рѣзко выдѣляются изъ общаго уровня, причемъ, однако, первое мѣсто принадлежитъ уже не новороссійскому району, какъ при сравненіи общихъ площадей посѣвовъ, а нижневолжскому: въ первомъ на 100 душъ сельскаго населенія приходится 90, во второмъ 72 дес. подъ двумя названными хлѣбами. Три района черноземнаго центра и по этому признаку характеризуются близкими другъ къ другу цифрами—37, 37 и 41 (малоросс. районъ) десятинъ,—очень близкую къ нимъ цифру даетъ врѣзывающійся въ черноземную полосу, но большею частью своего пространства принадлежащій къ нечерноземной, приуральскій районъ (38 дес.). Изъ остальныхъ районовъ нечерноземной полосы сравнительно большую цифру площади подъ пищевыми хлѣбами даетъ еще бѣлорусскій районъ (31 дес.). Въ прибалтійскомъ районѣ площадь подъ пищевыми хлѣбами (всего 25 дес. на 100 душъ сельскаго населенія) несоразмѣрно мала по сравненію съ весьма крупными, какъ мы видѣли, общими размѣрами запашекъ—почти въ два съ половиной раза большую площадь занимаютъ здѣсь кормовые—хлѣба, овесъ и ячмень, очень значительную, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ,—кормовыя травы, и такимъ образомъ для пищевыхъ хлѣбовъ остается лишь сравнительно немного мѣста. Остальные три района нечерноземной полосы характеризуются очень близкими другъ къ другу, минимальными цифрами посѣвовъ пищевыхъ хлѣбовъ—18, 19, и даже 15 (сѣверный

районъ) десятинъ на 100 душъ сельскаго населенія. Какъ въ достаточной мѣрѣ общеизвѣстно, земледѣліе далеко не обезпечиваетъ здѣсь продовольствіе населенія, и послѣднее питается, въ значительной мѣрѣ, привознымъ изъ другихъ районовъ хлѣбомъ.

Не входя, пока, въ подробности, я подчеркну, прежде всего, неизбѣжную грубость охарактеризованнаго только что распредѣленія территоріи нашей страны по степени количественнаго развитія крестьянскаго земледѣлія,—неизбѣжную, независимо отъ всего сказаннаго выше, еще потому, что характеристика эта основана на среднихъ цифрахъ, выведенныхъ для такихъ далеко не однородныхъ, нерѣдко и крайне разнородныхъ по естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ, административнымъ дѣленіямъ, какъ наши губерніи. Чтобы дать понятіе о томъ, до чего можетъ доходить разнородность мѣстностей, входящихъ въ составъ одной губерніи, достаточно назвать хотя бы губерніи Вятскую, въ особенности же Пермскую и Тобольскую, южныя, черноземныя мѣстности которыхъ принадлежатъ къ полосѣ экстенсивнаго земледѣлія и максимальныхъ крестьянскихъ запашекъ, а сѣверныя—къ полосѣ съ интенсивнымъ навознымъ трехпольемъ и ничтожными по пространству запашками или даже вовсе безъ запашекъ. А затѣмъ, забѣгая нѣсколько впередъ, сейчасъ же отмѣчу, что отдѣльныя части нашей страны характеризуются совершенно различнымъ типомъ земледѣльческаго хозяйства, а въ соотвѣтствіи съ этимъ—и совершенно различнымъ потребительнымъ значеніемъ земледѣлія; въ грубыхъ чертахъ, югъ и юго-востокъ имѣютъ хлѣбъ въ большомъ избыткѣ, центръ, какъ цѣлое, продовольствуется своимъ хлѣбомъ, сѣверъ не можетъ прокормиться своимъ хлѣбомъ и долженъ ввозить хлѣбъ съ юга и частью изъ центра. На сѣверѣ и въ промышленной полосѣ нѣтъ, можно сказать, никакой почвы для капиталистическаго земледѣлія и вообще для расширенія крестьянскихъ запашекъ, на югѣ и юго-востокѣ капиталистическое земледѣліе имѣетъ передъ собою широкій просторъ; въ центрѣ земледѣліе у главной массы населенія служитъ потребительнымъ цѣлямъ, у деревенскихъ «верховъ» носитъ опять опредѣленно-капиталистическій характеръ. Въ этомъ мы могли уже, до извѣстной степени, убѣдиться изъ данныхъ и соображеній, приведенныхъ выше, главнымъ образомъ въ гл. 3-ей,—еще болѣе это станетъ намъ яснымъ изъ нижеслѣдующихъ цифръ, изображающихъ группировку населенія по величинѣ посѣвной площади въ рядѣ мѣстностей, характерныхъ для каждой изъ намѣченныхъ только что трехъ полосъ *).

Вотъ, прежде всего, нѣсколько примѣровъ изъ промышленно-нечерноземной полосы, начиная съ уже являющейся переходомъ къ крайнему сѣверу Вологодской губерніи:

---

*) Сплошной матеріалъ всероссійской с.-х. переписи 1916 г. въ данномъ направленіи еще не разработанъ.

	безъ посѣва	съ посѣвомъ до 2	2—3	3—6	бол 6
		десятинъ.			
Вологодскій у.	9	45	25	19	1,4

	съ посѣвомъ 0—2	2—3	3—4	бол. 4
	десятинъ.			
Грязовецкій у.	45	31	15	9,5

Какъ бы высоко ни учитывать относительно-интенсивный характеръ сѣвернаго трехпольнаго хозяйства, основаннаго на использованіи, для удобренія пашни, обширныхъ сѣнокосныхъ площадей,—все-же ясно, что запашки въ обоихъ уѣздахъ Вологодской губерніи совершенно ничтожны, и что о чемъ-либо похожемъ на капиталистическое, вообще на промышленное земледѣліе здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Немногимъ обширнѣе запашки въ такихъ, принадлежащихъ уже къ промышленному центру, губерніяхъ, какъ Ярославская или Владимірская. Вотъ относящіяся къ нимъ цифры:

	безъ посѣва	съ посѣвомъ до 1	1—3	3—6	6—9	бол. 9
	десятинъ.					
5 уу. Яросл губ.	11	12,4	48	25	2,7	0,6
2 уу. Владимірск. губ.	24	34		30	6	1,1

И въ этихъ обѣихъ губерніяхъ рѣшительное преобладаніе принадлежитъ мелкимъ или даже ничтожнымъ запашкамъ, съ посѣвною площадью до 6 дес., имѣющимъ, очевидно, лишь потребительное, а не промышленное значеніе; Владимірская губернія, или точнѣе—два данныхъ ея уѣзда, отличается однако отъ Ярославской болѣе чѣмъ вдвое большимъ процентомъ несѣющихъ дворовъ и тоже болѣе чѣмъ вдвое высшимъ процентомъ дворовъ съ нѣсколько болѣе значительными запашками, сѣющихъ свыше 6 десятинъ,—вообще замѣтно большею, хотя тоже еще, конечно, весьма ничтожною земледѣльческою дифференціаціей. Значительно рѣзче послѣдняя выражена въ губерніяхъ, лежащихъ уже на южной окраинѣ промышленной полосы—Смоленской и Калужской. Это ясно видно изъ слѣдующихъ цифръ, относящихся, къ сожалѣнію, только къ двумъ уѣздамъ:

	безъ посѣва	засѣвающихъ до 3	3—9	бол. 9
		десятинъ.		
Вяземск. у. (Смол. г.)	9,5	25	59	6,7

	безъ посѣва	засѣвающихъ до 3	3—6	6—9	9—12	бол 12
		десятинъ.				
Козельск у. (Кал. г.).	4,3	28	42	17	5,6	3,5

Процентъ дворовъ съ посѣвною площадью свыше 9 десятинъ—значитъ, уже съ, болѣе или менѣе несомнѣнно, промышленнымъ земледѣліемъ, въ нѣкоторой долѣ, можетъ быть, капиталистическаго характера, въ 6—8 разъ выше, нежели въ тѣхъ болѣе сѣверныхъ губерніяхъ, о которыхъ шла рѣчь передъ тѣмъ, а въ Калужской губерніи довольно замѣтный процентъ составляетъ и группа свыше 12 дес., какой въ ранѣе разсмотрѣнныхъ губерніяхъ вовсе не имѣло смысла учитывать особо. Очень незначителенъ, съ другой стороны, процентъ вовсе не сѣющихъ дворовъ—условія, отрывающія отъ земледѣлія, очевидно, дѣйствуютъ далеко не съ такою силой, какъ, напр., во Владимірской губерніи, и болѣе или замѣтное большинство (въ Козельскомъ у. свыше двухъ третей) дворовъ приходится на долю земледѣльческихъ хозяйствъ чисто потребительнаго типа (пос. площ. 3—6 дес).

Еще въ далеко большей мѣрѣ можно сказать тоже относительно характерной для малороссійскаго района Полтавской, въ далеко меньшей мѣрѣ—относительно лежащей на границѣ черноземнаго центра и степной полосы Воронежской губерніи,—въ той и другой, однако, уже значительно сильнѣе представлены земледѣльческія хозяйства явно—промышленнаго типа, а замѣтную долю составляютъ такія, которыя, судя по размѣрамъ посѣвныхъ площадей, болѣе или менѣе несомнѣнно можно отнести къ числу капиталистическихъ. Вотъ относящіяся къ той и другой цифры:

Полтавск г.	не сѣютъ	засѣвающихъ до 3	3—6	6—9	9—15	15—25	25—50	бол. 50
		десятинъ.						
казаки	3	34	29	16	12	4,4	1,6	0,3
крестьяне	2,3	46	25	11	4,5	1,1	0,3	0,1

		засѣвающихъ					
	не сѣютъ	1 до 1 десятинъ	1—5	5—10	10—20	20—40	бол. 40
Воронежск. губ.	7,6	2	43	31	1	1,9	0,3

Цифры эти, послѣ сказаннаго выше, не требуютъ особыхъ поясненій—дворы съ посѣвомъ до 6 дес. въ Полтавской губерніи и до 5 дес. въ Воронежской—это, очевидно, дворы съ запашкой чисто потребительнаго характера; дворы съ посѣвомъ болѣе 9 или 10 дес., какъ правило, можно отнести къ числу хозяйствъ съ промышленнымъ земледѣліемъ, хозяйства же съ посѣвомъ болѣе 20 или 25 дес, если не всѣ, то во всякомъ случаѣ въ значительной части, хозяйства уже капиталистическаго типа. Любопытенъ, между прочимъ, крайне незначительный процентъ безпосѣвныхъ дворовъ въ Полтавской губерніи,—вѣроятно результатъ широкаго распространенія, въ Малороссіи, супряжныхъ и т. п. типовъ полусамостоятельнаго хозяйства.

Вотъ, наконецъ, данныя по двумъ уѣздамъ, характернымъ одинъ—для степного юга, другой—для степного же юго-востока:

		засѣвающихъ					
	не сѣютъ	до 5 десятинъ	5—10	10—20	20—50	бол. 50	
Маріупольск. у. Екатер. г.	6,8	16	28	30	18	2,1	

		засѣвающихъ						
	не сѣютъ	до 3 десятинъ	3—6	6—9	9—15	15—20	20—40	бол. 40
Николаевск. у. Самарск. г.	12	18	21	15	17	8	2,6	

Въ той и другой мѣстности, въ особенности же въ Маріупольскомъ уѣздѣ, мы находимъ чрезвычайно рѣзкую дифференціацію: съ одной стороны—значительный процентъ дворовъ совершенно безъ запашки, съ другой—значительный процентъ хозяйствъ, засѣвающихъ свыше 20 десятинъ, а слѣдовательно, въ большинствѣ, носящихъ болѣе или менѣе ясно выраженный капиталистическій характеръ: дворы съ несомнѣннымъ чисто-потребительнымъ характеромъ (посѣвъ до 5 или 6 дес.) составляютъ въ обоихъ уѣздахъ меньшинство—въ Николаевскомъ около двухъ пятыхъ, въ Маріупольскомъ около одной шестой, а дворы съ болѣе или менѣе

несомнѣннымъ, въ массѣ, промышленнымъ земледѣліемъ (посѣвъ свыше 9—10 дес.) составляютъ въ первомъ болѣе трети, во второмъ болѣе половины общаго числа.

Читатель замѣтилъ, что заключенія о промышленномъ и тѣмъ болѣе капиталистическомъ характерѣ той или другой части крестьянскихъ хозяйствъ и высказывалъ вездѣ съ большими оговорками,—необходимость такихъ оговорокъ станетъ ясна для читателя, если онъ вспомнитъ сказанное въ 3-й главѣ относительно разнообразныхъ трудностей, съ которыми приходится бороться при выясненіи вопроса о соціально-экономической дифференціаціи крестьянства, и въ особенности о тѣхъ осложненіяхъ, которыя вытекаютъ изъ взаимной зависимости размѣровъ хозяйства и численности семьи. Какія бы, однако, ни дѣлать оговорки и ограниченія,—всетаки нельзя будетъ не признать, что большинство хозяйствъ, начиная отъ нѣкотораго размѣра посѣвной площади, ведетъ земледѣльческое хозяйство промышленнаго типа, большинство хозяйствъ съ посѣвною площадью свыше нѣкоторой другой нормы, положимъ 15—20 десятинъ, будутъ уже хозяйствами капиталистическаго или по крайней мѣрѣ полукапиталистическаго типа.

Сказаннымъ можно ограничиться по вопросу о земледѣліи и въ частности о посѣвныхъ площадяхъ, какъ одномъ изъ мѣрилъ крестьянскаго благосостоянія, или изъ симптомовъ, характеризующихъ тотъ или другой типъ крестьянскаго хозяйства. Другая сторона вопроса, къ которой мы должны теперь обратиться,—это качественная характеристика крестьянскаго земледѣлія,—характеристика его, какъ важнѣйшей отрасли крестьянскаго производительнаго труда и какъ главнаго источника средствъ существованія крестьянъ. Рискуя повторить извѣстное, можетъ быть, многимъ изъ читателей, я долженъ начать съ краткой характеристики такъ называемыхъ системъ полеводства: съ характеристики земледѣлія, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія способовъ возстановленія тѣхъ производительныхъ силъ земли, которыя постепенно извлекаются изъ нея сельскохозяйственными растеніями. Какъ частью было отмѣчено въ 1-ой главѣ, господствующая система полеводства всецѣло зависитъ отъ густоты населенія, или—что является ея соотносительнымъ—отъ степени земельнаго простора или, наоборотъ, «утѣсненія». Пока населеніе очень рѣдко, и количество пригодной по почвѣ и притомъ легко доступной для разработки земли на много превышаетъ то, какое наличное населеніе можетъ и какое ему нужно распахать, чтобы удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ, ведется такъ называемое переложное или залежное хозяйство, сущность котораго заключается въ томъ, что свѣжераспаханная земля засѣвается хлѣбами до тѣхъ поръ, пока она даетъ добропорядочные урожаи; когда урожайность ея начинаетъ замѣтно понижаться, ее забрасываютъ «въ залежь», иначе сказать, даютъ ей отдыхать до тѣхъ поръ, пока совершающіеся

въ почвѣ процессы вывѣтриванія и т. п. не возстановятъ ея производительной силы. Это переложное хозяйство имѣетъ двѣ основныя разновидности: вольную и регулированную, которыя въ условіяхъ крестьянскаго земледѣлія, въ частности въ новороссійскомъ краѣ и въ Малороссіи, принимаетъ форму «толочнаго» хозяйства. В первой формѣ, господствующей на востокѣ и въ Сибири, каждый хозяинъ пашетъ состоящую въ его владѣніи или пользованіи землю какъ ему заблагоразсудится: засѣваетъ ее сколько ему угодно лѣтъ подрядъ, забрасываетъ ее когда ему угодно и когда ему угодно понимаетъ вновь. Во второмъ земля въ общей дачѣ одного или нѣсколькихъ крестьянскихъ обществъ (нерѣдко совмѣстно и съ посторонними владѣльцами), раздѣлена на смѣны, которыя, поочередно, распахиваются въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ и затѣмъ, въ теченіе опредѣленнаго же числа лѣтъ, оставляются «подъ толокой», т.-е. отдыхаютъ и во время отдыха служатъ общимъ выпасомъ для скота всѣхъ совладѣльцевъ общей дачи. На сѣверѣ, гдѣ—какъ было указано во 2-ой главѣ (стр. 55, 62)—почвы, по своей малой природной производительности, даже и въ цѣлинномъ видѣ ничего не даютъ или слишкомъ мало даютъ безъ удобренія, примѣняется особая разновидность переложнаго—такъ называемое подсѣчное хозяйство: выбирается подходящая по почвѣ лѣсная площадь, лѣсъ на ней вырубается и—поскольку онъ не можетъ быть использованъ на бревна и т. п.,—сжигается въ кострахъ, получившаяся зола разбораниваетъ и служитъ удобреніемъ.

Возвращаюсь однако къ переложной системѣ. Необходимая предпосылка ея, какъ сказано, широкій просторъ: пока можно пашню забрасывать при первыхъ признакахъ истощенія и давать ей отдыхать до полнаго возстановленія ея производительности, она даетъ отличные результаты—довольно высокій, непонижающійся урожай, при минимальныхъ затратахъ на обработку земли. Чѣмъ болѣе сгущается населеніе,—чѣмъ, значитъ, большую долю общаго пространства нужно засѣвать, чтобы обезпечить населеніе хлѣбомъ, тѣмъ дольше приходится засѣвать хлѣбами однажды распаханную землю, тѣмъ скорѣе приходится поднимать вновь залежи, тѣмъ, значитъ, сильнѣе истощается земля посѣвами и тѣмъ менѣе она возстановляется отдыхомъ; въ результатѣ—пониженіе общей урожайности и все учащающіеся неурожаи. Въ концѣ концовъ, при извѣстной степени густоты населенія, забрасывать землю становится и вовсе невозможнымъ—переложное хозяйство переходитъ въ пестрополье или безтолочное хозяйство (отсюда выраженіе «безтолочь»!), при которомъ пашня засѣвается годъ за годомъ и, развѣ лишь, тѣ полосы, на которыхъ уже окончательно ничего не стало родиться, оставляются незасѣянными на годъ или на два. Въ настоящее время условія для нормальнаго переложнаго хозяйства сохранились развѣ только въ нѣкоторыхъ изъ вновь колонизуемыхъ районовъ азіатской Россіи. Юго-восточныя и южныя степи послѣдней переживаютъ кризисъ переложнаго

хозяйства,—урожаи пали до чрезвычайно низкаго уровня, и переходъ къ нѣкоторому иному типу хозяйства сталъ вопросомъ дня. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ сказать тоже о малороссійскомъ краѣ, гдѣ господствующимъ типомъ хозяйства уже сдѣлалось пестрополье, лишь ничтожные слѣды сохранились и отъ сѣвернаго подсѣчнаго хозяйство, которое отмираетъ и по ходу естественной эволюціи хозяйства, и, до нѣкоторой степени, благодаря правительственнымъ мѣрамъ лѣсоохранительнаго характера.

Какой же, спрашивается, этотъ «нѣкоторый типъ» хозяйства, который, со сгущеніемъ населенія, является на смѣну переложному хозяйству? Это такъ называемое паровое зерновое хозяйство, господствующею разновидностью котораго является трехполье. Когда сгущение населенія дѣлаетъ невозможною достаточно продолжительную залежь, многолѣтній отдыхъ, залежь смѣняется паромъ—однолѣтнимъ отдыхомъ, въ теченіе котораго поле подвергается усиленной обработкѣ—пашется и боронится по два, по три и болѣе разъ. Такая обработка въ нѣсколько разъ ускоряетъ процессы вывѣтриванія въ почьѣ, а слѣдовательно—и возстановленіе ея производительныхъ силъ; при этомъ различаютъ такъ называемый зеленый паръ, преобладающій въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ, и черный: зеленый паръ возможно долго (полъ-лѣта) оставляется нераспаханнымъ, заростаетъ сорными травами и служитъ выпасомъ для скота; черный паръ вспахивается, какъ только снятъ послѣдній хлѣбъ, ему не даютъ заростать сорными травами, и слѣдовательно онъ вовсе не можетъ служить выпасомъ. Ясно, что черный паръ гораздо выгоднѣе съ точки зрѣнія возстановленія производительности почвы, но не менѣе ясно, что онъ возможенъ только тамъ, гдѣ хозяйство располагаетъ другими пастбищами или гдѣ оно перешло къ содержанію скота въ стойлахъ и, слѣдовательно, не нуждается въ выгонѣ.

Такова суть парового зернового хозяйства. Трехпольная его разновидность—это та, при которой поле два года кряду засѣвается хлѣбами: въ первый годъ, обычно, озимымъ, во второй обязательно яровымъ, а на третій годъ идетъ подъ паръ, послѣ котораго поступаетъ подъ новый озимый посѣвъ. Трехпольное, вообще паровое хозяйство, въ свою очередь, встрѣчается въ двухъ разновидностяхъ: въ Сибири и кое-гдѣ на сѣверѣ европейской Россіи—вольной, при которой каждое крестьянское хозяйство распоряжается своими полями или полосами какъ ему угодно, придерживаясь лишь того или другого чередованія хлѣбовъ съ паромъ; и во много разъ болѣе распространенной, типичной для великорусскаго крестьянскаго хозяйства, формѣ съ общими для цѣлой общины или группы черезполосно владѣющихъ землей дворовъ полевыми смѣнами, съ которыхъ всѣ участники подчиняются одному общему сѣвообороту съ общимъ выпасомъ и такъ называемою «принудительною обработкой» (см. гл. 2, стр. 35).

Однако, паръ самъ по себѣ лишь до нѣкоторой степени, но отнюдь не въ полной мѣрѣ возстановляетъ производительность почвы; и это тѣмъ болѣе, что паровое хозяйство—вмѣстѣ съ тѣмъ и зерновое: поля засѣваются если не исключительно, то въ подавляющемъ большинствѣ зерновыми хлѣбами, т.-е растеніями одного семейства—злаковъ (рожь, пшеница, ячмень, овесъ и др.), которые берутъ изъ почвы болѣе или менѣе одни и тѣ же питательныя вещества и почти ничего ей не возвращаютъ. Поэтому, трехпольное хозяйство стоитъ передъ неизбѣжною альтернативой: либо возстановлять производительность почвы удобрительными веществами, вносимыми со стороны, либо идти навстрѣчу болѣе или менѣе быстрому, смотря по «богатству» или, напротивъ, скудости почвы, но во всякомъ случаѣ неизбѣжному ея истощенію. Въ черноземной полосѣ, гдѣ почвы обладаютъ высокою естественною производительностью, хозяйство вообще, и въ частности крестьянское, шло послѣднимъ изъ указанныхъ путей: поля не удобрялись, и все дѣло сводилось къ возможному поддержанію производительности почвы путемъ годового отдыха, утолачиванія скотомъ и усиленной обработки; по мѣрѣ роста населенія и медленнаго, но неизбѣжнаго при данномъ типѣ хозяйства паденія производительности земли, запашки расширялись до крайняго мыслимаго предѣла, а кормовая площадь, какъ отмѣчалось въ своемъ мѣстѣ (гл. 2), сокращалась до крайняго мыслимаго минимума. Въ нечерноземной полосѣ, съ ея неплодородными почвами, трехполье является навознымъ трехпольемъ—поля обязательно удобряются навозомъ, получаемымъ отъ скота, содержимаго частью за счетъ паровой растительности и отбросовъ хлѣбопашества (солома, мякина и пр.), слѣдовательно—за счетъ самой пашни, главнымъ же образомъ—за счетъ кормовыхъ угодій: сѣнокосовъ и отдѣльныхъ выгоновъ. Каждый урожай беретъ изъ пашни, значитъ, не только долю ея естественной производительности, но и перенесенную въ нее, въ видѣ навоза, долю производительности непахатныхъ и главнымъ образомъ—покосныхъ пространствъ. Ясно, что результатъ хозяйства въ первомъ случаѣ всецѣло опредѣляется степенью свѣжести или, напротивъ, истощенности почвы, которая, въ свою очередь, зависитъ, съ одной стороны, отъ плодородія почвы, съ другой отъ того, насколько давно ведется такое хозяйство и, слѣдовательно, насколько давно земля подвергается такому одностороннему истощенію. Во второмъ—отъ отношенія кормовой площади къ пахотной, которымъ обусловливается то количество вносимыхъ со стороны питательныхъ веществъ, которое должно уравновѣшивать расходъ ихъ въ почвѣ.

Въ настоящее время наша страна переживаетъ время, когда трехполье и въ той, и въ другой формѣ, слѣдовательно и въ черноземной, и въ нечерноземной полосѣ, переживаетъ кризисъ: на черноземѣ почва отдала уже слишкомъ много, ничего не получая назадъ, въ нечерноземной полосѣ установилось такое соотношеніе пахатной и кормовой

площади, при которомъ первая, какъ правило, уже не получаетъ достаточнаго удобренія. Но и независимо отъ этого: трехполье, даже въ лучшемъ случаѣ, способно поддержать производительность земли на одномъ уровнѣ, предотвратить ея паденіе; между тѣмъ увеличеніе численности населенія и повышеніе уровня его потребностей настоятельно требуютъ повышенія производительности земли, увеличенія массы получаемаго съ единицы площади количества продукта. Острѣе всего этотъ кризисъ трехполья далъ себя почувствовать въ черноземномъ центрѣ, что и естественно, въ виду его почти максимальной населенности и безнавознаго характера хозяйства. По подсчетамъ, приведеннымъ Н. П. Огановскимъ въ коллективномъ трудѣ «Борьба за землю», ростъ посѣвной площади—если взять періодъ времени съ 1887 по 1905 годъ, продолжался на сѣверѣ, востокѣ и югѣ европейской Россіи: въ сѣверномъ районѣ посѣвныя площади увеличились за это время на 20%, въ нижне-волжскомъ на 12, въ новороссійскомъ на цѣлыхъ 25; почти въ такихъ же пропорціяхъ возрасла посѣвная площадь по всей западной полосѣ Россіи—въ литовскомъ районѣ на 15%, въ бѣлорусскомъ на 11, въ прибалтійскомъ на 11, въ юго-западномъ на 10%,—замѣчу здѣсь же, ростъ запашекъ на западѣ имѣетъ совершенно другой смыслъ, нежели на сѣверѣ, югѣ и востокѣ: здѣсь—это, такъ сказать, послѣдній пароксизмъ расширенія отживающаго свой вѣкъ экстенсивнаго хозяйства, на западѣ—это новый ростъ хозяйства, уже вышедшаго или во всякомъ случаѣ начавшаго выходить изъ кризиса трехполья. Затѣмъ, въ рядѣ районовъ ростъ запашекъ совершенно или почти совершенно пріостановился,—такъ, въ пріозерномъ районѣ приростъ посѣвной площади за указанное время не превышаетъ 4,7%, въ сѣв.-восточномъ 1,9, въ Малороссійскомъ 1,9%,—въ нѣкоторыхъ же районахъ обнаруживается и прямая убыль: въ Московской промышленной области на 3,6%, въ центрально-земледѣльческомъ и средне-волжскомъ районахъ на 4,6%. Еще, пожалуй, болѣе рѣзкое выраженіе находятъ себѣ различія въ ходѣ эволюціи земледѣлія въ тѣхъ новѣйшихъ данныхъ, которыя сведены въ многократно цитированномъ атласѣ департамента земледѣлія. Здѣсь сопоставлены, именно, посѣвныя площади 1895 и 1912 гг. И вотъ, изъ общаго числа 532 уѣздовъ европейской Россіи (включая сѣверный Кавказъ), въ 49 уѣздахъ, или почти въ одной десятой общаго числа, посѣвная площадь увеличилась на 50% и болѣе, въ 39 уѣздахъ—на 30—50%, въ 54-хъ на 20—30, въ 81 уѣздѣ на 10—20%. Затѣмъ, въ 131 уѣздѣ, или почти въ одной четверти общаго числа, посѣвная площадь увеличилась не болѣе чѣмъ на 10%, т.-е. на практически незначащую величину; въ 12 уѣздахъ она осталась и вовсе безъ всякихъ измѣненій. Затѣмъ идутъ 166 уѣздовъ, гдѣ посѣвная площадь не только не возросла, но сократилась: въ 49 уѣздахъ на 5% или менѣе, въ 52-хъ на 6—10%, въ 26 уѣздахъ на 10—15, въ 13-ти на 16—20,

въ цѣлыхъ 26 уѣздахъ болѣе чѣмъ на 20%. Если, теперь, взглянуть на картограмму съ нанесенными на нее поуѣздными данными относительно измѣненія размѣра посѣвныхъ площадей за указанный періодъ, то окажется, что уѣзды съ максимальнымъ ростомъ посѣвной площади опоясываютъ европейскую Россію сплошнымъ полукольцомъ, охватывающимъ весь востокъ, начиная отъ Пермской губерніи, юго-востокъ съ сѣвернымъ Кавказомъ, весь югъ и въ особенности юго-западъ до Бессарабіи включительно,—значитъ, всю степную часть Россіи съ еще дожирающимъ свой вѣкъ первобытнымъ залежнымъ хозяйствомъ; уѣзды съ убылью посѣвной площади разбросаны по всему какъ черноземному, такъ и нечерноземному центру, чередуясь здѣсь съ районами со слабо возросшею или неизмѣнившеюся посѣвною площадью; уѣзды съ наибольшимъ процентомъ убыли разбросаны по промышленному центру, приозерной области, сѣверу и прибалтійскимъ губерніямъ. Еще краснорѣчивѣе небольшія картограмки съ одними только погубернскими данными, но зато отдѣльно для крестьянскихъ и для владѣльческихъ земель. По отношенію къ первымъ убыль, и притомъ не рѣзкая, не свыше 10%, обнаруживается въ сравнительно небольшомъ числѣ губерній: въ четырехъ изъ московско-промышленныхъ, въ двухъ изъ прибалтійскихъ, въ Олонецкой и—совершенно неожиданно—въ Таврической губерніи; всѣ остальныя губерніи, кромѣ Костромской, обнаруживаютъ приростъ посѣвной площади; по значительному большинству губерній онъ очень незначителенъ, не превышая 20%; болѣе значительнымъ приростомъ посѣвныхъ площадей на крестьянскихъ земляхъ характеризуются польскія, нѣкоторыя изъ южныхъ и изъ средне-черноземныхъ, въ особенности же сплошная полоса, захватывающая весь юго-востокъ европейской Россіи, начиная отъ Уфимской и Оренбургской губерній и кончая губерніями сѣвернаго Кавказа. Гораздо рѣзче и отчетливѣе дифференцируется территорія европейской Россіи по движенію запашекъ на владѣльческихъ земляхъ. Весь востокъ и весь югъ, начиная отъ Пермской и кончая Бессарабскою губерніей и захватывая сѣверный Кавказъ, характеризуется рѣзкимъ ростомъ посѣвной площади на владѣльческихъ земляхъ, почти по всѣмъ губерніямъ болѣе чѣмъ на 50%; почти весь сѣверъ и почти вся московско-промышленная область, со сплошною полосой, протянувшеюся отъ нея на югъ и достигающею на югѣ Курской и Черниговской губерній, и съ другою почти сплошною же полосой, протятувшеюся отъ нея къ Петрограду и къ Финскому заливу—рѣзкимъ сокращеніемъ посѣвныхъ площадей на владѣльческихъ земляхъ, въ большинствѣ губерній превышающемъ 15 и даже 20%.

Всѣ приведенныя данныя относятся къ площадямъ посѣвовъ «полевыхъ культуръ», т.-е. главнымъ образомъ зерновыхъ хлѣбовъ, которыя у насъ однѣ только подвергаются сплошному ежегодному учету. Но сокращеніе посѣвовъ этихъ «полевыхъ культуръ» еще не равносильно сокращенію, вообще, посѣвныхъ площадей. Какъ отмѣчается въ

текстовыхъ поясненіяхъ къ картограммамъ, о которыхъ только что была рѣчь, «въ различныхъ районахъ сокращеніе общихъ размѣровъ посѣва полевыхъ культуръ обусловливается цѣлымъ рядомъ причинъ, и при томъ, по большей части, далеко не одинаковыхъ, а именно: сокращеніемъ посѣвовъ хлѣбовъ въ пользу кормовыхъ травъ или естественныхъ луговъ въ связи съ развитіемъ скотоводства, сокращеніемъ посѣва тѣхъ же хлѣбовъ въ пользу спеціальныхъ культуръ—сахарной свекловицы, табака, подсолнечника и др., уменьшеніемъ посѣвовъ вслѣдствіе усиленія отхожихъ промысловъ и общаго упадка земледѣлія (что имѣетъ въ наибольшей мѣрѣ мѣсто въ районѣ промышленныхъ губерній), и т. д.». Всѣ эти частныя причины, кромѣ развѣ, до нѣкоторой степени, усиленія отхожихъ промысловъ, стоящаго въ связи съ общею соціально-экономическою эволюціею страны въ сторону развитія промышленности, могутъ быть однако сведены къ одной общей: къ кризису пережившихъ себя системъ земледѣльческаго хозяйства. «Ясно—говоритъ Н. П. Огановскій въ монографіи, напечатанной въ коллективномъ трудѣ «Борьба за землю», что въ центрѣ у крестьянъ уже въ 80-хъ гг. трехполье достигло своего апогея: идя по пути экстенсивнаго расширенія запашки, крестьянство, наконецъ, отвело подъ зерновыя культуры такое большое количество пашни, что это вызвало истощеніе почвы и необходимость сократить посѣвы, несмотря на продолжающійся приростъ населенія. Очевидно, на пути экстенсивнаго расширенія запашекъ дальше центральному крестьянству идти нельзя. Оно уперлось въ глухую стѣну сопротивленія природы истощенію почвенныхъ богатствъ. На востокѣ—продолжаетъ г. Огановскій—еще не вся площадь, доступная распашкѣ, обработана крестьянами, и тамъ крестьяне продолжаютъ идти по первому пути; но глухая стѣна, ставшая на этомъ пути въ центральныхъ районахъ, недалека отъ крестьянъ и на восточныхъ окраинахъ». Она здѣсь даже ближе—добавлю я отъ себя: ибо если въ центрѣ крестьянство переживаетъ кризисъ трехпольнаго хозяйства, то на востокѣ ему приходится переживать, и можетъ быть еще острѣе, кризисъ еще болѣе экстенсивныхъ и еще болѣе первобытныхъ формъ—переложнаго хозяйства. «Въ западныхъ интенсивныхъ районахъ—читаемъ мы дальше у г. Огановскаго—крестьяне уже дошли до конца экстенсивнаго расширенія пашни и перешли на болѣе интенсивное хозяйство: не останавливаясь передъ увеличеніемъ затратъ труда на ту же площадь, они, безъ боязни истощенія почвы, могутъ даже нѣсколько увеличивать свои посѣвы». Напротивъ у частныхъ владѣльцевъ «посѣвная площадь сократилась не только въ центрѣ, но и на нѣкоторыхъ западныхъ окраинахъ: въ районахъ приозерномъ, прибалтійскомъ, юго-западномъ, малороссійскомъ. Сокращеніе посѣвовъ въ этихъ районахъ указываетъ, что при интенсификаціи земледѣлія оно становится невыгоднымъ крупному капиталистическому хозяйству. Самый большой приростъ посѣвовъ у частныхъ

владѣльцевъ наблюдается въ экстенсивныхъ рѣдко населенныхъ районахъ. Но и ему положенъ предѣлъ, который и здѣсь уже не за горами. Итакъ—заключаетъ г. Огановскій—для крестьянъ черноземныхъ и центрально—промышленныхъ районовъ неизбѣженъ переходъ въ фазисъ интенсивнаго развитія производительности земли, на который уже вступили ихъ западные и отчасти сѣверные сосѣди. Длинный путь экстенсивнаго развитія, который въ Европѣ тянулся тысячелѣтія, въ Россіи, во многихъ губерніяхъ, пройденъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ—особенно на югѣ и на востокѣ».

До недавняго времени русское крестьянское хозяйство лишь переживало этотъ кризисъ, не проявляя никакихъ признаковъ выхода изъ критическаго состоянія. Картина русскаго крестьянскаго хозяйства—это была картина совершеннаго застоя. Въ спеціальной литературѣ и публицистикѣ многими въ частности, изъ представителей, прогрессивныхъ направленій отстаивался взглядъ, что оно и не можетъ прогрессировать, пока остаются на лицо существующія, весьма неблагопріятныя для какого бы то ни было прогресса, земельныя, финансово-экономическія, политическія, культурныя условія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и земская статистики весьма мало интересовалась прогрессивными явленіями въ крестьянскомъ хозяйствѣ, а лишь тщательно регистрировала признаки его упадка. Нѣкоторое движеніе впередъ начинаетъ обнаруживаться въ 80-хъ гг. прошлаго столѣтія: въ Московско-Тверскомъ районѣ начинаетъ распространяться травосѣяніе, которое постепенно входитъ въ общій оборотъ и превращаетъ земледѣліе изъ чисто зернового въ травопольное, на юго-западѣ начинаетъ развиваться и понемногу распространяться въ крестьянскомъ хозяйствѣ культура сахарной свекловицы, вносящая цѣлый переворотъ въ технику земледѣлія; на сѣверо-западѣ аналогичную роль играетъ распространеніе культуры картофеля. Появляется первые начатки общественной агрономіи, которая стимулируетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ раціонализируетъ прогрессъ, въ особенности, крестьянскаго хозяйства. Всѣ эти признаки прогресса лишь очень медленно проникали въ толщу русскаго крестьянскаго хозяйства; мало вниманія и сочувствія встрѣчали и усилія общественной агрономіи, какъ въ средѣ общества и въ правительственныхъ и земскихъ сферахъ, такъ и въ средѣ самого населенія,—и уже самая незначительность личныхъ силъ и ничтожный размѣръ матеріальныхъ средствъ, какими располагала агрономія, обрекалъ ее на болѣе или менѣе полное безсиліе. Рѣзко измѣнилось положеніе вещей въ самые послѣдніе годы, начиная, приблизительно, съ 1909—10 гг. Въ средѣ населенія появился живой интересъ къ улучшенію техники сельскаго хозяйства, повысившійся интересъ къ ней земскихъ и правительственныхъ сферъ повелъ за собою неимовѣрно быстрое развитіе общественной агрономіи, которое, съ одной стороны, шло навстрѣчу вновь появившимся въ средѣ самаго населенія запросамъ, съ другой—будило кре-

стьянскую хозяйственную мысль и порождало новые запросы въ направленіи усовершенствованія земледѣльческой техники и его конечной цѣли—повышеніи производительности земли. Подробнѣе—насколько это, вообще, возможно въ рамкахъ настоящей книги—мнѣ еще придется говорить объ этихъ прогрессивныхъ явленіяхъ,—сейчасъ отмѣчу только, что въ центрально-черноземной полосѣ или, говоря общѣе, на не-степномъ черноземѣ, гдѣ, какъ было выше упомянуто, кризисъ трехполья ощущался особенно остро, этотъ общій прогрессъ крестьянскаго хозяйства проявился въ послѣднее время, повидимому, сильнѣе и имѣлъ болѣе замѣтныя послѣдствія, нежели въ нечерноземной полосѣ. Параллельно учесть признаки прогресса для той и другой полосы не представляется возможности; но справедливость только-что формулированнаго положенія, значитъ нѣкоторое—въ данномъ отношеніи—преимущество черноземнаго центра передъ нечерноземною полосой подтверждается приводимыми нѣсколько ниже данными объ урожайности, изъ которыхъ видно, что урожаи въ первой изъ названныхъ мѣстностей, на черноземѣ, расли, въ послѣднее время, замѣтно быстрѣе, нежели во второй, и рѣзкая разница въ урожайности, наблюдавшаяся между нечерноземною и черноземною полосами,—разница въ пользу первой, обусловливавшаяся, очевидно, издавнимъ господствомъ здѣсь навознаго удобренія, значительно сгладилась. Этого, очевидно, не могло бы быть, если бы черноземное хозяйство стояло неподвижно на традиціонномъ безнавознымъ трехпольѣ, т.-е. на такихъ порядкахъ, при которыхъ производительность земли можетъ **только** истощаться, а слѣдовательно урожайность—**только** падать, а никакъ не повышаться.

Теперь остановлюсь на нѣкоторыхъ существеннѣйшихъ элементахъ господствующаго типа русскаго крестьянскаго хозяйства, именно на **удобреніи** и на **пропорціи культуръ**, иначе сказать—на распредѣленіи засѣваемой площади между разными видами сельско-хозяйственныхъ растеній.

Какъ было уже упомянуто, навозное удобреніе въ нечерноземной полосѣ уже издавна завоевало себѣ безраздѣльное господство,—наличность или отсутствіе удобренія, большая или меньшая его интенсивность имѣютъ на нечерноземныхъ почвахъ рѣшающее значеніе. Для черноземныхъ почвъ необходимость въ удобреніи далеко не столь безусловна, эффектъ его гораздо меньше, мало того—самый вопросъ о цѣлесообразныхъ пріемахъ унаваживанія чернозема остается еще въ значительной мѣрѣ, открытымъ. Вотъ подсчитанныя Л. І. Грассомъ массовыя данныя по частновладѣльческимъ хозяйствамъ (цитирую ихъ по А. Ф. Фортунатору):

	% удобряемой пашни.	средній урожай.	средняя измѣнчивость въ %.
болѣе	30	8,07	20
	20—30	8,03	23

10—20	7 01	23
5—10	6,87	25
до 5	6,6	30
не удобряющія	5,2	37

Съ повышеніемъ интенсивности удобренія средній урожай правильно растетъ, средняя измѣнчивость урожаевъ столь же правильно, и даже еще рѣзче, уменьшается, и при максимально-интенсивномъ унаваживаніи средняя измѣнчивость почти вдвое меньше, т.-е урожаи почти вдвое постояннѣе, чѣмъ въ имѣніяхъ, не примѣняющихъ навознаго удобренія.

Приведенныя данныя относятся безразлично какъ къ черноземнымъ, такъ и къ нечерноземнымъ почвамъ. Вотъ, затѣмъ, данныя, заимствованныя также изъ монографіи А. Ф. Фортунатова объ урожаяхъ ржи, для нѣкоторыхъ мѣстностей нечерноземной полосы. Въ Московской губерніи данныя объ урожаяхъ, собранные кадастровыми отрядами первой половины XIX столѣтія, были подсчитаны по тремъ группамъ уѣздовъ съ запасами удобрительныхъ средствъ болѣе 900, 700—900 и менѣе 700 пуд. на десятину,—получился средній урожай 41, 36, 34 мѣры съ десятины. Для Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, земскими статистиками былъ выведенъ средній урожай для мѣстностей, гдѣ на 100 дес. пара приходится болѣе 1000, 900—1000, 700—000, 500—700, менѣе 500 пудовъ навоза,—получились средніе урожаи 58—52—49—46—45 пудовъ,—аналогичная цифры получились и для другихъ уѣздовъ Нижегородской губерніи. Различія въ интенсивности удобренія могутъ перекрещиваться съ различіями въ почвенныхъ условіяхъ,—очень интересными являются, поэтому, вычисленныя для Княгининскаго уѣзда (той же губ.) цифры урожайности различныхъ почвъ, въ зависимости, опять-таки, отъ интенсивности унаваживанія. Вотъ эти цифры по тремъ, взятымъ наудачу, почвеннымъ разрядамъ:

% удобреннаго пара	II	IV	VI
80—100	87	75	56
60—80	62	52	54
40—60	57	51	50
20—40	50	49	40
менѣе 20	43	44	37

—на различныхъ почвахъ эффектъ различій въ интенсивности унаваживанія не представляется, такимъ образомъ, одинаковымъ: на почвахъ II разряда урожайность наиболѣе удобренныхъ земель превышаетъ урожайность наименѣе удобренныхъ болѣе чѣмъ въ два, на почвахъ VI разряда лишь съ небольшимъ въ полтора раза.

Это развитіе приводитъ насъ къ вопросу о сравнительномъ эффектѣ унаваживанія на черноземныхъ и на нечерноземныхъ почвахъ. Разница

оказывается очень рѣзкою. По приводимымъ, опять-таки, А. Ф. Фортунаговымъ даннымъ о результатахъ массовыхъ опытовъ надъ эффектомъ удобренія въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, эффектъ этотъ въ итогѣ по имѣніямъ нечерноземной полосы выражается 98%, иначе сказать урожай удваивается, по имѣніямъ нечерноземной всего 62%-ами—урожай увеличивается на три пятыхъ. Вотъ, затѣмъ, данныя нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей,—сначала для Казанской губерніи, по изслѣдованіямъ тѣхъ-же кадастровыхъ отрядовъ:

	черноземныя почвы			нечерноземныя почвы	
	удобр	не удобр.		удобр	не удобр.
лучшія	69	63	хорошія	54	30
хорошія	60	54	среднія	42	18
среднія	48	42	худыя	30	6
худыя	30	21			

Такимъ образомъ, на черноземѣ всѣхъ разрядовъ удобреніе даетъ лишь незначительный абсолютно и очень слабый относительно эффектъ: нѣсколько больше онъ и абсолютно, и тѣмъ болѣе относительно, на черноземѣ послѣдняго достоинства. На нечерноземныхъ почвахъ даже лучшаго достоинства удобреніе почти удваиваетъ, на среднекачественномъ болѣе чѣмъ удваиваетъ урожай; худшія почвы, со среднимъ «натуральнымъ» урожаемъ все о 6 пудовъ—въ естественномъ состояніи, значитъ, почти безплодныя, при удобреніи даютъ урожай не ниже послѣдняго сорта чернозема,—средній же для всѣхъ сортовъ той и другой категоріи почвъ эффектъ удобренія выражается для черноземныхъ почвъ всею 15-ю, для нечерноземныхъ 133%. Хотя и не въ такой же мѣрѣ, но всетаки достаточно рѣзкою оказывается разница въ эффектѣ удобренія черноземныхъ и нечерноземныхъ почвъ и по даннымъ Орловской земской статистики (крестьянскія земли).

	обыкновенный урожай.		хорошій урожай.	
	безъ удобр.	удобрен.	безъ удобр.	удобрен.
суглинокъ	29	55	44	80
черноземъ	36	57	57	81
черноз.-суглин.	49	65	58	100

Если взять, сначала цифры «обыкновеннаго» урожая, то эффектъ удобренія, очевидно, уменьшается съ повышеніемъ естественнаго качества почвы: на суглинкѣ удобреніе повышаетъ урожай почти вдвое, на болѣе слабомъ черноземѣ нѣсколько болѣе чѣмъ въ полтора, на лучшемъ черноземѣ менѣе чѣмъ въ полтора раза. При хорошемъ урожаѣ,

прежде всего, въ значительной мѣрѣ сглаживается разница между почвами какъ въ неудобренномъ, такъ и въ удобренномъ видѣ; разница въ эффектѣ удобренія остается въ полной силѣ по отношенію къ суглинку и черноземy, но «хорошіе» урожаи черноземно-суглинистой почвы нарушаютъ интересующую насъ правильность,—разница здѣсь при хорошемъ урожаѣ оказывается болѣе рѣзкою, чѣмъ на черноземѣ болѣе низкаго качества. Въ общемъ же выводѣ изъ всей совокупности урожайныхъ данныхъ эффектъ удобренія выражается въ Орловской губерніи: на нечерноземныхъ почвахъ 81, на черноземныхъ почвахъ всего 46%-ами,—значительно менѣе рѣзкая по сравненію съ Казанскою губерніей разница въ эффектѣ удобренія объясняется, очевидно, болѣе высокою естественною производительностью и вообще лучшимъ качествомъ орловскихъ суглинистыхъ почвъ по сравненію съ нечерноземными почвами Казанской губерніи.

Въ соотвѣтствіи со сказаннымъ, граница области господства навознаго удобренія въ крестьянскомъ хозяйствѣ до середины 80-хъ гг. почти совпадала съ южною границею нечерноземной полосы,—на черноземѣ потребность въ удобреніи не ощущалась сколько-нибудь остро, и удобреніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ почти не примѣнялось. Мало того: не только среди крестьянъ, но и въ интеллигентныхъ кругахъ, господствовало убѣжденіе, что черноземъ «навоза не принимаетъ»,—что унаваживаніе чернозема скорѣе вредно, чѣмъ полезно (полеганіе хлѣба, выгараніе при засухѣ и пр.); отъ этого убѣжденія не были свободны даже многіе изъ агрономовъ, и оно имѣло нѣкоторую почву въ томъ обстоятельствѣ, что черноземъ требуетъ иной техники унаваживанія, нежели нечерноземныя почвы,—а между тѣмъ ни выработавшаяся въ западной Европѣ, гдѣ чернозема нѣтъ, агрономическая наука, ни практика русскаго, не-черноземнаго хозяйства съ удобреніемъ, не давали въ этомъ направленіи никакихъ указаній. Кризисъ безнавознаго трехполья, особенно рѣзко выразившійся, какъ было упомянуто, въ черноземной полосѣ, повелъ за собою замѣтное измѣненіе положенія дѣлъ: «къ концу 90 хъ гг.—читаемъ въ уже многократно цитированной книгѣ В. В. Морачевскаго—область не только частаго, но мѣстами даже повсемѣстнаго примѣненія у крестьянъ землеудобренія далеко уже перешла пограничную черту черноземныхъ почвъ, особенно въ районѣ центральныхъ земледѣльческихъ губерній—Орловской, Тульской, Рязанской и Тамбовской, а также смежной Нижегородской (южные уѣзды! А. К.). Къ числу мѣстностей, гдѣ навозное удобреніе практиковалось уже «многими крестьянами», въ 1897 г. относились: на югѣ почти вся Волынская губернія, сѣверная часть Черниговской, отдѣльные районы Орловской губерніи, вся Тульская, почти вся Рязанская, сѣверо-западная часть Тамбовской и сѣв.-зап. Пензенской, вся Нижегородская, сѣв.-зап. часть Казанской, почти вся Вятская и большая часть Пермской. Граница нижняго яруса, гдѣ удобреніе производилось только «нѣкоторыми крестьянами», проходила по сѣверо-западу Бессарабской губерніи, серединѣ

Подольской, Кіевской, Полтавской, сѣверу Харьковской, юго-востоку Курской, сѣв.-западу Воронежской, юго-востоку Тамбовской и Пензенской, захватывала сѣверную окраину Саратовской губ. и далѣе довольно круто поднималась къ сѣверу по серединѣ Симбирской губерніи, направляясь затѣмъ по юго-востоку Казанской, сѣверо-западу Самарской и сѣверу Уфимской. Это все—по даннымъ спеціальнаго обслѣдованія, произведеннаго въ 1897 г. департаментомъ земледѣлія; послѣ того, «за послѣднее десятилѣтіе, область какъ болѣе или менѣе широкаго распространенія навознаго удобренія у крестьянъ, такъ и только перваго его появленія», первыхъ опытовъ унаваживанія черноземной почвы, «поскольку позволяютъ судить имѣющіяся отрывочныя свѣдѣнія, еще болѣе расширилась въ направленіяхъ къ югу и юго-востоку европейской Россіи». Вотъ, въ видѣ примѣра, нѣкоторыя изъ приводимыхъ г. Морачевскимъ, характерныхъ въ данномъ направленіи сообщеній съ мѣстъ: въ Путивльскомъ уѣздѣ, Курской губерніи «среди крестьянъ съ каждымъ годомъ замѣчается все болѣе и болѣе сильное стремленіе къ унаваживанію полей; еще пять лѣтъ тому назадъ крестьяне охотно продавали и вывозили свой навозъ на владѣльческія земли, теперь же они стараются использовать его у себя и сбываютъ лишь самый плохой»; въ Кобелякскомъ уѣздѣ (Полт. губ.) «въ послѣдніе годы примѣненіе для удобренія пашни навоза является уже вполнѣ обычнымъ, такъ какъ польза навознаго удобренія стала крестьянамъ вполнѣ очевидной»; въ Лебединскомъ (Харьк. губ.) уѣздѣ «навозное удобреніе—по свидѣтельству мѣстной земской управы—находитъ себѣ примѣненіе въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ,—не удабривается земля лишь тамъ, гдѣ навозъ продается въ частныя экономіи, или участки, слишкомъ удаленные отъ селъ, наконецъ тамъ, гдѣ его не хватаетъ на всю площадь эксплоатируемой пашни»; въ Бирскомъ уѣздѣ (Уф. губ.) «въ послѣднее время крестьяне начали сознавать пользу удобренія полей навозомъ и стремятся примѣнять послѣдній хотя бы на ближайшихъ къ усадьбѣ поляхъ», и т. д...

Въ самое послѣднее время въ крестьянскомъ хозяйствѣ многихъ мѣстностей европейской Россіи начали распространяться искусственныя удобренія. Еще недавно примѣненіе послѣднихъ въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, хотя и росло, но чрезвычайно медленно; такъ, ввозъ минеральныхъ удобреній изъ заграницы за время съ 1899 по 1906 г. возросъ всего лишь съ 5,8 до 7,8 милл. пудовъ; размѣры перевозки искусственныхъ удобреній съ 1901 до 1906 г. включительно колебались между 13,3 и 14,7 милл. пудовъ. Быстрый ростъ начинается только съ 1906—7 гг.: погодныя цифры ввоза, начиная съ 1907 по 1912 годъ, были 9,4—10,2—15,4—22,8—26,4—35,3 милл. пуд., погодныя цифры перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ за 1907—1911 гг. были 17,1—19,6—23,5—29,3—33,3 милл. пудовъ. Росло, но въ относительно ничтожной пропорціи, и внутреннее производство; такъ, произ-

водство суперфосфата за время съ 1907 по 1911 г. возросло съ 4,1 до 5,3 милл. пудовъ, томасшлака за то же время съ 1,1 до 1,7 милл., производство фосфоритной муки за время съ 1907 по 1912 г. съ 210 до 520 тыс. пудовъ. Потребленіе калійныхъ удобреній, выраженное въ пудахъ чистаго калія, съ 1908 по 1912 г. возросло съ 375 до 1419 тыс. пудовъ, причемъ однако изъ этого послѣдняго количества на долю всей коренной Россіи пришлось менѣе 200 тыс., на Прибалтійскій край около 430 тыс., все остальное, т.-е. около 780 тыс. пудовъ калія, было потреблено сельскимъ хозяйствомъ Привислинскаго края.

Приведенныя цифры относятся, безраздѣльно, ко всему вообще русскому сельскому хозяйству. Для крестьянскаго хозяйства, которое въ данномъ отношеніи особенно далеко отстаетъ отъ владѣльческаго, мы располагаемъ лишь описательными данными, сведенными въ многократно цитированной работѣ г. Морачевскаго. Изъ этихъ данныхъ видно, что впереди другихъ въ данномъ направленіи шли прибалтійскія губерніи, гдѣ искусственныя удобренія «давно уже вошли въ практику значительной части крестьянскихъ хозяйствъ, процентъ которыхъ до послѣдняго времени продолжаетъ быстро возрастать». За ними слѣдуютъ литовскія губерніи, гдѣ искусственныя удобренія «среди крестьянъ также составляютъ дѣло уже довольно прочное»,—такъ, въ Поневѣжскомъ уѣздѣ (Ков. губ.) «въ послѣднее время суперфосфатъ сталъ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ туковъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ»; въ Вилейскомъ (Вил. губ.) «крестьяне примѣняютъ суперфосфатъ въ большомъ количествѣ, признавая огромную пользу удобренія полей названнымъ тукомъ»; въ Брестъ-Литовскомъ уѣздѣ (Гродн. губ.) «посѣвъ люпина получаетъ все большее и большее примѣненіе въ крестьянскихъ хозяйствахъ и даетъ самые хорошіе результаты въ качествѣ зеленаго удобренія супесчаныхъ почвъ подъ посѣвъ ржи, урожайность которой сильно повышается»; зеленое удобреніе, замѣчу мимоходомъ, это такой посѣвъ травъ изъ семейства бобовыхъ, главнымъ образомъ желтаго люпина, при которомъ выросшая трава цѣликомъ запахивается въ землю, обогащая ее поглощеннымъ ею въ изобиліи изъ воздуха азотомъ; пріемъ этотъ дѣлаетъ годными для культуры почти безплодныя песчаныя земли.

Изъ литовскихъ губерній искусственныя удобренія естественнымъ путемъ прямого перениманія проникли въ бѣлорусскія—главнымъ образомъ Витебскую и Смоленскую Въ Лепельскомъ (Витеб. губ.) уѣздѣ, напримѣръ, «примѣненіе суперфосфатовъ постоянно увеличивается не только во владѣльческихъ, но и въ крестьянскихъ хозяйствахъ—почти нѣтъ крестьянина, который бы не покупалъ подъ рожь 20—50 пуд. суперфосфата»; въ Рославльскомъ (Смоленск. губ.) уѣздѣ «лѣтъ около 8 тому назадъ крестьяне начали удобрять свои поля фосфоритною мукой; опыты оказались настолько удачными, что въ настоящее время есть селенія, въ коихъ нѣтъ ни одного домохозяина, который не примѣнялъ бы фосфорита подъ рожь», и т. д.

На сѣверо-западѣ искусственныя удобренія распространялись болѣе или менѣе исключительно естественнымъ путемъ—крестьяне перенимали ихъ отъ крестьянъ же ближнихъ мѣстностей или изъ владѣльческихъ хозяйствъ. Напротивъ, «въ губерніяхъ приозерныхъ, промышленныхъ и другихъ внутреннихъ важнѣйшимъ факторомъ въ этомъ отношеніи являлась уже общественная агрономія—просвѣщенная агрономическая дѣятельность земства и сельско-хозяйственныхъ обществъ». Какъ въ географическомъ порядкѣ, такъ и въ смыслѣ сравнительно широкаго распространенія искусственныхъ удобреній, впереди другихъ мѣстностей идутъ приозерныя губерніи—въ Псковскомъ уѣздѣ, напримѣръ, «результаты примѣненія суперфосфата убѣдили крестьянъ въ огромной пользѣ этого тука; въ настоящее время суперфосфатъ имѣетъ весьма широкое распространеніе»; въ Порховскомъ (Псков губ.) «почти каждый крестьянинъ, при недостаткѣ навоза, старается восполнить недостатокъ послѣдняго суперфосфагомъ». Въ другихъ мѣстностяхъ коренной Россіи искусственныя удобренія не вышли еще, говоря вообще, изъ стадіи разрозненныхъ опытовъ,—относительно шире примѣненіе ихъ въ нѣкоторыхъ изъ промышленныхъ губерній, — главнымъ образомъ Владимірской, Костромской, Калужской, Нижегородской; изъ Жиздринскаго уѣзда (Калужской губ) пишутъ, напримѣръ: «крестьяне начали удобрять поля фосфоритами лѣтъ десять тому назадъ,—благодаря хорошимъ результатамъ это удобреніе пользуется большой популярностью въ крестьянскомъ хозяйствѣ, причемъ крестьяне нерѣдко вывозятъ его за 30—60 верстъ; въ Масальскомъ (той же губ.) «весьма многіе крестьяне примѣняютъ фосфоритную муку для удобренія ржаныхъ полей»; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Семеновскаго уѣзда (Нижегородской губ.) «костяную муку употребляетъ всякій, кто имѣетъ запашку, и польза отъ нея такая, что даже ту землю распахали, которая лежала въ запустѣ». Въ самое послѣднее время искусственныя удобренія начинаютъ проникать, съ одной стороны, въ губерніи черноземнаго центра, съ другой—на сѣверъ и въ приуральскій районъ, но и тутъ, и тамъ «если минеральное удобреніе и практикуется, то почти исключительно въ видѣ опыта, производимаго при этомъ чаще подъ руководствомъ земскаго агрономическаго персонала»; трудно, однако, сомнѣваться въ томъ, что въ ближайшемъ же будущемъ искусственныя удобренія и въ этихъ районахъ, и въ особенности въ юго-западномъ краѣ, гдѣ примѣненіе ихъ усиленно стимулируется культурою сахарной свеклы (см. ниже), получатъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ гораздо болѣе широкое распространеніе.

Перейду теперь къ другому основному элементу господствующихъ въ разныхъ частяхъ нашей страны типовъ земледѣльческаго хозяйства—распредѣленію культуръ. Какъ было уже отмѣчено выше, господствующее среди главной массы русскаго крестьянства трехпольное хозяйство, а въ такой же мѣрѣ и предшествующія ему чистыя формы

залежнаго хозяйства и переходныя отъ послѣдняго къ трехполью, носятъ, въ существѣ своемъ, характеръ чисто зернового хозяйства,— т.-е. такого, гдѣ подавляющее преобладаніе принадлежитъ зерновымъ или, какъ ихъ иначе называютъ, колосовымъ хлѣбамъ. Въ итогѣ по 72 губерніямъ и областямъ имперіи на долю зерновыхъ хлѣбовъ приходится: озимой ржи 30,5%, яровой 0,7%, озимой пшеницы 6,3, яровой 18,0%, ячменя 9,7, полбы 0,5, проса 3,4, овса 18,6%,—всего на долю зерновыхъ хлѣбовъ приходится 87,3% общей площади посѣвовъ; затѣмъ, приходится еще на долю кукурузы 1,4, гречихи 2,5, гороха 1,2, чечевицы 0,4, картофеля 4,2, льна 1,7, конопли 0,9% всей посѣвной площади; или подраздѣляя высѣваемыя растенія по главной цѣли ихъ разведенія: на долю пищевыхъ хлѣбовъ приходится 74%, овса 18,6, картофеля 4,2, прядильныхъ растеній 2,6%. Какъ естественно было ожидать въ виду чрезвычайной обширности нашей страны и крайняго разнообразія природныхъ условій въ разныхъ ея областяхъ и районахъ, въ весьма широкихъ предѣлахъ колеблются и цифры, показывающія распредѣленіе культуръ. Приведу, прежде всего, процентныя цифры распредѣленія главнѣйшихъ культуръ по четыремъ рѣзко другъ отъ друга отличнымъ областямъ имперіи:

	50 губ. коренной Россіи.	Царство Польское.	Сибирь и Сред. Азія	Сѣверн. Кавказъ.
Оз. рожь	32,7	37,2	12,0	5,3
Оз. пшеница	4,3	9,2	0,2	39,4
Яр. рожь	0,3	0,4	8,3	0,1
Яр. пшеница	18,0	0,1	40,7	16,7
Ячмень	9,7	8,7	3,6	16,7
Кукуруза	1,1	—	0,0	4,5
Гречиха	2,7	2,1	1,1	0,8
Просо	3,4	0,6	4,9	6,1
Овесъ	19,0	20,4	23,9	6,4
Картофель	3,7	16,8	1,7	1,7
Ленъ	1,8	0,7	1,2	2,2
Конопля	0,9	0,2	1,3	0,4

Оставляя пока въ сторонѣ коренную Россію, отмѣтимъ только существенныя особенности распредѣленія культуръ въ остальныхъ трехъ областяхъ, которыя выдѣлены въ этой табличкѣ: царствѣ Польскомъ, съ его особо рѣзкимъ преобладаніемъ озимой ржи, огромными посѣвами картофеля, придающими хозяйству края совершенно особый отпечатокъ, и сравнительно ничтожными посѣвами пшеницы, притомъ исключительно озимой; Сибири со Среднею Азіей, гдѣ рѣшительное преобладаніе принадлежитъ какъ разъ пшеницѣ, и притомъ почти исключительно яровой; изъ другихъ пищевыхъ хлѣбовъ сравнительно большую роль играетъ

рожь, частью озимая, чаттью яровая, и почти такую же долю посѣвной пиощади занимаетъ овесъ; и сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ и рожь, и даже овесъ отходятъ на задній планъ, а болѣе половины посѣвной площади занято пшеницей, притомъ главнымъ образомъ озимой, и большую, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ, долю посѣвной площади занимаетъ ячмень.

Понятно, что и въ коренной Россіи, протянувшейся отъ Ледовитаго океана до черноморскаго побережья, т.-е., если даже отбросить крайній, не-земледѣльческій сѣверъ, отъ 45-ой параллели почти до полярнаго круга, распредѣленіе культуръ должно представлять чрезвычайное разнообразіе. Нѣкоторое представленіе объ этомъ разнообразіи могутъ дать, съ одной стороны, нижеслѣдующія цифры пропорціи культуръ по районамъ, вычисленныя по даннымъ о распредѣленіи посѣвныхъ площадей за десятилѣтіе 1900—1910 гг.:

Районы:	озим. рожь.	озим. пшен.	яров. пшен.	ячмень	гречиха.	просо.	овесъ.	картоф.	ленъ.	конопля
Центр-земл.	44	2	5	3	4	8	25	5	0,5	2,2
Ср.-волж.	44	0	13	0,9	3	6	23	2	0,8	1,1
Нижн.-волж	18	0,2	57	2	1,2	4	12		0,6	0,3
Новоросс.	13	10	39	24	0,1	1,6	4	1	0,5	
Юго-запад.	25	19	2,3	10	5	5	20	5	0,3	0,5
Малоросс.	29	4	21	15	7	3	13	4	0,8	1,7
Итого по черноз. полосѣ	28	5	24	11	2,7	4,5	15	2,7	0,6	0,9
Моск.-пром.	48	0	0,9	5	2,3	0,1	28	7	6	0,7
Бѣлорусск	46	0,7	0,8	8	5	0,5	22	10	5	1,2
Литовск.	45	3	0,5	10	3	0	22	10	2,7	0,2
Приозерн.	44	0,3	0,2	8	0,4	—	32	6	8	0,1
Прибалт.	26	3	0,6	21	0,2	—	28	9	7,5	0,1
Сѣверн.	39	—	3	16	—	—	34	2,7	4	0,2
Пріурал.	38	—	10	6,5	1,8	0	36	1,2	3	0,5
Итого по нечерноз. полосѣ	41	0,7	3,6	8	2,3	0,1	28	6	4,7	0,5

Болѣе свѣжія и—вѣроятно—болѣе точныя данныя, но за то изображающія распредѣленіе культуръ въ ненормальныхъ условіяхъ военнаго времени, мы можемъ извлечь изъ предварительныхъ подчетовъ сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вотъ эти данныя, сначала въ общихъ цифрахъ, безъ различія крестьянскихъ отъ частновладѣльческихъ посѣвовъ:

На 100 десятинъ всей посѣвной площади приходится въ процентахъ:

Въ районахъ.	Ржи	Пшеницы озим.	Пшеницы яров.	Ячм.	Овса.	Проса.	Греч.	Льна.	Коноп.	Картоф.	Травъ однол.	Травъ многол.
центр. черноз.	41	2_0	4_9	2_1	26	7_3	2_9	0_3	1_8	4_7	0_8	1_3
Ср.-волжск.	43	0_1	15	1_0	22	5_6	3_5	0_6	0_3	2_1	0_1	0_6
Ниж.-волжск.	17	0_6	58	3	12	2_3	0_4	0_3	0_2	0_9	0_2	0_9

Новоросс.	11	16	21	32	4$_7$	1$_1$	0$_1$	0$_3$	0$_1$	1$_0$	0$_6$	0$_4$
Юго-зап.	23	20	0$_6$	10	18	4$_6$	6$_0$	0$_1$	0$_2$	1$_3$	1$_6$	1$_8$
Малоросс.	27	7$_1$	16	12	12	2$_8$	7$_7$	0$_3$	1$_3$	3$_7$	2$_8$	1$_2$
Промышл.	42	0$_2$	0$_9$	5$_0$	25	0$_2$	1$_2$	9$_2$	0$_8$	2$_3$	0$_6$	5$_3$
Бѣлорусск. (и Вил. г.)	39	0$_3$	0$_6$	10	21	0$_6$	3$_7$	6$_7$	0$_8$	2$_6$	0$_9$	5$_2$
Приозерн.	37	0$_1$	0$_3$	9	26	0$_0$	0$_3$	9$_7$	0$_1$	6$_6$	1$_0$	2$_0$
Прибалт.	19	0$_8$	0$_9$	16	27	—	0$_3$	4$_0$	0$_0$	7$_3$	2$_9$	20
Приурал.	34	0$_0$	13	6$_3$	37	0$_1$	1$_9$	3$_6$	0$_4$	1$_0$	0$_3$	1$_3$
Сѣверн.	38	0$_0$	2$_1$	17	32	—	—	5$_9$	0$_2$	3$_1$	0$_0$	0$_6$
Всего по евр. Россіи	28	7$_0$	16	12	18	3$_1$	2$_3$	1$_8$	0$_6$	3$_2$	2$_6$	

Не включенъ въ эту табличку, въ цѣляхъ сбереженія мѣста, длинный рядъ другихъ растеній третьестепеннаго или чисто-мѣстнаго значенія. Изъ нихъ нужно, однако, упомянуть о сахарной свеклѣ, занимающей въ юго-западномъ районѣ цѣлыхъ 4,9, въ малороссійскомъ 2,0, въ другихъ районахъ черноземной полосы то или другое число десятыхъ долей процента; о кукурузѣ, на долю которой приходится въ новороссійскомъ районѣ цѣлыхъ 6,9%, впрочемъ сконцентрированныхъ, главнымъ образомъ, на крайнемъ западѣ этого района, въ Бессарабской губерніи; въ юго-западномъ районѣ кукуруза занимаетъ 2,7%, во всѣхъ остальныхъ районахъ черноземной полосы, опять-таки, десятыя доли процента; надо упомянуть еще о подсолнухѣ, занимающемъ въ центрально-земледѣльческомъ районѣ 2,5%, въ средневолжскомъ, новороссійскомъ и малороссійскомъ отъ 0,9 до 1,3%, въ остальныхъ двухъ районахъ черноземной полосы менѣе полупроцента.

Въ общемъ, какъ легко замѣтить, распредѣленіе посѣвовъ въ той и другой табличкѣ рисуется достаточно сходными чертами. Есть, однако, и болѣе или менѣе существенныя различія, которыя, въ виду отчетливо обнаруживающихся въ нихъ правильностей, надо отнести не на счетъ неточности цифръ, а насчетъ послѣдовавшихъ, очевидно, за самые послѣдніе годы измѣненій въ дѣйствительномъ распредѣленіи культуръ. Это, прежде всего, повсемѣстная, болѣе или менѣе замѣтная (отъ 2—3 до 6—8%) убыль процента озимой ржи, вѣроятно объясняемая постепеннымъ вытѣсненіемъ трехполья съ его доминирующимъ элементомъ—рожью, тѣми или другими элементами болѣе интенсивнаго, травопольнаго и плодосмѣннаго хозяйства; затѣмъ—рѣзкая убыль (съ 39, 2,3 и 21% до 21, 0,6 и 16%) посѣвовъ яровой пшеницы во всѣхъ трехъ районахъ, составляющихъ южную и юго-западную часть черноземной полосы; далѣе—рѣзкое возрастаніе процента ячменя (съ 24 до 32%) въ новороссійскомъ районѣ, объясняемое, вѣроятно, условіями экспортнаго рынка, и столь же рѣзкое сокращеніе его (съ 21 до 16 %) въ прибалтійскомъ районѣ. Оставляя, затѣмъ, лишенныя, повидимому, существеннаго значенія измѣненія долей посѣвной площади подъ такими второстепенными хлѣбами, какъ просо и гречиха, отмѣчу хотя и незначительную, абсолютно, но существенную, въ виду и безъ того ничтож-

ныхъ процентовъ данной культуры, убыль доли площади подъ льномъ во всѣхъ районахъ черноземной полосы, и, наоборотъ, замѣтное увеличеніе и безъ того значительныхъ процентовъ льна почти во всѣхъ районахъ нечерноземной,—увеличеніе тѣмъ болѣе разительное, что оно констатируется на третьемъ году войны, когда сокращеніе численности рабочихъ рукъ должно было—казалось—вызвать сокращеніе площадей подъ такою трудоёмкою культурой; измѣненія эти, очевидно, свидѣтельствуютъ объ окончательномъ упадкѣ сѣменного льноводства въ черноземной и о дальнѣйшемъ развитіи культуры льна на волокно въ нечерноземной полосѣ (см. ниже). Что касается до другой трудоёмкой культуры—картофеля, то посѣвы его возрасли: въ черноземной полосѣ—въ малороссійскомъ, въ нечерноземной—въ промышленномъ районѣ, но болѣе или менѣе замѣтно сократились въ рядѣ другихъ районовъ нечерноземной полосы: бѣлорусскомъ, приозерномъ и прибалтійскомъ—значитъ, по всему западу нечерноземной полосы. Сократились во всѣхъ районахъ черноземной полосы и посѣвы конопли—очевидное слѣдствіе истощенія черноземныхъ почвъ, особенно ощутительнаго для такого требовательнаго къ почвенному плодородію растенія, какъ конопля.

Всѣ эти измѣненія носятъ, однако, лишь частичный характеръ и не отражаются сколько-нибудь существенно на общей характеристикѣ полосъ и районовъ европейской Россіи. Намъ, по прежнему, приходится констатировать, прежде всего, рѣзкое различіе между полосами—черноземною и нечерноземною: въ нечерноземной полосѣ рѣшительное первенство принадлежитъ озимой ржи, за которою непосредственно слѣдуетъ овесъ,—взятые вмѣстѣ, эти два хлѣба занимаютъ въ нечерноземной полосѣ семь десятыхъ всей площади «полевыхъ культуръ», тогда какъ въ черноземной на долю ихъ приходится немногимъ болѣе двухъ пятыхъ—43%; въ частности, посѣвы ржи занимаютъ въ черноземной полосѣ почти на треть, посѣвы овса—въ половину меньшую долю посѣвной площади, чѣмъ въ нечерноземной. Совершенно различна, съ другой стороны, роль пшеницы: въ черноземной полосѣ яровая пшеница вмѣстѣ съ озимою занимаетъ почти треть всей посѣвной площади, 29%,—даже нѣсколько большую долю, чѣмъ рожь, занимающая 28%; въ нечерноземной посѣвы пшеница занимаетъ всего 4,3%, значитъ не играетъ сколько-нибудь серьезной роли. Дальнѣйшія характерныя различія наблюдаются по отношенію къ просу, картофелю и льну: просо, занимающее въ черноземной полосѣ, всетаки, довольно видное мѣсто, въ нечерноземной, можно считать, совсѣмъ отсутствуетъ. Напротивъ, картофель и особенно ленъ характерны для нечерноземной полосы: первый занимаетъ здѣсь почти вдвое большую долю посѣвной площади, чѣмъ въ черноземной полосѣ, второй въ черноземной полосѣ отступаетъ окончательно на задній планъ, тогда какъ въ нечерноземной занимаетъ очень замѣтную долю посѣвной площади. Входить въ подробное разсмотрѣніе порайонныхъ коэффиціентовъ было бы, можетъ быть,

излишне,—внимательный читатель самъ всмотрится въ цифры и подмѣтитъ существенныя различія между районами. Небезполезнымъ мнѣ кажется, однако, обратить вниманіе читателя на нѣкоторыя, наиболѣе существенныя черты: читатель замѣтитъ, что область рѣшительнаго преобладанія о з и м о й р ж и захватываетъ всю среднюю трехпольную Россію, въ томъ числѣ и два непосредственно прилегающихъ къ нечерноземной полосѣ района черноземной, районы же, гдѣ рожь играетъ менѣе видную роль или даже вовсе отступаетъ на задній планъ, сплошнымъ кольцомъ охватываютъ всѣ окраины европейской Россіи. Область рѣшительнаго преобладанія п ш е н и ц ы—это степной югъ и въ особенности юго-востокъ,—сравнительно видное мѣсто пшеница занимаетъ, затѣмъ, и въ непосредственно прилегающихъ къ степнымъ районахъ—малороссійскомъ и средне-волжскомъ (о пріуральскомъ см. ниже): въ частности, озимая пшеница концентрируется на югѣ, въ Новороссіи, и особенно въ юго-западномъ краѣ (для обоихъ этихъ районовъ характерны и сравнительно значительные посѣвы кукурузы, не вошедшей въ приведенную табличку), проникая отсюда, длиннымъ языкомъ, на сѣверъ—въ Малороссію, Литву и прибалтійскія губерніи. Въ противуположность перечисленнымъ хлѣбамъ, я ч м е н ь сосредоточивается въ двухъ или даже трехъ совершенно оторванныхъ другъ отъ друга районахъ: съ одной стороны, по всему западу и юго-западу черноземной полосы, въ особенности же на степномъ югѣ вмѣстѣ съ сѣвернымъ Кавказомъ; съ другой—на крайнемъ западѣ и на крайнемъ сѣверѣ нечерноземной полосы. Посѣвы о в с а особенно велики на сѣверѣ и западѣ нечерноземной полосы, гдѣ они идутъ, такъ сказать параллельно съ ячменемъ, и особенно малы на степномъ югѣ и юго-востокѣ, гдѣ овесъ какъ бы замѣняется ячменемъ; во всей средней Россіи, какъ черноземной, такъ и нечерноземной, овесъ занимаетъ немногимъ менѣе или немногимъ болѣе четверти всей посѣвной площади. Что касается затѣмъ до п р о с а и г р е ч и х и, то границы области распространенія перваго почти совпадаютъ съ границами черноземной полосы,—рѣзко выдѣляется малыми посѣвами проса лишь новороссійскій районъ; гречиха характерна, главнымъ образомъ, для нестепного чернозема, но сравнительно видное мѣсто занимаетъ также на западѣ и въ центрѣ нечерноземной полосы. Наконецъ к а р т о ф е л ь, характерный, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ для нечерноземной полосы, играетъ какъ въ этой послѣдней, такъ и въ черноземной полосѣ гораздо большую роль въ западныхъ, нежели въ восточныхъ районахъ; область преимущественнаго распространенія картофеля обнимаетъ сплошное пространство, непосредственно прилегающее къ Польшѣ и охватывающее Литву, Бѣлоруссію и прибалтійскій край.

Однако, р а й о н ы далеко не представляютъ собою сколько-нибудь однообразныхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи пространствъ, въ нѣкоторые же изъ нихъ вошли мѣстности, рѣзко различающіяся между собою какъ

по строю хозяйства, такъ даже и по природнымъ условіямъ; въ составъ приуральскаго района вошла, напримѣръ, Пермская губернія, югъ которой принадлежитъ уже къ черноземной полосѣ, что и даетъ ненормально-высокій районный коэффиціентъ пшеницы; въ составъ новороссійскаго, наряду съ южными степными губерніями, вошла рѣзко отличающаяся отъ нихъ во всѣхъ отношеніяхъ Бессайрабія, съ интенсивнымъ хозяйствомъ и преобладаніемъ кукурузы, и т. п. Весьми полезнымъ и поучительнымъ дополненіемъ къ изученію порайонныхъ и даже, до нѣкоторой степени, погубернскихъ цифръ можетъ послужить, поэтому, разсмотрѣніе поуѣздныхъ картограммъ распространенности главнѣйшихъ культуръ, какія можно найти въ любомъ сельскохозяйственномъ атласѣ. Если пересмотрѣть, напримѣръ, картограммы распространенности главнѣйшихъ хлѣбовъ на крестьянскихъ земляхъ, помѣщенныя въ атласѣ сельско-хозяйственнаго вѣдомства «Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи», то мы лишній разъ убѣдимся въ томъ, что р о ж ь, въ частности озимая, преобладаетъ по всему, какъ черноземному, такъ и нечерноземному центру и западу европейской Россіи, включая царство польское, занимая въ погуберскихъ среднихъ, въ большинствѣ губерній, свыше 40% посѣвной площади; меньшими посѣвами ржи—отъ 25 до 35% посѣвной площади—характеризуются, прежде всего, прибалтійскія губерніи, затѣмъ—рядъ частью великорусскихъ, частью малорусскихъ губерній, лежащихъ къ сѣверу и къ востоку, главнымъ же образомъ къ югу отъ указанной области преимущественнаго распространенія ржи; наименьшими процентами послѣдней—ниже 15, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ менѣе 10-ти и даже 5-ти процентовъ, характеризуется весь югъ, включая Предкавказье, и на востокѣ—Оренбургская губернія . Если оставить эту послѣднюю въ сторонѣ, то область минимальнаго распространенія ржи почти совпадаетъ съ областью относительно значительнаго распространенія о з и м о й п ш е н и ц ы: на переднемъ Кавказѣ послѣдняя занимаетъ болѣе 30% посѣвной площади, въ губерніяхъ Таврической, Бессарабской, Кіевской, Подольской отъ 20 до 30, по всему остальному югу, до Орла и Воронежа включительно, а также въ сѣверо-западномъ и въ большей части Прибалтійскаго края, подъ озимою пшеницей занято отъ 1 до 10% посѣвной площади; во всей остальной, значитъ средней и восточной, Россіи посѣвы ея совершенно ничтожны, не достигая ни въ одной губерніи одного процента всей посѣвной площади. Если, такимъ образомъ, областью преимущественнаго распространенія о з и м о й пшеницы является, главнымъ образомъ, ю г о-з а п а д ъ, то областью господства я р о в о й п ш е н и ц ы является, главнымъ образомъ, ю г о-в о с т о к ъ европейской Россіи: въ Самарской, Оренбургской и Астраханской губерніяхъ она занимаетъ свыше 60%, почти столько же въ Екатеринославской губерніи; затѣмъ, по всей полосѣ южныхъ степныхъ и полустепныхъ губерній, кончая на сѣверѣ Саратовскою, Воронежскою и Полтавскою, а также въ Пермской, подъ пшеницею занято отъ 20 до 40% посѣвной площади крестьянъ; по всему остальному пространству, къ сѣверу и сѣверо-западу отъ линіи, которую можно провести по южнымъ границамъ Подольской, Курской, Симбирской и Вятской губерній, посѣвы пшеницы играютъ второстепенную или даже третьестепенную роль, занимая, по большей части, не болѣе 5%, въ очень многихъ мѣстностяхъ менѣе одного процента посѣвной площади. Районъ или область преимущественнаго распространенія о в с а почти совпадаетъ съ очерченною нѣсколько выше областью господства озимой ржи,—оба эти хлѣба вмѣстѣ являются господствующими составными элементами типичнаго великорусскаго трехполья. Но особенно велики посѣвы овса въ с ѣ в е р н о й части этой области, именно въ губерніяхъ Пермской, Вятской, Вологодской, Новгородской и особенно Олонецкой, гдѣ овесъ занимаетъ свыше 35% посѣвной площади, тогда какъ въ остальныхъ губерніяхъ той-же области онъ занимаетъ отъ 15 до 30%; по всему югу, включая Самарскую, Воронежскую, Полтавскую и Подольскую губерніи, овесъ

овесъ занимаетъ не свыше 10% посѣвной площади; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ южной полосы, а также на крайнемъ сѣверѣ, въ Архангельской, подъ овсомъ занято даже менѣе 5% общей площади посѣвовъ. Своеобразную картину представляетъ распредѣленіе посѣвовъ ячменя, до нѣкоторой степени обратное распредѣленію посѣвовъ озимой ржи и овса минимальнымъ распространеніемъ посѣвовъ этого хлѣба—въ погубернскихъ итогахъ не свыше 1%, характеризуется сплошная полоса изъ семи губерній сѣверно-черноземной области, начиная отъ Орловской на западѣ и кончая Симбирскою и Нижегородскою на востокѣ, а также Уфимская губернія; на сѣверъ, сѣверо-западъ и на юго-востокъ отъ названныхъ мѣстностей располагаются составляющія значительное большинство губерніи съ нѣсколько большими посѣвами ячменя, не свыше однако 10%, наибольшимъ же распространеніемъ посѣвовъ ячменя характеризуется, съ одной стороны, сплошная полоса степного юга, захватывающая Донскую область и сѣверный Кавказъ на востокѣ и Бессарабскую губернію на западѣ,—здѣсь ячмень занимаетъ не менѣе 15, въ рядѣ губерній свыше 20% посѣвной площади, съ другой, сравнительно значительное количество ячменя—не менѣе 10, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ 15%, сѣется въ прибалтійскихъ, частью въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, гдѣ, такимъ образомъ, получается какъ бы отдѣльный, сѣверо-западный, ячменный районъ, и на крайнемъ сѣверѣ—въ губерніяхъ Вологодской и Олонецкой, въ особенности же въ Архангельской, гдѣ посѣвы ячменя занимаютъ свыше 30%. Изъ другихъ сельско-хозяйственныхъ растеній стоитъ остановиться, прежде всего, на картофелѣ—какъ мы видѣли, главною картофельною областью является у насъ царство Польское; начинаясь отсюда, область относительно значительнаго распространенія картофеля вклинивается, съ одной стороны, прямо на востокъ, достигая Костромской губерніи на сѣверо-востокѣ, Тульской и Рязанской на юго-востокѣ, съ другой простирается на сѣверъ, захватывая сплошь литовскія, бѣлорусскія и прибалтійскія губерніи, причемъ особенно выдѣляются значительностью посѣвовъ картофеля, прежде всего, Эстляндская, затѣмъ—Гродненская, Минская, Московская и Костромская губерніи; на всемъ остальномъ пространствѣ европейской Россіи посѣвы картофеля совершенно незначительны, нигдѣ не превышая 3%, въ рядѣ южныхъ и восточныхъ губерній даже 1% всей посѣвной площади.

Не входя въ какія либо подробности относительно остальныхъ хлѣбовъ, упомяну только о гречихѣ, область сравнительно значительнаго распространенія которой занимаетъ широкую сплошную полосу, протянувшую отъ царства Польскаго, черезъ всю среднюю Россію, до Пермской и Уфимской губерніи; просѣ, область распространенія котораго въ значительной своей части совпадаетъ съ областью распространенія гречихи, опускаясь нѣсколько южнѣе на западѣ и захватывая на востокѣ нижнее Поволожье и, въ особенности, сѣверный Кавказъ; кукурузѣ, которая сѣется исключительно на степномъ юго-западѣ, въ особенно большихъ количествахъ въ Бессарабіи, и въ юго-западной-же части Предкавказья, о подсолнухѣ, область распространенія котораго захватываетъ въ коренной Россіи, главнымъ образомъ, Тамбовскую, Воронежскую, Саратовскую и Харьковскую губерніи и Донскую область, но посѣвы котораго особенно значительны въ западной части сѣвернаго Кавказа; о полбѣ, посѣвы которой болѣе или менѣе цѣликомъ сосредоточиваются въ небольшомъ средневолжскомъ районѣ, обнимающемъ Казанскую, Самарскую и прилегающія къ первой части Уфимской и Вятской губерній.

Все сказанное до сихъ поръ о распредѣленіи культуръ относится, безъ различія, ко всей совокупности посѣвныхъ площадей въ странѣ, считая въ томъ числѣ какъ крестьянскія, такъ и владѣльческія. Уже

по чисто-апріорнымъ соображеніямъ слѣдовало, однако, ожидать болѣе или менѣе существенной разницы въ распредѣленіи культуръ въ крестьянскомъ и въ владѣльческомъ хозяйствѣ; мало того—даже и внутри самого крестьянства, въ зависимости отъ размѣровъ крестьянскаго хозяйства. Въ многократно упоминавшемся атласѣ «Сельскохозяйственный промыселъ въ Россіи» мы находимъ параллельныя погубернскія картограммы, показывающія процентъ каждаго изъ главныхъ хлѣбовъ, отдѣльно, въ крестьянскомъ и въ владѣльческомъ хозяйствѣ, а опубликованные предварительные подсчеты результатовъ сельскохозяйственной переписи 1916 года цѣликомъ проведены отдѣльно для хозяйствъ крестьянскаго типа и отдѣльно для владѣльческихъ. Вотъ извлеченныя изъ этого послѣдняго источника порайонныя данныя о пропорціи культуръ въ крестьянскихъ и во владѣльческихъ хозяйствахъ:

На 100 десятинъ посѣвной площади приходится:

Въ районахъ:		Рожи.	Пшеницы озим.	Пшеницы яров.	Ячм.	Овса.	Проса.	Греч.	Льна.	Сахарн. свекл.	Картоф.	Посѣвн. травъ.
Центр. черн.	кр.	43	1_3	5_2	2_6	26	7_8	3_1	0_3	0_1	4_8	0_9
	вл.	29	7_2	2_8	0_8	30	4_1	1_5	0_5	5_8	3_9	11
Ср.-Волж.	кр.	43	0_1	15	1_0	22	5_7	3_6	0_7	—	2_1	0_3
	вл.	41	1	10	0_6	29	3_8	1_4	0_4	0_0	2_1	6_5
Ниж.-Волж.	кр.	17	0_5	58	3_0	13	2_6	0_9	0_5	—	0_9	0_7
	вл.	16	3_1	56	2_3	7_3	2_1	0_8	0_4	—	0_6	8_6
Новоросс.	кр.	11	15	23	32	3_5	1_4	0_1	0_5	0_1	1_1	0_7
	вл.	10	27	12	28	13	1_6	0_2	0_7	0_8	0_7	2_7
Юго-западн.	кр.	28	16	0_6	12	17	5_0	7_4	0_2	1_1	5_6	1_7
	вл.	74	28	0_6	5_1	20	3_5	2_3	0_1	12	1_5	7_8
Малоросс.	кр.	29	6_1	16	13	11	2_8	8_6	0_5	0_4	4_0	3_0
	вл.	14	15	14	6_6	18	2_8	2_1	0_3	11_6	1_9	10_3
Промышл.	кр.	42	0_2	0_9	5_1	25	0_2	1_3	0_1	—	8_6	5_3
	вл.	27	0_3	0_4	1_9	31	0_1	0_6	2_3	—	6_4	29
Бѣлорусск.	кр.	40	0_4	0_6	11	20	0_7	3_9	7_2	—	8_8	4_9
	вл.	33	1_1	0_3	5_5	30	0_1	1_7	1_3	—	7_4	18_9
Приозерн.	кр.	27	0_4	0_2	9_1	26	0_0	0_3	10_9	—	6_6	7_9
	вл.	24	0_3	0_5	6_9	23	0_0	0_2	2_7	—	5_7	35
Прибалт.	кр.	19	0_7	1_1	16	27	—	0_4	5_4	—	7_6	21
	вл.	20	1_0	1_2	14	26	—	0_0	1_2	—	7_0	30
Приурал.	кр.	34	0_0	13	6_5	36	0_1	1_9	3_6	0_0	1_0	1_8
	вл.	25	0_1	20	2_1	35	0_0	1_8	0_4	0_1	4_5	8_0
Сѣверн.	кр.	38	0_0	2_4	17	32	—	—	5_9	—	3_1	0_3
	вл.	29	—	1_3	8	32	—	—	0_8	—	2_3	25
Итого по евр. Россіи.	кр	30	5	17	12	18	3_1	2_7	2_0	0_1	3_4	1^9
	вл.	19	16	10	11	20	2_5	1_2	0_5	5_1	2_4	9_0

Если, сначала, остановиться на зерновыхъ хлѣбахъ, то крестьянскими, по преимуществу, хлѣбами окажутся: прежде всего—какъ и слѣдовало ожидать—рожь, затѣмъ ячмень, но кромѣ того, уже противъ ожиданія, и яровая пшеница. Доля посѣвной площади, занятая рожью въ крестьянскихъ хозяйствахъ, во всѣхъ районахъ, кромѣ одного, нечерноземной полосы и въ трехъ районахъ черноземной, составляющихъ, въ совокупности, ея центральную и западную часть, на 9—15% превышаетъ соотвѣтственную долю во владѣльческихъ хозяйствахъ; особенно рѣзкой представляется разница въ юго-западномъ районѣ, гдѣ въ крестьянскихъ хозяйствахъ рожью занято 28%, въ владѣльческихъ всего 7,4%. Въ трехъ районахъ черноземной полосы, составляющихъ ея восточную и южную части, процентъ ржи у владѣльцевъ почти сравнивается съ крестьянскимъ, въ прибалтійскомъ районѣ владѣльцы сѣютъ ржи даже нѣсколько больше, нежели крестьяне. Процентъ ячменя у крестьянъ въ большинствѣ районовъ превышаетъ процентъ этого хлѣба у владѣльцевъ въ 2—2½ раза; только въ двухъ районахъ разница между крестьянскими и владѣльческими хозяйствами почти сглаживается—и это какъ разъ тѣ два района, гдѣ ячмень занимаетъ наибольшія доли посѣвной площади: новороссійскій (32 и 28%) и прибалтійскій (16 и 14%),—при такихъ условіяхъ ячмень, очевидно, перестаетъ быть «хлѣбомъ бѣдняковъ», какъ въ остальной части страны, а входитъ существеннымъ элементомъ и въ предпринимательское хозяйство. Процентъ пшеницы у крестьянъ больше соотвѣтственнаго процента у владѣльцевъ въ большинствѣ районовъ какъ черноземной, такъ и нечерноземной полосы. Исключеніе составляютъ нижневолжскій и малороссійскій районы въ черноземной полосѣ, гдѣ владѣльческій процентъ яровой пшеницы почти сравнивается съ таковымъ же у крестьянъ, и, на границѣ черноземной и нечерноземной полосъ—приуральскій районъ, гдѣ процентъ яровой пшеницы у владѣльцевъ даже значительно выше, чѣмъ у крестьянъ; не случайность, что въ двухъ изъ этихъ трехъ районовъ сѣется почти исключительно яровая пшеница, которая, значитъ, является здѣсь наиболѣе цѣннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе требовательнымъ, изъ всѣхъ входящихъ въ мѣстный сѣвооборотъ зерновыхъ хлѣбовъ,—а слѣдовательно, наиболѣе отвѣчающимъ условіямъ владѣльческаго хозяйства. Озимая пшеница гораздо требовательнѣе къ почвѣ и къ свѣжести земли—естественно, что процентъ озимой пшеницы у владѣльцевъ вездѣ, гдѣ только посѣвы ея занимаютъ болѣе или менѣе значительную долю посѣвной площади и, слѣдовательно, имѣютъ существенное значеніе, въ два, въ три и болѣе разъ превышаетъ процентъ того же хлѣба у крестьянъ. По преимуществу владѣльческимъ хлѣбомъ является въ черноземной полосѣ и овесъ—исключеніе составляетъ только нижне-волжскій районъ, гдѣ процентъ овса у крестьянъ, напротивъ, значительно больше, чѣмъ у крестьянъ. Въ нечерноземной полосѣ роль овса въ крестьянскихъ и владѣльческихъ хозяйствахъ

измѣняется отъ района къ району: въ центрально-промышленномъ и бѣлорусскомъ районахъ процентъ овса у владѣльцевъ значительно больше, чѣмъ у крестьянъ, въ приуральскомъ, прибалтійскомъ и сѣверномъ онъ болѣе или менѣе одинаковъ, въ приозерномъ крестьяне сѣютъ даже нѣсколько больше овса, нежели владѣльцы.

Затѣмъ, крестьянскими, по преимуществу, хлѣбами являются, судя по сведеннымъ въ табличкѣ даннымъ, просо и гречиха; въ нѣкоторыхъ районахъ, правда, между крестьянскими и владѣльческими хозяйствами не замѣчается, въ данномъ отношеніи, существеннаго различія, но зато въ другихъ, особенно въ черноземной полосѣ, процентъ, въ особенности, гречихи у крестьянъ въ два, въ три и болѣе разъ превышаетъ таковой же у владѣльцевъ. Крестьянскою же, по преимуществу, культурой является и картофель, что и естественно, потому что картофель, съ одной стороны, является одною изъ трудоемкихъ и въ то же время технически-простыхъ, а потому наиболѣе отвѣчающихъ условіямъ нашего крестьянскаго хозяйства культуръ, а съ другой стороны даетъ обильный пищевой продуктъ, а потому идетъ навстрѣчу продовольственной потребности крестьянскаго хозяйства. Особенно рѣзка, въ данномъ отношеніи, разница между крестьянскими и владѣльческими хозяйствами въ черноземной полосѣ; въ нечерноземной проценты картофеля у крестьянъ лишь незначительно превышаютъ владѣльческіе, въ приуральскомъ же районѣ картофель является даже, по преимуществу, владѣльческою культурой,—въ нечерноземной полосѣ картофель является не только однимъ изъ продовольственныхъ хлѣбовъ, но также элементомъ улучшеннаго, плодосмѣннаго хозяйства у владѣльцевъ, использующихъ его, въ значительной мѣрѣ, для технической переработки. Чрезвычайно характерны параллельные проценты льна: въ районахъ нечерноземной полосы проценты льна у крестьянъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ у владѣльцевъ,—въ черноземной они у тѣхъ и другихъ одинаково ничтожны: въ нечерноземной полосѣ ленъ разводится на волокно, и такого рода культура, по своей высокой трудоемкости и сравнительной технической простотѣ, болѣе отвѣчаетъ условіямъ крестьянскаго трудового хозяйства; въ черноземной доживаетъ свой вѣкъ, какъ мы увидимъ, культура сѣменного льна, не отличающаяся такою трудоемкостью, а потому лучше мирящаяся съ условіями владѣльческаго хозяйства. Наконецъ, рѣшительное преимущество принадлежитъ этому послѣднему въ отношеніи сахарной свеклы и кормовыхъ травъ—этихъ двухъ наиболѣе яркихъ показателей сельскохозяйственнаго прогресса: процентъ тѣхъ и другихъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ вездѣ въ нѣсколько разъ, въ нѣкоторыхъ районахъ во много разъ выше, нежели въ крестьянскомъ: единственный районъ, гдѣ владѣльческое хозяйство имѣетъ менѣе рѣшительное преимущество передъ крестьянскимъ—это прибалтійскій (у владѣльцевъ 30, у крестьянъ 21% подъ посѣвными травами), и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ отличающійся

исключительно высокимъ культурнымъ уровнемъ крестьянскаго хозяйства.

Въ томъ же, въ общемъ, направленіи отражаются на рас редѣленіи культуръ и различія въ размѣрахъ хозяйствъ, на людаемыя въ средѣ самого крестьянства. Вотъ, напримѣръ, данныя о распр дѣленіи культуръ въ трехъ посѣвныхъ группахъ Вяземскаго уѣзда (Вяземской губ.):

Посѣвныя группы	Ржи	Льна	Картофеля.	Клевера	Пара.	Пустуетъ
	П р о ц е н т о в ъ.					
до 3 дес.	30	12	3,5	3,3	30	5
3—9 »	28	17	2,5	5,4	27	2,4
бол. 9 »	26	18	1,6	6,8	25	2,7

Чѣмъ меньше общій размѣръ посѣвной площади, тѣмъ большую ея долю занимаютъ культуры, дающія главную пищу крестьянина,—рожь и картофель; чѣмъ онъ больше, чѣмъ большую долю посѣвной площади занимаютъ посѣвы льна,—наиболѣе доходной и трудоемкой изъ культуръ, возможныхъ въ данномъ районѣ, и кормовой травы—клевера; тѣмъ, далѣе, меньшая доля посѣвной площади остается подъ паромъ и тѣмъ меньшая пустуетъ. Но пустованіе—одинъ изъ симптомовъ кризиса отжившихъ свой вѣкъ формъ земледѣльческаго хозяйства; сокращеніе площади подъ паромъ, проникновеніе въ сѣвооборотъ кормовыхъ травъ и высокодоходныхъ культуръ—признаки прогресса въ сельскомъ хозяйствѣ. Приведенная только что табличка показываетъ намъ, значитъ, что болѣе крупныя крестьянскія хозяйства идутъ впереди по пути прогресса сельскаго хозяйства, болѣе мелкія отстаютъ отъ нихъ.

Тоже самое говорятъ намъ—если взять другой примѣръ изъ нечерноземной полосы—данныя текущей статистики по Тверской губерніи. По даннымъ подворнаго опроса черезъ старостъ, произведеннаго здѣсь въ 1908 г., средній въ группахъ по размѣрамъ высѣва ржи высѣвъ (въ пудахъ на хозяйство) выражался такими цифрами:

въ группахъ съ высѣв. ржи	ржи.	овса.	ячменя.	пшеницы.	картоф.	льна.	клевера (ф).
до 5 пуд.	4,0	5,9	1,3	0,1	6,8	1,0	0,6
5—10 »	8,6	10,1	1,8	0,6	10,1	1,8	1,2
10—15 »	13,2	16,6	2,7	0,6	14,2	2,8	2,0
15—20 »	18,3	22,4	3,2	1,0	16,8	4,3	3,2
20—25 »	23,9	27,9	3,8	0,7	19,9	5,8	4,9
бол. 25 пуд.	35,3	35,6	4,2	1,4	24,1	10,6	11,9

Въ то время, значитъ, какъ средній посѣвъ ржи въ послѣдней группѣ превышаетъ посѣвъ ржи въ первой въ 8,8 разъ, и приблизи-

тельно во столько же разъ больше, въ послѣдней группѣ средняя общая площадь подъ посѣвомъ, яровые посѣвы двухъ крайнихъ посѣвныхъ группъ—нисшей и высшей находятся въ такомъ соотношеніи: овесъ 1 къ 6; ячмень 1:3,2; пшеница 1:14; картофель 1:3,5; ленъ 1,10,6 и клеверъ 1:19,8. По мѣрѣ укрупненія хозяйства центръ тяжести перемѣщается, значитъ, отъ ржи и овса, этихъ двухъ характерныхъ элементовъ типичнаго великорусскаго трехполья, и въ особенности отъ ячменя и картофеля—этихъ двухъ, по преимуществу, прибѣжищъ деревенской бѣдноты, къ болѣе цѣнному хлѣбу—пшеницѣ, къ такой специфически-трудоемкой и доходной культурѣ, какъ ленъ, и къ клеверу—этому наиболѣе осязательному элементу и симптому агрономическаго прогресса. Въ качествѣ аналогичнаго примѣра для черноземной полосы приведу данныя по Харьковской губерніи за 1907 годъ, относящіяся, къ сожалѣнію, только къ четыремъ главнымъ хлѣбамъ—ржи, пшеницѣ, ячменю и овсу.

	Процентъ посѣва подъ:			
въ посѣвныхъ группахъ:	рожью.	пшеницей	ячменемъ,	овсомъ.
до 3 дес.	52	14	22	12
3—7 »	39	21	25	14
бол. 7 »	28	32	27	13

Эта табличка—говоритъ составитель сельско-хозяйственнаго обзора—«выясняетъ, что въ группахъ хозяйствъ болѣе сильныхъ въ экономическомъ отношеніи, значительно большія площади заняты посѣвами хлѣбовъ, идущихъ въ продажу,—пшеницей и ячменемъ (который въ черноземной полосѣ играетъ—значитъ—совершенно иную роль, чѣмъ на сѣверѣ), тогда какъ въ группахъ менѣе состоятельныхъ, наоборотъ, преобладаютъ посѣвы ржи, являющейся главнымъ продовольственнымъ продуктомъ крестьянства».

Оказанное приводитъ насъ вплотную къ вопросу о прогрессивныхъ явленіяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ,—вопросу, существенныя стороны котораго мы, впрочемъ, уже затронули попутно, когда говорили, только-что предъ этимъ, объ искусственныхъ удобреніяхъ, а въ предыдущей главѣ—о развитіи молочнаго хозяйства и о распространеніи въ крестьянской средѣ усовершенствованныхъ орудій и машинъ.

Какъ я говорилъ, до середины, приблизительно, 80-хъ годовъ крестьянское хозяйство было царствомъ, можно сказать, полнаго застоя. Какъ я тоже упоминалъ, не только сами крестьяне, если не считать отдѣльныхъ единицъ, не думали о возможности какихъ-либо улучшеній ихъ земледѣльческаго хозяйства, но выработалась цѣлая теорія, представители которой всячески доказывали невозможность к кого-либо сельско-хозяйственнаго прогресса у крестьянъ, пока не измѣнились къ

лучшему общія культурныя, финансово-экономическія и общественно-политическія условія жизни деревни, и пока, прежде всего, не устранено коренное—по убѣжденію нашей прогрессивной и въ частности—народнически настроенной интеллигенціи—зло: малоземелье. Мало того: доказывали даже, что повышеніе качественнаго уровня сельско-хозяйственной и, въ частности, земледѣльческой культуры было бы даже невыгодно для крестьянъ, потому что могущій быть полученнымъ этимъ путемъ избыточный продуктъ не найдетъ для себя безубыточнаго сбыта [1]). Однако, съ середины 80-хъ гг. начинаютъ обнаруживаться явственные признаки движенія въ направленіи къ повышенію техническаго уровня крестьянской земледѣльческой культуры. До недавняго времени это движеніе шло медленно,—хотя, какъ будетъ видно изъ приводимыхъ ниже данныхъ объ урожаяхъ, далеко не такъ медленно, какъ это принималось всѣми, въ томъ числѣ и авторомъ настоящей книги; въ самые же послѣдніе годы, начиная, примѣрно, съ 1909—10 гг., оно пошло весьма быстрымъ темпомъ, открывая передъ русскимъ крестьянскимъ хозяйствомъ широкія и отрадныя перспективы; пошло такимъ ускореннымъ темпомъ параллельно съ рѣзкимъ ускореніемъ темпа развитія общественной агрономіи, съ одной стороны, и кооперативнаго движенія, съ другой.

Въ томъ собственно кругѣ явленій, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящей и частью шла рѣчь въ предыдущей главѣ—въ области полевого хозяйства, прогрессъ крестьянскаго хозяйства выразился, прежде всего, какъ мы уже видѣли, въ проникновеніи навознаго удобренія въ черноземную полосу и въ распространеніи искусственныхъ удобреній въ нечерноземной, затѣмъ—въ распространеніи въ крестьянской средѣ, улучшенныхъ орудій, главнымъ образомъ по обработкѣ почвы и по очисткѣ зерна. Еще болѣе важнымъ прогрессивнымъ факторомъ, выявившимся до сихъ поръ, главнымъ образомъ въ нечерноземной полосѣ, было травосѣяніе. Чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ значеніи этого момента, намъ необходимо вернуться къ тому, что раньше уже говорилось о трехпольномъ хозяйствѣ. Трехпольное хозяйство, въ его чистомъ видѣ,—это исключительно или почти исключительно зерновое хозяйство, при которомъ производительность земли поддерживается прежде всего паромъ и сопровождающею его усиленною механическою обработкою земли, ускоряющею переходъ почвеннаго богатства въ усвояемое для растеній состояніе; въ условіяхъ черноземной полосы, съ ея высокимъ почвеннымъ плодородіемъ, паръ до самаго послѣдняго времени

---

[1]) Авторъ этой книги въ рядѣ своихъ работъ и публицистическихъ статей рѣшительно возставалъ противъ этого рода взглядовъ, настаивая на томъ, что спасеніе «не въ землѣ, а въ культурѣ», и доказывая неосновательность всѣхъ тѣхъ доводовъ, помощью которыхъ стремились доказать невозможность повышенія уровня крестьянской земледѣльческой культуры. Но взгляды его встрѣчали мало вниманія и еще менѣе сочувствія.

былъ единственнымъ способомъ возстановленія производительности почвы; въ нечерноземной, гдѣ плодородіе почвы несравненно меньше, примѣнялось, сверхъ того, навозное удобреніе. Навозъ—ничто иное, какъ переработанный въ организмѣ домашнихъ животныхъ кормъ; самая возможность и возможная интенсивность удобренія находится, поэтому, въ прямой зависимости отъ того количества кормовъ, какимъ располагаетъ хозяйство. Между тѣмъ, зерновое трехпольное земледѣліе даетъ лишь нѣкоторые виды кормовъ, играющіе, говоря вообще, подсобную роль: овесъ, подстилку, въ видѣ, главнымъ образомъ, ржаной соломы; яровую солому, отруби, муку на посыпку и т. п.; пары и жнивья могутъ служить болѣе или менѣе плохимъ выгономъ,—плохимъ и, главное, не достаточнымъ, чтобы припасти нужное для полученія нормальнаго количества навоза число головъ скота; главнаго же корма—сѣна, оно не даетъ вовсе. Сѣно должно, значитъ, получаться со спеціальныхъ угодій—сѣнокосовъ, а для выпаса въ теченіе болѣе или менѣе значительной части лѣтняго полугодія нужны особыя пастбища. Тѣхъ и другихъ много, пока населеніе рѣдко; и пока ихъ много, пока, значитъ, взятое изъ почвы возмѣщается за счетъ достаточно обширныхъ площадей сѣнокосовъ и выпасовъ, плодородіе почвы поддерживается на болѣе или менѣе постоянномъ уровнѣ и обезпечиваетъ населенію добропорядочные урожаи. По мѣрѣ сгущенія населенія положеніе дѣлъ измѣняется къ худшему: растущее населеніе стремится, разумѣется, пропорціонально расширять запашку. Оно можетъ дѣлать это болѣе или менѣе исключительно за счетъ кормовой площади—сѣнокосовъ и выпасовъ. Значитъ, одно изъ двухъ: либо оно пойдетъ этимъ путемъ—въ такомъ случаѣ отношеніе кормовой площади къ посѣвной будетъ дѣлаться все менѣе благопріятнымъ, десятина пашни будетъ получать навозъ за счетъ все уменьшающейся площади покоса и выпаса, пашня будетъ, значитъ, удобряться хуже, а послѣдствіемъ этого будетъ неизбѣжное паденіе ея производительности; либо оно будетъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ нецѣлесообразности расширенія запашки за счетъ кормовой площади; въ такомъ случаѣ остающаяся неизмѣнною площадь запашки сдѣлается недостаточною, чтобы обезпечить продовольственныя потребности возросшаго населенія и дать достаточное приложеніе для его труда; отсюда—то забрасываніе земли и хозяйства, какое наблюдается въ значительной части нашей нечерноземной полосы и о которомъ была рѣчь въ предыдущей главѣ. Для того, чтобы земледѣльческое хозяйство пришло въ равновѣсіе, нужно прежде всего, чтобы пахатная площадь сама производила тѣ корма, за счетъ которыхъ могъ бы содержаться скотъ и слѣдовательно—почва могла бы получать нужное ей количество навоза. Этимъ, однако, дѣло не ограничивается. Воздѣлываемые, болѣе или менѣе исключительно, въ трехпольномъ хозяйствѣ зерновые хлѣба всѣ принадлежатъ къ одной естественно-исторической категоріи—злаковъ; всѣ они—за тѣми

или другими второстепенными различіями,—берутъ изъ почвы болѣе или менѣе тѣ же питательныя вещества, оста ляя совершенно н использованными другія, для ихъ питанія непригодныя, и въ процессѣ своего произрастанія ничего не возвращаютъ почвѣ; иначе говоря, всѣ они односторонним образомъ истощаютъ почву. Всѣ они, въ тоже время, надѣлены болѣе или менѣе однообразнымъ устройствомъ какъ корневой системы, такъ и вегетативныхъ частей, а потому всѣ они болѣе или менѣе одинаково неблагопріятно вліяютъ на физическое состояніе почвы, въ частности на ея отношеніе къ влагѣ, къ сорнымъ травамъ и т. п.. Прогрессъ сельскаго хозяйства требуетъ, поэтому, перехода отъ культуры однихъ только зерновыхъ хлѣбовъ къ такъ называемому плодосмѣну,—т.-е. къ такому строю полеводства, при которомъ разводились бы не одни только зерновые хлѣба, но и другіе виды сельско-хозяйственныхъ растеній, культура которыхъ, прежде всего, давала бы не только пищевое зерно, но и кормовыя средства; комбинація которыхъ, затѣмъ, не производила бы такого односторонне истощающаго вліянія на почвенное плодородіе и такого односторонне-неблагопріятнаго воздѣйствія на физическія свойства почвы, а обезпечивала бы возможно разностороннее использованіе перваго и возможно благопріятное состояніе вторыхъ; въ результатѣ которыхъ почвенное плодородіе не только не истощалось бы, но, по возможности, въ необходимыхъ направленіяхъ повышалось-бы. Въ томъ же направленіи толкаютъ эволюцію полевого хозяйства и экономическія соображенія. Зерновыя культуры, вообще, малодоходны и мало трудоемки,—сгущеніе населенія и повышеніе его потребностей заставляетъ искать такихъ способовъ использованія земли, при которыхъ единица площади давала бы мыслимо большій доходъ и приложеніе мыслимо большему количеству человѣческаго труда. Современный рынокъ лучше оплачиваетъ—говоря въ общей формѣ—продукты животноводства, нежели продукты земледѣлія,—полученіе съ пахатной площади кормовыхъ средствъ становится, слѣдовательно, не только нужнымъ ради поддержанія почвеннаго плодородія, но и выгоднымъ, ибо корма могутъ быть перерабатываемы въ находящіе себѣ выгодный сбытъ продукты животноводства. Въ конечномъ счетѣ въ оборотъ плодосмѣннаго хозяйства, въ противоположность чисто зерновому, входятъ, прежде всего, разнообразныя кормовыя травы, которыхъ основное назначеніе ясно изъ самого ихъ названія: давать возможно большее количество доброкачественнаго корма—сѣна; но наряду съ этимъ основнымъ своимъ назначеніемъ, тѣ изъ кормовыхъ травъ, которыя принадлежатъ къ семейству бобовыхъ или мотыльковыхъ (въ условіяхъ средней Европы и въ частности Россіи клеверъ, на югѣ люцерна, на песчаныхъ почвахъ разводимый на «зеленое удобреніе» люпинъ, обладаютъ чрезвычайно важною способностью: поглощать изъ воздуха

азотъ и вводить его, вмѣстѣ со своими корневыми остатками, въ почву въ усвояемомъ для сельско-хозяйственныхъ растеній видѣ; слѣдовательно, обогащать почву однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ для растеній питательныхъ веществъ—азотомъ. Затѣмъ, въ оборотъ плодосмѣннаго хозяйства въ собственномъ смыслѣ этого слова входятъ такъ называемыя «пропашныя» растенія—главнымъ образомъ корнеплоды (свекла, рѣпа и пр.) и клубнеплоды (картофель) Всѣ они оказываютъ весьма благопріятное, главнымъ образомъ разрыхляющее вліяніе на физическія свойства почвы, требуютъ оказывающей дальнѣйшее улучшающее вліяніе, такъ называемой междурядной обработки (отсюда названіе—«пропашныя»), а въ то же время даютъ весьма значительныя массы цѣннаго продукта, служащаго либо кормомъ для скота (кормовыя свекла и рѣпа) либо пищей для людей (картофель), либо матеріаломъ для технической переработки (картофель на спиртъ и крахмалъ, сахарная свекла на сахаръ и т. п.). Чисто технически, къ числу «пропашныхъ» относятся и такія растенія, какъ кукуруза, подсолнухъ, могаръ, и т. п.,—и они требуютъ улучшающей почву междурядной обработки и окупаютъ ее массою получаемаго пищевого либо кормового (кукуруза на кормъ, могаръ и т. п.) продукта. Но могаръ пока не играетъ у насъ серьезной роли, кукуруза же и подсолнухъ обладаютъ нѣкоторыми такими свойствами, которыя—по крайней мѣрѣ у насъ, въ Россіи, дѣлаютъ ихъ «пропашными иного хозяйственнаго типа» (Маціевичъ), чѣмъ свекла или картофель. Подсолнухъ лучше всего родится и даетъ наибольшія выгоды на цѣлинныхъ степныхъ земляхъ, въ тоже самое время очень сильно истощая ихъ; онъ является, поэтому, однимъ изъ элементовъ экстенсивно-хищническаго хозяйства южныхъ и особенно юго-восточныхъ степей; сходную роль играетъ у насъ, пока, кукуруза, концентрирующаяся однако въ немногихъ районахъ (Бессарабія) и лишь понемногу распространяющаяся въ другихъ мѣстностяхъ черноземной полосы. Рѣзко различное мѣсто, занимаемое свеклой и картофелемъ, съ одной стороны, подсолнухомъ и кукурузою, съ другой, ясно видно изъ многократно уже использованныхъ данныхъ текущей статистики по Харьковской губерніи: изъ общаго числа показаній о распространеніи пропашныхъ въ сѣверныхъ уѣздахъ, съ ихъ уже довольно замѣтно ушедшимъ впередъ хозяйствомъ, на долю первыхъ двухъ приходится 83%, на долю подсолнуха и кукурузы—всего 17%; въ группѣ среднихъ уѣздовъ соотвѣтственныя цифры 59 и 41%; въ южныхъ уѣздахъ, съ господствующимъ еще первобытно-хищническимъ хозяйствомъ, на долю подсолнуха и кукурузы приходится 82%, на долю картофеля и свеклы всего всего 18% сообщеній. Особое мѣсто занимаютъ технически растенія, изъ которыхъ наиболѣе важными являются, въ нашихъ, русскихъ условіяхъ, въ частности въ условіяхъ европейской Россіи, ленъ и конопля. О нихъ мнѣ, въ дальнѣйшемъ, придется говорить особо; пока достаточно замѣтить, что они могутъ входить, могутъ и не входить въ общій оборотъ полевого хозяйства.

Итакъ, необходимыми составными частями плодосмѣннаго хозяйства, въ собственномъ смыслѣ слова, являются кормовыя травы и пропашныя растенія, въ частности корнеплоды, а потому степень распространенія тѣхъ и другихъ имѣетъ первостепенно важное значеніе для характеристики всего состоянія сельскаго хозяйства въ странѣ, и въ частности—крестьянскаго.

До самаго послѣдняго времени, въ частности до того, когда писалась эта книга, самыми новѣйшими опубликованными количественными данными о распространеніи кормовыхъ травъ и пропашныхъ были данныя, сведенныя проф. А. Н. Челинцевымъ въ его уже много цитированной книжкѣ «Сельскохозяйственные районы» и относившіяся: для травосѣянія къ 1881 и 1901, для пропашныхъ къ 1903—1905 гг. Въ настоящее время мы располагаемъ относящимися къ 1916 году данными сельско-хозяйственной переписи, и сопоставленіе тѣхъ и другихъ свидѣтельствуетъ объ имѣвшемъ мѣсто большомъ прогрессѣ въ распространеніи травосѣянія и заставляетъ внести нѣкоторыя поправки въ наши представленія о распространеніи пропашныхъ.

Остановимся, сначала, на травосѣяніи, какъ распространеніе его рисуется по даннымъ, сначала, за 1881, а потомъ за 1901 годъ. Приводить исчерпывающихъ данныхъ нѣтъ надобности—достаточно перечислить тѣ губерніи, гдѣ травы занимаютъ болѣе 10‰—десяти промиллей или одного процента всей пахатной площади. Еще недавно, именно въ 1881 году, болѣе одного процента посѣвныхъ травъ было только въ шести губерніяхъ, именно въ трехъ прибалтійскихъ, Ковенской и двухъ столичныхъ—Московской и Петербургской. Въ 1901 году, къ которому относятся данныя, обработанныя проф. Челинцевымъ, такихъ губерній насчитывалось уже 18, изъ нихъ 14 въ нечерноземной и 4 въ черноземной полосѣ. Если начать съ этой послѣдней, то здѣсь районъ болѣе значительнаго распространенія травосѣянія охватываетъ всѣ три юго-западныхъ губерніи—Кіевскую (10%), Волынскую (16) и Подольскую (16%) и прилегающую къ нимъ Бессарабскую (13%), которую принято причислять къ новороссійскому району, но которая по всему строю хозяйства весьма рѣзко отъ него отличается. Въ нечерноземной полосѣ, какъ я сказалъ, число губерній съ болѣе значительнымъ распространеніемъ травосѣянія уже въ то время было гораздо больше,—несравненно больше и самая степень распространенія посѣвныхъ травъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ всѣ три прибалтійскія губерніи: Лифляндская съ 134, Эстляндская съ 133 и Курляндская съ 152‰ посѣвныхъ травъ; затѣмъ идутъ всѣ три литовскія губерніи—Виленская (25‰), Гродненская (24) и особенно Ковенская (51‰), всѣ три бѣлорусскія—Могилевская (12‰), Витебская (17,5) и Минская (28‰), съ непосредственно прилегающею къ нимъ Смоленскою (31%); двѣ изъ губерній приозернаго района—Псковская (23) и Петербургская (40‰) и три губерніи московско-промышленной области—Мо-

сковская (36‰), Тверская (24) и Ярославская (17‰). Если нанести всѣ эти 18 губерній на карту, то легко увидѣть, что онѣ составляютъ одну сплошную область и охватываютъ всю западную окраину имперіи, начиная отъ румынской границы и кончая Финскимъ заливомъ (въ составъ этой области входитъ цѣликомъ и царство Польское), и сравнительно узкимъ клиномъ врѣзываются въ коренную черноземную Россію; непосредственно къ этому клину, по тѣмъ же даннымъ 1901 года, прилегаетъ съ сѣвера и съ юга еще рядъ губерній (Новгородская, Калужская, Тульская, Орловская, Курская) съ долей травосѣянія отъ 4,7 до 10 промиллей.

Таково было географическое распространеніе травосѣянія въ 1901 году. Общая площадь, занятая подъ посѣвными травами въ 60 губерніяхъ европейской Россіи съ царствомъ Польскимъ, составляла 1,603 тыс. десятинъ, изъ которыхъ, однако, 517 тыс. дес приходились на царство Польское, а 1,085 тыс. десятинъ на 50 губерній европейской Россіи; изъ этой послѣдней цифры 283 тыс. дес. приходилось на прибалтійскій край, 150 тыс. на литовскія губерніи и всего 652 тыс. десятинъ—на всю остальную часть страны. Если, затѣмъ, взять отдѣльно крестьянскіе и владѣльческіе посѣвы, то изъ нѣсколько меньшей общей площади—1546 тыс. дес., подъ травами, на долю владѣльцевъ приходилось 1046 тыс., на долю крестьянъ всего 499 тыс. дес. Изъ этой послѣдней цифры свыше 200 тыс. дес. приходилось на долю царства Польскаго, 299 тыс. дес. на остальныя 50 губерній, и изъ нихъ почти половина—147 тыс. дес., на прибалтійскія губерніи.

Общіе итоги сельскохозяйственной переписи даютъ уже почти два милліона—1925 тыс. десятинъ подъ посѣвными травами, въ томъ числѣ 578 тыс. подъ однолѣтними и 1347 тыс. дес. подъ многолѣтними травами. Эта общая цифра всего на 300 тыс. дес. превышаетъ общую цифру 1901 года. Но сельскохозяйственная перепись не коснулась мѣстностей занятыхъ непріятелемъ, въ томъ числѣ всего царства Польскаго и почти всего литовскаго района. Предполагая даже, что площадь подъ травами въ этихъ областяхъ не возросла нисколько, все-таки увеличеніе общей площади травосѣянія выразится никакъ не менѣе, нежели милліономъ десятинъ. Въ частности, на долю хозяйствъ крестьянскаго типа, по даннымъ сельскохозяйственной переписи, приходится 1233 тыс. дес., на долю владѣльческихъ 692 тыс. дес.; если эти итоговыя цифры сопоставить съ итогами 1901 года и принять, опять таки, въ соображеніе, что сельскохозяйственная перепись не коснулась областей, занятыхъ непріятелемъ, то ясно станетъ, что крестьянское травосѣяніе сдѣлало громадные успѣхи—гораздо большіе, нежели у владѣльцевъ. Однако, слишкомъ радоваться этому было бы преждевременно—громадный относительный приростъ травосѣянія у крестьянъ нисколько не мѣшаетъ тому, что роль травосѣянія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ видно изъ приведенныхъ на стр. 215 цифръ, и какъ уже было отмѣчено

на стр. 217—218, и сейчасъ еще несравненно меньше, нежели во владѣльческомъ. Относительное значеніе травосѣянія въ различныхъ областяхъ и районахъ европейской Россіи и сейчасъ представляется приблизительно такимъ-же, какъ и въ 1901 году,—травосѣяніе въ черноземной полосѣ и сейчасъ распространено несравненно меньше, нежели въ нечерноземной, а затѣмъ, въ той и другой относительное значеніе его растетъ въ направленіи съ востока къ западу; на востокѣ и на югѣ черноземной полосы, въ средневолжскомъ, нижневолжскомъ и новороссійскомъ районахъ, процентъ посѣвной площади подъ травами не превышаетъ 0,7, 1,1 и 1,0%; въ центрально-земледѣльческомъ онъ поднимается до 2,1, въ юго-западномъ до 3,4, въ малороссійскомъ онъ достигаетъ 4%, причемъ въ большей части районовъ черноземной полосы преобладаніе принадлежитъ однолѣтнимъ видамъ посѣвныхъ травъ. Въ нечерноземной полосѣ, напротивъ, рѣшительно преобладаютъ многолѣтнія травы, именно клеверъ. Въ частности, въ сѣверномъ районѣ о травосѣяніи, пока, не приходится вовсе говорить—подъ травами занято всего 0,6%; немногимъ больше привилось травосѣяніе въ Уральскомъ районѣ—подъ травами занято 1,8%; въ центрально-промышленномъ и бѣлорусскомъ районахъ подъ травами занято уже свыше 6%, въ приозерномъ—9%, въ прибалтійскомъ цѣлыхъ 23% всей посѣвной площади,—здѣсь, значитъ, типъ полеводства, въ массѣ, никакъ не ниже травопольнаго. Какъ было притомъ отмѣчено на стр. 217, прибалтійскій районъ—единственный, гдѣ развитіе травосѣянія у крестьянъ хотя и отстаетъ отъ развитія его у владѣльцевъ, но разница сравнительно не велика. Во всѣхъ остальныхъ районахъ процентъ посѣвныхъ травъ у крестьянъ въ три, въ пять, въ десять разъ меньше, нежели у владѣльцевъ.

Перейдемъ теперь къ пропашнымъ растеніямъ и начнемъ, опять-таки, съ относящихся къ 1903—1905 гг. данныхъ, сведенныхъ у А. Н. Челинцева. Такъ какъ степень количественнаго распространенія пропашныхъ значительно больше, чѣмъ посѣвныхъ травъ, такъ какъ небольшая подмѣсь такого пропашного растенія, какъ напр. картофель, весьма обычная даже въ самомъ отсталомъ трехпольномъ хозяйствѣ нечерноземной полосы, еще ничего не мѣняетъ въ общей организаціи хозяйства [1]), то намъ придется, при отборѣ губерній съ болѣе значительнымъ распространеніемъ пропашныхъ, исходить отъ значительно повышеннаго «ценза»; именно, мы, вмѣстѣ съ А. Н. Челинцевымъ, примемъ за минимумъ 6,5% пропашныхъ (по даннымъ за 1903—7 гг.). Въ такомъ случаѣ къ числу губерній съ значительнымъ распространеніемъ пропашныхъ отнесутся—не считая царства Польскаго, для котораго мы не имѣемъ соотвѣтственныхъ цифръ, но которое, несомнѣнно, цѣликомъ

[1]) См. приведенныя на стр. 218 данныя о распространеніи культуръ въ посѣвныхъ группахъ по Тверской губ.

относится къ той же категоріи: всѣ три литовскія губерніи—Ковенская (7,4%), Виленская (10) и Гродненская (12%); всѣ три бѣлорусскія—Могилевская (11%), Минская (12) и Витебская (7,5) и прилегающая къ нимъ Смоленская (6,4%); всѣ три прибалтійскихъ—Курляндская (6,5), Лифляндская (7,7%) и особенно Эстляндская (20,5%) и прилегающая къ нимъ Петроградская (10%); далѣе, четыре центрально-промышленныхъ губерніи—Московская (12%), Владимірская (7), Калужская (7) и Ярославская (10%) и четыре же прилегающихъ къ нимъ съ юга центрально-черноземныхъ—Тульская (6,5%), Рязанская (7,3), Орловская (7,1) и Курская (5,9%); и наконецъ три юго-западныхъ губерніи—Кіевская (11), Волынская (8,5), Подольская (18%) и прилегающая къ нимъ Черниговская (8,6); наконецъ, огромнымъ процентомъ пропашныхъ (30) отличается Бессарабская губернія,—но она не можетъ идти въ сравненіе съ другими, потому что эти 30%—это болѣе или менѣе цѣликомъ кукуруза, которая въ Бессарабіи является не прогрессивнымъ факторомъ, а исконною основою своеобразнаго мѣстнаго земледѣльческаго хозяйства, имѣющаго, вообще, больше общаго съ хозяйствомъ Балканскаго полуострова, нежели остальной Россіи. Что касается, затѣмъ, до остальныхъ перечисленныхъ губерній, то, взятыя вмѣстѣ, онѣ образуютъ область, почти совершенно совпадающую, въ общемъ, съ областью преимущественнаго распространенія травосѣянія,—грубо говоря, прогрессъ русскаго полеводства двигается приблизительно параллельно по тому и другому намѣченному выше направленію. Однако, общая категорія «пропашныхъ» имѣетъ, въ разныхъ частяхъ очерченной только что области, существенно разное содержаніе; во всѣхъ перечисленныхъ мѣстностяхъ нечерноземной полосы это—исключительно картофель; почти исключительно картофелемъ представлена категорія пропашныхъ и въ ближайшихъ къ ней центрально-черноземныхъ губерніяхъ—Рязанской, Тульской и Орловской, и лишь ничтожный процентъ въ послѣднихъ двухъ губерніяхъ (0,1 и 0,3%) остается на долю сахарной свеклы; уже менѣе рѣшительно преобладаніе картофеля въ такихъ губерніяхъ, какъ Курская, Черниговская, Волынская, а изъ не вошедшихъ въ приведенный выше перечень—Харьковская, Херсонская, Таврическая,—въ этихъ губерніяхъ на долю сахарной свеклы, а въ послѣднихъ двухъ, кромѣ того, и кукурузы остается уже 2,4, 1,7, 1.5, 2,5, 3,4, 1,8%; наконецъ въ Кіевской и Подольской картофель отступаетъ окончательно на задній планъ, занимая всего 3,7, и 3,1% посѣвной площади, остальные же 7,6 и 15% заняты частью сахарною свеклой, частью кукурузой.

Данныя сельско-хозяйственной переписи, касающіяся двухъ главныхъ видовъ пропашныхъ—картофеля и сахарной свеклы, были уже приведены на стр. 215; поскольку они касаются картофеля, они были съ достаточною степенью подробности разобраны на стр. 217; поскольку они касаются сахарной свекловицы, мнѣ будетъ удобнѣе вернуться къ нимъ нѣсколькими страницами ниже.

Изъ приведенныхъ и разобранныхъ цифръ ясно, что строй русскаго полеводственнаго хозяйства въ значительной части европейской Россіи, именно по всей западной окраинѣ и въ промышленномъ, въ меньшей мѣрѣ въ черноземномъ центрѣ, сдвинулся съ мертвой точки,—что русское сельское хозяйство переживаетъ процессъ перехода отъ отжившаго свой вѣкъ зернового, главнымъ образомъ трехпольнаго, къ плодосмѣнному типу. Какъ подчеркиваетъ, между прочимъ, А. Н. Челинцевъ, переходъ этотъ въ видѣ правила совершается, въ особенности въ крестьянскомъ хозяйствѣ, съ большою постепенностью,—прогрессивные элементы, въ видѣ травосѣянія и пропашныхъ растеній, понемногу вдвигаются въ рамки трехпольнаго хозяйства, и лишь съ теченіемъ времени наступаетъ—пока скорѣе въ видѣ исключенія, чѣмъ въ видѣ правила, коренная ломка всего строя полеводства рѣзко бросающимся въ глаза внѣшнимъ признакомъ которой является переходъ отъ трехпольной къ иной, болѣе сложной разбивкѣ полей и отъ трехпольнаго къ тому или иному многолѣтнему сѣвообороту; очень распространенною остается та переходная форма, которую называютъ улучшеннымъ трехпольнымъ хозяйствомъ,—форма, при которой еще сохраняются внѣшнія рамки трехполья, но въ этихъ рамкахъ нормальною составною частью полевого оборота уже стали посѣвныя травы или корнеплоды.

До недавняго времени обнаруживающіеся въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ симптомы полеводственнаго прогресса привлекали къ себѣ лишь очень мало вниманія со стороны какъ агрономовъ, такъ тѣмъ болѣе—экономистовъ и статистиковъ. Сравнительно большой фактическій матеріалъ имѣется для частновладѣльческихъ хозяйствъ, въ видѣ ряда изслѣдованій сельско-хозяйственнаго вѣдомства и работъ лицъ, непосредственно причастныхъ къ частновладѣльческимъ хозяйствамъ; наиболѣе крупною попыткою суммировать прогрессивный опытъ владѣльческихъ хозяйствъ является обширная монографія А. С. Ермолова «Организація полевого хозяйства»;—попытка подвести нѣкоторые итоги сдѣлана и авторомъ этой книги въ монографіи «Къ вопросу о культурно-хозяйственномъ значеніи частнаго землевладѣнія» [1]). Что касается до крестьянскаго хозяйства, то происходящее въ немъ прогрессивное движеніе сравнительно болѣе изучено для одной только географической области, обнимающей главнымъ образомъ промышленный центръ съ приозернымъ райономъ, притомъ въ одномъ только изъ намѣченныхъ выше основныхъ направленій—введенія въ полевое хозяйство культуры кормовыхъ травъ: хотя и въ этой области, какъ мы видѣли, распространеніе пропашныхъ растеній сдѣлало уже значительные успѣхи—

---

[1]) Напечатана въ сборникѣ «Аграрный вопросъ», подъ ред. И. И. Петрункевича и кн. П. Д. Долгорукова, т. II (М. 1908). Нѣкоторыя основныя данныя изъ этой работы приведены въ цитированной въ текстѣ работѣ А. Н. Челинцева.

однако, революціонизирующимъ, такъ сказать, хозяйство здѣсь являются не они, а именно посѣвныя травы, и вновь складывающійся здѣсь типъ хозяйства принято характеризовать не какъ плодосмѣнный, а какъ нѣсколько одностороннюю его разновидность—травопольное хозяйство [1]).

Въ виду особаго интереса, представляемаго прогрессивными теченіями въ крестьянскомъ земледѣліи для всей будущности нашего крестьянскаго хозяйства, остановимся нѣсколько подробнѣе на процессѣ распространенія травосѣянія, какъ онъ рисуется на основаніи имѣющихся данныхъ.

Первые болѣе или менѣе серьезные зачатки крестьянскаго травосѣянія появились приблизительно въ 70-хъ гг., въ Смоленской и Тверской губерніяхъ. Травосѣяніе распространялось здѣсь очень медленно, путемъ заимствованія передовыми крестьянами у помѣщиковъ, а затѣмъ—крестьянами другъ у друга. Тѣмъ же, приблизительно, путемъ шло распространеніе травосѣянія въ Петербургской, нынѣ Петроградской губерніи. Еще въ началѣ 80-хъ гг. на всю эту губернію было въ посѣвѣ у крестьянъ не болѣе тысячи десятинъ кормовыхъ травъ, главнымъ образомъ клевера. Въ концѣ 90-хъ гг., по приводимымъ у Н. А. Каблукова земскимъ даннымъ, не было «ни одного уѣзда въ губерніи, гдѣ бы не было заведено у крестьянъ, въ той или другой волости, травосѣянія. Къ концу 1896 г. подъ посѣвами травъ насчитывалось уже 3411 дес. пахатной надѣльной крестьянской земли, причемъ посѣвы клевера производили у себя около 12% общаго числа крестьянскихъ общинъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ волостяхъ, напр., въ Петербургскомъ уѣздѣ, занятая посѣвными травами площадь достигаетъ значительныхъ размѣровъ, напр. доходитъ до 41% общей площади пашни, въ другихъ до 30%, въ третьихъ до 18%». Распространеніе травосѣянія шло—естественно—съ большою постепенностью: «начиная съ посѣвовъ клевера на огородѣ, усадьбѣ, крестьянинъ постепенно переходилъ къ полевому травосѣянію, а вмѣстѣ съ этимъ онъ переходилъ къ какому-нибудь многопольному сѣвообороту». Развитіе травосѣянія въ такихъ губерніяхъ, какъ Петербургская, «совершалось безъ всякаго участія и содѣйствія такихъ общественныхъ органовъ, какъ земство, сельскохозяйственныя общества... Петербургскій крестьянинъ, предоставленный собственнымъ силамъ», долженъ былъ самъ «искать

---

[1]) Проф. Челинцовъ, если я его вѣрно понимаю, предпочитаетъ считать травопольное хозяйство за болѣе общую категорію, а плодосмѣнное—за его разновидность, получающуюся при болѣе замѣтной долѣ пропашныхъ (назв соч., стр. 19). Мнѣ кажется, что родовымъ понятіемъ является именно плодосмѣнное хозяйство, а травопольное есть лишь частный случай плодосмѣннаго, съ болѣе только ограниченною смѣною разныхъ категорій сельско-хозяйственныхъ растеній.

новыхъ формъ для сельскохозяйственнаго промысла»; примѣромъ ему служили частью владѣльческія хозяйства, частью хозяйство финновъ или нѣмецкихъ колонистовъ, и выходцевъ изъ прибалтійскаго края, селившихся хуторами на владѣльческихъ земляхъ.

Въ такихъ губерніяхъ, какъ Московская, нѣсколько позднѣе Вятская и т. п., развитіе крестьянскаго травосѣянія было результатомъ, главнымъ образомъ, работы общественной, именно земской агрономіи. Агрономы живымъ словомъ пропагандировали среди крестьянъ пользу травосѣянія наглядно показывали имъ выгоды травосѣянія на опытныхъ поляхъ и показательныхъ участкахъ, своимъ совѣтомъ приходили на помощь тѣмъ крестьянамъ, которые рѣшались испробовать травосѣяніе, содѣйствовали имъ въ полученіи сѣмянъ, а когда травосѣяніе изъ стадіи единичныхъ попытокъ переходило въ стадію организованнаго общественнаго травосѣянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершался переходъ отъ исконнаго трехполья къ требующему большаго числа полевыхъ смѣнъ травопольному хозяйству, то агрономы производили соотвѣтственную разбивку общественныхъ полей на смѣны и т. п. Самый темпъ развитія травосѣянія рисуется, напр., по Московской губерніи, такими чертами: «въ Московской губ. до 1891 г. клеверъ сѣялся лишь въ 49 селеніяхъ. Начиная съ этого года число селеній съ правильнымъ травосѣяніемъ ежегодно увеличивается», и къ 1907 году, по земскимъ даннымъ, «правильное травосѣяніе заведено было въ 1278 селеніяхъ, съ общею площадью надѣльной земли въ 403 тыс. дес., что составляетъ 25,6%, т.-е болѣе четвертой части всей надѣльной земли въ губерніи, причемъ по 8 уу. изъ 13 процентъ надѣльныхъ земель у общинъ съ травосѣяніемъ выше приведеннаго средняго, а именно: въ Клинскомъ у. онъ поднимается до 26, Подольскомъ 31, Московскомъ 33%, Верейскомъ 37%, Рузскомъ 39,9, Звенигородскомъ 45,5%, Можайскомъ 47,2% и, наконецъ, въ Волоколамскомъ 58,7%, т.-е. недалеко до $^2/_3$ всей крестьянской надѣльной земли въ этомъ уѣздѣ принадлежитъ общинамъ, примѣняющимъ у себя травосѣяніе». Къ 1908 году въ Московской губерніи не было уже ни одного уѣзда, гдѣ бы не появилось травосѣяніе.

Характерны цифры, свидѣтельствующія, что въ дѣлѣ развитія травосѣянія, какъ и вообще въ дѣлѣ сельскохозяйственнаго прогресса, впереди идутъ болѣе состоятельные элементы, а вмѣстѣ съ тѣмъ показывающія связь между разными элементами сельско-хозяйственнаго прогресса. Вотъ такого рода цифры по Московской губерніи, которыя я заимствую изъ «Условій развитія крестьянскаго хозяйства» Н. А. Каблукова [1]):

---

[1]) Приведу еще результаты группового подсчета по Тверской губерніи. Подсчетъ приведенъ для группъ съ посѣвомъ ржи до 5, 5—10, 10—15, 15—20, 20—25 и болѣе 25 пуд., процентъ хозяйствъ съ посѣвомъ клевера оказался 4—8—11—15—19—29%

		на 1 дворъ пашни	на 1 дворъ скота	% безлошадныхъ	% дворовъ съ плугами
въ уѣздахъ	безъ	3,6	1,7	45	5,2
въ волостяхъ	травосѣянія	3,6	1,9	40	9,6
въ селеніяхъ		3,8	2	38	17
въ уѣздахъ	съ травосѣяніемъ	4,5	2,6	37	38
въ волостяхъ		4,8	2,9	23	62
въ селеніяхъ		5,9	3,1	21	88

Мы ясно видимъ—болѣе зажиточные и лучше обезпеченные землею элементы идутъ въ дѣлѣ распространенія травосѣянія впереди; а вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что распространеніе травосѣянія идетъ параллельно съ распространеніемъ плуговъ,—частный случай того общаго положенія, въ справедливости котораго мы имѣли уже случай убѣждаться въ предыдущей главѣ, когда говорили о развитіи молочнаго хозяйства, и будемъ убѣждаться еще не разъ, когда будемъ говорить о льноводствѣ и др. спеціальныхъ культурахъ: положенія, что *отдѣльныя отрасли и стороны сельско-хозяйственнаго производства находятся въ тѣсной органической связи другъ съ другомъ, а потому и сельско-хозяйственныя улучшенія никогда не остаются изолированными, а всегда идутъ нѣсколькими, иногда многими, параллельными путями, въ тѣсной связи и, иногда, болѣе или менѣе прямой, иногда болѣе или менѣе сложной, косвенной взаимной обусловленности другъ съ другомъ.*

Какъ бы то ни было,—еще какихъ нибудь 12—15 лѣтъ тому назадъ распространеніе травосѣянія въ крестьянскомъ хозяйствѣ шло очень медленно: въ 1881 г., по даннымъ обслѣдованія департамента земледѣлія, площадь крестьянскаго травосѣянія въ 50 губерніяхъ европейской Россіи не превышала 50,3 тыс. дес., въ 1901 г., по данным другого такого же обслѣдованія, она достигала 299 тыс. десятинъ. Площадь подъ посѣвными травами возросла, правда, всемеро, но абсолютно оставалась, очевидно, крайне незначительною, по сравненію съ десятками милліоновъ десятинъ крестьянскихъ запашекъ. Изъ этой общей площади, притомъ, почти половина, именно 147 тыс. десятинъ, какъ мы видѣли, приходилась на долю трехъ прибалтійскихъ губерній, такъ что на долю всей остальной части страны, обнимающей 47 губерній, оставалось всего полтораста тысячъ десятинъ. Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ развитіе травосѣянія, въ частности въ нечерноземной полосѣ, пошло гораздо болѣе быстрымъ темпомъ. Изъ приведенныхъ на стр. 225 цифръ видно, что площадь крестьянской земли, занятая подъ посѣвными травами, въ 1916 г. уже превысила милліонъ съ четвертью десятинъ. Болѣе конкретное представленіе о томъ, насколько ускорилось распространеніе

травосѣяніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ, можно получить изъ нижеслѣдующихъ нѣсколькихъ примѣровъ, которые я беру, опять-таки, изъ книги г Морачевскаго. Сначала—Московская губернія—она, какъ мы видѣли, была первою, гдѣ была поведена организованная пропаганда травосѣянія и гдѣ распространеніе послѣдняго приняло массовый характеръ; здѣсь за одно только пятилѣтіе 1905—1909 гг. правильное травосѣяніе завели у себя 812 общинъ, въ общимъ же итогѣ, къ 1909 году, изъ общаго числа 5691 общины въ 1618, т.-е. въ 28% общаго числа общинъ, было заведено правильное травосѣяніе,—и это не считая тѣхъ, которыя перешли къ травопольному хозяйству помимо земства и о которыхъ, поэтому, свѣдѣній не имѣлось; если же брать отдѣльные уѣзды, то въ Звенигородскомъ общины съ правильнымъ травосѣяніемъ составляли 58%, въ Верейскомъ, Волоколамскомъ, Можайскомъ отъ 47 до 49%. Любопытнѣе данныя по губерніямъ, гдѣ травосѣяніе до недавняго времени дѣлало лишь болѣе или менѣе слабые успѣхи. Такъ, во Владимірской правильное травосѣяніе до 1908 года было заведено въ 160, общественное угловое въ 487 селеніяхъ; въ одномъ только 1908 году правильное травосѣяніе завели 57, угловое 90, въ 1909 году—53 и 108 общинъ, такъ что въ теченіе двухъ только лѣтъ число общинъ съ общественнымъ травосѣяніемъ возросло съ 757 до 1065. Въ Новгородской губерніи правильное травосѣяніе было впервые введено въ 1898 году, въ 4 селеніяхъ; къ 1910 году насчитывалось уже 667 селеній съ правильнымъ травосѣяніемъ, или 6,5% общаго числа селеній; въ частности, въ Череповецкомъ уѣздѣ число селеній съ травосѣяніемъ достигло 16,7%, въ Бѣлозерскомъ 10,5%. Въ Костромской губерніи, гдѣ травосѣяніе представляется дѣломъ еще болѣе новымъ, къ 1910 году насчитывалось уже 445 селеній съ правильнымъ общественнымъ травосѣяніемъ, а площадь подъ клеверомъ превысила 10000 десятинъ; при этомъ развитіе травосѣянія еще сильно задерживалось недостаткомъ средствъ у земства, которое, напримѣръ, въ одномъ только 1909 году должно было оставить безъ удовлетворенія: по Костромскому уѣзду 70, по Юрьевскому 36 приговоровъ о снабженіи обществъ сѣменами травъ.

Однако, и сейчасъ русское крестьянское хозяйство, взятое въ массѣ, еще очень недалеко ушло на пути развитія травосѣянія и связаннаго съ нимъ коренного преобразованія полеводства. Если даже взять одни только количественныя данныя—и то, какъ видно изъ приведенныхъ на стр. 215 цифръ, подъ посѣвными травами занята у крестьянъ, даже и въ районахъ наибольшаго развитія травосѣянія, лишь болѣе или менѣе ничтожная часть посѣвной площади—въ нѣсколько или даже во много разъ меньшая, нежели во владѣльческихъ хозяйствахъ. Дѣло, при этомъ, осложняется еще и съ качественной стороны—въ дѣлѣ развитія травосѣянія и связаннаго съ нимъ перехода къ травопольному хозяйству далеко не все шло вполнѣ гладко. Въ той-же самой Московской губерніи, которая была передовою въ данномъ направленіи, уже давно на-

чали замѣчаться извѣстныя ненормальныя явленія, а въ концѣ перваго десятилѣтія XX вѣка стала обнаруживаться даже «нѣкоторая заминка. Послѣ 233 общинъ, перешедшихъ къ правильному травосѣянію въ 1907 233, въ слѣдующемъ 1908 г. соотвѣтственная цифра упала до 107, а въ 1909 г. до 18. Кромѣ того, по свѣдѣніямъ агрономическаго отдѣла Московской губернской земской управы, во многихъ общинахъ сѣвообороты нарушены, крестьяне оставляютъ клеверъ на полѣ на 3-ій или даже на 4-й годъ (вмѣсто нормальныхъ двухъ!), пропускаютъ одинъ или два очередныхъ посѣва клевера и т. д.; нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ прекратили посѣвы травъ, нѣкоторыя отъ правильнаго травосѣянія перешли къ угловому, и т. д.» Причины такого рода заминки—въ «недостаткѣ техническихъ знаній, слишкомъ слабой агрономической помощи и руководствѣ, въ не вполнѣ правильномъ пониманіи дѣла и т. д.». Чрезмѣрно рѣдкій или несвоевременный посѣвъ и вытравливаніе всходовъ клевера скотомъ; крайне неумѣлая уборка, благодаря которой клеверное сѣно «получается перестоялое, грубое, лишенное наиболѣе нѣжныхъ питательныхъ частей»; оно настолько обезцѣнивается, что «иногда стоимость его не превышаетъ стоимости соломы, и оно идетъ не на кормъ, а на подстилку скоту». Но едва ли не главное—это «производство клевернаго сѣна главнѣйшимъ образомъ на продажу (на столичный рынокъ), а не на потребленіе въ собственномъ хозяйствѣ». Отсюда, иногда, перепроизводство клевера и паденіе цѣнъ до уровня, при которомъ посѣвы клевера становятся убыточными. Но главное—при такихъ спекулятивныхъ посѣвахъ клевера травосѣяніе утрачиваетъ все свое значеніе, какъ элемента, кореннымъ образомъ реформирующаго земледѣліе: разъ клеверъ не скармливается своему скоту,—значитъ почва, по прежнему, не получаетъ удобренія, и посѣвы клевера не только не способствуютъ возстановленію производительности почвы, но наоборотъ,—ведутъ за собой еще и нѣкоторыя специфическія формы ея истощенія. Какъ ясно само собой и какъ констатировано, между прочимъ, коммисіею Московскаго земства, «травосѣяніе принесетъ крестьянскому хозяйству пользу только въ томъ случаѣ, когда клеверъ и тимофеевка будутъ скармливаться въ своемъ хозяйствѣ, а не отчуждаться на сторону»,—только тогда травосѣяніе поведетъ за собою «коренное преобразованіе всей системы крестьянскаго хозяйства, переходъ отъ зернового хозяйства къ скотоводческому, отъ навознаго скотоводства къ продуктивному».

Въ другихъ областяхъ европейской Россіи прогрессъ сельскаго хозяйства идетъ другими, притомъ, какъ я сказалъ, гораздо менѣе изученными путями. На западѣ, наряду съ значительно раньше начавшимся и вошедшимъ въ гораздо болѣе общее употребленіе травосѣяніемъ, главнымъ двигателемъ прогресса земледѣльческой культуры былъ картофель, который, какъ мы видѣли, даже въ районныхъ итогахъ занимаетъ здѣсь болѣе десятой части посѣвной площади. Комбинація

посѣвныхъ травъ съ картофелемъ и, конечно, съ зерновыми хлѣбами даетъ уже не травопольное, а настоящее плодосмѣнное хозяйство,—и вотъ, во всемъ прибалтійскомъ краѣ, въ царствѣ Польскомъ и въ нѣкоторыхъ изъ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній плодосмѣнные сѣвообороты уже въ концѣ XIX вѣка преобладали надъ трехпольемъ. Въ черноземной полосѣ травосѣяніе, въ особенности въ крестьянскомъ хозяйствѣ, играетъ пока совершенно подчиненную роль,—достаточно сказать, что по обслѣдованію 1901 года площадь подъ крестьянскимъ травосѣяніемъ во всей черноземной полосѣ не превышала 20 тыс. десятинъ, тогда какъ на долю нечерноземной полосы приходилось подъ крестьянскимъ травосѣяніемъ 278 тыс., и даже за вычетомъ трехъ прибалтійскихъ губерній все-таки оставалось еще почти 130 тыс. десятинъ. Это—въ значительной мѣрѣ благодаря большему плодородію чернозема, до сравнительно недавняго времени позволявшему обходиться безъ унаваживанія, а слѣдовательно—не слишкомъ заботиться о кормахъ; въ значительной мѣрѣ, однако, и потому, что ни мѣстный хозяйственный опытъ, ни научная агрономія, развивавшаяся въ совершенно иныхъ естественныхъ условіяхъ, еще не выработали такихъ типовъ посѣвныхъ травъ и способовъ посѣва, которые соотвѣтствовали бы почвеннымъ условіямъ и въ особенности—засушливому климату черноземной полосы; не можетъ черноземное хозяйство опереться и на издавній опытъ средне-азіатскаго травосѣянія, которое цѣликомъ зиждется на искусственномъ орошеніи. Въ этомъ—если можно такъ выразиться—трагедія, переживаемая русскимъ черноземнымъ хозяйствомъ: ему—какъ выше было подчеркнуто—необходимо переходить на навозное удобреніе; между тѣмъ естественная кормовая площадь усиленными распашками сокращена до минимума, травосѣяніе же еще не нашло для себя соотвѣтствующихъ условіямъ мѣстной природы путей [1]). Пока что, въ нестепной, главнымъ образомъ юго-западной, въ меньшей мѣрѣ въ центральной части черноземной полосы, главнымъ двигателемъ земледѣльческаго прогресса является корнеплодъ—сахарная свекла, въ сѣверной части ея, повидимому, главнымъ образомъ картофель. Нѣсколько ниже мнѣ придется вернуться къ культурѣ свекловицы,—теперь же мнѣ достаточно отмѣтить, что во владѣльческихъ хозяйствахъ указанной области, главнымъ же образомъ въ юго-западныхъ и въ малороссійскихъ губерніяхъ, плодосмѣнные свекольные сѣвообороты постепенно смѣняютъ прежнее трех-

[1]) Приведу для иллюстраціи характерный и, конечно, вполнѣ соотвѣтствующій обстоятельствамъ отвѣтъ бывшаго Харьковскаго губ. агронома В. Э. Брунста на запросъ одного изъ земскихъ корреспондентовъ о возможности заведенія травопольнаго хозяйства саксонскаго типа: «хозяйство, примѣняемое въ Саксоніи,... непримѣнимо..... Уничтоженіе пастьбы скота на пару должно быть, какъ и въ Саксоніи, поставлено на первое мѣсто. За то вмѣсто клевера у насъ надо взять другую траву, и вообще травосѣяніе у насъ не можетъ пока получить такого значенія и по климату, и по условіямъ хозяйства».

полье. Въ менѣе совершенномъ видѣ они проникаютъ и въ крестьянское хозяйство; здѣсь свекла, чаще, просто вводится въ трехпольный севооборотъ, въ которомъ она, все-таки, оказываетъ замѣтное вліяніе на технику крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. Что касается до черноземныхъ степныхъ мѣстностей, то здѣсь потребность въ замѣнѣ первобытнаго, только истощающаго землю, залежнаго хозяйства какимъ либо другимъ, способнымъ обогащать ея производительныя силы, начинаетъ ощущаться гдѣ съ большею, гдѣ съ меньшею остротою. Но ни практика, ни научная агрономія еще не выработали того типа хозяйства, который долженъ прійти ему на смѣну; въ частности, обычный на западѣ и въ нечерноземной полосѣ европейской Россіи переходъ отъ залежнаго хозяйства къ зерновому трехполью едва-ли будетъ, или даже почти навѣрное не будетъ, имѣть мѣста въ нашей степной полосѣ, отчасти въ виду условій современнаго рынка, не благопріятствующихъ вообще, зерновому хозяйству, отчасти—за недостаточностью естественныхъ сѣнокосныхъ площадей, за счетъ которыхъ, при трехпольѣ, могло бы поддерживаться почвенное плодородіе. Владѣльческія хозяйства степной полосы ищутъ, повидимому, выхода въ переходѣ отъ залежнаго хозяйства непосредственно къ многополью съ травосѣяніемъ и съ искусственнымъ заглушеніемъ залежей, но безъ удобренія. Насколько удаченъ этотъ выходъ,—и сколько, въ частности, онъ окажется отвѣчающимъ условіямъ крестьянскаго хозяйства, можетъ показать только будущее.

Еще разъ повторяю: о прогрессивныхъ явленіяхъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ черноземной полосы мы знаемъ гораздо меньше, чѣмъ объ аналогичныхъ явленіяхъ въ сельскомъ и въ частности въ крестьянскомъ хозяйствѣ нечерноземной полосы, и еще недавно могло казаться, что въ первой царитъ болѣе или менѣе полный застой по сравненію со второю. Приводимыя ниже данныя о движеніи урожайности показываютъ, однако, что это не такъ: урожаи въ черноземной полосѣ возрасли не въ меньшей, а въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ нечерноземной полосѣ,—а этого не могло бы быть, если бы техника хозяйства въ самомъ дѣлѣ, оставалась неподвижною.

Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на такъ называемыхъ трудоемкихъ культурахъ, т.-е. такихъ, которыя, въ отличіе отъ зерновыхъ хлѣбовъ, даютъ возможность использовать на данной площади значительное количество труда и—разумѣется—окупаютъ его соотвѣтственно повышеннымъ доходомъ. Къ этой категоріи—если говорить объ условіяхъ русскаго, и въ частности крестьянскаго, хозяйства, принадлежатъ, во 1-хъ, нѣкоторые корнеплоды и клубнеплоды—картофель и въ особенности сахарная свекла и во 2-хъ—прядильныя растенія: ленъ и конопля. Изъ растеній первой категоріи остановимся на свеклѣ, изъ прядильныхъ, нѣсколько подробнѣе, на льнѣ Какъ уже было отмѣчено, культура сахарной свеклы сосредоточивается исключительно въ чер-

ноземной полосѣ, и главнымъ образомъ въ ея юго-западной и центральной части. Это, однако, лишь поскольку рѣчь идетъ о коренной Россіи,—значительнымъ распространеніемъ посѣвы свеклы пользуются и въ губерніяхъ царства Польскаго, въ особенности въ его южной половинѣ. По оффиціальнымъ даннымъ, общая площадь подъ сахарною свеклой и отдѣльно—площадь, засѣянная свеклой «при заводахъ», т.-е. въ крупныхъ хозяйствахъ, и «у плантаторовъ», поставляющихъ свеклу на чужіе заводы, т.-е., въ извѣстной мѣрѣ, въ мелкихъ, крестьянскихъ хозяйствахъ, выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ среднемъ за	Всего	При заводахъ	У плантаторовъ.
	тысячъ десятинъ.		
1901— 5 гг.	506	165	341
1906—10 »	551	177	374
1911—13 »	698	216	482

Сельско-хозяйственная перепись 1916 года даетъ намъ болѣе свѣжія данныя—но, очевидно, рѣшительно не соотвѣтствующія нормальному положенію вещей: общая площадь подъ свеклой, по предварительнымъ подсчетамъ переписи, выражается всего 471 тыс. дес.,—на 200 съ лишнимъ тысячъ десятинъ меньше противъ средней за 1911—13 гг. Даже если откинуть, примѣрно, 100—120 тыс. дес. на царство Польское и на другія мѣстности, занятыя непріятелемъ,—все-таки получается огромный недосѣвъ, объясняемый, какъ надо думать, частью, непосредственною близостью главныхъ свекольныхъ районовъ къ фронту, частью—просто тѣмъ недостаткомъ рабочихъ рукъ, который обусловленъ военными обстоятельствами и который, конечно, съ особенной силой долженъ былъ отразиться на такой трудоемкой культурѣ, какъ свекла.

Перепись, такимъ образомъ, рисуетъ совершенно ненормальное положеніе вещей. Нормальнымъ для культуры сахарной свеклы былъ—какъ видно изъ приведенныхъ цифръ—очень быстрый ростъ: занятая ею площадь съ 1901—5 по 1911—13 гг. возрасла круглымъ числомъ на 200 тыс. десятинъ или почти на двѣ пятыхъ. Менѣе трети этой общей площади, именно, въ среднемъ за послѣдніе три года, 31%, приходится на посѣвы при заводахъ, болѣе двухъ третей—на посѣвы «плантаторовъ»—хозяевъ, поставляющихъ свеклу на чужіе заводы. По районамъ посѣвы свеклы распредѣляются, по даннымъ за 1911—3 гг., слѣдующимъ образомъ:

Районы	Всего.	При заводахъ.	У плантаторовъ.
	тысячъ десятинъ.		
Польскій	73	2	71
Юго-западный	366	85	281

Новороссійскій	12	4,5	7,5
Малорусскій	128	59	69
Центральный	115	65	50

Если, такимъ образомъ, оставить въ сторонѣ царство Польское, то почти три пятыхъ всей площади подъ свекловицею приходится на три юго-западныхъ губерніи, остальное—если не считать ничтожной площади свекловицы въ новороссійскихъ губерніяхъ, дѣлится почти поровну между малороссійскими и нѣкоторыми изъ группы центрально-черноземныхъ губерній—главнымъ образомъ Курскою и Тамбовскою. Роль свекловицы въ сельскомъ хозяйствѣ вообще и въ частности въ крестьянскомъ чрезвычайно велика. Прежде всего, культура свекловицы въ высшей степени трудоемка: она поглощаетъ, на данной площади, и вмѣстѣ съ тѣмъ оплачиваетъ, стоимостью получаемаго продукта, въ 5—7 разъ больше труда, нежели культура зерновыхъ хлѣбовъ и въ частности пшеницы: въ то время какъ совокупность работъ по культурѣ пшеницы, включая уборку, поглощаетъ, приблизительно, 15—30 рабочихъ дней на десятину, культура свекловицы поглощаетъ 120, 130 и до 150 рабочихъ дней на десятину; средняя доходность десятины подъ зерновою культурой выражается, приблизительно, 20—25 рублями, десятина подъ свеклой даетъ однихъ только заработковъ, при крайне низкой оплатѣ труда, 70—90 р. И что не менѣе важно, культура свекловицы **требуетъ улучшенія всей культуры** и въ тоже самое время **дѣлаетъ его выгоднымъ**: необходимыми спутниками ея являются глубокая и тщательная вспашка, междурядная обработка и окапываніе во время роста, затѣмъ—примѣненіе искусственныхъ удобреній; она требуетъ, затѣмъ, правильнаго чередованія съ другими культурами, такъ какъ иначе наступаетъ быстрое истощеніе почвы,—слѣдовательно съ неизбѣжностью толкаетъ къ коренной перестройкѣ трехпольнаго оборота и замѣнѣ его тѣмъ или другимъ типомъ плодосмѣннаго хозяйства. Вводимая, первоначально, въ видахъ полученія возможно большей непосредственной денежной выгоды, культура свекловицы является, такимъ образомъ, могучимъ стимуломъ къ коренной и въ высшей степени прогрессивной перестройкѣ всего строя сельскаго хозяйства. Требуя—по разсчету на единицу площади—затраты огромнаго количества ручного труда (окапываніе, полка, копка и пр.), который не можетъ или почти не можетъ быть замѣненъ машиннымъ, культура свекловицы по самому существу своему особенно пригодна для мелкокрестьянскаго хозяйства, опирающагося, болѣе или менѣе цѣликомъ, на трудъ главы семки и ея членовъ. Въ виду ея технической **сложности**, она предполагаетъ, однако, болѣе или менѣе **высокій культурный уровень** хозяйства, и лишь при наличности этого условія можетъ распространяться въ крестьянской средѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, культура свекловицы въ тѣмъ большей мѣрѣ разсѣевается по планта-

торскимъ, въ главной массѣ крестьянскимъ хозяйствамъ, чѣмъ выше культурный уровень крестьянскихъ массъ и чѣмъ болѣе давнею, притомъ, въ извѣстной мѣстности, является сама культура свекловицы,—тѣмъ въ большей мѣрѣ, значитъ, она успѣла воспитать въ массѣ населенія соотвѣтственные хозяйственные навыки; и наоборотъ,—она тѣмъ болѣе концентрируется въ крупныхъ заводскихъ хозяйствахъ, тѣмъ она новѣе, и чѣмъ ниже культурный уровень населенія. Это ясно видно и изъ приведенныхъ выше порайонныхъ цифръ: въ царствѣ Польскомъ, гдѣ культура свеклы существуетъ издавна, а населеніе уже давно пріобрѣло болѣе культурные хозяйственные навыки, свекла разводится почти исключительно въ плантаторскихъ хозяйствахъ; рѣшительное преобладаніе (77%) принадлежитъ плантаторскимъ посѣвамъ и въ такомъ коренномъ свеклосахарномъ районѣ, какимъ являются юго-западныя губерніи; напротивъ въ малороссійскомъ и тѣмъ болѣе въ центральномъ районѣ, гдѣ культура свекловицы является новымъ дѣломъ, и гдѣ уровень крестьянской земледѣльческой культуры, вообще, гораздо ниже, крупные заводскіе посѣвы играютъ гораздо болѣе видную роль, занимая въ первомъ 46%, во второмъ—даже 56% всей площади подъ свекловицей. Въ такихъ условіяхъ крупныя владѣльческія хозяйства, ведущія большіе посѣвы свекловицы, важны для населенія, прежде всего, тѣми заработками, которые даетъ послѣднему наемъ на работы по культурѣ свеклы, а затѣмъ—какъ школа, гдѣ крестьяне, работая по найму, пріобрѣтаютъ тѣ навыки, которые, впослѣдствіи, позволятъ имъ самимъ ввести у себя культуру свекловицы [1]).

Перехожу теперь къ культурѣ льна. Общія площадь подъ льномъ, если взять итоги по 72 губерніямъ европейской и азіатской Россіи и отдѣльно—итогъ по 50 губерніямъ коренной Россіи, выразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

въ среднемъ за	72 губерніи	50 губерній
	тысячъ	десятинъ
1901—05 гг.	1521	1332
1906—10 »	1321	1196
1911—13 »	1452	1224,—

[1]) Въ текстѣ о плантаторскихъ хозяйствахъ говорится—въ соотвѣтствіи съ общепринятымъ пониманіемъ, какъ о хозяйствахъ по преимуществу крестьянскихъ. Данныя сельскохозяйственной переписи заставляютъ внести въ это представленіе существенную поправку: проценты свеклы въ хозяйствахъ собственно крестьянскаго типа, по даннымъ переписи, оказались: въ центрально-земледѣльческомъ районѣ 0,1, въ югозападномъ 1,1, въ малороссійскомъ даже 0,4, тогда какъ соотвѣтственныя цифры у владѣльцевъ 5,8, 11, и 12%, откуда ясно, что въ приведенныя въ текстѣ цифры «плантаторскихъ» посѣвовъ входитъ значительная часть посѣвовъ не-крестьянскаго типа. Эта фактическая поправка нисколько не колеблетъ, однако, существа изложенныхъ въ текстѣ соображеній относительно возможной роли сахарной свеклы въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

въ 1916 г., въ районѣ сел.-хоз. переписи, льномъ было засѣяно 1309 тыс. дес.

Мы видимъ, что, въ отличіе отъ сахарной свеклы, культура льна, какъ въ общемъ итогѣ по всей странѣ, такъ и въ итогѣ по 50 губерніямъ, не растетъ, а обнаруживаетъ колебательное движеніе. Однако, говорить о культурѣ льна въ такомъ общемъ видѣ было бы рѣшительно нецѣлесообразно. Дѣло въ томъ, что культура льна представляетъ двѣ кореннымъ образомъ различныхъ разновидности: культуру льна на сѣмена (которыя употребляются, главнымъ образомъ, на выжиманіе масла)—и культуру льна на волокно; разновидности, которымъ соотвѣтствуютъ и рѣзко различающіеся типы самого льна, которые крестьяне характеризуютъ терминами: «кудряшъ»—сѣменной, и «долгунецъ»—ленъ, воздѣлываемый главнымъ образомъ на волокно. Культура льна на сѣмена—одинъ изъ характернѣйшихъ спутниковъ и симптомовъ первобытнаго хищническаго земледѣлія: она ведется въ странахъ съ плодородною и болѣе или менѣе непочатою почвой; она является одною изъ наиболѣе требовательныхъ къ почвѣ, а въ тоже время одною изъ тѣхъ культуръ, которыя наиболѣе способствуютъ ея быстрому истощенію. Понятно, при такихъ условіяхъ, что культура сѣменнаго льна практикуется или точнѣе—практиковалась главнымъ образомъ въ южной Россіи—въ черноземной полосѣ вообще и въ степныхъ ея районахъ въ частности. Понятно и то, что, по мѣрѣ заселенія степей и быстро прогрессирующаго истощенія почвы, сѣменное льноводство должно падать и уступать мѣсто другимъ культурамъ. И дѣйствительно, еще въ 1900 г. въ южной Россіи съ сѣвернымъ Кавказомъ подъ посѣвами сѣменного льна было занято до 600 тыс. десятинъ, а въ 1910—11 гг.—уже всего только около 200 тысячъ; «спеціализированное сѣменное южно-русское льноводство—говоритъ знатокъ льняного вопроса, работы котораго мнѣ придется много разъ цитировать, А. А. Рыбниковъ—вымираетъ, оно переходитъ въ новыя области, гдѣ начинается земледѣльческая культура, и тамъ кратковременно, хищническимъ образомъ, используетъ свѣжераспаханныя земли для добыванія сѣмянъ льна»; и въ самомъ дѣлѣ—въ Оренбурскомъ краѣ и въ степныхъ Киргизскихъ областяхъ посѣвы сѣменного льна въ 1900 г. занимали еще всего 65 тыс., въ 1910 г. уже болѣе 150 тыс. десятинъ.

Наоборотъ, посѣвы льна на **волокно** (при чемъ попутно получается, конечно, и сѣмя) сосредоточиваются исключительно въ нечерноземной полосѣ,—и когда говорятъ о русскомъ льноводствѣ и о льноводныхъ районахъ, то имѣютъ въ виду именно **эту** разновидность льняной культуры. Въ той или другой мѣрѣ «льноводными» считаются, всего, 25 губерній, въ которыхъ, по подсчетамъ, сдѣланнымъ департаментомъ земледѣлія въ спеціальной монографіи «Современное состояніе льноводства» (1912 г.) было занято льномъ, всего, 980 тыс. десятинъ. Почти три пятыхъ (59%) этой общей площади приходилось на семь губерній:

Вятскую (11%), Псковскую, Смоленскую, Тверскую (по 10), Лифляндскую (7,2), Пермскую (5,2) и Витебскую (5,0), еще около одной четверти (22%) на дальнѣйшія шесть губерній: Ковенскую, Костромскую, Ярославскую, Владимірскую, Нижегородскую и Вологодскую,—въ общей сложности на эти 13 губерній приходится болѣе четырехъ пятыхъ—82,5% всей площади льна въ 25 льноводныхъ губерніяхъ. Въ совсѣмъ иномъ порядкѣ расположатся губерніи, если брать не абсолютную величину площади подъ льномъ, а занятую послѣднимъ долю ярового поля. Въ такомъ случаѣ на первыя мѣста выдвинутся слѣдующія восемь губерній, гдѣ ленъ занимаетъ 10 и болѣе процентовъ ярового поля: Псковская (28%), Лифляндская (26 7%), Тверская (22,5), Смоленская (20), Ярославская (16), Витебская (11), Костромская и Владимірская (по 10%); затѣмъ, еще въ 10 губерніяхъ ленъ занимаетъ отъ 5 до 8,4% ярового поля, а именно въ Ковенской, Вологодской, Петроградской, Новгородской, Московской, Курляндской, Вятской, Нижегородской, Калужской и Могилевской,—въ остальныхъ семи губерніяхъ ленъ занимаетъ отъ 0,9 до 3,3% ярового поля. Взглянувъ на любимую карту, легко увидѣть, что льноводныя мѣстности могутъ быть сгруппированы въ нѣсколько районовъ. Вышеназванное изданіе намѣчаетъ ихъ семь: Прибалтійскій (11% ярового поля), Приозерный (16%), сѣверо-западный (съ литовскими губерніями—5,6%), центральный (14%), средневолжскій (9%), сѣверный (6,3) и восточный—Вятская и Пермская губерніи (4,5%).

Это—дѣленіе по чисто-географическому признаку. По экономическому характеру льноводства приходится различать, по Рыбникову, «два района—западный, въ которомъ преобладаетъ добываніе льна для экспорта заграницу, и восточный, гдѣ значительная доля сырья поступаетъ на мѣстныя прядильныя фабрики и идетъ въ кустарную переработку...; западный районъ—продолжаетъ названный авторъ, отличается огромными посѣвами льна, въ восточномъ площадь, отводимая подъ ленъ, значительно меньше». Затѣмъ, «въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ районовъ, какъ по времени развитія льноводства, такъ и по характеру этого развитія, можно намѣтить по два подрайона: въ западномъ—1. Псковско-Лифляндскій съ очень старымъ льноводствомъ и 2. Смоленско-Тверской съ молодымъ; въ восточномъ—3. Ярославско Костромской съ давними посѣвами льна и 4. Вятско-Пермскій, въ которомъ ленъ съ промышленною цѣлью сѣется меньше». Въ первомъ изъ этихъ районовъ, Псковско-Лифляндскомъ, льноводство росло до середины 90-хъ гг.; съ тѣхъ поръ оно, въ общемъ, непрерывно падаетъ, такъ что посѣвная площадь 1912 г. (326 тыс дес.) почти на треть меньше, чѣмъ въ 1896 году (450 тыс. дес.); въ другомъ районѣ стараго льноводства, Ярославско-Костромскомъ, площадь подъ льномъ съ 1892 по 1892 г. возрасла съ 150 до 220 тыс. десятинъ,—съ тѣхъ поръ она держится приблизительно на одномъ уровнѣ, испытывая лишь непра-

вильныя колебанія; въ Смоленско-Тверскомъ районѣ она быстро и, въ общемъ, непрерывно растетъ,—въ 1809 г. подъ льномъ было 175 тыс., въ 1898 г. 230 тыс., въ 1912 г. 325 тыс. десятинъ; въ послѣднемъ районѣ, Вятско-Пермскомъ, площадь подъ льномъ за время съ 1881 по 1887 г. упала съ 235 до 200 тыс. десятинъ, а съ тѣхъ поръ она держится приблизительно на томъ же уровнѣ, испытывая тоже лишь неправильныя и, въ послѣднее время, не слишкомъ рѣзкія колебанія. Въ виду огромныхъ затратъ труда, связанныхъ съ культурою льна и съ первоначальною его обработкой (см. дальше), ленъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ свекла, отвѣчаетъ условіямъ мелкаго крестьянскаго хозяйства, не предъявляя притомъ какихъ-либо особыхъ требованій къ его культурности. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, въ итогѣ по 25 губерніямъ, 85% всей площади подъ льномъ приходится на долю посѣвовъ на крестьянскихъ земляхъ, всего 16%—на владѣльческихъ. Однако, и эти 16% лишь въ малой, вѣроятно даже лишь въ ничтожной долѣ могутъ быть отнесены на счетъ крупно-владѣльческаго хозяйства. Прежде всего, въ льноводныхъ районахъ имѣется особенно много купчихъ крестьянскихъ земель, и А. А. Рыбниковъ съ увѣренностью утверждаетъ, что «значительная часть указанныхъ льняныхъ посѣвовъ именно и находится на этихъ купчихъ крестьянскихъ земляхъ, которыя оффиціальная статистика числитъ какъ владѣльческія», но на которыхъ, по существу, ведется хозяйство крестьянскаго типа. Съ другой стороны, «значительное количество крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ нечерноземной полосы организовано такъ, что у нихъ часть поля отводится для посѣва клевера, а затѣмъ эти клеверища (поля, съ которыхъ снятъ клеверъ и которыя, значитъ, сильно обогащены азотомъ!) сдаются крестьянамъ подъ ленъ. Эти клеверища, а иногда разныя брошенныя земли», тоже сдаваемыя крестьянамъ подъ ленъ, по оффиціальной статистикѣ также числятся владѣльческими, въ дѣйствительности же, конечно, должны быть причислены къ площади крестьянскаго льноводства. Очень характерна подчеркиваемая А. А. Рыбниковымъ «обратная зависимость» между владѣльческимъ и крестьянскимъ льноводствомъ: «владѣльцы, нерѣдко, являются иниціаторами расширенія льняныхъ посѣвовъ; ихъ примѣру слѣдуютъ крестьяне, а затѣмъ крестьянскіе посѣвы льна такъ увеличиваются, что перегоняютъ уже владѣльческіе, а владѣльческіе начинаютъ сокращаться... Въ тотъ моментъ, когда помѣщики начинаютъ сѣять ленъ, у нихъ обычно имѣется много неиспользованной земли, и въ тоже самое время въ мѣстности, гдѣ развивается льноводство, оказывается много дешеваго труда. Какъ только они начинаютъ расширять эти посѣвы, и за ними увеличиваютъ свои посѣвы и крестьяне, то въ критическіе моменты по уборкѣ льна время работы у помѣщиковъ и у крестьянъ начинаетъ совпадать, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе это совпаденіе начинаетъ сказываться на удорожаніи рабочихъ рукъ. Наконецъ наступаетъ такой моментъ, когда рабочія руки стано-

вятся такъ дороги, что помѣщики предпочитаютъ свои посѣвы сокращать или сдавать землю въ аренду подъ ленъ». Конечно, помѣщики при этомъ не несутъ ущерба, «такъ какъ льняная аренда, дающая по 50, а иногда и вдвое, рублей за десятину, съ избыткомъ пополняетъ ихъ доходъ». Специальныя условія, благопріятствующія развитію промышленнаго льноводства, въ частности у крестьянъ,—это, съ одной стороны, условія положительныя: обиліе кормовъ, позволяющее сокращать посѣвы яровыхъ хлѣбовъ и въ частности овса, и вообще неразработанныхъ земель, среди которыхъ выискиваются годные подъ ленъ цѣлинные участки; затѣмъ—близость выгодныхъ рынковъ для сбыта волокна, будутъ ли это порты, черезъ которые волокно вывозится заграницу, или районы развитія льняной мануфактуры. Съ другой стороны, развитіе промышленнаго льноводства, стимулируется и извѣстными отрицательными условіями—исконною недостаточностью или сокращеніемъ другихъ источниковъ существованія крестьянъ: промышленное льноводство развивалось тамъ, гдѣ хлѣбопашество не обезпечивало или плохо обезпечивало насущныя потребности крестьянъ, и развитіе его, обычно, совпадало съ моментами рѣзкаго упадка подспорныхъ къ земледѣлію заработкомъ: сокращенія лѣсныхъ промысловъ, обусловленнымъ истощеніемъ лѣсныхъ богатствъ, упадка извознаго промысла, благодаря проведенію желѣзныхъ дорогъ, и т. п.

Входить въ какія либо особыя подробности относительно экономики и техники промышленнаго льноводства и вліянія его на общій строй крестьянскаго хозяйства въ рамкахъ настоящаго курса нѣтъ возможности,—интересующемуся читателю придется обратиться за такими подробностями прежде всего къ работамъ А. А. Рыбникова и А. В. Чаянова [1]), а затѣмъ—къ вышеназванной монографіи департамента земледѣлія и къ дальнѣйшей литературѣ. Въ существеннѣйшихъ чертахъ, роль льна въ крестьянскомъ хозяйствѣ нечерноземной полосы можетъ быть резюмирована въ слѣдующихъ словахъ, заимствуемыхъ мною изъ монографіи «Современное состояніе льноводства»: «въ большинствѣ губерній собираемыхъ крестьянскимъ населеніемъ продовольственныхъ хлѣбовъ оказывается недостаточно для собственнаго потребленія, не говоря уже о продажѣ; для покупки хлѣба и удовлетворенія хозяйственныхъ и личныхъ потребностей нужны денежныя средства; средства эти доставляются частью продажей непродовольственныхъ хлѣбовъ или продуктовъ второстепенныхъ отраслей хозяйства, частью же внѣземледѣльческими промыслами... Льноводство, являющееся однимъ изъ главныхъ источниковъ денежныхъ средствъ для крестьянскаго населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ до нѣкоторой степени

---

[1]) А. А. Рыбникова, особенно, брошюры: «Очерки развитія крестьянскаго промышленнаго льноводства нечерноземной полосы Россіи (Кострома 1912) и «Промышленное льноводство. Условія и формы его развитія, М. 1915. А. В. Чаянова—«Мѣсто льна въ организованномъ планѣ крестьянскаго хозяйства» (М. 1914) и др.

соединяетъ въ себѣ особенности этихъ двухъ типовъ крестьянскаго дохода: оно даетъ приложеніе рабочей силѣ не только въ періодѣ полевыхъ работъ, но и зимой, когда крестьяне прочихъ, не-льноводныхъ, мѣстностей уходятъ отъ земли искать заработковъ». Двѣ стороны дѣла имѣютъ, въ данномъ случаѣ, преимущественное значеніе: съ одной стороны, большой размѣръ доставляемаго льноводствомъ заработка, обусловливаемый высокою трудоемкостью этой культуры, съ другой — возможность заполнить и мыслимо-выгоднымъ образомъ использовать то время, которое остается совершенно незаполненнымъ при зерновыхъ культурахъ. По приблизительному разсчету А. А. Рыбникова, общая сумма денежнаго дохода крестьянъ-льноводовъ достигаетъ, по крайней мѣрѣ, 160 милліоновъ рублей, что составляетъ, въ среднемъ, около 160 рублей на занимающееся льноводствомъ крестьянское хозяйство и приблизительно столько же—на десятину земли подъ льномъ. Какъ велико относительное значеніе этого дохода въ общемъ бюджетѣ крестьянъ, ясно видно изъ данныхъ, добытыхъ спеціальными бюджетными изслѣдованіями, напримѣръ, въ Смоленской губерніи: общая сумма всѣхъ, кромѣ льноводства, денежныхъ поступленій колеблется, въ среднихъ по районамъ цифрахъ, между 108 и 131 рублемъ; сумма денежнаго дохода отъ льноводства достигаетъ, въ среднихъ же цифрахъ по двумъ районамъ съ максимальнымъ его развитіемъ, 132 и 183 рублей, причемъ остальныя денежныя поступленія въ этихъ двухъ районахъ не меньше, чѣмъ въ остальныхъ, и, значитъ, ростъ денежнаго дохода отъ льноводства не идетъ въ ущербъ денежному доходу отъ другихъ отраслей хозяйства и видовъ дѣятельности крестьянъ. Это—именно потому, что льноводство не только поглощаетъ и оплачиваетъ исключительно большую массу труда, но что большая часть этого труда приходится на время, совершенно свободное отъ другихъ работъ по хозяйству. Въ то время, какъ на десятину ржи, по даннымъ, собраннымъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ (Моск. губ.), затрачивается 45, на десятину овса (который главнымъ образомъ и вытѣсняется льномъ)—всего 22 и даже на десятину картофеля только 58 рабочихъ дней, на десятину льна затрачивается 87 дней, т.-е. почти вчетверо больше, чѣмъ на десятину ярового, и изъ нихъ 44 рабочихъ дня, т.-е. нѣсколько больше половины, приходится на зимніе мѣсяцы, совершенно свободные отъ работъ по хозяйству, и еще 7,8 дней—на раннюю весну, т.-е. на время, свободное отъ работъ по культурѣ ржи.

Таковы выгоды культуры льна. Но очень велики и ея опасности. Прежде всего—безусловная зависимость отъ условій сбыта, который, въ свою очередь, находится въ тѣсной зависимости отъ положенія хлопковаго рынка,—именно этими условіями, въ значительной части, объясняется обнаружившееся въ послѣднее время сокращеніе посѣвовъ льна въ лифляндско-псковскомъ районѣ. Едва ли не еще серьезнѣе опасности другого рода, вытекающія изъ хищническаго

характера льняной культуры. Какъ мимоходомъ было отмѣчено, промышленное льноводство развивается, сначала, на не входящихъ въ составъ пахатной площади цѣлинныхъ земляхъ—«облогахъ», «лядинахъ» и т. п., въ значительной мѣрѣ и на сѣнокосныхъ площадяхъ. Соблазнъ невиданно-большого денежнаго дохода побуждаетъ, однако, крестьянъ распространять посѣвы льна и на яровое поле, сокращая посѣвы овса и прочихъ яровыхъ. Между тѣмъ ленъ, прежде всего, и самъ по себѣ истощаетъ почву гораздо сильнѣе, чѣмъ зерновые хлѣба; а затѣмъ,—распашка сѣнокосныхъ и другихъ, въ той или другой мѣрѣ использовавшихся какъ выгонъ, некультурныхъ земель и занятіе подъ ленъ значительной части площади, раньше дававшей овесъ, яровую солому и т. п., рѣзко сокращаетъ запасы кормовыхъ средствъ; отсюда—сокращеніе количества скота, значитъ—сокращеніе удобрительныхъ средствъ, а отсюда въ свою очередь, усиленное истощеніе почвы и пониженіе ея производительности: «посѣвами льна вытѣсняется покосъ—пишетъ цитируемый А. А. Рыбниковымъ корреспондентъ Смоленскаго земства, за неимѣніемъ покоса убавляется скотъ, а нѣтъ скота—нѣтъ и навоза и значитъ нѣтъ хлѣба». Дѣло доходитъ до того, что «у крестьянина, начинаетъ не хватать навоза, часть ржаного поля поэтому не засѣвается, и иногда такимъ образомъ посѣвная площадь въ озимомъ сокращается на четверть и даже на треть. Эти пустоши въ ржаномъ не всегда пускаются подъ траву, подъ покосъ, а иногда рядомъ съ рожью мы находимъ перемежающіяся полосы льна. И этотъ хищническій пріемъ посѣвовъ не гарантируетъ даже того, что въ яровомъ снова не будетъ посѣянъ ленъ,—къ довершенію всего ленъ иногда начинаютъ сѣять даже въ паровомъ полѣ». Получается положеніе вещей, рѣзко иллюстрирующее ту истину, что требованія хозяйственной раціональности далеко не всегда совпадаютъ съ соображеніями непосредственной денежной выгоды. Положеніе это не можетъ быть длительнымъ. Вмѣстѣ съ условіями сбыта льна оно, съ одной стороны, объясняетъ фактъ сокращенія площадей подъ льномъ въ старыхъ льноводныхъ районахъ. Оно, съ другой, настойчиво толкаетъ къ такой реорганизаціи не только льноводства, но и всего вообще строя крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, при которой послѣднее могло бы безнаказанно пользоваться присущими льноводству специфическими выгодами. Путь для такой реорганизаціи пока еще не найденъ,—само населеніе, конечно, не въ силахъ его найти, научная же агрономія только еще начинаетъ заинтересовываться даннымъ вопросомъ. Повидимому, рѣшенія послѣдняго надо искать въ опредѣленныхъ комбинаціяхъ льняныхъ посѣвовъ съ посѣвами клевера, которые, въ свою очередь, едва ли осуществимы безъ цѣлесообразнаго примѣненія искусственныхъ удобреній, безъ помощи которыхъ «утомленіе» почвы льномъ можетъ смѣниться не менѣе серьезнымъ зломъ—«клевероутомленіемъ». Выработка соотвѣтственнаго типа раціональнаго льноводнаго

хозяйства, повторяю, дѣло будущаго. Практическая хозяйственная мысль только нащупываетъ путь къ такой реорганизаціи, и однимъ изъ проявленій этого исканія новаго пути является уже упоминавшаяся аренда клеверищъ: ленъ сѣется при этомъ на землѣ, съ которой былъ снятъ клеверъ и которая, благодаря посѣву клевера, успѣла возстановить и даже повысить свою производительную силу въ нужномъ для преуспѣянія льна направленіи.

Таковы главнѣйшіе вопросы, связанные съ организаціею и строемъ крестьянскаго земледѣлія. Многіе изъ этихъ вопросовъ въ той или другой мѣрѣ выходятъ изъ вѣдѣнія экономики и статистики и входятъ въ область изслѣдованій научной агрономіи; поскольку они изучаются статистикою крестьянскаго хозяйства, они, въ значительной долѣ, изучаются описательнымъ путемъ,—слѣдовательно входятъ въ программу не подворныхъ переписей, а общихъ поселенныхъ и т. п. опросовъ,—иначе сказать въ пообщинные или въ разные спеціальные бланки. Роль подворныхъ переписей и въ этой группѣ вопросовъ остается, однако, весьма значительною: лишь путемъ подворной переписи можно точно констатировать тѣ или иные факты, опредѣлить силу тѣхъ или другихъ проявляющихся въ крестьянскомъ земледѣліи тенденцій, которыя иначе могутъ быть констатированы или уловлены лишь въ слишкомъ общихъ и неотчетливыхъ, иногда недостаточно опредѣленныхъ чертахъ. Путемъ общаго опроса мы можемъ установить, напримѣръ, фактъ существованія, въ извѣстной мѣстности, не-регулированнаго трехполья съ зачатками навознаго удобренія или, положимъ, приближающагося къ кризису залежнаго хозяйства; можемъ даже составить себѣ приблизительное представленіе о господствующихъ въ мѣстномъ сѣвооборотѣ хлѣбахъ и т. п.; но лишь подворный учетъ распредѣленія посѣвной площади по культурамъ, площади посѣвовъ по пару или по свѣже-поднятой залежи, числа вывозившихъ навозъ хозяйствъ и занавоженной ими площади можетъ дать точное представленіе объ относительномъ значеніи въ мѣстномъ хозяйствѣ различныхъ культуръ, о переживаемомъ имъ моментѣ перехода отъ залежнаго къ паровому зерновому хозяйству, о томъ, сдѣлалось ли унаваживаніе необходимымъ элементомъ мѣстнаго крестьянскаго хозяйства, или же оно не вышло изъ стадіи единичныхъ нерѣшительныхъ попытокъ. Путемъ общаго опроса мы можемъ констатировать наличность въ данномъ селеніи посѣвовъ, положимъ, льна или сахарной свекловицы, случаевъ примѣненія искусственныхъ удобреній, травосѣянія и т. п.; но лишь въ томъ случаѣ, если травосѣяніе приняло «общественный» характеръ, вошло, значитъ, въ установленный общиною оборотъ полей или производится на спеціально отведенныхъ общиною «углахъ», такой общій опросъ можетъ дать намъ точное и отчетливое представленіе объ его

мѣстѣ въ общемъ строѣ крестьянскаго хозяйства и въ экономикѣ послѣдняго; если то-же травосѣяніе ведется отдѣльными хозяевами безъ регулирующаго возлѣйствія общины, равно какъ и во всѣхъ остальныхъ, взятыхъ въ видѣ примѣра, случаяхъ, только подворный перечетъ можетъ дать точное представленіе о томъ, имѣемъ ли мы дѣло лишь съ единичными, можетъ быть случайными попытками отдѣльныхъ личностей, или же съ такими прогрессивными явленіями, которыя уже успѣли завоевать себѣ болѣе или менѣе всеобщее распространеніе и пріобрѣсти болѣе или менѣе видное мѣсто въ организаціи крестьянскаго хозяйства [1]).

Однако, земская статистика до недавняго времени не удѣляла вопросамъ разсматриваемой категоріи достаточнаго вниманія, отчасти подъ вліяніемъ уже неоднократно отмѣчавшагося въ предыдущемъ изложеніи слабаго интереса какъ земскихъ статистиковъ, такъ и самихъ земствъ къ вопросамъ сельско-хозяйственной техники, отчасти—благодаря слишкомъ упрощеннымъ представленіямъ о крестьянскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, какъ о чемъ-то, въ каждой данной общинѣ, болѣе или менѣе однообразномъ и болѣе или менѣе неподвижномъ.

Во многихъ изъ болѣе раннихъ формуляровъ и сборниковъ земской статистики—не только въ такихъ, какъ формуляры первой Тверской переписи, но даже и въ такихъ, очень разработанныхъ въ другихъ направленіяхъ, какъ воронежскіе, мы в о в с е не находимъ вопросовъ не только о распредѣленіи посѣвной площади по родамъ культуръ, но даже объ общемъ ея размѣрѣ,—предполагалось, что, при господствующемъ трехпольномъ хозяйствѣ, посѣвная площадь равняется двумъ третямъ всей площади пахатной земли, и изъ нея половина засѣвается рожью, остальное—всѣми безъ различія «яровыми». Обычно, начиная, приблизительно, съ середины 80-хъ гг., ставился вопросъ о высѣвѣ нѣсколькихъ главнѣйшихъ хлѣбовъ, признаваемыхъ наиболѣе характерными для мѣстнаго крестьянскаго хозяйства. Такъ, въ Нижегородскихъ формулярахъ ставился

[1]) Нелишнее отмѣтить здѣсь-же, что учетъ явленій, относящихся къ области крестьянскаго земледѣлія, какъ то общей площади посѣвовъ и распредѣленія ея между отдѣльными культурами, навознаго удобренія и т. п., встрѣчается со специфическими техническими трудностями, вытекающими главнымъ образомъ изъ того, что крестьяне—особенно тамъ, гдѣ общинныя земли передѣлены мелкими полосками, н е з н а ю т ъ м ѣ р ы занятыхъ посѣвами, паромъ и т. д. площадей; приходится, поэтому, учитывать не десятины или доли десятинъ, а пуды или мѣры, иногда (напр. для клевера и т. п) фунты высѣва, площадь пара или, въ частности, площадь, на которую въ данномъ году былъ вывезенъ навозъ, приходится измѣрять пудами возможнаго высѣва ржи и т. п.. Не говоря уже о томъ, что самый высѣвъ у крестьянъ, сплошь и рядомъ, производится безъ точной мѣры, а слѣдовательно количество высѣяннаго хлѣба показывается, сплошь и рядомъ, лишь грубо-приближенно,—переходъ отъ к о л и ч е с т в а высѣяннаго хлѣба къ засѣянной даннымъ хлѣбомъ, а тѣмъ болѣе совокупностью всѣхъ хлѣбовъ п л о щ а д и представляетъ, можно сказать, непреодолимыя техническія затрудненія, вытекающія изъ невозможности установить, сколько нибудь опредѣленнымъ образомъ, не только абсолютную густоту высѣва того или другого хлѣба ржи, овса и пр. на единицу площади, но даже и сравнительную густоту высѣва различныхъ хлѣбовъ. Трудности эти такъ велики, что, сплошь и рядомъ, заставляютъ отказываться отъ перевода посѣвовъ на площади и оперировать количествами высѣяннаго хлѣба.

вопросъ: «высѣвается мѣръ на надѣлѣ+ .....: ржи, пшеницы, льна, овса, гречи, гороха, проса»,—причемъ послѣ знака«+» нужно было обозначать ту (купчую, арендованную) землю, которую данное хозяйство засѣвало к р о мѣ надѣльной. Во Владимірскихъ въ той же формѣ ставился вопросъ о посѣвахъ ржи, льна, пшеницы, овса, гречихи, гороха, чечевицы, въ Полтавскихъ тоже спрашивали о посѣвѣ «на своей и съемной землѣ» вмѣстѣ, но не въ пудахъ, а въ десятинахъ ржи, озимой пшеницы, яровой пшеницы, ячменя, овса, гречихи, проса и т. д. Во всѣхъ этихъ и во многихъ другихъ случаяхъ посѣвы учитывались, какъ мы видимъ, въ общихъ цифрахъ, независимо отъ характера засѣянной земли—надѣльной, арендованной и пр. Въ Новгородской губерніи, сколько мнѣ извѣстно, посѣвы впервые были учтены отдѣльно для надѣльной, собственной и арендованной земли, причемъ поименованы рожь, овесъ, ячмень, гречиха, ленъ, картофель—типичный подборъ хлѣбовъ для сѣвернаго хозяйства, въ которомъ мы не находимъ ни проса, ни пшеницы, но находимъ за то ячмень и картофель. Что касается до ставшаго въ новѣйшее время обычнымъ расчлененія посѣвовъ по юридическимъ категоріямъ земли, то оно преслѣдуетъ, прежде всего, ч и с т о м е т о д о л о г и ч е с к і я цѣли большую конкретность въ постановкѣ вопроса объ арендѣ, облегчающую припоминание разрозненныхъ, можетъ быть, клочковъ посѣвовъ каждаго хлѣба, и перекрестный контроль показаній о купчей и арендованной землѣ; оно преслѣдуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣли, вытекающія и з ъ с а м о г о с у щ е с т в а изучаемыхъ явленій: дѣло въ томъ, что купчія и арендованныя земли весьма часто, уже по своимъ природнымъ свойствамъ, отличаются отъ надѣльныхъ,—арендуемыя владѣльческія земли, напримѣръ, какъ правило, лучше и свѣжѣе послѣднихъ. Различно и отношеніе хозяина къ тѣмъ и другимъ—на надѣльной землѣ хозяинъ въ той или другой мѣрѣ связанъ общинными порядками (см. гл. 2), на арендованной онъ, сплошь и рядомъ, ограниченъ условіями, которыя ему поставилъ землевладѣлецъ, на купчей онъ вполнѣ свободенъ; съ другой стороны, надѣльная и тѣмъ болѣе купчая земля крестьянина—это е г о земля, которую ему есть разсчетъ беречь; въ сбереженіи производительной силы арендованной земли, особенно при годичной арендѣ, онъ н е заинтересованъ, а наоборотъ его разсчетъ—какъ можно меньше на нее затратить и какъ можно больше получить, хотя бы въ ущербъ производительности земли. Подъ вліяніемъ всей этой довольно сложной совокупности обстоятельствъ, составъ посѣвовъ на купчей или на арендованной землѣ сплошь и рядомъ иной, чѣмъ на надѣльной, и статистическій учетъ этихъ особенностей представляетъ немалый интересъ. Въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ формуляровъ расчлененіе данныхъ о посѣвахъ проводится еще дальше; въ частности принимается въ разсчетъ не только различіе въ родѣ владѣнія или пользованія, но и чисто хозяйственныя условія. Въ Смоленскихъ формулярахъ, напримѣръ, посѣвы показываются отдѣльно для купчихъ земель въ общемъ и въ самостоятельномъ сѣвооборотѣ, для арендованныхъ—отдѣльно для снятыхъ въ своемъ обществѣ, въ чужихъ обществахъ и вънадѣльныхъ, и по каждой изъ этихъ трехъ категорій—отдѣльно для арендованныхъ на краткіе и долгіе сроки. Все это расчлененіе по ю р и д и ч е с к о м у признаку проведено въ горизонтальныхъ строкахъ; въ вертикальныхъ графахъ проведено расчлененіе по х о з я й с т в е н н о м у признаку: учитывается отдѣльно ржаное, яровое и паровое поле, оставлены свободныя графы для могущаго оказаться (гдѣ введено травопольное хозяйство) четвертаго поля. По первому даны графы для озимой ржи—притомъ отдѣльно по удобренію и безъ удобренія, и для яровой пшеницы; по яровому—графы для посѣвовъ «послѣ ржи и на пустакахъ» (заброшенныхъ полосахъ)—овса, ячменя, льна, гречихи, гороха, картофеля, и отдѣльно для посѣвовъ «льна по клеверищу»; для того и для другого, а также для четвертаго поля, для котораго, въ остальномъ, даются только графы безъ заголовковъ, имѣются особыя графы «пустуетъ мѣръ ржи»,—т. е.

пустуетъ земли, на которой м о г л о б ы б ы т ь в ы с ѣ я н о столько-то ржи. Тѣмъ-же способомъ дается мѣра парового поля, и особая графа—для посѣвовъ вики. Затѣмъ, четыре особыхъ графы имѣются для посѣвовъ клевера и тимофевки, двѣ графы—для могущихъ оказаться посѣвовъ внѣ полей (ленъ по облогамъ и т. п.). Въ результатѣ—полная картина полевого хозяйства, приноровленная къ условіямъ еще господствующаго трехполья и приходящаго ему на смѣну травопольнаго хозяйства и учитывающая такія характерныя для даннаго района явленія, какъ льноводство, съ одной стороны, пустованіе земли съ другой. Сходное въ принципѣ, но приноровленное къ иного рода мѣстнымъ условіямъ, расчлененіе данныхъ о посѣвахъ, даютъ Вологодскіе формуляры. По юридическому признаку различается четыре категоріи земли: душевая, т. е. надѣльная передѣляемая, внѣдушевая, т. е. надѣльныя же «расчистки», состоящія въ единоличномъ («захватномъ») владѣніи даннаго хозяина, арендованныя и купчія. По хозяйственному признаку посѣвы «въ трехпольномъ сѣвооборотѣ» проведены отдѣльно отъ посѣвовъ «внѣ сѣвооборота»; для первыхъ регистрируется особо каждое изъ трехъ полей—для озимаго даны графы ржи, пшеницы и ячменя, для ярового графы овса, ячменя, пшеницы, гороха, картофеля, льна,—по каждому изъ этихъ двухъ, а также по паровому полю оставлены свободныя графы для могущихъ оказаться другихъ видовъ культуръ. Посѣвы «внѣ сѣвооборота» расчленены по тѣмъ же видамъ культуръ (рожь, овесъ, ячмень, пшеница, горохъ, ленъ),—но для картофеля расчлененіе идетъ дальше: посѣвы картофеля даются отдѣльно «въ полѣ» и «на усадьбѣ». Особая рубрика формуляра отведена вопросу объ удобреніи—учитывается, однако, не унавоженная площадь, а количество вывезеннаго навоза (въ телѣгахъ), причемъ дается, съ одной стороны, количество накопленнаго, прикупленнаго и проданнаго навоза, съ другой—учитывается отдѣльно навозъ вывезенный на усадьбу, на душевую и на внѣдушевую землю и отдѣльно же—вывезенный подъ озимый и подъ яровой хлѣбъ. Опять—очень законченная картина полевого хозяйства, приноровленная къ условіямъ мѣстности, гдѣ наряду съ общинно-уразнительнымъ пользованіемъ сохранилось и единоличное владѣніе расчистками, рядомъ съ регулированнымъ трехпольемъ встрѣчаются разнообраныя разновидности свободнаго полеводства, не подчиненнаго обязательному сѣвообороту, рядомъ съ интенсивнымъ навознымъ хозяйствомъ сохранились еще остатки переложнаго и подсѣчнаго хозяйства. Еще детальнѣе разработаны, въ томъ же направленіи, Олонецкіе формуляры,—не входя уже въ подробности, достаточно отмѣтить, что здѣсь учитываются отдѣльно посѣвы «въ полѣ» (т. е. въ трехпольномъ оборотѣ), на подсѣкахъ и на перелогахъ, и всѣ посѣвы въ полѣ показываются отдѣльно по удобренію и безъ удобренія,—а съ другой стороны, наряду съ обычными зерновыми культурами учитываются такія растенія, какъ рѣпа, клеверъ, конопля. Къ совершенно иному земельно-хозяйственному строю приспособлены формуляры по такимъ губерніямъ, какъ напр. Харьковская или Полтавская. Расчлененіе по юридическому признаку проводится и здѣсь—въ Харьковскихъ формулярахъ по тремъ, но довольно своеобразнымъ категоріямъ: на надѣльной землѣ, считая вмѣстѣ собственную и арендованную въ надѣлѣ своей общины, на арендованной внѣ своего надѣла и на купленной «старозаимочной»—юридическая категорія, въ бытовомъ отношеніи близкая къ простому подворному владѣнію; въ Полтавскихъ (3-я перепись) выдѣлены только двѣ категоріи—«своя» земля, считая въ томъ числѣ какъ наслѣдственную надѣльную или казачью, такъ и купленную, и «съемная и арендованная». Расчлененія по «полямъ» или смѣнамъ мы въ этихъ формулярахъ не находимъ. Харьковскіе даютъ только длинный перечень видовъ культуръ, гдѣ наряду съ такими, такъ сказать, космополитическими хлѣбами, какъ рожь, пшеница озимая и яровая, овесъ, гречиха, а также съ льномъ и картофелемъ, мы находимъ такія характерныя для черноземнаго

полустепного хозяйства виды культуръ, какъ просо, бахчи, озимую пшеницу, сахарную свеклу, чечевицу, коноплю. Въ Полтавскихъ находимъ приблизительно такой же перечень характерныхъ для черноземнаго хозяйства растеній, съ прибавленіемъ еще кормовой свеклы и табака,—но въ добавокъ къ этому еще и рядъ вопросовъ, направленныхъ къ тому, чтобы уловить господствующій въ данной мѣстности типъ еще доживающаго по свой вѣкъ залежно-толочнаго хозяйства съ внѣдряющимися въ него зачатками паровой зерновой системы, съ одной стороны, травопольнаго хозяйства, съ другой; этой цѣли служатъ, прежде всего, графы, показывающія количество земли подъ толокой, переложнымъ покосомъ, пастовнемъ, т. е. разными видами использованія отдыхающихъ, при залежно-толочномъ хозяйствѣ, земель; затѣмъ—расчлененіе посѣвовъ ржи «на пару» и «на стернѣ» и отдѣльная графа для «ранняго пара», и наконецъ особыя графы для однолѣтнихъ и для многолѣтнихъ травъ. Любопытный образецъ приспособленія вопросовъ о посѣвахъ къ особенностямъ степного хозяйства представляетъ также формуляръ произведенной въ 1915 году подворной переписи Донской области; формуляръ этотъ содержитъ графы для озимой ржи и озимой пшеницы, для яровой пшеницы, ячменя, овса, проса, кукурузы, подсолнечника, бахчей, но также и для однолѣтнихъ и для многолѣтнихъ травъ, ни ленъ, ни конопля не учитываются отдѣльно, но за то ячмень показывается съ подраздѣленіемъ на кормовой и пивоваренный, пшеница—главный хлѣбъ мѣстнаго хозяйства—съ расчлененіемъ по двумъ главнымъ видамъ (гарновка и гирка) и для каждаго вида—по способу посѣва по цѣлинѣ, по залежи и по мягкой землѣ; затѣмъ, имѣются графы для учета незасѣянной пашни—какъ залежнаго покоса, какъ пара или просто какъ «неиспользованной» земли. Своеобразныя черты можно подмѣтить, въ Харьковскихъ и Полтавскихъ формулярахъ, и въ постановкѣ вопроса объ удобреніи: въ Харьковскихъ учитывается, въ возахъ, общее количество полученнаго навоза, изъ того числа издержано на топливо,—на удобреніе усадьбы, пашни, затѣмъ—площадь удобренной усадебной и пахатной земли; такимъ образомъ получается возможность учесть скопъ навоза отъ даннаго количества скота, затѣмъ—такое своеобразное для безлѣснаго юга явленіе, какъ расходъ его на топливо, наконецъ—не только отношеніе унавоженной ко всей посѣвной площади, но и густоту увала по разсчету на единицу площади. Въ Полтавскихъ отдѣльно учитывается вывозка навоза въ поле, на огородъ, на плантаціи, въ каждомъ случаѣ количество вывезеннаго навоза и занавоженная площадь; затѣмъ отдѣльно—количество проданнаго навоза и приготовленнаго навознаго кирпича,—опять-таки явленія, характерныя для мѣстности, гдѣ унаваживаніе еще только начинается распространяться и гдѣ навозъ, до недавняго времени, либо употреблялся на топливо, либо продавался въ помѣщичьи хозяйства, либо выбрасывался за околицу, независимо отъ навознаго. Полтавскіе формуляры учитываютъ и искусственное удобреніе,—именно, родъ его и размѣръ удобренной площади. Не умножая дальнѣйшихъ примѣровъ, упомяну еще о формулярахъ, примѣнявшихся мною еще въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, при изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства въ Сибири: господствовавшій здѣсь типъ хозяйства—«залежно-паровой», т. е. залежное хозяйство, при которомъ посѣвы, однако, въ опредѣленномъ порядкѣ чередуются съ паромъ; задачею изслѣдователя было уловить чрезвычайно разнообразныя разновидности этого «залежно-парового хозяйства», главное же—прослѣдить процессъ постепеннаго перехода его въ чисто-паровое хозяйство, а вмѣстѣ съ тѣмъ—не менѣе постепенное внѣдреніе навознаго удобренія. Въ соотвѣтствіи съ этими задачами, постепенно выработался такой типъ формуляра, въ которомъ для каждаго вида культуръ отдѣльно показывалась площадь посѣва по пару и безъ пара, затѣмъ особо учитывалось количество поднятой въ данномъ году залежи и особо—удобренная въ данномъ году площадь.

Послѣ сказаннаго о содержаніи формуляровъ, о разработкѣ даннаго вопроса въ сборникахъ земской статистики придется сказать уже немного, сборники, по большей части, дають не болѣе, какъ простой, такъ сказать, табличный пересказъ содержанія формуляровъ. Въ статистическихъ сборникахъ ранняго періода мы, сплошь и рядомъ, не находимъ совершенно никакихъ данныхъ о посѣвныхъ площадяхъ (первая Полтавская перепись, Самарскіе сборники, Острогожскій уѣздъ, Воронежск. губ. и др.), или находимъ лишь совершенно суммарныя данныя, совершенно не освѣщающія технической стороны вопроса о земледѣліи. Такъ, въ Борисоглѣбскомъ сборникѣ (Тамб. губ.) даются лишь «посѣвы на душу въ четверикахъ», съ подраздѣленіемъ только на «озимое» и «яровое»; цѣль этихъ цифръ—исключительно служить для вычисленія общаго количества получаемаго крестьянами количества хлѣба. Въ Курскихъ дается даже просто только «посѣвъ на десятину въ четверикахъ», притомъ только для ржи и для овса. Нѣсколько больше дается въ данномъ направленіи въ старыхъ Тверскихъ сборникахъ,—даются именно «посѣвы—всего въ четверикахъ», но только для ржи, овса, ячменя, льна. Болѣе новые сборники даютъ—какъ я сказалъ—болѣе или менѣе полный пересказъ содержанія формуляровъ. Такъ, въ Мышкинскомъ сборникѣ (Яросл. губ.) дается отдѣльно посѣвъ на надѣльной пашнѣ, надѣльной усадьбѣ, на купленной, на арендованной землѣ; учитываются посѣвы ржи, овса, ячменя, гречихи, льна, гороха, картофеля,—цифры пшеницы, хотя она, конечно встрѣчается и въ Ярославской губерніи, не дается, въ виду незначительности ея посѣвовъ; затѣмъ, дается количество клевера, съ подраздѣленіемъ на посѣвы прежнихъ лѣтъ и послѣдняго года. Въ Вяземскомъ сборникѣ (Смол. губ.) ни общей площади посѣвовъ, ни тѣмъ болѣе распредѣленія культуръ въ поселенныхъ таблицахъ не дается; за то въ комбинаціонныхъ таблицахъ данныя о посѣвахъ приводятся отдѣльно для надѣльныхъ, купчихъ и арендованныхъ и въ итогѣ для всѣхъ видовъ земель, и особо для озимаго и для ярового поля, причемъ дается количество ржи по удобренію и безъ удобренія, овса, ячменя, картофеля, гороха, гречи, конопли, пшеницы; затѣмъ, рядъ графъ посвящены болѣе детальному учету травосѣянія и льноводства: количество льна дается отдѣльно «по ржи, по клеверу по облогамъ», клеверъ дается отдѣльно «по первому, по второму, и по третьему году», кромѣ того дается еще вика; затѣмъ—площадь пара и пустующей земли въ каждомъ полѣ. Сходнымъ образомъ, но съ еще большею детальностью, разработаны данныя о посѣвахъ въ комбинаціонныхъ таблицахъ по Грязовецкому уѣзду (Вологодской губерніи); въ поселенныхъ таблицахъ дается уже вычисленное процентное распредѣленіе посѣвной площади по немногимъ главнымъ видамъ культуръ (рожь, овесъ, пшеница, горохъ, ленъ, картофель), безъ расчлененія по полямъ, и по категоріямъ владѣнія и пользованія. Въ позднѣйшихъ сборникахъ по Вологодской губерніи, напримѣръ Тотемскомъ, дается площадь тѣхъ же хлѣбовъ и также безъ расчлененія, но въ абсолютныхъ цифрахъ,—сверхъ того дается еще площадь посѣвныхъ травъ. Приблизительно съ такою же степенью подробности разработанъ вопросъ о распредѣленіи культуръ, напримѣръ, въ сборникахъ 2-ой Таврической переписи,—но подборъ хлѣбовъ конечно другой: на первомъ мѣстѣ пшеница, отдѣльно озимая и яровая, затѣмъ рожь, овесъ, ячмень, баштаны. Максимальною подробностью характеризуются, напротивъ, сборники 3-ей Полтавской переписи,—цифры посѣвовъ даются здѣсь отдѣльно по каждой изъ категорій владѣнія и отдѣльно по всѣмъ тѣмъ рубрикамъ, которая проведены въ переписномъ формулярѣ. Съ большою подробностью разработанъ вопросъ объ удобреніи. Для навознаго удобренія дается общее число всѣхъ хозяйствъ, его примѣняющихъ, и число хозяйствъ, давшихъ болѣе или менѣе полныя показанія; затѣмъ, для учета удобренія полевой земли дается число хозяйствъ, показавшихъ и количество вывезеннаго навоза, и занавоженную площадь, съ соотвѣтственными цифрами возовъ и де-

сятинъ; число хозяйствъ, показавшихъ только число вывезенныхъ возовъ, и количество вывезеннаго ими навоза; затѣмъ—число дворовъ, удобрявшихъ огороды и плантаціи (вмѣстѣ), количество вывезенныхъ возовъ и занавоженная площадь, наконецъ общее количество вывезеннаго навоза. Для искусственныхъ удобреній дается число примѣнявшихъ таковыя хозяйствъ и удобренная площадь, отдѣльно для фосфорныхъ, калійныхъ, азотистыхъ, известковыхъ удобреній. Однако, и въ болѣе новыхъ, даже въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ сборниковъ сколько-нибудь подробная и даже какая бы то ни было разработка данныхъ о посѣвахъ отнюдь не является обязательною. Не даютъ такой разработки, напримѣръ, Владимірскіе сборники, изъ еще болѣе новыхъ—Екатеринославскіе. Не касается этого вопроса и одна изъ новѣйшихъ переписей—по Симбирской губерніи.

Какъ само собою ясно, собранныя и разработанныя по приведеннымъ, въ видѣ примѣровъ, и подобнымъ схемамъ данныя о посѣвныхъ площадяхъ и распредѣленіи ихъ по культурамъ могутъ быть использованы въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны, для освѣщенія крестьянскаго земледѣлія съ производственной точки зрѣнія, какъ основной или во всякомъ случаѣ одной изъ основныхъ отраслей хозяйства, изучаемой какъ въ типичныхъ для даннаго времени и мѣста, господствующихъ среди массы населенія формахъ, такъ и въ тѣхъ тенденціяхъ эволюціи земледѣльческой техники, которыя находятъ себѣ выраженіе въ тѣхъ или другихъ прогрессивныхъ или наоборотъ—регрессивныхъ признакахъ. Съ другой—тѣ же данныя о посѣвныхъ площадяхъ, за сдѣланными въ предыдущемъ изложеніи оговорками, могутъ быть использованы какъ одна изъ наиболѣе чувствительныхъ—въ условіяхъ каждой данной мѣстности—мѣрокъ для оцѣнки степени крестьянскаго благосостоянія, поскольку таковое выражается на землѣ и земледѣліи. Для этой цѣли служатъ, прежде всего и главнымъ образомъ, абсолютныя и выводимыя изъ нихъ средняя на хозяйственную единицу—дворъ, ѣдока, или работника, цифры общей площади посѣвовъ; нѣкоторымъ дополненіемъ къ нимъ могутъ служить—въ разсматриваемомъ направленіи—данныя о расчлененіи посѣвной площади по категоріямъ владѣнія и пользованія, а также и о распредѣленіи ея по культурамъ, потому что болѣе или менѣе высокая степень благосостоянія находитъ себѣ выраженіе и въ роли, какую играетъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ надѣльная, купленная и арендованная земля, и—какъ мы частью видѣли выше — въ распредѣленіи посѣвной площади по культурамъ. Однимъ изъ наиболѣе чувствительныхъ мѣрилъ или признаковъ для характеристики соціально-экономической группировки крестьянства, иначе сказать, расчлененія его по степени благосостоянія, является затѣмъ группировка по посѣвной площади, которая является, поэтому, обязательною составною частью каждаго болѣе или менѣе новаго статистическаго сборника Въ первой части этой главы мнѣ пришлось привести, попутно, рядъ характерныхъ примѣровъ проведенныхъ для разныхъ мѣстностей группировокъ по посѣвной площади. Для полноты изложенія приведу еще нѣсколько примѣровъ (нѣкоторые вторично), которые напомнятъ читателю, что, съ одной стороны, характеръ проводимыхъ въ сборникахъ группировокъ сообразуется и, конечно, долженъ сообразоваться со степенью земледѣльческаго простора, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и со степенью распространенности мелкихъ или, напротивъ, крупныхъ, въ большей или меньшей мѣрѣ капиталистическихъ, хозяйствъ,—но что, съ другой, принципъ этотъ отнюдь не всегда проводится съ надлежащею послѣдовательностью, и посѣвная группировки (какъ и другія) далеко не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительному складу мѣстнаго крестьянскаго хозяйства. Въ качествѣ характерной для земледѣльческаго сѣвера, съ его ничтожными посѣвами, приведу группировку по Тотемскому уѣзду (Волог. губ.): безъ посѣва, съ посѣвомъ до 1,—2,—3,—4,—6 и болѣе 6-ти десятинъ; въ послѣднюю группу попало, въ итогѣ по уѣзду, 3919 дворовъ

или около 15% общаго числа домохозяйствъ въ уѣздѣ, откуда ясно, что эта группа требовала бы нѣкотораго дальнѣйшаго расчлененія. Обратное можно, пожалуй, сказать о группировкѣ по Мышкинскому уѣзду смежной съ Вологодскою, Ярославской губерніи: безпосѣвные, до 1,—3,—6,—9,—12, болѣе 12 десятинъ,—въ эту послѣднюю группу попало, въ итогѣ по уѣзду, всего 52 двора,—едва ли такое ничтожное число дворовъ съ болѣе значительными посѣвами стоило выдѣлять въ самостоятельную группу. Въ качествѣ характерныхъ для черноземной полосы можно привести, напримѣръ, группировку 3-ей Полтавской переписи: безъ посѣва, съ посѣвомъ до 1,—2,—3,—6,—9,—15,—25,—50, болѣе 50 десятинъ,—эту группировку можно признать вполнѣ цѣлесообразною, особенно если принять въ соображеніе, что данная перепись охватила *не одни только крестьянскія*, но всѣ вообще хозяйства: низшія группы достаточно детальны для того, чтобы уловить расчлененіе подавляющей малопосѣвной массы мѣстнаго крестьянства, верхнія разсчитаны какъ на верхніе слои послѣдняго, такъ и на хозяйства не-крестьянскаго типа. Въ качествѣ примѣровъ группировокъ по черноземной степной полосѣ, съ ея широкимъ земледѣльческимъ просторомъ и развитымъ крестьянско-капиталистическимъ земледѣліемъ, приведу группировку по Таврической губерніи—безпосѣвные, съ посѣвомъ до $1^1/_2$,—$2^1/_2$,—5,—$7^1/_2$,—15,—20,—40,—80, болѣе 80 десятинъ,—и еще болѣе удлиненную группировку по Старобѣльскому уѣзду, Харьковской губерніи: безпосѣвные, съ посѣвомъ до $^1/_2$ дес.,—1,—2,—3,—5,—$7^1/_2$,—10,—15,—25,—40,—60,—100, болѣе 100 десятинъ. Чрезвычайно дробное расчлененіе низшихъ группъ въ этой послѣдней группировкѣ находитъ для себя достаточное оправданіе въ наличности 328 дворовъ съ посѣвомъ менѣе полудесятины и 374 дворовъ съ посѣвомъ отъ полудесятины до одной десятины. Но высшія группы совершенно не нужны—въ итогѣ по уѣзду не оказалось ни одного двора съ посѣвомъ свыше 100 и всего 8 дворовъ съ посѣвомъ отъ 60 до 100 десятинъ ...

Результаты земледѣльческаго хозяйства находятъ себѣ выраженіе—поскольку рѣчь идетъ о его *техникѣ* [1])—*въ получаемыхъ урожаяхъ*; урожай—это, такъ сказать, безъапелляціонный судья и критикъ всего строя и всей техники хозяйства. Нѣсколько ниже мнѣ придется войти въ нѣкоторыя подробности относительно техники опредѣленія урожая. Но уже сейчасъ мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о способахъ выраженія урожая. Обычный въ культурномъ хозяйствѣ и, конечно, наиболѣе раціональный способъ выраженія урожая—количество (притомъ предпочтительно—выраженное *не въ объемныхъ*, а *въ вѣсовыхъ* мѣрахъ) продукта, получаемое по разсчету на единицу площади,—въ нашихъ условіяхъ на десятину: значитъ, то, что обычно называютъ урожаемъ съ десятины. У насъ, въ Россіи, наряду съ этимъ способомъ приходится примѣнять и другой способъ выраженія урожая—такъ называемый «урожай самъ»,—самъ-3, самъ-5, самъ-8, т.-е. число объемныхъ или вѣсовыхъ единицъ (пудовъ, мѣръ, четвертей и пр.), полученныхъ по разсчету на одну такую-же единицу высѣва. Примѣненіе этого способа является неизбѣжнымъ вездѣ, гдѣ крестьяне не знаютъ мѣръ

---

[1]) *Экономическіе* результаты хозяйства опредѣляются, наряду съ урожаемъ, еще и цѣнами получаемаго продукта.

площади засѣваемой земли,—къ нему иногда приходится прибѣгать, для удобства статистическаго опроса, даже и тамъ, гдѣ крестьяне знаютъ земельныя мѣры. Но конечно этотъ способъ выраженія урожая далеко менѣе цѣлесообразенъ, нежели выраженіе урожая въ подесятинныхъ цифрахъ. Для хозяина важно, конечно, то количество продукта, какое онъ получаетъ съ данной земельной площади, за вычетомъ израсходованнаго на сѣмена. Подесятинный урожай непосредственно даетъ это количество,—тогда какъ урожай «самъ» отнюдь не даетъ о немъ отчетливаго представленія—значеніе данной цифры урожая «самъ» всецѣло зависитъ отъ густоты посѣва. Пусть двѣ площади, въ десятину каждая, дали: одна 60, другая 40 пудовъ, и пусть густота высѣва для первой была 10, для другой 5 пудовъ, откуда сборъ, за вычетомъ сѣмянъ, выразится для одной 50, для другой 35 пудами. Между тѣмъ урожай «самъ» для первой опредѣлится въ 60:10, т.-е. самъ-6, для второй въ 40:5, т.-е. въ самъ-8,—очевидно, что эти цифры дадутъ совершенно неправильное представленіе о результатѣ посѣва на той и на другой площади.

Обратимся теперь къ существу вопроса и остановимся, прежде всего, на общихъ цифрахъ урожайности въ нашемъ отечествѣ, сравнительно съ другими, наиболѣе интересными, съ той или другой точки зрѣнія, европейскими и частью внѣевропейскими странами. Вотъ эти цифры, въ среднемъ за пятилѣтіе 1908—12 гг., притомъ только для трехъ, наиболѣе важныхъ въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, хлѣбовъ: ржи, пшеницы яровой и овса:

	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.
	Пудовъ съ десятины.		
Россія	44	50	52
Сѣв.-Амер. С. Штаты	65	67	77
Сербія	62	50	40
Австрія	91	92	81
Германія	139	119	119
Франція	88	70	86
Бельгія	162	145	156
Англія	148	—	118
Швеція	143	103	96

Такимъ образомъ, сравниться съ Россіею, по низкому уровню урожайности, до извѣстной степени можетъ только Сербія,—даже въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, съ ихъ хотя и вооруженнымъ машинами, но по существу первобытнымъ, хищническимъ хозяйствомъ,—и то получаются, приблизительно, въ полтора раза большіе урожаи, чѣмъ у насъ. Затѣмъ, даже въ такихъ изъ западно- и среднеевропейскихъ странъ, которыя по урожайности остаются позади дру-

тихъ,—и то урожайности приблизительно вдвое выше, въ такихъ странахъ, какъ Германія, Бельгія, Англія, даже какъ Швеція, съ ея бѣдною природой и суровымъ климатомъ, въ два съ половиной, даже въ три раза выше чѣмъ въ Россіи.

Перейдемъ теперь къ территоріальному распредѣленія урожаевъ внутри нашего отечества и въ частности—въ предѣлахъ европейской Россіи. Вотъ порайонныя цифры средняго урожая тѣхъ же трехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ, выведенныя по даннымъ за десятилѣтіе 1901—10 гг.:

	Рожь		Яров. пшеница		Овесъ	
	крест	влад	крест	влад	крест.	влад
Центрально-черн	52	67	49	58	49	64
Средн.-волжск.	52	62	39	45	43	51
Нижне-волжск.	34	41	32	38	33	39
Новороссійск.	45	57	40	51	49	59
Юго-западн.	70	79	51	60	65	77
Малороссійск.	55	69	53	60	54	66
Всего по черноземн полосѣ	51	63	43	51	50	60
Промышленн.	45	57	43	49	50	59
Бѣлорусск.	42	52	42	42	46	53
Литовскій	46	55	42	47	43	49
Прибзерный	47	56	43	49	49	56
Прибалтійск.	68	77	58	60	54	64
Приуральск	53	57	52	57	55	58
Сѣверный	48	53	48	54	52	57
Итого по нечерноз. полосѣ	50	58	47	52	50	57
Царство Польское	59	65	60	64	53	60
Сѣверн. Кавказъ	55	59	50	56	61	64

Останавливая наше вниманіе, прежде всего, на общихъ цифрахъ, характеризующихъ, въ цѣломъ, черноземную и нечерноземную полосу, мы видимъ, что средняя урожайность той и другой почти совершенно одинакова; ничтожный избытокъ, получившійся для черноземной полосы по отношенію къ урожайности ржи и овса, уравновѣшиваетея нѣсколько большею урожайностью пшеницы въ нечерноземной полосѣ. Такимъ образомъ, издавна и широко практикуемое въ нечерноземной полосѣ навозное удобреніе какъ бы уравновѣшиваетъ избытокъ естественной производительности почвы въ черноземной полосѣ. Мало того, вліяніе удобренія въ нечерноземной полосѣ еще не такъ давно перевѣшивало вліяніе естественной производительности чернозема, и урожаи въ первой были замѣтно выше, нежели во второй: по подсчетамъ проф. Фортунатова, средняя урожайность въ той и другой полосѣ, принимая средній урожай по 50-ти губерніямъ коренной Россіи за 100, выражалась въ такихъ цифрахъ:

Въ полосахъ	по даннымъ центр. статист. комитета за 1883—90 гг.		по даннымъ департамента земледѣлія за 1861—90 гг.	
	крест	влад	крест	влад.
черноземн.	96	94	95	93
нечерноземн.	105	107	105	107

Сопоставленіе этого, въ несомнѣнностью установленнаго, факта недавняго превышенія урожаевъ въ нечерноземной полосѣ надъ урожайностью черноземной съ не менѣе несомнѣннымъ фактомъ приблизительнаго равенства урожаевъ въ той и другой полосѣ въ настоящее время позволяетъ намъ предвосхитить выводъ, къ которому намъ придется прійти, нѣсколько ниже, непосредственно изъ данныхъ о движеніи урожайности,—выводъ, на который намъ уже приходилось ссылаться на предыдущихъ страницахъ: именно, что урожайность въ черноземной полосѣ расла, въ послѣднія десятилѣтія, быстрѣе нежели въ нечерноземной.

Перейдемъ теперь къ порайоннымъ цифрамъ, и остановимся, сначала, на нечерноземной полосѣ съ непосредственно прилегающимъ къ ней царствомъ Польскимъ. Изъ всѣхъ районовъ этой полосы рѣзко выдѣляется по высокой урожайности, и въ частности—по высокой урожайности пшеницы, Прибалтійскій районъ,—урожайность пшеницы здѣсь, приблизительно, въ полтора раза выше, нежели въ остальныхъ районахъ нечерноземной полосы; непосредственно за нимъ слѣдуетъ Польскій районъ, уступающій прибалтійскому только въ урожайности пшеницы и стоящій даже нѣсколько впереди его по урожайности ржи; какъ и слѣдовало ожидать, высшіе урожаи даютъ тѣ самые два района, которые стоятъ далеко впереди всей остальной Россіи по техническому уровню сельскохозяйственной культуры. Изъ числа остальныхъ районовъ нечерноземной полосы нѣсколько выдѣляется вверхъ только пріуральскій, на сѣверѣ котораго высокая урожайность достигается цѣной исключительно-интенсивнаго унаваживанія, на югѣ же объясняется, надо думать, сравнительною свѣжестью заходящихъ въ границы этого района черноземныхъ почвъ. Въ остальныхъ районахъ нечерноземной полосы различій въ урожайности не замѣчается,—средній урожай пшеницы во всѣхъ выражается въ почти тождественныхъ цифрахъ, а небольшія различія въ урожайности ржи въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ уравновѣшиваются различіями въ урожайности овса. Гораздо рѣзче порайонныя различія въ предѣлахъ черноземной полосы. И здѣсь высокою урожайностью выдѣляется изъ ряда остальныхъ тотъ самый районъ, который идетъ впереди другихъ по части прогресса сельско-хозяйственной техники,—именно юго-западный: средняя урожайность главныхъ хлѣбовъ здѣсь на 30—40% выше, нежели въ большинствѣ остальныхъ районовъ. Исключительно низкою урожайностью характеризуются, напротивъ, тѣ

самые два степныхъ района, которые принято считать «житницами» Россіи, и въ которыхъ въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранилось первобытное переложное хозяйство: новороссійскій и особенно нижне-волжскій,—въ первомъ изъ нихъ урожайность главныхъ хлѣбовъ, правда, лишь немногимъ ниже средней урожайности по черноземной полосѣ [1]), но во второмъ она ниже, приблизительно, на одну треть, немногимъ превышая у крестьянъ такую жалкую норму, какъ 30 пудовъ, и только у владѣльцевъ достигая тоже достаточно мизерной цифры 40 пудовъ съ десятины; при одинаково отсталомъ характерѣ земледѣльческаго хозяйства, исключительно низкая урожайность нижне-волжскаго, иначе юго-восточнаго, района объясняется, очевидно, менѣе благопріятными почвенными и особенно климатическими условіями юго-восточныхъ степей по сравненію съ южными и юго-западными. Нѣсколько неожиданною является сравнительно высокая урожайность третьяго района съ наиболѣе сохранившимся первобытнымъ залежнымъ хозяйствомъ—сѣвернаго Кавказа; объясненіе, надо думать, въ сравнительно недавнемъ его заселеніи и вытекающей отсюда сравнительной свѣжести почвы,—обстоятельствахъ, при наличности которыхъ кризисъ переложнаго хозяйства въ данномъ районѣ далеко не въ такой еще мѣрѣ назрѣлъ, какъ въ двухъ остальныхъ районахъ. Затѣмъ, остальные три района, занимающіе, въ совокупности, среднюю и сѣверную часть черноземной полосы, по урожайности ржи, главнаго здѣсь хлѣба, очень близки другъ къ другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ средней для всей черноземной полосы; по урожайности яровыхъ хлѣбовъ, пшеницы и особенно овса, рѣзко выдѣляется въ неблагопріятную сторону средне волжскій районъ, въ благопріятную сторону по урожайности, въ особенности, пшеницы, выдѣляется, напротивъ, малороссійскій; различія эти нужно отнести, съ одной стороны, на счетъ менѣе благопріятныхъ на востокѣ и болѣе благопріятныхъ на западѣ почвенныхъ и климатическихъ условій, съ другой, надо думать, и за счетъ болѣе отсталаго въ Поволжьѣ и болѣе прогрессивнаго характера хозяйства въ Малороссіи, представляющей, въ данномъ отношеніи, немало общихъ чертъ съ прилегающимъ къ ней съ запада юго-западнымъ райономъ.

Читатель замѣтилъ, конечно, что въ табличкѣ порайонныхъ урожаевъ приведены рядомъ цифры урожайности на крестьянскихъ и на владѣльческихъ земляхъ; замѣтилъ, надо думать, и то, что урожайность крестьянскихъ земель во всѣхъ безъ исключенія районахъ и для всѣхъ безъ исключенія хлѣбовъ замѣтно ниже, нежели владѣльческихъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ и по отношенію къ разнымъ хлѣбамъ это различіе въ урожайности выражается съ очень различною степенью рѣзкости,—въ среднемъ какъ для черноземной и нечерноземной полосъ,

---

[1]) Здѣсь, впрочемъ, средняя по району цифры нѣсколько повышены благодаря включенію рѣзко отличающейся всѣхъ остальныхъ губерній района Бессарабской губерніи.

разсматриваемыхъ какъ цѣлое, такъ и въ большинствѣ отдѣльныхъ районовъ, разница въ урожайности крестьянскихъ и владѣльческихъ земель выражается, приблизительно, 15—20 процентами. Фактъ этотъ носитъ нѣсколько парадоксальный характеръ. Въ другихъ странахъ разница между крупнымъ, капиталистическимъ, и мелкимъ, крестьянскимъ хозяйствомъ обнаруживается въ обратномъ направленіи: мелкое хозяйство, основанное на собственномъ трудѣ и стремящееся, прежде всего, къ наиболѣе полному его использованію, какъ правило интенсивнѣе, нежели крупное, задачею котораго является полученіе барыша, а въ соотвѣтствіи съ этимъ даетъ и болѣе высокіе урожаи. Почему урожайность крестьянскихъ земель въ Россіи ниже, чѣмъ владѣльческихъ,—вопросъ далеко не выясненный и въ значительной мѣрѣ спорный: сторонники владѣльческаго и вообще крупнаго хозяйства объясняютъ получаемые въ немъ болѣе высокіе урожаи болѣе высокимъ его техническимъ уровнемъ,—сторонники крестьянскаго хозяйства отрицаютъ наличность такого превосходства и объясняютъ болѣе высокіе владѣльческіе урожаи лучшимъ качествомъ владѣльческихъ земель и болѣе выгоднымъ составомъ угодій, закабаленностью крестьянъ, лишающею ихъ, сплошь и рядомъ, возможности своевременно выполнять полевыя работы, и т. п., Я воздержусь отъ какого либо рѣшительнаго сужденія по данному вопросу,—думаю однако, что доля истины есть и въ томъ, и въ другомъ взглядѣ, но что во всякомъ случаѣ разрѣшеніе вопроса очень затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что урожаи «на владѣльческихъ *земляхъ*» отнюдь не синонимъ урожаевъ *во владѣльческомъ хозяйствѣ*. Какъ мы частью видѣли въ главѣ 3-ей, частью увидимъ въ въ слѣдующей, 6-ой главѣ, лишь болѣе или менѣе незначительная часть владѣльческихъ земель эксплоатируется самими владѣльцами, за ихъ счетъ и ихъ инвентаремъ; десятки милліоновъ десятинъ снимаются крестьянами, въ очень значительной долѣ—въ видѣ годичной аренды; обширныя площади владѣльческихъ земель, числящихся «владѣльческою запашкой», цѣликомъ или въ той либо другой части обрабатываются крестьянами въ видѣ отработковъ, или вообще—крестьянскимъ инвентаремъ. Вся эта преобладающая масса владѣльческихъ земель фактически входитъ въ сферу *не владѣльческаго*, а *крестьянскаго* хозяйства; о какихъ либо техническихъ преимуществахъ владѣльческаго хозяйства по отношенію *къ этой массѣ* вовсе не приходится говорить, или можно говорить (по отношенію къ землямъ, обрабатываемымъ крестьянскимъ инвентаремъ) лишь въ очень ограниченной степени; и если бы высчитать отдѣльно среднюю урожайность, въ частности, для земель, состоящихъ въ арендѣ у крестьянъ, то не получилось бы, надо думать, никакого или почти никакого превышенія надъ крестьянскими землями; наоборотъ—по нѣкоторымъ даннымъ, крестьяне собираютъ съ краткосрочно арендуемыхъ земель даже меньше, чѣмъ съ надѣльныхъ. И наоборотъ: если бы была возможности

вычислить средніе урожаи для имѣній и частей имѣній, гдѣ ведется, въ самомъ дѣлѣ, владѣльческое («экономическое») хозяйство, то разница получилась бы, конечно, не въ 15—20%, а гораздо больше, и эту разницу, уже несомнѣнно, пришлось бы отнести если не цѣликомъ, то въ значительной долѣ, насчетъ техническаго превосходства экономическаго хозяйства.

Въ предыдущихъ главахъ многократно приходилось затрагивать вопросъ объ урожаяхъ и выяснять зависимость ихъ отъ разнообразнѣйшихъ моментовъ,—напримѣръ отъ почвенныхъ условій, пропорціи угодій, количества скота, отъ удобренія, орудій обработки и т. п.—я отнюдь не исчерпалъ и не имѣю возможности исчерпать тѣхъ безчисленныхъ мѣстныхъ и групповыхъ различій, которыя подмѣчены статистикою въ данномъ направленіи. Различія эти, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ обусловливающихъ факторовъ, представляютъ, можно сказать, неисчерпаемый запасъ темъ для статистическаго анализа, многочисленные образчики котораго можно найти въ сильно использованной мною въ предъидущихъ главахъ монографіи А. Ф. Фортунатова «Урожаи ржи», а затѣмъ, въ безчисленныхъ работахъ земскихъ статистиковъ, естественно, посвящавшихъ данному вопросу чрезвычайно много труда и вниманія. Повторяю—я не имѣю никакой возможности входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе факторовъ, вліяющихъ на урожаи, въ частности въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Упомяну еще лишь о двухъ—одномъ, такъ сказать, субъективномъ, другомъ—объективномъ.

Факторъ субъективнаго характера—это степень состоятельности крестьянъ. Разсуждая апріорно слѣдовало бы ожидать, что болѣе состоятельные крестьяне будутъ получать болѣе высокіе урожаи, чѣмъ менѣе состоятельные: состоятельность даетъ возможность лучше вести хозяйство, а лучшее хозяйство должно давать лучшіе урожаи. Въ дѣйствительности это апріорное предположеніе оправдывается далеко не въ полной мѣрѣ. Если, въ частности, обратиться къ имѣющимся, для нѣкоторыхъ губерній, вычисленіямъ урожайности по посѣвнымъ группамъ, то для ряда мѣстностей нечерноземной полосы обнаружится скорѣе обратная зависимость между состоятельностью и урожаями, нежели прямая. Фактъ такой обратной зависимости былъ впервые подмѣченъ, если я не ошибаюсь, А. В. Пѣшехоновымъ въ Козельскомъ уѣздѣ, Калужской губ. Онъ подтверждается—по крайней мѣрѣ по отношенію къ ржи—рядомъ позднѣйшихъ подсчетовъ. Такъ, по подсчету, сдѣланному въ Московской губерніи въ 1910 г., средній урожай («самъ сколько») ржи въ группахъ съ посѣвомъ ржи до 5 мѣръ, 5—10, 10—15, 15—25 и свыше 25 мѣръ выразился слѣдующими цифрами: 4,8—4,5—4,2—3,7. Такую же обратную зависимость обнаруживаютъ урожайныя данныя по Тверской губерніи (1908 г.),—однако въ значительно меньшей мѣрѣ и притомъ для одной только ржи; урожайность яровыхъ хлѣбовъ здѣсь измѣняется, напротивъ, въ прямомъ отношеніи къ величинѣ посѣвовъ:

Посѣвъ въ мѣрахъ.	Ржи.	Урожай „самъ сколько“ Овса.	Ячменя.	Картоф.	Льнян. сѣмени.
до 5	3,2	2,3	2,9	2,2	1,5
5—10	3,0	2,3	3,1	2,5	1,7
10—15	3,2	2,3	3,2	2,6	1,7
15—20	3,1	2,4	3,2	2,8	1,8
20—25	3,1	2,4	3,2	2,8	1,9
бол. 25	2,8	2,4	3,3	3,0	2,0

Такую разницу въ пользу малопосѣвныхъ хозяйствъ, проявляющуюся въ урожаяхъ ржи, московскіе и тверскіе статистики объясняютъ разницею въ обезпеченности скотомъ, а слѣдовательно въ унаваживаніи: «ростъ количества скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ отстаетъ отъ роста его посѣвной площади, читаемъ мы въ одномъ изъ «Ежегодниковъ» по Тверской губерніи,—поэтому въ болѣе крупныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ на единицу озимой посѣвной площади скота приходится меньше, чѣмъ въ хозяйствахъ болѣе мелкихъ: среднее, по разсчету на 100 пудовъ посѣва ржи, количество головъ скота (въ переводѣ и крупный) въ возрастающемъ порядкѣ посѣвныхъ группъ выражается въ такихъ, рѣзко-падающихъ цифрахъ: 63—39—34—31—28—23; а въ соотвѣтствіи съ этимъ, съ переходомъ къ высшимъ посѣвнымъ группамъ, рѣзко падаетъ и интенсивность унаваживанія: средній на одну мѣру высѣва ржи увалъ навоза, опять таки, въ возрастающемъ порядкѣ посѣвныхъ группъ, по сдѣланнымъ московскими статистиками подсчетамъ выражается такими цифрами: 8,2—6,2—5,2—4,8—3,9 возовъ. Такое объясненіе понижающейся съ ростомъ посѣвовъ урожайности кажется вполнѣ правдоподобнымъ для условій мѣстностей со всеобщимъ распространеніемъ удобренія,—оно свободно мириться и съ фактомъ не обратной, а прямой зависимости между посѣвною площадью и урожаемъ яровыхъ хлѣбовъ: урожай послѣднихъ гораздо менѣе зависитъ отъ степени унавоженности, нежели урожай сѣющагося непосредственно по свѣжему навозу озимаго хлѣба. Оно находитъ себѣ косвенное подтвержденіе и въ томъ фактѣ, что подсчетъ урожаевъ не по посѣвнымъ, а по скотнымъ группамъ, сдѣланный по Петроградской губерніи, напр. за 1913 годъ, обнаружилъ не только для яровыхъ хлѣбовъ, но, хотя и съ меньшею отчетливостью, и для ржи, не обратную, а прямую зависимость:

Группы хозяйствъ.	Ржи.	Овса.	Ячменя.
	Урожай „самъ“.		
съ 1 гол. скота	$4_{,1}$	$3_{,4}$	$4_{,3}$
„ 2 „ „	$4_{,8}$	$3_{,4}$	$4_{,4}$
„ 3 „ „	$5_{,0}$	$3_{,6}$	$4_{,4}$
„ 4 „ „	$4_{,5}$	$3_{,6}$	$4_{,8}$
съ 5 и болѣе гол.	$5_{,2}$	$4_{,2}$	$5_{,0}$
съ 10 и болѣе „	$5_{,0}$	$4_{,6}$	$5_{,1}$

Урожайность яровыхъ, по мѣрѣ перехода отъ бѣднѣйшей, малоскотной, къ наиболѣе состоятельной, многоскотной группѣ, растетъ съ совершенною правильностью. Цифры урожайности ржи обнаруживаютъ нѣсколько неправильныя колебанія,—въ общемъ, однако, урожайность ржи у многоскотныхъ крестьянъ всетаки оказывается замѣтно большею, нежели у средне-обезпеченныхъ скотомъ, у этихъ послѣднихъ—значительно большею, нежели у бѣднѣйшихъ, имѣющихъ всего одну голову скота

Въ черноземной полосѣ удобреніе или не примѣняется вовсе, или во всякомъ случаѣ не играетъ рѣшающей роли. Тѣмъ не менѣе и здѣсь подсчетъ урожаевъ по посѣвнымъ группамъ приводитъ къ довольно разнорѣчивымъ результатамъ, и вопросъ о зависимости урожаевъ отъ величины запашекъ требуетъ дальнѣйшаго выясненія. По Пензенской, напр., губерніи, подсчитанныя по посѣвнымъ группамъ цифры урожаевъ за 1910, 1911 и 1913 г. (я не привожу ихъ именно въ виду ихъ малой выразительности) «не даютъ рѣзкой разницы; тѣмъ не менѣе, можно высказать слѣдущее: 1-ая группа, съ ничтожною посѣвною площадью, даетъ урожайность выше всѣхъ,—очевидно здѣсь земля обрабатывается болѣе тщательно, чѣмъ въ крупныхъ хозяйствахъ; начиная съ 2-ой группы и кончая 3 и 4-ою, наблюдается какъ бы обратная зависимость—съ увеличеніемъ площади уменьшается сборъ; далѣе урожайность опять повышается, и 6-ая группа даетъ высокій сборъ». Для Харьковской губерніи, за 1907 г., имѣемъ такія цифры:

Группы съ посѣвомъ.	Средній урожай съ десятины:			
	ржи	пшеницы	ячменя	овса
до 3 дес.	51	33,5	44	67
3—7 „	50	33,6	42	59
бол. 7 „	41	26,5	32	44

Здѣсь, значитъ, опять обнаруживается рѣзкая обратная зависимость между посѣвною площадью и урожаемъ. Правда, зависимость эта проявляется только въ губернскихъ итогахъ, и совершенно не улавливается въ цифрахъ, подсчитанныхъ отдѣльно по четыремъ районамъ губерніи: при такомъ порайонномъ подсчетѣ получились для каждаго изъ четырехъ районовъ, въ томъ-же возрастающемъ порядкѣ посѣвныхъ группъ, такія цифры: для ржи 63—56,5—55,7; 50—54—59; 49—54—49; 17—25,6—26,6; для пшеницы 62—57—56; 29—32—30; 33,5—30—33,6; 15—19—22,5. При такихъ условіяхъ статистическая теорія не позволяетъ придавать особаго значенія выводу, получившемуся изъ погубернскихъ цифръ,—но все же проявившаяся въ этихъ цифрахъ правильность свидѣтельствуетъ о существованіи нѣкоторой неблагопріятной для болѣе крупныхъ хозяйствъ тенденціи. Напротивъ, въ Полтавской губерніи обнаружилась совершенно опредѣленная прямая зависимость между посѣвной площадью и урожаемъ:

Группы съ посѣвомъ.	Средній урожай съ десятины: ржи	пшеницы озим.	пшеницы яров.	ячменя	овса	гречихи
до 3 дес.	69	66	54	53	43	58
3—6 „	66	73	55	52	42	61
6—9 „	66	73	53	54	42	64
9—15 „	66	70	56	56	44	63
15—25 „	67	73	59	58	46	64
25—50 „	71	73	63	64	49	70

Въ конечномъ счетѣ—повторяю—вопросъ о зависимости крестьянскихъ урожаевъ отъ величины посѣвовъ, а тѣмъ болѣе—болѣе широкій вопросъ о зависимости урожаевъ отъ степени благосостоянія крестьянъ, приходится признать далеко еще не выясненнымъ и требующимъ дальнѣйшаго тщательнаго изслѣдованія.

Въ качествѣ фактора объективнаго порядка, вліяющаго на урожаи, отмѣчу еще только густоту посѣва. По подсчету А. Ф. Фортунатова, средній урожай въ пяти группахъ уѣздовъ, по сту уѣздовъ въ каждой, расположенныхъ въ убывающемъ порядкѣ средней густоты посѣва, выразился въ такихъ, тоже правильно убывающихъ цифрахъ: 6,9—6,0—6,0—5,6—4,5 четвертей съ десятины. Въ порайонныхъ среднихъ такого рода зависимость наблюдается не вездѣ: она проходитъ совершенно послѣдовательно по всѣмъ районамъ нечерноземной полосы и по районамъ степного юга и юго-востока; значитъ, во всей области господства навознаго удобренія, съ одной стороны, и въ той или другой мѣрѣ сохранившагося первобытнаго переложнаго хозяйства, съ другой, оправдывается воплощающая «народную сельско-хозяйственную мудрость» поговорка: «сѣй густо, не будетъ пусто»; въ районахъ черноземной нестепной полосы, съ преобладающимъ трехпольемъ безъ навоза, высшая урожайность достигается при средней густотѣ посѣва.

Чрезвычайно важное значеніе имѣетъ, затѣмъ, вопросъ о колеблемости урожаевъ. Само собою ясно, что для хозяина важна не только возможно высокая средняя цифра урожая, могущая быть выведенною за тотъ или другой рядъ лѣтъ, но и степень устойчивости урожаевъ: чѣмъ урожаи устойчивѣе, тѣмъ болѣе возможенъ правильный хозяйственный разсчетъ и тѣмъ меньше рискъ, которому подвергается хозяинъ,—чѣмъ сильнѣе урожаи колеблются, тѣмъ веденіе хозяйства рискованнѣе; и это тѣмъ болѣе, что выгоды, какія хозяинъ могъ бы извлечь изъ исключительно высокихъ урожаевъ, въ значительной мѣрѣ парализуются обычно сопровождающимъ послѣдніе паденіемъ цѣнъ. Тѣмъ гибельнѣе рѣзкія колебанія урожаевъ для мелкаго крестьянскаго хозяйства, которое не располагаетъ запасными средствами и для котораго,

поэтому, первый же, а тѣмъ болѣе повторный, рѣзко-пониженный урожай, сплошь и рядомъ, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ если не полное разореніе, то сокращеніе размѣровъ хозяйства. Какъ правило можно сказать, что рѣзкая колеблемость урожаевъ—спутникъ первобытнаго хищническаго хозяйства, устойчивость ихъ тѣмъ больше, чѣмъ дальше хозяйство ушло впередъ по пути техническаго прогресса,—чѣмъ болѣе оно изъ расхищающаго сдѣлалось развивающимъ производительныя силы земли. Естественно, при такихъ условіяхъ, что колеблемость урожаевъ въ Россіи значительно сильнѣе, нежели въ западно-европейскихъ странахъ. По подсчетамъ П. Лохтина, нисшій, въ среднемъ выводѣ для всей страны, урожай пшеницы, принятый за 100, относится къ высшему: въ Англіи какъ 100:131, въ Германіи какъ 100:137, во Франціи какъ 100:168, даже—довольно неожиданно—въ Сѣв.-Амер. Сосд. Штатахъ какъ 100:153; въ типичной странѣ первобытно-хищническаго хозяйства, Аргентинѣ, отношеніе нисшаго урожая къ высшему равно 100:288,—въ Россіи разница еще рѣзче: для яровой пшеницы отношеніе нисшаго урожая къ высшему равно 100:336, для озимой даже 100:365. Колеблемость урожаевъ другихъ хлѣбовъ гораздо меньше. Тѣмъ не менѣе, даже и въ среднемъ выводѣ для всѣхъ вообще хлѣбовъ отношеніе нисшаго урожая къ высшему въ Россіи для владѣльцевъ 100:153, для крестьянъ 100:228. Въ то время, значитъ, какъ англійское хозяйство при самомъ плохомъ урожаѣ получаетъ всего на четвертую часть меньшій урожай пшеницы, чѣмъ при самомъ лучшемъ, русское при плохомъ урожаѣ получаетъ, съ единицы площади, приблизительно, въ $3^1/_2$ раза меньше; если сравнивать наше владѣльческое хозяйство или точнѣе—владѣльческія земли съ крестьянскими, то первыя, въ среднемъ выводѣ для всѣхъ хлѣбовъ, дають, при плохомъ урожаѣ, всетаки двѣ трети, крестьянскія—меньше половины того, что онѣ дають при лучшемъ урожаѣ; разница въ урожайности между владѣльческими и крестьянскими землями, въ хорошіе года падающая значительно ниже 15—20 процентовъ, въ неурожайные годы поднимается до 30 и даже до $45^0/_0$. И это все—вѣдь въ общихъ выводахъ по всей странѣ, гдѣ колебанія урожаевъ представляются значительно сглаженными. Для отдѣльныхъ губерній, тѣмъ болѣе для уѣздовъ и волостей, и подавно для единичныхъ хозяйствъ, колеблемость урожаевъ выразится, конечно, въ еще гораздо болѣе рѣзкихъ и гибельныхъ, въ особенности для крестьянскаго хозяйства, формахъ. Конечно, зависимость колеблемости урожаевъ отъ уровня земледѣльческой культуры, но попутно—и отъ естественныхъ, главнымъ образомъ отъ климатическихъ условій, должна выразиться и при сравненіи между собой различныхъ мѣстностей нашей страны. Если взглянуть на соотвѣтственную картограмму въ атласѣ «Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи», то мы увидимъ, что область съ наибольшимъ среднимъ годичнымъ отклоненіемъ крестьянскихъ урожаевъ ржи отъ средней (вычисленнымъ

по формулѣ $\frac{\delta_1+\delta_2+\delta_3\ldots}{n}:N$ гдѣ δ_1, δ_2,... суть взятыя безъ различія знака отклоненія годичныхъ урожаевъ отъ средняго, n—число лѣтъ, а N средній урожай за весь данный періодъ), именно свыше 28%, обнимаетъ весь степной югъ и юго-востокъ, начиная отъ Бессарабской и кончая Оренбургскою губерніей; немногимъ меньше, именно отъ 24 до 27%, выраженная тѣмъ же способомъ колеблемость урожаевъ въ рядѣ прилегающихъ съ сѣвера къ той же полосѣ средневолжскихъ и центрально-черноземныхъ губерній — Уфимской, Казанской, Воронежской, Тамбовской; изъ губерній нечерноземной полосы такую же сильную колеблемость крестьянскихъ урожаевъ ржи обнаруживаетъ одна Калужская. Наименьшею колеблемостью, изъ губерній черноземной полосы, именно въ большинствѣ, отъ 10 до 15%, характеризуются малороссійскія и особенно юго-западныя. Въ нечерноземной полосѣ 10—15%—почти высшій предѣлъ колеблемости, что въ значительной мѣрѣ объясняется, конечно, менѣе рѣзко выраженною континентальностью климата и въ частности—меньшею частотою и интенсивностью засухъ. Наивысшую степень устойчивости обнаруживаетъ, въ частности, Вологодская губернія, къ числу губерній съ наименьшею колеблемостью (10—12%) принадлежатъ затѣмъ всѣ прибалтійскія и нѣкоторыя изъ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній. Не менѣе отчетливо вліяніе какъ географическихъ условій, такъ и уровня культуры, обнаруживается въ порайонныхъ среднихъ: для черноземной полосы онѣ колеблются—если взять однѣ крестьянскія земли—между 17 и 28%, для нечерноземной между 7 и 14%; наибольшую измѣнчивость обнаруживаютъ нижне-волжскій (28), средневолжскій (24) и новороссійскій (21%) районы, наименьшую измѣнчивость въ черноземной полосѣ юго-западный и малороссійскій районы (17%), въ нечерноземной—сѣверный (7%), за нимъ прибалтійскій, польскій и литовскій (9—10%). Наибольшею устойчивостью урожаевъ и въ черноземной, и въ нечерноземной полосѣ, характеризуются, такимъ образомъ, области съ наиболѣе совершенною техникою сельскаго хозяйства. Но онѣ же, какъ мы видѣли, являются областями съ наиболѣе высокою среднею урожайностью. Территоріальное изученіе обнаруживаетъ, такимъ образомъ, прямую зависимость между устойчивостью и урожайностью, иными словами—обратную зависимость между измѣнчивостью и среднимъ размѣромъ урожаевъ. Эта зависимость можетъ быть установлена и болѣе непосредственнымъ путемъ. Въ уже цитировавшейся въ предшествовавшихъ главахъ работѣ Л. І. Грасса данныя объ урожаяхъ разработаны отдѣльно по группамъ имѣній со среднимъ урожаемъ ниже 4-хъ,—5,—6,—7,—8,—9,—10,—11, болѣе 11 четвертей съ десятины; средній урожай для каждой изъ этихъ группъ выразился цифрами 3,4—4,5—5,5—6,5—7,5—8,4—9,5—10,4—12,25 четв., средняя измѣнчивость, вычисленная по той же формулѣ $\frac{+\delta^2\ldots}{n}.N$ опре-

дѣлилась въ 39—35—33—33—28—25—23—25—22—22,6%.

Приведу еще нѣсколько цифръ, заимствованныхъ у того же Л. І. Грасса, для характеристики различій въ измѣнчивости урожаевъ въ разныхъ географическихъ областяхъ европейской Россіи,—вычисленныя совершенно другимъ пріемомъ, онѣ приводятъ, конечно, къ тѣмъ же выводамъ, что и приведенныя выше. Грассъ вычисляетъ, именно, процентъ урожаевъ: хорошихъ, среднихъ, ниже средняго, въ томъ числѣ отдѣльно ниже двухъ третей средняго. Получаются такія процентныя цифры:

Полосы:	хорошіе	средніе	ниже средняго	ниже ⅔ средняго
черноземн.	38	28	24	12
нечерноземн.	22	56	22	3

—процентъ среднихъ урожаевъ въ нечерноземной полосѣ вдвое выше, чѣмъ въ черноземной, процентъ очень плохихъ урожаевъ вчетверо, но также и процентъ хорошихъ почти вдвое меньше. Изъ отдѣльныхъ районовъ въ наихудшія условія и при этомъ способѣ вычисленія оказывается поставленнымъ южный степной—среднихъ урожаевъ всего 18%, ниже средняго 40, ниже двухъ третей средняго 19%, въ немногимъ лучшія—нижневолжскій съ заволжскимъ: соотвѣтственныя цифры 25, 35 и 15%.

Очень интересенъ, затѣмъ, вопросъ о томъ, какъ измѣняются урожаи во времени,—вѣдь измѣненія урожаевъ даютъ, въ конечномъ счетѣ, самую объективную и точную мѣру измѣненій, совершающихся въ организаціи и техникѣ сельскаго хозяйства. И такъ какъ эти измѣненія идутъ въ направленіи совершенствованія, то естественно ожидать, что и урожаи будутъ повышаться. Такъ это и есть. Возьмемъ для примѣра двѣ западно-европейскихъ страны—Германію и Францію. Если вычислить для первой изъ названныхъ странъ средній урожай за 1880—95, 1896—900 и 1901—905 гг. и припомнить приведенныя выше цифры за 1908—12 гг., то получатся слѣдующіе ряды среднихъ цифръ урожайности: для ржи—7,9—10,5—11,3—13,2 четв.; для пшеницы 9,5—11,7—12,8—13,9, для овса 13,5—17,5—19,1—19,8 четв.. Во Франціи урожаи въ 1840, 1862, 1882, 1892 гг. выразились съ слѣдующихъ цифрахъ: для ржи 10,8—12,9—16,4—14,9 гектолитровъ съ гектара, для пшеницы 12,4—14,7—18,0—16,4, для овса 16,3—24,4—25,1—22,8 гектолитровъ съ гектара; урожай пшеницы въ десятилѣтнихъ среднихъ, начиная съ 1861—70 по 1890—900 г., и за четырехлѣтіе 1901—4 гг. былъ 14,3—14,6—15,7—16,2—17,4 гектолитра съ гектара. Подобный же, гдѣ нѣсколько болѣе сильный, гдѣ нѣсколько болѣе слабый ростъ урожайности наблюдается и въ остальныхъ западно-европейскихъ странахъ. Россія до недавняго времени казалась и признавалась исключеніемъ изъ общаго правила. Вотъ среднія по десятилѣтіямъ, начиная съ 1801—9 и кончая 1880—89 гг. урожаи ржи, какъ они вычислены А. Ф. Фортунатовымъ: 8,1—6,9—6,7—6,4—6,6—6,4—6,7—7,5—7,4

четверти съ десятины; въ среднихъ для трехъ послѣдовательныхъ тридцатилѣтій это даетъ 7,24—6,5—7,2 четверти. Если отбросить первое десятилѣтіе, то урожаи все время остаются болѣе или менѣе неподвижными, и только послѣднія два десятилѣтія обнаруживаютъ нѣкоторый ростъ. Не болѣе утѣшительными казались данныя и за послѣдующее время: подсчеты, выполненные В. Э. Деномъ для пятилѣтій 1881—5, 1886—90, 1891—5, 1895—900 гг. а затѣмъ мною для пятилѣтій 1901—05 и 1906—10 гг. и отдѣльно для 1911 и 1912 гг., дали слѣдующіе результаты:

	Рожь		Овесъ		Яр. пшеница	
	крест.	влад.	крест.	влад.	крест	влад.
1881—5	47	56	43	51	42	47
1886—90	41	47	40	46	42	47
1891—95	45	52	43	53	47	52
1896—900	52	61	46	54	47	55
1901—05	53	63	49	58	45	51
1906—10	47	58	51	58	44	51
1911	48	57	50	60	45	50
1912	61	72	56	65	49	55

Какъ В. Э. Денъ, такъ и я, приходили, на основаніи этихъ цифръ, къ тому выводу, что урожаи у насъ, въ Россіи, остаются болѣе или менѣе стаціонарными; что если и можетъ быть рѣчь о нѣкоторомъ ростѣ урожаевъ ржи и особенно овса, то урожаи пшеницы, въ частности въ крестьянскомъ хозяйствѣ, уже несомнѣнно стоятъ на одномъ неподвижномъ уровнѣ.

Однако, новѣйшіе подсчеты заставляютъ отказаться отъ этого вывода. Къ счастію, оказывается, и Россія не составляетъ исключенія изъ общаго правила роста урожайности. Вотъ средніе по десятилѣтіямъ цифры сбора всѣхъ хлѣбовъ въ 50-ти губерніяхъ европейской Россіи, которыя я заимствую изъ текста изъ того же атласа департамента земледѣлія:

	Крестьянскія земли			Владѣльческія.		
Періоды:	пудовъ	въ %%	увеличеніе въ %	пудовъ	въ %%	увеличеніе въ %
1861—70	29	100	—	33	100	—
1871—80	31	107	7	37	112	12
1881—90	34	117	10	42	127	15
1891—900	39	134	17	47	142	15
1901—10	43	148	14	54	164	22

Послѣдовательный ростъ урожайности въ теченіе послѣднихъ полувѣка не можетъ, такимъ образомъ, подлежать сомнѣнію; средній урожай послѣдняго десятилѣтія для крестьянскихъ земель почти на половину,

для владѣльческихъ—даже почти на двѣ трети выше, нежели въ первое десятилѣтіе. Такимъ образомъ, урожайность владѣльческихъ земель растетъ замѣтно быстрѣе, нежели крестьянскихъ, и разница въ урожайности между тѣми и другими съ теченіемъ времени не только не сглаживается, но напротивъ—становится болѣе рѣзкой: въ первомъ десятилѣтіи урожайность владѣльческихъ земель превышала крестьянскую всего на 14, въ послѣднемъ—уже на 26%, и, значитъ, крестьянское хозяйство до сихъ поръ, даже и до самаго послѣдняго времени, въ значительно меньшей мѣрѣ воспользовалось благами сельско-хозяйственнаго прогресса, нежели владѣльческое. Но что съ другой стороны отрадно констатировать,—это то, что ростъ урожайности какъ на владѣльческихъ, такъ и на крестьянскихъ земляхъ идетъ ускоряющимся темпомъ: въ третьемъ десятилѣтіи онъ выразился большими процентами, нежели во второмъ, въ четвертомъ и пятомъ—значительно большими, нежели въ два предшествующихъ десятилѣтія. Не менѣе показательна приведенная въ томъ же изданіи группировка губерній по высотѣ среднихъ урожаевъ ржи и овса за два послѣдовательныхъ періода: 1881—94 и 1895—912 гг.. Вотъ эта группировка для урожаевъ ржи:

Группа губерній со средн. урожайностью.	Число губерній въ каждой группѣ по урожаю на земляхъ			
	владѣльческихъ		крестьянскихъ	
	1881—94	1895—912	1881—94	1895—912
ниже 40 пуд.	3	2	13	4
40—44 „	8	2	17	11
45—49 „	10	2	13	10
50—54 „	14	9	6	11
55—59 „	7	9	5	12
60—64 „	4	9	1	6
65 и бол. „	9	27	—	6

Мы видимъ, такимъ образомъ, рѣзкое перемѣщеніе обѣихъ группировокъ—какъ для владѣльческихъ земель, такъ и для крестьянскихъ, вверхъ: въ первомъ періодѣ средняя урожайность владѣльческихъ земель въ 11 губерніяхъ стояла ниже 45 пудовъ, во второмъ только въ четырехъ; число губерній съ урожайностью въ 60 и болѣе пудовъ увеличилось, напротивъ, съ 13 до 36, въ частности, число губерній съ урожайностью свыше 64 пудовъ—съ 9 до 27-ми. Тоже самое и для крестьянскихъ земель: въ періодѣ 1881—95 гг. цѣлыхъ 13 губерній дали среднюю урожайность ниже 40 пудовъ, въ 1895—1912 гг. уже только 4, а общее число губерній съ урожайностью ниже 45 пудовъ уменьшилось съ 30 до 15-ти; напротивъ, число губерній съ урожайностью вверхъ отъ 50 пудовъ, въ первомъ періодѣ не превышавшее 12, во второмъ достигаетъ уже 35-ти; только одна губернія, въ первомъ

періодѣ, дала урожайность болѣе 60 пудовъ—во второмъ такихъ губерній было уже 12, и изъ нихъ въ 6-ти урожайность крестьянскихъ земель превысила 65 пудовъ. Нижеслѣдующая табличка даетъ представленіе о томъ, какъ измѣнялась урожайность на крестьянскихъ земляхъ, въ послѣдовательныя десятилѣтія истекшаго полувѣка, по отдѣльнымъ районамъ:

Районы:	Средній урожай всѣхъ хлѣбовъ въ періодъ				
	1861—70	1871—80	1881—90	1891—900	1901—910
А. Черноз. полосы:					
Нижневолжск.	24	24	28	30	30
Средневолжск.	31	33	35	39	39
Новороссійск.	20	21	28	34	39
Центральн.	34	37	39	41	45
Малороссійск.	25	28	32	39	46
Юго-западн.	31	36	41	48	64
Б. Нечерноз. полосы:					
Московск. пром.	33	33	39	43	42
Приозерный	31	35	39	42	45
Прибалтійскій	52	51	51	56	58
Литовскій	26	30	31	38	41
Бѣлорусскій	28	31	34	39	40
Сѣверный	34	36	42	45	46
Приуральскій	30	33	34	46	46

Если вычислить, въ процентахъ, приростъ урожайности отъ перваго къ пятому десятилѣтію, получатся, въ томъ-же порядкѣ районовъ, татакія цифры: для черноземной полосы 20, 26, 95, 32, 84, 106, для нечерноземной 27, 45, 12, 58, 43, 35, 53. Прибѣгая къ чрезвычайно грубому пріему, именно вычисляя, просто, среднія изъ этихъ цифръ для черноземной и для нечерноземной полосы, получаемъ для первой общій приростъ урожайности въ 60,5, для второй—только въ 39%. Значитъ, урожайность въ черноземной полосѣ, взятой какъ цѣлое, растетъ, въ самомъ дѣлѣ, значительно быстрѣе, нежели въ нечерноземной. Это—поскольку рѣчь идетъ о той и другой полосѣ, какъ цѣломъ. Всматриваясь въ порайонныя цифры, мы замѣчаемъ, прежде всего, чрезвычайно рѣзкое различіе между тремя районами, обнимающими, вмѣстѣ, восточную половину черноземной полосы, и тремя ея западными районами: въ восточной половинѣ общій приростъ урожайности за полстолѣтія очень невеликъ, и, что особенно печально, послѣднее десятилѣтіе не обнаруживаетъ никакого или почти никакого прогресса по сравненію съ предпослѣднимъ; въ западной общій приростъ выражается въ чрезвычайно высокихъ цифрахъ, и послѣднее десятилѣтіе во всѣхъ трехъ районахъ даетъ замѣтный, въ юго-западномъ районѣ даже очень сильный приростъ по сравненію съ предпослѣднимъ. Ничего похо-

жаго на такой сильный ростъ урожайности мы не находимъ ни въ одномъ районѣ нечерноземной полосы; сравнительно замѣтный общій приростъ урожайности (отъ 43 до 58%) даетъ, все-таки, сплошная полоса, обнимающая приозерный, бѣлорусскій и литовскій районы, а также приуральскій районъ,—промышленный центръ и особенно прибалтійскій край обнаруживаютъ совершенно незначительный приростъ; и что особенно любопытно—послѣднее десятилѣтіе ни въ одномъ изъ районовъ нечерноземной полосы не обнаруживаетъ никакого или почти никакого прогресса по сравненію съ предпослѣднимъ. Ясно, что только западъ черноземной полосы является областью быстраго и не прерывающагося прогресса земледѣлія вообще и въ частности—крестьянскаго. Восточная половина черноземной полосы исчерпала всѣ возможности первобытнаго переложнаго или зернового безнавознаго хозяйства и не находитъ, пока, пути, которымъ она могла бы прійти къ необходимому повышенію производительности своихъ полей. Населеніе нечерноземной полосы уже издавна ввело у себя навозное удобреніе, которое, до недавняго времени, давало ему преимущество передъ земледѣліемъ черноземной полосы. Но и нечерноземная полоса уже исчерпала возможности навознаго трехполья, а всѣ тѣ прогрессивныя явленія, о которыхъ говорилось въ предшествующей части этой главы, не сложились еще во что-либо настолько цѣльное, не привели еще къ такому рѣшительному преобразованію основъ крестьянскаго хозяйства, которое было бы способно открыть послѣднему пути къ необходимому повышенію производительности земли.

Къ аналогичнымъ, болѣе благопріятнымъ для черноземной, чѣмъ для нечерноземной полосы, выводамъ приводитъ и разсмотрѣніе помѣщенныхъ въ томъ же атласѣ картограммъ измѣнчивости урожаевъ въ два послѣдовательныхъ періода: 1882—1900 и 1895—12 гг. Мы видѣли, что урожаи въ нечерноземной полосѣ несравненно устойчивѣе, чѣмъ въ черноземной. Но такою устойчивостью они отличаются издавна, и новѣйшее время не внесло въ данномъ отношеніи замѣтныхъ перемѣнъ: на картограммѣ позднѣйшаго періода значительное большинство губерній закрашено приблизительно тѣми же блѣдными тонами, что и на картограммѣ болѣе ранняго періода; и если нѣсколько губерній крайняго сѣверо-запада — Петроградская, Олонецкая, Архангельская, а также Вятская, показываютъ нѣкоторое повышеніе устойчивости урожаевъ, то, напротивъ, нѣкоторыя изъ промышленныхъ губерній, какъ Московская или Калужская, обнаруживаютъ даже повышенную измѣнчивость. Что касается до черноземной полосы, то по всему степному югу и юго-востоку, за исключеніемъ Таврической губерніи, ничего не измѣнилось къ лучшему,—сплошная полоса, отъ Бессарабіи до Оренбургской губерніи включительно, по прежнему обнаруживаетъ наивысшую колеблемость урожаевъ—не менѣе 24-хъ, въ значительномъ большинствѣ губерній не менѣе 28%. Напротивъ, во всемъ юго-западномъ и въ малороссій-

скомъ районѣ, въ Таврической губерніи, а также въ нѣсколькихъ центральныхъ, именно Воронежской, Курской, Тульской, Пензенской, Рязанской, измѣнчивость урожаевъ болѣе или менѣе замѣтно понизилась,—на картограммѣ 1895—12 гг. всѣ онѣ закрашены болѣе блѣдными тонами, нежели на картограммѣ 1882—1900 гг.: и уже то обстоятельство, что губерніи съ повысившеюся устойчивостью урожаевъ обнимаютъ болѣе или менѣе сплошную полосу, протянувшуюся отъ австрійской границы до впаденія Камы въ Волгу, убѣждаетъ въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ случайнымъ, а съ закономѣрнымъ явленіемъ,—съ однимъ изъ симптомовъ все того-же улучшенія положенія земледѣлія въ черноземной полосѣ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о техникѣ изслѣдованія урожаевъ,—именно только нѣсколько словъ, ничтожную долю того, что можно было бы сказать по этому вопросу и что нужно знать тому, что ближе заинтересовался бы урожаями и ихъ статистикой, которая является едва ли не труднѣйшею изъ отраслей статистической методики. Наиболѣе точное представленіе какъ о средней урожайности, такъ и объ ея колебаніяхъ, можно было бы, конечно, получить путемъ разработки подлинныхъ хозяйственныхъ записей урожаевъ за достаточно продолжительное время. Но въ условіяхъ русскаго, особенно крестьянскаго хозяйства, гдѣ регулярныя хозяйственныя записи встрѣчаются въ видѣ единичныхъ исключеній, этого рода матеріалъ былъ бы и количественно недостаточнымъ, и главное—онъ неизбѣжно далъ бы рѣзкій односторонній отборъ, а слѣдовательно—и не характерныя для массы цифры: урожайныя записи могутъ оказаться, въ подавляющемъ большинствѣ, лишь у исключительно интеллигентныхъ, вообще выдающихся хозяевъ, а у нихъ и урожаи будутъ, конечно, значительно выше обычной нормы. Приходится, поэтому, основывать статистику урожаевъ болѣе или менѣе исключительно на показаніяхъ хозяевъ. Между тѣмъ въ этой области показанія являются особенно ненадежнымъ источникомъ и открываютъ просторъ для особенно сильныхъ, вольныхъ и невольныхъ, уклоненій отъ дѣйствительности: въ показаніяхъ объ урожаяхъ, въ особенности въ обстановкѣ крестьянскаго хозяйства, слишкомъ сильную роль играетъ субъективный моментъ; съ исключительною силой выступаютъ въ этой области мотивы, могущіе побуждать заинтересованныхъ лицъ преуменьшать дѣйствительность, вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь особенно легко и просто облечь невѣрное показаніе въ болѣе или менѣе правдоподобную форму, а примѣненіе обычныхъ пріемовъ уловленія и исправленія невѣрныхъ показаній встрѣчается здѣсь съ большими, чѣмъ гдѣ бы то ни было, затрудненіями. Обычно свѣдѣнія объ урожаяхъ собираются такъ называемымъ корреспондентскимъ способомъ, въ той или другой его разновидности. На корреспондентскихъ сообщеніяхъ цѣликомъ основывается наша офиціальная статистика урожаевъ. Центральный статистическій комитетъ пользуется для этого услугами волостныхъ правленій: каждое

волостное правленіе получаетъ по 12 бланковъ, изъ которыхъ шесть оно должно передать для заполненія во владѣльческія хозяйства, шесть—заполнить данными объ урожаѣ въ шести конкретныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ разной состоятельности. Сельско-хозяйственное вѣдомство (прежде департаментъ земледѣлія, теперь отдѣлъ сел. экономіи и с.-х. статистики) пользуется услугами добровольныхъ корреспондентовъ, навербованныхъ изъ среды землевладѣльцевъ, сельской интеллигенціи, частью крестьянъ и т. п., причемъ спрашиваетъ корреспондентовъ о видахъ на урожай и объ урожаѣ, какъ въ ихъ собственномъ, такъ и въ окрестныхъ хозяйствахъ. Корреспонденты, конечно, также даютъ нѣкоторый отборъ вверхъ, тогда какъ чрезъ волостныя правленія получаются, можетъ быть, намѣренно преуменьшенныя показанія,—въ результатѣ центральный стат. комитетъ всегда даетъ нѣсколько низшія цифры урожаевъ, чѣмъ сельско-хозяйственное вѣдомство. На корреспондентскихъ же сообщеніяхъ, главнымъ образомъ, основана и текущая земская статистика урожаевъ и видовъ на урожай; при этомъ стремятся къ полученію конкретныхъ данныхъ, спрашивая корреспондента объ урожаѣ въ его хозяйствѣ, иногда предлагая ему, сверхъ того, дать свѣдѣнія объ урожаѣ въ нѣсколькихъ другихъ, но тоже конкретныхъ, хорошо извѣстныхъ корреспонденту хозяйствахъ; иногда для увеличенія массы показаній разсылаютъ опросные бланки еще и старостамъ, по нѣсколько бланокъ каждому, для заполненія, также, конкретными показаніями. Однако, конкретность показаній достигается далеко не всегда,—сплошь и рядомъ вмѣсто конкретныхъ даются обобщенныя показанія. Вообще корреспондентскія сообщенія сплошь и рядомъ бываютъ неудовлетворительны по содержанію, органическимъ же недостаткомъ обычнаго типа корреспондентской организаціи является крайне неравномѣрное распредѣленіе показаній по территоріи страны, губерніи, уѣзда и т. д.. Земская статистика всячески стремится къ устраненію этихъ недостатковъ—къ созданію правильныхъ «сѣтей» корреспондентовъ, а также такихъ мѣстныхъ органовъ (уѣздные статистики и т. п.), которые могли бы руководить корреспондентами и контролировать ихъ показанія; стремится, вмѣстѣ съ тѣмъ, связать получаемыя данныя объ урожаяхъ съ тѣми факторами, отъ которыхъ зависитъ урожай,—съ этой цѣлью въ опросные бланки вводятся признаки, позволяющіе судить о степени состоятельности хозяйства, дающаго показаніе, затѣмъ вопросы о почвѣ, объ удобреніи и т. п. Разработанныя за достаточно длинный рядъ лѣтъ, данныя текущей урожайной статистики даютъ, очевидно, понятіе о средней урожайности и о ея колебаніяхъ,—даютъ съ тою степенью точности, какая присуща даннымъ самой текущей статистики. Урожайность является, однако, также и однимъ изъ вопросовъ, изучаемыхъ при основныхъ изслѣдованіяхъ крестьянскаго хозяйства. Вопросы, относящіеся къ урожайности, являются, прежде всего, болѣе или менѣе необходимою составною частью пообщинныхъ или поселенныхъ бланк-

ковъ,—въ такомъ случаѣ они изучаются въ общемъ видѣ для даннаго селенія или общины, въ возможной связи съ почвой, климатическими условіями, техникой земледѣлія и въ частности унаваживанія и т. п. Для полученія болѣе конкретныхъ данныхъ пользуются, въ послѣднее время обычно, особыми «урожайными бланками», которые заполняются данными, относящимися къ нѣкоторому числу конкретныхъ хозяйствъ, выбираемыхъ, по возможности, изъ различныхъ по степени состоятельности группъ населенія; иногда вопросы объ урожайности включаются—конечно, въ гораздо болѣе суммарномъ видѣ—въ подворную карточку и заполняются либо сплошь, либо выборочно, для той или иной доли переписываемыхъ домохозяйствъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ отличіе отъ текущей статистики, приходится путемъ однократнаго опроса получать данныя для общей характеристики урожайности. Требовать отъ опрашиваемыхъ, будутъ ли это отдѣльные хозяева или «общество», опредѣленныхъ показаній за достаточно длинный рядъ лѣтъ назадъ—значитъ предъявлять слишкомъ большія требованія къ человѣческой памяти. Поэтому, обычно прибѣгаютъ къ пріемамъ, если можно такъ выразиться, суррогатнаго характера: выясняютъ, въ цифрахъ, урожай за послѣдній годъ или за послѣдніе два-три года и оцѣнку его самимъ населеніемъ какъ хорошаго, средняго и т. п.; или выясняютъ такъ называемую «субъективную среднюю»,—т.-е. ту величину урожая, которую опрашиваемый или опрашиваемые признаютъ за среднюю, обычную,—пріемъ весьма распространенный, но всегда связанный съ опасностью, что представленіе объ «обычномъ» урожаѣ будетъ окрашено хорошими или, наоборотъ, плохими урожаями послѣднихъ лѣтъ; иногда комбинируютъ первый пріемъ съ вторымъ—спрашиваютъ о конкретномъ урожаѣ за послѣдній годъ или два, а рядомъ съ этимъ—объ «обычномъ» урожаѣ; иногда спрашиваютъ не только о «среднемъ» или обычномъ, но кромѣ того—и объ обычно-хорошемъ и обычно-плохомъ урожаѣ, а затѣмъ стараются установить, за возможно длинный рядъ лѣтъ назадъ, исторію урожаевъ, т.-е. чередованіе урожаевъ хорошихъ, среднихъ, плохихъ, весьма плохихъ и т. п.—этотъ пріемъ примѣнялся, между прочимъ, мною при работахъ по изслѣдованію крестьянскаго хозяйства въ западной Сибири и далъ хорошіе результаты.

Немалое значеніе имѣетъ, затѣмъ, и самый, такъ сказать, техническій пріемъ опроса объ урожаяхъ,—въ особенности при изслѣдованіи урожаевъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ: практика показываетъ, что лучше спрашивать не прямо объ урожаѣ съ десятины или объ урожаѣ «самъ», а о нажинѣ и затѣмъ объ умолотѣ. Умолотъ опредѣляется съ овина обычной въ данной мѣстности мѣры, съ «суслона» или копны, съ сотни сноповъ, въ зависимости отъ принятаго въ данной мѣстности счета; что касается до нажина, то дѣло сравнительно просто, если крестьяне знаютъ мѣру своихъ полей—тогда спрашиваютъ о нажинѣ съ

десятины мѣстной мѣры, съ третника, осьминника, переѣзда и пр. Если—какъ въ большей части великорусской трехпольной области—крестьяне не знаютъ мѣры площадей, приходится опредѣлять нажинъ по разсчету на пудъ высѣва, а для этого спрашивать: сколько пудовъ высѣялъ, сколько сноповъ нажалъ, сколько пудовъ намолотилъ всего, или намолачивалъ съ овина, и т. п.; отсюда нетрудно вычислить урожай «самъ», для вычисленія же площадей, съ которыхъ полученъ данный урожай, прибѣгаютъ къ пробнымъ обмѣрамъ и т. п. пріемамъ. Результаты получаются весьма ненадежные, потому что пробный обмѣръ непремѣнно даетъ ту или другую ошибку, которая перемножится во много разъ при переходѣ къ десятинѣ, и, притомъ, самое количество высѣва на пробную полоску не можетъ быть установлено съ достаточною точностью. Въ концѣ концовъ приходится сказать себѣ, что всѣ вообще данныя объ урожаяхъ, получаемыя какими бы то ни было способами, являются не точными цифрами, а лишь болѣе или менѣе грубыми приближеніями.

Въ видѣ примѣра спеціальныхъ урожайныхъ бланковъ приведу «урожайную карточку» Смоленскаго бюро. Здѣсь для каждаго хлѣба особо ставятся такіе вопросы: посѣяно мѣръ всего—въ томъ числѣ на купчей, на арендованной; затѣмъ отдѣльно за послѣдній и за предпослѣдній годъ: собрано овиновъ—съ одного овина сноповъ, телѣгъ, зерна мѣръ, всего того и другого, сыромолотомъ зерна и сноповъ, итого мѣръ зерна, характеръ сбора, отдѣльно для соломы и для зерна; затѣмъ вопросъ о «среднемъ обычномъ сборѣ зерна съ 1 мѣры посѣва», т.-е. объ урожаѣ «самъ», отдѣльно для надѣльной и купленной. Затѣмъ аналогичные вопросы для льна, притомъ отдѣльно «по мягкой» (т.-е. въ яровомъ полѣ), по облогѣ (цѣлинѣ), по клеверищу, и для конопли на усадьбѣ, причемъ для учета конкретнаго урожая ставятся вопросы о числѣ сотъ пуковъ и количествѣ волокна мятаго и трепанаго и сѣмени, полученнаго съ сотни пуковъ, и всего; въ той же карточкѣ содержатся затѣмъ вопросы о конкретныхъ укосахъ клевера за послѣдніе три года, отдѣльно для 1-хъ и для 2-хъ укосовъ по 1-му, по 2-му и по 3-му году, и о «среднемъ обычномъ сборѣ» клевера каждой изъ тѣхъ-же категорій; объ укосѣ вики за два года, отдѣльно въ пару и въ яровомъ; о количествѣ вывезеннаго навоза, количествѣ скота, отъ котораго скопился навозъ, о затратѣ труда на вывозку навоза; о всѣ мѣры зерна послѣднихъ двухъ урожаевъ, наконецъ о густотѣ высѣва разныхъ родовъ высѣваемыхъ растеній—«на десятину» и, на случай незнанія мѣры площади, «на площадь занимаемую 1 мѣрою ржи».

Въ видѣ примѣровъ постановки вопроса объ урожаяхъ въ подворныхъ формулярахъ можно привести Харьковскій бланкъ и Пензенскій бланкъ «подробнаго» (выборочнаго) описанія. Въ первомъ вопросъ объ урожаѣ ставится въ двоякомъ видѣ: во 1-хъ, для всѣхъ родовъ культуръ сборъ года, предшествовавшаго переписи (1904), а именно соломы копенъ, зерна пудовъ, и рядомъ съ этимъ—средній сборъ: во 2-хъ—для урожаевъ главныхъ видовъ культуръ, а именно ржи, яровой пшеницы и ячменя (и еще какой-либо одной культуры, для которой оставленъ пробѣлъ), притомъ только съ надѣльной земли въ своей общинѣ,—за послѣдніе три тода посѣвъ и сборъ—соломы копенъ и зерна пудовъ, для того и другого отдѣльно ставится вопросъ о конкретномъ и среднемъ сборѣ. Въ Пензенскомъ бланкѣ вопросъ объ урожаѣ послѣдняго года поставленъ для всѣхъ видовъ полевыхъ и усадебныхъ культуръ, отдѣльно для

надѣльной и отдѣльно для «остальной» земли, въ непосредственной связи съ вопросомъ о посѣвахъ; для каждой культуры спрашивается, именно, о количествѣ засѣянныхъ десятинъ, количествѣ всѣянныхъ и собранныхъ пудовъ и о характерѣ урожая (хорошаго, средняго, плохого).

Въ сборникахъ данныя объ урожаяхъ встрѣчаются гораздо чаще, особенно въ старыхъ сборникахъ, куда вносятся данныя объ урожаѣ, полученныя при поселенныхъ или пообщинныхъ опросахъ. Такъ, въ Борисоглѣбскомъ сборникѣ даются цифры посѣвовъ озимаго и ярового въ пудахъ и урожай тѣхъ и другихъ «самъ сколько». Въ Курскихъ, тоже принадлежащихъ къ числу наиболѣе старыхъ, дается для ржи и для овса посѣвъ на десятину въ четверикахъ, и урожай «на десятину самъ сколько». Въ относящихся къ тому же периоду Самарскихъ сборникахъ дается для ржи и пшеницы «средній урожай за 5 лѣтъ (самъ сколько)». Въ Тверскихъ дается (вычисленное по даннымъ поселеннаго описанія) количество всего урожая ржи, овса, ячменя, льняного сѣмени въ четверикахъ, волокна въ пудахъ. Сходнаго характера данныя мы находимъ и въ сборникахъ одной изъ новѣйшихъ переписей—Симбирской: дается именно для ржи и овса высѣвъ на казенную десятину и урожай на казенную же десятину. Обычно поселенныя таблицы болѣе новыхъ сборниковъ не содержатъ данныхъ объ урожаѣ,— послѣднія разрабатываются въ оцѣночной части сборниковъ, не входящей въ предѣлы нашего разсмотренія.

Чтобы покончить съ вопросомъ о земледѣліи, мы должны еще остановиться на вопросѣ о его потребительномъ и рыночномъ значеніи. Достаточно общеизвѣстный фактъ—что Россія страна, вывозящая хлѣбъ; мало того—что хлѣбъ является главнымъ предметомъ нашего вывоза и главною статьею нашего торговаго баланса. По подсчетамъ В. Э. Дена, средній вывозъ всѣхъ хлѣбовъ, по десятилѣтіямъ, начиная съ 1801—10 и кончая 1890—1900 гг., и за пятилѣтіе 1901—5 гг., выразился въ такихъ цифрахъ: 14—18—18—24—22—42—66—110—243—360—442—609 милліоновъ пудовъ. Хлѣбный вывозъ, значитъ, былъ совершенно незначителенъ во всю первую половину XIX столѣтія; ростъ его начинается съ шестого десятилѣтія и продолжается, непрерывно усиливаясь, вплоть до настоящаго времени; какъ можетъ считаться твердо установленнымъ, основнымъ моментомъ, способствовавшимъ столь быстрому росту нашего хлѣбнаго вывоза, было начавшееся въ 60-хъ гг. сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, а затѣмъ—развитіе парового морского транспорта и всей вообще техники хлѣбныхъ перевозокъ; онъ стимулировался таможенною и желѣзно-дорожною политикой правительства, интересовавшагося возможнымъ усиленіемъ хлѣбнаго вывоза, какъ изъ соображеній торговаго баланса, такъ и въ интересахъ, главнымъ образомъ, вліятельнаго крупно-помѣстнаго класса. Въ погодныхъ цифрахъ за время начиная съ 1901 и кончая 1914 годомъ вывозъ какъ всѣхъ вообще хлѣбовъ, такъ отдѣльно каждаго изъ четырехъ важнѣйшихъ для русскаго сельскаго хозяйства видовъ хлѣба, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Года:	пшеница	рожь	ячмень	овесъ	проч. хлѣба	всего
	милліоновъ пудовъ.					
1901	138	83	77	80	52	430
1902	186	98	104	63	95	542
1903	254	82	146	59	70	609
1904	281	60	152	54	61	607
1905	294	60	138	127	39	657
1906	220	65	149	70	44	519
1907	142	45	133	26	87	433
1908	89	24	161	29	65	367
1909	314	36	219	75	77	721
1910	375	40	245	84	65	809
1911	240	54	262	85	130	771
1912	161	31	169	51	47	498
1913	203	39	240	37	81	600
1914	147	23	121	17	39	347

Общій вывозъ обнаруживаетъ, такимъ образомъ, чрезвычайно рѣзкія колебанія во времени—за одно только послѣднее семилѣтіе [1]) онъ падаетъ до 367 милл. и поднимается до 809 милл. пудовъ. Главный факторъ, обусловливающій эти колебанія,—это, конечно, рѣзкія колебанія урожаевъ,—особенно рѣзкія какъ разъ въ черноземной полосѣ, которая является, можно сказать, единственнымъ поставщикомъ экспортнаго хлѣба. Едва ли можно, однако, отнести на счетъ этой одной причины рѣзкое паденіе вывоза въ 1907 и 1908 гг.—въ той или другой мѣрѣ здѣсь должно было отразиться вліяніе аграрныхъ безпорядковъ и вообще событій 1904—906 гг. Легко замѣтить затѣмъ, что въ движеніи вывоза отдѣльныхъ хлѣбовъ обнаруживаются совершенно различныя тенденціи. Вывозъ ржи, уже и въ первые года XX столѣтія игравшій подчиненную роль, съ тѣхъ поръ, въ общемъ, еще сократился; вывозъ овса обнаруживаетъ лишь болѣе или менѣе неправильныя колебанія, безъ видимой тенденціи въ ту или другую сторону,—въ первые годы XX столѣтія онъ, по количеству, приблизительно равнялся вывозу ржи, въ послѣдніе годы онъ его замѣтно превышаетъ. Непрерывно растетъ—если отвлечься отъ случайныхъ колебаній—вывозъ пшеницы и особенно ячменя,—почти въ такой же мѣрѣ растетъ и вывозъ вошедшей, въ нашей табличкѣ, въ число «прочихъ хлѣбовъ» кукурузы. Чрезвычайно печальный фактъ, что пищевые хлѣба—пшеница и рожь—вывозятся почти исключительно въ зернѣ: вывозъ пшеничной муки колеблется, безъ какой-либо опредѣленной тенденціи, между $3\frac{1}{2}$ и 7,3 и только въ 1913 г. поднимается до 10 милл. пудовъ, вывозъ ржаной муки за тѣ же 14 лѣтъ выразился въ слѣдующихъ погодныхъ цифрахъ: 9—10—

[1]) Не считая 1914 года—перваго года войны.

11—12—7—7½—6—6—7—5½—9—6—7—4½ милліоновъ пудовъ, слѣдовательно за послѣдніе годы даже еще упалъ по сравненію съ первыми годами XX вѣка. Фактъ этотъ, какъ я сказалъ, печальный, потому что, вывозя зерно, а не муку, мы не только вывозимъ необлагороженный, мало цѣнный продуктъ и отдаемъ заграничнымъ промышленникамъ заработокъ отъ перемола, но, кромѣ того, вмѣстѣ съ пищевымъ продуктомъ, вывозимъ и десятки милліоновъ пудовъ отбросовъ—отрубей и т. п., которые мы, значитъ, отдаемъ задаромъ и которые могли бы быть использованы въ качествѣ цѣннаго корма для нашего скота. Приходится констатировать и еще болѣе печальный фактъ: мы не только вывозимъ отбросы вмѣстѣ съ зерномъ, но вывозимъ отбросы, въ частности отруби, и отдѣльно отъ того зерна, которое перемалывается для внутренняго потребленія,—вывозимъ ихъ, притомъ, въ самые послѣдніе годы въ еще большемъ количествѣ, нежели въ непосредственно предшествовавшее время: въ погодныхъ цифрахъ, именно, вывозъ отрубей за время съ 1901 по 1910 годъ достигалъ 32—30—36—38—36—39—35—32—39—38 милліоновъ, въ послѣдніе четыре года онъ выразился 49—51—49—27 милліонами пудовъ; десятки милліоновъ пудовъ цѣннаго корма, прямо, можно сказать, отнятаго у своего скота и отданнаго за безцѣнокъ для прокорма скота въ чужихъ странахъ.

Какъ бы то ни было,—хлѣбный вывозъ нашъ растетъ несравненно быстрѣе, нежели очень медленно растущія, въ общемъ, запашки. И если даже принять въ соображеніе тотъ приростъ урожайности, о которомъ была рѣчь на предшествующихъ страницахъ, всетаки окажется, что вывозъ нашъ растетъ быстрѣе, нежели производство хлѣба, которое, между тѣмъ, должно прежде всего обезпечить продовольственныя потребности быстро растущаго населенія страны. Ясно, что вывозъ растетъ въ ущербъ внутреннему потребленію, иначе сказать—въ ущербъ питанію населенія. Еще въ 1870—74 гг. средній чистый остатокъ пищевыхъ хлѣбовъ, за вычетомъ вывоза, опредѣлялся въ 2,4 четверти на душу; въ 1875—79 гг. онъ опредѣлялся уже только въ 2,01, въ слѣдующемъ пятилѣтіи въ 2,08, въ слѣдующія два пятилѣтія въ 1,96 и 2,01 четверти. Мы вывозимъ сотни милліоновъ пудовъ пшеницы, которая является вѣдь главнымъ предметомъ нашего хлѣбнаго вывоза,—а между тѣмъ среднее потребленіе пшеницы на душу населенія опредѣляется во Франціи въ 12,3 пудовъ, въ Англіи въ 9,4, въ Сѣв.—Ам. Соед. Штатахъ въ 7,2, въ Германіи въ 5, въ Россіи только въ 3,3 пуда; даже ржи, которая является главнымъ средствомъ питанія нашихъ народныхъ массъ, мы потребляемъ меньше, чѣмъ покупающіе нашу рожь нѣмцы: среднее потребленіе ржи на душу въ Германіи 9,2, въ Россіи 8,7 пудовъ; среднее же душевое потребленіе всѣхъ хлѣбовъ (включая картофель и овесъ) въ Германіи выражается 32, въ Россіи 20,5 пудовъ. И это при томъ, что для населенія Германіи, вообще западноевропейскихъ странъ, хлѣбъ (вмѣстѣ съ картофелемъ) въ гораздо меньшей

мѣрѣ является основою питанія, чѣмъ для населенія нашего отечества.

По другимъ подсчетамъ (Л. Н. Маресса, въ работѣ, которую мнѣ сейчасъ придется усиленно цитировать) остатокъ хлѣбнаго производства, за вычетомъ сѣмянъ, достигаетъ: въ Даніи 12 гектолитровъ, въ Швеціи 6,4, во Франціи 5,7, въ Россіи 5,4, въ Австро-Венгріи 5,3, въ Германіи 4,7 гектол. на душу населенія,—по среднему на душу населенія размѣру производства хлѣбовъ Россія стоитъ, всетаки, нѣсколько впереди среднеевропейскихъ странъ. Совершенно иная картина получается, если принять въ разсчетъ ввозъ и вывозъ: въ такомъ случаѣ для внутренняго потребленія, по разсчету на душу населенія, получится: въ Даніи 13, во Франціи 6,7, въ Швеціи 6,6, въ Бельгіи 5, 9, въ Англіи 5,1, въ Германіи и Австріи 5,0, въ Норвегіи 4,4, въ Россіи уже только 4,2 гектолитра,—ниже ея стоятъ только Швейцарія съ 3,9 и особенно Италія съ 2,6 гектол. на душу населенія.

Въ какой же мѣрѣ, спрашивается теперь, въ вывозѣ и вообще въ продажѣ хлѣба участвуютъ крестьяне? каковъ, съ точки зрѣнія потребленія и поставки продукта на рынокъ, характеръ крестьянскаго земледѣлія? Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ, даже для приблизительно-вѣрнаго разрѣшенія,—за недостаткомъ прямыхъ данныхъ приходится довольствоваться болѣе или менѣе проблематическими, притомъ въ значительной мѣрѣ устарѣлыми, разсчетами.

Ясно прежде всего, что продовольственное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рыночное значеніе земледѣлія не можетъ быть одинаковымъ для различныхъ районовъ нашей страны и для различныхъ по характеру хозяйства—чисто земледѣльческому или промысловому—и по степени благосостоянія, въ частности по размѣрамъ земледѣльческаго хозяйства, группъ населенія. Нѣкоторое представленіе о междурайонныхъ различіяхъ можно составить себѣ по картограммамъ, помѣщеннымъ въ коллективномъ трудѣ «Вліяніе урожаевъ и т. д.», или въ изданномъ въ 1903 г. атласѣ сельско-хозяйственнаго вѣдомства [1]).

Если взглянуть, напримѣръ, на помѣщенную въ первомъ изъ названныхъ изданій картограмму «порайоннаго распредѣленія сбора главнѣйшихъ хлѣбовъ съ крестьянскихъ земель», разсчитаннаго на одну душу крестьянскаго же населенія, то окажется, что вся, приблизительно, юго-восточная половина европейской Россіи, ограниченная съ сѣвера линіей, проходящей черезъ Пермскую и Вятскую, затѣмъ Казанскую, Симбирскую, Пензенскую, Тамбовскую, Орловскую, Курскую, Полтавскую, Херсонскую и Бессарабскую губерніи, собираетъ на душу крестьянскаго населенія отъ 20,1 до 24 пудовъ; въ юго-западныхъ губерніяхъ, въ московско-промышленной области съ непосредственно прилегающими къ нему съ юга черноземными губерніями—Рязанскою и Тульскою, и въ Петроградской губерніи средній на душу сборъ колеблется

[1]) Въ новѣйшихъ изданіяхъ вѣдомства такого рода данныхъ нѣтъ.

между 14,2 и 16,6, во всей остальной части, т. е, грубо говоря, въ сѣверо-западной половинѣ европейской Россіи, включая литовскія, бѣлорусскія и прибалтійскія губерніи, между 12,3 и 14,4 пудами. Приблизительно то же говорятъ и нѣсколько болѣе новыя данныя, изображенныя на одной изъ поуѣздныхъ картограммъ упомянутаго выше атласа. При средней по всей европейской Россіи (безъ царства Польскаго) въ 18,5 пуд. продовольственныхъ хлѣбовъ (не считая картофеля, масличныхъ и овса), въ 179 уѣздахъ на душу приходится не менѣе 21,1 пуда, въ томъ числѣ въ 41 уѣздѣ отъ 28,1 до 35, въ 18 ти отъ 35,1 до 42 и въ 19 уѣздахъ свыше 42 пудовъ на душу. Затѣмъ, въ 131 уѣздѣ на душу приходится отъ 14,1 до 21, въ 161 уѣздѣ отъ 7,1 до 14, въ 28 уѣздахъ до 7 пудовъ на душу. Мѣстности, имѣющія свыше 14 пудовъ на душу, главною своею массой заполняютъ юго-восточную половину страны, ограниченную съ сѣверо-запада линіею, проходящею, приблизительно, черезъ Кіевъ, Черниговъ, Тулу, Нижній-Новгородъ, Вятку, Пермь, и, значитъ, почти совпадающею съ границею черноземной полосы, а затѣмъ тянутся болѣе или менѣе сплошною полосою вдоль западной границы имперіи, захватывая значительную часть царства Польскаго и весь Прибалтійскій край; въ частности, мѣстности, имѣющія продовольственныхъ хлѣбовъ свыше 28 пудовъ, располагаются, главнымъ образомъ, на крайнемъ югѣ, захватывая, болѣе или менѣе цѣликомъ, губерніи Бессарабскую, Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую, Донскую область и значительныя части губерній Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской; къ той же категоріи принадлежитъ, по степени обезпеченности хлѣбомъ, и значительная часть Прибалтійскаго края. Во всей остальной, сѣверо западной половинѣ страны лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются разбросанные то тамъ, то сямъ уѣзды съ 14,1—21 пуд. хлѣба на душу,—небезъинтересно, что сравнительно болѣе значительныя группы такихъ уѣздовъ заходятъ очень далеко на сѣверъ, располагаясь на сѣверѣ Вятской и на западѣ Вологодской губерній—мѣстностяхъ, гдѣ малое плодородіе почвы искупается возможнымъ, благодаря обилію покосовъ, интенсивнымъ удобреніемъ. Рѣшительное преобладаніе принадлежитъ въ этой части страны уѣздамъ, имѣющимъ 7,1—14 пуд. на душу; уѣзды, имѣющіе менѣе семи пудовъ, располагаются, главнымъ образомъ, на крайнемъ сѣверѣ—въ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерніяхъ, захватываютъ сѣверную часть Петроградской и прилегающія къ ней мѣстности Новгородской, а затѣмъ отдѣльными пятнами вкраплены и гораздо дальше на югъ—въ Московской, Владимірской и Калужской губерніяхъ.

Уже a priori ясно, при такомъ положеніи вещей, что на сѣверѣ, сѣверо-западѣ и въ центрѣ крестьянство не можетъ прокормиться получаемымъ на надѣльныхъ земляхъ хлѣбомъ и должно покупать хлѣбъ, на югѣ же, на юго-востокѣ и на востокѣ оно должно не только прокармливаться своимъ хлѣбомъ, но и имѣть нѣкоторые продажные избытки.

Однако—если вѣрить приведеннымъ даннымъ о сборѣ хлѣбовъ—избытки эти не могутъ быть значительны, и главная масса вывозимаго и вообще поступающаго на рынокъ хлѣба идетъ, значитъ, не изъ крестьянскаго а изъ владѣльческаго хозяйства. Конечно, общая недостача хлѣба на сѣверѣ и сѣверо-западѣ не исключаетъ наличности избытковъ у нѣкоторой части крестьянскихъ дворовъ, которые и являются продавцами хлѣба. Равнымъ образомъ и тотъ или другой избытокъ хлѣба на югѣ и на востокѣ, вообще въ черноземной полосѣ, фактически сосредоточивается въ рукахъ нѣкоторой части крестьянства,—въ любой мѣстности черноземной полосы имѣются, какъ мы знаемъ, болѣе или мѣнѣе многочисленныя группы безпосѣвныхъ и малопосѣвныхъ хозяйствъ, не могущихъ продовольствоваться своимъ хлѣбомъ. По даннымъ подворной переписи въ Воронежской губерніи, дворы, покупающіе хлѣбъ круглый годъ, составляютъ въ группѣ безземельныхъ 70, въ группѣ имѣющихъ не свыше 5 дес. земли уже только 17, затѣмъ въ группахъ съ 5—15, 15—25 и болѣе чѣмъ съ 25 десятинами земли 6, 2,5 и 1,2%; дворы, покупающіе хлѣбъ въ теченіе той или другой части года, въ тѣхъ же земельныхъ группахъ, 10, 30, 24, 15, 8%,—слѣдовательно, дворы, вполнѣ обезпеченные своимъ хлѣбомъ составляютъ, опять-таки въ томъ же порядкѣ земельныхъ группъ, 20, 53, 70, 83 и 91%. Подсчета дворовъ, продающихъ хлѣбъ, сдѣлано не было,—но съ извѣстною увѣренностью можно принять, что дворовъ только лишь прокармливающихся своимъ хлѣбомъ, очень немного, и что, значитъ, подавляющее большинство вполнѣ обезпеченныхъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и продающимъ хлѣбъ. Уже то обстоятельство, что даже въ группѣ безземельныхъ оказалось 20% дворовъ, не покупавшихъ хлѣба, показываетъ, что продовольственная обезпеченность не предрѣшается наличностью и размѣрами землевладѣнія. Гораздо интереснѣе были бы, поэтому, данныя о потребительномъ и рыночномъ значеніи земледѣлія, разработанныя не по земельнымъ, а по посѣвнымъ группамъ. Къ сожалѣнію, наша земская и вообще хозяйственная статистика не даетъ никакихъ или почти никакихъ конкретныхъ данныхъ по вопросу о продовольственномъ значеніи земледѣлія. Приходится, поэтому, довольствоваться болѣе или менѣе шаткими апріорными вычисленіями и разчетами. Наиболѣе извѣстные изъ такихъ разсчетовъ принадлежатъ Л. Н. Марессу, въ его работѣ, напечатанной въ первомъ томѣ коллективнаго труда «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ».

Исходною точкой этихъ разсчетовъ является вычисленная, главнымъ образомъ, по физіологическимъ даннымъ и до нѣкоторой степени провѣренная по даннымъ бюджетныхъ изслѣдованій нормальная потребность крестьянина въ хлѣбѣ; собственно-продовольственная норма опредѣлилась въ 19,5 пудовъ, а съ присоединеніемъ необходимаго расхода хлѣбныхъ продуктовъ на кормъ скоту,—въ 26,5 пудовъ на душу. Для городского населенія—замѣчу здѣсь же—продовольственная норма нѣсколько ниже,—она опредѣляется, именно, въ 15,4 пудовъ. Замѣчу здѣсь же и

другое, для насъ, въ данную минуту, болѣе существенное: что однообразная норма, будетъ ли это 26,5 пудовъ или какая-либо иная, можетъ быть положена въ основу развѣ только самыхъ грубыхъ разсчетовъ, потому что фактическое потребленіе хлѣба въ мѣстностяхъ съ широкимъ земледѣльческимъ просторомъ и съ хлѣбными избытками значительно шире, нежели въ малоземледѣльческихъ мѣстностяхъ, едва довольствующихся своимъ хлѣбомъ, а тѣмъ болѣе—въ покупающихъ хлѣбъ; оно весьма неодинаково и въ различныхъ по общей обезпеченности и въ частности по величинѣ запашекъ группахъ населенія. Въ результатѣ моихъ изслѣдованій въ западной Сибири среднее потребленіе хлѣба въ богатыхъ хлѣбомъ мѣстностяхъ опредѣлилось, приблизительно, въ 25 пудовъ, въ такихъ, хотя и довольствующихся собственнымъ хлѣбомъ, но не имѣющихъ или имѣющихъ лишь незначительные излишки мѣстностяхъ, какъ Туринскій уѣздъ, уже только въ 18, для нѣкоторыхъ мало-земледѣльческихъ мѣстностей (окрестности Томска) даже только въ 15 пудовъ. Довольно сходныя цифры принимаются земскими статистиками, при продовольственныхъ разсчетахъ, и въ сѣверныхъ губерніяхъ европейской Россіи [1]).

Какъ бы то ни было—въ основу вычисленій Л. Н. Маресса положена норма въ 26.5 пудовъ. Сопоставляя исчисленную по этой нормѣ потребность населенія въ хлѣбѣ на продовольствіе и кормъ скоту съ вычисленнымъ, на основаніи данныхъ о посѣвныхъ площадяхъ и о среднихъ урожаяхъ, общимъ среднимъ сборомъ, прежде всего, съ однѣхъ только надѣльныхъ земель, г. Маресс приходитъ къ выводу, что «надѣльныя земли въ громадномъ большинствѣ случаевъ не покрываютъ даже только продовольственныхъ потребностей крестьянскаго населенія. Исключеніе—говоритъ онъ—составляютъ только немногія мѣстности: въ области войска Донского и въ губерніяхъ Таврической и Оренбургской надѣльныя земли обезпечиваютъ своихъ владѣльцевъ и продовольственными и кормовыми средствами и даютъ даже нѣкоторые избытки (21,444 тыс. пуд.); въ Бессарабской, Екатеринославской, Волынской, Тамбовской и Курляндской губерніяхъ у населенія хватаетъ зерна, какъ для пропитанія, такъ отчасти и для корма скота; въ Воронежской хватаетъ для пропитанія, на кормъ же ничего не остается. Въ осталь-

---

[1]) По даннымъ бюджетныхъ изслѣдованій, сведеннымъ А. В. Чаяновымъ въ 1916 году («Матеріалы по вопросамъ разработки общаго плана продовольствія населенія», изд. Союза городовъ, вып. I, Нормы продовольствія сел. населенія) средняя изъ всѣхъ нормъ, вычисленныхъ для разныхъ мѣстностей европейской Россіи, составляетъ 18 пуд. (хлѣба и картофеля въ переводѣ на хлѣбъ), вычисленныя по отдѣльнымъ мѣстностямъ нормы колеблются между неполными 13 и 29 пудами, причемъ различія эти лишь весьма мало отражаютъ на себѣ различія въ мѣстныхъ условіяхъ, а скорѣе должны быть отнесены на счетъ различій въ техникѣ изслѣдованія, а можетъ быть и просто на счетъ неудачнаго выбора бюджетныхъ хозяйствъ или допущенныхъ при собираніи или при разработкѣ матеріала погрѣшностей.

ныхъ 40 губерніяхъ хлѣба, собираемаго съ надѣльной земли, недостаточно для продовольствія населенія, причемъ продовольственный дефицитъ таковъ: въ Олонецкой, Эстляндской, С.-Петербургской, Костромской, Ковенской, Ярославской и Херсонской губерніяхъ не достигаетъ 3 милл. пудовъ; въ Курской, Пензенской, Тульской, Казанской, Симбирской, Саратовской, Уфимской, Астраханской, Смоленской, Гродненской, Витебской, Архангельской онъ составляетъ отъ 3 до 5 милліоновъ пудовъ; въ Вологодской, Лифляндской, Новгородской, Псковской, Пермской, Минской, Могилевской, Виленской, Тверской, Владимірской, Калужской, Московской, Самарской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Харьковской, Кіевской, Подольской—5—10 милл. пудовъ; въ Полтавской и Черниговской—болѣе 10 милл. пудовъ. Такимъ образомъ—резюмируетъ Л. Н. Маресъ, надѣльныя земли въ большинствѣ случаевъ, вслѣдствіе прироста населенія и періодически повторяющихся неурожаевъ, оказываются неспособными прокармливать сидящее на нихъ населеніе даже въ смыслѣ средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія только насущныхъ физіологическихъ потребностей». И такой выводъ—какъ оговариваетъ г. Маресъ—получается «несмотря на то, что, исчисляя продовольственный дефицитъ, мы все время допускали, что весь овесъ въ хозяйствѣ, въ случаѣ недостатка въ продовольственномъ хлѣбѣ, исключительно идетъ на его пополненіе», тогда какъ въ дѣйствительности «формы пользованія овсомъ въ большинствѣ случаевъ совершенно иныя». Недостача надѣльной земли въ той или другой мѣрѣ покрывается, какъ мы знаемъ, купчими и въ особенности арендованными землями. Отсюда—рядъ поправокъ къ процитированнымъ только что выводамъ: «въ Тамбовской, Бессарабской, Екатеринославской, Таврической, Оренбургской губерніяхъ и въ области войска Донского крестьянская запашка въ цѣломъ не только представляется достаточной для удовлетворенія продовольственныхъ и кормовыхъ потребностей населенія, но и даетъ еще свободный для продажи остатокъ (около 46 милл. пудовъ). Къ губерніямъ, вполнѣ обезпеченнымъ—продолжаетъ Л. Н. Маресъ—по всей вѣроятности относятся еще Херсонская, Саратовская, Самарская, а также Симбирская и Волынская. Въ Курской, Пензенской, Воронежской и Ярославской губ. крестьяне, въ среднемъ, имѣютъ достаточныя для собственнаго продовольствія количества хлѣба, но кормовая потребность ихъ сполна уже не покрывается. Въ еще худшихъ условіяхъ находятся губерніи Тульская, Кіевская, Уфимская, Смоленская, Костромская и Вятская,—здѣсь, за удовлетвореніемъ продовольственныхъ потребностей, для корма скота остаются самыя незначительныя количества зерна. Такое же положеніе, вѣроятно, занимаютъ еще губерніи: Орловская, Рязанская, Полтавская, Харьковская, Казанская, Нижегородская, Ковенская, Псковская и С.-Петербургская,—по всей этой группѣ губерній для корма скота изъ собственныхъ запасовъ остается не болѣе 38 милл. пудовъ или около 18% того, что нужно. Но такъ

какъ овесъ, какъ уже было указано, по большей части идетъ вовсе не для цѣлей продовольствія, то и выходитъ, что, въ сущности, въ этихъ губерніяхъ даже вся крестьянская запашка оказывается недостаточной для пропитанія населенія. Наконецъ, въ остальныхъ 17 губерніяхъ (не считая прибалтійскихъ) крестьянамъ обычно не хватаетъ собственнаго хлѣба для своего пропитанія, если даже весь овесъ, безъ остатка, расходуется ими исключительно съ продовольственными цѣлями»,—въ общей сложности, продовольственный дефицитъ по всѣмъ этимъ 17 губерніямъ исчисляется въ 68 милл. пудовъ.

Выводы эти, въ свое время, встрѣтили весьма сильныя возраженія. И дѣйствительно, чрезвычайно неправдоподобно, чтобы въ такихъ губерніяхъ, какъ Херсонская или Самарская, крестьянское земледѣльческое хозяйство въ цѣломъ только покрывало продовольственныя потребности крестьянъ, не оставляя никакихъ избытковъ; нелегко допустить, чтобы продовольственное и рыночное значеніе крестьянскаго земледѣлія въ Курской или Воронежской губерніи было приблизительно такимъ же, какъ въ Ярославской, въ Харьковской приблизительно такимъ же какъ въ Петроградской или въ Псковской, въ Уфимской или даже Вятской такимъ же, какъ въ Костромской губерніи.

Пойдемъ, однако, дальше за разсчетами Л. Н. Маресса. Отъ общихъ разсчетовъ по губерніямъ онъ переходитъ къ выясненію группировки населенія—однако уже не по губерніямъ, а по районамъ, по степени обезпеченности своимъ хлѣбомъ,—сначала, опять-таки, съ однѣхъ надѣльныхъ земель. Въ основу соотвѣтственныхъ вычисленій кладется группировка населенія по величинѣ земельныхъ надѣловъ и, опять-таки, средняя урожайность—въ конечномъ результатѣ все крестьянство разбивается на три группы: имѣющихъ на душу менѣе 19, имѣющихъ отъ 19 до 26,5 пуд. и имѣющихъ болѣе 26,5 пудовъ хлѣба, т.-е. иначе сказать, не имѣющихъ хлѣба достаточно для продовольствія, имѣющихъ на продовольствіе, но въ лучшемъ случаѣ (при 26,5 пудахъ) имѣющихъ только достаточно для скота, и имѣющихъ излишки хлѣба. Въ итогѣ по районамъ черноземной полосы распредѣленіе крестьянскаго населенія между этими тремя группами представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Районы:	Процентъ имѣющихъ на душу		
	менѣе 19 пуд.	19—26,5 пуд.	болѣе 26,5 пуд.
Южный степной	34	42	24
Сѣверо-восточный	60	27	13
Средній черноземн.	69	19.	12
Юго-западный	68	21	11
Вост. и юго-восточн.	60	31	8,7%

—опять-таки, весьма неправдоподобно, чтобы на многоземельномъ востокѣ и юго-востокѣ, гдѣ земледѣліе является, притомъ, единствен-

нымъ источникомъ благосостоянія, гдѣ недостатокъ рабочихъ рукъ обусловливаетъ постоянный притокъ рабочихъ со стороны, менѣе одной десятой населенія получало со своихъ надѣловъ излишекъ хлѣба сверхъ необходимаго для собственнаго потребленія. Что касается, затѣмъ, до районовъ съ максимальными хлѣбными дефицитами, то здѣсь распредѣленіе населенія между тѣми же тремя группами представляется въ такомъ видѣ: въ сѣверномъ 98,3—0—1,7; въ сѣверо-западномъ 89—9,4—1,6; въ западномъ 89—9,5—1,5, въ московско-промышленномъ 88,5—8,7—2,8. Въ итогахъ по полосамъ населеніе распредѣляется по группамъ такимъ образомъ: въ черноземной 64—24,5—11%, въ нечерноземной 82—13—5%, въ общемъ же итогѣ по всей европейской Россіи недостаточно для продовольствія получаетъ съ надѣльной земли 71%, болѣе или менѣе достаточно, но безъ излишковъ, 20,4, излишки хлѣба получаетъ всего 9% всего крестьянскаго населенія. Съ поправками, вытекающими изъ наличности купчихъ земель и аренды, группа съ недостаткомъ хлѣба составляетъ, въ общемъ для всей страны итогѣ, 52%, «только что обезпеченная» 32%, съ избытками 16%. «Этою таблицей—говоритъ г. Маресс—характеризуется вся сельско-хозяйственная дѣятельность крестьянъ; только, приблизительно, 1/6 часть ихъ производитъ зерно на продажу; почти треть собственнымъ хлѣбомъ продовольствуется, но избытковъ для продажи не имѣетъ,—напротивъ, даже терпитъ нѣкоторый недостатокъ въ кормовомъ зернѣ; наконецъ, половина всѣхъ крестьянъ производитъ хлѣба меньше, чѣмъ нужно для пропитанія; недостающее для ихъ продовольствія количество хлѣба приблизительно опредѣляется въ 200 милл. пудовъ въ годъ». Такимъ образомъ, въ общемъ и цѣломъ, «русское крестьянское хозяйство, въ большинствѣ случаевъ, есть хозяйство чисто натуральное, воздѣлывающее зерно не на продажу, а для собственнаго потребленія, по большой части не покрывающее даже своихъ потребностей. То обстоятельство, что каждую осень на базарахъ появляются возы съ хлѣбомъ, что ежегодно на рынокъ выбрасывается масса хлѣба, именно осенью, когда частновладѣльческія экономіи, а также болѣе зажиточные крестьянскіе дворы, имѣющіе дѣйствительные избытки хлѣба, еще воздерживаются отъ продажи, а если и продаютъ, то во всякомъ случаѣ везутъ хлѣбъ не на базары,—это обстоятельство вовсе не указываетъ на избытки хлѣба, а имѣетъ совершенно иное значеніе. Если крестьянинъ осенью и продаетъ хлѣбъ, то зимой и весною онъ снова покупаетъ его; хлѣбъ въ этомъ случаѣ обращается въ деньги для удовлетворенія настоятельнѣйшихъ нуждъ, а затѣмъ онъ покупается для продовольствія, берется взаймы и т. п. Это, въ сущности, не продажа, а тяжелая залоговая операція, къ которой прибѣгаетъ крестьянинъ, безразлично, въ черноземной и въ нечерноземной полосѣ». Кто же, спрашивается, дѣйствительно продаетъ избыточный хлѣбъ, дѣйствительно производитъ хлѣбъ на продажу? Отвѣтъ на этотъ вопросъ частью данъ въ преды-

дущихъ строкахъ: прежде всего частные владѣльцы, продающіе, по разсчетамъ Маресса, до 300 милл. пудовъ, затѣмъ—верхніе слои крестьянства, упомянутая выше приблизительно шестая часть, на долю которой приходится до 200 милл. пудовъ: «эта группа съ надѣльной земли имѣетъ около 47 милл. пудовъ свободныхъ остатковъ; она же по большей части владѣетъ и купчими землями, съ которыхъ получаетъ около 69 милл. пудовъ; съ арендованной земли она, по самому скромному разсчету, имѣетъ около 23 милл пудовъ; наконецъ, эта же группа, какъ самая зажиточная между крестьянами, арендуетъ и сдаваемые ихъ однообщественниками надѣлы; безхозяйные дворы составляютъ около 10%, т.-е. около 6 милл. душъ обоего пола; въ группѣ населенія, не обезпеченной продовольственными средствами, съ надѣльной земли приходится, въ среднемъ на душу, около 12 пудовъ, слѣдовательно аренда надѣловъ даетъ зажиточнымъ крестьянамъ около 70 милл. пудовъ зерна. Всего у группы зажиточныхъ крестьянъ имѣется свободнаго для продажи хлѣба около 209 милл. пудовъ. Выходитъ—еще разъ—что всѣ потребности рынка покрываетъ одно только частновладѣльческое хозяйство, да хозяйство небольшой, наиболѣе зажиточной группы крестьянъ. Хлѣбъ же массы крестьянскаго населенія на рынокъ не поступаетъ; осенью онъ продается, но не уходитъ далеко отъ мѣстъ его сдачи крестьянами; сгруппировавшись въ нѣсколькихъ пунктахъ, онъ ждетъ здѣсь того же самаго крестьянина, который, дѣйствительно, и приходитъ за нимъ зимою и весной. Само собою разумѣется, что эта операція продажи-купли хлѣба является очень разорительною для крестьянъ».

Огромное распространеніе охарактеризованнаго только что типа продажъ хлѣба не отъ избытка, а «по нуждѣ», несомнѣнный фактъ, какъ несомнѣнный фактъ и то, что значительная часть крестьянъ, даже и въ самыхъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ, не можетъ прокормиться своимъ хлѣбомъ. Но какова доля вынужденныхъ продажъ, какова доля населенія, имѣющаго хлѣбные избытки или, наоборотъ, испытывающаго недостатокъ въ хлѣбѣ,—это вопросъ, который остается открытымъ и послѣ единственнаго въ своемъ родѣ, по тщательности и обстоятельности, изслѣдованія г. Маресса. Мнѣ лично, какъ я отмѣчалъ попутно, его выводы кажутся представляющими дѣйствительность въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ,—думается, что доля населенія, имѣющаго избытки хлѣба, а слѣдовательно и роль крестьянскаго земледѣлія, какъ производства хлѣбовъ для рынка, значительно больше, нежели это выходитъ по выкладкамъ г. Маресса.

Вопросъ, повторяю, остается открытымъ. И онъ не можетъ не оставаться открытымъ, пока его приходится разрѣшать на основаніи апріорныхъ соображеній и вычисленій, въ основѣ которыхъ лежатъ, притомъ, такія ненадежныя данныя, какъ физіологическія нормы и среднія цифры урожайности. Между тѣмъ, для болѣе конкретнаго освѣщенія вопроса о продовольственномъ и рыночномъ значеніи земледѣлія

нашею сельско-хозяйственною и въ частности земскою статистикой до сихъ поръ сдѣлано очень немного. Вопросъ этотъ ставился, до сихъ поръ, главнымъ образомъ въ поселенныхъ и пообщинныхъ бланкахъ, въ болѣе или менѣе общей формѣ. Между тѣмъ, при такой постановкѣ вопроса нельзя и разсчитывать получить сколько нибудь опредѣленныхъ и соотвѣтствующихъ дѣйствительному положенію вещей отвѣтовъ: послѣдніе будутъ неизбѣжно неопредѣленными, и, въ виду особенностей крестьянской коллективной психологіи, столь же неизбѣжно преуменьшающими дѣйствительность. Въ послѣднее время къ болѣе конкретному разрѣшенію вопроса о потребительномъ и рыночномъ значеніи крестьянскаго земледѣлія стремятся подойти путемъ бюджетныхъ изслѣдованій монографическаго типа. Этотъ пріемъ, несомнѣнно, можетъ дать больше,—но степень довѣрія къ получаемымъ изъ такого рода изслѣдованій результатамъ всецѣло зависитъ отъ того, какъ смотрѣть, вообще, на роль монографическаго бюджета и на степень типичности, слѣдовательно на законность обобщенія, получаемыхъ этимъ пріемомъ данныхъ. Остается еще путь массоваго, сплошного или выборочнаго изслѣдованія,—иначе сказать, включеніе вопросовъ, относящихся къ потребительному и рыночному значенію земледѣлія, въ программу сплошной или выборочной подворной переписи. До сихъ поръ это дѣлалось земскими статистиками очень рѣдко,—въ средѣ земскихъ статистиковъ преобладаетъ мнѣніе, опирающееся, между прочимъ, на нѣкоторые неудачные опыты (напр. опыть Самарскаго бюро при первой подворной переписи губерніи), что включеніе въ программу подворной переписи вопросовъ данной категоріи не можетъ дать удовлетворительныхъ результатовъ.

Читатель вѣроятно помнитъ, что приходорасходные вопросы—въ томъ числѣ вопросы о покупкѣ и продажѣ продуктовъ земледѣлія, составляютъ характерную особенность подворныхъ переписей Воронежскаго бюро. Въ частности, въ формулярѣ, напр., по Землянскому уѣзду ставится вопросъ только о покупкѣ хлѣба: сколько въ году покупалъ хлѣба—когда началъ (мѣсяцъ), всего купилъ, въ томъ числѣ для скота; вопросъ ставится, значитъ, исключительно подъ угломъ зрѣнія продовольственнаго дефицита. Въ формулярахъ по позднѣе переписаннымъ уѣздамъ вопросъ ставится главнымъ образомъ подъ угломъ зрѣнія денежнаго приходо-расхода: сколько издержано на хлѣбъ: круглый годъ—менѣе года; сколько выручено отъ продажи хлѣба—ржи, пшеницы, муки, овса, проса, гречихи, проса и пр.; учитываются, значитъ, только д е н е ж н ы я с у м м ы, а н е к о л и ч е с т в а х л ѣ б а. Изъ болѣе новыхъ формуляровъ мы встрѣчаемъ вопросы данной категоріи, напр., въ Харьковскихъ и въ Вологодскихъ. Въ Харьковскихъ имѣются во 1-хъ, вопросы: продано послѣ послѣдняго урожая, куплено съ послѣдняго урожая до мая (взять май, а не новый урожай, въ видахъ пріуроченія показаній къ одному моменту),—требуется отвѣтъ выраженный въ числѣ проданныхъ и купленныхъ пудовъ, и во 2-хъ, рядъ вопросовъ, направленныхъ къ ближайшему выясненію продовольственного значенія земледѣлія: своего хлѣба хватаетъ на круглый годъ—до Пасхи—до Рождества—покупаютъ уже осенью, при чемъ отвѣтъ на тотъ или другой изъ этихъ подвопросовъ дается путемъ подчеркиванія словъ: всегда, въ средній, въ урожайный годъ. Въ формулярѣ, напримѣръ по Велико-

устюжскому уѣзду, Вологодской губерніи, поставлены вопросы, просто о «покупкѣ» и «продажѣ», причемъ учитывается только продажа и покупка основныхъ продуктовъ—ржи, овса. сѣна, льняного волокна и сѣмени и молока,—то и другое въ пудахъ и въ вырученныхъ рубляхъ. По другимъ уѣздамъ Вологодской губерніи вопросъ ставился иначе. Въ сборникѣ, напр., по Тотемскому у. дается число дворовъ, собирающихъ хлѣбъ въ количествѣ, достаточномъ для собственнаго потребленія, и въ количествѣ недостаточномъ въ теченіе 1—3, 4—6, 7—9, 10—12 мѣсяцевъ, неизвѣстнаго числа мѣсяцевъ; вопросъ разсматривается, значитъ, опять исключительно подъ угломъ зрѣнія продовольственнаго дефицита, что, впрочемъ, и сравнительно умѣстно въ условіяхъ чисто потребительнаго, въ массѣ, земледѣлія нашего сѣвера. Сходнымъ образомъ, но гораздо детальнѣе, разработанъ вопросъ въ Грязовецкомъ сборникѣ—здѣсь дворы, имѣющіе недостаточно хлѣба, разбиты на группы не по четвертямъ года, а по числу мѣсяцевъ недостачи. Своеобразно поставленъ интересующій насъ вопросъ въ формулярахъ произведенной въ 1915 г. переписи по Донской области: въ формулярѣ сплошной переписи поставлены только два вопроса: продавалъ—покупалъ хлѣбъ, и отвѣтъ дается путемъ подчеркиванія словъ «да» или «нѣтъ». За то имѣется особый бланкъ, для выборочнаго заполненія, посвященный продажѣ и покупкѣ продуктовъ полеводства и вообще—хозяйства, въ этомъ бланкѣ въ чрезвычайно расчлененномъ видѣ спрашивается о продажѣ, съ одной стороны, о покупкѣ, съ другой, притомъ отдѣльно о покупкѣ на сѣмена и на продовольствіе, слѣдующихъ видовъ хлѣбовъ: пшеницы гарновки и гирки, ржи, ячменя, проса и овса; покупка на сѣмена должна показываться въ пудахъ и рубляхъ, безъ дальнѣйшаго расчлененія; покупка на продовольствіе—только въ пудахъ, съ расчлененіемъ по четыремъ временамъ года (отдѣльныя клѣтки); продажа—въ пудахъ и рубляхъ, съ расчлененіемъ (тоже въ отдѣльныхп клѣткахъ) по главнымъ мѣстамъ продажи (свое селеніе, мѣстн. базаръ, ссыпка при ж.-д. станціи, Ростовъ, Таганрогъ, рудникъ и пр.).

Какъ я сказалъ, все это—рѣдкія исключенія въ практикѣ земской статистики; большинство ея представителей считаетъ включеніе вопросовъ разсматриваемой категоріи нецѣлесообразнымъ. Пишущій эти строки держится діаметрально противоположнаго взгляда. По его совершенному убѣжденію, основанному на опытѣ работъ по изслѣдованію крестьянскаго хозяйства въ Сибири, включеніе въ программу переписи вопросовъ о покупкѣ и продажѣ хлѣба и другихъ наиболѣе важныхъ продуктовъ хозяйства или промысла и предметовъ потребленія, даетъ превосходные результаты; оно является единственнымъ способомъ съ нѣкоторымъ, конечно, приближеніемъ, но вполнѣ конкретно, освѣтить потребительное и рыночное значеніе земледѣлія и другихъ отраслей хозяйства, и выяснить мѣсто и значеніе каждой изъ этихъ отраслей въ общемъ строѣ крестьянскаго хозяйства. Включеніе вопросовъ этой категоріи въ подворный формуляръ даетъ послѣднему, вмѣстѣ съ тѣмъ, ту внутреннюю законченность, которая такъ облегчаетъ внутреннюю повѣрку получаемыхъ показаній и благодаря этому является однимъ изъ главныхъ путей для полученія, вообще, мыслимо достовѣрныхъ свѣдѣній.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Наемный трудъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Промыслы.

Идеальный типъ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства—это такая производительно-потребительная единица, гдѣ весь трудъ членовъ семьи находитъ себѣ приложеніе въ собственномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, и гдѣ послѣднее, съ другой стороны, всецѣло зиждется на собственномъ трудѣ крестьянина и членовъ его семьи; гдѣ, въ то-же самое время, совокупность продуктовъ, получаемыхъ изъ своего земледѣльческаго хозяйства, обезпечиваетъ удовлетвореніе всей совокупности потребностей крестьянской семьи; обезпечиваетъ либо въ «натуральной формѣ», т.-е. въ видѣ непосредственно-потребляемыхъ продуктовъ, либо въ видѣ денегъ, выручаемыхъ отъ продажи той или иной части продукта и идущихъ на удовлетвореніе всѣхъ тѣхъ потребностей крестьянской семьи, которыя не могутъ быть непосредственно удовлетворены продуктами собственнаго хозяйства. Общимъ правиломъ, однако, этотъ идеальный типъ могъ бы сдѣлаться только въ томъ случаѣ, если бы, во 1-хъ, общее пространство земли, имѣющейся въ распоряженіи крестьянскаго населенія извѣстной мѣстности, было, при существующихъ способахъ использованія земли, достаточно для покрытія всей совокупности потребностей населенія; иначе говоря, если бы не имѣлось налицо ни абсолютнаго, ни относительнаго малоземелья; и во 2-хъ, если бы не только земля, но и необходимыя для ея обработки средства, земледѣльческій «капиталъ», распредѣлялись между населеніемъ строго равномѣрно,—если бы, съ одной стороны, ни у кого не было такихъ излишковъ земли и капитала, использованіе которыхъ превышало бы предѣльную трудоспособность каждой данной крестьянской семьи, а съ другой—ни у кого не было земли и капитала меньше того, что нужно, чтобы поглотить весь трудъ, и главное—чтобы обезпечить удовлетвореніе всей совокупности обычныхъ потребностей крестьянской семьи Въ дѣйствительности—мы знаемъ—не имѣется налицо ни того, ни другого условія. Такъ или иначе, по тѣмъ или другимъ причинамъ, приходится считаться съ фактомъ гдѣ относительнаго, гдѣ и абсолютнаго малоземелья, отъ котораго страдаютъ мѣстами—отдѣльныя селенія или группы селеній, мѣстами—цѣлые обширные районы; и приходится

считаться съ еще гораздо болѣе общимъ фактомъ: гдѣ менѣе, гдѣ болѣе, но во всякомъ случаѣ неравномѣрнаго распредѣленія если не земли (которая при правильно функціонирующемъ общинно-уравнительномъ владѣніи можетъ, конечно, распредѣляться съ достаточной степенью равномѣрности), то во всякомъ случаѣ—необходимыхъ для самостоятельнаго веденія земледѣльческаго хозяйства средствъ—крестьянскаго сельско-хозяйственнаго капитала. Ясно, при такихъ условіяхъ, что охарактеризованный выше идеальный типъ крестьянскаго хозяйства можетъ быть не общимъ правиломъ, а скорѣе болѣе или менѣе рѣдкимъ исключеніемъ. Фактически, съ одной стороны, существуютъ селенія, группы селеній и цѣлые районы, гдѣ вся масса населенія, разсматриваемая въ цѣломъ, существуетъ не за счетъ одного только своего земледѣльческаго хозяйства, но и за счетъ тѣхъ или иныхъ посторонніхъ ему источниковъ средствъ существованія; а съ другой, вездѣ, въ той или другой пропорціи, въ той или другой комбинаціи, наряду съ крестьянскими хозяйствами, имѣющими болѣе или менѣе значительный избытокъ средствъ производства и могущими использовать его не иначе, какъ прибѣгая къ найму посторонней рабочей силы, имѣются такія, которыя не могутъ найти въ собственномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ достаточнаго приложенія для своего труда; которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могутъ просуществовать за счетъ продукта собственнаго хозяйства, и которыя, поэтому, должны гдѣ-либо внѣ послѣдняго искать приложенія для своего избыточнаго труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и тѣхъ средствъ существованія, которыхъ они не могутъ получить изъ собственнаго хозяйства. Отсюда, съ одной стороны, наемный трудъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, съ другой—вся та чрезвычайно сложная и пестрая совокупность способовъ приложенія избыточнаго крестьянскаго труда внѣ собственнаго земледѣльческаго хозяйства, которую принято обозначать многообъемлющимъ терминомъ «промыслы», и которая охватываетъ, прежде всего, работу по найму въ другихъ крестьянскихъ же, затѣмъ—работу по найму въ не-крестьянскихъ, или, какъ ихъ обычно называютъ, владѣльческихъ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ, и наконецъ—неземледѣльческіе заработки всевозможныхъ видовъ и категорій. Въ частности, крестьянскій бытъ, можно сказать, весь пронизанъ отношеніями земледѣльческаго найма; и распространенность такого рода отношеній еще усиливается, благодаря имѣющему, вообще, первостепенно-важное значеніе въ экономикѣ сельскаго хозяйства факту—неравномѣрному распредѣленію во времени потребности въ сельско-хозяйственномъ трудѣ: при каждомъ данномъ размѣрѣ хозяйства, уборка хлѣбовъ и сѣна требуетъ въ нѣсколько разъ большихъ затратъ труда, нежели обработка земли, зимою же и осенью, при обычномъ въ Россіи зерновомъ типѣ хозяйства, используется, вообще, лишь небольшая часть труда земледѣльческаго населе-

нія. Благодаря этому крестьянская семья, обрабатывающая максимальное или близкое къ максимуму количество земли, какое можно обработать при наличномъ ея составѣ (рабочая норма), не въ состояніи будетъ справиться съ сѣнокосомъ и жатвой, и для этихъ работъ должна будетъ принанимать рабочихъ; семья, собственными силами справляющаяся съ сѣнокосомъ и жатвой, въ остальное время года не въ состояніи будетъ использовать своего труда въ своемъ хозяйствѣ и должна будетъ искать работы на сторонѣ, вообще промысловаго заработка, все же вообще земледѣльческое населеніе, хотя бы полностью занятое въ земледѣліи лѣтомъ, зимою будетъ располагать большимъ количествомъ свободнаго труда и будетъ искать для него того или другого приложенія.

Въ рамкахъ настоящаго очерка я могу лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и притомъ почти исключительно подъ чисто-статистическимъ угломъ зрѣнія, разсмотрѣть всю сложную совокупность отношеній найма въ крестьянскомъ хозяйствѣ, а тѣмъ болѣе—всю еще гораздо болѣе сложную совокупность явленій, обнимаемыхъ понятіемъ промысловой дѣятельности крестьянскаго населенія. Начну съ наемнаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ, т.-е. съ совокупности тѣхъ случаевъ, гдѣ крестьянское хозяйство выступаетъ въ качествѣ нанимателя, использующаго чужой трудъ. Подъ эту общую категорію подходятъ два по существу, можно сказать, принципіально различныхъ типа отношеній найма: съ одной стороны «наемъ батраковъ», вообще «наемъ рабочей силы», какъ аттрибутъ и симптомъ крестьянскаго сельскохозяйственнаго предпріятія, превышающаго по своимъ размѣрамъ рабочую способность крестьянина и его семьи; съ другой—«обработка наймомъ», какъ слѣдствіе и признакъ, одно изъ двухъ: либо слабости хозяйства—недостатка собственной рабочей силы или чаще—собственнаго земледѣльческаго инвентаря, либо такъ называемаго «отрыванія» отъ земледѣльческаго хозяйства, т.-е. отвлеченія крестьянской рабочей силы посторонними земледѣлію занятіями. Различный смыслъ того и другого типа отношеній найма становится вполнѣ яснымъ хотя бы изъ нижеслѣдующей небольшой таблички, относящейся къ Грязовецкому уѣзду (Вологод. губ.):

Посѣвныя группы.	Пропентъ дворовъ, нанимающихъ		
	сдѣльно	поденно	сроковыхъ рабочихъ
до 2 дес.	59	9,4	2,1
2—3 »	23	15	5,5
3—6 »	15	17	9
болѣе 6 »	1,5	25	18

Первый столбецъ—это «обработка наймомъ», по большей части наемъ на «управку душъ» (см. объ этомъ въ гл. 4-ой, стр. 177 и сл.); это, по мѣткому выраженію Н. Н. Суханова, «наемъ всего рабочаго аппарата», практикуемый, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, безлошадными дворами,—значитъ, при неполномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, и притомъ почти исключительно въ промысловыхъ мѣстностяхъ. «Трудно сказать—говоритъ по этому поводу тотъ же Сухановъ, безлошадность ли, какъ результатъ разоренія, порождаетъ сдѣльный конный наемъ, или наоборотъ—обезлошаденье совершается сознательно и произвольно», какъ спутникъ «обращенія къ промышленности, въ качествѣ выгоднаго хозяйственнаго пріема». Въ цифрахъ перваго столбца приведенной таблички эти два, опять-таки, по существу различныхъ, случая сливаются,—трудно, въ самомъ дѣлѣ, сказать, какая часть изъ 59-ти процентовъ нисшей посѣвной группы или изъ 23-хъ процентовъ второй группы, нанимающихъ «сдѣльно», прибѣгаетъ къ найму сдѣльно по бѣдности и какая—изъ хозяйственнаго разсчета; можно опредѣленно сказать только одно: что все это—«неполныя земледѣльческія хозяйства». Но въ приведенныхъ въ гл. 4-ой (стр. 179) цифрахъ по Покровскому уѣзду (Владим. губ.) мы совершенно ясно можемъ выдѣлить, во всякомъ случаѣ, одну категорію случаевъ, гдѣ о бѣдности, разореніи не можетъ быть и рѣчи, и гдѣ наемъ «управщиковъ» является дѣломъ «сознательнаго» и «произвольнаго» хозяйственнаго разсчета,—гдѣ хозяинъ самъ не обрабатываетъ земли не потому, чтобы онъ не имѣлъ возможности это дѣлать, а потому, что онъ не находитъ это для себя выгоднымъ: это—тѣ 11% прибѣгающихъ къ найму «управщика» хозяйствъ, которые насчитаны въ группѣ съ посѣвомъ свыше 9 десятинъ: мужчины живутъ на фабрикѣ или уходятъ на тѣ либо другіе неземледѣльческіе заработки,—дома остаются только женщины, которыя ведутъ домашнее хозяйство, ходятъ за скотомъ, сами или съ помощью принанимаемыхъ рукъ убираютъ хлѣбъ и сѣно, для обработки же земли прибѣгаютъ къ »управкѣ»—сдѣльному найму на всю совокупность операцій по обработкѣ всей пахатной земли душевого надѣла. Гдѣ управка широко распространена, тамъ, сплошь и рядомъ, выдифференцировывается особый типъ «управщиковъ», которые набираютъ въ «управку» помногу чужихъ надѣловъ и въ управкѣ ихъ имѣютъ болѣе или менѣе значительный, подспорный къ собственному земледѣльческому хозяйству, заработокъ. Получаются, такимъ образомъ, весьма своеобразныя отношенія найма: наемъ «подрядчика», обладающаго орудіями производства, «хозяиномъ», не имѣющимъ ихъ: отношенія, очевидно, рѣзко отличающіяся отъ обычнаго при капиталистическомъ строѣ типа найма, при которомъ, наоборотъ, наниматель располагаетъ орудіями производства, рабочій же предоставляетъ въ его распоряженіе лишь свой трудъ. Въ той или иной долѣ, сходный характеръ носитъ, въ промысловыхъ мѣстностяхъ, и наемъ полевыхъ, мало того—даже и сроковыхъ рабочихъ: это достаточно ясно

уже изъ того факта, что нѣкоторый, для поденнаго найма даже довольно большой, процентъ нанимающихъ насчитанъ и въ двухъ группахъ съ ничтожными размѣрами посѣва, которые, при нормальныхъ условіяхъ, ни въ какомъ случаѣ не могли бы превысить рабочей способности крестьянской семьи. А изъ приводимой Н. Н. Сухановымъ комбинаціонной таблицы прямо видно, что «батраковъ нанимаютъ больше промысловые дворы, чѣмъ чисто земледѣльческіе, особенно среди зажиточной группы, гдѣ наемъ практикуется не изъ нужды, а въ качествѣ выгоднаго хозяйственнаго пріема. Сроковой работникъ, въ такого рода случаяхъ,—это, обычно, работникъ «подешевле», сплошь и рядомъ парень въ еще неполномъ рабочемъ возрастѣ, который замѣняетъ ушедшаго на сторону и благодаря этому въ той или другой мѣрѣ «оторвавшагося» отъ земледѣлія промышленника. Аналогичный характеръ можетъ имѣть, въ извѣстной долѣ, и поденный наемъ. Это ясно видно хотя бы изъ вычисленныхъ для того же Грязовецкаго уѣзда среднихъ на одинъ нанимающій дворъ цифръ мужскихъ и женскихъ нанятыхъ поденщинъ въ разныхъ посѣвныхъ группахъ. Среднее число мужскихъ поденщинъ,. въ томъ же, какъ въ табличкѣ, порядкѣ посѣвныхъ группъ: 6,3—5,3—7,3—9,1, среднее число женскихъ поденщинъ: 3,2—5,1—6,9—13,9. Среднее число женскихъ поденщинъ съ переходомъ къ высшимъ посѣвнымъ группамъ растетъ очень быстро, среднее число мужскихъ поденщинъ, напротивъ, очень медленно; въ высшихъ группахъ женщинъ нанимаютъ больше чѣмъ мущинъ, въ низшихъ, наоборотъ, нанимаютъ больше мущинъ. Это—потому, что женщинъ нанимаютъ исключительно на уборку, и потребность въ жницахъ и т. п. растетъ прямо пропорціонально размѣру посѣвной площади; напротивъ, мущинъ, въ малопосѣвныхъ группахъ, нанимаютъ на обработку земли, взамѣнъ своихъ мущинъ, ушедшихъ на промыселъ.

Все это справедливо, однако, лишь по отношенію къ промышленной, или что тоже самое—къ нечерноземной полосѣ.

Въ черноземной полосѣ всѣ виды найма носятъ въ большей или меньшей мѣрѣ капиталистическій характеръ. Правда, симптоматическое значеніе поденнаго (и сдѣльнаго) найма, съ одной стороны, срокового или батрацкаго, съ другой, и здѣсь далеко не одинаково: «одинъ только поденный наемъ—справедливо замѣчаетъ тотъ-же г. Сухановъ,—или со сдѣльнымъ, не создаетъ и не можетъ служить признакомъ «крестьянской буржуазіи»; однимъ поденнымъ наймомъ не можетъ держаться капиталистическое хозяйство. Примѣненіе одного поденнаго найма всегда говоритъ о случайности пользованія наемнымъ трудомъ и полученія прибавочной стоимости, тогда какъ послѣдняя является основной и необходимой цѣлью капиталистическаго производства, предполагающаго непремѣнно систематическое ея добываніе. Одинъ поденный наемъ не можетъ знаменовать систематическаго примѣненія наемнаго труда, слившагося съ самою формой хозяйства и являющагося необходимой его

функціей: при необходимости и выгодности для хозяйства систематической эксплоатаціи наемной рабочей силы, т. е. при превращеніи хозяйства въ капиталистическое, поденный наемъ, наемъ несравненно болѣе дорогой и хлопотный, неизбѣжно долженъ замѣниться сроковымъ, при которомъ можетъ существовать (сейчасъ дальше увидимъ—долженъ! А. К.) и поденный. Поэтому—заключаетъ г. Сухановъ, безъ срокового найма нѣтъ капитализма; капиталистическими хозяйствами могутъ быть только батрацкія хозяйства». (Курс. мой. А. К.) Къ этимъ, въ значительной степени справедливымъ, соображеніямъ надо прибавить еще и то, что поденный наемъ, въ частности, на уборку хлѣба и сѣна, находитъ себѣ вполнѣ опредѣленное мѣсто и при чисто трудовомъ, въ принципѣ, характерѣ крестьянскаго хозяйства, благодаря отмѣченному выше, крайне неравномѣрному распредѣленію во времени потребности земледѣльческаго хозяйства въ трудѣ: хозяйство, запашка котораго будетъ только достигать рабочей нормы или даже только приближаться къ ней, иначе сказать, которое будетъ обрабатывать землю исключительно своими работниками, не сможетъ справиться съ уборкой иначе, какъ при помощи поденнаго или сдѣльнаго найма; мало того—благодаря оказывающейся, сплошь и рядомъ, неизбѣжною, крайней спѣшности уборки, къ поденному и задѣльному найму сплошь и рядомъ оказываются вынужденными прибѣгать и такія хозяйства, которыхъ запашка далеко меньше рабочей нормы; даже такія, которыя, въ другое время, сами работаютъ чужую работу. Только батрацкій наемъ, въ условіяхъ хозяйства черноземной полосы, болѣе или менѣе всегда носитъ уже опредѣленно-капиталистическій характеръ. Но онъ никогда (если не считать, конечно, всегда возможныхъ ненормальныхъ исключеній) не идетъ одинъ, а всегда сопровождается поденнымъ и сдѣльнымъ наймомъ. Это—въ силу все той же неравномѣрности распредѣленія сельско-хозяйственныхъ работъ во времени: чтобы крестьянину былъ разсчетъ держать батраковъ, запашка должна быть настолько велика, чтобы при обработкѣ ея могъ быть использованъ весь трудъ какъ батраковъ, такъ и семейныхъ работниковъ; а разъ она будетъ настолько велика, рабочія силы семьи, съ присоединеніемъ однихъ батраковъ, ни въ какомъ случаѣ не справятся съ уборкой хлѣба и съ заготовкой соотвѣтственнаго количества кормовъ,—для этого неизбѣжно придется прибѣгнуть къ поденному или задѣльному найму. Если, такимъ образомъ, только наемъ батраковъ является болѣе или менѣе безошибочнымъ симптомомъ крестьянскаго земледѣльческаго капитализма, то число нанятыхъ батраковъ не даетъ, если можно такъ выразиться, полной мѣры капиталистичности даннаго хозяйства: при помощи одного или немногихъ батраковъ оно можетъ, особенно если будетъ пользовать пахатными орудіями скоропашущихъ типовъ, довести свою запашку до такихъ размѣровъ, при которыхъ для уборки и молотьбы придется нанимать, пропорціонально, гораздо большее количество

поденныхъ или сдѣльныхъ рабочихъ.

Вотъ данныя о распространенности срокового найма въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ черноземной полосы, которыя я заимствую изъ небольшой работы Б. Н. Книповича «Къ вопросу о дифференціаціи русскаго крестьянства». Сначала—процентъ хозяйствъ, нанимающихъ батраковъ, по Воронежской губерніи, по даннымъ переписи 1885—87 гг. и повторной переписи 1900 г.:

Посѣвныя группы.	% дворовъ съ батраками въ 1885—7 г	въ 1900 г.
безпосѣвные	1,4	2,6
до 1 дес.	0,9	1,8
1— 5 «	1,5	1,4
5—10 «	4,8	3,7
10—20 «	11,7	20
20—40 «	26,5	25
болѣе 40 «	61	58

Сопоставленіе данныхъ двухъ переписей показываетъ прежде всего, что процентъ батрацкихъ хозяйствъ во всѣхъ группахъ, начиная съ 4—ой, т. е. во всѣхъ тѣхъ, гдѣ наемъ сроковыхъ работниковъ обусловливается, несомнѣнно, значительнымъ размѣромъ запашки, хотя и не слишкомъ сильно, но понизился; это, по всей вѣроятности, результатъ проникновенія въ болѣе крупныя крестьянскія хозяйства улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, при пользованіи которыми съ данною затратою рабочей силы можно «управить» и засѣять гораздо большую площадь. Затѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, процентъ батрацкихъ хозяйствъ по обѣимъ переписямъ очень незначителенъ въ нисшихъ посѣвныхъ группахъ, а начиная съ четвертой очень быстро растетъ вмѣстѣ съ ростомъ посѣвной площади. Нѣсколько неожиданнымъ является сравнительно высокій процентъ батрацкихъ хозяйствъ въ безпосѣвной группѣ, а въ 1900 г.—и въ группѣ съ посѣвомъ менѣе десятины: очевидно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло уже не съ земледѣльческимъ, а съ наймомъ болѣе или менѣе исключительно для промышленныхъ цѣлей.

Вотъ, затѣмъ, данныя о процентѣ хозяйствъ съ батраками въ Екатеринославскомъ уѣздѣ,—только не по посѣвнымъ, а по земельнымъ группамъ:

Земельныя группы:	Процентъ хозяйствъ съ батраками.	Въ среднемъ на одно нанимающее хозяйство годовыхъ	лѣтнихъ работниковъ.
0	26	0,8	1,0
до 1 дес.	3	0,7	0,7
1— 3 «	3	0,5	0,9

3— 5 дес.	3	0,6	0,7
5—10 «	3	0,7	0,8
10—15 «	4	0,7	1,1
15—20 «	8	0,6	1,7
20—25 «	14	0,7	1,3
бол. 25 «	60	1,3	2,3

Тутъ же сейчасъ приведемъ и групповыя данныя по Николаевскому уѣзду (Самарской губ.),—опять по посѣвнымъ группамъ:

Посѣвныя группы	Процентъ хозяйствъ съ батраками	Изъ нихъ только съ женщинами и подростками	Въ среднемъ на 1 нанимающее хозяйство
до 3 дес.	1,3	42	1,4
3— 6 «	1,4	39	
6— 9 «	2,6	45	1,4
9—12 «	5	34	
12—15 «	10	31	
15—20 «	18	25	
20—30 «	30	24	1,8
30—40 «	47	19	
бол. 40 «	70	14	2,6

Прежде всего здѣсь бросается въ глаза, конечно, огромный процентъ хозяйствъ съ батраками въ безземельной группѣ по Екатеринославскому уѣзду; это, очевидно, пришлый безземельный элементъ, какого много въ нашихъ южныхъ степяхъ, ведущій хозяйство исключительно на арендованной землѣ. Въ остальномъ цифры обѣихъ табличекъ складываются въ аналогичные ряды лишь нѣсколько дополняя другъ друга. Процентъ дворовъ съ батраками, ничтожный въ малоземельныхъ и малосѣющихъ группахъ, гдѣ наемъ батраковъ обусловливается либо малосемейностью, либо промысловыми потребностями, быстро растетъ, начиная съ посѣвной группы въ 15—20 дес. и съ приблизительно ей соотвѣтствующей земельной группы, среди же многосѣющихъ хозяйствъ нанимающія батраковъ составляютъ значительное большинство. Характерно, затѣмъ, въ табличкѣ по Екатеринославскому уѣзду, что среднее на нанимающее хозяйство число нанятыхъ лѣтнихъ рабочихъ почти во всѣхъ безъ исключенія группахъ больше, и притомъ растетъ значительно быстрѣе, чѣмъ среднее число годовыхъ,—это и понятно, потому что лѣтомъ, когда обрабатывается земля, потребность въ рабочихъ рукахъ гораздо больше, чѣмъ зимою. Характерно, съ другой стороны, въ табличкѣ по Николаевскому уѣзду, что, по мѣрѣ перехода отъ нисшихъ къ высшимъ посѣвнымъ группамъ, рѣзко убываетъ процентъ хозяйствъ, нанимающихъ

однѣ только малоцѣнныя рабочія силы—женщинъ и подростковъ, и наоборотъ—расчетъ процентъ такихъ, которыя нанимаютъ полныхъ работниковъ—мущинъ. Главное же, что характерно въ обѣихъ таблицахъ—это небольшое среднее число нанимаемыхъ однимъ нанимающимъ хозяйствомъ сроковыхъ рабочихъ, притомъ весьма медленно растущее съ переходомъ къ высшимъ посѣвнымъ группамъ: это показываетъ, что ростъ запашекъ лишь въ относительно небольшой долѣ происходитъ за счетъ нанятой рабочей силы, слѣдовательно имѣетъ капиталистическій характеръ, въ значительной же долѣ совершается за счетъ собственной рабочей силы многосемейныхъ хозяйствъ.

Теперь, еще нѣсколько словъ о формахъ крестьянскаго найма. Годовой наемъ, конечно, не требуетъ особыхъ поясненій. Сроковой наемъ—это обычно наемъ на одинъ изъ трехъ сроковъ: на все лѣтнее полугодіе, на лѣтнюю четверть года, на зимнее полугодіе; рѣже встрѣчается наемъ на весеннюю четверть, т. е. главнымъ образомъ на работы по яровому посѣву и обработкѣ паровъ. Начало и конецъ каждаго изъ этихъ сроковъ, чаще всего, пріурочивается къ тѣмъ или другимъ, обычнымъ въ данной мѣстности, срокамъ: начало весенняго срока къ Пасхѣ, къ «вешнему Егорію» или къ «вешнему Николѣ», начало зимняго къ Покрову, къ Михайлову дню и т. п.. Рѣже—сколько я могу себѣ представить—встрѣчается помѣсячный, и тѣмъ болѣе понедѣльный, наемъ; понедѣльно, впрочемъ, иногда нанимаютъ косить и т. п.. Наиболѣе обычною и общераспространенною формою является, конечно, поденный наемъ, но наряду съ нимъ, гдѣ болѣе, гдѣ менѣе, гдѣ больше на однѣ работы, гдѣ больше на другія, распространенъ наемъ задѣльный. Едва ли будетъ ошибкой сказать, что эта послѣдняя форма—если говорить о земледѣльческихъ районахъ—примѣняется рѣже къ обработкѣ земли, чаще—къ уборкѣ травъ и хлѣбовъ и къ молотьбѣ. Формы задѣльнаго найма, опять таки, довольно разнообразны: на уборку хлѣба нанимаютъ чаще всего съ опредѣленной площади—подесятинно, съ «третника», съ «переѣзда»; гдѣ хлѣбъ косится, нерѣдко нанимаютъ отдѣльно на косьбу—подесятинно, а затѣмъ поденно или подесятинно же на «уборку» скошеннаго хлѣба—вязку въ снопы и т. д.; на уборку травы нанимаютъ иногда подесятинно же, но едва ли не чаще (потому что крестьяне, сплошь и рядомъ, не знаютъ мѣры своихъ покосовъ) съ копны, съ сотни копенъ, съ «промежка»—(небольшого стога),—вообще съ оплатой не по площади, а по количеству накошеннаго сѣна; на молотьбу нанимаютъ, обычно, съ овина—но наемъ съ овина бываетъ двоякій: иногда «приманимаютъ» къ своимъ одного—двухъ чужихъ работниковъ, причемъ каждый получаетъ нѣсколько копѣекъ съ каждаго обмолоченнаго овина; иногда нанимаютъ съ овина «на отрядъ»—нанимающійся берется насадить и высушить овинъ, затѣмъ обмолотить и провѣять хлѣбъ и получаетъ выговоренную плату за всю совокупность перечисленныхъ работъ. Значительно сложнѣе формы найма тамъ, гдѣ тѣ или другія работы

производятся машинами,—тутъ встрѣчаются самыя разнообразныя комбинаціи, смотря потому, чья машина, чей скотъ, участвуетъ ли нанимающій въ работѣ или нѣтъ,—останавливаться здѣсь на всѣхъ этихъ частностяхъ было бы, конечно невозможно. Нанимаютъ въ крестьянскомъ быту, можно сказать, всегда на хозяйскихъ харчахъ, количество и качество которыхъ, въ каждой данной мѣстности, опредѣляется мѣстнымъ обычаемъ, но въ отдѣльныхъ случаяхъ зависитъ, конечно, и отъ состоятельности, и отъ тароватости нанимателя. При годовомъ и сроковомъ наймѣ рабочій получаетъ отъ хозяина иногда всю (чаще при годовомъ наймѣ), иногда ту или другую часть одежды, иногда только «обутки и рукавицы». Встрѣчается и наемъ изъ части—«съ такого-то снопа», «съ такой-то копны»,—чаще всего на жнитво и сѣнокосъ, относительно рѣже на молотьбу—«съ такого-то пуда». Къ этой формѣ найма прибѣгаютъ, при обыкновенныхъ условіяхъ, тѣ крестьяне, у которыхъ нѣтъ, въ данный моментъ, свободныхъ средствъ, чтобы нанять на деньги,—особенно же часто прибѣгаютъ къ найму изъ части при «валовыхъ», исключительно-хорошихъ урожаяхъ хлѣба и травы, когда не хватаетъ рабочихъ и ихъ стараются привлечь исключительно выгодными условіями найма. Естественно, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ условія найма изъ части бываютъ выгоднѣе для нанимающагося, чѣмъ условія денежнаго найма. Крестьяне, располагающіе свободными деньгами или имѣющіе въ запасѣ хлѣбъ, вообще болѣе состоятельные, въ широкихъ размѣрахъ пользуются «задашною» работой—комбинаціею найма съ денежною или натуральною ссудой: зимою и весною «задаютъ» деньги или хлѣбъ подъ опредѣленную лѣтнюю работу—подъ столько-то поденщинъ въ сѣнокосъ, или въ жнитво, подъ столько-то десятинъ жнитва или столько-то копенъ покоса, причемъ, въ видѣ или взамѣнъ роста, такая «задашная» работа оцѣнивается, приблизительно, на 30—50 % дешевле обычныхъ въ данной мѣстности, при среднихъ урожаяхъ, цѣнъ на данную работу. Понятно, что въ этомъ случаѣ въ сдѣлку входитъ немалый элементъ риска или игры: будетъ плохой урожай—цѣны могутъ оказаться не выше или даже ниже «задашныхъ»—въ такомъ случаѣ кредиторъ не получитъ никакого роста, или даже потеряетъ; будетъ урожай и высокія цѣны—ростъ кредитора достигнетъ 100, 150, 200 %; нерѣдко бываетъ, однако, и такъ, что при очень хорошихъ цѣнахъ должники вовсе не являются отрабатывать свои «заборы», а просто возвращаютъ (или не возвращаютъ) деньги. Бываетъ и то, что называютъ «задашнымъ» наймомъ «по-божески»: «совѣстливый» крестьянинъ хотя и даетъ деньги подъ работу, но не ради роста, а только для того, чтобы обезпечить себя рабочими руками, и съ тѣмъ, чтобы лѣтомъ засчитать работу за долгъ «почемъ люди жать» или «косить будутъ».

Нельзя однако не сказать, что весь вообще вопросъ о наймѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ освѣщенъ крайне недостаточно,—виною этому недостаточная разработка этого вопроса въ нашей земской статистикѣ.

По справедливому замѣчанію того-же Н. Н. Суханова, изъ книги котораго мнѣ необходимо сдѣлать здѣсь длинную питату, вопросъ о наймѣ «безусловно не пользовался особымъ вниманіемъ статистиковъ. Иногда—говоритъ г. Сухановъ—мы находимъ въ таблицахъ одну только графу о числѣ нанятыхъ рабочихъ, даже безъ указанія количества нанимающихъ дворовъ. Правда—продолжаетъ цитируемый авторъ—чаще мы находимъ свѣдѣнія по обоимъ этимъ пунктамъ, но зачастую не указывается ни пола, ни возраста нанятыхъ рабочихъ, почти нигдѣ нѣтъ вполнѣ опредѣленныхъ указаній, наняты ли рабочіе исключительно для сельскаго хозяйства или также и для промысла, и т. п....; не всегда даже можно съ полною увѣренностью сказать, какой способъ оплаты практикуется въ данныхъ случаяхъ земледѣльческаго найма—нанимаются ли рабочіе на срокъ, поденно или сдѣльно, на опредѣленную работу или циклъ работъ. Послѣднимъ мы обязаны значительной сбивчивости и неустойчивости терминологіи и табличныхъ обозначеній, принятыхъ различными статистиками. Такъ, самый фактъ употребленія въ крестьянскомъ хозяйствѣ наемнаго труда отмѣчается въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ различными способами; степень распространенія наемнаго труда характеризуется, напр., такимъ образомъ: «число хозяйствъ, пользующихся наемнымъ трудомъ», или «число хозяйствъ, нанимающихъ работниковъ», или «дворовъ съ наемными рабочими», или «дворовъ, прибѣгающихъ къ найму рабочей силы», или «ведущихъ хозяйство при помощи наемнаго труда», или «дворовъ съ батраками», или «семей, держащихъ батраковъ», и т. п.. Иногда наряду съ графами, обозначенными такими способами, мы находимъ особыя данныя о наймѣ поденщиковъ или сдѣльныхъ рабочихъ, и тогда ясно, что этихъ графахъ дѣло идетъ о наймѣ батраковъ, подъ каковыми, повидимому, всегда разумѣются сроковые работники... Но иногда не находимъ ни разъясненій, ни какихъ-либо еще свѣдѣній о наемномъ трудѣ, помимо такого рода графы. Всегда ли мы будемъ правы, считая всѣ приведенныя обозначенія за синонимы? Всегда ли эти обозначенія означаютъ наемъ сроковыхъ и только сроковыхъ рабочихъ? Иногда есть нѣкоторыя основанія въ этомъ сомнѣваться, но при отсутствіи спеціальныхъ разъясненій и какихъ либо иныхъ данныхъ намъ приходится (едва ли правильно! А. К.) всѣ графы такого рода признать свидѣтельствующими объ аналогичныхъ явленіяхъ». Далѣе: «въ иныхъ случаяхъ подъ наймомъ «работниковъ» разумѣется наемъ рабочихъ обоего пола; въ другихъ случаяхъ наемъ «работниковъ» означаетъ только наемъ мужской рабочей силы, причемъ иногда приводятся свѣдѣнія о наймѣ женской рабочей силы, а иногда наемъ женской рабочей силы совершенно не регистрируется (напр. по Сарат. губ.); но весьма многочисленны случаи, когда невозможно установить, о наймѣ какой именно рабочей силы идетъ рѣчь (Воронеж., Таврич., Пермск. губ.), и неизвѣстно, такимъ образомъ, не практикуется ли эксплоатація наемнаго труда въ размѣрахъ вдвое большихъ, чѣмъ

зарегистрировано въ изслѣдованіяхъ». Нечего уже говорить о томъ, что—какъ мы сейчасъ увидимъ изъ приводимыхъ ниже примѣровъ—общимъ правиломъ является нерасчлененность данныхъ о наймѣ ни по времени (лѣто, зима и пр.), ни по роду работъ, на которыя нанимаютъ, ни тѣмъ болѣе по формѣ найма (поденно или задѣльно), не говоря уже о такихъ болѣе тонкихъ, но безъ особаго труда уловимыхъ различіяхъ, какъ работа за денежную плату или изъ части, по «забору» или безъ него и т. п..

Въ формулярахъ болѣе раннихъ подворныхъ переписей мы, сплошь и рядомъ, вовсе не находимъ вопросовъ о пользованіи наемною рабочею силой въ данномъ хозяйствѣ, отпускъ же рабочихъ рукъ (какъ мы увидимъ ниже) обычно регистрируется въ нерасчлененной рубрикѣ „промысловъ“. Въ качествѣ примѣровъ сравнительно большаго вниманія, удѣляемаго вопросу о пользованіи нанятою рабочею силой, можно привести Владимірскіе, гдѣ поставлены такіе вопросы: „для промысла взрослыхъ—учениковъ“, „для земледѣлія“—только взрослые; для тѣхъ и другихъ требуется указать полъ. Очевидно, рѣчь идетъ только о с р о к о в о м ъ наймѣ, причемъ остается неизвѣстнымъ даже, идетъ ли рѣчь о годовыхъ, или о нанятыхъ на менѣе продолжительные сроки. Приблизительно такъ же поставленъ вопросъ въ формулярахъ первой Полтавской переписи—единственный вопросъ здѣсь, относящійся къ найму, это: „хозяйство держитъ работниковъ—работницъ“. Значительно лучше—если говорить, пока, только о болѣе раннихъ изслѣдованіяхъ—поставлены вопросы о наймѣ въ Воронежскихъ формулярахъ: рядомъ съ графами, посвященными семейному составу двора, имѣются графы „наемныхъ рабочихъ—годовыхъ, сроковыхъ“, причемъ соотвѣтственныя отмѣтки должны были дѣлаться въ возрастныхъ клѣткахъ,—такимъ образомъ данныя о сроковомъ наймѣ получались съ расчлененіемъ по полу и возрасту, и притомъ отдѣльно для годовыхъ и для сроковыхъ рабочихъ; за то всѣ другіе виды найма и здѣсь оставались вовсе не учтенными. Сравнительно удовлетворительно поставленъ былъ вопросъ о наймѣ въ формулярахъ по изслѣдованнымъ въ послѣднюю очередь уѣздамъ Тверской губерніи: требовалось показать отдѣльно работниковъ и работницъ, отдѣльно годовыхъ, лѣтнихъ и зимнихъ, а затѣмъ имѣлся вопросъ: „кромѣ того тратится на наемъ поденщиковъ въ годъ“,—расходъ долженъ былъ показываться общею суммой, безъ какого-либо расчлененія.

Весьма пестрою и далеко не всегда достаточною является постановка вопросовъ о наймѣ и въ современныхъ формулярахъ. Такъ, въ формулярахъ повторной переписи Тверской губерніи ставился вопросъ о „наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ“ (годовыхъ или сроковыхъ—значитъ безъ раздѣленія тѣхъ отъ другихъ) съ расчлененіемъ по полу и по возрасту—рабочему или полурабочему: остальные виды найма не учитывались вовсе. Лучше постановка вопросовъ о наймѣ, напримѣръ, въ формулярахъ 3-ей Полтавской переписи Здѣсь, прежде всего—единственный, сколько мнѣ извѣстно, примѣръ!—поставлено рядомъ двѣ рубрики: „имѣетъ въ услуженіи во время переписи“, „было въ услуженіи въ зимнее время“; затѣмъ, въ каждой изъ нихъ имѣются графы: годовыхъ—сроковыхъ—занятіе, и записи въ эти графы дѣлаются, какъ и въ Воронежскихъ формулярахъ, въ возрастныхъ клѣткахъ; благодаря этому получается возможность расчленить рабочихъ по полу и возрасту и отдѣлить сельскохозяйственныхъ отъ промышленныхъ и лѣтнихъ отъ зимнихъ рабочихъ. Другіе виды найма, однако, не регистрируются и здѣсь. Полнѣе Харьковскіе формуляры: здѣсь, прежде всего, рабочіе „въ промышленныхъ заведеніяхъ“ регистри-

руются совершенно отдѣльно отъ сельско-хозяйственныхъ; затѣмъ, имѣется особая графа возраста (не относящаяся—надо думать—къ поденному найму) и двѣ отдѣльныя большія рубрики для мужчинъ и женщинъ, и въ каждой изъ нихъ такія графы: годовые—число ихъ, плата всѣмъ, сроковые—число ихъ, сроки, плата всѣмъ; поденные—какая работа, число дней, плата всѣмъ,—получается, такимъ образомъ, возможность расчлененія срокового найма по срокамъ, поденнаго по роду работъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ учета какъ расхода на всѣ виды найма, такъ и количества используемой чужой рабочей силы. Совершенно не учитывается—сколько можно судить по редакціи формуляра—сдѣльный наемъ. Этотъ пробѣлъ пополненъ въ Смоленскихъ формулярахъ, которые, однако, въ рядѣ другихъ отношеній далеко уступаютъ харьковскимъ. Здѣсь, именно, всѣ виды сельско-хозяйственнаго найма учитываются съ расчлененіемъ нанятыхъ на мужчинъ, женщинъ и подростковъ, дается затѣмъ число рабочихъ годовыхъ и лѣтнихъ, число мѣсяцевъ, прожитыхъ мѣсячными рабочими, число дней, проработанныхъ поденщиками, и сумма, израсходованная на сдѣльныя работы; наконецъ, имѣется особая графа для найма только лошади, причемъ требуется показать, на какія работы нанималась лошадь, и какая сумма израсходована. Расходъ показывается, такимъ образомъ, только для найма лошади и для сдѣльнаго, родъ работъ—только для лошади; для остальныхъ видовъ найма не показывается расходъ, ни для сдѣльнаго и поденнаго, ни для мѣсячнаго не показывается ни родъ работъ, ни даже время года. Совершенно особо стоитъ вопросъ о наемныхъ рабочихъ при торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ—здѣсь дается только число рабочихъ, отдѣльно мужчинъ и женщинъ. Не безукоризненною является постановка вопросовъ о наймѣ и въ формулярахъ произведенной лѣтомъ 1915 г. переписи въ Донской области. Достоинствомъ ея является болѣе точное, чѣмъ обычно, возрастное распредѣленіе: учитываются, именно, отдѣльно рабочіе рабочаго, старшаго и младшаго полурабочаго возрастовъ и подростки, затѣмъ виды найма выдѣлены слѣдующіе: годовые раббчіе, сроковые рабочіе (въ скобкахъ: время), затѣмъ—число поденщинъ, безъ всякаго расчлененія ни по времени, ни по родамъ работъ, и сдѣльныя работы, напротивъ, въ довольно детальнымъ расчлененіемъ по родамъ работъ—вспашка, бороньба, косьба и возка хлѣба, молотьба, косьба и возка сѣна; сдѣльныя работы требуется, однако, показывать „въ десятинахъ“ что конечно вполнѣ правильно для вспашки, бороньбы, вѣроятно для косьбы хлѣба, но едва ли всегда возможно для косьбы сѣна (ибо площадь сѣнокосовъ далеко не всегда извѣстна) и уже навѣрно нецѣлесообразно для молотьбы. Едва ли не наилучшая постановка вопросовъ о наймѣ—въ Вологодскихъ формулярахъ (Великоустюг. уѣздъ). Здѣсь имѣется, прежде всего, рубрика „наемъ сроковыхъ рабочихъ“ съ графами: родъ работъ, полъ, возрастъ, срокъ, время года, плата, чье содержаніе (харчи), затѣмъ рубрика „сдѣльныхъ работъ“ съ графами: родъ работъ, количество работъ, плата деньгами и натурой; и рубрика „наемъ поденныхъ рабочихъ“, гдѣ въ графѣ „родъ работъ“ пропечатаны названія одинадцати видовъ работъ (весенняя пашня, сѣвъ яровыхъ, навозница, косьба сѣна и т. д.), и для каждаго рода работъ учитывается число конныхъ и число пѣшихъ поденщинъ, отдѣльно для мужчинъ, женщинъ и подростковъ. Наконецъ, въ рубрикѣ „торгово-промышленныхъ предпріятій“ имѣется двѣ графы „наемныхъ рабочихъ“, съ подраздѣленіемъ уже только по полу. Здѣсь расчленіе, можетъ быть, и недостаточно,—но разработка вопросовъ, посвященныхъ сельско-хозяйственному найму, почти не оставляетъ желать лучшаго,—несовсѣмъ понятно только, почему для срокового и сдѣльнаго найма требуется показывать расходъ, а для поденнаго—не требуется.

Разработка вопросовъ о наймѣ въ сборникахъ, конечно, въ общемъ соотвѣтствуетъ постановкѣ ихъ въ переписныхъ формулярахъ. Въ рядѣ старыхъ сбор-

никовъ—напримѣръ въ Борисоглѣбскомъ, въ Курскихъ, мы вовсе не находимъ никакихъ данныхъ о наймѣ. Въ Зѣньковскомъ сборникѣ (Полтавск губ.) дается лишь число хозяйствъ, имѣющихъ наемныхъ работниковъ или работницъ, и число послѣднихъ—значитъ, даже безъ расчлененія по полу. Во Владимірскихъ сборникахъ дается число дворовъ съ наемными рабочими, а затѣмъ число рабочихъ: для промысла взрослыхъ—подростковъ, для земледѣлія только взрослыхъ, каждая изъ этихъ рубрикъ съ расчлененіемъ по полу. Въ Воронежскихъ дается число хозяйствъ съ наемными работниками и въ нихъ число работниковъ годовыхъ—полугодовыхъ, опять-таки съ расчлененіемъ по полу. Во всѣхъ этихъ сборникахъ, такимъ образомъ, такъ или иначе учитывается только сроковой наемъ, и нѣтъ никакихъ данныхъ и поденномъ и задѣльномъ. Тоже и въ нѣкоторыхъ изъ болѣе новыхъ сборниковъ—напримѣръ Мышкинскомъ (Яросл. губ.) здѣсь дается число дворовъ съ мужчинами—съ женщинами работниками, затѣмъ число нанимаемыхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ съ расчлененіемъ, прежде всего, на годовыхъ и лѣтнихъ, затѣмъ по полу и еще—по возрасту вообще—въ томъ числѣ въ рабочемъ возрастѣ. Приблизительно тоже въ формулярахъ 3-ей Полтавской переписи: прежде всего дается число всѣхъ хозяйствъ, нанимающихъ рабочихъ (очевидно—только сроковыхъ), затѣмъ—три отдѣльныя рубрики для найма годовыхъ, лѣтнихъ и зимнихъ работниковъ, для каждой категоріи дается число нанимающихъ хозяйствъ и число нанятыхъ работниковъ, съ расчлененіемъ по полу. Нѣсколько иначе, но тоже весьма неполно, трактованъ вопросъ о наймѣ, напримѣръ, въ сборникѣ по Славяносербскомъ уѣзду (Екатериносл. у): здѣсь дается число хозяйствъ, прежде всего, вообще съ наемными рабочими, затѣмъ отдѣльно съ годовыми, съ годовыми и лѣтними, съ одними лѣтними, въ томъ числѣ отдѣльно съ сроковыми и мѣсячными, съ поденными; затѣмъ графы, посвященныя числу нанятыхъ рабочихъ—но только сроковыхъ: „у нихъ нанято“ годовыхъ, лѣтнихъ, каждая категорія съ расчлененіемъ по полу,—центръ тяжести здѣсь, такимъ образомъ, не въ учетѣ нанятыхъ рабочихъ, а въ характеристикѣ нанимающихъ дворовъ по типамъ примѣняемаго ими найма. Нельзя признать достаточной разработку вопроса о наймѣ даже и въ такихъ, по времени очень новыхъ и въ другихъ отдѣлахъ весьма подробныхъ, сборникахъ, какъ напримѣръ Тульскіе. Въ рубрикѣ „обезпеченіе хозяйствъ наемной рабочею силой» даются здѣсь такія графы: число хозяйствъ, пользующихся наемною рабечею силой вообще, въ томъ числѣ нанимающихъ годовыхъ и сроковыхъ, пользующихся поденнымъ, пользующихся сдѣльнымъ наймомъ. Для сдѣльнаго найма дается общая сумма затраченныхъ денегъ, для срокового—число нанятыхъ рабочихъ, отдѣльно годовыхъ и сроковыхъ, для поденнаго—число использованныхъ поденщинъ, для каждаго изъ этихъ трехъ видовъ наймовъ дается число нанятыхъ мужчинъ, женщинъ и подростковъ. О распредѣленіи тѣхъ или другихъ видовъ найма по времени или по родамъ работъ Тульскіе сборники не даютъ никакого представленія.

Исключительною детальностью отличалась разработка вопроса о наймѣ въ сборникѣ по Грязовецкому у. (Волог. губ.). Здѣсь дается, прежде всего, число хозяйствъ вообще съ наймомъ, вообще со сроковыми рабочими, въ томъ числѣ со сроковыми женщинами или полурабочими. Затѣмъ идетъ рубрика—наемъ сроковыхъ рабочихъ, отдѣльно годовыхъ и отдѣльно лѣтнихъ, причемъ для каждой категоріи дается число нанимающихъ хозяйствъ и число нанятыхъ—мужчинъ и женщинъ. Далѣе—наемъ сдѣльныхъ рабочихъ: число дворовъ съ неизвѣстнымъ расходомъ, съ извѣстнымъ расходомъ,—ими израсходовано рублей. Затѣмъ, число хозяйствъ, нанимающихъ поденныхъ рабочихъ: только конныхъ, только пѣшихъ, конныхъ и пѣшихъ, всего; ими использованно поденщинъ—мужчинъ, женщинъ, полуработниковъ, всего, въ томъ числѣ конныхъ и пѣшихъ; наконецъ особо—число дворовъ, отдающихъ свою землю „въ управку“. При-

близительно такъ же, только въ нѣсколько болѣе сжатомъ видѣ, трактованъ вопросъ о наймѣ и въ позднѣе вышедшемъ, вообще гораздо менѣе подробномъ, сборникѣ по Тотемскому уѣзду,—сокращеніе выразилось, между прочимъ, въ въ томъ, что годовые работники не отдѣлены отъ лѣтнихъ,—что касается до поденнаго и сдѣльнаго найма, то какъ въ этомъ сборникѣ, такъ въ несравненно болѣе детальномъ Грязовецкомъ, какъ видно изъ сказаннаго, также не дано никакого расчлененія ни по временамъ года, ни по родамъ работъ. Вообще, въ числѣ пересмотрѣнныхъ мною сборниковъ нѣтъ ни одного, гдѣ данныя о наймѣ были бы расчленены по родамъ работъ, лишь очень мало такихъ, гдѣ дано хотя бы расчлененіе срочнаго найма по временамъ года. Между тѣмъ, вопросъ этотъ представлялъ бы не малый интересъ, и разработка его обнаружила бы—сколько я могу судить по своимъ собственнымъ изслѣдованіямъ въ Сибири—существенныя различія въ зависимости отъ общаго строя и господствующихъ въ той или другой мѣстности типовъ хозяйства.

Все сказанное относится—напомню—лишь къ покупкѣ рабочей силы крестьянскими хозяйствами, найма рабочей силы. Продажа, отпускъ рабочей силы крестьянскими хозяйствами достигаетъ, въ общемъ, значительно большихъ размѣровъ. По подсчетамъ «комиссіи о центрѣ», для уборки хлѣба на надѣльныхъ земляхъ—т.-е. для совокупности тѣхъ работъ, которыя предъявляютъ наиболѣе интенсивный спросъ на рабочую силу, въ итогѣ по 50 губерніямъ коренной Россіи требуется всего 11,3 милл. рабочихъ мужескаго пола; наличное число мужчинъ рабочаго возраста уже въ 1900 году исчислялось въ 44,7 милліоновъ, и такимъ образомъ избытокъ мужской рабочей силы даже въ періодѣ уборки хлѣбовъ опредѣлялся въ 33,4 милліона человѣкъ,—избыточными и, слѣдовательно, ищущими для себя приложенія оказывались три четверти общаго числа рабочихъ рукъ; и это—повторяю—во время уборки хлѣба; для другихъ временъ года, когда земледѣльческія работы требуютъ далеко меньшаго числа рукъ, избытокъ послѣднихъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ долженъ былъ бы опредѣлиться въ еще гораздо большихъ цифрахъ. Конечно, разсчеты эти чрезвычайно преувеличены. Достаточно того, что для новороссійскаго района былъ исчисленъ избытокъ рабочихъ рукъ въ 2,3 милліона, для Самаро-Уфимско-Оренбургскаго въ 1,5 милліона однихъ только мужчинъ,—между тѣмъ оба эти района не только не отпускаютъ, но наоборотъ—привлекаютъ сотни тысячъ рабочихъ со стороны, испытываютъ, значитъ, не избытокъ, а недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, причемъ, въ частности, въ пришлыхъ рабочихъ нуждаются и верхніе слои крестьянскихъ хозяйствъ. Избытокъ труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ, такимъ образомъ, далеко не такъ великъ, какъ выходило по разсчетамъ «комиссіи о центрѣ». Тѣмъ не менѣе, при данномъ, экстенсивномъ и, слѣдовательно, весьма мало трудоемкомъ, складѣ земледѣльческаго хозяйства вообще и крестьянскаго въ частности, избытокъ несомнѣнно существуетъ. Нѣтъ его, какъ я сказалъ, въ новороссійскомъ краѣ, въ восточныхъ и въ юго-восточныхъ губерніяхъ,—здѣсь мѣстный спросъ на рабочую силу, даже въ крестьянскомъ хозяй-

ствѣ, превышаетъ мѣстное предложеніе, и въ пору уборки травъ и въ особенности хлѣбовъ оказывается острая необходимость въ пришлыхъ рабочихъ. Въ остальной Россіи предложеніе избыточнаго земледѣльческаго труда, идущее со стороны массы бѣднѣйшихъ, въ значительной мѣрѣ и среднесостоятельныхъ хозяйствъ, значительно превышаетъ спросъ на него со стороны сравнительно немногочисленнаго и не столь сильно выдифференцировавшагося верхняго слоя крестьянства. Остающійся свободный избытокъ ищетъ себѣ приложенія,—совокупность приложеній этого избыточнаго труда и составляетъ то, что принято называть промыслами крестьянскаго населенія. Промыслы—это, прежде всего, работа по найму тутъ же на мѣстахъ, частью въ болѣе сильныхъ крестьянскихъ, главнымъ же образомъ во владѣльческихъ хозяйствахъ. Затѣмъ—отхожіе земледѣльческіе заработки—главнымъ образомъ отходъ въ тѣ мѣстности юга, востока и юго-востока европейской Россіи, гдѣ наличный запасъ рабочей силы не покрываетъ спроса, предъявляемаго сельскимъ хозяйствомъ во время, главнымъ образомъ, уборки хлѣбовъ и травъ. Далѣе — неземледѣльческіе заработки и прежде всего—мѣстные, которые можно разбить на двѣ большихъ категоріи: заработки въ мѣстной добывающей промышленности, изъ которыхъ наиболѣе видную роль въ народной экономіи играютъ разнообразные виды лѣсныхъ промысловъ, затѣмъ—рыболовство и т. п.; и разнообразные виды мелкой обрабатывающей промышленности и прежде всего—тѣ, съ экономической и соціальной точки зрѣнія весьма разнообразные, типы послѣдней, которые принято объединять подъ общимъ названіемъ кустарныхъ промысловъ. Затѣмъ еще—работа въ предпріятіяхъ крупной промышленности, какъ обрабатывающей, такъ и добывающей, главнымъ образомъ горнозаводской, которая, въ свою очередь, можетъ носить характеръ мѣстнаго или отхожаго заработка: примѣры перваго рода представлятъ намъ московско-владимірскій фабричный районъ, рабочій составъ котораго комплектуется болѣе или менѣе исключительно изъ мѣстнаго крестьянства, или уральскій рудно-горнозаводскій районъ; примѣры второго — петербургскій фабричный и особенно—южно-русскій горнопромышленный районъ, гдѣ составъ рабочихъ комплектуется: въ первомъ—изъ крестьянъ ряда нечерноземныхъ губерній, во второмъ—главнымъ образомъ изъ центрально-черноземнаго района. Наконецъ, въ особую категорію можно выдѣлить городской и въ особенности—столичный отходъ, дающій заработки населенію весьма обширныхъ областей, частью—очень отдаленныхъ отъ большихъ городскихъ центровъ; подъ эту обширную и, опять-таки, чрезвычайно пеструю категорію можно подвести и разныя категоріи строительныхъ рабочихъ—плотниковъ, штукатуровъ и пр.; и рабочихъ по устройству улицъ—мостовщиковъ, землекоповъ и т. п.; и извощиковъ, ломовыхъ и легковыхъ, которые частью идутъ на промыселъ со своими лошадьми, частью—нанимаются въ работники у извo-

щиковъ-предпринимателей; и разнообразные виды мелкихъ самостоятельныхъ или полусамостоятельныхъ торговцевъ, главнымъ образомъ въ разносъ, и торговыхъ служащихъ, до высшихъ категорій банковыхъ аргельщиковъ и т. п. включительно, и трактирную прислугу, и пр. и пр..

Все это—повторяю—принято включать въ обширную категорію крестьянскихъ промысловъ, которая, значитъ, объемлетъ, съ одной стороны, всѣ виды сельско-хозяйственнаго найма («земледѣльческіе промыслы»), съ другой—все безконечное разнообразіе заработковъ не-земледѣльческаго характера. Тѣмъ не менѣе, даже и въ общихъ итоговыхъ цифрахъ, обнимающихъ, значитъ, и земледѣльческіе, и неземледѣльческіе промыслы, мы наблюдаемъ рѣзкія различія между отдѣльными районами. Если взглянуть, напримѣръ, на картограмму «порайоннаго распредѣленія крестьянскихъ промысловъ», помѣщенную во 2 омъ томѣ коллективнаго труда «Вліяніе урожаевъ и т. д.», то мы увидимъ, что наименьшими процентами промышленниковъ, именно, отъ 8 до 10 лицъ мужескаго пола на каждыя 100 душъ всего крестьянскаго населенія, характеризуются южный степной (новороссійскій), восточный и юго-восточный районы; затѣмъ слѣдуетъ, если можно такъ выразиться, западно-центральная часть европейской Россіи—сплошной треугольникъ, роль угловъ котораго играютъ Эстляндская губернія на сѣверо-западѣ, Подольская на юго-западѣ и Тамбовская съ Воронежской на востокѣ, съ 16% промышленниковъ; мало отличаются отъ нихъ сѣверныя и сѣверо-восточныя губерніи, съ 17% промышленниковъ; максимальные проценты послѣднихъ, отъ 20 до 22%, даютъ московско-промышленная область и Петроградская губернія. Рѣзче проявляются мѣстныя различія въ погубернскихъ цифрахъ: по подсчетамъ Н. Н. Суханова, Таврическая губернія даетъ всего 2,3% (цифра, впрочемъ, явно преуменьшенная!) промышленниковъ, считая процентъ къ числу мущинъ рабочаго возраста, Самарская 8,6%, Харьковская 14%, Пермская 14% (въ этой цифрѣ—надо замѣтить—слиты и замаскированы: очень высокій процентъ промышленниковъ въ сѣверныхъ горнозаводскихъ и ничтожный—въ южныхъ черноземныхъ уѣздахъ); Воронежская губернія даетъ уже 29%, Орловская 30, Вятская 34, Калужская 35%, Смоленская 37, Ярославская 47, Вологодская 53, Владимірская 69%. Стоитъ только сопоставить сказанное только что съ приведенными въ гл. 5-ой данными о размѣрахъ и значеніи земледѣлія, чтобы стало ясно, что распространенность «промысловъ» въ этомъ, самомъ широкомъ, смыслѣ слова стоитъ въ обратномъ отношеніи къ размѣрамъ и значенію хлѣбопашества. Еще яснѣе эта обратная зависимость выступаетъ въ нижеслѣдующей табличкѣ, заимствуемой мною у того же Н. Н. Суханова, гдѣ данныя о распространенности промысловъ приведены параллельно съ данными, изображающими группировку хозяйствъ по размѣрамъ посѣвныхъ площадей:

Губернія	% хозяйствъ, засѣвающихъ десятинъ.								% промышленниковъ обоего пола.
	6 свыше	9 свыше	12 свыше	15 свыше	20 свыше	25 свыше	40 свыше	50 свыше	
Таврическая	66	55	46	41	27	18	9	3,7	2,3
Самарская	50	35	25	18	11	7	2,2	—	8,3
Харьковская .	45	25	15	8	4	1,3	—	—	13,7
Пермская . .	49	15	2,7	1,8	1,0	—	—	—	19,9
Воронежская .	38	20	12	6,5	2,2	—	—	—	29,0
Орловская . .	36	18	9	4,7	1,3	—	—	—	30,5
Вятская . .	49	17	7	2,6	—	—	—	—	33,9
Калужская . .	26	9	3,5	—	—	—	—	—	35,0
Смоленская . . .	23	6,7	2,0	—	—	—	—	—	37,2
Ярославская	3,3	0,6	—	—	—	—	—	—	46,9
Вологодская .	1,4	—	—	—	—	—	—	—	53,1
Владимирская .	7,1	1,1	—	—	—	—	—	—	68,7

Если не считать Пермскую губернію, въ составъ которой входятъ слишкомъ различныя и по естественнымъ условіямъ, и по хозяйственному строю, мѣстности, то цифры эти обнаруживаютъ строжайшую обратную зависимость между распространенностью промысловъ, съ одной стороны, и не столько даже общими средними размѣрами посѣвныхъ площадей, сколько распространенностью болѣе значительныхъ запашекъ: чѣмъ больше въ какой-либо мѣстности процентъ хозяйствъ съ болѣе значительными посѣвами, тѣмъ меньше въ ней процентъ промышленниковъ,—и обратно.

Значительно менѣе рѣзко отражаются порайонныя различія въ значеніи «промысловъ»—опять таки, въ широкомъ смыслѣ этого слова—на бюджетныхъ данныхъ. По подсчетамъ Ф. А. Шербины, промыслы даютъ въ степныхъ районахъ, южномъ и юго-восточномъ, 21 и 23% крестьянскаго бюджета; въ «промышленно-земледѣльческомъ» районѣ 35%, въ московско-промышленномъ столько же; въ двухъ столичныхъ губерніяхъ 42%,—во всѣхъ остальныхъ районахъ доля промыслового дохода въ крестьянскомъ бюджетѣ колеблется между 30 и 33%. Выходитъ, что роль промысловъ въ крестьянскомъ бюджетѣ въ наименѣе промысловыхъ—районахъ значительно больше, въ наиболѣе промысловыхъ—значительно меньше, чѣмъ можно было бы ожидать по даннымъ о процентѣ промышленниковъ. И особенно характерно то, что даже и въ наиболѣе промысловыхъ районахъ земля всетаки даетъ до двухъ третей крестьянскаго дохода. Тоже оказывается—замѣтимъ попутно—и по новѣйшимъ бюджетнымъ даннымъ; такъ, по Вологодскому уѣзду, одному изъ наиболѣе промысловыхъ, изъ средняго бюджета въ 439 р. на долю промысловъ пришлось всего 115 р., т.-е. только 21% всего приходнаго бюджета. Данныя эти очень важны—они предостерегаютъ противъ

преувеличенной оцѣнки значенія промысловъ въ жизни населенія и въ особенности—противъ того пренебреженія къ интересамъ крестьянскаго земледѣлія или говоря общѣе сельскаго хозяйства, которое могло бы быть логическимъ выводомъ изъ такой переоцѣнки.

Само собою разумѣется, однако, что категорія «промысловъ» объемлетъ въ разныхъ районахъ совсѣмъ различныя вещи. Въ черноземной полосѣ «промышленники»—это, въ главной массѣ, наемные сельско-хозяйственные рабочіе всѣхъ видовъ и разновидностей. Такъ, въ числѣ промышленниковъ Воронежской губерніи 53%—сельско-хозяйственные рабочіе; 22%—ремесленники и кустари, и всего 1,1%—фабричные рабочіе, а 24% приходится не долю пестрой и нехарактерной смѣси «разныхъ прочихъ». На сѣверѣ, конечно, наоборотъ. Такъ, по Вологодскому уѣзду на долю «сельско-хозяйственныхъ рабочихъ» пришлось всего 8% общаго числа «промышленниковъ» — мужчинъ и столько-же — изъ числа промышленницъ-женщинъ, на долю промышленныхъ рабочихъ—45%, первыхъ и 12% вторыхъ, на долю ремесленниковъ, кустарей и всѣхъ другихъ видовъ неземледѣльческихъ промысловъ—40 и 72%.

Ясно, что земледѣльческіе и неземледѣльческіе промыслы—явленія совершенно различнаго внутренняго смысла. Сельско-хозяйственный наемъ—если оставить въ сторонѣ «управку» и т. п. формы, о которыхъ была рѣчь выше (стр. 289) и имѣть въ виду обычныя формы, господствующія, въ особенности, въ черноземной полосѣ,—это слѣдствіе и симптомъ нужды, недостаточности собственнаго земледѣльческаго хозяйства. Въ нечерноземной полосѣ въ развитіи промысловъ проявляется постепенно происходящая дифференціація,—отдѣленіе промышленной дѣятельности отъ земледѣлія; слѣдствіемъ и симптомомъ такого рода дифференціаціи является здѣсь, какъ мы, опять-таки, видѣли, и наемъ, поскольку забрасывающіе собственное хозяйство промышленники нанимаютъ на обработку земли, въ особенности наемъ въ формѣ «отдачи душъ въ управку». Въ черноземной полосѣ идутъ въ промыслы, въ томъ числѣ до извѣстной степени, даже на неземледѣльческіе, потому, что своя запашка недостаточна,—на сѣверѣ, въ нечерноземной полосѣ, сокращаютъ и даже забрасываютъ земледѣльческое хозяйство потому, что находятъ болѣе выгоднымъ заниматься промыслами: «обращеніе къ промысламъ здѣсь явно не обусловливается ничтожными размѣрами земледѣльческаго хозяйства, а скорѣе обусловливаетъ сокращеніе земледѣлія» (Сухановъ). Въ соотвѣтствіи съ этимъ, въ черноземной и въ нечерноземной полосахъ мы встрѣчаемъ совсѣмъ различное распредѣленіе промышленниковъ по земельнымъ и посѣвнымъ группамъ,—вообще имѣемъ дѣло, если можно такъ выразиться, съ совершенно различнымъ соціальнымъ положеніемъ промышленниковъ. Въ Воронежской губерніи, въ группахъ съ посѣвомъ до 1 дес., 1—5, 5—10, 10—20 и болѣе 20 дес., промышленники соста-

вляютъ 88—85—75—68—71%,—процентъ промышленниковъ, такимъ образомъ, замѣтно убываетъ съ переходомъ къ высшимъ группамъ; при этомъ дворы, отпускающіе батраковъ, составляютъ въ тѣхъ же группахъ 8,0—9,5—6,7—3,9—0,8%, дворы съ торгово-промышленными заведеніями 1,3—3,2—6,7—16—35%. Въ Ярославской губерніи, въ группахъ безпосѣвныхъ и, затѣмъ, засѣвающихъ до 1, 1—2, 2—3, 3—4, болѣе 4-хъ дес., процентъ промышленниковъ выражается такими цифрами: 87—90—91—90—91%; во Владимірской, въ группахъ безпосѣвныхъ и съ посѣвомъ до 3-хъ, 3—6, 6—9, болѣе 9 дес., промышленники составляютъ 90—97—96—96—95%, дворы съ промышленными заведеніями 2,4—4,6—6—9—20%. Торгово-промшленныя заведенія, значитъ, и въ черноземной, и въ нечерноземной полосѣ одинаково являются спутниками относительно болѣе значительныхъ запашекъ,— избытокъ матеріальныхъ средствъ извѣстной части верхняго слоя крестьянства болѣе или менѣе равномѣрно распредѣляется между земледѣліемъ и торгово-промышленными предпріятіями. Что касается до «промысловъ», то въ черноземной полосѣ промыслы—главнымъ образомъ земледѣльческій наемъ, естественно, сосредоточиваются, преимущественно въ нисшихъ по размѣру запашекъ слояхъ крестьянства, въ нечерноземной полосѣ промышленники совершенно равномѣрно распредѣляются между всѣми слоями крестьянскаго населенія, начиная отъ вовсе не-пашущихъ и кончая имѣющими относительно значительное земледѣльческое хозяйство.

Совершенно различно и значеніе промысловъ, какъ фактора, отрывающаго отъ земледѣлія. Относительно земледѣльческихъ промысловъ, иначе сказать—работы по найму въ чужихъ хозяйствахъ, можно, вмѣстѣ съ А. Ф. Фортунатовымъ, сказать, что «значительное число нанимающихся на земледѣльческія работы выходитъ изъ хозяйствъ, держащихся за землю, и отхожій (или иной земледѣльческій) заработокъ помогаетъ имъ бороться за сохраненіе хозяйственной независимости». Конечно—замѣчаетъ со своей стороны Н. А. Каблуковъ—если бы было больше земли (или—добавлю отъ себя—если бы болѣе интенсивное хозяйство давало на данной площади земли болѣе полное приложеніе труду крестьянина и лучше обезпечивало бы полное удовлетвореніе его потребностей), то не могло бы быть рѣчи объ избыткѣ рабочихъ силъ, и работники не уходили бы изъ своего хозяйства. Но при данныхъ условіяхъ землевладѣнія (и хозяйства. А. К.) уходъ на заработки вызывается иногда желаніемъ приложить къ чему-нибудь лишнія рабочія силы, являясь средствомъ заработать больше и улучшить положеніе семьи, и такимъ образомъ совершается иногда и не изъ нужды. Земледѣльческіе промыслы, такимъ образомъ, не отрываютъ отъ своего земледѣльческаго хозяйства, а скорѣе помогаютъ поддерживать его. Это—при наличности одного изъ двухъ условій: избытка рабочей

силы семьи—и недостатка земли и хозяйственнаго инвентаря. Что это такъ—что, говоря иначе, сельско-хозяйственные промыслы являются, въ массѣ, спутникомъ не полной безхозяйности, а лишь недостаточныхъ размѣровъ земледѣльческаго хозяйства,—не замѣною, а дополненіемъ къ послѣднему,—это ясно видно и изъ статистическихъ данныхъ. По даннымъ подворной переписи, напр., Воронежской губерніи, среднее на одно хозяйство количество земли у всего населенія 11,4 дес., у дворовъ, отпускающихъ батраковъ—9,7 дес.; процентъ арендующихъ дворовъ у тѣхъ и другихъ—44 и 28%. По земельному обезпеченію, значитъ, дворы, отпускающіе батраковъ, стоятъ лишь немногимъ ниже средняго уровня; мало того—хотя и меньшій процентъ, чѣмъ въ общемъ итогѣ для всего населенія, но все-таки болѣе четверти дворовъ, отпускающихъ батраковъ, не только не обнаруживаютъ склонности къ ликвидаціи своего земельнаго хозяйства, но напротивъ—стремятся расширить его и восполнить недостатокъ надѣльной земли путемъ аренды. Не менѣе характерны данныя по Орловской губерніи: хозяйства, прибѣгающія къ отхожимъ земледѣльческимъ промысламъ, въ группахъ безземельныхъ и имѣющихъ до 5, 5—15 и болѣе 15 дес. надѣльной земли, составляютъ 66—51—45—40%; процента прибѣгающихъ къ земледѣльческому отходу, естественно, понижается съ повышеніемъ уровня земельной обезпеченности, но даже среди наилучше обезпеченныхъ надѣльною землею слоевъ крестьянства имѣется, все-таки, цѣлыхъ двѣ пятыхъ хозяйствъ, прибѣгающихъ къ земледѣльческому отходу. Къ сходнымъ выводамъ приводитъ и разсмотрѣніе данныхъ о земледѣльческихъ промыслахъ въ связи съ обезпеченностью хозяйственнымъ инвентаремъ. По той же Орловской губерніи данныя о земледѣльческомъ отходѣ были подсчитаны и по «лошаднымъ» группамъ—безлошадныхъ, съ одною, съ 2, болѣе чѣмъ съ 2 лошадьми; процентъ прибѣгающихъ къ земледѣльческому отходу оказался 60—37—32—30%. Процентъ отходчиковъ, естественно, и здѣсь понижается съ переходомъ къ болѣе обезпеченнымъ группамъ,—но рѣзко повышенный противъ остальныхъ процентъ даетъ только группа безлошадныхъ, и даже въ многолошадной группѣ почти полная треть всѣхъ хозяйствъ дополняетъ земледѣльческимъ отходомъ доходъ отъ своего земельнаго хозяйства. Приблизительно тоже говорятъ и подсчеты, дѣлавшіеся по Полтавской губерніи, гдѣ былъ вычисленъ процентъ не обрабатывающихъ землю дворовъ для всѣхъ вообще хозяйствъ и особо для отпускающихъ батраковъ. Для первыхъ получилось 9,4, для вторыхъ 15%: опять таки, естественно, батрацкіе дворы даютъ повышенный процентъ безхозяйныхъ,—но все же 85% батрацкихъ дворовъ прибѣгаютъ къ отпуску батраковъ лишь въ видѣ дополненія къ собственному земледѣльческому хозяйству.

Нѣчто сходное можно сказать и о кустарныхъ промыслахъ въ широкомъ смыслѣ слова, разумѣя подъ этимъ терминомъ всѣ виды и формы мелко-крестьянской обрабатывающей промышленности, поскольку

послѣдняя имѣетъ въ виду не опредѣленнаго заказчика, а болѣе широкій кругъ потребителей продукта. Чисто технически они вполнѣ совмѣстимы съ земледѣліемъ и могутъ вестись безъ всякаго для него ущерба, потому что промыслами этого рода можно заниматься зимою и вообще въ свободное отъ работъ по хозяйству время. Пока кустарные промыслы, въ самомъ дѣлѣ, только заполняютъ время, свободное отъ сельско-хозяйственныхъ работъ, они не только не идутъ въ ущербъ земледѣльческому хозяйству, но наоборотъ—помогаютъ поддержанію послѣдняго, увеличивая доходъ крестьянской семьи, и наличность промысловъ этого рода способствуетъ устойчивости крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. Съ другой стороны, наличность земледѣлія, какъ главнаго, всетаки, источника средствъ существованія, придаетъ кустарному промыслу характеръ подспорнаго заработка, и это обстоятельство облегчаетъ кустарной промышленности конкуренцію съ крупною капиталистическою промышленностью: кустарь, работая въ «пустое» время, можетъ понижать цѣну на продуктъ до уровня, который, при прочихъ равныхъ условіяхъ, не былъ бы возможенъ для предпріятія, работающаго наемнымъ трудомъ; дальнѣйшими условіями возможности такой конкуренціи, при сохраненіи кустарнымъ промысломъ самостоятельнаго, независимаго отъ крупнаго капитала, характера, какъ извѣстно, являются, съ одной стороны, дешевый, лучше всего мѣстный, матеріалъ (дерево изъ мѣстныхъ лѣсовъ и т. п.), а съ другой мѣстный или вообще ближній сбытъ продукта,—при наличности этихъ условій кустарь и въ моментѣ пріобрѣтенія сырья, и въ моментѣ сбыта продукта, можетъ обходиться безъ посредничества торговца или вообще—капиталиста. Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ такого рода идеальныя, съ точки зрѣнія возможности самостоятельнаго экономическаго существованія кустаря, условія встрѣчаются рѣже; общимъ правиломъ становятся болѣе или менѣе зависимыя формы кустарнаго промысла; зависимость эта развивается главнымъ образомъ на почвѣ забора въ долгъ сырого матеріала, съ одной стороны, и запродажи будущаго продукта, съ другой, и въ конечномъ результатѣ многіе изъ кустарныхъ промысловъ уже перешли, другимъ грозитъ окончательный переходъ въ ту форму, которую въ ученіи о формахъ производства называютъ «домашнею формою крупной промышленности»: на мѣсто самостоятельнаго предпринимателя-кустаря становится работающая на предпринимателя-капиталиста кустарная мастерская. Одновременно съ этимъ, во многихъ промыслахъ и многихъ мѣстностяхъ идетъ процессъ отдѣленія промысла отъ земледѣлія—гдѣ отдѣльныя группы кустарей, гдѣ цѣлыя мѣстности (Павловскій стале-слесарный районъ!) болѣе или менѣе окончательно спеціализируются на промыслѣ и болѣе или менѣе окончательно забрасываютъ землю.

Вполнѣ удобно совмѣщающимся съ земледѣліемъ видомъ промысловъ являются затѣмъ зимніе, частью и нѣкоторые другіе виды мѣстной добывающей промышленности. На первомъ мѣстѣ здѣсь

слѣдуетъ назвать всѣ виды лѣсныхъ заготовокъ, являющихся въ лѣсныхъ мѣстностяхъ однимъ изъ главныхъ источниковъ существованія крестьянства. Выступаетъ ли болѣе или менѣе состоятельный крестьянинъ въ качествѣ мелкаго самостоятельнаго лѣсопромышленника, беретъ ли онъ «подрядъ» отъ крупной лѣсопромышленной фирмы, или просто нанимается на лѣсныя работы,—во всякомъ случаѣ онъ отдаетъ промыслу лишь «пустое» время,—промыселъ, слѣдовательно, не приноситъ земледѣлію ни малѣйшаго ущерба. Мало того: независимо отъ общаго значенія всякаго вообще промысла, какъ источника подспорнаго къ земледѣлію дохода, лѣсные промыслы, поскольку они являются конными, т.-е. сопрягаются съ вывозкой изъ лѣса заготовленныхъ матеріаловъ, еще и въ томъ смыслѣ оказываютъ поддержку земледѣлію, что окупаютъ содержаніе лошади или лошадей, которое иначе не оправдывалось бы при малыхъ размѣрахъ земледѣльческаго хозяйства. Вполнѣ совмѣстимыми съ земледѣліемъ являются, далѣе, такіе виды промысловъ, какъ охота и звѣроловство, съ одной стороны, многіе виды рыболовства, съ другой: охотничій промыселъ тоже, по преимуществу, зимній, многіе виды рыболовства имѣютъ мѣсто зимою-же или весной, вообще могутъ пріурочиваться къ свободнымъ отъ сельскохозяйственныхъ работъ моментамъ,—въ существѣ ихъ, слѣдовательно, нѣтъ ничего такого, что дѣлало бы ихъ «отрывающими» отъ земледѣлія. Слабою стороною промысловъ этого типа является, съ одной стороны, острая зависимость промышленниковъ отъ условій рынка и отъ колеблющагося спроса на продукты, нерѣдко приводящая къ закабаленію лѣсоруба, звѣролова или рыболова торговцемъ, съ другой, въ особенности при нашемъ хищническомъ отношеніи къ природнымъ богатствамъ, быстро наступающее истощеніе лѣсовъ, уничтоженіе запасовъ дичи и рыбы и т. п.,—обстоятельство, благодаря которому промыслы этого типа во многихъ мѣстностяхъ уже пришли, въ другихъ—постепенно приходятъ въ окончательный упадокъ.

Технически вполнѣ совмѣстимы съ земледѣліемъ и, слѣдовательно, не влекутъ съ необходимостью къ «отрыванію» отъ земледѣлія, и многіе виды городского отхода—въ частности, весь спеціально-зимній отходъ: зимніе извозчики, зимніе дворники, нѣкоторые виды торговцевъ и т. п.. Промышленники этого рода, какъ правило, возвращаются на лѣто въ деревню, и слѣдовательно промыселъ можетъ вполнѣ спокойно совмѣщаться съ земледѣліемъ. Въ конечномъ счетѣ, однако, промыслы этого типа ведутъ за собой несомнѣнный ущербъ для земледѣлія: среди промышленниковъ даннаго типа очень распространена тенденція остаться въ городѣ, и разъ только подвертывается удобный случай, зимній промышленникъ остается въ городѣ на круглый годъ и, слѣдовательно, разстается съ земледѣліемъ.

Уже непосредственно и неизбѣжно «отрывающій» отъ земледѣлія характеръ имѣютъ, разумѣется, всякаго рода лѣтніе промыслы:

прежде всего—лѣтній городской отходъ (плотники, каменьщики, штукатуры, землекопы, мостовщики, лѣтніе торговцы и т. п.), а затѣмъ и такіе виды промысловъ, какъ сплавъ лѣса, судовая работа и т. п.. Промышленники этого типа отдаютъ промыслу какъ разъ то время, когда должны производиться работы по обработкѣ земли и по уборкѣ хлѣбовъ и травъ. Они, значитъ, уже не какимъ-либо косвеннымъ путемъ, а самимъ существомъ своего промысла отрываются либо отъ всѣхъ, либо, по крайней мѣрѣ, отъ болѣе или менѣе значительной части полевыхъ работъ; эти послѣднія, въ главной своей массѣ, перелагаются на женщинъ и подростковъ, на которыхъ, нерѣдко, ложится и самая обработка земли, поскольку таковая не производится наймомъ или путемъ «сдачи душъ въ управку».

Тѣмъ болѣе, конечно, «отрываютъ» отъ земледѣлія всякіе такіе виды промысловъ, которые связаны съ постояннымъ проживаніемъ промышленника въ городѣ,—и здѣсь, однако, земледѣльческое хозяйство лишь въ видѣ исключенія ликвидируется сразу. Обычно оно въ теченіе нѣкотораго времени продолжаетъ существовать, опираясь частью на трудъ женщинъ и подростковъ, иногда и болѣе или менѣе дешевыхъ батраковъ, частью—«на управку» и на другія формы обработки наймомъ,—но съ теченіемъ времени оно ликвидируется окончательно, и не только самъ промышленникъ, но и вся его семья окончательно водворяются въ городѣ.

Въ конечномъ счетѣ, къ тому же результату приводитъ и наиболѣе характерный, въ смыслѣ индустріализаціи народнаго хозяйства, видъ промысловъ—работа по найму въ предпріятіяхъ крупной промышленности. Характернымъ для послѣдней является стремленіе опереться на постоянный контингентъ рабочихъ, въ которомъ, съ годами и поколѣніями, вырабатываются соотвѣтственные трудовые навыки. Въ раннемъ фазисѣ развитія крупно-капиталистической промышленности она не располагаетъ такимъ контингентомъ, или во всякомъ случаѣ—не располагаетъ имъ въ достаточномъ количествѣ. Обычный типъ промышленнаго рабочаго въ этомъ фазисѣ—это рабочій-крестьянинъ, работающій зиму на фабрикѣ, а лѣтомъ, если не на весь періодъ полевыхъ работъ, то на время уборки травъ и хлѣба, уходящій къ себѣ домой, въ деревню; рабочіе этого типа составляютъ если не большинство, то во всякомъ случаѣ настолько значительную долю всего контингента рабочихъ, что промышленности приходится считаться съ этимъ фактомъ и сокращать на лѣто размѣры производства. Съ теченіемъ времени изъ временнаго, зимняго рабочаго-крестьянина вырабатывается постоянный рабочій. Семья его еще десятилѣтіями остается жить въ деревнѣ, земледѣльческое хозяйство ведется, опять-таки, женскимъ трудомъ или наймомъ, непосредственная же связь самого рабочаго съ деревнею и хозяйствомъ выражается въ посылкахъ денегъ изъ своего заработка и въ повторяющихся время отъ времени поѣздкахъ въ

деревню «на побывку», причемъ эти поѣздки особенно охотно пріурочиваются, всетаки, къ сѣнокосу или жатвѣ. Въ концѣ концовъ—если только рабочій не отрывается окончательно отъ своей семьи—и семья переѣзжаетъ въ городъ, а земледѣльческое хозяйство ликвидируется. Земля, въ такихъ случаяхъ, до недавняго времени, сдавалась въ аренду или изъ платежа податей и повинностей; съ изданіемъ указа 9 ноября 1906 г., замѣненнаго затѣмъ закономъ 14 декабря 1910 г. (см. гл. 2, стр. 41—42) открылся путь для окончательной ликвидаціи не только хозяйства, но и надѣльнаго землевладѣнія переселяющихся въ городъ промышленниковъ.

Входить въ какія либо дальнѣйшія подробности относительно неземледѣльческихъ промысловъ я не буду. Поскольку рѣчь идетъ о промышленныхъ рабочихъ, мнѣ пришлось бы затронуть, для этого, весь промышленный рабочій вопросъ. Поскольку рѣчь идетъ о кустарной промышленности въ широкомъ смыслѣ слова и о мѣстныхъ промыслахъ добывающаго характера, мнѣ пришлось бы войти въ разсмотрѣніе вопросовъ производственной техники, санитарной обстановки промысловъ, экономической организаціи отдѣльныхъ видовъ промысловъ на тѣхъ или другихъ ступеняхъ ихъ капитализаціи, условій пріобрѣтенія сырья и сбыта продукта, размѣровъ заработка, эксплоатаціи дѣтскаго труда и т. п. Все это рѣшительно не можетъ уложиться въ рамки настоящаго курса. Всѣ эти вопросы и не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ его цѣли, поскольку таковою поставлено освѣщеніе вопросовъ крестьянскаго хозяйства въ томъ ихъ видѣ, какъ они изучаются земскою статистикою и въ частности—земскими подворными переписями, потому что земскія подворныя переписи, какъ правило, даютъ только счетъ главныхъ категорій промышленниковъ, дополняя его данными, служащими для выясненія отношенія промысловъ къ земледѣлію.

Нѣсколько подробнѣе я остановлюсь на земледѣльческихъ промыслахъ. Поскольку это—работа по найму въ другихъ крестьянскихъ же хозяйствахъ, это не болѣе какъ оборотная сторона того «наемнаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ», о которомъ была рѣчь въ первой части этой главы. Мнѣ придется остановиться, поэтому, только на двухъ другихъ крупныхъ видахъ земледѣльческихъ промысловъ: работѣ по найму во владѣльческихъ хозяйствахъ и земледѣльческомъ отходѣ.

Вопросъ о работѣ по найму во владѣльческихъ хозяйствахъ приводитъ насъ, однако, къ другому, существенно съ нимъ связанному вопросу: объ общемъ строѣ владѣльческихъ хозяйствъ. Конечно, и этого вопроса я могу коснуться лишь въ самыхъ общихъ чертахъ,—интересующихся читателей отсылаю къ работамъ Н. А. Каблукова, Н. Ф. Анненскаго и Н. А. Карышева, напечатаннымъ въ коллективномъ трудѣ «Вліяніе урожаевъ и пр.», къ указаннымъ во введеніи работамъ Н. П. Огановскаго и къ моей работѣ. «Къ вопросу о куль-

турно-хозяйственномъ значеніи частнаго землевладѣнія», напечатанной во 2-омъ томѣ сборника «Агрорный вопросъ» (изд. И. И. Петрункевича и кн. П. Д. Долгорукова).

Отмѣтимъ прежде всего, что въ очень значительной части владѣльческихъ имѣній вовсе не ведется хозяйство за счетъ владѣльцевъ (такъ наз. «экономическое» хозяйство); поскольку ведется сельско-хозяйственная эксплоатація, она происходитъ путемъ сдачи земли въ аренду крестьянамъ, въ нечерноземной же полосѣ имѣется значительное число, по преимуществу, лѣсныхъ имѣній, гдѣ и вовсе не ведется никакого земледѣльческаго хозяйства. По подсчетамъ Н. А. Карышева, сданныя въ аренду земли составляютъ въ юго-восточной части нечерноземной полосы 46%, въ трехъ областяхъ ея юго-восточной части 30, 34 и 38%, въ юго-восточной части черноземной полосы 44%, въ южной 57%, въ юго-западной 50% всей сельско-хозяйственной площади. По основанной на данныхъ земской статистики сводкѣ Н. А. Каблукова, въ нечерноземной полосѣ сдается около 40%, въ черноземной около 50% всей пашни; имѣнія вовсе безъ владѣльческой запашки составляютъ, въ отдѣльныхъ уѣздахъ, отъ 11 до 44%, имѣнія съ той или другою долею экономической запашки отъ 13 до 72%. По приводимымъ Н. А. Каблуковымъ даннымъ дворянскаго земельнаго банка, относящимся къ заложеннымъ въ немъ (числомъ до 9500) имѣніямъ, экономическая запашка имѣется въ черноземной полосѣ въ 42% всѣхъ имѣній; имѣнія безъ своего скота составляютъ, въ общемъ итогѣ, 48%, по отдѣльнымъ губерніямъ отъ 14 до 64% имѣній, имѣнія безъ своего мертваго инвентаря составляютъ 49%.

Всѣ эти цифры относятся, самое позднее, къ серединѣ 90-хъ гг. прошлаго столѣтія,—слѣдовательно онѣ значительно устарѣли. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Вопреки очень распространенному мнѣнію, что владѣльческое хозяйство быстро падаетъ и вытѣсняется крестьянскимъ, владѣльческія запашки съ тѣхъ поръ—можно съ увѣренностью думать—значительно возрасли; въ этомъ убѣждаютъ хотя бы постоянныя жалобы на сокращеніе сдаваемой въ аренду площади, исходящія отъ переселенцевъ, или раздававшіяся въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Общая картина, однако, измѣнилась мало: очень значительная часть владѣльческихъ имѣній, по прежнему, цѣликомъ или частью эксплоатируется при посредствѣ аренды, значительная часть ихъ и сейчасъ вовсе не имѣетъ экономическій запашки.

Затѣмъ, и то, что принято называть «владѣльческою» или «экономическою» запашкой, еще далеко не синонимъ капиталистическаго земледѣлія. По В. Г. Бажаеву, «капиталистическія сельско-хозяйственныя предпріятія могутъ снабжаться рабочею силой тремя главными способами: 1. рабочіе могутъ вербоваться изъ среды порвавшаго всякую связь съ землею сельскаго пролетаріата, 2. при недостаткѣ мѣстныхъ рабочихъ наблюдается нерѣдко періодическій притокъ пришлыхъ рабо-

чихъ (Обыкновенно изъ перенаселенныхъ земледѣльческихъ мѣстностей съ плохими мѣстными заработками), и 3. необходимое количество наемнаго поденнаго или сдѣльнаго (въ меньшей мѣрѣ и срокового, батрацкаго. А. К.) труда могутъ доставлять мѣстные крестьяне, если они недостаточно обезпечены собственною землей».

У насъ, въ Россіи, первый изъ перечисленныхъ способовъ обезпеченія владѣльческихъ хозяйствъ рабочею силой мало развитъ. Преобладающимъ онъ является только въ прибалтійскомъ краѣ, гдѣ послѣдовавшее въ началѣ XIX столѣтія безземельное освобожденіе крестьянъ создало почву для преобладающаго здѣсь батрацкаго хозяйства. Второй—пришлые рабочіе—играетъ значительную или даже преобладающую роль въ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ, гдѣ количество мѣстныхъ рабочихъ далеко недостаточно, въ центрѣ же, на западѣ и юго-западѣ преобладаетъ третій способъ—наемъ мѣстныхъ рабочихъ изъ числа крестьянъ, обезпеченныхъ землею не въ полную мѣру своей рабочей силы и своихъ потребностей.

Однако, тотъ или другой преобладающій типъ найма еще не даетъ правильнаго понятія о дѣйствительномъ характерѣ владѣльческаго хозяйства. Болѣе ясное представленіе о складѣ послѣдняго даетъ характеръ инвентаря, какимъ обрабатываются земли. Капиталистическое сельско-хозяйственное предпріятіе—это такое, которое обладаетъ полнымъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, такъ что рабочій нанимается, что называется, съ голыми руками. Между тѣмъ, у насъ, въ Россіи, чрезвычайно распространенъ иной типъ владѣльческихъ хозяйствъ, гдѣ обработка земли ведется, цѣликомъ или въ значительной части, инвентаремъ крестьянъ, нанимающихся обрабатывать землю. О распространенности обработки крестьянскимъ или, наоборотъ, владѣльческимъ инвентаремъ даетъ ясное представленіе одна изъ картограммъ, помѣщенныхъ въ 1-мъ томѣ «Вліянія урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ». Мы видимъ на этой картограммѣ, что весь степной югъ и юго-востокъ, затѣмъ весь западъ, до Днѣпра и Двины, весь прибалтійскій районъ, сбѣ подстоличныя и Ярославская губерніи представляютъ собою области, гдѣ не сдаваемая въ аренду часть частновладѣльческой пашни обрабатывается «преимущественно владѣльческимъ инвентаремъ, годовыми, сроковыми и поденными рабочими», причемъ трудомъ годовыхъ и сроковыхъ выполняется главнымъ образомъ обработка земли, поденными—главнымъ образомъ уборка хлѣбовъ и травъ, на которую постояннаго комплекта рабочихъ не можетъ хватить. Вся средняя и значительная часть сѣверо-восточной Россіи—треугольникъ, роль угловъ котораго играютъ Черниговская, Уфимская и Костромская губерніи, и другой, меньшій районъ на сѣверо-западѣ, обнимающій Новгородскую, Тверскую и Псковскую губерніи,—это области, гдѣ «господствуетъ почти исключительно или пользуется значительнымъ распространеніемъ обработка пашни крестьянскими орудіями и скотомъ и наемъ издѣльно

за деньги, или въ формѣ отработка, или же отдача земли въ обработку исполу», владѣльческій же инвентарь встрѣчается лишь въ сравнительно немногихъ имѣніяхъ. Наконецъ, два не слишкомъ обширныхъ района, обнимающихъ: одинъ—Полтавскую, Воронежскую и Харьковскую, другой—двѣ бѣлорусскія губерніи, Витебскую и Могилевскую, съ прилегающими къ нимъ съ востока двумя великорусскими, Смоленскою и Калужскою, представляютъ собою области, гдѣ обѣ формы найма, или точнѣе—обѣ комбинаціи формъ, пользуются приблизительно одинаковою распространенностью. Нѣсколько болѣе детальную характеристику преобладающихъ въ тѣхъ или другихъ районахъ типовъ найма мнѣ представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ дать въ видѣ нѣсколькихъ отрывковъ изъ выше упомянутой, всѣми цитируемой, работы Н. Ф. Анненскаго. «Степной районъ—говоритъ Анненскій, разумѣя здѣсь болѣе или менѣе безразлично и южныя, и юго-восточныя степи, характеризуется экстенсивною культурой, неустойчивостью урожаевъ, достигающихъ здѣсь иногда огромныхъ размѣровъ, а иногда не дающихъ почти ничего, огромными посѣвами пшеницы и очень рѣдкимъ населеніемъ. Большая часть земледѣльческихъ работъ наполняется здѣсь пришлыми рабочими, нанимаемыми на годъ или на срокъ. Поденный наемъ встрѣчается рѣже, и еще рѣже издѣльный»; однако, «значительная доля работъ выполняется изъ доли урожая или отработочно (преимущественно за выпасъ скота, иногда за пользованіе землею); рѣже встрѣчается издѣльный наемъ за деньги». Все сказанное, повторяю, относится одинаково и къ южнымъ, новороссійскимъ, и къ юго-восточнымъ степямъ. Послѣднія, однако, отличаются отъ первыхъ «тѣмъ, что здѣсь весьма немногіе землевладѣльцы ведутъ свои хозяйства сами, а сдаютъ земли, болѣе или менѣе мелкими участками, съемщикамъ, по большей части изъ крестьянъ», и «наемъ пришлыхъ рабочихъ производится уже этими съемщиками». Въ юго-западномъ районѣ, въ противуположность степному, «преобладаетъ наемъ мѣстныхъ рабочихъ. Обработка владѣльческихъ земель производится преимущественно при помощи постоянныхъ, годовыхъ и частью поденныхъ рабочихъ», притомъ болѣе или менѣе исключительно владѣльческимъ инвентаремъ,—вообще владѣльческое хозяйство здѣсь наиболѣе близко къ чисто-капиталистическому типу. «По отношенію къ уборкѣ хлѣба широко распространенъ испольный наемъ, съ уплатой въ пользу рабочаго отъ $^1/_{12}$ до $^1/_6$ доли урожая. Практикуется также и издѣльный наемъ за деньги, отъ копны. Часть земель сдается крестьянамъ и въ обработку исполу» (особенно въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ района)· «во всемъ районѣ довольно распространена также и сдача имѣній въ цѣломъ составѣ»,—иначе сказать, максимально-капиталистическій типъ крупно-арендаторскаго хозяйства. Литва и прилегающая къ ней Минская губернія—«край не вполнѣ земледѣльческій», съ большимъ развитіемъ мѣстныхъ, по преимуществу лѣсныхъ, и отхожихъ промысловъ,—«поэтому владѣльческія

хозяйства нерѣдко ощущаютъ здѣсь недостатокъ въ мѣстныхъ рабочихъ. У владѣльцевъ лѣсное хозяйство значительно преобладаетъ надъ полевымъ», и «культура гораздо менѣе интенсивная, нежели въ юго-западномъ районѣ. Частновладѣльческія земли обрабатываются преимущественно владѣльческимъ инвентаремъ; при этомъ въ губ. Ковенской и Гродненской преобладаетъ батрацкій трудъ постоянныхъ рабочихъ, живущихъ въ экономіяхъ; въ помощь годовымъ рабочимъ, главнымъ образомъ во время уборки и молотьбы хлѣбовъ, и для вывозки удобренія нанимаются рабочіе поденные»,—въ Ковенской губерніи они «законтрактовываются, въ большинствѣ случаевъ, заблаговременно, за извѣстную опредѣленную плату», которая выдается имъ въ такомъ случаѣ впередъ, обычно не въ деньгахъ, а натурой. Въ губерніяхъ Минской и Виленской «наемъ постоянныхъ рабочихъ менѣе распространенъ,—въ первой изъ нихъ владѣльческія хозяйства широко практикуютъ наемъ поденный, во второй, Виленской, вслѣдствіе недостатка рабочихъ, часть земель, а иногда и вся земля, сдается исполу и обрабатывается крестьянскимъ инвентаремъ и скотомъ».

На прибалтійскихъ губерніяхъ, этомъ районѣ рѣзко выраженнаго батрацкаго хозяйства, осложненнаго однако разнообразными пережитками феодальныхъ отношеній, я здѣсь не буду останавливаться. Нѣтъ особой надобности останавливаться и на подстоличныхъ губерніяхъ, гдѣ владѣльческое зерновое хозяйство, вообще, очень незначительно, поскольку же оно существуетъ, оно ведется въ главной своей части постоянными и сроковыми рабочими, владѣльческимъ инвентаремъ.

Перейдемъ теперь къ указаннымъ выше районамъ промежуточнаго характера и остановимся на томъ изъ нихъ который болѣе изученъ земской статистикой,—среднемъ черноземномъ: здѣсь «мы встрѣчаемся съ самыми разнообразными способами найма рабочихъ—очень часто всѣ они одновременно примѣняются въ однихъ и тѣхъ же имѣніяхъ, такъ что часть земель обрабатывается собственнымъ инвентаремъ и годовыми, сроковыми и поденными рабочими, часть отдается крестьянамъ испольно, за отработку или за денежную издѣльную плату. Уборка хлѣбовъ большею частью производится мѣстными крестьянами въ видѣ отработковъ за пользованіе землею, или за выпасъ скота, или изъ доли. Иногда (преимущественно въ мелкихъ хозяйствахъ) и обмолотъ хлѣба производится изъ доли (съ коробки). Отработочная система особенно широко развита въ губерніи Полтавской и въ сѣверныхъ уѣздахъ Харьковской. Наемъ постоянныхъ и сроковыхъ рабочихъ, а также издольная сдача работъ производится въ этимъ районѣ большею частью заблаговременно—съ зимы, съ выдачею впередъ крупныхъ задатковъ».

Если теперь обратиться къ мѣстностямъ съ обработкой, преимущественно, крестьянскимъ инвентаремъ, то мы увидимъ, что какъ въ центральномъ черноземномъ районѣ, такъ и въ среднемъ Поволжьѣ «наиболѣе широкое распространеніе имѣютъ три системы обработки

владѣльческой пашни: во 1-хъ, издѣльная сдача земли въ обработку мѣстнымъ крестьянамъ; во 2-хъ, отработки за выпасъ скота, за пользованіе разными угодьями или за предоставленіе земель въ аренду, и въ 3-хъ, раздача земель исполу. Издѣльный наемъ всего чаще совершается на полную обработку и уборку одной десятины, пары десятинъ (озимаго и ярового) или «круга», (паръ, озимое и яровое). Наемъ этотъ производится всегда заранѣе, за годъ, иногда за два, съ выдачею задатковъ, иногда полной платы впередъ. Взявшій въ обработку десятину долженъ вспахать землю два или три раза, заборонить, посѣять, задѣлать сѣмена, убрать и перевезти на гумно зерно, иногда вывезти навозъ; обмолотъ обыкновенно не входитъ въ кругъ работъ и производится особо, по большей части поденными, рѣже сдѣльными рабочими. За полную обработку десятины платится отъ 5 до 7 рублей. Такимъ образомъ этотъ видъ найма является едва ли не самымъ дешевымъ для владѣльца, хотя, конечно, качество обработки при этомъ часто бываетъ не высоко. Отработки—продолжаетъ Анненскій—въ центральномъ районѣ чрезвычайно распространены и имѣютъ самыя разнообразныя формы,—во многихъ хозяйствахъ вся земля, не сданная въ аренду, обрабатывается при помощи отработковъ (которые вѣдь и сами могутъ быть разсматриваемы и какъ особый видъ съема земли или выпаса); уборка хлѣбовъ даже въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ пашня обрабатывается постоянными рабочими и инвентаремъ владѣльцевъ, также производится по большей части отработкомъ». Конечно, «отработочная система, также какъ и издѣльная обработка съ крупными задатками, представляетъ собой очень дешевый способъ эксплоатаціи наемнаго труда»,—въ Курской, напримѣръ, губерніи, обычно, за одну снятую подъ хлѣбъ десятину крестьянинъ обрабатываетъ владѣльцу двѣ, иногда, при большомъ спросѣ на землю, за двѣ десятины, одну въ озимомъ и одну въ яровомъ, обрабатываетъ владѣльцу двѣ въ озимомъ и три въ яровомъ, а затѣмъ убираетъ ихъ, свозитъ хлѣбъ и складываетъ въ скирды, иногда же, сверхъ того, еще помогаетъ владѣльцу въ тѣхъ или другихъ конныхъ работахъ—возкѣ хлѣба, навоза и т. п. Наконецъ, «испольный наемъ примѣняется или для полнаго круга всѣхъ работъ по обработкѣ и уборкѣ одной или двухъ десятинъ, или же къ отдѣльнымъ работамъ (уборкѣ, молотьбѣ и т. п.),—въ обоихъ случаяхъ испольная форма почти не примѣняется въ чистомъ видѣ, а всегда соединена съ извѣстными дополнительными отработками». Это—наиболѣе распространенныя формы найма въ черноземномъ центрѣ и поволжьѣ, гдѣ наемъ—мы видимъ—неразрывно сплетается съ арендой—«владѣльческимъ инвентаремъ и постоянными или сроковыми рабочими обрабатывается относительно небольшая часть пашни частнаго владѣнія; точно также и поденный наемъ не играетъ здѣсь большой роли».

Этимъ мы можемъ удовольствоваться по вопросу о господствующихъ формахъ найма,—можно отмѣтить развѣ только, что въ новѣйшее время въ формахъ найма должны были имѣть мѣсто немаловажныя

измѣненія, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ широкаго распространенія во владѣльческихъ хозяйствахъ машинной уборки и молотьбы, до извѣстной степени—и благодаря несомнѣнно происходящему процессу улучшенія хозяйства. побуждающему ту или иную часть владѣльцевъ переходить отъ крестьянскаго къ собственному инвентарю и къ хозяйству съ постоянными рабочими.

Переходя затѣмъ къ вопросу о размѣрахъ оплаты наемнаго сельско-хозяйственнаго труда, остановимся сначала на данныхъ за 1882—91 гг., приведенныхъ въ той же работѣ Н. Ф. Анненскаго и нанесенныхъ на приложенныя къ ней картограммы. На одной изъ послѣднихъ нанесена группировка губерній на средней платѣ годовымъ рабочимъ. Наиболѣе высокія годовыя платы, не ниже, въ среднемъ по губерніямъ выводѣ, 70-ти рублей, даютъ двѣ обширныя полосы: степной югъ, отъ Бессарабской губерніи до Донской области, и сплошная полоса на сѣверѣ, обнимающая, цѣликомъ, прибалтійскій и московско-промышленный районы и двѣ изъ приозерныхъ губерній—Петроградскую и Новгородскую—причемъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ среднія годовыя платы поднимаются до 90 и даже до ста съ лишнимъ (Петроградская и Таврическая), въ среднемъ выводѣ для всего южнаго района—до 88 рублей. Область наименьшихъ среднихъ годовыхъ платъ—ниже 55 рублей, охватываетъ, прежде всего, обширное пространство на западѣ, обнимающее весь юго-западный край и всю Литву и Бѣлоруссію съ прилегающими къ нимъ губерніями—Черниговскою и Смоленскою; затѣмъ, пять изъ числа центрально-черноземныхъ губерній, и на востокѣ—Уфимскую и Казанскую; въ большинствѣ бѣлорусскихъ и Подольской губерніи средняя годовая плата колеблется между 43 и 47 рублями, въ Гродненской падаетъ до 37, въ Волынской даже до 30 рублей. Губерніи со среднимъ уровнемъ годовыхъ платъ, отъ 55 до 70 рублей, частью вкраплены, по одиночкѣ, среди губерній первыхъ двухъ типовъ, частью образуютъ двѣ сплошныхъ области—средне-черноземную и нижнее, частью среднее поволжье. Довольно сходно группируются губерніи и по среднему уровню поденной платы (пѣшему рабочему на своихъ харчахъ). Весь степной югъ и здѣсь остается областью съ наивысшими поденными платами—60 копѣекъ и болѣе, въ Таврической губерніи даже 98 копѣекъ. Почти также, какъ и по годовымъ платамъ, очерчивается область наименьшихъ поденныхъ платъ (50 к. и менѣе) на западѣ, но дальше на востокъ она протягивается, нѣсколько болѣе узкою полосою, отъ Тамбовской до Казанской и Уфимской губерній. На сѣверѣ область высшихъ поденныхъ платъ оказывается нѣсколько болѣе ограниченною, нежели область высшихъ годовыхъ: она обнимаетъ всего три изъ подмосковныхъ губерній, три прибалтійскія и Петроградскую, остальной же сѣверъ, а также нижнее поволжье и нѣкоторыя изъ губерній нестепного чернозема представляютъ собою области со среднимъ уровнемъ поденныхъ платъ—отъ 51 до 60 копѣекъ.

Конечно, эти данныя для настоящаго времени сильно устарѣли, и притомъ данныя о поденныхъ платахъ мало характерны, потому что въ нихъ скрадываются такія совершенно разныя вещи, какъ платы въ періодъ обработки и въ періодъ уборки хлѣбовъ и травъ. Вотъ болѣе новыя, и притомъ расчлененныя по главнымъ видамъ работъ, данныя, именно среднія поденныя платы за 1906—10 гг., которыя я заимствую у В. Г. Бажаева:

въ полосахъ:	въ яровой посѣвъ	въ сѣнокосъ	въ жнитво
Нечерноземной	70	86	76
Черноземной	57	76	85
Въ итогѣ по 50 губерніямъ	63	81	80

Мы видимъ рѣзкую разницу между нечерноземною и черноземною полосами: въ первой, прежде всего, разница между высшею и низшею изъ трехъ среднихъ цифръ гораздо меньше, нежели во второй, что свидѣтельствуетъ о значительно болѣе равномѣрномъ распредѣленіи спроса на трудъ въ разные періоды сельско-хозяйственнаго года. Въ то время затѣмъ, какъ въ черноземной полосѣ дороже всего оплачивается трудъ во время жнитва, уже значительно дешевле въ сѣнокосъ и гораздо дешевле, на цѣлую треть, во время весеннихъ работъ, въ нечерноземной полосѣ дороже всего оплачивается трудъ въ сѣнокосъ, жнитво же оплачивается лишь немногимъ дороже, чѣмъ весеннія полевыя работы. Это—прямое слѣдствіе гораздо меньшаго размѣра запашекъ, слѣдовательно—меньшаго спроса на трудъ по уборкѣ хлѣбовъ, въ нечерноземной полосѣ, и наоборотъ—гораздо большей роли сѣнокосовъ и большаго спроса на трудъ въ періодъ уборки травъ. Еще гораздо рѣзче выразится разница какъ въ общей колеблемости заработанныхъ платъ въ теченіе сельско-хозяйственнаго года, такъ и въ относительной высотѣ оплаты разныхъ видовъ труда, если взять на выборъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя губерніи какъ изъ черноземной, такъ и изъ нечерноземной полосы. Вотъ среднія поденныя платы по четыремъ южнымъ степнымъ губерніямъ, какъ онѣ приведены въ работѣ Н. Ф. Анненскаго:

	Въ яровой посѣвъ.	Въ сѣнокосъ.	Въ жнитво.
Хе сонская	31	49	95
Екатеринославская	29	51	96
Таврическая	38	67	96
Донская	35	59	98

Заработная плата въ періодъ уборки хлѣбовъ, когда спросъ на трудъ, при рѣдкой населенности и обширныхъ запашкахъ, проявляется съ максимальною интенсивностью, въ $2^1/_2$ раза, втрое и болѣе чѣмъ

втрое превышаютъ заработныя платы въ періодъ весеннихъ работъ, когда спросъ на трудъ, при принятой поверхностной обработкѣ земли, относительно очень невеликъ, и въ полтора, даже въ два раза превышаютъ заработныя платы въ сѣнокосное время. Вотъ, затѣмъ, соотвѣтственныя цифры по пяти изъ нечерноземныхъ губерній:

	Въ яровой посѣвъ.	Въ сѣнокосъ	Въ жнитво.
Лифляндская	59	65	64
Курляндская	62	72	68
Ковенская	47	53	54
Ярославская	59	68	54
Костромская	47	59	52

Здѣсь мы не видимъ уже ничего похожаго на тѣ рѣзкія различія въ оплатѣ труда по періодамъ сельско-хозяйственнаго года, какія мы только что констатировали для степныхъ, а затѣмъ и вообще для черноземныхъ губерній. Въ такихъ губерніяхъ, какъ Ковенская, или Лифляндская, поденныя платы въ теченіе всего сельско-хозяйственнаго года держатся почти на одномъ уровнѣ; въ другихъ поденныя платы въ періодъ максимальныхъ цѣнъ на трудъ на какихъ нибудь 15—25% выше, чѣмъ въ періодъ минимальнаго спроса. Заработная плата въ періодъ уборки хлѣбовъ только въ одной Ковенской губерніи превышаетъ—да и то на ничтожную, можетъ быть чисто случайную величину, заработную плату въ сѣнокосъ, въ Ярославской же губерніи поденная плата въ жнитво опускается даже ниже, чѣмъ въ періодъ весеннихъ полевыхъ работъ.

Очень интересно, затѣмъ, прослѣдить измѣненія оплаты наемнаго сельско-хозяйственнаго труда во времени. Вотъ данныя за шесть послѣдовательныхъ пятилѣтій (порвый періодъ, впрочемъ, четырехлѣтній), которыя я заимствую, опять таки, у В. Г. Важаева:

	Въ яровой посѣвъ.	Въ сѣнокосъ.	Въ жнитво
1882—85	47	63	65
1886—90	42	57	61
1891—95	42	57	63
1896—900	49	64	65
1901—05	55	71	71
1906—10	59	77	79

Мы видимъ, что второе и третье пятилѣтія не только не обнаруживаютъ никакого повышенія поденныхъ платъ—напротивъ, уровень

послѣднихъ въ оба эти пятилѣтія замѣтно ниже, въ особенности въ первыхъ два періода сельскохозяйственнаго года, чѣмъ въ первомъ пятилѣтіи. Это, очевидно, результатъ тяготѣвшаго надъ русскимъ и вообще европейскимъ сельскимъ хозяйствомъ, въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ, кризиса, обусловленнаго конкуренціею заокеанскаго хлѣба и вызваннымъ ею паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ,—кризиса, имѣвшаго своимъ естественнымъ послѣдствіемъ сокращеніе спроса на сельско-хозяйственный трудъ. Въ четвертомъ пятилѣтіи цѣны возвращаются къ уровню перваго и даже поднимаются не намного выше,—въ послѣднія же два пятилѣтія наблюдается довольно быстрый ростъ поденныхъ платъ во всѣ три періода сельско-хозяйственнаго года,—въ послѣднемъ пятилѣтіи, 1906—10 гг., онѣ стоятъ, приблизительно, на 22—25% выше, нежели въ первой половинѣ 80-хъ г.г. Это—денежныя заработныя платы. Насъ завело бы слишкомъ далеко, если бы я задался мыслью выяснить измѣненіе такъ называемыхъ реальныхъ платъ,—но и безъ дальнихъ вычисленій можно съ достаточною увѣренностью сказать, что 20—25%-ное повышеніе денежныхъ платъ болѣе или менѣе цѣликомъ поглощается повышеніемъ цѣнъ болѣе или менѣе всѣхъ продуктовъ.

Не менѣе интересенъ, наконецъ, вопросъ о колеблемости заработныхъ платъ во времени. По вычисленіямъ Н. Ф. Анненскаго, коэффиціентъ измѣнчивости поденныхъ платъ выражался, въ общемъ выводѣ для черноземной и для нечерноземной полосъ, въ слѣдующихъ цифрахъ:

въ полосахъ:	въ яровой посѣвъ	въ сѣнокосъ	въ жнитво
черноземной	9	14	17
нечерноземной	7	6,3	6,2

Какъ и слѣдовало ожидать, въ виду большей измѣнчивости урожаевъ въ черноземной полосѣ, коэффиціентъ измѣнчивости заработныхъ платъ здѣсь значительно выше, чѣмъ въ нечерноземной. Въ этой послѣдней заработныя платы одинаково устойчивы во всѣ три періода сельско-хозяйственнаго года. Въ черноземной онъ лишь немногимъ выше въ періодъ ярового посѣва, значительно выше въ періодъ уборки: въ сѣнокосъ приблизительно вдвое, въ жнитво—въ $2^1/_2$ раза; это и понятно, потому что именно въ эти два періода спросъ на трудъ подверженъ чрезвычайно сильнымъ колебаніямъ, въ зависимости отъ колебаній урожая, тогда какъ спросъ на трудъ весной лишь очень мало зависитъ отъ урожая предшествовавшаго года.

Еще рѣзче проявятся и здѣсь указанныя различія, если взять отдѣльные болѣе характерные районы и губерніи,—для черноземной полосы, опять-таки, степныя, съ ихъ наиболѣе экстенсивнымъ хозяйствомъ и наибольшею колеблемостью урожаевъ:

	въ яровой посѣвъ	въ сѣно-косъ	въ жнитво
Новороссъ районъ	10	24	27
Херсонская губернія	12	19	32
Таврическая »	10	27	22
Самарская »	15	19	27

Въ нечерноземной полосѣ исключительно высокою степенью устойчивости отличается прибалтійскій районъ—коэффиціентъ измѣнчивости здѣсь не превышаетъ, въ каждый изъ тѣхъ же трехъ періодовъ, 4,7—4,1 и 4,8%—максимальная устойчивость заработныхъ платъ является, такимъ образомъ, спутникомъ максимальной интенсивности хозяйства. Въ нѣсколько другомъ направленіи характерны нѣкоторыя изъ промышленныхъ губерній: коэффиціенты измѣнчивости по Костромской, въ тѣ же три періода, 11,5—9—7, по Ярославской 8,6—8,4—4,2. Въ прямую противуположность черноземной полосѣ, заработныя платы здѣсь устойчивѣе всего въ жнитво—на уборку небольшихъ полей въ этихъ мѣстностяхъ, очевидно, всегда хватаетъ рукъ; онѣ болѣе измѣнчивы въ сѣнокосъ, потому что самые урожаи травъ болѣе измѣнчивы, чѣмъ урожаи хлѣбовъ въ условіяхъ навознаго трехполья; и измѣнчивѣе всего въ періодъ весеннихъ полевыхъ работъ, когда спросъ и предложеніе труда опредѣляются, очевидно, условіями, лежащими вовсе внѣ сельско-хозяйственной сферы—именно, конъюнктурою, сложившеюся въ промысловой дѣятельности населенія.

Рѣзкая колеблемость заработныхъ платъ въ черноземной полосѣ, и особенно въ степныхъ районахъ,—явленіе, очень тяжело отражающееся на положеніи сельскаго хозяйства, поскольку оно является предпріятіемъ, опирающимся на наемный трудъ. Не менѣе неблагопріятно отражаются рѣзкія колебанія заработныхъ платъ въ названныхъ мѣстностяхъ и находящія себѣ въ нихъ выраженіе колебанія спроса на трудъ на интересахъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, въ особенности поскольку они являются пришлыми рабочими, а работы по найму въ чужихъ хозяйствахъ—сельско-хозяйственнымъ отхожимъ промысломъ.

Къ этому отхожему земледѣльческому промыслу намъ теперь и остается перейти. Направленіе земледѣльческаго отхода, какъ достаточно общеизвѣстно,—изъ губерній центральнаго черноземнаго пространства въ южныя и восточныя степи, а также въ степи передняго Кавказа, главнымъ образомъ на сѣнокосъ и въ особенности на уборку хлѣбовъ, когда мѣстный спросъ на рабочія руки, какъ правило, далеко превышаетъ мѣстное предложеніе. Главный очагъ земледѣльческаго отхода—это 14 центрально-черноземныхъ, малороссійскихъ съ югозападными и средневолжскихъ губерній. По подсчетамъ покойнаго Карышева, основаннымъ на данныхъ земской статистики, общее число уходящихъ на земледѣльческіе заработки по 131 уѣзду достигало 1168

тыс. человѣкъ. По болѣе недавнимъ подсчетамъ кн. Н. В. Шаховского, основаннымъ на данныхъ о числѣ выдаваемыхъ паспортовъ, а слѣдовательно охватывающимъ, въ той или другой части, и отходъ на неземледѣльческіе заработки, общіе размѣры отхода на югъ и на юго-востокъ опредѣлялись, въ первые годы XX вѣка, приблизительно въ 3 милліона человѣкъ. Сравнительно второстепенную роль играютъ—если приложить общерусскій масштабъ—такія явленія, какъ развившійся въ послѣднія десятилѣтія, главнымъ образомъ въ шести польскихъ пограничныхъ губерніяхъ, отходъ на земледѣльческія работы въ восточную Пруссію, который въ каждый изъ годовъ трехлѣтія 1900—1902 гг. выражался цифрами отъ 120 до 140 тыс. душъ. Въ новѣйшее время началъ развиваться и заокеанскій отходъ—въ Америку, главнымъ образомъ изъ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній, наряду съ ними, однако, и изъ юго-западныхъ. Это все, однако, явленія мало изученныя, въ частности остававшіяся до сихъ поръ совершенно внѣ поля зрѣнія земской статистики, а потому я ограничусь простымъ упоминаніемъ о нихъ и не буду входить въ какія либо дальнѣйшія подробности.

Что касается до пользующагося наиболѣе широкою извѣстностью, и въ то время сравнительно болѣе изученнаго, средне-русскаго отхода, то причины его, конечно, ясны уже изъ сказаннаго выше. Отхожіе земледѣльческіе заработки—слѣдствіе и одинъ изъ симптомовъ избытка рабочихъ рукъ—избытка, напоминаю, относительнаго, обусловливаемаго, въ массѣ, малою интенсивностью, а слѣдовательно—недостаточною трудоемкостью господствующаго пока типа зернового земледѣльческаго хозяйства; избытокъ этотъ направляется на земледѣльческій отходъ, если нѣтъ достаточнаго мѣстнаго спроса на трудъ (главнымъ образомъ со стороны владѣльческихъ хозяйствъ) или сподручныхъ и въ то-же время болѣе выгодныхъ неземледѣльческихъ заработковъ. Какіе, главнымъ образомъ, элементы направляются въ земледѣльческій отходъ—на этотъ вопросъ мы не имѣемъ возможности дать вполнѣ опредѣленнаго отвѣта,—дѣлавшіяся до сихъ поръ попытки группового изученія данныхъ объ отхожихъ рабочихъ давали довольно разнорѣчивые результаты. Выше (стр. 306) были приведены цифры, изъ которыхъ вытекало, что земледѣльческій отходъ встрѣчается въ самыхъ разнообразныхъ, по земельному обезпеченію и по величинѣ земледѣльческаго хозяйства, группахъ населенія,—но степень распространенности его убываетъ съ ростомъ земельнаго обезпеченія и размѣровъ хозяйства; въ частности, сильнѣе всего отходъ распространенъ въ наименѣе обезпеченныхъ землею группахъ. По другимъ даннымъ въ отходѣ участвуютъ главнымъ образомъ средне-обезпеченныя землей группы крестьянъ. Такъ, по даннымъ спеціальной регистраціи отхожихъ рабочихъ, производившейся въ Березовкѣ (Харьковской губ.), наибольшая доля отхожихъ рабочихъ—25%, приходится на группу съ надѣломъ въ 4—5 дес. на ревизскую душу, 20% на группу съ надѣ-

ломъ въ 2—3 дес.; цѣлыхъ 25% приходится на хорошо обезпеченныя землею группы: 10% съ надѣломъ въ 5—6 дес., цѣлыхъ 15%—съ 6%—7 десятинами на ревизскую душу. На долю наименѣе обезпеченныхъ землей—съ надѣломъ въ 1—2 дес. на ревизскую душу, остается сравнительно небольшой процентъ—17%, безземельные же составляютъ всего 3% всѣхъ зарегистрированныхъ отхожихъ рабочихъ. Дѣло здѣсь, повидимому, въ томъ, что земледѣльческій отходъ является—при отсутствіи другихъ, болѣе сподручныхъ заработковъ—желаннымъ дополненіемъ къ доходу отъ собственнаго земельнаго хозяйства, но не можетъ служить главною основою существованія безземельнаго. Послѣднему нужны тѣ или другіе постоянные заработки, и разъ онъ ихъ имѣетъ, онъ уже не можетъ отрываться отъ нихъ ради отхожаго заработка.

Колебанія движенія на отхожіе земледѣльческіе заработки, естественно, зависятъ главнымъ образомъ отъ колебаній урожая: стремятся массами туда, гдѣ хорошій урожай позволяетъ разсчитывать на большой спросъ на трудъ, а слѣдовательно на хорошіе заработки, и массами же бѣгутъ оттуда, гдѣ случился болѣе или менѣе полный неурожай, потому что здѣсь не только сокращается до послѣдней степени спросъ на наемныхъ рабочихъ, но и значительная часть самостоятельныхъ крестьянъ-хозяевъ оказывается безъ средствъ существованія и безъ приложенія для своего труда: изъ Воронежской, напр., губерніи въ неурожайный 1891—92 годъ уходило на заработки до полумилліона людей,—уходили цѣлыми семьями, причемъ многіе нанимались работать за одно только пропитаніе. Отсюда, разумѣется, огромный рискъ. Какой-либо организованной справочной агентуры для отхожихъ рабочихъ нѣтъ,—дѣло не шло до сихъ поръ дальше отдѣльныхъ попытокъ нѣкоторыхъ земствъ, не дававшихъ сколько нибудь серьезныхъ результатовъ. Идутъ, поэтому, на заработки болѣе или менѣе исключительно по слухамъ, заносимымъ всякими прохожими людьми, въ лучшемъ случаѣ по письмамъ переселившихся родственниковъ или земляковъ. Иногда получаемыя изъ такихъ источниковъ свѣдѣнія бываютъ и совершенно фантастическія. Если они и имѣютъ подъ собой фактическую основу, они, сплошь и рядомъ, обобщаютъ наблюденія совершенно случайныя, или относящіяся лишь къ очень ограниченнымъ районамъ. Между тѣмъ, разъ гдѣ-либо прошелъ такой слухъ или вообще получились откуда-либо извѣстія о хорошихъ видахъ на заработки,—народъ срывается съ мѣста массами. На мѣстѣ, сплошь и рядомъ, оказывается, что такого урожая и такого спроса на рабочихъ, какъ думали, и не было; или что пришло народу со всѣхъ сторонъ гораздо больше, чѣмъ требовалось; или что весь бывшій спросъ на рабочія руки съ избыткомъ покрытъ ранѣе пришедшими рабочими, и т. д. Часто, при такихъ условіяхъ, отхожіе рабочіе и вовсе не находятъ никакого заработка, часто приходится работать за грошъ, а то и

за одно пропитаніе, и возвращаться «по шпаламъ»—пѣшкомъ съ нищенскою сумой.

Но даже и въ лучшемъ случаѣ, и то заработки отхожихъ рабочихъ не блестящи: валовой заработокъ мужчины, при благопріятныхъ условіяхъ, колеблется между 30 и 70, женщины между 20 и 50 рублями; домой приносятъ, обычно, 20—30, рѣдко до 50 рублей денегъ. И это—за 3—4, иногда и до шести мѣсяцевъ, проведенныхъ внѣ дома, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ труда, жилища, питанія и т. д.: питаніе, по большей части, сухимъ хлѣбомъ или сухарями; рабочій день до 12—15 часовъ; помѣщенія чрезвычайно тѣсныя и негигіеничныя, благопріятствующія развитію всякаго рода эпидемическихъ болѣзней. При этомъ—болѣе или менѣе неизбѣжный ущербъ для своего хозяйства. «Если крестьянъ—говоритъ кн. Н. В. Шаховской въ спеціальной монографіи, откуда заимствована большая часть приведенныхъ данныхъ, побуждаетъ искать отхожихъ заработковъ неудовлетворительность ихъ хозяйства на родинѣ, то и самый отходъ способствуетъ его упадку. Въ самомъ дѣлѣ—къ отхожимъ промысламъ прибѣгаетъ самая здоровая, выносливая, полная силъ часть мужского населенія нашихъ селъ и деревень. Все домашнее хозяйство зачастую остается вслѣдствіе этого на попеченіи стариковъ, женщинъ и подростковъ. Въ селеніяхъ, откуда уходитъ на сторонніе заработки значительное число рабочихъ, нерѣдко можно видѣть за обработкой земли бабъ, которыя сами и пашутъ, и сѣютъ, и боронятъ. При нормальномъ ходѣ семейныхъ работъ существуетъ извѣстное раздѣленіе труда: мужчины пашутъ, сѣютъ, боронятъ; женщины жнутъ, занимаются уходомъ за скотомъ и домашнимъ хозяйствомъ. Но если бы здороваго работника заставить производить всѣ эти работы, онъ выбился бы изъ силъ. Естественно, что при веденіи всего хозяйства женщинами и стариками обработка земли должна сильно страдать. Вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо должны происходить упущенія и въ домашнемъ хозяйствѣ, и въ уходѣ за дѣтьми, которыя, оставаясь безъ всякаго надзора, становятся легче жертвами болѣзней, увѣчій и т. п.».

Въ послѣднее время замѣчается не могущее быть выраженнымъ въ цифрахъ, но повидимому несомнѣнное, сокращеніе отхожихъ земледѣльческихъ заработковъ. Обусловливается оно, отчасти, сгущеніемъ населенія, слѣдовательно—увеличеніемъ мѣстнаго предложенія рабочихъ рукъ, въ тѣхъ рѣдко-населенныхъ степныхъ районахъ, куда направлялись и направляются отхожіе сельско-хозяйственные рабочіе; и едва ли не еще въ большей мѣрѣ—переходомъ всѣхъ владѣльческихъ и сколько нибудь крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ этихъ мѣстностей къ уборкѣ хлѣбовъ и травъ, а также къ молотьбѣ, машинами. Послѣднія очень сильно сократили потребность въ рабочихъ рукахъ въ «критическій» періодъ уборки хлѣбовъ и травъ и, въ значительной мѣрѣ, сгладили прежнее, рѣзкое несоотвѣтствіе количества труда, потребнаго для этихъ работъ, съ количествомъ труда, достаточнымъ въ теченіе остальной части періода

полевыхъ работъ, главнымъ образомъ для обработки земли и посѣва. Въ то время какъ при ручной уборкѣ для сѣнокоса и жатвы требовалось въ нѣсколько разъ больше рабочихъ, чѣмъ для обработки земли и посѣва, при машинной избытокъ требующихся на время жатвы и покоса рабочихъ рукъ относительно не великъ, и машины могутъ, въ относительно большой части, быть обслужены тѣми же самыми постоянными рабочими и тѣмъ самымъ рабочимъ скотомъ, которыми была обработана земля и былъ произведенъ посѣвъ. А сравнительно небольшая избыточная потребность въ рабочихъ въ значительной долѣ покрывается возросшимъ, благодаря сгущенію населенія, мѣстнымъ предложеніемъ.

Въ земской статистикѣ вопросъ о такъ называемыхъ «промыслахъ», т.-е. всякаго рода заработкахъ крестьянъ внѣ собственнаго земледѣльческаго хозяйства, разработанъ хуже, чѣмъ какая-либо изъ другихъ сторонъ крестьянской жизни. Первые земскіе статистики интересовались промыслами, въ своихъ подворныхъ изслѣдованіяхъ, почти исключительно какъ признакомъ или симптомомъ упадка земледѣльческаго хозяйства, можно сказать. Единственное, что ихъ интересовало—это учесть число крестьянскихъ хозяйствъ, не могущихъ просуществовать отъ своего земледѣльческаго хозяйства и не находящихъ въ немъ достаточнаго приложенія для своего труда, а потому вынужденныхъ прибѣгать къ «промысламъ» какого бы то ни было рода,—да пожалуй еще установить, въ какой мѣрѣ промыслы «отрываютъ» отъ земледѣлія, развиваются въ ущербъ ему. Съ этой точки зрѣнія характеръ «промысла»—не только тотъ или другой видъ неземледѣльческаго заработка, но даже основное различіе между земледѣльческимъ и неземледѣльческимъ, былъ для нихъ болѣе или менѣе безразличенъ, и потому «промыслы» трактуются въ земскихъ статистическихъ сборникахъ въ до крайности нерасчлененномъ видѣ, благодаря чему, по справедливому замѣчанію Н. Н. Суханова, одинъ и тотъ же процентъ «промышленниковъ» въ разныхъ мѣстностяхъ вовсе не характеризуетъ въ нихъ общности соціально-экономическихъ отношеній и не даетъ никакого представленія ни о степени, ни о направленіи индустріализаціи крестьянства. Правда при самой подворной переписи, за единичными исключеніями, регистрировался не только фактъ занятія «промысломъ», но и родъ промысла,—но собранныя этимъ путемъ данныя о распредѣленіи «промышленниковъ» по родамъ промысловыхъ занятій разрабатывались, по большой части, или въ совершенно отдѣльныхъ монографіяхъ, посвященныхъ промысламъ, или въ особыхъ приложеніяхъ къ тѣмъ сборникамъ, въ которыхъ воплощались остальные результаты подворныхъ переписей,—въ томъ и другомъ случаѣ, по большей части, безъ всякой связи съ остальными установленными подворною переписью соціально-экономическими признаками, благодаря чему если не вовсе устранялась, то во всякомъ случаѣ сводилась къ мини-

муму возможность анализировать промысловую дѣятельность населенія въ связи съ условіями его землевладѣнія и съ его земледѣльческимъ хозяйствомъ. Лишь въ сравнительно недавнее время тѣ или другіе признаки, ближе характеризующіе промыслы, какъ таковые, начинаютъ вводиться въ общую разработку подворныхъ переписей и слѣдовательно приводиться въ связь съ условіями крестьянскаго землевладѣнія и съ характерными количественными признаками крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства,—но дѣло, въ этомъ направленіи, и до сихъ поръ не пошло дальше отдѣльныхъ разрозненныхъ попытокъ, широкая же и всесторонняя разработка данныхъ о промыслахъ въ связи съ земельно-хозяйственными условіями и до сихъ поръ остается дѣломъ будущаго.

Въ числѣ наиболѣе раннихъ формуляровъ мы находимъ и такіе, гдѣ не не ставилось никакихъ вопросовъ о промыслахъ. Таковы, напр., формуляры по Борисоглѣбскому уѣзду,—въ сборникѣ же по этому уѣзду мы находимъ только свѣдѣнія о „количествѣ бумагъ (паспортовъ) выданныхъ на прожитіе", съ подраздѣленіемъ по полу. Въ формулярахъ по Острогожскому уѣзду (Воронежск. губ.) вопросъ о промыслахъ ставится только для двора, а не для лицъ: спрашивали о мѣстномъ—отхожемъ, мужскомъ—женскомъ промыслѣ, причемъ требовалось отмѣтить одно лишь названіе промысла. Почти также былъ поставленъ вопросъ о промыслахъ въ Новгородскихъ и въ первыхъ Тверскихъ формулярахъ: въ первыхъ регистрировались „имѣющіе посторонніе заработки", мѣстные и отхожіе, причемъ для тѣхъ и другихъ требовалось показать названіе промысла и число занятыхъ мужчинъ и женщинъ; въ Тверскихъ требовалось для каждаго занятаго промысломъ лица показать „названіе занятія" (не исключая батрачества), а кромѣ того—и возрастъ промышленника. Однако, собиравшіяся по такого типа формулярамъ данныя о промыслахъ, какъ уже замѣчено, при общей разработкѣ результатовъ подворныхъ переписей использовались лишь въ очень ограниченной степени. Въ нѣкоторыхъ сборникахъ—напр. Острогожскомъ (Ворон губ.), мы находимъ лишь данныя о числѣ семей, занятыхъ промыслами, затѣмъ число мужчинъ и женщинъ, занятыхъ мѣстнымъ и занятыхъ отхожимъ промысломъ; особо выдѣлены, по не совсѣмъ понятнымъ основаніямъ, лишь сдѣльныя работы—дается число нанимающихся сдѣльно дворовъ и заработанная сумма. Особо здѣсь, какъ и болѣе или менѣе во всѣхъ сборникахъ, дается число „заведеній", съ подраздѣленіемъ на промышленныя и торговыя. Въ Самарскихъ сборникахъ подъ рубрикою „промыслы" дается число „мастеровыхъ" (неясно, имѣются ли здѣсь въ виду ремесленники, или кустари, или тѣ и другіе вмѣстѣ) съ подраздѣленіемъ на мѣстныхъ и отхожихъ, и число „полевыхъ и прочихъ (сельско-хозяйственныхъ?) рабочихъ",—послѣднее безъ раздѣленія на мѣстныхъ и отхожихъ; это, вѣроятно, потому, что въ условіяхъ Самарской губерніи считаться съ земледѣльческимъ отходомъ не приходилось. Всѣ перечисленныя данныя даются, притомъ, безъ подраздѣленія по полу, и остается неяснымъ, имѣются ли въ виду „промышленники" обоего пола, или одни мужчины. Изъ „заведеній" даются только трактиры и кабаки,—что конечно очень характерно для представленій многихъ изъ первыхъ земскихъ статистиковъ о характерѣ деревенскаго капитализма. Въ Курскихъ сборникахъ рубрика промысловъ раздѣлена на два большихъ отдѣла—мѣстныхъ и отхожихъ. Въ томъ и другомъ дается число лицъ (обоего пола?), занятыхъ земледѣльческими промыслами и другими, кромѣ земледѣлія; подъ рубрикою „заведенія" дается число промышленныхъ заведеній, кабаковъ съ трактирами и лавокъ.

Гораздо больше даютъ—изъ числа земскихъ подворныхъ изслѣдованій ранняго періода—Полтавскія и Вятскія. Въ формулярѣ по первому по времени изслѣдованія уѣзду Полтавской губерніи—Зѣньковскому, вопросъ о промыслахъ ставился въ нерасчлененномъ видѣ: ему отведена была довольно большая рубрика, озаглавленная „занятія зимою и лѣтомъ", раздѣленная на двѣ клѣтки,—„самъ"—„сама", съ довольно большимъ бѣлымъ мѣстомъ для записей. Въ формулярахъ по другимъ уѣздамъ требовалось показать, отдѣльно по пяти возрастнымъ категоріямъ, „наймитовъ", батраковъ, дальніе заработки, ремесленниковъ (число и родъ ремесла), затѣмъ, широкая графа была отведена для условій найма батраковъ и для размѣровъ заработка въ другого рода промыслахъ, а затѣмъ ставился еще рядъ вопросовъ для спеціальнаго описанія промысловъ, какъ таковыхъ. Своеобразенъ типъ разработки данныхъ о промыслахъ въ сборникахъ первой переписи по Тверской губерніи—дается общее число лицъ, занятыхъ мѣстнымъ и занятыхъ отхожимъ промысломъ, съ подраздѣленіемъ по полу, а затѣмъ въ особой графѣ поименовываются преобладающіе въ каждомъ селеніи промыслы. Отмѣтки въ этой графѣ, напр., такія: „горшечныи", „трепальный и прядильный", „землелѣльческія работы", „земледѣльческія работы и возка дровъ", „поденщина", „промыслы разнообразны" и т. д.; въ особой рубрикѣ дается число нищихъ. Большою содержательностью отличаются, какъ упомянуто, и сборники по Вятской губерніи (гдѣ—независимо отъ подворной переписи—были произведены и спеціальныя изслѣдованія неземледѣльчеекихъ промысловъ, результаты которыхъ вылились въ особой серіи изданій), причемъ, однако, въ основу классификаціи промышленниковъ положенъ исключительно производственный признакъ, социальное же положеніе промышленниковъ (предприниматели, рабочіе и пр.) оставлено совершенно безъ вниманія. Здѣсь, именно, въ общей разработкѣ подворной переписи дается число лицъ (точнѣе—показаній, ибо одно лицо могло показать нѣсколько промысловъ, и въ такомъ случаѣ оно фигурировало въ таблицѣ нѣсколько разъ), занятыхъ промыслами, съ подраздѣленіемъ, прежде всего, на двѣ основныхъ категоріи: мѣстныхъ и ближнихъ—и отхожихъ (дальнихъ). Затѣмъ, въ числѣ промышленниковъ первой категоріи выдѣлены особо: поденщики (надо думать, что въ ту же графу вошли и сроковые рабочіе—изъ заголовка это не видно, но никуда больше они не могли войти), ремесленники, кустари, извозщики, лѣсной промыселъ, ближній сплавъ, прочіе промыслы; въ числѣ промысловъ второй категоріи выдѣлены только бурлачество (съ поясненіемъ въ скобкахъ: сплавъ лѣса) и работа на заводахъ (имѣются въ виду мѣстные и уральскіе горные заводы), всѣ остальные слиты въ рубрикѣ „прочихъ", а затѣмъ для каждой изъ двухъ крупныхъ категорій промысловъ показано число лицъ, занятыхъ, вообще, промыслами, и число дворовъ. Затѣмъ, къ сборнику поселенныхъ таблицъ приложена особая „детальная сводная таблица мѣстныхъ промысловъ по волостямъ и народностямъ", гдѣ данныя о числѣ промышленниковъ приводятся по такимъ основнымъ подраздѣленіямъ: 1. наемъ, съ подраздѣленіемъ на поденщиковъ, работниковъ (сроковыхъ) и пастуховъ; 2. ремесла, съ подраздѣленіемъ по 22 видамъ послѣднихъ; 3. кустарничество, съ подраздѣленіемъ по 20 видамъ; 4. извозчики; 5. лѣсной промыселъ, съ подраздѣленіемъ по 8 видамъ; 6. ближній сплавъ—всего два вида, и „прочіе"—17 видовъ. Затѣмъ идутъ рубрики „итого всего" и „всего безъ двойныхъ и тройныхъ показаній"—иначе сказать, число показаній о промыслахъ и число промысловыхъ единицъ, независимо отъ рода промысловъ, и въ той и другой рубрикѣ дается число лицъ и число дворовъ.

Очень интересны, какъ по болѣе совершенному пріему регистраціи, такъ отчасти и по детальности разработки, хотя опять-таки односторонни по содер-

жанію, данныя о промыслахъ по Орловской и по Владамірской губерніямъ. Здѣсь—насколько мнѣ извѣстно—впервые появляется (впослѣдствіи ставшій общепринятымъ) строго индивидуальный пріемъ регистраціи промысловъ· именно, въ рубрикахъ, отведенныхъ перечету мужского и женскаго населенія съ его демографическими признаками и грамотностью, имѣется четыре графы, посвященныхъ промысламъ, а именно: „какой? '—„гдѣ?—„когда?"—„отрывается?",— и такимъ образомъ получаются данныя для весьма разносторонней характеристики промысловой дѣятельности каждаго лица. Однако, въ выносныхъ графахъ, по которымъ долженъ былъ производиться подсчетъ данныхъ для поселенныхъ таблицъ, используется лишь ничтожная часть регистрировавшихся такимъ образомъ данныхъ: мы находимъ здѣсь, именно, только рубрику „свои работники съ заработками", съ подраздѣленіемъ на двѣ основныхъ категоріи „отрывающихъ" и „неотрывающихъ" и въ каждой изъ нихъ число лицъ съ „мѣстными"—„отхожими", съ „мѣстными и отхожими" промыслами; все это—безъ подраздѣленія по полу. число же мужчинъ и женщинъ дается лишь въ общей рубрикѣ „всего съ заработками". Въ строгомъ соотвѣтствіи съ этимъ стоитъ и разработка вопроса о промыслахъ въ поселенныхъ таблицахъ по Владимірской губерніи. Здѣсь дается, именно, общее число дворовъ и лицъ—мужчинъ и женщинъ съ промыслами, затѣмъ—число дворовъ съ промышленниками въ рабочемъ возрастѣ, и въ нихъ лицъ: а) „занимающихся обработкой чужой земли" (управщики!), б) прочихъ промышленниковъ, въ томъ числѣ работниковъ съ промыслами отрывающими и съ неотрывающими отъ земледѣлія; подъ каждою изъ двухъ послѣднихъ рубрикъ дается число лицъ, занятыхъ только мѣстнымъ, только отхожимъ, мѣстнымъ и отхожимъ промысломъ, а въ рубрикѣ „отрывающихъ" промысловъ выдѣлено надѣльное населеніе отъ безнадѣльнаго, и такимъ образомъ получается возможность установить связь „отрыванія" съ безнадѣльностью. Затѣмъ, дается особо число дворовъ съ кустарнымъ ткачествомъ и число становъ у нихъ; затѣмъ, отдѣльно для мужчинъ и отдѣльно для женщинъ, число отхожихъ промышленниковъ, время работы которыхъ въ отходѣ извѣстно, и для нихъ—общее число мѣсяцевъ отхода, и наконецъ—общее число мужчинъ и женщинъ, живущихъ на сторонѣ. Такимъ образомъ дается оченъ разносторонняя разработка такихъ сторонъ вопроса о промыслахъ, какъ отрываніе отъ земледѣлія и отходъ (въ свою очередь тѣсно связанный съ отрываніемъ),—но производственная и соціальная сторона оставлена почти совершенно безъ вниманія: выдѣлены только двѣ, конечно интересныя по мѣстнымъ условіямъ, категоріи—управка и домашнее ткачество, и не выдѣлены ни остальные виды кустарной промышленности, ни фабричная работа, ни городской отходъ. Очень интересны—замѣчу мимоходомъ—спеціальные сборники, посвященные промысламъ Владимірской губерніи и основанные на на данныхъ, извлеченныхъ изъ той же подворной переписи; здѣсь дается—кажется, единственная въ своемъ родѣ—разработка, по 14 категоріямъ промысловъ данныхъ о возрастѣ и грамотности промышленниковъ, о мѣстѣ работы и о числѣ проработанныхъ мѣсяцевъ въ году, въ сложной связи съ общимъ и рабочимъ составомъ промысловыхъ семей, съ землевладѣніемъ, землепользованіемъ, арендой и проч..

Своеобразную разработку вопроса о промыслахъ даютъ переписи, проведенныя изслѣдователями марксистскаго направленія въ Ярославской, Вологодской и Смоленской губерніяхъ. Въ формулярѣ, по которому производилась перепись въ Ярославской губ., постановка вопросовъ была приблизительно такая же, какъ во Владимірскихъ, по добавленъ рядъ весьма существенныхъ графъ: н а к о г о работаетъ (вопросъ, смыслъ котораго—въ уловленіи самостоятельныхъ и не самостоятельныхъ формъ промысловъ), в а л о в о й заработокъ, расходъ, ч и с т ы й заработокъ. Въ выносныхъ графахъ разработка

гораздо болѣе разносторонняя, чѣмъ во Владимирскихъ формулярахъ выдѣлены наемные сельско-хозяйственныя рабочіе, съ подраздѣленіемъ по полу и по сроку—годовые и лѣтніе; затѣмъ—проживающіе на сторонѣ болѣе года, всѣ и въ томъ числѣ въ рабочемъ возрастѣ затѣмъ, лица съ заработками—всѣ, въ томъ числѣ въ рабочемъ возрастѣ, отрывающіеся отъ всѣхъ, отъ части земледѣльческихъ работъ; все это, опять-таки, съ подраздѣленіемъ по полу. Въ поселенныхъ таблицахъ—напримѣръ по Мышкинскому уѣзду—дается число семей съ промышленниками вообще, въ томъ числѣ съ промышленниками мужчинами, женщинами, съ промышленниками обоего пола; число промышленниковъ всѣхъ и въ рабочемъ возрастѣ, съ подраздѣленіемъ (какъ и во всемъ дальнѣйшемъ) по полу, въ числѣ надѣльныхъ промышленниковъ—отрывающихся отъ всѣхъ, отъ части сельско-хозяйственныхъ работъ; затѣмъ, особо учтено нищенство—дается число занимающихся нищенствомъ семей и лицъ,—всѣхъ, въ томъ числѣ въ рабочемъ возрастѣ, наконецъ „изъ наличнаго населенія живутъ на сторонѣ болѣе года“ (постановка вопроса, характерная для пониманія категоріи „наличнаго населенія“ въ земской статистикѣ). всѣхъ, въ томъ числѣ рабочаго возраста, въ томъ числѣ семьями: семей, лицъ всѣхъ, въ томъ числѣ рабочаго возраста—напоминаю, все это съ подраздѣленіемъ по полу. И здѣсь, значитъ, выдвинуты нѣкоторыя интересныя стороны вопроса о промыслахъ, но конечно разработка этого вопроса остается, все же, крайне недостаточною, особенно для губерніи съ такимъ важнымъ значеніемъ промысловъ, какъ Ярославская. Въ Вологодской губерніи вопросъ о промыслахъ былъ съ исключительною детальностью разработанъ по Грязовецкому уѣзду (по аналогичному плану—и въ Вяземскомъ у., Смоленск. губ., гдѣ изслѣдованіе было проведено тѣмъ же лицомъ). Къ сожалѣнію, примѣнявшагося здѣсь формуляра въ моемъ распоряженіи не имѣется. Въ сборникѣ по названному уѣзду, въ поселенныхъ таблицахъ, всѣ промышленники разбиты на пять группъ: а, рабочіе, съ подраздѣленіемъ на 1. сельско-хозяйственныхъ и 2. промышленныхъ, б, кустари, ремесленники торговцы-одиночки, в, промышленники и торговцы-предприниматели (съ поясненіемъ въ скобкахъ: пользующіеся наемнымъ трудомъ); г, служба, государственная, общественная и частная, и свободныя профессіи, „въ томъ числѣ профессіональные нищіе“ (??), д. „промышленники, соціально-экономическое положеніе которыхъ не опредѣлено“,—въ діаметральную противоположность Вятскому изслѣдованію, въ основу классификаціи рабочихъ положенъ исключительно с о ц і а л ь н ы й признакъ и совершенно игнорируется производственный; да и соціальный проведенъ, очевидно, не въ достаточной мѣрѣ—фабрично-заводскіе рабочіе не выдѣлены отъ рабочихъ въ кустарномъ промыслѣ, въ лѣсопромышленности, въ сплавѣ и т. п., не говоря уже о томъ, что вся мѣстная добывающая промышленность подведена, подвидимому, подъ одну рубрику съ ремесленною и кустарною. Затѣмъ, для каждой изъ перечисленныхъ категорій даются такія свѣдѣнія число мѣстныхъ и отхожихъ промышленниковъ, число лицъ въ рабочемъ и въ нерабочемъ возрастѣ, затѣмъ—число лицъ, отрывающихся отъ своего земледѣльческаго хозяйства,—все это съ расчлененіемъ по полу, для „предпринимателей“ же дается, сверхъ того, число рабочихъ, отдѣльно „своихъ“ (членовъ семьи) и наемныхъ. Такова—повторяю—схема разработки въ п о с е л е н н ы х ъ, а также въ г р у п п о в ы х ъ таблицахъ по Грязовецкому у.. В ъ к о м б и н а ц і о н н ы х ъ таблицахъ разработка проведена по тѣмъ же пяти категоріямъ промышленниковъ, но съ несравненно большею детальностью: вопросу о промыслахъ отведено 580 графъ! Прослѣживать эту разработку сколько нибудь подробно нѣтъ, конечно, ни возможности, ни смысла. Суть дѣла сводится къ тому, что для каждой категоріи дается, прежде всего, повозрастная группировка, грамотность, затѣмъ—виды промысловъ (расчлененіе по этому признаку далеко недостаточное—напр. для сельско-хозяй-

ственныхъ рабочихъ выдѣлены только категоріи рабочихъ: полевыхъ—при скотѣ—прочихъ"), далѣе—мѣсто, время и продолжительность, отрываніе отъ своего хозяйства, форма вознагражденія, для самостоятельныхъ промышленниковъ, сверхъ того, характеръ сбыта, помѣщенія, инвентаря и способъ пріобрѣтенія матеріала—значитъ данныя для выдѣленія самостоятельныхъ и несамостоятельныхъ промышленниковъ. Для характеристики постановки изслѣдованія промысловъ въ позднѣе описанныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи у меня имѣется подъ руками формуляръ по Великоустюгскому уѣзду. Постановка вопроса о промыслахъ здѣсь такая же „индивидуальная", какъ во Владимірскихъ формулярахъ, но графъ значительно больше, а именно. названіе промысла или занятія, ремесло (мнѣ неясно, почему выдѣлено особо), положеніе лица въ промыслѣ; гдѣ производится—дома, своя деревня, своя волость, городъ, уѣздъ, сколько мѣсяцевъ, въ какое время года, отрывается отъ земледѣлія, заработокъ. Въ выносныхъ графахъ дается расчлененіе промышленниковъ по возрасту (4 группы), по грамотности, затѣмъ, число лицъ, занятыхъ круглый годъ и „отрывающихся", съ подраздѣленіемъ на рабочихъ и полурабочихъ; затѣмъ идутъ рубрики „занятія дома" и „занятія внѣ дома"—въ каждой изъ нихъ дается число лицъ и число мѣсяцевъ; затѣмъ—большая рубрика „мѣсто производства промысла" и въ ней, прежде всего, общее число мѣстныхъ и отхожихъ съ подраздѣленіемъ (какъ и во всѣхъ предыдущихъ рубрикахъ) по полу, а затѣмъ, уже безъ такого подраздѣленія, число промышленниковъ мѣстныхъ—работающихъ въ своей деревнѣ, своемъ городѣ, своемъ уѣздѣ, и отхожихъ—работающихъ въ своей губерніи (съ показаніемъ города или уѣзда), въ Петроградѣ, Москвѣ, въ другихъ городахъ и другихъ уѣздахъ, неизвѣстно гдѣ. Детально описываются и „торгово-промышленныя предпріятія" для каждаго дается названіе, спеціальныя зданія, перечень семейныхъ и число наемныхъ рабочихъ, оборотъ и прибыль. Однако, разработка данныхъ о промыслахъ по позднѣе изслѣдованнымъ уѣздамъ (повидимому въ связи съ переходомъ завѣдыванія работами въ другія руки) значительно сокращена. Такъ, въ поселенныхъ таблицахъ по Тотемскому уѣзду мы находимъ лишь такія рубрики: всѣ промыслы—мѣстные—отхожіе—занято круглый годъ—отрывается отъ земледѣлія, и по каждой рубрикѣ дается число хозяйствъ и душъ того и другого пола; затѣмъ—для всѣхъ вообще промышленниковъ дается возрастный составъ, по пяти возрастнымъ группамъ. Имѣется. въ дополненіе къ поселеннымъ, особая таблица—„свѣдѣнія о профессіональномъ составѣ промышленниковъ по отраслямъ производства". Она содержитъ лишь поволостныя данныя, съ подраздѣленіемъ на мѣстныхъ и отхожихъ; въ ней дается число промышленниковъ съ такимъ подраздѣленіемъ: А добывающая промышленность, съ 17 категоріями; Б. обрабатывающая, а именно 1. обработка дерева, а. фабрично-заводская, и б. ремесленно-кустарная—послѣдняя по 10 отдѣльнымъ категоріямъ; 2. обработка волокнистыхъ веществъ,—а. фабрично-заводская и б. кустарно-ремесленная по 10 отдѣльнымъ видамъ, и т. д.. Въ прямую противоположность грязовецкому сборнику, въ тотемскомъ, такимъ образомъ, оставлено почти совершенно безъ вниманія соціальное расчлененіе промышленниковъ, а въ дополнительной таблицѣ выдвинутъ на первый планъ чисто производственный признакъ.

Въ видѣ примѣровъ трактовки вопроса о промыслахъ при новѣйшихъ земскихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ приведу Смоленскія, Тверскія, Харьковскія, Пензенскія, Тульскія, Симбирскія и 3-ю Полтавскую подворную перепись. Во всѣхъ этихъ формулярахъ, кромѣ Пензенскихъ, о которыхъ рѣчь ниже, мы встрѣчаемъ уже знакомую намъ индивидуальную разработку вопроса о промыслахъ—относящіяся сюда графы являются составною частью характеристики каждаго отдѣльнаго члена двора, но въ содержаніи этихъ

графъ, въ особенности же выносныхъ клѣтокъ, болѣе или менѣе каждый формуляръ представляетъ тѣ или другія особенности. Такъ, въ Смоленскихъ поставлены такіе вопросы: названіе промысла (производство, специальность), предприниматель, наемный рабочій, самостоятельно. Гдѣ: въ описываемомъ уѣздѣ—городъ, селеніе, экономія, волость; внѣ описываемаго уѣзда: губернія, уѣздъ,-городъ. Въ какое время года, сколько времени въ году, отрывается совсѣмъ, частью, не отрывается,—затѣмъ, для характеристики кустарныхъ и ремесленныхъ промысловъ имѣются еще особые вопросы—о матеріалѣ и сбытѣ продукта. Въ выносныхъ графахъ, однако, использована лишь ничтожная часть перечисленныхъ признаковъ. именно, только мѣстный и отхожій характеръ промысла и степень „отрыванія“ отъ земледѣлія. Очень сходно поставлены вопросы о промыслахъ, напримѣръ, въ Черниговскихъ или Тверскихъ формулярахъ,—съ однимъ только существеннымъ дополненіемъ: въ тѣхъ и другихъ требуется указать, „отъ какихъ с.-х. работъ отрывался“, „въ какихъ полевыхъ работахъ не участвуетъ лицо, занимающееся промысломъ“. Въ Харьковскихъ формулярахъ относительно промысловъ ставятся такіе вопросы: „какой—гдѣ—положеніе въ промыслѣ—время, когда занимается промысломъ; вопросовъ объ „отрываніи“ нѣтъ, за то имѣются графы: чей матеріалъ—куда сбываетъ издѣлія, и т. д.. Сходнымъ, въ общемъ, образомъ поставленъ вопросъ о промыслахъ и въ формулярахъ, примѣнявшихся при изслѣдованіи Пензенской губерніи; но въ дополненіи къ ставшимъ обычными вопросамъ добавлены еще вопросы о заработкѣ: валовой заработокъ—на своихъ, на хозяйскихъ харчахъ—путевые расходы и—„подаетъ въ домъ“, т.-е. сумма чистаго заработка, достающагося хозяйству. Сходно по существу, но совершенно иначе по формѣ, поставленъ вопросъ о промыслахъ въ другомъ, Пензенскомъ же формулярѣ—„к р а т к о м ъ похозяйственномъ описаніи“ (первая выборка). здѣсь для к а ж д а г о п р о м ы ш л е н н и к и заполняется особый отрѣзной купонъ, съ такими рубриками: возвраетъ, грамотность, названіе промысла, отрасль производства, положеніе въ промыслѣ, чей матеріалъ, кому сбываетъ, когда, гдѣ,—и съ клѣтками для отмѣтки характерныхъ признаковъ д в о р а, къ которому принадлежитъ промышленникъ, выраженныхъ размѣточными знаками (посѣвъ, родъ, размѣръ землевладѣнія, скотъ, промысловость). Отрѣзанные отъ похозяйственнаго формуляра, эти купоны обращаются въ личные промысловые листки, по которымъ возможна разработка индивидуальныхъ данныхъ, характеризующихъ промышленниковъ, въ связи съ групповыми признаками дворовъ, къ которымъ они принадлежатъ.

Однако, разработка результатовъ большинства тѣхъ изслѣдованій, о которыхъ только что шла рѣчь, еще не доведена до конца, и лишь по нѣкоторымъ изъ перечисленныхъ губерній мы имѣемъ на лицо опубликованные результаты работъ. По Пензенской губерніи нашедшая себѣ мѣсто въ краткихъ поселенныхъ таблицахъ разработка данныхъ о промыслахъ имѣетъ, пока, только предварительный характеръ: по каждому селенію дается, именно, по четыре пары графъ, для четырехъ преобладающихъ промысловъ, причемъ для каждаго изъ нихъ дается число лицъ и названіе промысла, а затѣмъ—сборная графа „разные“, гдѣ дается уже только число лицъ, безъ какого либо подраздѣленія. Примѣры отмѣтокъ: „нищихъ—44, торговцевъ—6, шахтеровъ—3“; „сельскохозяйств. рабочихъ—41, пастуховъ 3, плотниковъ—3“; „торговцевъ—44; нищихъ—33, чернорабочихъ—7, приказчиковъ—5“. Детальная разработка данныхъ о промыслахъ и промышленникахъ будетъ сдѣлана лишь по выборочно-собранному матеріалу. Въ очень сжатомъ видѣ данныя о промыслахъ разработаны и въ поселенныхъ таблицахъ по Симбирской губерніи,—здѣсь дается лишь общее число промышленниковъ и названія преобладающихъ промысловъ,—мы видимъ, значитъ, какъ бы возвращеніе къ тому типу разработки данныхъ о промыслахъ, которые примѣненъ былъ въ одномъ изъ старѣйшихъ сборни-

ковъ—Тверскомъ. Весь остальной, весьма обильный, матеріалъ о промыслахъ будетъ, надо думать, разработанъ въ видѣ особыхъ сборниковъ по статистикѣ промысловъ.

Нѣсколько болѣе детальную разработку, притомъ очень своеобразнаго типа, мы находимъ въ вышедшихъ до сихъ поръ выпускахъ поселенныхъ таблицъ по Тульской губерніи. Вотъ перечень имѣющихся здѣсь рубрикъ: число хозяйствъ съ промышленниками, въ томъ числѣ съ наемными рабочими, въ земледѣліи, въ промышленности и транспортѣ, съ самостоятельными промышленниками и кустарями, съ лицами свободныхъ профессій и служащими, съ предпринимателями, съ лицами неизвѣстныхъ профессій, число лицъ обоего пола съ тѣми же подраздѣленіями, и общее число лицъ, отдѣльно мужчинъ, женщинъ и полурабочихъ; число мѣстныхъ и отхожихъ промышленниковъ, съ подраздѣленіемъ по полу, число лицъ въ рабочемъ возрастѣ, отрывающихся отъ земледѣлія совсѣмъ—частью, тоже съ подраздѣленіемъ по полу, мѣсто промысла—свое селеніе, своя волость, свой уѣздъ, своя губернія, Москва, прочіе города и мѣстности; число лицъ (безъ подраздѣленія по полу), занимающихся промысломъ круглый годъ—въ періодъ полевыхъ работъ внѣ періода полевыхъ работъ; число лицъ занятыхъ въ промышленности добывающей—обрабатывающей, въ транспортѣ, въ торговлѣ, государственною и общественною службой, чернорабочихъ и поденщиковъ, прочихъ и неизвѣстныхъ профессій, наконецъ, число лицъ, живущихъ съ промышленниками на сторонѣ, съ подраздѣленіемъ по полу. Матеріалъ расчлененъ здѣсь, такимъ образомъ по всѣмъ признакамъ, интереснымъ для характеристики промысловой дѣятельности населенія и самой по себѣ, и въ ея отношеніи къ земледѣлію, но, съ одной стороны, расчлененіе трудно признать достаточнымъ (категорія «рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ» охватываетъ, повидимому, и батраковъ, и случайный поденный и т. п. наемъ; рабочіе въ промышленности не только не расчленены хотя бы по важнѣйшимъ производственнымъ категоріямъ, но слиты съ рабочими въ транспортѣ, и т. д.), а съ другой,—всѣ признаки проведены въ «простой» разработкѣ, безъ какой бы то ни было комбинаціи между собой, хотя бы для важнѣйшихъ признаковъ.

Совершенно своеобразна разработка вопроса о промыслахъ въ 3-ей Полтавской переписи. Въ формулярахъ, прежде всего, ставятся такіе индивидуальные вопросы: «во время переписи былъ: въ дальнихъ заработкахъ, въ годовомъ наймѣ, въ сроковомъ наймѣ», затѣмъ—тождественные вопросы для зимняго времени, потомъ вопросы «занятіе, ремесло или промыселъ»,—продолжительность въ теченіе года. Независимо отъ этого, общій для всего двора вопросъ: «главный источникъ существованія семьи: хлѣбопашество, мастерство, торговля, служба, извозъ, услуженіе», и еще частный вопросъ чисто техническаго свойства, очевидно подсказанный чисто мѣстными запросами земства: «есть ли ткацкій станокъ—простой или самолетъ». Въ поселенныхъ таблицахъ дается, съ одной стороны, счетъ числа хозяйствъ, имѣющихъ «главнымъ источникомъ существованія» хлѣбопашество, другія сельскохозяйственныя занятія вмѣстѣ съ неземледѣльческими; а затѣмъ—рубрика «отпускъ членовъ семьи», всего отпускающихъ хозяйствъ, въ томъ числѣ отдѣльно въ годовые, сроковые, зимніе рабочіе,—по каждой изъ этихъ категорій число хозяйствъ, лицъ въ дальнихъ заработкахъ, въ сроку, мужчинъ и женщинъ. Такимъ образомъ здѣсь дается лишь въ самыхъ грубыхъ чертахъ распредѣленіе населенія между сельскимъ хозяйствомъ и другими занятіями и учетъ наиболѣе характерныхъ видовъ земледѣльческихъ промысловъ. Детальная разработка данныхъ о промыслахъ дана, по каждому уѣзду, въ особомъ приложеніи—«профессіональныя занятія населенія». Оно состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: А. Занятія домохозяевъ и членовъ ихъ семьи—простой перечетъ

лицъ, съ подраздѣленіемъ на 27 категорій и 228 видовъ занятій, притомъ отдѣльно а. въ селеніи, б. въ городѣ. Б. Таблица, характеризующая положеніе кустарей и ремесленниковъ по 27 главнымъ категоріямъ (въ числѣ ихъ имѣются категоріи «зажонщиковъ», поденщиковъ»): промышленники каждой категоріи разбиты по посѣвнымъ группамъ, въ верхнихъ же заголовкахъ таблицы дается расчлененіе промышленниковъ по грамотности, полу и четыремъ возрастнымъ группамъ, по продолжительности занятія, найму и отпуску рабочихъ, обезпеченности собственною землею, обезпеченности скотомъ,—для характеристики промысловъ, какъ таковыхъ, дается, такимъ образомъ, очень немного, но за то дается матеріалъ для установленія связи каждаго изъ типовъ промысловъ съ важнѣйшими изъ остальныхъ уловленныхъ подворною переписью, въ частности земельно-хозяйственныхъ признаковъ.

Изъ приведеннаго обзора, при всей его неполнотѣ, читатель конечно видитъ, что задача дать въ таблицахъ сколько нибудь полную цифровую характеристику промысловой дѣятельности населенія до сихъ остается неразрѣшенною: какіе бы ни взять сборники,—вездѣ либо одни признаки разрабатывались въ ущербъ другимъ, либо комбинаціи признаковъ разростались въ ущербъ полнотѣ ихъ, либо, наоборотъ, полнота въ ущербъ даже необходимѣйшимъ комбинаціямъ. И нельзя скрыть отъ себя, что задача эта, въ виду разнообразія сторонъ, характеризующихъ промыслы какъ сами по себѣ, такъ и въ ихъ отношеніи къ крестьянскому земледѣльческому хозяйству, и сложности взаимоотношеній между этими признаками, неимовѣрно трудна. Нужно найти какую то среднюю линію: взять всѣ необходимыя признаки и всѣ необходимыя комбинаціи—и не впасть въ излишество. Пока эта средняя линія не найдена.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе V
Введеніе VIII
Глава I. Населеніе. 1
Глава II. Землевладѣніе. Надѣльныя и купчія земли 27
Глава III. Землепользованіе. Аренда и сдача земли 83
Глава IV. Крестьянскій капиталъ (постройки, инвентарь, скотъ). 127
Глава V. Земледѣліе 183
Глава VI. Наемный трудъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Промыслы. 286
Приложеніе. Образцы статистическихъ формуляровъ.

Приложеніе № 1.

Перепись С.-Петербурга 1900 г.

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Для каждаго лица, всякаго возраста, долженъ быть составленъ особый листокъ.

Прежде чѣмъ писать отвѣты, прочтите внимательно пп. 31—51 „Наставленія".

№ листка.....

Часть..... участокъ.....

улица..... № дома.....

№ квартиры.....

ВОПРОСЫ.	ОТВѢТЫ.
1. Имя и фамилія?	
2. Полъ: мужской, женскій?	
3. Возрастъ: а) сколько лѣтъ отъ роду? б) или когда родился?	а) .....лѣтъ.....мѣсяцевъ. б) Въ 1.....г., въ .....мѣсяцѣ,
4. Родились въ Петербургѣ или нѣтъ?	
5. Съ какого года поселились въ Петербургѣ?	1 .....года.
6. Какъ приходитесь хозяину квартиры: отецъ, мать, жена, сынъ, дочь, братъ, сестра или какъ иначе?	
7. Если живете не по родству, то какъ жилецъ, прислуга, въ работникахъ у хозяина, въ ученіи или какъ иначе?	
8. Семейное состояніе: холостъ (дѣвица), женатъ (замужемъ), вдовъ (—а), разведенный (—ая)?	
9. а) Если русскій подданный,—какое ваше сословіе или званіе? б) Если иностранный подданный,—какого государства?	а) ..... б) .....
10. Мѣсто приписки (для крестьянъ и мѣщанъ).	Губернія ..... уѣздъ.....городъ .....
11. Какого вѣроисповѣданія? (вѣры?)	
12. Какой языкъ считаете роднымъ?	
13. Читаете и пишете по-русски, или только читаете? Если не умѣете по-русски, то на какомъ другомъ языкѣ?	
14. а) Въ какомъ учебномъ заведеніи окончили курсъ? б) Гдѣ учитесь для учащихся)?	а) ..... б) .....
15. Слѣпой на оба глаза или глухонѣмой? отъ рожденія или нѣтъ?	

		Главное занятіе, главный источникъ средствъ.	Другія занятія, дающія заработокъ.
Прочтите пп. 48—49 „Наставленія“!	**16.** Занятія или другіе источники средствъ къ жизни:		
	а) Какимъ промысломъ, ремесломъ или какою торговлею занимаетесь?	а)	а)
	б) Какую должность на службѣ государственной или общественной занимаете?	б)	б)
	в) Имѣете другое какое занятіе?	в)	в)
	г) Живете не на доходъ отъ занятія, а имѣете иныя средства (какія)?	г)	
	д) Или живете на средства родителей или родственниковъ?	д)	
Прочтите п. 50 „Наставленія“!	**17.** а) Если имѣете занятіе, обозначенное въ п. 16а, то хозяинъ вы? завѣдуете торговымъ или промышленнымъ заведеніемъ или предпріятіемъ (управляющій, директоръ, довѣренный)? работаете у себя на-дому на хозяина? служащій? работникъ? подмастерье? ученикъ (назовите точно вашу должность)? Помогаете въ работѣ главѣ семьи?	а)	а)
	б) Имѣете ли наемныхъ рабочихъ? Или работаете при помощи членовъ вашей семьи?	б)	
	в) Если вы служащій или рабочій, то имѣете ли теперь мѣсто? Если не имѣете, то съ какого времени?	в)	
Прочтите п. 51 „Наставленія“!	**18.** Если вы крестьянинъ, то:		
	а) Имѣете ли вы земельный надѣлъ или собственную землю?	а)	
	б) Какимъ образомъ пользуетесь землею?	б)	
	в) Въ нынѣшнемъ (1900) году были ли въ деревнѣ на полевыхъ работахъ? (какихъ)?	в)	

Подпись писавшаго листокъ

ВАЛУЙСКІЙ уѣздъ

№ волости, № селенія. № общины.

Хозяинъ

10 лѣтъ назадъ хозяйство было

Почему?

Почему?

Почему?

Побирается

Название промысловъ.

Сколько руб. за сезонныя раб.

Названіе промысловъ.

Населеніе мужскаго пола.

Населеніе женскаго пола.

Возрасты

Скотоводство.

Лошадей.

Рогатаго скота

Инвентарь.

Душевой надѣлъ.

Занятія изъ подат. тетради.

Наймитъ.

Десятинъ за деньги. | Десят. за отраб | Десятинъ изъ части. | Десятинъ. | Срокъ. | На сумму въ годъ | Десятинъ за деньги. | Десят. изъ части | Десятинъ. | Десятинъ душевыя. | Срокъ. | На сумму въ срокъ.

У кого арендуется частновладѣльческая земля: ежегодно | Долгосрочно. | Гдѣ арендуется надѣльная земля: ежегодно. | Долгосрочно.

Отработано. | Верховъ | Угодій. | Пахат. | Сѣнок. | Лѣсн. | Итого. | Торгово-промышлен. заведенія.

Десятинъ. | Денежами. | Нарѣзка. колодъ. | Выпускъ малолѣс. | Конными. | Пѣшими работами.

Купчая земля. (Спрашивать не во время переписи).

Сѣ находится купчая земля. | Какъ пріобретена. | У кого взята. | Когда. | За сколько куплена. | Десятинъ: Угод. | Пахат. | Сѣнок. | Лѣсн. | Всего. | Плата за рубежъ. | Обработ. Съ кѣмъ. | Найм. | дни въ арен. Десят. | Сумма. | Срокъ. | Сады | Роща | Пчелы

Стоим. врем. | Доходность. | Случайныхъ статск. | Пенсія. | Жал. за общ. сл. | Страх. за стр. | Страх. имущ. | Отъ дв. земель. | Сдача квартиръ. | Итого.

Торговопр. предпріятій. | Перевозъ чрезъ рѣки. | Аренды жельз. | Содерж. почты. | Свѣдѣн. деньгами. | Вычетъ имѣнія. | Подряды. | Итого.

Не дали. прибыли. | Прибыли. | Премія. | Рязн. акцизъ. | Пересс. акциз. | Сгорѣло. | Продажи.

Въ послѣднюю графу вздержекъ заносить. | Въ послѣдн. графу доходовъ заносить.

керосинъ, бѣлила, стекла, кисти, обои. | бочки, ведушки, корыта, ночвы, ноты, чугуны. | горшки, чашки, сито, ушаты, вѣдра, лопаты. | бочки, ведра, кадки, желѣзо, полосн. газов. | топоры, пилы, долота, др. инструменты. | кирпичъ для обожж. яблока, грушъ др. плод. | буланы, кирпичи привезенные, орѣхи и проч. | куръ, гусей, утокъ, яичныхъ пухъ, перья, яйца, масло. | овощи, ягоды, коми. овчины, коровы, сумки, полотна, пеньку. | шерсть, арбузы, отруби, капусту, рязану, свеклу и пр.

Мерзлота: Сколько возм. руб. | Въ томъ чис на землю. | Хлѣб. и сѣм. | Не взяли дом. въ годъ

Сколько рублей въ теченіе года издержано на покупки | Сколько рублей выручилъ отъ продажи.

Хлѣба: Крупчатки. | Мягкаго хлѣба. | На мясо, сало, масло, яйца, молоко, творогъ, сливки. | Домашней посолки, изъ своего скота. | На корма. | На дрова и уборку построекъ. | На керосинъ, свѣчи, спички. | На одежду и обувь. | На сѣно, не изъ своихъ покупали. | Итого | Хлѣбъ, мука, крупа, макароны, сѣмена. | Ржи. | Пшеницы. | Муки. | Овса. | Проса. | Гречки. | Ячменя. | Полбы. | Дурр. хлѣб. | Отъ сдачи земли. | Коровъ, дрожъ, лѣс. и постр. | Птицы, его рожки, пер. и пухъ. | Итого.

Овесъ въ рубашкѣ. | Рожь. | Овесъ. | Ячм. | Пшен. | Греч. | Просо. | Кол. | Зер. | Кол. | Зер. | Кол. | Зер. | Кол. | Зер. | Кол. | Зер.

УѢЗДЪ ВЕЛИКО-УСТЮГСКІЙ.

волость

селеніе

№ рбщ. разрядъ

домохъ №

когда выдѣлился

если безъ земли, то почему

отсутствующій, когда выселился и куда

посторонній, званіе и откуда

когда поселился

съ какой цѣлью, на чьей землѣ, условія:

М у ж ч и н ъ. — **Ж е н щ и н ъ.**

Изъ того числа: до 1 г. | 1—6 л. | 7—13 » | 14—15 » | 14—17 » | 16—40 » | 18—40 » | 41—55 » | 41—60 » | 56 и бол. | 66 и бол. | ИТОГО. | рабочихъ | полурабочихъ | Безспособн. | Безв. отлуч. | Солдат. | Работоспособ.

Грамотность. Мужч. и жен. работоспособ. | Грамот. | Полугр. | Учащ. | Мужчинъ. | Женщинъ.

Наемъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Сроковыхъ: мщ мѣс. Мужчинъ | лицъ мѣс. Женщинъ | лицъ мѣс. Подростк. Сдѣльныхъ рублей.

Наемъ поденныхъ рабочихъ. Конныхъ: М. Ж. Подр. | Пѣшихъ: М. Ж. Подр.

№ члена семьи	Отношеніе къ главѣ семьи.	Возрастъ.	Семейное положеніе.	Грам., „муграм., учащ.	Солдаты и неспособные.	Названіе занятія или промысла.	Ремесло.	Положеніе лица въ промыслѣ.	Гдѣ производится: дома, св. деревня, своя волость, городъ, уѣздъ.	Сколько мѣсяцевъ.	Въ какое время года.	Отрываются отъ земледѣл.	Заработокъ.

Наемъ срочныхъ рабочихъ.

РОДЪ работъ.	Полъ.	Возрастъ.	Срокъ.	Время года.	Плата.	Чье содержаніе.

Сдѣльныя работы.

Родъ работъ.	Количество работъ.	Плата. Деньг.	Натур.

Наемъ поденныхъ рабочихъ.

РОДЪ работъ.	Конныхъ. Муж.	Конныхъ. Жен.	Конныхъ. Подр.	Пѣшихъ. Муж.	Пѣшихъ. Жен.	Пѣшихъ. Подр.
Весен. пашня						
Сѣвъ яровыхъ						
Навозница.						
Косьба сѣна.						
Осен. пашня.						
Жнитво.						
Косьба яров.						
Сноповозъ						
Молотьба						
Уборка карт.						
Зимнія работы						

Торгово-промышленное предпріятіе.

Названіе.	Спеціальность занятія.	Кто изъ сво. семьи №: М.	Кто изъ сво. семьи №: Ж.	Наемные рабочіе. М.	Наемные рабочіе. Ж.	Оборотъ.	Прибыль.

Предпріятія съ наемн. рабоч.: Занято лицъ своей семьи: На мѣстѣ. М. | На мѣстѣ. Ж. | Въ отходѣ. М. | Въ отходѣ. Ж. — Наемныхъ рабочихъ. М. | Наемныхъ рабочихъ. Ж. — Число предпріятій.

Число промышленниковъ.

Мужчины. до 13 л.	14—17	18—60	61 и бол.	ИТОГО.	Женщины. до 13 л.	14—15	16—55	56 и бол.	ИТОГО	Всего промышл.

Грамотность.

Мужчинъ. Грамот.	Полугр.	Учащ.	Женщинъ. Грамот.	Полугр.	Учащ.

Заняты кругл. годъ.

Мужчинъ. Рабоч.	Полур.	Женщинъ. Рабоч.	Полур.

Отрываются.

Мужчинъ. Рабоч.	Полур.	Женщинъ. Рабоч.	Полур.

Занятія дома.

Мужчинъ. Лицъ.	Мѣс.	Женщинъ. Лицъ.	Мѣс.

Занятія внѣ дома

Мужчинъ. Лицъ.	Мѣс.	Женщинъ. Лицъ.	Мѣс.

Мѣсто производства промысла.

ИТОГО. Мѣстныхъ. М.	Мѣстныхъ. Ж.	Отхожихъ. М.	Отхожихъ. Ж.	Мѣстныхъ: Своя деревня	Своей городск.	Своей увзд.	Отхожіе: Своя губер. Гор.	Уѣзд.	С.-Петерб.	Москва	Города.	Уѣзды.	Неизвѣстно.

Постройки.

Душевыхъ надѣлъ.

Избы: 1 этажн. | 2 этажн. | Въ т. ч. съ повѣтью | Овины | Крыт. гумна | Холодныя постройки. | Бани.

Инвентарь.

Пахотный: Косули. | Сохи. | Плуги.

Бороны: Деревян. | Желѣзн.

Скатовъ колесъ. | 2-хъ колес. | 4-хъ колес. | Телѣги | Дровни | Сани.

Землевладѣніе.

Надѣльной: Пашни: Душев. | Подвор. | Покоса: Душев. | Подвор. | Всей удоб.

Купчей и подворно наслѣдствен.: Пашни | Покоса | Удобн. | Всей удобной

Сдача въ аренду.

Душевой: Въ св. общ.: Пашня | Покосы. | Въ чуж. об.: Пашня | Покоса.

Внѣдушевой: Пашня | Покоса.

Запускъ пашни.

Душевой | Внѣдушев.

Аренда земли.

Душевой: Въ св. общ.: Пашня | Покосы. | Въ чуж. об.: Пашня | Покоса.

Внѣдушевой: Пашня | Покоса.

Частн. вл. казен. и др.: Пашня | Покоса.

Сдача въ аренду душевой земли.

КОМУ СДАНО (какой деревни, фамилія домохозяина, его №) Названіе сданнаго участка.	Сдано надѣла	Пашни пудовъ десят: Озим.	Яров.	Пара	Покоса: Десятинъ.	Пуд. сѣна	Какой покосъ	Срокъ.	Годовая плата и др. условія.

Сдача въ аренду внѣдушевой земли.

Скотоводство.

Лошадей: Рабочихъ. | Старше 1 года: Не рабоч. | До 1 года.

Рогатаго скота: Коровъ. | Быковъ | Старше 1 года: Молодняка | До 1 года.

Овецъ. | Свиней.

Удобреніе въ телѣгахъ.

Навозомъ навоза | Куплено

Вывезено: На усадьбу: Озим. | Яров. | Надушев.: Озим. | Яров. | На внѣд.: Озим. | Яров.

Продано. | Всѣ изъ пудовъ

АРЕНДА ЗЕМЛИ.

У КОГО АРЕНДОВАНО фамилія владѣльца, № домох.; число заарен. душъ, названіе участка.	Категорія заарен земли	Пашни пудовъ десят: Озимой: Ржи.	Ячм.	Яровой: Ячм.	Овса	Льна.	Пара.	Покоса: Десятинъ.	Пудовъ.	Какой покосъ.	Проч удоб: Десятинъ	Какіе угодія.	Срокъ.	Годовая плата и др. условія

Посѣяно пуд. въ трехпольномъ сѣвооборотѣ.

	Въ озимомъ полѣ: Рожь	Ячмень	Пшеница.	Въ яровомъ полѣ: Овесъ.	Ячмень.	Пшеница.	Горохъ	Ленъ	Картоф.	Въ пару: Паръ
Купч.										
Аренд.										
Внѣд.										
Душ.										
ИТОГО										

Внѣ сѣвооборота.

Посѣяно пудовъ: Рожь | Овесъ | Ячмень | Пшеница. | Горохъ | Ленъ | Картофель: Поле | Усад. | Паръ.

ИТОГО: Внѣ сѣвооб. | Всего.

Названіе участка или №№ по общ описанію

Сборъ сѣна: Душ | Внѣд | Купч | Аренд.

Запуск. пашни

Душ | Внѣд.

Озим. Яров. | Паръ

Какіе продукты.

Покупка.: Пуд. | Руб.

Продажа.: Пуд. | Руб.

Рожь

Овесъ

Сѣно.

Льняное волокно.

Льняное сѣмя

Молоко

Обработка пашни

Своимъ скотомъ и инвентаремъ | Частъ наемными | Всю наемными

Но хватитъ своего хлѣба на сколько мѣсяцевъ.

Сборъ сѣна въ пудахъ.